Михаил ЛОБАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СТАЛИН

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ И ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ

Сталин создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить.

СТАЛИН
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ И ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР
Михаил ЛОБАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил ЛОБАНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СТАЛИН

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ И ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ

МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2008

УДК 82-94 ББК
66.3(2Рос)8 Л 68

Оформление *А. Новикова*

Лобанов М. П.
Л 68 Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи / Михаил Лобанов. — М.: Алгоритм, 2008. — 672 с. — (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-9265-0558-7

В этой книге впервые делается попытка объективно полно представить образ И. В. Сталина и определить его место в истории XX века.

Политический деятель и полководец, жестокий и нередко беспощадный к своим врагам, всемогущий правитель огромной страны, достигшей при нем невиданной экономической силы, таким встает Сталин со страниц этой уникальной книги воспоминаний видных писателей, ученых, дипломатов, политиков и маршалов.

УДК 82-94 ББК
66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-9265-0558-7

©
Лобанов М. П., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга»

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Видимо, у каждого из нас, современников сталинской эпохи, навсегда осталось в сознании, а может быть, даже в подсознании то, что на философском языке называется экзистенциальным опытом, той глубоко пережитой существенностью, которая составляет сокровенное личное бытие человека. Незабываемо для меня одно переживание, когда я учился в пятом классе сельской школы на Рязанщине: была у меня школьная тетрадь с портретом, кажется, Рыкова; испытывая непонятный мне самому страх, боясь, что за этот портрет меня могут куда-то забрать, я не знал, как мне от него отделаться, и в конце концов, разорвав на клочки, выбросил тетрадь во дворе в уборную. Было это в 1938 году, в год, как известно, судебного процесса над «правыми». И, видно, что-то тревожное было в атмосфере тогдашней жизни, если даже меня, подростка, коснулся страх.

И другие незабываемые переживания, когда уже после войны, будучи студентом Московского университета, выходя из университетской библиотеки на Моховую и глядя на зубчатые стены Кремля, особенно в зимние метельные вечера, я думал о таинственном Сталине, живущем, работающем за этими стенами, и чувствовал, что нахожусь в самом центре мира, куда сходятся токи истории.

В сущности, после затяжных сомнений решился я на это слово не для того, чтобы спуститься в бездны того зла, которые разверзаются при имени Сталина (как и других демонов революции). Многое, что ранее было скрыто из прошлого, ныне известно. Но появившись на поверхности, это прежде скрытое, новой злой волей нагнетаемое до высшей температуры ненависти, деформированное закрывает собою все то великое (равное по дра

матической напряженности высшим точкам мировой истории), чем жили, за что боролись целые поколения людей. Под видом антисталинизма выжигается вся семидесятилетняя история нашего государства. Именно после беспримерной по интенсивности кампании против «сталинщины», захлестнувшей в течение двух-трех лет (1989—1991) прессу, телевидение, радио, перестала существовать величайшая в мире держава — Советский Союз.

И вот уже, как у побежденных, у нас хотят отнять все наше славное прошлое и саму нашу Победу.

История нашего государства в XX веке неотделима от имени Сталина, в его личности преломились все страшные противоречия нашей эпохи, о которых еще много будут говорить историки, но более далекие от нынешних политических страстей. Сталин — «тема» необъятная, которая вообще вряд ли когда будет исчерпана, как явление вневременное. Эта книга — не научное исследование, даже не биография политического деятеля. Это опыт психологического познания «сталинской эпохи» через свободный выбор каких-то, иногда, может быть, случайных биографических фактов политика, исторических событий, раздумий «по поводу». Ведь в итоге из «частного» и складывается «общее».

Около двадцати лет назад (точнее — в 1977 году) мне довелось побывать в городе Гори. Целую неделю до этого провел я в Тбилиси, в его окрестностях, бродил по улицам, заглядывал в знаменитые тбилисские дворики, осматривал музеи, картинные галереи с модным тогда Пиросмани, был на богослужении в кафедральном соборе Сион, встречался с гостеприимными грузинами (обо всем этом я написал потом в «Грузинских страницах», опубликованных в том *же* 1977 году в журнале «Молодая гвардия»). Беседуя как-то во дворе древнего монастыря с новым своим знакомым, возившим меня по достопримечательным местам, я услышал от него историю о том, как был репрессирован его дед-священник, и слушая этот, даже и тогда осторожный, рассказ, я думал: все мы, и русские, и грузины, и все другие повязаны одной судьбой — братья по несчастью, по тем же репрессиям.

Собрался было я уже уезжать через день, и здесь меня остановило: а в Гори-то я и не был. Тогда мне казалось, что о Гори мало кто и вспоминает, после всего того, что последовало после смерти Сталина, после прокатившегося по стране «разоблачения культа личности». Первое, что я увидел в Гори, идя по площади, — это памятник Сталину, представилось мне — единственный в стране (так, возможно, и было). Сталин стоял, откры

тый, не защищенный никакими властями, и в этом было что-то почти ирреальное.

От памятника пошел я к дому, где родился Сталин, и в павильоне, под высокой, кажется, стеклянной крышей, не сразу понял, что это и есть то, что сохраняется историей. Здесь я прерву свою мысль и передам слово автору, который с большими подробностями, чем это мог бы сделать я теперь (по прошествии долгих лет после посещения), так описывает этот домик, где родился, провел раннее детство Сталин. «Это единственная маленькая комната... в три окошка... Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только четыре человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашеных деревянных табуретки. На столе глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит старая медная керосиновая лампа... Вот кровать, покрытая двумя крестьянскими рукодельными покрывалами... Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось почти все имущество семьи. Вот стоит грузинский ящик для хлеба — «кидобани». В стену вделаны неглубокие шкафы для посуды, для одежды... Вот, наконец, парадный кусочек комнаты: стоит маленький буфетец, покрытый желтовато-серой клеенкой. На буфетике — медный начищенный самовар... Стол, четыре некрашеных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар — вот и вся обстановка, все убранство...

Нам осталось еще посмотреть нижнее, подвальное помещение. Туда ведут семь ступенек. Спустимся — ступеньки идут винтом, полуповоротом. Вот совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящихся на уровне панели... Вот и подвал, низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина... Вот три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов и разные домашние вещи. В стене «совершенно черный от копоти очаг» (Вишневский Вс. Домик в Гори // Заря Востока, 27 дек. 1937 г.).

Автор заключает: «Вот так, необычайно просто, до слез просто выглядит исторический домик...» Но, пожалуй, это жилище, вся обстановка поражает даже не столько простотой, сколько пронзительной нищетой, и не в этом ли, хотя бы отчасти, отгадка того, что молодой Сталин выбрал в жизни путь революционный, не мирящийся с тем, с чем было связано его детство. Но в то же время не отсюда ли и его пожизненный аскетизм, от

мечавшийся всеми, кто его знал, совершенное безразличие его к бытовым удобствам, комфорту, роскоши. В этом, как и во многом другом в его личности, та «загадочность» Сталина, о которой немало сказано в воспоминаниях о нем.

Ниже дается, на наш взгляд, наиболее полный, объективный материал о детских, юношеских годах Сталина, собранный составителями Вл. Каминским и Ив. Верещагиным и опубликованный в журнале «Молодая гвардия» (1939 г., № 12).

Глава первая

СОСО

...Город, важный как по своей древности, так и по местоположению, в центре живописной долины Карталинской. Время основания города в точности неизвестно, но глубокая древность его неоспорима. Название «Гори» произошло от слова «гори», означающего по-грузински «холм». В самом деле, крепость города, неприступная до изобретения огнестрельного оружия, находится на вершине высокого и утесистого холма. Город расположен внизу, на берегу Куры, принимающей тут же слившиеся два значительных притока, Лиахви и Меджуду. Таким образом, с трех сторон окруженный реками, он открыт только с одной, северной стороны, где расстилаются обширные долины, покрытые нивами и виноградниками.

Грузинские летописи в первый раз упоминают о Гори в начале VII века. Крепость на высокой горе служила запасным местом военных приготовлений во время войны с Персией.

(П. Иоссепиани. Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии. Журнал министерства внутр. дел, часть б, с. *398—400. СПб., 1844 г.)*

В 1801 году, 13 сентября, Гори определяется уездным городом, и учреждаются уездные правительственные учреждения.

В 1818 году в Гори русское царское правительство основывает первую школу — духовное училище, в котором впоследствии товарищ Сталин получил первоначальное образование.

В 1876 году, 18 октября, в Гори открывается городское самоуправление и совет гласных в составе 30 человек.

В 1879 году, 21 декабря, в Гори, в семье ремесленника Джугашвили родился вождь мирового пролетариата — великий Сталин.

(Из статьи И. Г. Хуцишвили в № 89 газеты «Сталинели» от 12 мая 1939 г.)

Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Ананурe. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили — прадед И. В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горий- ский уезд, где его взяли в крепостные князья Эристави. Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

УВано Джугашвили (дед И. В. Сталина) родились два сына — Бесо (Виссарион) и Георгий. Вано развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Вано одного из сыновей его — Георгия — убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И. В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельхано- ва. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбип. фип. ИМЭЛ.)

Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую... Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту — Кеке Геладзе,

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори.

Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте.

В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адель- ханова в Тбилиси.

(Газета «Заря Востока» № 129 от 8 июня 1937 г.)

Отец вождя Виссарион (называли его просто Бесо) был выше среднего роста и худощав. Волосы у него были черные, носил он усы и бороду. Как я его помню, у него не было ни одного седого волоса. В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Я спрашивал у прохожих в верхней части города, где Русис- убани, русский квартал. В этом квартале жила семья Джугашвили. Здесь недалеко были солдатские казармы, поэтому и квартал назывался русским. Никто из прохожих не знает, что такое Ру- сис-убани, — это название исчезло.

От базара петляешь переулочками, и вдруг они расступаются. На широком пространстве стоит домик — такой, каких десятки вокруг, одноэтажный, маленький, кирпичный... В этом домике родился Сталин. Здесь, у входа в подвал дома, в холодке работал отец Сталина — сапожник Виссарион Иванович Джугашвили, прекрасный мастер, чьи сапоги славились по всему Гори. Здесь он работал молодым, статным, пока нужда не сгорбила и преждевременно не состарила его.

(Б. Ивантер. На родине Сталина. Журнал «Пионер» № 1, с. 12-13, 1938 г.)

Сосо было 5 лет, когда его отец уехал в Тифлис и стал работать на обувной фабрике Адельханова. Кеке со своим маленьким сыном осталась в Гори.

(По воспоминаниям Семена Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках — кройка и шитье,

стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом.

(По воспоминаниям Семена Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Мать Сосо — Кеке — была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо.

После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

С виду Иосиф Джугашвили был худой, но крепкий мальчик. Жизнерадостный и общительный, он всегда окружен был товарищами. Он особенно любил играть со своими сверстниками в мяч (лапту) и «лахти». Это были излюбленные игры учеников. Иосиф умел подбирать лучших игроков, и наша группа всегда выигрывала.

(П. Капанадзе. Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 19.)

Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили появился зимой в школе. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф.

Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка — уверенная, взгляд живой, весь он — подвижный, жизнерадостный.

(Г. Глурджидзе. Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 25—26.)

В конце каждого учебного года Сосо переходил из класса в класс по первому разряду, как первый ученик... Его способности поневоле бросались всем в глаза.

У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос — дискант. За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по ним. Вскоре он стал уже помогать дирижеру и руководил хором...

В тот период, когда пел Сосо, в хоре набрались хорошие голоса. При этом и я, как молодой дирижер, был заинтересован в том, чтобы показать себя хорошим руководителем. И действительно, хор у меня был поставлен хорошо. Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др. -

Сосо хорошо пел в хору учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора.

(Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Как-то раз, 6 января (в день церковного праздника «Крещения». — *Авт.)* на «иордань», возле моста через Куру, пришло множество народу. На главной улице были выстроены войска. После церемонии духовенство возвращалось по своим церквам, причем все улицы были переполнены народом. Столпился народ и в узкой улочке около Оконской церкви. Никто и не заметил, что сверху бешено мчится фаэтон с пассажиром...

Фаэтон врезался в толпу как раз в том месте, где стоял наш хор певчих. Сосо хотел было перебежать через улочку, но не успел: фаэтон налетел на него, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но... по счастью, колеса переехали лишь по ногам мальчика.

Хор певчих мгновенно окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10—11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не смогла сдержать горестного вопля...

Сосо открыл глаза и прошептал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Мать сразу успокоилась. Пришел доктор, промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и затем объявил:

— Внутренние органы не повреждены...

Сосо пролежал в постели две недели, а затем снова вернулся к занятиям.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ,)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после годичных испытаний, бывших в конце 1891—92 учебного года.

II класс

Удостоены перевода в III класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Карухнишвили Мина, 3) Канделаки Александр, 4) Тхинвалели Христесий, 5) Гигиташвили Георгий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1892 г., с. 14.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный после годичных экзаменов, бывших в конце 1892/3 учебн. года.

III класс

Переводятся в IV класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Гордезиани Дионисий, 3) Тхинвалели Христесий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1893 г., с. 7.)

В 1888 году родители определили меня в Горийское духовное училище. В классе я сидел на одной парте с Иосифом Джугашвили. Учился я слабо, и товарищ мой, Сосо, всегда охотно помогал мне.

В нашем классе учились дети богатых и бедняков. Их отношение к нам постепенно обострялось еще и потому, что Сталин, считавшийся в классе первым учеником, был из нашей среды.

Сталин обладал исключительной памятью. Объяснения преподавателей он усваивал отлично и потом в точности их пересказывал.

Он никогда не отказывался от своих слов, будучи всегда уверен в их правильности. Прекрасно отвечал он, когда его вызывали к доске.

...Преподаватель Илуридзе упорно придирался к Иосифу и всегда на уроке старался «срезать» его, как вожака нашей группы. Он называл нас «детьми нищих и несчастных».

Однажды Илуридзе вызвал Иосифа и спросил:

— Сколько верст от Петербурга до Петергофа?

Сосо ответил правильно. Но преподаватель не согласился с ним. Сосо же настаивал на своем и не уступал.

Упорство его, нежелание отказаться от своих слов страшно возмутили Илуридзе. Он стал угрожать и требовать извинений, но Иосиф обладал крепким, непримиримым характером и упорством. Он снова несколько раз повторил то же самое, заявляя, что он прав. К нему присоединились некоторые из учеников, и это еще более разозлило преподавателя. Он стал кричать и ругаться. Сталин стоял неподвижно, глаза его так и расширились от гнева...

Он так и не уступил.

(М. Титвинидзе. Страница воспоминаний. Газета «Заря Востока» № 187 от 12 августа 1936 г.)

В духовном училище воспитывались будущие священники, и поэтому им всячески старались привить богобоязнь и смирение.

Однако на Иосифа Джугашвили такая система воспитания не влияла. Ни одной из перечисленных выше добродетелей в нем не было заметно. Несмотря на строгий режим, он был и остался смелым и свободолюбивым мальчиком. В то время как другие ребята, в большинстве своем, чуть ли не трепетали перед школьным начальством, Иосиф смело подходил к любому преподавателю, говорил с ним о причинах отставания того или иного ученика, о средствах к его исправлению и т. п. Столь же смело обращался он с просьбами за провинившихся учеников к инспектору, к надзирателям.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В Горийском духовном училище разрешили ввести часы светского пения, и это надо приписать инициативе Сосо. Помню, как-то раз, по окончании спевки, Сосо обратился ко мне с вопросом, почему рядом с нами, в городском училище, наряду с церковными поют и светские песни, а нам не разрешают.

После некоторого раздумья я ответил, что наша школа — Духовное училище, поэтому мы должны хорошо знать церковное пение, для городского же училища это необязательно.

— Я думаю, — возразил Сосо, — что и мы ничего не потеряем, если хоть иногда будем исполнять народные песни. Попросим, может быть, разрешат...

Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен.

Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено разрешение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: «Чаухтет да чаухтет Бараташвилса»[1], «Курдгели чамоцан- цалда»[2], «Вай шен чемо тетро бато»[3] и другие.

(По воспоминаниям С. П. Гогяинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после экзаменов, бывших в конце 1893/94 учебного года.

Класс IV

Рекомендуются к переводу в семинарию.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Лиадзе Самсон, 3) Тхинвалели Христесий, 4) Гордезиани Дионисий, 5) Хурошвили Роман (и другие. — *Авт.).*

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1894 г., с. 14.)

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

(Д. Гогохия. На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 41.)

[1] «Узнаем и узнаем

[2] «Зайчик пропрыгал».

[3] «Горе тебе, мой белый гусь!»

Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда.

— Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! — так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном — в Гори, она постоянно беспокоилась:

— А ну как приедет Виссарион да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?

(По воспоминаниям С. П. Гогпинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Виссариону не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище и не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отдал Сосо на фабрику Адельханова.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Через некоторое время мать в свою очередь поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увезти сына обратно в Гори...

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Ребята в то время зачитывались книгами Ильи Чавчавадзе, Ал. Казбеги и других грузинских писателей.

Одной из партийных кличек Сталин впоследствии избрал себе «Коба» — это имя одного из героев Казбеги.

Любимой книгой горийских школьников была поэма Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Ребята непосредственно выража

ли свои чувства, чуть не плакали, когда помещик избивал старика, отца Како, и шумно восторгались, когда Како убивал помещика.

(Б. Ивантер. На родине Сталина, с. *24.)*

Иосиф научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей.

(П. Капанадзе. Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 20.)

Тифлис считается одним из древнейших городов на свете. Древностью он, как город, уступает известным городам Египта, Вавилонии, Ниневии, Персии, Финикии, Греции и Рима. Из городов Грузии он новее Мцхета и Кутаиса. Тифлис видел появление и исчезновение исторических народов: греков, римлян, арабов, монголов и византийцев. Он был поочередно под влиянием этих народов, оставивших свои следы в языке, нравах и учреждениях грузинского народа... Существование Тифлиса, прежде чем он сделался городом и резиденциею царей, теряется в мраке веков. Столицею Грузии он делается на исходе IV столетия н. э., до того же времени роль эта принадлежала Мцхету.

(Дмитрий Бакрадзе и Николай Берзенов. Тифлис в историческом и этнографическом отношениях, с. 1—2. СПб., 1870 г.)

Осенью 1894 года Иосиф Джугашвили блестяще сдал приемные экзамены в Тифлисскую духовную семинарию и был принят в пансион при ней.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Список казеннокоштных учеников Тифлисской дух. семинарии в первой половине 1894/95 учебного года.

А. На счет Грузинского церк. казначейства:

1) Полные пансионеры: VI класса: 1) Ефимов Симон (и другие, всего 40 чел. — Авт.).

2) Полупансионеры: I класса: Андриевский Иван, Мхатвришвили- Ясон, Николишвили Николай, Касрадзе Антон, Джугашвили Иосиф (и другие, всего 18 чел. — *Авт.).*

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 1 от 1 января 1895 г., с. 10.)

После поступления в семинарию Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать. .

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Фасад здания духовной семинарии выглядел с улицы так же, как и теперь, за тем исключением, что на балконе, выходящем на Пушкинский сквер, висели в то время колокола (были подвешены на железной штанге).

К зданию примыкал большой двор с несколькими акациями и скамьями около них. У стены были сложены большие поленницы дров. В глубине двора помещалась начальная школа для приходящих детей. Здесь воспитанники 5-го и 6-го классов давали детям пробные уроки.

Главный вход в семинарию — со стороны Пушкинского сквера. При входе в первый этаж налево помещались инспектор и надзиратели, направо — канцелярия; прямо против входа — больница. В подвальном помещении были расположены гардероб и столовая с кухней при ней.

Во втором этаже: посредине — домовая церковь семинарии, а по сторонам ее (окнами на улицу) — классы, учительская и квартира ректора; в квартире была устроена секретная дверь, через которую ректор незаметно мог наблюдать за поведением учеников в церкви.

В третьем этаже помещались спальные комнаты и библиотека.

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили и З. А. Давиташвили.)

Разрядный список учеников Тифлисской духовной семинарии, составленный правлением семинарии в конце 1894/95 учебного года.

I класс, 1-е отделение.

Переводятся во II класс: 1) Новиков Александр, 2) Фео- хари Константин, 3) Семенов Михаил, 4) Сахтаров Харлампий, 5) Антоненко Иван, 6) Ткешелашвили Константин, 7) Шубладзе Илья, 8) Джугашвили Иосиф, 9) Цагарели Константин (и другие. — *Авт.).*

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля U95 г., с. *10.)*

Разрядный список воспитанников Тифлисской духовной семинарии, составленный по окончании 1895/96 учебного года.

II класс, 1-е отделение.

Переводятся в III класс: разряд первый:

1) Новиков Александр, 2) Шубладзе Илья, 3) Семенов Михаил, 4) Кубалов Иван, 5) Джугашвили Иосиф (и другие. — *Авт.).*

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1896 г., с. *13.)*

Пятнадцатилетний Сталин внимательно присматривался к семинарским порядкам, к новым товарищам. Тогда же он начал посещать нелегальный социал-демократический кружок.

«В революционное движение, — говорит Сталин, — я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Одной из первых книг, прочитанных в 1894 году, был «Капитал» Маркса.

Юный Иосиф Джугашвили увлекался также научной и художественной литературой и написал несколько стихотворений, которые тогда же были напечатаны в газетах. Стихотворение, посвященное Р. Эристави, перепечатано в 1899 году в юбилейном сборнике Р. Эристави, а стихотворение «Утро» вошло в изданный в 1916 году учебник родного языка «Деда эна».

(Г. Глебов. Годы в семинарии. «Заря Востока» №208 от 10 сентября 1938 г.)

Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина — «Господа Головлевы», Гоголя — «Мертвые души», Эркмана-Шатриана — «История одного крестьянина», роман Теккерея «Базар житейской суеты» в двух томах и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Важу Пшавела. Увлекаясь литературой, Сталин, в период учебы в Тифлисской семинарии, написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе, — достаточно отметить, что они помещались в газете, которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте.

(Г. Паркадзе. Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.)

В июне — декабре 1895 года на страницах «Иверии» за подписью И. Дж-швили (И. Джугашвили), а затем — Сосело (уменьшительное от имени Иосиф), было напечатано пять стихотворений Сталина. Из них одно является посвящением писателю Ра- фаэлу Эристави, другое называется — «Луне», а остальные не озаглавлены.

Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.

...И этою надеждою томимый,
Я радуюсь душой, и сердце бьется с силой.
Ужель надежда эта исполнима,
Что мне в тот миг, прекрасная, явилась?

(Перевод с грузинского.)[1]

ЛУНЕ

Плыви, как прежде, неустанно Над скрытой
тучами землей,
Своим серебряным сияньем Развей тумана
мрак густой.
К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.
Но твердо знай, кто был однажды Повергнут
в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.
Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом Ты озари мне
отчий край.
Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну,
И снова с трепетом душевным Увижу
светлую луну.

[1] «Молодая гвардия». 1939. №12. С. 22—69. Составители Вл. Каминский " И®- Верещагин.

* * *

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли Тебе
увидеть привелось.
Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно Лились
с небесной вышины.
Когда, отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.
С тех пор с народом воедино Ты
связан узами любви,
И в сердце каждого грузина Ты
памятник воздвиг себе.
Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.
Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави Страна
моя растит сынов.

* * *

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск, чиста, Звучала
великая правда, Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы

Люди его земли Отверженному
отраву В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

* * *

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной И
свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья И
нежный голос саламури Звучит
свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвенят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи Развеют
сумрачный покров,
Надежда голосом могучим Мне сердце
пробуждает вновь. Стремится ввысь
душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта Благословенна
и чиста!

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,

И сладкозвучный соловей -
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебою, друзья,
Прославьте Родину свою!»

* * *

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.
Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —
Сноп валился за снопом.
По жнирью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит...
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенётся, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг[1].

...Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенд- жеридзе, составивший пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью — Сосело.

В 1907 году тот же М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию, или сборник лучших образцов грузинской

[1] См.: *Колесник А.Н.* Мифы и правда о семье Сталина. Ижевск, 1990.

словесности» (т. I), в которой на 43-й странице помещено стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави.

(Н. Николайьивили. Стихи юного Сталина. «Заря Востока» №292 от 21 декабря 1939 г.)

Во дворе семинарии было сложено несколько саженей дров. Между стеной, со стороны теперешней улицы Кецховели, и дровами оставлено было довольно широкое укрытое место, угол. В этом углу часто сидели Сосо, Миша Давиташвили, Арчил До- лидзе и другие и спорили по интересовавшим их вопросам. Часто сидел здесь один Сосо и читал книгу.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой Библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист».

«Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор Семинарии Иеромонах Гермоген».

«Наказать продолжительным карцером — мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — «93 г.» В. Гюго».

(Запись (в ноябре 1896 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой Библиотеки»; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой Библиотеки» названный ученик замечается уже в 13-й раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. Инспектора С. Мураховский».

«По распоряжению о. Ректора — продолжительный карцер и строгое предупреждение».

(Запись (в марте 1897 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центр, музея имени В. И. Ленина.)

«Джугашвили Иосиф (V, I,) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса, несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в

своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский».

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на пять часов. И. Д». (Иеромонах Димитрий Абашидзе,— *Авт.)*

(Запись в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии за 1898—1899 гг. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

Вспоминается 1898 год. Как-то раз, после обеда, мы, ученики, сидели в Пушкинском сквере, около семинарии.

Вдруг кто-то закричал: «Инспектор Абашидзе производит обыск у Джугашвили!» Я бросился в семинарию, подбежал к гардеробу, находившемуся в нижнем этаже, где хранились наши вещи в закрываемых нами на замок ящиках.

Войдя в гардероб, я увидел, что инспектор Абашидзе уже закончил обыск. Он взломал ящик Сосо, достал оттуда нелегальные книги и, забрав их под мышку, поднимался на второй этаж здания. Рядом с ним шел Сосо...

Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать;..

Опешивший инспектор Абашидзе так и остался ни с чем.

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

*

В Государственном архиве Саратовской области (ГаСо) есть отдельный фонд, в котором собрана коллекция личных бумаг саратовских епископов. Большую ее часть составляют бумаги Преосвященного Гермогена, бывшего в 1901—1903 гг. Вольским викарием, а позднее (1903—1912 гг.) — епископом Саратовским и Царицынским. Среди этих документов сохранилась часть, относящаяся к периоду служения Владыки Гермогена в городе Тифлисе ректором Тифлисской Духовной Семинарии (1893—1901 гг.).

В основном это списки воспитанников семинарии, но один документ представляет собой объяснительную записку одного из воспитанников на имя инспектора семинарии иеромонаха Ио- анникия (Ф. 1132, о. 1, ед. хр. 149). Эта записка, быть может, не представляла бы особого интереса, если бы этим воспитанником не был Иосиф Джугашвили (Сталин).

Совершенно удивительно, что эта записка не исчезла в известные времена, когда все подобные свидетельства изымались и уничтожались.

Иосиф Джугашвили поступил в Тифлисскую Духовную Семинарию в 1893 году и уже тогда совмещал обучение в духовном заведении с революционной работой. В 1898 году он вступает в тифлисскую организацию РСДРП, и вскоре его исключают из семинарии. В ГаСо сохранились также два упоминания о Джугашвили в списках воспитанников семинарии (Ф. 1132, о. 1, ед. хр. 26). Первое — за 1897/98 учебный год, где указывается, что он обучается в первом отделении IV класса и что квартиры он не имеет. Второе — в списках за 1899 год, Иосиф Джугашвили в том же отделении V класса. В списках воспитанников, бывших у исповеди и Св. Причастия на первой неделе Великого Поста 1899 года его уже нет. Следовательно, публикуемый нами документ нельзя датировать позднее этого года. Этот документ не имеет определенной даты, и мы воспроизводим его текст без изменения орфографии, свойственной автору.

«О. *Инспектор!*

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг — избавить Вас от недоразумений на щет неисполнения мною данного Вам слова — возвратиться в семинарию в понедельник — обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресение. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне — Свенеты. В понедельник перевезли туда умер- шаго, а во вторник похоронили. Я решился было возвратиться во *вторник ночьЮу но вот обстоятельства, связывающая руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершаго со слезами умоляет меня «быть ея сыном хоть на неделью».*

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простете, решился тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих.

Воспитан. И. Джугашвили».

В 1899 году Сосо провел в семинарии всего лишь несколько месяцев. Он ушел из этого училища и целиком перешел на нелегальную работу среди рабочих.

Не раз приходилось мне видеть Сосо пробирающимся в толпе с такой быстротой, что просто невозможно было догнать его. Можно было только удивляться, как ловко и быстро Сосо, в своей кепке, в легком пальто и в синей сатинетовой блузе, опоясанной поясом с кистью, пробирается по улице сквозь шумливые массы людей.

Так как он шагал всегда прямо, — мы, близкие товарищи, — прозвали его Геза[1]. Вообще же он был известен под конспиративной кличкой Коба[2].

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

На исходе XIX века, 28 декабря 1899 года, Сталин поселился в Тбилисской физической обсерватории, где он с этого же дня начинает работать в качестве наблюдателя-метеоролога.

Обсерватория помещалась на Михайловской улице, вблизи Муштаида. Невзрачного вида двухэтажный, покрытый черепицей, неоштукатуренный дом. Выделялся деревянный балкончик с тесно насаженными балясинами. Под ним — входная дверь. Налево от входа — комната, где производилась обработка метеорологических наблюдений.

На дворе густо растут деревья. Лесистый кустарник тянется до самой Куры. В глубине двора помещается обсерватория. Она окружена рвом, через который перекинут мостик.

К круглому зданию пристроены дощатые флигеля. В «северном» работал двадцатилетний Иосиф Виссарионович Джугашвили.

Обстановка здесь почти не изменилась. Перед окном растет коренастое ветвистое дерево. В те годы оно было незаметным, не затемняло комнату. В комнате перед большим решетчатым окном все так же стоит столик. Вот здесь составлял Сталин сводки метеорологических наблюдений. Без единой помарки заполнялись листы бюллетеней, под ними ставилась подпись: Джугашвили.

Жил Сталин в небольшой комнатке, выходившей во двор.

Тишина, царившая в этом глухом укромном месте, наиболее благоприятствовала конспиративному образу жизни моло

[1] Геза — человек, идущий прямо.

[2] Коба — имя героя повести А.Казбеги.

дого Сталина. Кончалось дежурство — запись научных наблюдений, — и Сталин выходил на улицу. Тихой и мало застроенной была эта часть города. Ее оживляло движение вагонов конки.

Выходя в город, Сталин направлялся в рабочие кварталы, туда, где в назначенный час собирались пролетарии...

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы революционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898—1901 гг. Опубликовано в газ. «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность. *(Аплодисменты.)*

Я вспоминаю далее 1905—1907 гг., когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Ва- цек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям. *(Аплодисменты.)*

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран — товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился пони

мать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих — освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю, товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина, *(Аплодисменты.)*

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести. *(Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.)*

(Из «Ответа товарища Сталина на приветствия». Газета «Заря Востока», Тифлис, 10 июня 1926 года № 1197. f

[1] «Молодая гвардия». 1939, № 12. С. 71 — 101. 34

Глава вторая

КОГА

А. С. Аллилуева

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

...В конце 1903 года в Баку налаживали подпольную типографию. Тифлисские железнодорожники сделали для типографии печатный станок. Шрифт тоже достали тифлисцы. Перевезти это имущество в Баку поручили отцу и В. А. Шелгунову. В корзине, которую принес дядя Ваня под Новый год, под пивными бутылками спрятали печатный станок. Его хранили среди старой домашней рухляди на бабушкином чердаке до того дня, когда отец с Василием Андреевичем, разделив на две части поклажу, поодиночке ушли из дому.

А накануне отец зашел к одному из товарищей, к Михо Бочоридзе, — в его квартире, в домике у Верийского моста, хранился шрифт. Бабе, родственница Бочоридзе, встретила отца.

— Михо нет дома. Заходи, обождешь! — пригласила она.

Худощавый темноволосый молодой человек показался из соседней комнаты. Бледное лицо с резким изломом бровей, карие испытующе-внимательные глаза кажутся отцу знакомыми.

— Познакомьтесь, — говорит Бабе. — Это Сосо.

Сосо! Молодой пропагандист, который занимался с рабочими железнодорожных мастерских. Он вывел на демонстрацию батумских рабочих.

— Очень рад, — говорит отец и пожимает руку молодому товарищу. — Откуда сейчас?

— Издалека! — бросает Сосо.

Скупо и коротко Сосо рассказал о том, как из тюрьмы, где он просидел много месяцев, его выслали в Иркутскую губернию, в село Уда.

— Оттуда решил бежать. Сначала не удалось — стражник не спускал с меня глаз. Потом начались морозы. Выждал немно[го]> достал кое-что из теплых вещей и ушел пешком. Едва не от[м]орозил лицо. Башлык помог. И вот добрался. Сперва в Батум, [а] потом сюда. Как тут у вас? Что бакинцы делают?

...Отец рассказывает о бакинских делах, о типографии, о поручении, делится сомнениями: удастся ли ему с Шелгуновым благополучно довезти тяжелый, громоздкий груз — станок, барабан от него и еще шрифт?

Сосо внимательно слушает.

— А зачем вам везти все сразу? — говорит он. — Станок действительно велик. Разберите его на части и везите отдельно. Сядьте в разные вагоны и не показывайте виду, что едете вместе. А шрифт пусть привезут потом, другие...

Я запомнила рассказ отца о его первой встрече с молодым Сталиным. Это было в начале января 1904 года.

* * *

...В один из первых сентябрьских дней 1911 года в передней продребезжал звонок.

— Открой, Нюра! -г- крикнула из соседней комнаты мама.

Я пробежала мимо монтерской, где у телефона разговаривал дежурный, и открыла входную дверь.

— А, Сила! Пожалуйста, заходите!

Я шумно обрадовалась нашему взрослому другу Силе Тод- рия, но смолкла, увидев за невысоким Силой кого-то, мне незнакомого. В черном пальто, в мягкой шляпе, незнакомец был очень худощав. Когда он вошел в переднюю, я рассмотрела бледное лицо, внимательные карие глаза под густыми, остро изломанными бровями.

— Папа дома? — спросил Сила. — Мы к нему с товарищем.

— Скоро должен вернуться. Входите! Мама в столовой, — пригласила я.

Они оба прошли в комнату, и, здороваясь, Сила сказал маме:

— Познакомься с товарищем — это Сосо!

Я не решилась пройти в столовую, потому что, приглушая голос, Сила о чем-то заговорил, и я поняла — мне не надо присутствовать при разговоре.

Время подходило к обеду, но папа все еще не возвращался. Товарищи оставались в столовой. Сила зашел к нам поболтать, перелистал наши книги, над чем-то посмеялся. Тот, кого он назвал Сосо, продолжал читать газеты, лежавшие на столе. Из-за притворенной двери к нам доносился его чуть глуховатый голос, коротко и неторопливо о чем-то спрашивавший Силу.

Папа пришел позже и обрадованно поздоровался с гостями. Он долго пожимал руку Сосо и что-то сказал ему и Силе. И глуховатый голос раскатисто и насмешливо произнес:

— Ну вот... везде вам они мерещатся!

— А посмотрите сами в окно.

Все трое приблизились к открытому окну, выходившему на Саратовскую улицу.

— Ну, что, видите? — продолжал отец. — Меня эти не проведут. Я их сразу приметил, подходя к дому.

Мы невольно прислушались к разговору. Дверь в нашу комнату распахнулась.

— А ну, ребята, — позвал папа, — по очереди выйдите во двор, посмотрите, — ходят там двое этаких, в котелках...

Я первая сбежала вниз и сделала несколько шагов в глубину двора. У арки ворот я заметила одного из тех, о ком говорил отец. Второго я увидела на улице, там, куда выходили наши окна. Стараясь как можно удачнее притвориться, что я вышла по делу, я добежала до угловой лавочки и, вернувшись, опять заметила обоих шпиков. Поднявшись в комнаты, я обо всем подробно рассказала.

— Придется подождать, — сказал Сосо.

Мы теперь уже знали, что это тот самый Сосо, о котором часто говорили товарищи. Сосо — известный революционер, папа знал его еще в Тифлисе и Баку. Сосо несколько раз арестовывали и ссылали, но он всегда убегал из ссылки. И сейчас бежал из далекого Северного края, и вот его уже опять ищет полиция.

Федя тоже сошел вниз и, вернувшись, повторил, что двое в котелках все еще гуляют у дома.

Наступал вечер, за окном стемнело. В монтерской сменились дежурные, и монтер Забелин зашел в столовую. Дверь в нашу комнату захлопнулась плотнее, и, не смея больше ни о чем расспрашивать, мы уже укладывались спать, когда слова прощальных приветствий, которыми обменялся Сосо с отцом и мамой, донеслись в нашу комнату.

...Через несколько дней Сила опять зашел к нам. Все были Дома. Сила был невесел и озабочен.

— Арестовали, — ответил Сила на общий безмолвный вопрос.

Подробно о том, что произошло в эти дни, мы узнали потом от Сталина, из рассказов Силы и папы. Вот как все это было.

Накануне Сталин приехал в Питер. Было хмурое, дождливое утро. Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу. В Питере были друзья, кто-нибудь может встретиться на улице. Это безопасней, чем искать по адресам.

Под дождем он проходил весь день. Вечером опять вышел на Невский.

Толпа на Невском редела. Гасли огни реклам, реже мчались лихачи, когда он уже *третий* или четвертый раз от Литейного поднимался к Фонтанке. И только тогда на одном из прохожих остановился его внимательный взгляд. Он пошел следом и чуть слышно произнес приветствие. Сила Тодрия — он возвращался после работы из типографии — едва не вскрикнул, но Сосо сказал:

— Идем, идем. — И вместе они зашагали дальше.

— Очень опасно, — говорил Сталину Сила. — После убийства Столыпина вся полиция на ногах. Ворота и подъезды в двенадцать запирают... Придется будить дворника, показывать паспорт. Хозяева в квартире боятся всего подозрительного.

— Поищем меблированные комнаты... где-нибудь недалеко, — предложил Сталин.

В меблированных комнатах на Гончарной ему отвели номер. Швейцар долго и подозрительно оглядывал его, вертел в руках паспорт, в котором он значился Петром Алексеевичем Чижиковым.

Утром, как они сговорились, Сила уже был у него. Вышли и вместе направились к Сампсониевскому. Они не заметили, что шли не одни. Двое шпиков, которых папа потом увидел около дома, шли следом.

В этот вечер Сталину удалось ускользнуть от них. Монтер Забелин, с которым он ушел от нас, провел его закоулками к себе в Лесной. Сталин переночевал там, днем сумел повидаться с нужными людьми, а вечером, чтобы не подводить товарищей, пошел опять на Гончарную, в меблированные комнаты. На рассвете его разбудил громкий стук.

— Чего вы спать не даете? — крикнул он.

Но из коридора требовали, чтобы он открыл дверь. Это была полиция. Его арестовали.

Теперь, когда мы знали Сосо, видели и говорили с ним, еще интереснее было слушать о нем рассказы товарищей. А о нем всегда говорили так, что мы понимали — Сосо один из самых главных, самых неустрашимых революционеров. Сила нам рассказывал, что в Батуме, где Сосо вывел рабочих на уличную де

монстрацию, его прозвали «Коба», что по-турецки означает «неустрашимый». Это слово — Коба — осталось его кличкой.

— Полиции никогда не удавалось удержать Кобу в ссылка __ говорил Сила Тодрия.

Коба бежал в 1903 году. В 1909 году, летом, опять бежал из Сольвычегодска.

Тогда он опять появился в Питере. Папа рассказывал, что Сосо перед бегством напйсал ему, спрашивал наш питерский адрес. Папа сейчас же ответил подробно, где нас найти, — мы жили тогда на углу Глазовой и Боровой.

Отправив письмо с нашим адресом, папа знал, что следует ждать приезда Кобы, но прошел месяц, другой, а он не появлялся.

Уже летом, — мы с мамой жили тогда за городом, в деревне,— папа шел по Литейному. Серенький летний питерский день, деловая уличная сутолока, громыхающие трамваи, спешащие куда-то прохожие, — папа шел в толпе, ни на кого не оглядываясь. И вдруг кто-то пересекает ему дорогу. Папа недовольно поднял глаза на прохожего — и не сразу нашел нужные слова. Спокойно, чуть насмешливо улыбаясь, перед ним стоял Сосо.

Они пошли рядом, и Сосо говорил:

— Два раза заходил к вам на квартиру, никого не застал. Подумал, может, встречу на улице, и вот вижу — навстречу ша-, гаешь...

Куда же идти? «Он был бледный, утомленный, — говорил отец. — Я понимал: ему надо дать возможность отдохнуть...»

И сразу отца осенила мысль: «Ямка!» «Ямка» была совсем рядом. Они в несколько минут прошли путь до Колобовского дома. Конон был у себя. Не надо было ничего ему объяснять. Дядя Конон посмотрел на отца, на гостя, которого он привел, и сейчас же стал собирать на стол. Потом Сталина уложили на кровать за ситцевой занавеской и стали совещаться, как быть дальше.

— Лучше бы свести товарища к Кузьме, в кавалергардские казармы, — сказал Конон, — а то ненароком околоточный заглянет, пожалуй, усомнится, что товарищ — земляк, со Смоленщины...

Сталина вечером проводили в казармы кавалергардов. Там, во флигелечке вольнонаемных служащих, Кузьма Демьянович занимал две обособленные комнатки. Семейство его было в деревне, в комнатах оставался только родственник, молодой паренек.

В этом флигеле, рядом с казармами, рядом с Таврическим садом, куда то и дело подкатывали пролетки с придворными офицерами, Сталин прожил около двух недель.

Он часто бывал в городе, виделся с товарищами. Под взглядами казарменных часовых он спокойно проходил, прижимая локтем домовую книгу кавалергардских казарм.

Еще об одной встрече с Кобой в Баку в 1907 году рассказывал отец. Коба приехал с Лондонского съезда. Отца тогда арестовали вместе с бакинским комитетом партии. Улик против отца не было, его выпустили на поруки. Это был седьмой арест, и товарищи советовали отцу скрыться от полиции.

В низеньком глиняном татарском домике на Баилове мысе, где у хозяина-тюрка Сталин снимал комнату, отец беседовал с Кобой о своих делах, советовался, как быть. Отец рассказывал, что по приглашению Красина хочет с паспортом товарища Руденко уехать в Питер. Коба спросил, как предполагает отец добраться до Питера, что думает предпринять дальше.

— Ну что ж, — сказал Сталин на прощанье, — надо тебе ехать. Желаю благополучно добраться. — И добавил: — А вот тебе деньги, возьми, они тебе понадобятся.

Отец пытался отказаться, говорил, что деньгами его уже снабдили. Но Сосо твердо и спокойно повторил:

— Бери, у тебя большая семья, дети. Ты должен им помочь!

* * *

...Зима этого года запомнилась мне снежными сугробами, морозами, ледяной санной дорожкой. В феврале, когда наступила Масленица, выехали на улицы украшенные лентами, звенящие колокольчиками и бубенцами низкие финские саночки.

— Садись, прокачу на вейке! — зазывали кучера-финны, взмахивая кнутами.

Коренастые лошадки, потряхивая заплетенными гривами, несли по укатанной дорожке смеющихся седоков.

— А ну, кто хочет прокатиться на вейке? Живо одевайтесь, поедем сейчас же!

Мы все вскочили с радостными восклицаниями. Только что из окна мы любовались проносившимися мимо санками — и вдруг нам предлагают прокатиться на них. И кто приглашает — Коба, Сосо! В этот приезд свой в Питер он уже не в первый раз заходит к нам. Мы теперь знаем Сосо ближе. Знаем, что он уме

ет быть простым и веселым и что, обычно молчаливый и сдержанный, он часто по-молодому смеется и шутит, рассказывает забавные истории. Он любит подмечать смешные черточки у людей и передает их так, что, слушая, люди хохочут.

— Все, все одевайтесь!.. Все поедем, — торопит Сосо.

Я, Федя, Надя, наша работница Феня, — мы все бросаемся к шубам, сбегаем вниз. Сосо подзывает кучера.

— Прокатишь!..

Мы рассаживаемся в санках. Каждое слово вызывает смех. Сосо хохочет с нами: и над тем, как расхваливает заморенную лошаденку наш возница, и над тем, как мы визжим при каждом взлете на сугроб, и над тем, что вот-вот мы вывалимся из санок.

Санки скользят по Сампсониевскому проспекту, проезжают мимо станции, откуда паровичок везет пассажиров в Лесной.

— Стоп! Я здесь сойду. А вы езжайте обратно.

И, выскочив из санок, Сталин торопливо зашагал к остановке паровичка.

...Он пришел к нам в ту зиму вместе с Яковом Михайловичем Свердловым. Оба они бежали из Нарымского края осенью 1912 года.

Дома и в монтерской говорили тогда о выборах в Государственную думу, к которым готовились все партии.

Собираясь у нас, товарищи называли имена кандидатов, обсуждали, кого выставят «наши» и «те». И мы, как все кругом, волновались и переживали газетные сообщения, спорили об исходе кампании.

Многое, конечно, доходило до нас только намеками. Мы могли лишь догадываться, что выборы в Думу большевики используют для агитации среди питерских рабочих, что товарищи выступают тайком на фабриках и заводах.

Помню, утром, — электропункт только что начинал свою деловую жизнь, — два или три раза Сталин заходил к нам. Усталый, он присаживался на диван в столовой.

— Если хотите немного отдохнуть, Сосо, — говорила мама, — прилягте на кровать в угольной комнатке. Здесь, в этом гаме, разве дадут задремать...

В комнатах у нас затихало только поздно вечером. Утром и Днем непрерывно толкались люди, приходили монтеры, забегали товарищи. Садились пить чай, спорили, читали вслух газеты.

Крохотная комнатка за кухней в конце коридора была самым тихим и спокойным местом в квартире. Там стояла узень

кая железная кровать, и Сталин несколько раз отдыхал на ней. Он приходил после бессонной ночи. Поздно затягивались подпольные сходки в дни думской кампании; ему, «нелегальному», бежавшему из ссылки, приходилось после сходок сбивать со следов полицию, ночи напролет бродить по Питеру. Свердлов был вместе с ним. Путая охранников, они пересекали улицу за улицей, проходили переулками. Если попадался трактир, входили туда. За стаканом чая можно было сидеть до двух часов ночи. Если, выйдя из трактира, натыкались на городового, изображали подгулявших ночных прохожих. Потом можно было снова набрести на извозчичью чайную и среди кучеров в махорочном чаду дождаться утра и спокойно добраться до чьей-нибудь квартиры.

Сталина неожиданно арестовали в феврале 1913 года, когда его выдал провокатор Малиновский. Это случилось на благотворительном вечере, который устраивали большевики в здании Калашниковской биржи. О вечере этом у нас говорили много. Рассказывал и Сережа Кавтарадзе, занимавшийся со мной по математике, и Сталин как-то мельком заметил, что вечер должен быть интересным. Во время концерта, когда Сталин присел к товарищам за столик, полицейские подошли и увели его с собой.

Его сослали к Полярному кругу, в Туруханский край. У нас теперь был новый адрес, по которому мы отправляли посылки и деньги из фонда помощи. Сталин вспоминал, как однажды был обрадован в своем одиночестве записочкой, которую неожиданно нашел в кармане пиджака. Мы вложили этот привет от нас, когда отправляли ему зимний костюм.

С отцом он переписывался. Мы читали его письма и видели далекий край, где свирепствует лютая зима. Там, в избе остя- ков-рыболовов, в деревушке, затерявшейся в унылой бесконечной тундре, он жил.

Но в письмах Сталина не было ни слова о тяжелых условиях. Он просил ничего ему не посылать, не тратить денег: «Не забывайте, что у вас большая семья», — напоминал он в письме, адресованном отцу. «Всем необходимым я уже запасся», — обычно сообщал он. Вот что он написал однажды:

«25/XI

Для Ольги Евгеньевны

Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента,

когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербургу лично поблагодарю Васу а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном — не тратиться больше на меня: Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия, — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, — и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам и девицам. Желаю им всего-всего хорошего.

Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, — должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф».

Из Курейки он прислал отцу законченную рукопись своего труда по национальному вопросу. Он просил переслать эту рукопись за границу, Ленину, который ждал эту работу.

Вместе с сестрой Надей мы отнесли рукопись Бадаеву, который и отправил ее Владимиру Ильич[1].

В.

Швейце

р СТАЛИН В ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ.

...От Петербурга до Курейки — путь долгий и изнурительный. Везли в арестантских вагонах, по месяцам задерживались в переполненных этапных тюрьмах, потом бесконечно долго ехали по реке. Сталина везли по реке Енисею в небольшой лодке. Только подумать, в лодке нужно было проехать больше двух тысяч километров по бурному, стремительному Енисею. На пути встречались водовороты и пороги. Больше месяца длилось это опасное путешествие по Енисею, пока, наконец, не добрались до села Монастырского.

[1] *Аллилуева А.* С. Воспоминания. М., 1946. С. 10 — 118.

Село Монастырское было центром Туруханского края. По тому времени Монастырское считалось большим культурным селом в этом диком и пустынном месте. Здесь была школа, церковь, полицейские власти. Здесь жил пристав. Сюда обычно высылали политических ссыльных.

Но село Монастырское показалось царскому правительству недостаточно глухим местом. Правительство боялось, что Сталин сможет еще раз убежать. В департаменте полиции он числился «бегуном», потому что редко оставался в ссылке больше двух-трех месяцев. На этот раз, чтобы отрезать Сталину все пути к побегу, его заслали сначала в поселок Костино, а в начале 1914 года переправили в Курейку.

Курейка — маленький поселок, затерявшийся где-то далеко за Полярным кругом в беспредельной туруханской пустыне. Это самое северное поселение Туруханского края. Про Курейку можно было без преувеличения сказать, что она находится на краю земли. Зима длится здесь 8—9 месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки. Здесь никогда не произрастали хлеба и овощи. Тундра и леса были переполнены дикими зверями. Человек при 65-градусном морозе ютился в юрте. Простая теплая избушка являлась уже привилегией более счастливых людей. И вот сюда, в глушь Туруханского края, в маленькую заброшенную Курейку, выслали Сталина.

В Курейку Сталина переводили вместе с Яковом Свердловым. В одном из писем к сестре Яков писал:

«Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 100 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст. Надзор усилили, от почты оторвали; последняя — раз в месяц через «ходока», который часто запаздывает. Практически не более 8—9 почт в год...»

...Полиция все время была настороже. Когда Сталин и Свердлов были сосланы в Туруханск, полиция сразу же приняла меры к тому, чтобы предупредить возможность их побега.

25 августа 1913 года исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции посылает на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления спешное распоряжение:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности упомянутых в записках от 18 июня сего года за № 57912 и 18 апреля сего года за № 55590 Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Якова Мовшева Сверд

лова, высланных в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит Ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлову побега из ссылки».

О каждом шаге Сталина и Свердлова доносится в жандармское управление.

...Сталин и Свердлов пробыли в Курейке вместе больше года, но в конце 1914 года Свердлов был переведен из Курейки сначала в небольшой поселок Селиваниху, а позднее — в село Монастырское.

...Условия Туруханского края для побега были неимоверно тяжелыми. Три месяца в году длилась томительная распутица. Во время короткого полярного лета в Курейку успевал заходить всего лишь один енисейский пароход. Три месяца в году Курейка была совершенно оторвана от жизни; обрывалась всякая связь.

Все движение шло только по Енисею, и никаких других дорог не было. Последний пароход из Енисейска выходил 1 августа. Но он не доходил до Курейки, а останавливался на зимовку в Монастырском. Осенью приходилось ждать санного пути, передвигаться можно было только на собаках и оленях в легких нартах. Снегу наваливало почти в рост человека. Весной, когда начал рыхлеть снег и таял лед Енисея, даже и легкая снасть в упряжке собак не помогала. Сани и собаки проваливались в снег. Движение прекращалось.

Тайком от стражников, зимой, мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутрипартийными делами.

Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами. Мы мчались на собаках по Енисею без остановки через безлюдное пространство, отделявшее село Монастырское от Курейки пролетом в 200 километров. Мчались под несмолкаемый вой волков.

Вот и Курейка. На берегу, там, где маленькая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стояв- ших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жилье, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу

нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего домика лениво вышел стражник, медленно и важно подошел к нам...

У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу — деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти — сети, оселки, крючки. Все это изготовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посредине комнаты небольшая печка-«буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло; заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

— В моей проруби маленькая рыба не ловится, — шутил Сталин, любуясь красавцем-осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу. За столом завязался разговор.

— Что слышно из России, какие новости? — расспрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знал о войне, о работе подпольных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказывал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

— Этому человеку нельзя доверять — Каменев способен предать революцию.

Беседа длилась долго. Шел разговор о Серго Орджоникидзе, который находился в то время в Шлиссельбургской крепости, об Иннокентии Дубровинском, утонувшем в Енисее, и о других товарищах. Беседа длилась долго-долго...

Я рассматривала комнату, в которой жил Иосиф. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно он работал. Стол был завален книгами и большими пачками газет.

Нам предстояло преодолеть снежную пустыню. Выехали из Курейки. Я села управлять собаками. Наши нарты были окутаны брезентом. Это спасло нас от жестокого холода в пустынной тундре.

Мы мчались вверх по Енисею. Морозно. Казалось, морозом скован воздух. Трудно дышать. Недалеко над нами вспыхнуло северное сияние, озарившее нам путь.

Тундра была покрыта снегом. Кое-где маячили верхушки занесенных снегом деревьев. Мы преодолеваем пространство. Мои спутники ведут себя весело и шумно. О чем-то громко разговаривают. Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню. Сурен вторит. Радостно слышать знакомые мелодии песен, уносящихся вдаль и утопающих где-то в беспредельной снежной равнине. Хорошо в эти минуты мечтать, вспоминать, думать.

На просторе льются песни. Одна сменяет другую. Друзья очень любили петь. Сталин был любитель народных песен. Я была свидетелем, как он, занимгщсь хозяйством, подолгу напевал русские народные частушки.

Мы ехали двое суток. Останавливались для того, чтобы отогреться, дать отдохнуть собакам, покормить их. Отдыхая, мы ели заготовленную на дорогу рыбу. Так, почти незаметно, преодолели мы далекий путь и приехали к себе в Монастырское.

...В октябре 1916 года царское правительство решило призвать всех административно-ссыльных отбывать воинскую повинность.

По рассказам Сталина, эта мобилизация была объявлена неожиданно. Особенно не ожидал этого пристав Туруханского края — Кибиров. В первый момент он растерялся, не зная, что делать, но все же быстро составил первую партию из девяти ссыльных для отправки в Красноярск. Сталина он решил отправить с отдельным стражником, считая это более надежным. Отправить призываемых было нелегко. В полярной Курейке в конце октября и начале ноября зимний путь только начинает устанавливаться, и единственной дорогой в такое время года был тогда Енисей. По тонкому льду Енисея можно было на собаках, впряженных в легкие нарты, тронуться в путь. Правда, при этом нередко бывали и такие случаи, что полозья нарты прорезали лед и собаки, удерживаясь на льду, волокли нарту по воде, как лодку» а в ней насквозь промокшего седока.

Партия ссыльных начала свой путь «призывников со стражником» на собаках, потом на оленях и, наконец, на лошадях.

В пути от Курейки до Красноярска Сталин умышленно старался задерживаться на каждом станке. Нужно было познакомиться с ссыльными, получить явку — связь с организациями и с отдельными товарищами, работающими на воле и в армии. Все это делалось замаскированно, под видом веселых встреч и проводов призывников, с песнями и пляской.

Так шли дни за днями. Призывники в дороге пробыли два месяца. Пристав Кибиров слал вдогонку телеграмму за телеграммой: «Не задерживайте, переправляйте в Красноярск ссыльных призывников». На пристава нажимали из Красноярска. Боясь ответственности и желая скрыть замедленное продвижение призывников, пристав показал в своем рапорте отправку ссыльных из Туруханки на месяц позже. Ссыльные чувствовали себя почти «на свободе» и не подчинялись местным урядникам, которые уговаривали «партию» быстрее передвигаться. Особенно их пугало то, что задерживается Сталин. А Сталин спокойно продолжал затягивать это путешествие.

Наконец туруханские призывники — Сталин, Борис Иванов и другие — в конце декабря 1916 года прибыли в Красноярск. Сталин остановился на явочной квартире у Ивана Ивановича Самойлова. Царские чиновники хотели отправить Сталина в армию, на войну, но не решились, — они боялись его влияния, его революционной работы среди солдат. В то же время вернуть Сталина обратно в Туруханский край было трудно, весенняя распутица могла застать его на обратном пути, и, кроме того, у Сталина через несколько месяцев кончался срок ссылки.

Как только Сталин приехал в Красноярск, он вызвал меня из Ачинска— ему нужно было установить связь с местными большевиками, с большевистской организацией. В то время в Красноярске уже существовала военная организация, которая работала в армии, печатала и распространяла революционные листовки среди солдат.

Красноярский губернатор направил Сталина отбывать оставшийся срок ссылки в Ачинск, где Сталин и прожил до 8 марта 1917 года.

Надвинулись февральские события. Первые вести о падении царизма докатились до нас 3 марта по старому стилю.

Сталин поспешил с отъездом. 8 марта он вместе с группой ссыльных в экспрессе выехал из Сибири. По пути Сталин послал Ленину за границу приветственную телеграмму, в которой сообщал о своем выезде в Петроград. По дороге на каждой стан

ции возвращавшихся из ссылки революционеров встречали толпы народа со знаменами.

12 марта (старого стиля) Сталин приехал в Петроград и тут же направился в Таврический дворец, где происходили тогда митинги солдат...[1]

Яков Свердлов

СТАЛИН В ССЫЛКЕ

В письме от 22 марта 1914 года к Л. И. Бессер «из заполярных краев» Яков Свердлов так описывает обстановку в Курей- ке: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что я живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с кот[орым] мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев — ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают»[2]

А. С. Аллилуева

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

...Первые мартовские вечера всегда, казалось мне, преображали знакомые улицы столицы. Эту сумеречную необычность широких проспектов Санкт-Петербурга — мы называли его теперь Петроградом — я ощутила особенно остро весной 1917 года.

Обновленным, молодым, по-иному красивым представал предо мной Петроград.

[1] *Швейцер В.* Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщицы. М., 1940. С. 9—47.

[2] *Городецкий* Я, *Шарапов Ю.* Свердлов М. ЖЗЛ., 1971. С. 97—98.

Шагая вечерами, после занятий, домой, я жадно подмечала каждую подробность весенней жизни города. Милиционер в студенческой фуражке неловко и непривычно переминается на посту, поднимая руку с красной повязкой на рукаве. Грузовик останавливается на углу, окруженный толпой молодежи. «Митинг», — думаю я. Остановиться, послушать? Нет! Я бегу дальше. Нельзя задерживаться: дома сейчас собирается семья. Скоро вернется отец: мы редко видим теперь его дома: в завкоме и по электростанции у него много дела. А мама вернется тоже поздно. Хозяйство, заботы о быте лежат на мне. Я прибавляю шагу. Я тороплюсь к паровичку.

Пыхтя и громыхая, подкатывают к остановке двухэтажные вагончики. Я взбираюсь наверх. Паровичок, собравшись с сй- лами, устремляется вперед, пробегает Старо-Невский и мчит нас к набережной. Нева здесь угрюмая. Ей точно скучно после дворцов и парадных особняков омывать унылые домишки заставы. Я соскакиваю с поезда там, где Нева подбегает к корпусам Торнтоновской фабрики. Напротив поднимаются три этажа нашего дома. Там пункт кабельной сети, которым заведует отец. Я вбегаю в подъезд. В радостной приподнятости (она не покидает меня с первых дней революции) вхожу домой. Кто-то из товарищей монтеров открывает дверь.

— Наши дома? — спрашиваю я и оглядываюсь, висят ли в передней знакомые пальто.

Но мужское черное драповое пальто на вешалке мне незнакомо. И на столике чей-то длинный теплый полосатый шарф.

— Кто у нас? — спрашиваю я монтера.

— Вернулся Сталин... — отвечает он. — Из ссылки... Только приехал.

Сталин! Иосиф! Вернулся! Уже в Петрограде! Да, да: он ведь писал отцу с дороги. Мы ждали его. И все-таки эта,весть поражает меня. Быстро распахиваю дверь. В комнате, у стола, стоит наш гость. Я помню: он не любит долго сидеть и, даже рассказывая что-нибудь, шагает по комнате. Движения его при этом спокойны и уравновешенны. И сейчас вот, увидев меня, он неторопливо делает шаг в мою сторону.

— А!.. Здравствуйте! — говорит Иосиф.

Я не видела его четыре года. Четыре года, которые он провел в ссылке, в тяжком, суровом одиночестве. Да, конечно, он изменился. Я хочу уловить: в чем же то новое, что я замечаю в нем? В одежде? Нет. Он в таком же темном, обычном для него костюме, в синей косоворотке. Странными, пожалуй, кажутся мне

его валенки. Он не носил их раньше. Нет, изменилось его лицо. И не только потому, что он осунулся и похудел, — это, должно быть, от усталости. Он так же выбрит, и такие же, как и раньше, недлинные у него усы. Он так же худощав, как прежде. Но лицо его стало старше — да, да, значительно старше! А глаза — те же. Та же насмешливая, не уходящая из них улыбка.

— Как вы нас отыскали? — нахожу я наконец слова. — Вот уж не думала увидеть вас сегодня.

Иосиф вынимает изо рта свою трубку, — трубку, без которой с тех пор я не могу его представить.

— Видите, отыскал. Попал, конечно, туда, на старый адрес, на Выборгскую... Там сказали... И куда вас в этакую даль занесло? Ехал на паровике, ехал, ехал, думал — не доеду.

— Да, мы недавно здесь. Думаем переезжать. А давно ли вы тут у нас? Папа скоро вернется и мама тоже, — бросаю я слова, досадуя, что вот наконец-то из такого далека приехал долгожданный человек — и никто его не встретил, не принял, как надо.

— Да час, пожалуй, с лишним. Ну, как вы здесь все? Что Ольга, Сергей? Где Павел, Федя? Где сестра?

Я тороплюсь объяснить, что Павел на фронте и писем от него давно уже нет. Федя, наверное, где-то задержался. А Надя сейчас придет — она на уроке музыки.

И, спохватившись, я вспоминаю о своих хозяйских обязанностях:

— Вы, наверное, голодны. Хотите поесть? Я сейчас приготовлю.

— Не откажусь... От чаю не откажусь...

Я выбегаю из комнаты — скорей на кухню: успеть бы управиться. В передней сталкиваюсь с отцом.

— Иосиф приехал... — бросаю я на ходу.

Отец торопливо шагает в столовую. Я слышу взволнованные восклицания, вопросы. Папин голос радостно гудит.

Самовар только что разожжен, когда в кухне появляется Надя.

— Кто это у нас? — спрашивает она с любопытством. Она Даже не успела снять свою шапочку и пальто.

— Иосиф приехал... Сталин...

— А!.. Иосиф!..

Надя сбрасывает пальтишко и идет в столовую. Когда я вновь появляюсь, чтобы накрыть на стол, в столовой уже оживленно и шумно. Отец, мама, Надя, Федя окружили Иосифа. Смех,

взрывы смеха... Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые присяжные, доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам. Иосиф копирует очень удачно. Так и видишь захлебывающихся от выспренних слов говорилыциков, бьющих себя в грудь, повторяющих: «Святая революция, долгожданная, родная... пришла наконец-то...» Очень смешно изображает их Иосиф. Я хохочу вместе со всеми.

— Кормите же скорее гостя, — торопит нас отец.

Мы хлопочем вдвоем с Надей. И скоро на столе дымятся сосиски, которые, к нашей величайшей радости, нашлись в шкафу.

Долго мы сидим, слушаем гостя.

Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня.

Сталин рассказывал, как попал он в Ачинск. В октябре 1916 года ссыльных призывали в армию. Из Туруханского края ссыль- ных-призывников и с ними Иосифа Виссарионовича отправили в Красноярск. Добирались туда на собаках, на оленях, пешком. На пути останавливались, встречались с сосланными товарищами, а чтобы не вызывать подозрения, устраивали гулянки: мобилизованные, дескать, кутят— прощаются перед уходом в армию.

Но для армии Сталина забраковали.

— Сочли, что я буду там нежелательным элементом, — говорил он нам, — а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение крови. Сталин был при смерти. •

— Не знаю, что меня спасло тогда: здоровый организм или мазь деревенской знахарки, — но я выздоровел, — вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался навсегда, к этому-то и придрались красноярские чиновники. Отбывать оставшийся срок ссылки они послали Сталина в Ачинск.

Мы просим Сталина рассказать о ссылке, о крае, где провел он столько лет. И он говорит: о севере, о тундре, о бесконечных снежных далях, о замерзших реках, где у проруби просиживают часами низкорослые добродушные люди. Он жил в их простой избе. Он заслужил их доверие, и они полюбили его.

—...Они звали меня Осипом и научили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда, замечаю — хозяева мои шепчутся. И однажды говорят: «Осип, ты слово знаешь!» Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили, — все равно, шла рыба или нет. А я выйду на ловлю, ищу места: рыба идет — сижу, нет ее — ищу другое место. Так — пока не добьюсь улова. Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне.

Он вспоминал северные реки: Енисей, Курейку, Тунгуску, волны которых текут, сливаясь с небом, спокойным и задумчивым, молчаливым небом севера. Но яростны и неукротимы волны северных рек, когда они поднимаются на человека.

— Случалось, что буря заставала меня на реке. Один раз показалось, что все уже кончено. Но добрался до берега! Не верилось, что выберусь, — очень уж разыгралась тогда река.

Потом Иосиф Виссарионович начинает расспрашивать нас о пережитом. Ему интересны все наши рассказы.

Самовар давно потух, а мы все сидим и слушаем гостя.

— А когда вам завтра вставать? — спрашивает Иосиф. — Мне надо завтра рано утром быть в редакции «Правды».

— И мы встанем рано. Нам тоже надо в город... Мы разбудим вас, — обещаем мы.

Сталина укладывают спать в столовой, там же, где спит папа, на второй кушетке. Мы уходим в комнату рядом — это наша общая спальня: моя, мамы и Нади.

Но спать нам не хочется. Мы с Надей болтаем, шепчемся, вновь и вновь вспоминаем. Неожиданно Надя повторяет слова вокзальных ораторов, которым так удачно подражал Сталин. Это до того смешно, что мы не можем удержаться и фыркаем в подушки. Мы знаем, что за стеной ложатся спать, но чем больше мы стараемся удержать смех, тем громче наши голоса. И вдруг стук в стенку. Это отец.

— Да замолчите вы наконец, егозы этакие! Спать пора!

Восклицание отца покрывает голос Иосифа:

— Не трогай их, Сергей! Молодежь... пусть смеются...

И только тогда, притворившись, что мы и в самом деле пристыжены, мы замолкаем.

Но рядом в комнате еще слышны голоса. Сталин беседует с отцом о делах электростанции, о районах, с которыми связан папа. Отец делится своими сомнениями, рассказывает о своих успехах:

— В завкоме много меньшевиков и эсеров, приходится здорово воевать...

— Как, рабочие читают «Правду»? — спрашивает Сталин.

— «Правда» идет нарасхват, — говорит отец. — Не хватает экземпляров...

Мы уже засыпаем, но все еще слышим густой отцовский голос, прерываемый короткими, отрывистыми репликами Сталина.

Нам не приходится утром будить гостя. Он просыпается раньше нас. Мы усаживаемся за стол и торопливо пьем чай. По рукам ходят свежие газеты. Утро приносит вести о том, что творится там, за стенами дома, там, куда сейчас уйдет Иосиф, куда уходит отец и куда готовимся уйти и мы.

— Скорей, скорей, — торопит нас Иосиф Виссарионович.

Опять старомодный запыхавшийся паровичок бежит к остановке. Вчетвером — Иосиф, Федя, Надя и я — мы взбираемся на крышу двухэтажного вагончика.

— Куда, собственно, вы собрались? — допытывается Иосиф Виссарионович. — Сегодня воскресенье...

Мы объясняем Сталину, что собираемся переезжать с Невской заставы, где так далеко от города, и едем искать новую квартиру. На одной из Рождественок сдается, кажется, совсем подходящая.

— Ну, вот и хорошо, — довольно замечает Иосиф. — Вот и хорошо. Только вы обязательно в новой квартире оставьте комнату для меня. Слышите, обязательно оставьте...

С этими словами он вместе с Федей покидает нас. И еще раз, кивая нам на прощанье, повторяет:

— Так смотрите же, обязательно. И для меня комнату! Не забудьте...

...Комната Иосифа Виссарионовича на Рождественке наконец дождалась хозяина.

После отъезда Ильича Сталин зашел к нам. Заговорили о переезде его в нашу квартиру.

— Очень бы хотелось перебраться к вам, — сказал Иосиф Виссарионович. — Но думаю, что сейчас не стоит. За квартирой могут начать слежку. Из-за меня могут быть неприятности у вас.

— О нас, Иосиф, не беспокойтесь. Мы к слежкам привыкли, — ответила на это мама. — Вашему присутствию в квартире я буду только рада, но если для вас это опасно, лучше, конечно, переждать.

Но когда Иосиф Виссарионович через недельку зашел снова, мама решительно заявила:

— Слежки за домом как будто нет. Переселяйтесь к нам. Сможете отдохнуть, выспаться, жить более нормально.

Так Иосиф Виссарионович остался у нас.

В день переезда к нам Сталин казался озабоченнее обычного. Пришел он поздно вечером. После чая сейчас же ушел к себе, и, засыпая, мы слышали, как он неторопливо шагал в своей комнате. Заснул он, вероятно, много позже, — свет в его комнате долго не гас. Утром он вышел в столовую, когда мы все уже сидели за завтраком. Придвинув к себе стакан чая, он улыбнулся:

— Ну, выспался, как давно не удавалось. — Потом, точно вспомнив что-то, обратился к маме: — Вы не беспокойтесь, если день или два не приду ночевать. Буду занят, да и не мешает соблюдать осторожность.

Он и в самом деле не ночевал у нас несколько дней. Иногда под вечер, иногда рано утром он забегал, чтобы переодеться, выпить стакан чая или на полчаса вздремнуть у себя в комнате.

Переезд Сталина к нам совпал с открытием VI съезда партии, проходившего полулегально. Агенты Керенского выслеживали участников съезда, особенно старательно подстерегая членов ЦК. Сталину, делавшему на съезде доклад, приходилось быть все время настороже. Поэтому-то не приходил он ночевать в эти дни и только забегал, вырывая для короткого отдыха неурочное время.

Все его вещи были в небольшой плетеной корзинке, которую он привез еще из ссылки. В ней были его рукописи, книги, что-то из одежды. Костюм у него был один, давнишний, очень потертый. Мама однажды взялась починить его пиджак и после тщательного осмотра заявила:

— Нельзя вам больше, Иосиф, ходить в таком обтрепанном костюме. Обязательно нужен новый.

— Знаю, все знаю, Ольга. Времени только нет этим заняться. Вот если бы вы помогли...

Мама вместе с тетей Маней обошли магазины и раздобыли Иосифу Виссарионовичу костюм, который вполне пришелся ему по размеру. Сталин остался доволен и только’попросил маму сделать ему под пиджак теплые вставки. У него болело тогда горло, да и не любил он носить воротнички с галстуком. Мастерица на все руки, тетя Маня сшила Иосифу Виссарионовичу две черные бархатные, с высоким воротом, вставки. Он носил их.

В комнатах на Рождественке становилось оживленней и шумней.

Вернулся Федя. К началу занятий приехала из Москвы Надя.

Она расспрашивает меня и сама торопится поделиться со мной всем, что слышала и видела.

— Ленин! Ленин был у нас! Счастливая, ты видела Ленина! — восклицает она и вдруг смеется. — Ты подумай, как удивительно. И там, на даче, тоже разделились на два лагеря. Те, что были не с нами, придумывали всякие басни о большевиках, о Ленине. А чтобы оскорбить меня, мне вслед кричали: «Ишь ты, какая... большевичка! Недаром твой отец из тех, кто скрывает Ленина...»

Она шумно обрадовалась пианино, проиграла на нем любимые вещи и, усталая от дороги, улеглась спать.

Надя любила хозяйничать, любила в доме образцовый порядок.

На другой день приезда спозаранок она взялась за работу. Передвинула все вещи, заново убрала все в столовой и спальне.

На шум переставляемой мебели выглянул Сталин.

— Что это тут творится? — удивился он. — Что за кутерьма? — И увидел Надю в фартуке, со щеткой. — А, это вы! Ну, сразу видно — настоящая хозяйка за дело взялась!

— А что! Разве плохо? — встала в оборонительную позу Надя.

— Да нет! Очень хорошо! Наводите порядок, наводите... Покажите им всем...

С утра, выпив с нами чаю, Иосиф Виссарионович уходил на весь день. Не каждую ночь удавалось ему вернуться домой, к себе в комнату. Часто и папа не ночевал дома. Вечерами в столовой мы с Надей подолгу поджидали их обоих.

Я теперь работала в Смольном. Мы знали — силы большевиков прибывают. Вернувшись к вечеру домой, я говорила об этом с Надей. Она нетерпеливо расспрашивала:

— Кто выступал сегодня? Кого ты слышала, о чем говорят товарищи?

Надя еще училась, но все в гимназии было ей чуждо, неинтересно и далеко. Не в классах, где гимназистки повторяли сплетни о большевиках, были ее мысли. Давно переросла она восторженных поклонниц «душки» Керенского и знала, что переубеждать их бессмысленно. Большинство гимназисток рассуждали, вероятно, повторяя слышанное дома:

— Большевики! Ужас, ужас! Чего они хотят?! Все уничтожить!

Что они знали о большевиках, о том, за что борются большевики! Но громко говорить об этом еще нельзя. Не следовало привлекать внимание к себе, к дому, где бывали те, за кем охотились враги. Но убеждений своих Надя не скрывала.

— Ну вот, окончательно прослыла большевичкой, — сообщила она как-то. И рассказала: — Понимаешь, гимназистки вздумали собирать пожертвования. Для каких-то обиженных чиновников... Пришли к нам, обходят всех. Все что-то дают, жертвуют!.. Подходят ко мне. А я громко, чтобы все слышали, говорю: «Я не жертвую». Они, конечно, всполошились. «Как не жертвуешь? У тебя, наверное, денег с собою нет, ты, наверное, дома забыла». Я повторяю: «Нет, деньги у меня есть... Но я на чиновников не жертвую...» Тут-то и поднялось. Все в один голос: «Да она большевичка! Конечно, большевичка...» Ну, а я очень довольна... Пусть знают.

Я не всегда могла удовлетворить законное Надино любопытство. За будничной канцелярской работой в одном из отделов Смольного трудно было мне ухватить все славное, что совершалось вокруг. Тем нетерпеливей поджидали мы обе возвращения своих. Мы торопились узнать правду о новом, сегодняшнем.

О заводах Выборгской, Васильевского, Невской заставы рассказывал отец. Все уверенней говорил он о том, как возрастает влияние и авторитет рабочих-большевиков. Подробно о заводских событиях расспрашивал отца Иосиф Виссарионович. Он вникал во все, советовал отцу, как поступать дальше, говорил, какими словами надо вернее бить маловеров, колеблющихся.

Мы слушали беседы Сталина. Огромное совершаемое большевиками дело становилось ощутимей, понятней.

Иногда Сталин не появлялся несколько дней. Мы поджидали его и долго не укладывались спать. Бывало так, что, когда мы уже теряли надежду и ложились в постели, в дверь к нам неожиданно стучал кто-то.

— Неужели спите? — слышали мы голос Сталина. — Поднимайтесь! Эй вы, сони! Я тарани принес, хлеба...

Мы вскакивали и, накинув платья, бежали в кухню готовить чай. Часто, чтобы не будить спавших в столовой отца и маму, мы собирались в комнате Иосифа. И сразу становилось шумно и весело. Сталин шутил. Карикатурно, иногда зло, иногда добродушно, он изображал тех, с кем сегодня встречался. В доме мишенью Дня его незлобивых шуток была молоденькая, только что прие

хавшая из деревни девушка. Ее звали Паня. Она по-северному окала и часто повторяла:

— Мы-то... скопские мы!..

— Скопские, — смеясь и напирая на «о», поддразнивал девушку Сталин. — Отчего же это вы такие, скопские? А ну, расскажи!

Паня поднимала фартук к лицу и фыркала.

— Да уж какой ты, эдакий, все смеешься! — И под общий хохот повторяла: — Конечно же, скопские мы.

Он любил давать клички людям. Были у него свои шутливые любимые прозвища. Если он был в особенно хорошем настроении, то разговор с нами он пересыпал обращением: «Епи- фаны-Митрофаны».

— Ну как, Епифаны? Что слышно? — спрашивал он. Добродушно вышучивая кого-нибудь из нас или журя за неточно выполненное поручение, за какую-нибудь оплошность, он повторял: «Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!»

Было у него еще словечко: «Тишка». Он рассказывал, что дал такую кличку собаке, которую приручил в ссылке. Любил вспоминать об этом псе.

— Был он моим собеседником, — говорил Сталин. — Сидишь зимними вечерами, — если есть керосин в лампе, — пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза, уляжется, жмется к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнешься, потреплешь его за уши, спросишь: «Что, Тишка, замерз, набегался? Ну, грейся, грейся!» .

Рассказывал он, как в длинные полярные вечера посещали его приятели-остяки.

— Один приходил чаще других. Усядется на корточки и глядит не мигая на мою лампу-молнию. Точно притягивал его этот свет. Не проронив ни слова, он мог просидеть на полу весь вечер. Время от времени я давал ему пососать мою трубку. Это было для него большой радостью. Мы вместе ужинали мороженой рыбой. Я тут же строгал ее. Голову и хвост получал Тишка.

Рыбу Сталин, как уже было сказано, сам добывал, запасая ее с теплых дней. Но и зимой приходилось пополнять запасы. В прорубях устанавливали снасти, вешками отмечая путь к ним. Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий — за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошел к своим снастям. Улов был богатый, и, перекинув через плечо тяжелую связку рыбы, Сталин двинулся в

обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с .ног. Связка замерзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал ношу. Расстаться с ней — значило обречь себя на голод. Не останавливаясь, борясь с ветром, Сталин шел вперед. Вешек не было видно — их давно замело снегом. Сталин шел, но жилье не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, послышались голоса.

— Го-го-го! — закричал он. — Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замерзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он все же продолжал идти вперед. Остановиться — значило погибнуть. Пурга все бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда, казалось, — надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жилье! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в нее, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осип, ты? — Они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали — водяной идет. Испугались и убежали... ,

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шарахнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да еще рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков, смущенно окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге.

Иногда во время вечерних чаепитий в его комнате Сталин подходил к вертящейся этажерке у кровати и доставал томик Чехова.

— А хорошо бы почитать. Хотите, прочту «Хамелеона»?

«Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчеркивая неповторимо смешные Реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать еще. Он читал нам часто из Пушкина и

из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он чеховскую «Душечку».

— Ну, эта-то! Настоящая «Душечка», — часто определял он чеховским, эпитетом кого-нибудь из знакомых.

Рассказывая о самых больших, серьезных событиях, он умел передать, подчеркнуть их смешную сторону. Его юмор точно и ярко показывал людей и события. Помню, как повторяли у нас дома его рассказ о заседании ЦК, на котором обсуждался вопрос о том, садиться ли Ленину под арест. Сталин изображал, как темпераментный Серго Орджоникидзе, хватаясь за несуществующий кинжал, восклицал:

— Кинжалом того колоть буду, кто хочет, чтобы Ильича арестовали!

Приятельски ровно умел обходиться Иосиф Виссарионович с молодыми нашими друзьями, завсегдатаями дома — Фединими товарищами, моими и Надиными подругами.

Как бы поздно ни возвращался домой Иосиф Виссарионович, он и после наших чаепитий, и после бесед с мамой и отцом всегда усаживался за работу. Усталость, вероятно, брала свое, и, может быть, поэтому у Иосифа Виссарионовича выработалось обыкновение — прежде чем сесть за письменный стол, ненадолго прилечь на кровать. Дымя трубкой, он сосредоточенно и углубленно молчал, а потом неожиданно поднимался и, сделав несколько шагов по комнате, садился за стол. Как-то случилось; что Сталин задремал с дымящейся трубкой в руке. Проснулся он, когда комната уже наполнилась гарью: тлело одеяло, прожженное огнем из трубки.

— Это со мной не впервые,— с досадой объяснил Сталин, — как ни креплюсь, а вдруг и задремлю...[1]

СТАЛИН О БУДУЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

26 июля открылся шестой съезд РСДРП(6), в отсутствие Ленина, скрывавшегося вместе с Зиновьевым в Разливе от суда Временного правительства (по обвинению в шпионаже в пользу Германии). С отчетным докладом выступил на нем Сталин. Среди других вопросов обсуждался и вопрос о перспективе революю

[1] *Аллилуева А.С.* Воспоминания. М., 1946. С. 164—190.

ции в России. Один из делегатов, Преображенский, предложил внести в девятый, заключительный пункт резолюции положение о том, что со взятием революционными классами государственной власти направление ее к социализму возможно «при наличии пролетарской революции на Западе». Эта идея тогда разделялась и Лениным, а в резолюции Бухарина «Текущий момент и война», одобренной делегатами, свержение капитализма в России связывалось с предварительной мировой пролетарской революцией. Сталин выступил против этой идеи, утверждая, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму».

В результате голосования поправка Преображенского не прошла, Сталин получил поддержку делегатов.

Спустя несколько лет, в середине двадцатых годов, эта полемика по вопросу о социализме разгорится с ожесточенной силой — между троцкистами с их «перманентной революцией», отношением к России как к материалу для мировой революции, и Сталиным, с его строительством «социализма в одной, отдельно взятой стране», с государственностью, не зависимой от мировой революции, от мировых капиталистических сил.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛИНА НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП(б) *(конец июля — нач. августа 1917 г.)*

...ВОЗРАЖЕНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПО ВОПРОСУ О 9-м ПУНКТЕ РЕЗОЛЮЦИИ «О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ»

3 августа

Сталин читает 9-й пункт резолюции:

9. «Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества».

Преображенский. Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму». Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией Бухарина.

Сталин. Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к

социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.

Председатель. Ставлю на голосование поправку Преображенского. Отклоняется[1].

[1] *Сталин КВ.* Собр. соч. М., 1947. Т.III. С. 187—188.

Глава третья

ОТ РЕВОЛЮЦИИ - К АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ

В период с 25 октября (7 ноября) 1917-го и почти до конца 1929 г. И. В. Сталин из рядового члена Политбюро ЦК РСДРП(б) превратился во всесильного Генерального секретаря коммунистической партии, обладавшего не меньшей, а, пожалуй, большей властью, чем В. И. Ленин. Последнего он считал своим великим учителем, постоянно клялся ему в верности. И демонстрируемую при каждом удобном случае эту верность Сталин последовательно использовал в борьбе со своими партийными соперниками за абсолютную власть. В этой борьбе он одержал победу благодаря своему проницательному уму, стальной воле, выдержке, искушенности в аппаратных интригах, смелости и беспощадности.

Если верить клятвам Сталина, то можно подумать, что он всегда послушно, рабски следовал Ленину, ни в чем ему не противоречил, был послушным, педантичным исполнителем его воли. Это далеко не так. Сталин был реалистом в политике и несомненно большим реалистом, чем Ленин. Когда Ленин еще продолжал проповедовать необходимость мировой пролетарской революции, Сталин все более стал утверждаться в мысли, что надо ограничиться более скромной задачей — построить социализм в одной стране, в России.

Выступив с такими идеями, Сталин сразу же столкнулся с Троцким, с его теорией «перманентной революции», в которой пролетариату отсталой России отводилась роль жертвенного костра для возжигания пролетарской революции на Западе. Так, Троцкий носился одно время с мыслью о военной интервенции Красной Армии не только в Польшу, но и в Германию для революционизирования тамошнего пролетариата. Но, как известно, из этого ничего не вышло. Слишком опасной и губительной

^ Сталин в восп. совр.

могла оказаться для нашей страны эта авантюра. Борьба Сталина и Троцкого после Октября стала в центре политических битв, разгоревшихся в верхних эшелонах власти в нашей стране в двадцатых годах.

В этой трудной изнурительной борьбе победил Сталин со своей программой построения социализма в России, которая снискала поддержку в партии и народе. Народ не сбили с толку обвинения Троцким Сталина в «национальной ограниченности». Он не попался на удочку троцкистских интернационалистских лозунгов, шедших вразрез с национальными интересами нашего народа. Троцкий выступал за милитаризацию труда, за формирование трудовых армий, в которые силком предполагалось загонять рабочих и крестьян, за создание концентрационных лагерей для недовольных советскими порядками людей. Эти «инициативы» Троцкого не прибавили ему авторитета в народных массах, которых он охаивал как тупых и ленивых исполнителей.

Сталин оказался прозорливее Ленина и в ряде других важных вопросов. Так, Ленин и Троцкий подложили мину замедленного действия под фундамент России, когда начали в 1920 году ликвидировать губернии, искусственно создавать национальные образования. Из приведенных в'данной главе документов видно, что Сталин в государственном строительстве отстаивал идею унитаризма и предоставления административно-территориальным частям государства ограниченных автономных прав. Он выступал против принципов федерализма в государственном строительстве, которые отстаивал Ленин. Под давлением Ленина Сталин пошел на некоторые уступки его проекту, но делал серьезную оговорку, что федерализм является временной переходной фазой государственности, что будущее за унитарным государством, о чем свидетельствовал мировой опыт.

Все сказанное не дает оснований для односторонней оценки Сталина как политического деятеля. Он был весьма противоречивой фигурой. В данной книге предпочтение оказывается авторам, старающимся дать объективный портрет этого исторического лица, не обеляя и не очерняя его. Представляется правомерным показать, с какими людьми Сталин сотрудничал и с какими вел борьбу. На этом фоне лучше прорисовывается его портрет.

Могут вызвать интерес приводимые в главе материалы о политике «военного коммунизма» и нэпа, важную роль в проведении которых сыграл Сталин.

Сергей Дмитриевский[1]

«СТАЛИН»

СМЕРТЬ ГУЛЯЕТ НАД СТРАНОЙ

Три года гражданской войны: напряженной, беспощадной, разрушительной, перевернувшей всю страну, всю ее залившей кровью... .

...Странная вещь гражданская война, — записывает в дневнике ее участник и герой Дроздовский. — Какое озверение вносит в нравы, какою смертельною злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим добровольцам... Сердце мое мучится, но разум требует жесткости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено и разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергшегося издевательствам и оскорблениям.

...В обстановке гражданской войны вырастали, учились жизни, духовно складывались люди, которые потом стали властвовать над Россией, — и те, кто идет в ней к власти сейчас.

В обстановке гражданской войны получил свою окончательную шлифовку Сталин.

СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

На Царицынском фронте началась борьба меж Сталиным и Троцким, не столько борьба двух больших честолюбий, сколько борьба двух человеческих слоев и двух линий в революции.

Весна 1919 года. Северо-западная добровольческая армия под командой генерала Юденича неожиданно перешла в наступ

[1] Сергей Дмитриевский — советский дипломат, имя которого в «Политическом отчете ЦК ХУГсъезду ВКП(б)» упоминал Сталин, заявив, что Дмитриевский «был выкинут» из пределов СССР и что «мы впредь будем выкидывать вон таких людей, как бракованный товар, ненужный и вредный для революции». Решение остаться на чужбине Дмитриевский принял самостоятельно, а переосмысливая пройденный путь в революции России, написал в 1931 году книгу «Сталин». Приводим фрагменты из этой книги.

ление и поставила под угрозу Петроград. В Финском заливе появился английский флот. Полковник Булак-Балахович повел со своими отрядами наступление на псковском направлении. Одновременно оживились на фронте эстонские отряды.

Три недели проводит Сталин в Петрограде. Железной рукой он восстанавливает порядок и дисциплину. Производит немедленную мобилизацию питерских рабочих и коммунистов, вливает их в части отступающей армии. Производит тщательнейшее расследование дел заговорщиков, выявляет все нити, жестоко отсекает их. В этом помогает ему не знающий пощады, работающий, как бездушная машина истребления, Петерс. Штабы подтягиваются, растерянность войсковых частей исчезает. Создается перелом сначала настроения, а потом и военного положения.

Первый поход Юденича на Петроград был ликвидирован.

Осень 1919 г. ...Самое трудное время для красной республики. Наступает решающий момент всей гражданской войны. Армии генерала Деникина подкатываются все ближе к Москве. Уже заняты Курск, Орел. Под угрозой Тула. Оттуда рукой подать до Москвы. Генерал Юденич опять готовит поход на Петроград. Положение самое отчаянное. Во многих армиях паническое настроение. Оно передается и населению — тем более, что у больших масс населения уже сочувствия к Советской власти нет. Многие как избавления желают прихода белых. Всюду подымают голову организации содействия белой армии, даже в самой Москве. А тут еще продовольственное положение обострилось как никогда. В столицах, особенно в Петрограде, — настоящий голод. Вместо хлеба выдают немолотый овес. Промышленность почти остановилась, нет топлива. Снабжать армии почти нечем.

Нужен перелом на фронте. Нужна стальная рука, опытная уже в военном деле, имеющая доверие и опору в армейских массах. Кто? — Только Сталин.

Сталин ставит перед Лениным и Центральным Комитетом три условия.

Первое: Троцкий не должен вмешиваться в дела Южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии.

Второе: с Южного фронта должен быть немедленно отозван ряд работников — протеже Троцкого, — которых Сталин считает вредными для дела восстановления боеспособности фронта.

Третье: на Южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина-

Ленин собственноручно написал приказание высшему штабу об изменении отжившей себя директивы. План Сталина был

принят. Осуществление его повлекло за собой разгром Деникина и решительный перелом всего положения на фронтах гражданской войны в пользу красных. Кончилась гражданская война...

Партия Ленина никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне, ее «генеральной линии», охранялось сильной рукой и непререкаемым авторитетом ее создателя и вождя.

В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и все почти активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и возможность через эту власть многое осуществлять. Наметилась неизбежность жестокой борьбы...

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле — западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку, взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии — гегемонию западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней — то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции — вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» страны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полуколонии культурного капитала превратится в полуколонию культурного социализма,

в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков- управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение — как политическое, так и экономическое — городом деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизовался». В то же самое время от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным [v] духом.

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

ПИОНЕРЫ НОВОЙ РОССИИ

Судьба революции решалась не в кабинетах и квартирах партийных чиновников, не в столицах и городах вообще, но на фронтах гражданской войны, на широких полях земли, в дыму крестьянских восстаний, среди голода. Там редко бывали люди типа Троцкого. Изредка только проносились они по огненной линии фронта и по развороченным полям в блестящих салон- вагонах — и не столько помогали, сколько мешали. Там были свои люди. Там вырастал слой крепких людей русской просторной земли, который именно и лег в основу ленинской партии, который именно и проделал подлинную работу революции: черную, трудную, кровавую. Эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны. Часть из них, но очень небольшая, принадлежала к партийной «старой гвардии» — к

русской подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в подпольной революционной работе, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды, и интеллигенты, все — вплоть до дворян, до аристократов. В результате тяжелой жизни, упорной и кровавой борьбы они все стали внутренне на одно лицо. Их души поросли звериной шерстью, покрылись мозолями — и стали непроницаемыми для праздных сантиментов и сомнений. Много, много уродства было в их душах, как много было уродства и в сложившейся в своеобразных русских исторических условиях народной душе. Но эти люди были плоть от плоти народа. И именно такие люди были нужны стране в жестокую эпоху революции. Они походили на пионеров американского Запада. Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира...

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы. Внутри страны ими разрушались фактории иностранного капитала — динамитом коммунистических идей они хотели взорвать западный империализм в его собственных твердынях. Кроме того, идеи коммунизма вносили какой-то высший смысл в их борьбу. Они делали Россию носительницей огромной идеи мирового счастья, обетованной страной всех угнетенных народов, священной родиной социализма — совокупность их идей легла в основу своеобразного русского национал-коммунизма. Из них родились теории социализма в одной стране и красного империализма, ставшие краеугольными камнями сталинской системы.

С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее молодое, второе поколение. За ними, тесно с ними сливаясь, шла масса еще более фанатично-русской, еще более пронизанной непримиримостью к Западу и к западным идеям и людям молодежи, рожденной уже самой революцией.

Вождем этих слоев был Сталин. Он сам был плоть от плоти их, вырос, воспитался в тех же, что они, условиях. И эти слои на своих мускулистых руках и вынесли его к власти...

...Сталин не терял времени. Одержав формальную победу, которая на некоторое время закрепляла в его руках власть, он стал с лихорадочной быстротой осваивать партию и переделывать партийный аппарат: только это могло дать ему окончательную победу. Кроме Молотова, Дзержинского и Орджоникидзе, его ближайшими помощниками в этой работе были Бубнов и Андреев.

САМОДЕРЖАВИЕ ПАРТИИ

Сталин, сведя постепенно на нет все зачатки советского демократизма, создавшиеся было в последние ленинские годы, довел до крайнего выражения самодержавие партии в стране.

В то же время в самой партии централизация была доведена до крайних своих выражений...

И в то же самое время власть — как это ни странно — не отдалилась, но приблизилась к народным массам в известной их части. В самую партию были вовлечены большие массы новых членов, один за другим объявлялись наборы в партию «рабочих от станка», их принимали в нее десятками и сотнями тысяч. И это не ослабляло, но усиливало диктаторскую верхушку. Троцкий в свое время презрительно называл тысячи тысяч новых людей народной массы «голосующей скотинкой». Частично это верно: эта масса почти слепо шла за Сталиным... Но почему эта масса шла именно за Сталиным и его людьми? Была ими куплена? — Нет. Покупали в большинстве голоса именно троцкистской интеллигенции. Там продажность процветала — и ею Сталин широко пользовался. Но все увеличивавшаяся масса народных членов партии шла за сталинской группой главным образом потому, что находила в ней, в ее стремлениях, в ее идеях, в самой психологии людей, ее составлявших, что-то близкое и родственное себе. Она ощущала, что Сталин и его люди не просто играют в политику, не просто ищут власти, ради нее самой, ради выгод, какие она дает, но искренне стремятся что- то дать народу.

И эти широкие массы нового партийного материала, сочетавшись с народным же по своему происхождению и по своим устремлениям руководством, выполняли для него громаднейшую службу: они тысячами нитей связывали партию, вернее, сталинскую ее группу, с народными массами, которые они представляли, служили в этой массе проводниками и идеологии, и действий сталинизма.

Опираясь на партийный аппарат, опираясь на шедший за ним тогда почти целиком слой народных революционеров, опираясь на шедшую за ними часть народной массы, опираясь на большую часть активной молодежи, — играя на высоких и низменных инстинктах всех слоев партии, обольщая успехами революции одних, ударяя по национализму других, покупая третьих почестями, выдвижением, угрожая, ломая хребты, сажая в тюрьмы, расстреливая, убивая исподтишка, — Сталин победил в борьбе со всеми противниками из «старой гвардии».

Сталин почти одновременно разбил не только Троцкого, но и Каменева, и Зиновьева — и положил конец олигархии болота, в которой сам вынужден был так долго барахтаться. Троцкий был при презрительном и злорадном молчании страны отправлен сначала в ссылку, потом за границу. Каменев и Зиновьев скоро «покаялись», приползли обратно в партию, но власти уже не получили, а только сытный кусок, при условии — сидеть тихо и изредка помогать Сталину. Каменев был впоследствии использован Сталиным для провокации Бухарина на откровенные заявления, которые, будучи немедленно переданы Каменевым Сталину, послужили большим козырем последнего в борьбе с «правой оппозицией».

Сталинская система идей несложна — но в этом ее сила: она доступна самому примитивному пониманию. В основе всего у Сталина и сейчас, как и много лет назад, лежит ленинская теория империализма, «как кануна социалистической революции». Из нее Сталин выводит идею русского, вернее, русско-азиатского, совокупности русско-азиатских народов, объединенных в Советский Союз, мессианизма. А из этого, в свою очередь, естественно возникает идея «красного», «пролетарского», вернее же — русско-азиатского империализма.

— Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и на лагерь борьбы против империализма.

— Во главе недовольных и борющихся насмерть с империализмом становится наша страна, Советский Союз.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ

Вот та простая формулировка, которую дает совокупность идей Сталина. Здесь альфа и омега всего. Прочее — коммунизм, социализм — является придатком, орудием, формой, может меняться, в зависимости от потребности. Но основная идея — борьба с империализмом, разгром его — остается неизменной.

Для того чтобы иметь возможность не только противостоять Западу в его предполагаемых «интервенциях», но и победить его, нужно многое. Политически и идейно Россия, по мнению Сталина, и сейчас уже выше Запада. Но нужно догнать и перегнать Запад экономически. Отсюда стремление к быстрейшему преодолению русской экономической и технической отсталости. Отсюда индустриализация страны, создание собственной продукции средств производства. Отсюда коллективизация сельского хозяйства. Отсюда все большее усиление режима насилия в стране...

— Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Так говорит Сталин.

— Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!

Этот национал-коммунистический ход мыслей безукоризненно правилен, если стать на точку зрения Сталина и говорить не о независимости России вообще, но о независимости России сталинской, национал-коммунистической. Чисто национальная власть в России сумела бы и без сегодняшнего бешеного напряжения всех народных сил обеспечить право своей страны на независимое развитие: революция дала для этого достаточно предпосылок. Это право могло бы быть осуществлено национальной властью не на почве ожесточенной экономической и вооруженной борьбы с Западом, но, наоборот, на почве примирения и соглашения с ним. Именно с Запада могли бы прийти недостающие России для резкого экономического подъема, для реального осуществления в интересах русской нации планов индустриализации средства. .

Но иначе обстоит дело с властью национал-коммунистической, сталинской. На полное примирение и соглашение с Западом она неспособна. Это исключается всей концепцией сталинской мысли. Сталинская Россия и Запад — два разных и два борющихся мира. И дело не в военной интервенции с Запада, в которую и сам Сталин, конечно, не верит. Не этим путем Запад может его победить, но экономически и политически — своими основными идеями — внутри самой страны. Все дело в том, что индустриализация нужна Сталину не столько для обеспечения независимости России как таковой, сколько для сохранения за собой власти и для осуществления своих империалистических планов. Политическая власть давно уже в руках Сталина.

Но полной экономической власти в его руках до сих пор еще нет. Она возможна только на базе охватывающего всю без исключения экономическую жизнь страны монополистического государственного капитализма. Но пока что этого нет. А когда Сталин начал свою индустриализацию — и подавно не было. Промышленность была слаба, всех потребностей населения не удовлетворяла. Уже это одно открывало возможность влияния Запада. Но самое главное: существовало и крепло собственническое крестьянство. Здесь лежала главная опасность. Окрепши, крестьянство могло поставить вверх ногами положение дел в стране: не само быть «регулируемым» сталинской властью, но самому начать регулировать ее, что оно не однажды уже и пыталось делать, пряча хлеб, основу жизни страны. Это были слабые попытки. Но со временем они могли стать настойчивее и сильнее. Крестьянство, организовавшись экономически, могло сорганизоваться и политически — в рядах той же коммунистической партии, что уже стало намечаться.

СУРОВЫЕ И ОЗАБОЧЕННЫЕ ЛЮДИ

В просторной комнате в Кремле, за длинным столом, сидят суровые и озабоченные люди. В этой комнате собирались еще тогда, когда был жив Ленин. Отсюда управлялась страна. Тогда были дни больших надежд. Тогда все казалось простым и ясным. Впереди виделось спокойное и радостное будущее.

Ленин умер. От него в этой комнате остались только крышка стола, за которым он работал, да кресло: стоят в углу, за шелковым шнуром, как в музее. Да еще портрет на стене. И из тех людей, с которыми он работал, большинства уже нет. Новые, более молодые и более суровые, пришли сюда.

Председательствует Молотов. Самый сильный в стране после Сталина человек. Твердая воля. Ясный и упорный ум. Рядом с ним его правая рука — с измученным лицом, с блестящими от постоянного напряжения глазами, незаметный, невзрачный, но с громаднейшим запасом жизненной энергии — Андреев... Иной раз здесь собирается человек до пятидесяти. Все люди, вышедшие из войны и революции. Избранные случаем, судьбой, люди сегодняшней страны, те, от кого, в их совокупности, зависит многое и в настоящем ее, и в будущем. Это Совнарком, значение которого сильно поднялось после того, как его председателем стал Молотов.

Все вопросы жизни страны проходят перед ними. И мрачнеют лица. Выдержит ли страна? Правилен ли путь?

Все они долго шли вместе. Все они до ослепления любят свою родину, прекрасную Россию. Но сейчас, на поворотном пункте ее истории, многие думают по-разному.

Одни готовы на все закрыть глаза —■ и упрямо идти вперед сегодняшними путями.

— Народ устал? Не хочет уже жертвовать всем? Хочет жить для себя? Требует мира? Хлеба? Свободы?.. Ничего. Потерпят...

Другие, наоборот, все шире раскрывают глаза, все больше оглядываются на живую народную жизнь, стараются вдуматься в народные нужды, желания, тайные мысли.

— Не пора ли, — думают они, пока что еще нерешительно, сомневаясь,— по-иному как-то сомкнуться с народом? Пойти по пути не мертвой идеи, но живых потребностей сегодняшнего дня?..

...Спокойный, неподвижный сидит Сталин — с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут только глаза. Все мысли, желания, планы стекаются к нему. Он читает, слушает, напряженно думает. Уверенно, не спеша отдает приказания. Плетет сеть интриг. Возвышает одних людей, растаптывает других. Покупает, продает тела и души.

...Он знает все, что происходит на просторах огромной России. Но его ничто не волнует. У него нет сомнений. Ему никого и ничего не жалко. Понадобилось — и он залил кровью родную Грузию, железными цепями диктатуры приковал ее к телу социалистической России. Может быть, под пулями его солдат падали сверстники его детских игр... Что из того! Они оказались предателями. Они просили помощи у империалистов Запада, сговаривались с вековым врагом, с Англией. Предателям — смерть! Нет, ему никого не жалко. Великое дело требует таких же и жертв... Жизнь идет вперед — и время разрушает все. Качается уже и трон его власти. Он знает и это. Он чувствует, что все большей становится пустота вокруг него. Но почему? Разве его путь — не народный путь?

Сегодня — нет. Сталин уже пройденный этап революции. Он нужен был для того, чтобы практически поставить в порядок дня задачу роста национального самосознания великого народа. Он нужен был для того, чтобы острым плугом стальной воли и безграничной власти перепахать русскую землю, выкорчевывая из нее все старое. Он нужен был для того, чтобы заложить материальный фундамент здания новой национальной им

перии. Это сделано. На взрыхленной им почве вырастают новые люди и новые идеи.

Эти люди возьмут многое из намеченной вместе с ним программы. Но внесут одно громадное добавление, одну идею, отсутствие которой сводит на нет все его усилия, делает мертвым все, к чему он ни прикоснется — рожденную и выношенную ненавистным Сталину Западом идею свободы человеческой личности. Значение этой идеи понял великий Ленин. Его понимают и новые его наследники. Из свободы личности — и только из нее — вырастает хлеб: основа жизни, человека, страны, нации.

Стокгольм. 4 апреля — 28 мая 1931 г.[1]

В. Надточиев

«ТРОЙКА», «СЕМЕРКА», СТАЛИН

«ВЗРЫВ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ АБСОЛЮТНО НЕОЖИДАННЫМ»

Это признание принадлежит Троцкому. Он сделал его, уже находясь в далекой Мексике, через тринадцать лет после XIV съезда ВКП(б).

Трудно поверить, что всегда самоуверенный, высокомерный со всеми (за исключением Ленина), заносчивый, категоричный в суждениях, всезнающий Лев Давидович Троцкий,, окруженный многочисленными помощниками и осведомителями, вдруг оказался в положении героев гоголевского «Ревизора» — удивленно-растерянно-пораженным.

Можно, правда, предположить, что такой прием понадобился ему для того, чтобы как-то объяснить свою позицию молчания, которую он занимал на съезде. Ему — члену Политбюро — несомненно было известно, что в развернувшейся к этому времени внутрипартийной борьбе по проблемам социалистического строительства отчетливо обозначились два лагеря: «большинство» во главе со Сталиным и Бухариным и «новая оппозиция» с ее лидерами Зиновьевым и Каменевым. И те, и другие имели своих преданных сторонников. Их идейные разногласия усугуб

[1] «Советская Россия». 12 авг. 1990. С. 4.

лялись еще и борьбой за власть, за личное лидерство в партии. И Сталин, и Зиновьев с Каменевым, и, конечно, Троцкий ставили процесс выработки политически верных решений в зависимость от успеха в этой борьбе. Все это, вместе взятое, диктовало им и выбор сторонников, и политическую позицию. Можно добавить только одно: в отличие от других членов Политбюро (Бухарина, Рыкова, Томского), Троцкий не осуждал действий оппозиции и не сделал ни единого шага, чтобы как-то устранить имевшиеся разногласия внутри Центрального Комитета. А они были, и серьезные.

В первые годы после Ленина дискуссии в партии приобрели особую остроту. Пожалуй, цель их была не в коллективной выработке решений, а в выявлении тех, кто высказывал особое мнение или свою позицию, порой не схожую с «генеральным курсом». Как правило, это были отдельные члены партии или группы, критически настроенные к официальному курсу, но в то же время, как им казалось, стремившиеся вынести на обсуждение партии свою программу действий, предложить свои «рабочие гипотезы» решения тех или иных задач социалистического строительства. Сколь это ни прискорбно, именно в 1924—1925 годах они стали причисляться к врагам партии, а их мысли подвергались резкому, а подчас и жестокому осуждению. Но вернемся к XIV съезду партии... ■

С Политическим и Организационным отчетами ЦК выступили Сталин и Молотов. Делегаты уже было приготовились к обсуждению отчетов, как возникло неожиданное обстоятельство — оппозиция выставила своего содокладчика в лице Зиновьева. И хотя регламентом была предусмотрена такая возможность, этот факт крайне удивил и озадачил большинство участников съезда.

Создалась чрезвычайная ситуация.

Подавляющее большинство съезда поддержало Сталина и Бухарину. Оно клеймило, разоблачало, доказывало, наступало. Оппозиционное меньшинство, в свою очередь, отбивалось, обвиняло, выставляло свои требования. Троцкий молча наблюдал, взвешивал, прикидывал. Логическим завершением яростной полемики по спорным идейно-теоретическим вопросам стало высказанное устами Каменева, под сильный шум собравшихся в зале, требование оппозиции: «...Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя».

Это была кульминация съезда. Это была та «бомба замедленного действия», которую заготовила оппозиция и о которой вспоминал Троцкий.

Небезынтересно вернуться к истокам этой истории. С чего же и как все начиналось? И к чему все это вело?

ПОСЛЕ ЛЕНИНА

Тяжелейшей утратой для партии и страны явилась смерть В. И. Ленина. Чтобы хоть отчасти восполнить отсутствие вождя, важно было сохранить сплоченность внутри ЦК и в особенности в его Политбюро. Помимо Ленина, тогда в Политбюро входили Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский, Троцкий и Бухарин, переведенный в июне 1924 года после смерти Ильича из кандидатов в члены Политбюро.

В партийной среде все 'чаще говорилось о сложившемся к этому времени ядре в ЦК партии, о том, что это ядро призвано вести всю партию по завещанному Лениным пути. В его составе назывались три «ветерана» по стажу пребывания в Политбюро — Сталин, Каменев и Зиновьев, между которыми существовали не только партийные, но и товарищеские, личные отношения еще со времен совместной ссылки в Туруханском крае, Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. Всех троих связывала еще одна нить — борьба с их общим политическим противником, претендовавшим на особые роли в партии и государстве после Ленина, — Троцким.

Каждый член «тройки» исполнял определенные функции и обязанности. Так, Зиновьев являлся основным докладчиком и выступающим практически на всех политических форумах в это время: на XII и XIII съездах партии, на партконференциях, съездах Советов, профсоюзов, конгрессах Коминтерна и других. Еще при жизни Ленина пост председательствующего на заседаниях Политбюро занял Каменев; его характерной особенностью было умение формулировать вносимые предложения. Сталин же, будучи генеральным секретарем ЦК с 1922 года, сосредоточил свое внимание на работе аппарата Центрального Комитета, на подборе и расстановке руководящих и местных партийных кадров.

Драматическая ситуация в партии сложилась в связи с политическим завещанием Ленина, и в первую очередь с «Письмом к съезду». В этом ключевом документе, как известно, давались

итоговые, лаконичные, но чрезвычайно емкие по содержанию оценки членов Политбюро ЦК, говорилось о возможных рецидивах их прежних ошибок. Естественно, что это не могло не повлиять и на сам характер взаимоотношений между отмеченными Лениным деятелями партии. Никто из указанных в «Письме» не был заинтересован в том, чтобы вступать в конфликт между собой на платформе этого ленинского документа. Более того, ср стороны Каменева и Зиновьева предпринимались попытки по-своему интерпретировать ленинские оценки и высказанные мысли. Будучи директором Института Ленина, в распоряжении которого находились ленинские документы, Каменев вместе с Зиновьевым, тоже членом комиссии по приему бумаг Ленина, прилагали все силы к тому, чтобы оставить Сталина на посту генсека, рассчитывая использовать его организаторские способности в борьбе против Троцкого.

Нет нужды повторять читателям содержание «Письма к съезду», историю его появления. Однако напомним, что именно Зиновьев и Каменев вместе со Сталиным проводили совещания делегаций на XIII партсъезде. Они зачитывали этот ленинский документ, выступали с комментариями к нему, они ратовали за то, чтобы оставить Сталина на посту генсека. То есть они имели возможность, и немалую, формировать мнение делегаций, влиять на выработку их решений.

Положение Сталина в этот момент было предпочтительнее других. В ожесточенной дискуссии с Троцким по вопросам партийного строительства и экономической политики партии, состоявшейся незадолго до смерти Ленина осенью 1923 года, он опирался на аппарат, на существовавшее в партии недоверие к Троцкому, к его политическому прошлому.

В результате авторитет Сталина заметно вырос, а делегаты XIII съезда РКП(б), высказавшиеся за его кандидатуру на посту генерального секретаря ЦК партии, фактически предрешили решение этого вопроса на организационном Пленуме ЦК в июне 1924 года, которому ничего другого не оставалось, как «оформить» переизбрание Сталина. Такая процедура способствовала определенному возвышению генсека над остальными членами Политбюро. Произошло усиление его влияния, определенное выпячивание его личности.

Похоже, что у Сталина в этой ситуации появилась возможность дать ясно понять, что он уже больше не отождествляет себя с деятельностью Зиновьева и Каменева, проводившими, как и он сам, политику «отсечения» Троцкого. На этом этапе Сталин

всецело солидаризировался с позицией болыпйнства ЦК, считавшего, что, наряду с Троцким, все большую угрозу единству партии приобретала «особая позиция» Зиновьева и Каменева, по сути также сводившаяся к попыткам укрепить свое положение за счет отстранения других политических лидеров.

К этому времени обстановка уже прояснилась. Например, Зиновьеву удалось немало сделать в плане укрепления собственного положения в Ленинграде. Он окружил себя подобранным по принципу личной преданности людьми, готовыми отстаивать претензии Зиновьева, бросить вызов Москве, то есть Сталину и группировавшимся вокруг него деятелям партии.

В этой обстановке Сталин решил воспользоваться своим положением и предпринял попытку закрепить его. 17 июня 1924 года в докладе «Об итогах XIII съезда РКП(6)» на курсах секретарей укомов при ЦК партии он обвинил Каменева в «беззаботности насчет теории, насчет точных теоретических определений». Досталось и Зиновьеву, в особенности за выдвинутый тезис о «диктатуре партии как функции диктатуры пролетариата». В свое время этот зиновьевский тезис, по словам Сталина, вызвал острые споры, «путаницу и неразбериху» и, как следствие, несогласие и негативную реакцию партийных масс. 20 июня часть сталинского доклада была опубликована в «Правде».

От этого выступления и отсчитывается начало открытой борьбы за власть между этими членами Политбюро. Как позднее напишет Зиновьев, с того момента начинаете^ его (Сталина. — *Авт.)* двухлетняя работа по созданию своей группы цекистов и отстранению от руководства Каменева и Зиновьева.

А ЧТО ЖЕ ТРОЦКИЙ?

Действительно, чем был занят он? Выдвигая все новые и новые острые политические и теоретические вопросы, требующие долговременных дискуссий и обсуждений, Троцкий все время держал партию в полемическом напряжении. Это давало основания обвинять его в стремлении отвлечь коммунистов от решения назревших практических задач социалистического строительства. Помимо своего желания он все больше и больше укреплял авторитет Сталина как лидера партии. «Этот вывод парадоксален, — пишет генерал-полковник Д. Волкогонов, — но, пожалуй, никто не способствовал так укреплению положения Сталина во главе партийной колонны, как Троцкий». С этим нельзя не согласиться.

Партийное большинство имело право считать, что вокруг Троцкого группируются его сторонники, что он стал центром сочувственного внимания всех небольшевистских элементов. Зиновьев и Каменев заявляли, что «как истинные ленинцы» не могут разговаривать по основным вопросам с Троцким, с «этим меньшевиком, с этим разрушителем ленинизма» (как и они, Троцкий являлся членом Политбюро ЦК!). Они утверждали, что могут работать только при том условии, если основные вопросы будут обсуждаться в тесном кругу ленинского ядра, вспоминал позднее Я. Э. Рудзутак.

В течение нескольких лет Троцкий, по словам Томского, занимался тем, что регистрировал все ошибки, столкновения точек зрения, неаккуратно оброненные слова, фразы в Политбюро и время от времени разражался документами, адресованными партии, своим единомышленникам и Политбюро. Открытому и принципиальному — в духе Ленина — способу разрешения возникших разногласий большинство предпочло иной метод действия. Создается особый орган («группа из числа ленинцев», как говорил тогда Зиновьев) для обеспечения нормальных условий работы партийного руководства, для согласования действий в противовес Троцкому, которого все остерегались, которому не доверяли.

«Конечно, — говорил чуть позже Зиновьев, — мы были убеждены — и я в том числе, — что действуем в интересах партии. Мы считали внутреннее положение вещей в партии таким, что нам подобная мера казалась необходимой». Он так формулировал задачу: «Мы должны иметь хоть какое-нибудь место, где в своей среде старых ленинцев мы могли бы по важнейшим вопросам, по которым возможны разногласия с Троцким и его сторонниками, иметь право колебаться, ошибаться, друг друга поправлять, совместно коллективно проработать тот или иной вопрос. Перед Троцким мы лишены этой возможности». Это была одна из причин, которая заставляла Зиновьева так долго и упорно настаивать на выведении Троцкого из Политбюро, для того чтобы впоследствии отстранить его от работы в ЦК.

Обстановка в руководстве партии все более запутывалась и одновременно накалялась. «Надводную», видимую ее часть составляла бескомпромиссная идейная борьба против Троцкого и его приверженцев, а невидимая, «подводная» соответствовала также все более обостряющемуся и нарастающему соперничеству в борьбе за власть, за личное лидерство в партии, в руководстве — между Сталиным, с одной стороны, Зиновьевым и Каменевым — с другой.

В повестку дня выдвигались неотложные вопросы: что делать? Как быть? С помощью каких мер можно спасти положение и преодолеть надвигающийся кризис?

ВЫХОД НАЙДЕН

«Мы образовали фракцию вполне организованную с начала 1924 года, сначала мало оформленную, а потом вполне оформленную», — делает признание Зиновьев.

В ходе августовского (1924 г.) Пленума ЦК состоялось совещание группы единомышленников, членов ЦК (Сталин, Бухарин, Рудзутак, Рыков, Томский, Калинин, Каменев, Зиновьев, Ворошилов, Микоян, Каганович, Орджоникидзе, Петровский, Куйбышев, Угланов и несколько других товарищей), которое с целью укрепления руководства партией и для предотвращения наметившегося раскола постановило считать себя руководящим коллективом. Будучи сначала одним из инициаторов его создания, позднее Зиновьев стал называть его «фракционным центром».

Совещание выделило из своей среды исполнительный орган — «семерку» в составе членов Политбюро (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский — за исключением Троцкого) и Куйбышева как председателя Центральной Контрольной Комиссии. Кандидатами в нее были Дзержинский, Калинин, Молотов, Угланов, Фрунзе.

Совещание выработало особый документ, наподобие Устава, регламентирующий всю деятельность созданного руководящего коллектива. Одной из главных установок документа был пункт о строжайшей дисциплине. «Семерка» была подотчетна только пленуму-совещанию этого коллектива, собиравшемуся одновременно (параллельно или накануне очередного Пленума ЦК. Все разногласия внутри «семерки» должны были решаться или пленумом-собранием, или самой «семеркой». Порядок дня работы «семерки» был тот же, что и на предстоящем заседании Политбюро, то есть она предварительно обсуждала те же вопросы. По требованию одного из членов она могла быть созвана немедленно. Также по требованию одного из ее членов любой вопрос мог быть снят с повестки дня заседания Политбюро. «Семерка» заседала по вторникам, Политбюро — по четвергам каждую неделю, а иногда и чаще.

Все это делалось для того, чтобы, придя на заседание Политбюро, быть готовыми к единодушному отпору Троцкому и вы

ступать с единым мнением по обсуждавшимся вопросам. А обсуждались в «семерке» и предрешались практически все вопросы внутрипартийной жизни, по которым имелись разногласия с Троцким или другими товарищами. В поле зрения были хозяйственные, внешнеполитические и коминтерновские вопросы, важнейшие постановления Центральной Контрольной Комиссии. «Семерка» предрешала почти все организационные вопросы, а также вопросы распределения и расстановки партийных кадров.

Будучи, по свидетельству того же Зиновьева, секретным от партии, фактическим руководителем Центрального Комитета, «семерка» имела псевдоним — «руководящий коллектив» и располагала специальным шифром. Выступая в свою защиту на июльском (1926 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК, Зиновьев потрясал папкой официальных, по его словам, документов всевозможного характера, относящихся к работе «семерки». В качестве одного из примеров ее деятельности он привел документ, касающийся спора о хлебофуражном балансе. Постановление «семерки» гласило: «Так как открытие дискуссии, в особенности накануне открытия пленума фракции, считается нежелательным, то «семерка» считает необходимым перенести вопрос на обсуждение фракции пленума». Далее шли подписи членов Секретариата ЦК. Причем очень часто, продолжал Зиновьев, решения «семерки» в зашифрованном виде передавались из Москвы в Ленинград. «Как видите, — утверждал Зиновьев, — это была законченная организация: фракция пленума и ее исполнительный орган — «семерка», в которой участвовал председатель ЦКК т. Куйбышев».

Особо следует сказать о строжайшей дисциплине в «семерке». Ее соблюдение ценилось гораздо выше, чем соблюдение общепартийной дисциплины. Пытаясь как-то обосновать и объяснить свое выступление с содокладом на XIV партсъезде, Зиновьев признавал на упомянутом Пленуме ЦК и ЦКК, что он тоже несет часть вины за то, что на XIV съезд партии разногласия внутри Центрального Комитета свалились внезапно, что перед съездом в течение долгого времени не было б них известно широким слоям партии и даже членам ЦК. «Здесь была допущена ошибка с моей стороны, как и со стороны некоторых других товарищей. Мы надеялись, что вопросы, которые, как теперь показал опыт, могут быть разрешены только коллективным разумом всех членов нашей партии, прежде всего рабочей частью нашей партии, мы надеялись разрешить эти вопросы в стенах одной

комнаты» (кабинета Сталина, где собиралась «семерка». — *Авт.).* Это свидетельство нашей близорукости. А не сделали мы этого потому, что, будучи связанными «фракционной дисциплиной», не желали вынесения разногласий на широкое обсуждение, мы подчинялись решениям «семерки». .

Итак, до болезни Ленина, до декабря 1922 года, концентрация власти в руках Сталина происходила не столь явно. Однако вскоре после смерти вождя обстановка стала резко меняться.

Прошло совсем немного времени, и, уже будучи в составе «семерки», Сталин и его окружение начинают осуществлять новые приемы механической расправы теперь уже над бывшими единомышленниками — Зиновьевым и Каменевым. Предлог все тот же — Троцкий, отношение к нему.

НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ?

Напомню, что в результате прошедшей осенью 1924 года внутрипартийной дискуссии с Троцким выявились три категории резолюций местных партийных организаций, о которых сообщалось в «Правде». Одни выступали за исключение Троцкого из партии. Другие требовали снятия Троцкого с должностей председателя Реввоенсовета и члена Политбюро. Третья категория резолюций (от Москвы, Ленинграда, Урала, Украины и др.) требовала снятия Троцкого с руководства РВС и условного оставления его в Политбюро. Но при этом все были солидарны в вопросе об идейно-политической оценке троцкизма вообще.

Внутри ЦК первое мнение не имело ни одного сторонника. Расхождения были только между сторонниками второго и третьего мнения. Зиновьев и Каменев выступали за немедленное снятие Троцкого с постов члена Политбюро и предревво- енсовета.

Сталин же, оставшийся по воле партии на посту генерального секретаря, объяснял свою позицию по отношению к Троцкому стремлением исправить свою «грубость и нелояльность», на которые указывал в «Письме к съезду» Владимир Ильич. Позднее, на июльском объединенном (1926 г.) Пленуме ЦК и ЦКК, Сталин говорил, что когда развернулась дискуссия с Троцким в 1923— 1924 годах, когда «одна часть нашей партии требовала применения крайних мер против Троцкого, а я был против снятия Троцкого с Политбюро, я занимал тогда место не на крайнем фланге против Троцкого, а на умеренном... Я отстаивал его оставление

в Политбюро, отстаивал вместе с большинством ЦК — и отстоял... Во всяком случае, я старался учесть указания, данные Лениным мне в отношении Троцкого, и я принимал все возможные меры к тому, чтобы умерить пыл Каменева и Зиновьева, требовавших исключения Троцкого из Политбюро».

Сталин, однако, не был за безусловное оставление Троцкого в Политбюро. Вопрос стоял лишь о сроках и моменте, когда его можно было под удачным предлогом «потеснить». На январском (1925 г.) совещании руководящего коллектива, как мы теперь знаем, в преддверии Пленума ЦК было принято предложение Сталина о том, чтобы «осторожно подготовлять» вывод Троцкого. Сталин голосовал за это предложение, то есть высказался лишь за то, чтобы на январском Пленуме ЦК не выводить Троцкого из Политбюро.

В результате бурных дебатов уже на самом Пленуме ЦК подавляющее большинство членов Центрального Комитета (при двух голосах против) и все члены Центральной Контрольной Комиссии (при одном воздержавшемся) проголосовали за снятие Троцкого с поста предреввоенсовета, приняли, по выражению Мануильского «примиренческую» резолюцию.

Решение о «частичном» отстранении Троцкого, отказ поддержать предложение Зиновьева и Каменева (об удалении Троцкого из ЦК) свидетельствовали о снижении их авторитета, о поражении антисталинских настроений в Центральном Комитете партии. Не смогли поколебать позиции Сталина и попытки Зиновьева и Каменева, выразивших несогласие с мягким, по их мнению, решением январского Пленума, обвинить большинство ЦК и лично Сталина в либерализме по отношению к Троцкому, а также в том, что ЦК и ЦКК не только не ведут борьбу с троцкизмом, а даже смыкаются с ним.

С этого момента размежевание сил пошло полным ходом. Начался, говоря словами самого Троцкого, новый этап в осуществлении давно намеченного и систематически проводимого Сталиным плана. Уже вскоре после XIV съезда в руководящих кругах партии шли настойчивые разговоры о необходимости реорганизовать Политбюро в том смысле, чтобы отсечь ряд работников (в первую очередь имелись в виду. Зиновьев и Каменев), принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми кадрами, которые могли бы составить надлежащую опору для руководящей роли Сталина. Его план встречал полную поддержку со стороны тесно спаянной группы ближайших сторонников. Именно этим объяснялось решение руководя

щей группы проводить план по частям, пользуясь каждым подходящим случаем. Происходило постепенное сползание к авторитарному правлению, к созданию административно-командной системы и формированию культа личности Сталин[1].

В. Е. Грум-

Гржимайло[2] «РУССКИЙ НАРОД»

Я хочу конкретизировать, за что же я люблю русский народ. Какая черта его характера меня к нему привлекает; заставляет меня мириться с его недостатками, их не замечать или принять.

Я думаю, в годы революции особенно нужно и полезно себе отдать отчет, что такое русский народ. Чего мы можем от него ждать? Надо поддержать искру веры в свой народ, если она действительно теплится. Надо утешить молодежь, разочарованную в своем народе.

Это обязанность нас, стариков, и от нее уклоняться не следует...

Русский народ — великий народ. Он чувствует свою силу, не лезет к чужим, довольствуясь своим.

Говорят — им может командовать каждый. Это раб. Это неверно. Буду говорить о себе и своих сотоварищах — управителях на Урале...

...Русского человека считают часто рабом. Другие считают прирожденным анархистом. Ни то, ни другое. Русский человек идеалист. Неграмотный, темный человек, не понимающий слова «идеал», идеалист по своей природе. Только подходя к русскому человеку с этой стороны, мы начинаем его понимать.

...С точки зрения европейца дисциплина у нас странная. Отдашь приказание сделать так-то. Приходит мастер: «Вы приказали сделать так, а по моему мнению, надо сделать иначе». — «Почему?» — «Да потому и потому». Иногда согласишься, другой раз скажешь: «Чучело ты чучело! Ничего-то ты не понимаешь», — и объяснишь ему его ошибку. Бывало и так, что за невозможностью предупредить, что, по мнению мастера, нужно сделать ина

[1] «Неделя». № 1, 1989. С. 14 — 15.

[2] Грум-Гржимайло В.Е. — выдающийся русский металлург.

че, он делает на свой страх по-своему. За это мы никогда не бранили, а часто хвалили. Мы служили одному делу и ценили такое участливое отношение исполнителей наших приказаний. Вот наша дисциплина...

Всем нациям свойствен идеализм, но русским его отпущено в избытке. В этом его несчастье и счастье в то же время...

Наш идеализм, неудовлетворенность обыденностью свидетельствуют о нашей молодости как нации. Практичность, расчетливость, эгоизм, сухость, аккуратность, погоня за деньгами, удобствами, комфортом, спокойствием — все эти добродетели, которых нам не хватает, суть свойства души стариков.

Порывистость, увлечение и разочарование, огромная напряженность работы и смена увлечения апатией и ленью, не такова ли молодость?

Мы привыкли к нашей неустроенной жизни, и Бисмарк был прав, когда говорил, что весь русский народ в слове «ничего». Мы легко миримся с недостатками и лишениями жизни, имея всегда впереди мечту, цель, подвиг. Нет подвига, нет цели, и русский человек опускается. На сцену являются карты, водка, лодырничество...

Легкость, с какой русский человек опускается, у многих вселяет мысль, что русский народ сгнил, не достигши зрелости. Герои Чехова как будто это подтверждают. Но это сугубо неверно.

В развитии русского народа произошла ошибка, расслоение народа на два класса. Высший класс, воспитанный иностранца- мигувернерами, и масса крепостного народа, освобождение коего запоздало на сто лет. Отсюда наша народническая либеральная литература, идеализировавшая бедного мужичка и заклеймившая весь торгово-промышленный класс, как Колупаевых и Разуваевых. Таким образом из нации была выбита основа здоровой деятельности, заклейменной презрением «общества». За примерами ходить недалеко.

Я встретился через три года по окончании курса Горного института со своим товарищем по Горному институту, очень неглупым человеком — Баренцевым. На его вопрос, что я делаю, я сказал^ что служу в Нижне-Салдинском рельсовом заводе Демидова.

— И охота вам служить приказчиком Демидова, пятаки у рабочих высчитывать! -

Я был искренне поражен и спрашиваю:

— Что же делаете вы?

— Я служу русскому народу!

Он состоял чиновником особых поручений при каком-то высоком учреждении Министерства финансов.

...При современной технической постановке промышленность является объектом глубоких теоретических знаний и делается полна поэзии и красоты проявлений сил природы, вами призываемых на служение человечеству.

В такой промышленности русский идеализм и мечтательность найдут свое место, герои Чехова сами собой умрут. При проектировании заводских устройств мы особенно ценим людей с хорошо развитым воображением. Вот почему я не считаю наш идеализм препятствием к занятию русскими почетного места среди народов мира. Это подтверждают наши эмигранты: первым строителем мостов в США состоит проф. Киевского политехнического института, военный инженер Моисеев; проф. Тимошенко состоит первым авторитетом по сопротивлению материалов и строительной механике; инженер Сикорский — строитель аэропланов большой мощности в США; Бахметьев — директор Панамского канала...

На смену блестящему периоду расцвета поэзии, художества, музыки .в России начнется эра научных открытий, эра промышленных достижений, и герои Чехова найдут смысл своего существования. Нация выздоровеет от того психического заболевания чеховщиной, которое разрешилось революцией. Вместе с ним воскреснет русская энергия и дух инициативы, заглохший в XIX веке.

В этом отношении власть большевиков будет иметь решающее значение. Подавляя частную инициативу в крестьянах (борьба с кулачеством), в торговле и промышленности (борьба с частниками), большевики подчеркивают в народе ценность этой инициативы, почетность быть таким инициатором, уважение к людям, способным быть инициаторами и после смены их власти какой-то другой. Россия переживет эру подъема инициативы. Ибо по природе народ, дошедший от Москвы до мыса Дежнева и до Сан-Франциско, нельзя упрекнуть в отсутствии смелости и инициативы.

Крепостное право, французское образование, бесконечные войны XIX века временно понизили в русских дух инициативы, но расцвет не за горами. И тогда нам не страшен Запад, не страшны иностранцы и их стремление сделать из русских цветную нацию, а из России свою колонию. Мы найдем свое место под солнцем. Мы найдем в себе достаточно силы и энергии, чтобы проводить свои идеальные порывы в жизнь, не погрязая в

ее мелочах, оставаясь тем же сердечным народом, каковым мы были в тяжелое время пережитого нами упадка.

* * *

Служа в заводах, будучи профессором, заведующим металлургического бюро, я всегда преуспевал. Доброхотов называет меня талантливейшим эксплуататором.

...Люди, отдающие сухие приказания, не могут иметь успеха в России. Для этого русский народ недостаточно дисциплинирован. Объясни русскому рабочему цель, к которой ты стремишься, и в русском работнике ты найдешь помощника-энтузиаста. Вот так я работал в Салдах. Мои служащие, уставщики, мастера всегда знали, что я думаю, что я делаю, к чему я стремлюсь, чем я огорчаюсь и что меня радует...

В русском рабочем я встретил того же идеалиста, того же энтузиаста, того же бессребреника, каков я сам, и полюбил его всем сердцем своим. Когда меня встречали со слезами радости на глазах мои бывшие сотрудники, я знал, что это говорила не лесть, а говорило сердце. Те пудики муки, которые мне дарили, шли из глубин сердца моих бывших подчиненных. Вот почему мне радостно было их принимать. Они говорили о золотом сердце русского народа.

Золото, золото — сердце народное!

Я умру с верой в русский народ, который я знаю, знаю не на словах, а на деле.

С%В. Грум-Гржимайло[1]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Промышленность восстанавливалась. Планы первой пятилетки претворялись в жизнь. Бюро Металлургических и Теплотехнических Конструкций НТУ ВСНХ, которым заведовал Владимир Ефимович, было завалено заказами на проекты печей и сушил. Летом 1928 года в Бюро пришел Иван Павлович Бардин, назначенный главным инженером строительства Кузнецкого металлургического завода. Более двух часов он знакомился с работой конструкторов Бюро. Ушел, ничего не сказав, а через не

[1] Сын В.Е. Грум-Гржимайло.

сколько дней мы получили от Кузнецкстроя 175 ООО рублей как задаток за проекты устройств Кузнецкого завода. Строительство Урало-Кузнецкого комбината, идея, которую высказал Владимир Ефимович впервые в 1918 году, отвечая на вопрос большевиков о развитии металлургии в Союзе, вновь возвращалась в его руки. Неплохое настроение было в те дни. Россия начинала вставать на свои ноги — промышленность развивалась.

Заводы работали. А на заводах, как всегда, удачи и неудачи, достижения и аварии... Обычная заводская жизнь с ее трудностями и радостями. Но власти этого не знали и не понимали. Среди большевиков было много малограмотных людей, занимавших высокие посты; очень мало было инженеров. Текущая неудача на заводе превращалась большевиками в злой умысел, вредительство и пр., и пр. Человека арестовывали, судили, ссылали, расстреливали. Все это создавало очень тяжелую обстановку для работы.

Настали дни «Шахтинского процесса»... В те дни мы могли руководствоваться только слухами: у одного работника угольной промышленности изъяли портфель с большими деньгами и валютой; на шахте в Донбассе произведен взрыв породы, произошел обвал, шахту затопило. Вредительства! Вещественных доказательств никаких, зато признаний на допросах неограниченное количество. Что это было на самом деле? Действительно ли связь с заграницей и попытки мешать восстановлению и развитию промышленности, или же деньги в портфеле просто результат коммерческой операции, которые во времена нэпа были постоянны? Сейчас можно прочесть, что молодой техник, устроивший обвал в шахте, упрямо утверждал, что он это сделал по своей инициативе, хотел увеличить добычу угля: «Ошибся, я виноват, и никто мне не указывал». Но идея вредительства восторжествовала, а ночные допросы дополнили и закончили это дело...

Трагедией было то, что доверия не было. Владимир Ефимович в одной записке писал:

«А слова «доверие» в лексиконе русских правительственных учреждений не было и нет. Много всяких слов: Петровские фискалы, Государственный контроль, теперь Рабоче-Крестьянская Инспекция, Наркомфин, Прокуратура, ГПУ., а слова «доверие» нет. А его-то и надо.

Властвовать — значит доверять, говорил Наполеон».

Но работать надо было — *и* все работали. Работала в пер[в]ую очередь русская интеллигенция, работала энергично, добросовестно, и вовсе не потому, что была увлечена идеями строи

тельства коммунизма, а потому, что надо создавать русскую промышленность, вооружать русскую армию. Но до коммунистов, до мечтателей, которые мечтали построить коммунизм в кратчайший срок во всем мире, эти русские идеи и русские слова до сознания не доходили.

Не мог честный думающий человек спокойно относиться к происходящим событиям. Отец не находил себе места... Как-то днем отец созвал нас, всех своих детей, в свою спальню и прочел нам свое письмо с отказом от поста Председателя НаучноТехнического Совета Черной Металлургии.

Привожу текст письма.

«Начальнику Главметалла и в
Президиум ВСНХ.

Покорнейше прошу освободить меня от занимаемой мной должности Председателя НТС Черной Металлургии. Мотивы моего отказа следующие:

1. С переходом власти в руки партии Большевиков я честно и добросовестно с ними работал. Проф. Н. М. Федоровский подтвердит, что еще в марте 1918 года я вполне добросовестно на запрос тов. Савельева указал на Урало-Сибирский проект, как на выход, которым можно было обеспечить Великороссию железом на случай грозившего тогда отделения Украины и рекомендовал правительству твердую линию поведения по отношению к Украине.

Идеология моя была и осталась таковой: факт бесспорного перехода власти в какие-либо руки делает новое Правительство законным. На это Правительство ложится обязанность защиты интересов русского народа среди других и обязанность моя как мирного гражданина помогать ему в этом.

2. Большевики объявили, что они делают опыт создания государства на коммунистической основе. Засим они изменили свою программу и перешли на позицию государственного социализма и пригласили нас, интеллигентов, с ними работать.

Я ни одной минуты не задумывался принять эти предложения, хотя совершенно убежден, что учение Маркса теряет под собой всякую почву. Оно было создано в период эксплуатации мускульного труда и полного отсутствия технического знания в промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет. Как труд рабов, необходимый в древние времена, заменили работой пара и гидравлической силой, так труд пролетариата за

менится электричеством. Наш инженерный идеал, зарю которого мы уже видим в железопрокатных заводах Америки, есть завод без рабочих. Это даст возможность дать людям такое обилие жизненных ресурсов, что в классовой борьбе не будет смысла. Капитализм прекрасно справляется с этой задачей насаждения этой будущей культуры: гражданин Соединенных Штатов Америки уже сейчас в 12 раз богаче русского и во столько же раз лучше его обеспечен жизненными ресурсами. Из сказанного очевидна одиозность идеи диктатуры мозолистых рук. Но... большевики хотят сделать опыт создания социалистически построенного Государства. Он будет стоить очень дорого. Но татарское иго стоило еще дороже; однако только благодаря татарской школе русские сделались государственной нацией.

Временный упадок, ослабление нации с избытком покрываются выгодами такой школы. Увлечение большевизмом сделает русскую нацию такой же, как американцы. Подавление большевиками личной промышленной и торговой инициативы, бюрократизация промышленности и всей жизни сделает русских нацией людей инициативы и безграничной свободы. Большевики излечат русских от национального порока беспечности и, как следствие ее, расточительности — за это стоит заплатить. И вот почему я приветствую этот опыт, как бы тяжелы ни были его последствия для современного мне поколения.

3. Но опыт надо вести честно с обеих сторон. Только честная постановка опыта сделает его убедительным и полезным. Это возлагает обязанность: а) на небольшевиков работать не за страх, а за совесть; б) на большевиков честно учитывать результаты опыта, иметь мужество видеть свои неудачи и не валить с больной головы на здоровую.

4. Видим ли мы честную постановку в современных условиях? Нет. Нашлись продажные души, которые, введя в заблуждение бывших владельцев промышленных предприятий, нашли способ выманивать у них деньги за якобы вредительство, которое они якобы будут проводить, находясь на службе у большевиков. Для всякого ясно, что это был неблаговидный прием выманивания чужих денег и только. Настоящее, подлинное вредительство — есть легенда. То, что делалось, есть шулерский прием и только.

Как отнеслись к этому большевики? Спокойно? Как к простой проделке шулеров? Нет. Они раздули «Шахтинское дело», сделали из него мнимую угрозу срыва всей промышленности; взяли под подозрение всю интеллигенцию; арестовали множе

ство инженеров; возбуждают серию дел. По каким мотивам так было поступлено? Мотивов такого неспокойного отношения большевиков может быть два:

а) Большевики струсили измены и действительно потеряли голову. Я решительным образом отвергаю эту версию.

б) Я считаю более вероятным предположение, что первые несомненные поражения на промышленном фронте, испытанные большевиками, не признаются ими как поражения принятой ими системы управления промышленностью. Для этого у них еще не хватает мужества. И они ухватились за «Шахтинский процесс» как за возможное оправдание своих неудач.

К чему поведет такой перенос неудач с больной головы на здоровую — предсказать нетрудно. Он приведет к окончательной гибели промышленности, к катастрофам, результаты коих предвидеть невозможно... Раз всякое деяние специалиста рассматривается с точки зрения прокурора и все техники и специалисты находятся под подозрением, то паралич административной машины неизбежен...

5. Что должен делать я, для которого ясно, куда мы идем? Я честный человек. Писать, говорить, печатать? Свободного слова нет, свободной печати нет. Молчать, делать вид, что служишь; мы, дескать, люди маленькие... и ждать неизбежной катастрофы?..

Совершенно очевидно, что честный независимый человек служить в этих условиях не должен; он должен снять с себя обязанности Председателя НТС Черной Металлургии, раз он убежден, что без доверия никакая здоровая деятельность этого учреждения невозможна.

Вот мотивы моего отказа.

Я буду продолжать работать в Бюро Металлургических и Теплотехнических Конструкций, в котором самый факт передачи заказа свидетельствует о доверии ко мне моих клиентов. Я буду делать нужное, полезное дело и не буду себя чувствовать виноватым перед властью, доверившей мне этот пост.

Б. *Грум-Гржимайло».*

Письмо было перепечатано на пишущей машинке, в считанном количестве экземпляров. Отец сам отвез его начальству. Мы его не распространяли — сейчас выяснилось, что даже некоторые сотрудники Бюро его не читали. Но оно распространилось в списках по Москве с быстротой молнии. Его переписывали, читали, о нем говорили. Если где-либо в учреждении узнавали фамилию, начинались расспросы, слова восхищения гражданским мужеством, благодарности...

Не знаю, как это произошло, но письмо было центральным событием в Москве... Мы получили ряд писем. Студенты — молодежь — благодарили Владимира Ефимовича за то, что он разъяснил то, что происходит. Были письма восхищения и благодарности — чувствовалось, что их писали те, кто ждал своей судьбы... В тридцатых годах моя мать, София Германовна, уничтожила эти письма — боялась, что при возможном обыске они попадут в ГПУ, и тогда судьба подписавших была бы предрешена.

Но жизнь шла своим чередом. Происходили события и по другой линии: организовывалось Техническое отделение Академии наук СССР. Предстояли выборы академиков. Много было кандидатур, и среди них имя Владимира Ефимовича. От металлургов были выдвинуты двое: А. А. Байков и В. Е. Грум-Гржи- майло.

Говорил Куйбышев, Межлаук молчал.

— Что же вы молчите? — обратился к нему Куйбышев.

Межлаук ввязался в разговор:

— Владимир Ефимович, неужели мы хуже татар?

— Да, татары требовали дань, но не разрушали хозяйство. А вы — разрушаете.

— Что с вами делать, Владимир Ефимович? — спросил Куйбышев.

— Ставьте к стенке — я готов.

— Нет. Мы этого делать не будем.

17 августа Владимир Ефимович был освобожден от должности Председателя Научно-Технического Совета Черной Металлургии.

Время шло. Не проходило дня, чтобы мы не встретились с различными реакциями на письмо. Аресты невинных, преданных делу людей не прекращались. Обстановка была напряженной, и люди не могли пройти мимо письма, хватались за него как утопающие за соломинку. Восхищались гражданским мужеством человека, посмевшего сказать властям правду.

...Но Москва не успокаивалась. Влияние письма было сильно и не забывалось. Со стороны властей раздавались голоса против кандидатуры Владимира Ефимовича в академики. Для внесения ясности в это дело Владимир Ефимович написал письмо Президенту Академии Наук академику Александру Петровичу Карпинскому.

Привожу письмо Александру Петровичу — из.него многое становится ясным.

«Президенту Академии Наук
академику Карпинскому А. П.

Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Около моего письма властям предержащим и прошения об отставке от должности Председателя Научно-Технического Совета Черной Металлургии в Москве так много разговоров, что я считаю необходимым ознакомить Вас с ним посылкой Вам копии; думаю, что она не покажется Вам скучной.

Результатом этого прошения был полуторачасовой разговор с Куйбышевым и Межлауком.

Первый вопрос: Чем вызвано это выступление? Я ответил, что это единственный способ с моей стороны помочь моим товарищам и друзьям и русской промышленности, обратив внимание властей на невозможность занятой правительством позиции. Интересна, например, такая официальная цифра: из 21 инженера, работающих в стеклоделии, сидит 15.

Второй вопрос: Что со мной делать? Я заявил, что Бюро дает мне полную независимость, закрыть его нельзя и купить меня нельзя, ибо я вполне удовлетворен сделанным мной в жизни. Гидравлическая теория поставлена крепко и повернет мировую технику на русский угол; в ней уже работает целая плеяда моих учеников. Таким образом, жизненная задача моя кончена, дело мое не умрет, а потому я ничего не имею против встать хоть к стенке.

Мы хорошо поговорили, и я сказал все, что следовало. Окончательно, из председателей меня уволили, а членом совета просили остаться.

Через три дня мне пришлось выручать двух инженеров-стекольщиков, сидевших один 7 $Ч_2$ месяцев, а другой 3 7_2 месяца, большей частью в одиночке, благодаря вздорному обвинению, поддержанному экспертизой двух профессоров — угодников властям. Пришлось просидеть в суде двое суток и в качестве эксперта со стороны обвиняемых опровергать экспертизу своих слабых товарищей. Инженеров обвиниди, конечно, но оставили на свободе.

Через день был приятный разговор в профсоюзе о добровольной подписке на заем.

Через три дня — желтуха в затяжной тяжелой форме, в которой лежу уже пять недель.

Вот что со мной случилось. Пишу это Вам, ибо обо мне слишком много говорят здесь вздора.

Мой привет Евгении Александровне. Соня шлет свой поклон, измаялась с больным ужасно.

Ваш *В. Грум-Гржимайло.*

7 октября 1928 года».

Споры вокруг кандидатур в академики продолжались... Но... в Ленинград от правительства и партии поехал Енукидзе и выбрал угодных академиков. Владимир Ефимович — автор «письма» конечно, не попал в число... назначенных...[1]

ЛЕВ ТРОЦКИЙ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ РУССКОГО НАРОДА

Из воспоминаний А. Л. Ратиева[2]

<...> Полутемный зал Курского дворянского собрания. В его левой части ряды венских стульев. В правой — подиум сцены. У ее переднего края, почти целиком отгораживая сцену от публики, стоят два длинных стола, какие используют портные для раскройки одежды. Они покрыты неподшитыми отрезами кумача. Холодно. Мы явились сюда одними из первых. Осматриваюсь, слежу, как быстро заполняется помещение. ...Сейчас мы находимся на объединенном собрании Курского губернского и городского комитетов партии, делегатов с мест и кандидатов в партию по специальному выбору. Зал быстро наполняется. Уже во всех проходах плотной стеной стоит народ. Скоро становится трудно дышать — зато температура воздуха быстро повышается.

...На сцену один за другим выходят люди. К столам они не подходят, а остаются стоять у задней стены. Когда их набирается человек сорок, распорядитель устанавливает их большим полукругом в два ряда. К столам уверенно подходят двое военных. Садятся лицом к залу. Вынимают и раскладывают перед собой

[1] «Советская Россия».

[2] Ратиев А.Л. — потомок русской ветви старинного грузинского рода Ратишвили. С 1921 г. до смерти жил в Болгарии. В декабре 1918 года, оказавшись в Курске, двадцатилетним юношей попал на собрание партийного актива по случаю приезда в город председателя Реввоенсовета, одного из вождей Октябрьской революции Л.Д. Троцкого.

^ Сталин в восп. совр.

карандаши и бумагу. В заключение каждый из них вынимает и кладет перед собой по нагану. Это стенографы.

Полукруг разрывается в центре, расступается. На сцене появляется Председатель Реввоенсовета Республики — сегодняшний вершитель судеб страны. Он остается в центре живой дуги президиума, выступив от нее вперед не больше как на два шага. Стена стоящих за ним снова смыкается.

Наглухо застегнутая тужурка-китель. Бриджи. Добротные сапоги. Характерная бородка. Блеск стекол пенсне.

...Схематично, но ясно и доступно для аудитории он характеризует политическое положение в Европе после капитуляции Германии. Говорит о разнородных попытках вмешательства союзников в дела России.

Хороший ли он оратор? Мне кажется, что я ожидал чего-то более яркого, темпераментного, но вот он говорит уже более получаса, а его слушают с таким же вниманием, как и вначале. Конечно, не случайно свою речь он оживляет отступлениями вроде вот этого, запечатлевшегося у меня в памяти буквально:

— В самом конце мая (или начале июня, как видно, незадолго до убийства. — *Авт.)* ко мне в Комиссариат иностранных дел приехал германский посланник граф Мирбах. Мы с ним стоим и разговариваем в глубине кабинета, около камина. Окна открыты — к нам доносятся звуки военного оркестра. Посланник спрашивает: «Разрешите взглянуть». Я его приглашаю к окну. — Товарищи, как ходят, вернее, как ходили наши красногвардейцы еще до недавнего времени, вам известно не хуже, чем мне. У одного винтовка на плече, как полагается, у другого — под мышкой, у третьего — за плечами, четвертый просто тащит ее за ремень...

Посланник поворачивается ко мне и с ехидной улыбочкой замечает: «Как я вижу, господин Народный комиссар, музыка у вас превосходна, но ни дисциплиной, ни выучкой своих войск вы похвалиться не можете». На что, не менее любезно, я ему отвечаю: «Господин посланник, могу вас уверить и успокоить. Когда придет время нашим войскам маршировать по улицам Берлина, и выучка, и дисциплина будут у них на должной высоте».

Впервые в зале вспыхивают аплодисменты.

— От наших с вами усилий, товарищи, зависит, чтобы это время наступило возможно быстрее.

Оратор заканчивает первую часть своей речи...

Длительная пауза.

— Не менее важно, товарищи, осветить положение дел в рядах самой нашей партии, — слышится снова голос оратора, но тембр его речи изменен.

— Как я сказал, необходимо разобраться в положении дел в рядах нашей партии. К сожалению, оказалось, что там находится еще много таких слюнявых интеллигентов, которые, как видно, не имеют никакого представления, что такое революция. По наивности, по незнанию или по слабости характера они возражают против объявленного партией террора. Революцию, товарищи, революцию социальную такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя! Прежде всего это нам доказывает пример Великой Французской революции, которую мы ни на минуту не должны забывать. .

Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследство от своих дедов и прадедов. А это часто заменяло им и собственный ум, и способности.

Что можем противопоставить этому мы? Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти.

Предупредить, подорвать возможность противодействия — в этом и заключается задача террора.

Тишина, такая тишина в зале, что мне кажется, что тут нет никого, кроме нас двоих — его, отверзающего передо мной бездну, и меня, стоящего у самого ее края.

— Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения, — продолжает спокойным, академическим тоном оратор.— Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно лег- че^чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и с его судьбой. Будучи изолированными политически, они поневоле будут нейтральны.

Патриотизм, любовь к родине, к своему народу, к окружающим, далеким и близким, к живущим именно в этот момент, к

жаждущим счастья малого, незаметного, самопожертвование, героизм — какую ценность представляют из себя все эти слова- пустышки перед подобной программой, которая уже осуществляется и бескомпромиссно проводится в жизнь!

Но кто из близких, из окружающих сможет поверить, что все услышанное не выдумка, не плод моей собственной фантазии?

Смотрю на стенографистов. Быть может, вот они, что так старательно записывали его речь, контролируя друг друга, окажутся когда-нибудь свидетелями перед историей. Должны же, хотя бы случайно, в каком-нибудь архиве, хотя бы только для наших далеких потомков сохраниться, а впоследствии открыться записи речи, произнесенной в Курске 14/15? (или же 16) декабря 1918 года.

Молча выходим под чистое звездное небо, молча идем рядом. Я, который только что услыхал безапелляционный приговор, что подлежу рано или поздно физическому уничтожению, и вот эти другие люди, уже вступившие в партию, обязанные ей абсолютной солидарностью, подчинением и естественно (только помнят ли они об этом?) подлежащие моральной ответственности за принятый курс[1].

СЕКРЕТНЫЕ ПИСЬМА Л. ТРОЦКОГО О РЕЛИГИИ[2]

Сов. секретно 30 января 1922 года,
№ 91 Предсовнаркома тов.
Ленину.

Препровождаю при сем очень суммарный доклад замещающего меня по работе по ценностям, тов. Базилевича, относительно фактического хода сосредоточения ценностей и их примерного количества. К этому докладу необходимо прибавить нижеследующее:

1) Цифры ни в коем случае не претендуют на точность, а тем более предположения (например, относительно богатства Киево-Печерской лавры: тов. Раковский категорически утверждает, что там после всех эвакуации и реэвакуаций ничего не осталось).

[1] «Литературная Россия». 29. 11. 91. № 48. С. 18 — 19.

[2] Как известно, Л.Троцкий был председателем трех комиссий, созданных для уничтожения Русской Православной Церкви.

2) Доклад говорит о производимом ныне изъятии золота и серебра из местных и центральных учреждений ЧК, финотделов, музеев, дворцов, особняков и упраздненных, т. е. превращенных в простые хранилища, монастырей. Другими словами, доклад не затрагивает действующих церквей и вообще всех действующих религиозных учреждений и заведений. Изъятие ценностей из этих учреждений является особой задачей, которая ныне подготовляется политически с разных сторон. Сколько может дать эта операция, никто даже предположительно сказать не может.

3) Меня запрашивают из Секретариата Совнаркома, можно ли завтра вопрос поставить в Совнаркоме. Хотя меня завтра и не будет уже в Москве, но я не вижу с своей стороны возражений против постановки этого вопроса. Дополнительные сведения, если понадобится, сможет дать т. Базилевич. Полагаю, однако, что все эти сведения могут быть доложены только в абсолютно закрытом заседании Совнаркома, иначе они немедленно попадут в иностранную печать.

Уполномоченный Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей *Троцкий.*

* * *

Сов. секретно 11 марта 1922 года, № 161 Членам Политбюро. Тт. Ленину, Молотову, Каменеву и Сталину

Работа по изъятию ценностей из московских церквей чрезвычайно запуталась, ввиду того, что наряду с созданными ранее комиссиями Президиум ВЦИК создал свои комиссии — из представителей Помгола, представителей Губисполкомов и Губфинот- делов. Вчера на заседании моей комиссии в составе тт. Троцкого, Базилевича, Галкина, Лебедева, Уншлихта, Самойловой-Землячки, Красикова, Краснощекова и Сапронова мы пришли единогласно к выводу о необходимости образования в Москве секретной ударной комиссии в составе: председатель — т. Сапронов, члены: т. Уншлихт (заместитель — т. Медведь), Самойлова-Землячка и Галкин. Эта комиссия должна в секретном порядке подготовить одновременно политическую, организационную и техническую сторону дела. Фактическое изъятие должно начаться еще в марте месяце и затем закончиться в кратчайший срок. Нужно только, чтобы и Президиум ВЦИК, и Президиум Московского Совета, и ЦК Помгол признали эту комиссию как единственную в этом деле и всячески ей помогали. Повторяю, комиссия эта со

вершенно секретная. Формально изъятие в Москве будет идти непосредственно от ЦК Помгола, где т. Сапронов будет иметь свои приемные часы.

Прошу скорейшего утверждения этого постановления, как обязательного для всех, во избежание какой бы то ни было дальнейшей путаницы.

Троцкий.

РАСКАЗАЧИВАНИЕ[1]

Из директивы ЦК РКП(б), подписанной Я. Свердловым 19 янв. 1919 г.

«Последние события на различных фронтах и казачьих районах, наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти»[2].

ПИСЬМА ЛЕНИНА ОБ УНИЧТОЖЕНИИ БОГАТЫХ КРЕСТЬЯН

ИЗ ПИСЬМА К ПЕНЗЕНСКИМ КОММУНИСТАМ - (11 августа 1918 г.)

«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует ин!ерес всей

[1] «Литературная Россия». 22.02.91, № 8.

[2] «Литературная Россия». 16.11.90, *№ 46. С.* 20 — 21.

революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать.

1. Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.
2. Опубликовать их имена.
3. Отнять у них весь хлеб.
4. Назначить заложников — согласно вчерашней телеграммы.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш *Ленин.*

Найдите людей потверже»[1].

ИЗ ПИСЬМА ЛЕНИНА К НАРКОМУ ЮСТИЦИИ * Д. И. КУРСКОМУ

«Пропаганда или агитация, или участие в организации и содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы... карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»[2].

СТАЛИН О ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

«ПРОТИВ ФЕДЕРАЛИЗМА» (28 марта 1917 г.)

В № 5 «Дела Народа» появилась статейка: «Россия — союз областей». Предлагается в ней ни больше ни меньше, как превращение России в «союз областей», «федеральное государство». Слушайте:

«Пусть федеральное Российское государство примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т. д.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям

[1] «Известия». 21 апр. 1994.

[2] Там же.

внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием Российский союз областей».

Сказанное поясняет автор статейки (Иос. Окулич) следующим образом:

«Пусть будет единая российская армия, единая монета, единая внешняя политика, единый верховный суд. Но да будут свободны в самостоятельном творчестве новой жизни отдельные области единого государства. Если американцы уже в 1776 году... союзным договором создали «Соединенные Штаты», то неужели мы в 1917 году не можем создать прочного союза областей?»

Так говорит «Дело Народа». .

Нельзя не признать, что статейка во многом интересна и, во всяком случае, оригинальна. Заинтересовывает также ее тон, высокоторжественный и, так сказать, «манифестичный» («да будет», «пусть будет»!).

При всем том следует заметить, что в целом она представляет какое-то странное недоразумение, в основе же этого недоразумения лежит более чем легкое обращение с фактами из истории государственного строя Северо-Американских Соединенных Штатов (а также Швейцарии и Канады).

Что говорит нам эта история?

В 1776 году Соединенные Штать! представляли собой не федерацию, а конфедерацию дотоле независимых колоний или штатов. То есть были независимые колонии, но потом для защиты общих интересов против, главным образом, внешних врагов колонии заключили между собой союз *(конфедерация*), не переставая быть вполне независимыми государственными единицами. В шестидесятых годах XIX столетия происходит перелом в политической жизни страны: северные штаты требуют более прочного политического сближения штатов вопреки южным штатам, протестующим против «централизма» и ратующим за старый порядок. Возгорается «гражданская война», в результате которой северные штаты берут верх. В Америке устанавливается *федера- циЯу* т. е. союз суверенных штатов, *делящих* власть с федеральным (Центральным) правительством. Но такой порядок продолжается недолго. Федерация оказывается такой же переходной мерой, как и конфедерация. Борьба между штатами и центральным правительством не прекращается, двоевластие становится невыносимым, и в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в *унитарное* (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно

политической) штатов, допускаемой этими нормами. Название «федерация» по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, пережиток прошлого, давно уже не соответствующий действительному положению вещей.

То же самое нужно сказать о Швейцарии и Канаде, на которые также ссылается автор упомянутой статейки. Те же независимые штаты (кантоны) в начале истории, та же борьба за более прочное их объединение (война с Зондербундом в Швейцарии, борьба англичан с французами в Канаде), то же превращение в дальнейшем федерации в унитарное государство.

О чем же говорят эти факты?

Только о том, что в Америке, как и в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а *против* нее. Федерация есть переходная форма.

И это не случайно. Ибо развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни.

Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не 6е- ремся, конечно, повернуть назад колесо истории.

Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение.

«Дело Народа» предлагает проделать в России опыт Соединенных Штатов 1776 года. Но есть ли хоть отдаленная аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней? ‘

Тогда Соединенные Штаты представляли собой собрание независимых колоний, не связанных между собой и желавших связаться по крайней мере конфедеративно. И это их желание было вполне понятно. Представляет ли нынешняя Россия что- либо подобное? Конечно, нет! Для всех ясно, что области в России (окраины) *связаны* с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы.

Далее. Для того, чтобы установить в Америке конфедерацию или федерацию, необходимо было *объединить* не связанные еще между собой колонии. И это было в интересах экономического развития Соединенных Штатов. Но для того, чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы *порвать* уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно.

Наконец, Америка (так же, как и Канада и Швейцария) разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому. Там штаты развились из колоний-общин, независимо от их национального состава. В Соединенных Штатах имеется несколько десятков штатов, между тем как национальных групп всего 7—8. В Швейцарии существует 25 кантонов (областей), тогда как национальных групп всего 3. Не то в России. То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определенные уголки России с определенным бытом и (не русским) национальным составом населения. Именно поэтому автономия (или федерация) штатов в Америке или Швейцарии не только не решает национального вопроса (она и не преследует такой цели!), но даже не ставит его. Между тем автономию (или федерацию) областей России для того собственно и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак.

Не ясно ли, что аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней искусственна и нелепа?

Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?

Нет, предложение проделать в России опыт Америки 1776 года — положительно непригодно. Половинчато-переходная форма — федерация — не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии.

Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так и только так должен быть решен вопрос об областях в России*.

* ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. Настоящая статья отражает господствовавшее тогда в нашей партии отрицательное отношение к федеративному устройству государства. Это отрицательное отношение к государственному федерализму наиболее резкое выражение получило в известном письме Ленина Шаумяну в ноябре 1913 года. «Мы,— говорит Ленин в этом письме,— за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации... Мы в принципе против федерации, она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или, вернее, если гнет и трения «сожительства» таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь «право» на федерацию» (см. т. XVII, с. 90).

Характерно, что в резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской конференцией партии в 1917 году, вопрос о федеративном устройстве государства остался совершенно незатронутым. В резолюции говорится о праве наций на отделение, об автономии национальных областей в рамках единого (унитарного государства, наконец, об издании основного закона против каких бы то ни было национальных привилегий, но ни одного слова не сказано о допустимости федеративного устройства государства.

В книжке Ленина «Государство и революция» (август 1917 года) партия, в лице Ленина, делает первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации, как переходной формы «к централистической республике», сопровождая, впрочем, это признание рядом серьезных оговорок.

«Энгельс, как и Маркс, — говорит Ленин в этой книге, — отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос... Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких Делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от

самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику» (см. т. XXI, с. 419).

Только после Октябрьского переворота становится партия твердо и определенно на точку зрения государственной федерации, выдвигая ее, как свой собственный план государственного устройства советских республик на время переходного периода. Впервые эта точка зрения получила свое выражение в известной «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 года, писанной Лениным и одобренной Центральным Комитетом партии. В этой декларации сказано: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик» (см. т. XXII, с. 174).

Официально эта точка зрения была утверждена партией на ее VIII съезде (1919 год). Известно, что на этом съезде была принята программа РКП. В этой программе говорится: «Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу» (см. «Программу РКП»).

Таков путь, пройденный партией от отрицания федерации к признанию ее как «переходной формы к полному единству трудящихся разных наций» (см. «Тезисы по национальному вопросу», принятые II конгрессом Коминтерна).

Эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации следует объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России, как Это могло казаться раньше, или даже — вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций — гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции[1].

Декабрь 1924 г.

[1] *Сталин КВ.* Собр. соч. Т. III. С. 23 — 31/

СТАЛИН О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

«ОТЧЕТ ТОВАРИЩАМ УКРАИНЦАМ В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ»

Прежде всего нужно отметить некоторое смешение понятий у товарищей украинцев. Они изображают иногда конфликт с Радой, как конфликт между украинским и русским народами. Но это неверно. Между украинским и русским народами нет и не может быть конфликта. Украинский и русский народы, как и остальные народы России, состоят из рабочих и крестьян, из солдат и матросов. Все они вместе боролись против царизма и керенщины, против помещиков и капиталистов, против войны и империализма. Все они вместе проливали кровь за землю и мир, за свободу и социализм. В борьбе с помещиками и капиталистами все они — братья и товарищи. В борьбе за свои кровные интересы у них нет и не может быть конфликта. Конечно, врагам трудящихся выгодно представить конфликт с Радой, как конфликт русского и украинского народов, ибо при таком представлении легче всего можно будет натравить друг на друга рабочих и крестьян родственных народов на радость угнетателям этих народов. Но разве трудно понять сознательным рабочим и крестьянам, что то, что выгодно угнетателям народов, то вредно народам?

Конфликт возник не между народами России и Украины, а между Советом Народных Комиссаров и Генеральным секретариатом Рады.

По каким вопросам возник конфликт?

Говорят, что конфликт возник по вопросу о централизме и самоопределении, что Совет Народных Комиссаров не дает украинскому народу взять власть в свои руки и свободно определить свою судьбу. Верно ли это? Нет, неверно. Совет Народных Комиссаров добивается именно того, чтобы вся власть на Украине принадлежала украинскому *народу*, т. е. украинским рабочим и солдатам, крестьянам и матросам. Советская власть, т. е. власть рабочих и крестьян, солдат и матросов, без помещиков и капиталистов, — это, именно, и есть та самая *народная* власть, за которую борется Совет Народных Комиссаров. Генеральный секретариат не хочет такой власти, ибо он не желает обойтись без помещиков и капиталистов. В этом, а не в централизме, вся суть.

_ Совет Народных Комиссаров с самого начала стоял и продолжает стоять на точке зрения свободного самоопределения. Он ничего не имеет даже против того, чтобы украинский народ выделился в независимое государство. Об этом он заявлял официально несколько раз. Но когда самоопределение народа смешивают с самодержавием Каледина, когда Генеральный секретариат Рады пытается представить контрреволюционные бесчинства казачьих генералов, как проявление народного самоопределения, — Совет Народных Комиссаров не может не заметить, что Генеральный секретариат играет в самоопределение, прикрывая этой игрой свой союз с Калединым и Родзянко. Мы за самоопределение *народову* но мы против того, чтобы под флагом самоопределения протаскивали контрабандой самодержавие Каледина, вчера еще ратовавшего за удушение Финляндии.

Говорят, что конфликт возник по вопросу об Украинской республике, что Совет Народных Комиссаров не признает Украинской республики. Верно ли это? Нет, неверно. Совет Народных Комиссаров официально признал Украинскую республику в «ультиматуме» и «ответе» Петроградскому украинскому штабу. Он готов признать республику любой национальной области России, при желании на то трудового населения этой области. Он готов признать федеративное устройство политической жизни нашей страны, если этого пожелает трудовое население областей России. Но когда народную республику смешивают с военной диктатурой Каледина, когда Генеральный секретариат Рады пытается представить монархистов Каледина и Родзянко в роли столпов республики, то Совет Народных Комиссаров не может не сказать, что Генеральный секретариат играет в республику, прикрывая этой игрой свою полную зависимость от тол- стосумов-монархистов. Мы за Украинскую республику, но мы против того, чтобы флагом республики прикрывали заклятых врагов народа, монархистов Каледина и Родзянко, вчера еще ратовавших за восстановление старого режима и смертной казни для солдат.

Нет, вопросы о централизме и самоопределении не имеют отношения к конфликту с Радой. Не вокруг этих вопросов возник спор. Централизм и самоопределение приплетены к делу Генеральным секретариатом искусственно, в виде стратегической уловки, рассчитанной на то, чтобы скрыть от украинских масс действительные причины конфликта...[1]

[1] *Сталин КВ.* Собр. соч. Т. IV, с. 6—9.

СТАЛИН. ИЗ «ВЫСТУПЛЕНИЙ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ». (10—18 янв. 1918 г.)

Из «Доклада по национальному вопросу»

Только Советская власть открыто провозгласила право всех наций на самоопределение вплоть до полного отделения от России. Новая власть оказалась более радикальной в этом отношении, чем даже национальные группы внутри некоторых наций.

И тем не менее, возник целый ряд конфликтов между Советом Народных Комиссаров и окраинами. Это конфликты, однако, создавались не вокруг вопросов национального характера, а именно, вокруг вопроса о власти. Оратор приводит целый ряд примеров того, как наскоро сколоченные буржуазно-националистические правительства окраин, составленные из представителей верхушечных слоев имущих классов, старались, под видом разрешения своих национальных вопросов, вести определенную борьбу с советскими и иными революционными организациями. Корень всех конфликтов, возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти. И если буржуазные круги тех или иных областей старались придать национальную окраску этим конфликтам, то только потому, что им это было выгодно, что удобно было за национальным костюмом скрыть борьбу с властью трудовых масс в пределах своей области.

Оратор подробно останавливается на примере с Радой и убедительно доказывает, каким образом принцип самоопределения был использован буржуазно-шовинистическими кругами Украины в своих классовых империалистических целях.

Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма.

По вопросу о федеральном устройстве Российской Республики оратор указывает, что верховным органом Советской федерации должен быть Съезд Советов. В промежутки от одного съезда до другого функции съезда переходят к ЦИК[1].

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 31—32, 36—37.

ИЗ «ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ПО ДОКЛАДУ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ»

(Газетный отчет)

В заключение докладчик еще раз останавливается на основном расхождении правого и левого крыла демократии. В то время как левое крыло добивается диктатуры низов, власти большинства над меньшинством, — правое крыло рекомендует тащиться назад, к пройденному уже этапу буржуазного парламентаризма. Опыт парламентаризма во Франции и Америке с очевидностью показал, что демократическая по внешности власть, рождающаяся в результате всеобщего избирательного права, на деле оказывается весьма далекой и чуждой подлинному демократизму коалицией с финансовым капиталом. Во Франции, в этой стране буржуазного демократизма, депутатов избирает весь народ, а министров поставляет Лионский банк. В Америке выборы всеобщие, а у власти оказываются ставленники миллиардера Рокфеллера.

— Разве это не факт? — спрашивает оратор. — Да, буржуазный парламентаризм мы похоронили, и напрасно. Мартовы тащат нас к мартовскому периоду революции. *(Смех, аплодисменты.)* Нам, представителям рабочих, нужно, чтобы народ был не только голосующим, но и правящим. Властвуют не те, кто выбирает и голосует, а те, кто правит. *(Бурные аплодисменты.)*[1]

СТАЛИН. ИЗ «ЗАПИСКИ НАРОДНОМУ СЕКРЕТАРИАТУ УКР. СОВ. РЕСПУБЛИКИ»

Настоящее положение в связи с наступлением немцев и бегством наших войск мы оцениваем так: свергнув своих империалистов, мы, благодаря медленному темпу революционного движения на Западе, неустойчивости наших войск и неслыханному хищничеству немецких империалистов, попали временно в лапы чужеземного империализма, против которого мы должны теперь же готовить силы для организации отечественной войны в надежде на развязывание революционных сил на Западе, являющееся, по нашему мнению, неизбежным. Для такой подготовки необходима минимальная передышка, которую мог бы

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 31—32, 36—37.

дать даже зверский мир. Делать иллюзии нельзя ни в коем случае. Нужно иметь мужество смотреть в лицо действительности и признать, что мы временно попали в лапы немецкого империализма. Этими соображениями и руководствовался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов, решивший сегодня в 3 часа ночи заключить мир на зверских условиях и поручивший Совнаркому послать делегацию в Брест, что и сделано сегодня. ЦИК решил, что только при таких условиях можно будет сохранить Советскую власть. А пока готовиться и еще раз готовиться для организации священной войны против немецкого империализма[1].

СТАЛИН. «УКРАИНСКИЙ УЗЕЛ»

(март 1918 г.)

...Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского, — таков смысл нашествия с Запада.

Это чувствует, по-видимому, украинский народ, лихорадочно готовясь к отпору. Формирование крестьянской Красной Армии, мобилизация рабочей Красной гвардии, ряд удачных стычек с «цивилизованными» насильниками после первых вспышек паники, отобрание Бахмача, Конотопа, Нежина и подход к Киеву, все усиливающийся энтузиазм масс, тысячами идущих на бой с поработителями, — вот чем отвечает народная Украина на нашествие насильников.

Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную *отечественную* войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине.

Это значит, что каждый пуд хлеба и каждый кусок металла придется брать германцам с бою, в результате отчаянной схватки с украинским народом.

Это значит, что Украина должна быть форменным образом завоевана для того, чтобы получить немцам хлеб и посадить на трон Петлюру — Винниченко.

«Короткий удар», которым немцы рассчитывали убить сразу двух зайцев (и хлеб получить, и Советскую Украину сломить), имеет все шансы превратиться в затяжную войну иноземных поработителей с двадцатимиллионным народом Украины, у которого хотят отнять хлеб и свободу.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 42—43.

Нужно ли добавить к этому, что украинские рабочие и крестьяне не пожалеют своих сил для героической борьбы с «цивилизованными» насильниками?

Нужно ли еще доказывать, что *отечественная война*, начатая на Украине, имеет все шансы рассчитывать на всемерную поддержку со стороны всей Советской России?

А что, если война на Украине, приняв затяжной характер, превратится, наконец, в войну всего честного и благородного в России против нового ига с Запада?

А что, если немецкие рабочие и солдаты в ходе такой войны поймут, наконец, что заправилами Германии руководят не цели «обороны немецкого отечества», а простая ненасытность обожравшегося империалистического зверя, и, поняв это, сделают соответствующие практические выводы?

Не ясно ли из этого, что там, на Украине, завязывается теперь основной узел всей международной современности, — узел рабочей революции, начатой в России, и империалистической контрреволюции, идущей с Запада?

Обожравшийся империалистический зверь, сломивший себе шею на Советской Украине, — не к этому ли ведет теперь неумолимая логика событий?..[1]

И. В. СТАЛИН. «ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

(апрель 1918 г., из газетного отчета)

ПЕРЕХОДНАЯ РОЛЬ ФЕДЕРАЛИЗМА

Таковы, — продолжает наш собеседник, — по моему мнению, общие контуры складывающейся на наших глазах Российской Федерации. Многие склонны считать федеративный строй наиболее устойчивым и даже идеальным, причем ссылаются часто на пример Америки, Канады, Швейцарии. Но увлечение федерализмом не оправдывается историей. Во-первых, Америка, как и Швейцария, уже не представляют федераций: они были федерациями в 60-х годах прошлого столетия; они превратились на деле в унитарные государства — с конца прошлого века, когда вся власть была передана от штатов и кантонов центральному федеральному правительству.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 46 — 48.

История показала, что федерализм Америки и Швейцарии есть переходная ступень от независимости штатов и кантонов к полному их объединению. Федерализм оказался вполне целесообразной формой, как переходная ступень от независимости к империалистическому унитаризму, но он был изжит и отброшен, как только созрели условия для объединения штатов и кантонов в единое государственное целое.

ПРОЦЕСС ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ФЕДЕРАЛИЗМ В РОССИИ — ПЕРЕХОДНАЯ СТУПЕНЬ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ УНИТАРИЗМУ

В России политическое строительство идет в обратном порядке. Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы, с течением времени, федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России. Федерализму в России суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль — к будущему *социалистическому* унитаризму[1].

СТАЛИН. О ДОНЩИНЕ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (Факты и махинации, 1 июня 1918 г.)

Украинская делегация в Киеве на первом заседании мирной конференции заявила, что у нее имеются заявления донского, северокавказского и других «правительств», объявивших себя отделившимися от России и установившими дружественные отношения с украинско-германским правительством. «Мы не против переговоров с представителями Советской власти, — заявил председатель украинской делегации г. Шелухин, — но мы хотели бы знать, на какие, собственно, области простирается власть Российской Федерации, ибо у меня имеются заявления целого ряда правительств (Дона, Северного Кавказа и т. д.), не желающих оставаться в составе России».

Турки и германцы не только не возражают против этого выступления украинцев, а, наоборот, в целом ряде официальных заявлений подтверждают претензии упомянутых полулегальных «правительств», цепляясь за них, как за формальное средство для Целей «самоопределения» (т. е. захвата) новых территорий...

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 73—74.

Но что это за загадочные «правительства», откуда они при^ шли?

Прежде всего странно, что покровителем этих «правительств» и официальным застрельщиком всей этой кампании выступает украинское гетманское правительство, вчера только появившееся на свет милостью... во всяком случае не народа. По какому, собственно, праву решается украинская делегация так говорить с Советской властью, свободно избранной десятками миллионов населения Российской Федерации и сплотившей вокруг себя, между прочим, широкие областные Советы Дона, Кубани, Черноморья, Терека, избранные миллионами населения этих областей? Какой вес может иметь ввиду всего этого нынешнее украинское правительство, не только не избранное народом, но не имеющее за собой даже подстроенного цензового сейма, вроде хотя бы верхушечного ландтага? Кроме того, можно считать доказанным, что если бы мирная конференция происходила не в Киеве, а где-либо на нейтральной почве, свергнутая недавно Украинская рада не преминула бы предстать с заявлением о том, что договор с гетманским правительством не может связать украинского народа, не признающего этого правительства. При этом встали бы два вопроса: 1) чьи полномочия можно было бы признать в таком случае более действительными, гетманского правительства или Украинской рады, 2) что могла бы тогда заявить в свое оправдание нынешняя украинская делегация, высоко ценящая всякие «заявления»...

Во-вторых, не менее странно, что Германия, поддерживающая заявление украинской делегации и усиленно заигрывающая с авантюристскими «правительствами» Дона и Северного Кавказа в интересах «самоопределения», ни единым словом не заикается о самоопределении польской Познани, датской Шлез- виг-Голштинии, французской Эльзас-Лотарингии. Нужно ли еще доказывать, что в сравнении с массовыми протестами датчан, поляков и французов указанных областей авантюристские заявления наскоро испеченных и никем не признанных «правительств» юга России теряют всякий вес, всякую цену, всякое приличие...

Но все это — «мелочи». Перейдем к главному.

Итак, каково происхождение мифических «правительств» юга России?

«21 октября 1917 года,— говорит донское «правительство» в своей «ноте», — в городе Владикавказе был подписан договор об образовании нового федеративного государства, юго-восточного союза, в состав которого вступили население территорий ка

зачьих войск Донского, Кубанского и Астраханского, горцы Северного Кавказа и Черноморского побережья и вольные народы юго-востока России».

Почти то же самое говорит радиотелеграмма представителей северо-кавказского «правительства» Чермоева и Бамматова, доставленная нам 16 мая:

«Народы Кавказа закономерно избрали национальное собрание, которое, собравшись в мае и сентябре 1917 года, заявило об образовании союза горцев Кавказа», причем «союз горцев Кавказа решает отделиться от России и образовать независимое государство, территория же этого государства будет иметь своими границами на севере те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя и Кубани и Черного моря в бывшей Русской империи, с запада — Черное море, с востока — Каспийское».

Итак, накануне победы Октябрьской революции, свергшей правительство Керенского, связанные с э^им правительством кучки авантюристов собрались, оказывается, во Владикавказе, объявили себя «полномочными» правительствами, а юг России — отделенным от последней, причем они не потрудились даже спросить согласия на то населения. Конечно, в свободной стране, вроде России, никому не возбраняется предаваться сепаратистским мечтаниям, причем легко понять, что за авантюристскими заявлениями мечтателей, с которыми ни на йоту не связаны народы юга России, Советская власть не могла и не должна была гнаться. Мы не сомневаемся, что если бы Германия предоставила гражданам такую же свободу, какой пользуются ныне в России, то Познань, Эльзас-Лотарингия, Польша, Курляндия, Эстляндия и пр. покрылись бы сетью национальных правительств, имеющих гораздо больше оснований называться правительствами, чем изгнанные своими же народами и находящиеся теперь в эмиграции Богаевские и Красновы, Бамматовы и Чермоевы...

Такова картина возникновения мифических «правительств» юга России.

«Нота» донского «правительства» и радиотелеграмма Чермоева говорят о прошлом, о сентябре и октябре 1917 года и о Владикавказе, как убежище отставных генералов. Но с того времени прошло около года. За это время образовались Донской, Кубанско-Черноморский и Терский областные народные Советы, объединяющие вокруг себя миллионы населения, казаков и иногородних, абхазцев и русских, чеченцев и ингушей, осетин

и кабардинцев, грузин и армян. Население этих областей давно уже признало Советскую власть, широко пользуясь предоставленным им правом самоопределения. А Владикавказ, бывшая резиденция Карауловых и Богаевских, Чермоевых и Бамматовых, уже давно объявил себя местом пребывания Терского народного Совета. Спрашивается, какое значение могут иметь ископаемые генералы и их авантюристские заявления летом 1917 года перед лицом этих всем известных фактов? В сентябре и октябре в России еще существовало правительство Керенского, метавшее тогда гром и молнии на загнанную в подполье большевистскую партию, ныне стоящую у власти. Если для украинской делегации и германского правительства сентябрь и октябрь месяцы 1917 года имеют такое сакраментальное значение, почему бы им не пригласить на мирную конференцию остатки правительства Керенского, тогда еще здравствовавшего, точно так же, как они делают это по отношению к остаткам «правительства» Чермоевых и Карауловых, также здравствовавших в сентябре и октябре 1917 года?

Или еще: чем, собственно, предпочтительнее сентябрь 1917 года перед апрелем 1918 года, когда Украинская рада, снарядившая было делегацию для переговоров с Советской властью, в один миг была сброшена в политическое небытие «на основании» немецкого «толкования» принципа самоопределения народов?..

Или, наконец: почему заявление изгнанного казаками казачьего генерала Краснова, попавшего в плен к советским войскам под Гатчиной в конце 1917 года и потом освобожденного Советской властью на честное слово, — почему его заявление считается «политическим актом большой важности», а заявление, например, Крымского совнаркома, сплачивавшего вокруг себя сотни тысяч русского и татарского населения и трижды пц радио объявившего о неразрывной связи Крыма с Российской Федерацией, — считается не имеющим политического значения?

Почему изгнанный казаками генерал Краснов пользуется особым покровительством украинско-германских правителей, а свободно избранный населением Крымский совнарком разбойнически расстрелян?..

Очевидно, дело тут не в подлинности «заявлений» и не в массах, поддерживающих эти «заявления». Дело тем более не в понятии «самоопределение», варварски истасканном и искаженном официальными грабителями. Дело просто в том, что «заявления» очень выгодны украинско-немецким любителям им

периалистических махинаций, ибо они удобно прикрывают их стремления к захвату и порабощению новых территорий.

Характерно, что из целого ряда делегаций так называемого донского правительства, столь же «законных», как и делегация ген. Краснова, украино-немцы остановились на последней делегации, так как все остальные делегации придерживались не немецкой «ориентации». Причем надуманность и искусственность «правительства» Краснова — Богаевского до того очевидны, что целый ряд назначенных Красновым министров (Парамонов, министр народного просвещения, и Семенов, министр земледелия) официально отказался от назначений, мотивировав свой отказ тем, что «назначение их в качестве министров сделано ген. Красновым в их отсутствие». Но украинско-немецких самоопредели- телей это, очевидно, нимало не смущает, ибо Краснов им удобен, как ширма.

Не менее характерно, что так называемый юго-восточный союз, в бозе почивший еще в январе месяце, в мае вдруг воскрес где-то на Украине или даже в Константинополе, причем еще не все народы Северного Кавказа знают, что давно похороненные ими «правительства» продолжают нелегально «существовать» не то в Константинополе, не то в Киеве, откуда собираются они писать для них законы. Украинско-немецких самоопределителей не смущает, очевидно, и эта нехитрая махинация, ибо она дает возможность поживиться.

Таковы «дела» жаждущих власти авантюристов юга России, с одной стороны, и творцов политических махинаций — с другой.

Каково же отношение самих народов юга России к вопросу о независимости, именем которых (народов) прикрываются господа самоопределители?

Начнем с *Дона.* Уже с февраля месяца существует автономная Донская Советская Республика, объединяющая вокруг себя громадное большинство населения области. Ни для кого не тайна, что на областном съезде в апреле, собравшем более 700 делегатов, громогласно была подтверждена неразрывная связь с Россией, автономную часть которой составляет Донская Республика.

...Перейдем к *Кубани.* Всем известна Кубанско-Черноморская Автономная Советская Республика, сплачивающая вокруг себя 90% населения всех без исключения отделов и округов области.

Всем известен многочисленный съезд Кубанско-Черноморской области с участием чеченцев, ингушей в апреле этого года

под председательством казака Я. Полуяна, торжественно подтвердивший неразрывную связь области с Россией и столь же торжественно объявивший вне закона любителей авантюр, всяких Филимоновых и Красновых. Впрочем, десятки тысяч стоящих под ружьем кубанцев, грудью своей защищающих Советскую Россию от Сухума до Батайска, достаточно красноречиво говорят о чувствах и симпатиях Кубани и Черноморья. Мы уже не говорим о флоте, гибели которого ждут не дождутся благодетели Красновых — Филимоновых.

Наконец, *Терская область.* Ни для кого не тайна, что на Тереке существует Терский областной народный Совет, объединяющий вокруг себя все, или почти все (95%), аулы и станицы, деревни, местечки, не говоря уже о городах. Уже на первом областном съезде в январе этого года все без исключения делегаты высказались за Советскую власть и за неразрывную связь с Россией. Второй съезд, в апреле, более широкий и многолюдный, чем первый, торжественно подтвердил связь с Россией, объявив область автономной советской республикой Российской Федерации. Происходящий ныне третий областной съезд делает шаг вперед, переходя от слов к делу, и призывает граждан к оружию для защиты Терека, и не только Терека, от покушений со стороны непрошеных гостей. Так называемая нота так называемого донского правительства очень много говорит о «вольных народах юго-востока», стремящихся якобы к отделению от России. Полагая, что факты являются лучшим опровержением «заявлений», мы предоставляем слово фактам.

Прежде всего выслушаем резолюцию Терского народного Совета.

«...Терский народный Совет в составе перечисленных фракций заявляет, что народы Терского края составляют неотъемлемую часть Российской Федеративной Республики.

Терский народный Совет протестует против втягивания Северного Кавказа закавказским правительством в акт объявления независимости Закавказья» (см. «Народная Власть», орган Терского народного Совета). (Резолюция принята единогласно. 9 мая.)

Пусть говорят теперь оклеветанные узурпаторами и их покровителями *чеченцы и ингуши.* Вот резолюция их фракции, сплачивающая всех или почти всех ингушей и чеченцев.

«Экстренное заседание чеченско-ингушской фракции Терского народного Совета, обсудив сообщение об объявлении Северного Кавказа независимым, единогласно приняло следующую

резолюцию: объявление независимости Северного Кавказа есть чрезвычайно важный акт, который должен происходить с ведома и согласия всего заинтересованного населения.

Чеченско-ингушская фракция констатирует, что никаких делегатов для каких бы то ни было переговоров с оттоманской делегацией в Трапезунде или с оттоманским правительством в Константинополе чеченско-ингушский народ не посылал, что вопрос о независимости ни в каких органах и собраниях, выражающих волю чеченско-ингушского народа, никогда не обсуждался.

Поэтому лиц, смеющих говорить от имени народа, который их не выбирал, чеченско-ингушская фракция считает самозванцами и врагами народа.

Чеченско-ингушская фракция заявляет, что единственное спасение всех горцев Северного Кавказа и завоеванных революцией свобод заключается в тесном единении с российской революционной демократией.

...К чему же сводится в таком случае упомянутое выше заявление украинской делегации о мифических «правительствах», поддерживаемое словом и делом немцами и турками?

Только к одному: использовать мишурные «правительства», как ширму, для захватов и порабощения новых земель. Прикрываясь Украинской радой, немцы двинулись вперед «на основании Брестского договора» (о, конечно!) и заняли Украину. Но теперь Украина как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение. Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму. Атак как спрос рождает предложение, то Красновы и Богаевские, Чермоевы и Бамма- товы не замедлили предстать, предлагая свои услуги. И нет ничего невероятного в том, что в ближайшее время Красновы и Богаевские, руководимые и снабжаемые немцами, двинутся на Россию, на «освобождение» Дона, причем немцы постараются лишний раз поклясться в верности Брестскому договору. То же самое нужно сказать о Кубани, Тереке и т. д.

В этом вся суть!

Советская власть похоронила бы себя заживо, если бы она не мобилизовала все без исключения силы для отпора захватчикам и поработителям.

И это она сделает[1].

[1] *Сталин И. В.* Собр. соч., т. IV. С. 105—115.

СТАЛИН О ШОВИНИЗМЕ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ МОМЕНТАХ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

(25 апреля 1923 г.)

...Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим, — не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций, — это значит сказать несообразность. То, что у тов. Ленина является оборотом речи в его известной статье, Бухарин превратил в целый лозунг. А между тем ясно, что политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Ежели мы перегнем палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата. Это опасно, товарищи. Нельзя пересаливать в политике, так же как нельзя недосаливать.

Следует помнить, что, кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом, — правом рабочего класса, пришедшего к власти, на укрепление своей власти. В таких случаях, — это нужно сказать прямо, — право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 году, когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву.

Не следует поэтому забывать, что, раздавая всякие обещания националам, расшаркиваясь перед представителями национальностей, как это делали на этом съезде некоторые товарищи, следует помнить, что сфера действия национального вопроса и пределы, так сказать, его компетенции ограничиваются при на

ших внешних и внутренних условиях сферой действия и компетенции «рабочего вопроса», как основного из всех вопросов.

...Второй вопрос — это о шовинизме великорусском и о шовинизме местном. Здесь выступали Раковский и особенно Бухарин, который предложил выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Дескать, незачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого «Голиафа», как великорусский шовинизм. Вообще, у Бухарина было покаянное настроение. Это понятно: годами он грешил против национальностей, отрицая право на самоопределение, — пора, наконец, и раскаяться. Но, раскаявшись, он ударился в другую крайность. Курьезно, что Бухарин призывает партию последовать его примеру и тоже покаяться, хотя весь мир знает, что партия тут ни при чем, ибо она с самого начала своего существования (1898 г.) признавала право на самоопределение и, стало быть, каяться ей не в чем. Дело в том, что Бухарин не понял сути национального вопроса. Когда говорят, что нужно поставить во главу угла по национальному вопросу борьбу с великорусским шовинизмом, этим хотят отметить обязанности русского коммуниста, этим хотят сказать, что обязанность русского коммуниста самому вести борьбу с русским шовинизмом. Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взялись за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы как антирусский шовинизм. Это запутало бы все дело и укрепило бы великорусский шовинизм. Только русские коммунисты могут взять на себя борьбу с великорусским шовинизмом и довести ее до конца.

А что хотят сказать, когда предлагают борьбу с местным шовинизмом? Этим хотят отметить обязанность местных коммунистов, обязанность нерусских коммунистов бороться со своим шовинизмом. Разве можно отрицать, что уклоны к антирусскому шовинизму имеются? Ведь весь съезд увидел воочию, что шовинизм местный, грузинский, башкирский и пр., имеется, что с ним нужно бороться. Русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую задачу борьбы с татарским или грузинским шовинизмом, то эта борьба его будет расценена как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин. Это запутало бы все дело. Только татарские, грузинские и т. д. коммунисты могут бороться против Татарского, грузинского и т. д. шовинизма, только грузинские коммунисты могут с успехом бороться со своим грузинским национализмом или шовинизмом. В этом обязанность нерусских коммунистов. Вот почему необходимо отметить в тезисах эту двустороннюю

задачу коммунистов русских (я имею в виду борьбу с великорусским шовинизмом) и коммунистов нерусских (я имею в виду их борьбу с шовинизмом антиармянским, антитатарским, антирусским). Без этого тезисы выйдут однобокими, без этого никакого интернационализма ни в государственном, ни в партийном строительстве не получится.

Если мы будем вести борьбу только с великорусским шовинизмом, то эта борьба будет заслонять собой борьбу татарских и пр. шовинистов, которая развивается на местах и которая опасна в особенности теперь, в условиях нэпа. Мы не можем не вести борьбу на два фронта, ибо только при условии борьбы на два фронта — с шовинизмом великорусским, с одной стороны, который является основной опасностью в нашей строительной работе, и шовинизмом местным, с другой, — можно будет достигнуть успеха, ибо без этой двусторонней борьбы никакой спайки рабочих и крестьян русских и инонациональных не получится. В противном случае может получиться поощрение местного шовинизма, политика премии за местный шовинизм, чего мы допустить не можем...[1]

ДОКУМЕНТЫ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ИЗ ДИРЕКТИВ СТАЛИНА КОМАНДОВАНИЮ ОРЕНБУРГСКИМ ФРОНТОМ

(Декабрь 1917 г. — январь 1918 г.)

1

...Негодные элементы распускайте, годные сплачивайте в революционные отряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Этот путь верный, и можно идти по нему смело.

СТАЛИН

2

Немедленно созову чрезвычайное совещание военное целью оказания решительной поддержки. Крепитесь и не слишком торопитесь наступлением, дайте передохнуть своим и дожидайтесь подхода подкреплений.

СТАЛИН

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. IV. С. 264—269.

3

...Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышлем сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте хотя бы в банке... Раз навсегда запомните нашу просьбу. Когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем.

СТАЛИН

ТЕЛЕФОНОГРАММА И. В. СТАЛИНА В ЦАРИЦЫН *Москва, 29 мая 1918 г.*

У аппарата Сталин. Я назначен общим руководителем всего продовольственного дела всего юга России, облечен неограниченными правами Совнаркомом, вплоть до подчинения всех без исключения организаций железнодорожных и почтово-телеграфных, военных и политических, продовольственных и торгово-флотских моим распоряжениям. Через 2 дня выезжаю Царицын. Я хотел бы знать, где Серго, насколько обеспечена линия Царицын — Тихорецкая, какова сила внутренних контрреволюционных банд. Как дело с Автономовым, каковы ваши отношения к упомянутому назначению. Сообщаю, что у меня будут строго дисциплинированные отряды. Жду ответа, дайте исчерпывающе запиской.

СТАЛИН

МАНДАТ И. В. СТАЛИНА О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО ОБЩИМ РУКОВОДИТЕЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА НА ЮГЕ РОССИИ

31 мая 1918 г.

Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович СТАЛИН, назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники

отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения тов[арища] СТАЛИНА.

Председатель Сов[ета] Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О ПОДГОТОВКЕ ТРАНСПОРТА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ХЛЕБА

Грязи, 5 июня 1918 ^г.

Номер первый. Четвертого, одиннадцать часов ночи, благополучно прибыл в Козлов с отрядом в четыреста пятьдесят штыков. Следую дальше. Обяжите Шляпникова выехать немедленно и взять с собой путейских инженеров, а также дельных рабочих для исправления линии Хасав-Юрт — Петровск и постройки ветви Кизляр — Брянская. Без этого своевременная доставка хлеба по назначению немыслима, ибо Царицынская линия безусловно не выдержит. Дайте специальный приказ организациям торгового флота на Волге и Каспии о беспрекословном исполнении моих распоряжений. Копию за номером пришлите мне в Царицын. Баку посылаю нарочного с письмом. Жду новостей.

Член Совета Народных Комиссаров Народный Комиссар

СТАЛИН

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ ИЗ ЦАРИЦЫНА О ПЕРВЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ЗАГОТОВКЕ ХЛЕБА

Царицыну 7 июня 1918 г.

Вне очереди. 8 ч. 13 м. Военная.
Москва. Кремль. ЛЕНИНУ

6-го прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, в Саратове монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнар-

ком в свою очередь требуют от этих советов отказа от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревкомов. Я принужден поставить специальных комиссаров, которые уже вводят порядок, несмотря на протесты коллегий. Комиссары открывают кучу паровозов в местах, о существовании которых коллегии не подозревают. Исследование показало, что в день можно пустить по линии Царицын — Поворино — Балашов— Козлов — Рязань — Москва восемь и более маршрутных поездов. Сейчас занят накоплением поездов в Царицыне. Через неделю объявим «Хлебную неделю» и пустим сразу около миллиона пудов со специальными сопровождающими из железнодорожников, о чем предварительно сообщу.

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УСИЛЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ЗАГОТОВОК

Царицын, 9 июня 1918 г. 22 ч[аса] 30 м[инут]. № 9268.

Я, Сталин, прошу дежурного немедля записать и отдать для отбивки на машинке копию для отправки по назначению. Записка № 3.

На немедленную заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и тысяч десяти голов скота необходимо прислать в распоряжение Чокпрода 75 миллионов деньгами, по возможности мелкими купюрами, и разных товаров миллионов на 35: вилы, топоры, гвозди, болты, гайки, стекла оконные, чайная и столовая посуда, косилки и части к ним, заклепки, железо шинное круглое, лобогрейки, катки, спички, части конной упряжи, обувь, ситец, трико, коленкор, бязь, модеполам, нансук, гринсбон, ластик, сатин, шевьет, марин сукно, дамское и гвардейское, разные кожи, заготовки, чай, косы, сеялки, подойники, плуги, мешки, брезенты, галоши, краски, лаки, кузнечные, столярные инструменты, напильники, карболовая кислота, скипидар, сода. У Чокпрода всего денег миллионов 15 и товаров разных на 10 миллионов. Деньги и указанные товары должны выслать без промедления. Пусть Троцкий даст телеграфные распоряжения всем начальникам отрядов на фронте и штабу Снесарева не захватывать продовольственных грузов и мануфактуры, беспрепятственно пропускать наши маршрутные поезда, оказывать содействие нашим продовольственным комитетам. Копию Сталину.

Пусть ЦИК немедленно телеграфно обяжет Кубанский, Терский, Ставропольский советы не ломать твердых цен, не способствовать самостоятельным заготовкам и вывозу отдельными губерниями, уездами и волостями, а всемерно содействовать агентам Сталина и Чокпрода. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский немедленно по телеграфу обяжут железнодорожных агентов по всем линиям юга России под строгой ответственностью не принимать хлебных грузов, не адресованных на Чокпрод и компрод, не принимать пассажиров с мешками с хлебом. Копию Сталину. Пусть Кобозев и Невский в том же порядке обяжут к тому же всех агентов пароходства по Волге. Копия Сталину. Пусть Нар- компрод разошлет циркулярный приказ всем губпродкомам и советам, особенно же Орехово-Зуеву и прочим промышленным пунктам, не присылать своих агентов на юг за хлебом, так как весь заготовленный хлеб будем посылать в Москву сухим путем, в Нижний — водой. Копию Сталину. Мы настаиваем на обезличении продовольственных грузов с юга, снимаем с себя функцию распределения, отдавая ее всецело волпроду, ограничиваемся заготовкой и транспортированием в два пункта — Москву и Нижний, где предлагаем Компроду создать базисные склады и распределительные конторы в общерусском масштабе. Исключены близкие к югу Баку, Туркестан и Астраханская губерния, которые беремся удовлетворить непосредственно. Постройка Киз- лярской линии началась[1].

СТАЛИН В ЦАРИЦЫНЕ

...Вот что рассказывает о своей встрече с т. Сталиным Раскольников, командированный Лениным в Новороссийск и остановившийся по дороге в Царицыне.

«На бесконечных параллельных путях недалеко от вокзала, — пишет он, — я разыскал вагон т. Сталина. Он сразу принял меня. Над его столом висела карта. В черном кителе и брюках, заправленных в голенища высоких кожаных сапог, с длинными, зачесанными назад, стоячими черными волосами и с густыми, книзу опущенными усами на энергичном лице, Иосиф Виссарионович шагнул мне навстречу и, вынув левой рукой изо рта дымящуюся трубку, правую руку протянул мне.

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. Первый этап гражданской войны. М., 1940. С. 63—64, 154, 157.

Сталин был в Царицыне всем: уполномоченным ЦК, членом Реввоенсовета, руководителем партийной и советской работы. Все вопросы он, как всегда, решал коллегиально, в тесном контакте с местными учреждениями, что импонировало им и еще больше усиливало его непререкаемый авторитет.

По предложению Сталина мы сели за стол, и я рассказал ему о порученной мне задаче. Я был поражен, когда оказалось, что Сталин знал все... Иосиф Виссарионович указал мне на ошибку Вахрамеева, который, приехав в Новороссийск с определенной директивой Совнаркома, долгое время скрывал ее от руководящих партийных товарищей Кубано-Черноморской республики.

— Эта ультраконспирация никуда не годится, — сказал он, взглянув на меня мгновенно подобранными темными глазами, и, морща нос, рассмеялся приятным гортанным смехом. И он посоветовал мне проездом через Екатеринодар непременно повидать местных руководящих товарищей, ознакомить их с целью моей поездки и обеспечить себе их содействие[1].

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О ЗАНЯТИИ ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ АЛЕКСИКОВА И УРЮПИНА

Царицын, 15 июня 1918 г.

Музга взята нами, Алексиково и Урюпино — также, железнодорожное сообщение восстановлено. Сегодня отправляю в Москву и на север пятьсот тысяч, полмиллиона, пудов хлеба. Из них сто тысяч идут между Арчедой и Филонове, остальные выходят из царицынских вокзалов. Номера поездов сообщу дополнительно. Нужны сорок угольных паровозов, у нас уголь есть. Я дважды обращался в Коллегию пяти. Воронеж не отвечает, между тем там целая куча лишних паровозов. Примите меры.

Нарком *СТАЛИН*

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ И А. Д. ЦЮРУПЕ ОБ ОТПРАВКЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ГРУЗОВ

Царицын, 17 июня 1918 г.

Передать срочно: ввиду перерыва железнодорожного сообщения севернее Царицына мы решили весь груз направить во

[1] *Генкина* Э. Приезд т. Сталина в Царицын. Сталинград. 1937. С. 39—40

дой. Стянуты все баржи. Отправляем полмиллиона пудов, главным образом пшеницы, тысячу пятьсот голов скота. Несколько десятков тысяч [пудов] хлеба уделили Туркестану [и] Баку. Погрузку начинаем утром, кончим в два дня и направим весь караван. Укажите срочно по прямому проводу, а не телеграммой, ибо телеграммы запаздывают, укажите, куда направить груз, на какую пристань. Подробности сообщим завтра дополнительно.

СТАЛИН, *ЯКУБОВ*

17 июня, 12 час. ночи.

Жду ответа у пристани, куда должен [быть] направлен караван. Хотел спросить — Цюрупе отправлена ли.

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В НАРКОМПРОД ОБ ОТПРАВКЕ ЭШЕЛОНОВ С ХЛЕБОМ

Царицын, 14 июня 1918 г. 15 ч[асов] 30 м[инут]

Вы знаете из телеграммы № 11, что послано водой полмиллиона хлеба, 400 голов скота, 190 тысяч жмыхов на Саратов для Компрода. Сообщаю, что сегодня отправлено на Север из Царицына по железной дороге четыре маршрутных поезда под литерами И., О., П. и Р. Сто вагонов хлеба, 200 голов скота. Больше не могу отправить в день за недостатком паровозов и паровозных бригад. Вы обещали прислать 20 паровозных бригад и по крайней мере 10 угольных паровозов, но не прислали. От Вас зависит усиление подвоза, имейте в виду, что через месяц начнется уборка, и заготовка хлеба, естественно, ослабнет, ввиду чего надо использовать пока еще имеющийся в нашем распоряжении месячный срок. Эту записку зарегистрируйте за номером 12. Записка кончена.

Нарком *СТАЛИН*

ИЗ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ В. И. ЛЕНИНА И И. В. СТАЛИНА С А. М. ЮРЬЕВЫМ[1]

[Март] 1918 г.

У аппарата СТАЛИН. Отвечайте сперва на 2 вопроса. Потом дадим ответ.

[1] А.М. Юрьев (псевдоним Алексеев) возглавлял в 1918 г. Мурманский совет.

Вопрос первый: Договор, заключенный вами с англо-французами, представляет из себя письменный договор с соблюдением формальностей или устный?

АЛЕКСЕЕВ. Это словесное соглашение, запротоколированное дословно.

Вопрос второй: Какими силами ваш совдеп располагает без Англии и Франции?

АЛЕКСЕЕВ. Имеем 100 человек и дорожную охрану, которая формируется, а также могут быть мобилизованы до 200 моряков военного флота, обслуживающего суда Мурманской флотилии.

СТАЛИН. Еще вопрос: продовольствие дано англичанами даром или в обмен?

АЛЕКСЕЕВ. В счет кредита из Главного управления заграничных заказов, так же, как и уголь.

СТАЛИН. Еще ответьте на один вопрос. Англичане никогда не помогают зря, как и французы. Скажите: какое обязательство пришлось взять совдепу за военную помощь со стороны англичан и французов?

АЛЕКСЕЕВ. Помощь оказывалась и оказывается Мурману и Мурманскому пути потому, что им так же, как и России, необходимо сохранить и развить этот край *и* путь, ибо в настоящее время это единственный путь сообщения России с Англией, Францией, Америкой. Сохраняя Мурман, они делают это не ради краевых интересов, но ради своих интересов в России. Никаких обязательств поэтому от нас не требуется и не требовалось. Вот текст словесного соглашения...

СТАЛИН. Примите наш ответ: нам кажется, что вы немножечко попались, теперь необходимо выпутаться. Наличие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации. Если вы добьетесь письменного подтверждения заявления англичан и французов против возможной оккупации, это будет первым шагом к скорой ликвидации того запутанного положения, которое создалось, по нашему мнению, помимо вашей воли.

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЛЕНИНА И. В. СТАЛИНУ В ЦАРИЦЫН *7 июля 1918 г.у 1 час ночи.*

Наркому СТАЛИНУ

Сегодня около 3-х часов дня левый эсер убил бомбой Мир- баха. Это убийство явно в интересах монархистов или анг-

ло-французских капиталистов. Левые эсеры, не желая выдать убийцу, арестовали Дзержинского и Лациса и начали восстание против нас. Мы ликвидируем сегодня же ночью беспощадно и скажем народу всю правду: мы на волосок от войны. У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров. Все, кто против войны, будут за нас.

Относительно Баку самое важное, чтобы вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном и чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу Иоффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще.

ЛЕНИН

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЦАРИЦЫНА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ

7 июля 1918 г., *3 часа ночи*

Сегодня же отправляю в Баку нарочного с письмом. Все будет сделано.

Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески.

СТАЛИН

ОБРАЩЕНИЕ ВЦИК В СВЯЗИ С ПОКУШЕНИЕМ НА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА В. И. ЛЕНИНА

30 августа 1918 г., 10 часов 40 минут вечера

Всем советам рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов, всем армиям,

всем, всем, всем.

Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на товарища Ленина. Роль товарища Ленина, его значение для рабочего движения России, рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран.

Истинный вождь рабочего класса не терял тесного общения с классом, интересы, нужды которого он отстаивал десятки лет.

Товарищ Ленин, выступавший все время на рабочих митингах, в пятницу выступал перед рабочими завода Михельсон в Замоскворецком районе гор. Москвы. По выходе с митинга товарищ Ленин был ранен. Задержано несколько человек. Их личности выясняются.

Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, следы наймитов англичан и французов.

Призываем всех товарищей к полнейшему спокойствию и усилению своей работы по борьбе с контрреволюционными элементами.

На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции.

Товарищи! Помните, что охрана ваших вождей в ваших собственных руках. Теснее смыкайте свои ряды, и господству буржуазии вы нанесете решительный, смертельный удар. Победа над буржуазией — лучшая гарантия, лучшее укрепление всех завоеваний Октябрьской революции, лучшая гарантия безопасности вождей рабочего класса.

Спокойствие и организация! Все должны стойко оставаться на своих постах! Теснее ряды!

Председатель ВЦИК *Я. СВЕРДЛОВ*

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА И К. Е. ВОРОШИЛОВА СОВНАРКОМУ В СВЯЗИ С ПОЛУЧЕНИЕМ ИЗВЕСТИЯ О ПОКУШЕНИИ НА В. И. ЛЕНИНА

Совнаркому Москва, Кремль,
председателю ЦИК СВЕРДЛОВУ. ,
Царицын, [31 августа] 1918 г.

Военный совет Северо-Кавказского военного округа узнал о злодейском покушении наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата — товарища Ленина. Военный совет отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого массового систематического террора на буржуазию и ее агентов.

СТАЛИН ВОРОШИЛОВ

ВОЗЗВАНИЕ СОВНАРКОМА К ТРУДОВЫМ КАЗАКАМ ДОНА И КУБАНИ

31 мая 1918 г.

Трудовые казаки Дона и Кубани!

Великая опасность надвинулась на вас. Враги трудового казачества подняли головы. Бывшие помещики — дворяне и царские генералы хотят захватить на Дону и на Кубани власть в свои руки и предать эти благодатные плодородные области иноземным захватчикам. Бывший генерал Краснов, который в октябре вместе с Керенским шел походом на Петроград, теперь выступает в качестве донского представителя и ведет переговоры со Скоропадским, угнетателем украинских рабочих и крестьян, и с представителями Германской империи.

Знаете ли вы об этом, казаки Дона? Нет, предатели действуют за спиной трудового народа. Они заявляют от вашего имени, будто вы хотите отделиться от России и стать рабами помещиков и капиталистов наподобие Украины. Чтобы вернуть себе дворянское звание, помещичьи земли, генеральские чины, изменники — Красновы готовы продать чужестранным помещикам и капиталистам вашу родную донскую землю. А вслед за Доном наступит очередь Кубани, как и других частей Советской республики.

Мы, Совет народных комиссаров, заявляем, что Донская область является составной частью Российской Советской Федеративной Республики. Помещики и генералы не имеют права говорить от имени трудового казачества и торговать вашей землей, вашим хлебом и вашей кровью. Поднимитесь, трудовые казаки, как один человек, и заявите, что вы как были, так и остаетесь в братском единении с рабочими и крестьянами всей России.

Совет народных комиссаров объявляет бывшего генерала Краснова, его соратников и союзников врагами народа и ставит их вне закона. Им не должно быть места на свободной земле трудового казачества. Предателям и изменникам — смерть.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О ПОЛОЖЕНИИ В ШТАБЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Царицын, 11 июля 1918 г.

Дело осложняется тем, что штаб Северокавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с

контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел...

Смотреть на это равнодушно, когда фронт Калнина оторван от пунктов снабжения, а север — от хлебного района, считаю себя не вправе. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями.

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О НЕОБХОДИМОСТИ НЕМЕДЛЕННОЙ СМЕНЫ РУКОВОДСТВА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Царицын, 16 июля 1918 г.

Военрук Снесарев, по-моему, очень умело саботирует дело очищения линии Котельниково — Тихорецкая. Ввиду этого я решил лично выехать на фронт и познакомиться с положением. Взял с собой Зедина, командующего Ворошилова, броневой поезд, технический отряд и поехал. Полдня перестрелки с казаками дали нам возможность прочистить дорогу, исправить путь в четырех местах на расстоянии 15 верст. Все это удалось нам сделать вопреки Снесареву, который против ожидания также поехал на фронт, но держался от поезда на расстоянии двух станций и довольно деликатно старался расстроить дело. Таким образом, от станции Гашун нам удалось добраться до станции Зимовники, южнее Котельниково. В результате двухнедельного пребывания на фронте убедился, что линию безусловно можно прочистить в короткий срок, если за броневым поездом двинуть 12- тысячную армию, стоящую под Гашуном и связанную по рукам и ногам распоряжениями Снесарева. Ввиду этого я с Зединым и Ворошиловым решили предпринять некоторые шаги вразрез с распоряжениями Снесарева. Наше решение уже проводится в жизнь, и дорога в скором времени будет очищена, ибо снаряды

и патроны имеются, а войска хотят драться. Теперь две просьбы к вам, т. Ленин: первая — убрать Снесарева, который не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть, он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он — серьезный тормоз, и если линия до сих пор не прочищена, — между прочим, потому и даже главным образом потому, — что Сне- сарев тормозил дело. Вторая просьба — дайте нам срочно штук восемь броневых автомобилей. Они могли бы возместить, компенсировать, повторяю — компенсировать численный недостаток и слабую организованность нашей пехоты.

Нарком *СТАЛИН*

На этой телеграмме тов. Ленин написал: «По-моему согласиться со Сталиным»[1].

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ И. В. СТАЛИНА В МОСКВУ О ПОЛОЖЕНИИ НА КУБАНСКОМ ФРОНТЕ

Царицын, 26 июля 1918 г.

Положение всей кубанской армии отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана, и гонят ее к морю. Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними [в] ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потеряем окончательно.

Своими собственными усилиями мы... из Царицына пробиться к ним в ближайшие дни не сможем. Для ускорения и спасения дела необходима дивизия, отсюда неизбежная просьба как приехавших сюда товарищей, так и окружного Военсовета дать нам срочно дивизию.

Я знаю, что вы с Военсоветом формируете дивизию для Баку, шлите ее нам срочно, и все будет спасено в несколько дней. В крайнем случае срочно соберите части, соедините вместе и шлите срочным порядком. Все факты, все данные, вся обстановка дела говорит о том, что спасение в присылке по крайней мере дивизии. Передайте то же самое Подвойскому и потребуйте принять срочные меры.

[1] 19 июля 1918 г., вскоре после этой телеграммы, был создан Военный совет Северокавказского военного округа во главе с И.В. Сталиным.

Все дело во времени: если вовремя не придет помощь, Северокавказ будет потерян. Об этом говорят все данные, только что полученные от Калнина. Жду ответа.

Ваш *СТАЛИН*

ИЗ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ И. В. СТАЛИНА С КОМАНДИРОМ ОТРЯДА В КОТЕЛЬНИКОВЕ ВАСИЛЬЕВЫМ

11 августа 1918 г.

СТАЛИН: В Царицыне положение ухудшается с каждым часом. Иловля взята казаками, кадетами. Музга также взята, наши части отступают Карповка —- Воропоново — Царицын. Если Царицын падет, погибнет весь Южный фронт и Поволжье...

Сегодня последний раз обращаюсь к Южному фронту с требованием незамедлительно перебросить на Север необходимые части. Повторяю, если эта переброска не произойдет сегодня же, Царицын будет отрезан, весь Юг останется без снарядов и патронов. Следует помнить, что кадеты направляют все свои силы против Царицына... Никакие колебания недопустимы, колебания преступны, либо вы спасете Царицын, и тогда спасен весь Южный фронт, либо вы останетесь глухи к требованиям момента, и тогда неизбежно погибнет весь фронт. Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать — все, значит, проиграть.

РАЗГОВОР И. В. СТАЛИНА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ СО ШТАБОМ ВОЙСК СТАНЦИИ РЕМОНТНОЙ

Царицын, 12 августа 1918 г.

ТОВАРИЩ СТАЛИН. Скажите, мартыновцы прибыли на Ремонтную?

ОТВЕТ Нет. Шевкоплясов грузится.

ТОВАРИЩ СТАЛИН. Имейте в виду, что Царицын, быть может, накануне падения. С севера наступают кадеты и уже окружили Качалинскую, с запада также наступают. Карповку взяли, и наши отступили к Басаргину, гул уже слышен в Царицыне. Если завтра не дадите Царицыну полк с кавалерией, Царицын будет взят, и весь Южный фронт будет обречен на гибель. Не могу не заметить, что вся ответственность за эту почти вероят

ную катастрофу падает на Шевкопляса, который жалкий Кубер- ле ставит выше России. Военсовет решил ввиду такого положения направить к вам начальника Оперативного отдела Соколова с секретным приказом и со срочными поручениями, Соколов уже выехал к вам, везет с собой приказ и колонну броневых автомобилей. Военсовет предписывает вам и всем тем, которые присутствовали на совещании [в] Котельникове, незамедлительно открыть операции.

БЮЛЛЕТЕНЬ ВОЕННОГО СОВЕТА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОКРУГА О ПОЛОЖЕНИИ НА ЦАРИЦЫНСКОМ ФРОНТЕ

Царицыну 15 августа 1918 г.

СЕВЕР: Положение твердое и уверенное; атак не было.

ЮГ: Положение твердое и устойчивое.

ЗАПАД: Наши войска, оттесненные было от участка железной дороги в районе Воропоново, остановились на устойчивых позициях. Приведя себя в порядок и получив подкрепление, между прочим, из рабочих полков, днем 15-го августа частично переходили в наступление, вернулись снова на ст. Воропоново, разогнали противника и забрали 7 пулеметов.

В городе — порядок. Среди рабочих подъем и сознательное отношение к моменту. Дезертиры из действующих и резервных частей, уклоняющиеся от исполнения своего революционного долга, задерживаются, арестовываются и штрафными командами отправляются на фронт.

Кое-где на телефонных и телеграфных станциях замечен преступный саботаж от преждевременной радости предателей. Принимаются осторожные, но решительные меры.

Совет Народных Комиссаров и все революционные соседи с горячим вниманием и возможным содействием следят за героической борьбой Красного Царицына, за глубочайшие интересы всей Советской России, а также за свое избавление от нашествия красновских банд.

Спасение красного города зависит от дальнейшей стойкостиу дисциплинированности, сознательности, выдержки и кипучей самодеятельности советских кругов.

Положение города остается осадным.

Военный Совет: *СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ*

ИЗВЕЩЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ОКРУГА О РАСКРЫТИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА В ЦАРИЦЫНЕ

21 августа 1918 г.

Царицынской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией был раскрыт крупный заговор против Советской власти.

В заговоре принимали участие в качестве руководителей правые эсеры, некоторые из офицеров и др. У заговорщиков обнаружен целый штаб: отдавались приказы, намечен был план захвата советских правительственных учреждений и складов вооружения, приготовлена была целая кипа красных нашивок для участников заговора, и уже составлены были в ожидании победы ликующие прокламации о свержении власти большевиков. Само восстание назначено было на время смен караула в 2 часа ночи с 17 на 18 августа. Главные заговорщики открыты и переарестованы. Некоторые из них, безусловно виновные, расстреляны. Кроме плана, приказов у заговорщиков обнаружены свои запасы вооружения, а также зарытые в земле три мешка с деньгами суммой до 9 миллионов. Принятыми своевременно энергичными мерами заговор контрреволюционеров окончательно ликвидирован.

Военный Совет

ПРИКАЗ ВОЕННОГО СОВЕТА ПО ВОЙСКАМ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Царицын, 30 августа 1918 г.

Командующим фронтами, начальникам участков, командирам всех действующих частей.

Донские генералы и контрреволюционное офицерство принудительно мобилизовали иногородний и трудовой казачий элемент, среди которых имеется больше половины сторонников Советской власти.

По дошедшим до нас достоверным сведениям, трудовое население в войсках противника подымает оружие против насильников командиров и стремится с оружием в руках переходить одиночками, группами и целыми частями на сторону советских войск.

Ввиду этого Военный совет строжайше предписывает всему командному составу и каждому солдату советских армий:

1. Продолжать беспощадную войну против .контрреволюционных банд. 2. Но, вместе с тем, отнюдь не расстреливать переходящих на нашу сторону перебежчиков, добровольно складывающих оружие, и не чинить над ними никаких насилий.

Члены Военсовета: *СТАЛИН*, *ВОРОШИЛОВ*

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О ХОДЕ БОРЬБЫ ЗА ЮГО-ВОСТОК

Царицыну 31 августа 1918 г.

Дор[огой] тов. Ленин!

Идет борьба за Юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его можно оставить за собой) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводных] лодок (подробнее спросите Артема). Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — двинуть вперед дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Сев[ерный] Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования.

Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается окончательно).

Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу.

Ваш *СТАЛИН*

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ ОБ УСПЕШНОМ НАСТУПЛЕНИИ НА ЦАРИЦЫНСКОМ ФРОНТЕ

Царицыну 7 сентября 1918 г.

Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом: на севере взята станция Иловля, на западе Калач, Ляпичево, мост на Дону. На юге — Лашки, Немковский, Демкин. Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение [в] Царицыне прочное. Наступление продолжается.

Нарком *СТАЛИН*

ТЕЛЕГРАММА ВОЕННОГО СОВЕТА, ЗА ПОДПИСЯМИ И. В. СТАЛИНА И К. Е. ВОРОШИЛОВА, В. И. ЛЕНИНУ И Я. М. СВЕРДЛОВУ О ПОДАВЛЕНИИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ВОССТАНИЯ ЗАПАСНОГО ПОЛКА «ГРУЗОЛЕСА»

Царицыну 8 сентября 1918 г.

Ночью с седьмого на восьмое [сентября] запасный полк «Грузолеса» во главе [с] правым эсером Молдавским восстал против Советской власти, открыл орудийный огонь. Благодаря своевременно принятым мерам, утром восьмого восстание ликвидировано, полк разоружен, зачинщики арестованы. [В] городе спокойно. Есть убитые и раненые. Наше наступление на фронте успешно продолжается[1].

ИЗ СТАТЬИ И. В. СТАЛИНА «КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ЗАКАВКАЗЬЯ ПОД МАСКОЙ СОЦИАЛИЗМА»

(март 1918 г.)

Из всех окраин Российской федерации Закавказье, кажется, самый характерный уголок в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, ингуши и осетины, чеченцы и абхазцы, греки и кумыки, — такова далеко не исчерпывающая картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья. Ни у одной из этих национальных групп нет резко очерченных границ национальной территории, все они живут чересполосно, вперемежку между собой, и не только в городах, но и в деревнях. Этим, собственно, и объясняется, что общая борьба национальных групп Закавказья против центра России сплошь и рядом заслоняется и ожесточенной борьбой между собой. А это создает весьма «удобную» обстановку для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками.

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. Первый этап гражданской войны. М., 1940. С. 159, 190, 191, 202, 213, 235, 238—249.

Другой, не менее характерной чертой Закавказья является его экономическая отсталость. Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый, главным образом, заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям у берегов морей и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре. Тифлисская, Елисаветпольская, Бакинская губернии до сих пор изобилуют крепостническими татарскими беками и феодальными грузинскими князьями, владеющими огромными латифундиями, располагающими специальными вооруженными бандами и держащими в своих руках судьбы татарско-армянско-грузинских крестьян. Этим, собственно, и объясняются те резкие формы аграрных «беспорядков», в которые нередко выливаются там недовольства крестьян. Здесь же следует искать причину слабости и некристаллизованности рабочего движения в Закавказье (если не считать Баку), сплошь и рядом затеняемого аграрными «беспорядками». Все это создает благоприятную почву для политической коалиции имущих классов и так называемой «социалистической» интеллигенции, в своем большинстве дворянской, против разыгрывающейся теперь в стране рабоче-крестьянской революции.

Февральская революция не внесла существенных изменений в положение трудовых классов края. Солдаты, эти наиболее революционные элементы деревни, были еще на фронте. А рабочие, слабые вообще как класс в силу экономической отсталости края и не окрепшие еще как организованная единица, пребывали в состоянии упоения добытыми политическими свободами, не собираясь видимо идти дальше. Вся власть оставалась в руках имущих классов. Последние цепко держались за власть и выжидали, охотно предоставляя эсеро-меньшевистским стратегам усыплять рабочих и крестьян мудрыми речами о буржуазном характере русской революции, о неосуществимости социалистического переворота и пр.

Октябрьская революция резко изменила положение. Она одним взмахом перевернула все отношения, поставив вопрос о переходе власти в руки трудовых классов. Клич «вся власть рабочим и крестьянам» громом прокатился по стране, подняв на ноги угнетенные массы. И когда этот клич, пущенный на севере России, стал претворяться там в жизнь, имущие классы Закавказья воочию увидали, что Октябрьская революция и Советская власть несут им неминуемую смерть. Борьба против Советской власти стала для них, поэтому, вопросом жизни и смерти. А «со

циалистическая» эсеро-меньшевистская интеллигенция, вкусившая уже от древа познания власти и поставленная теперь перед перспективой потери последней, автоматически очутилась в союзе с имущими классами. Так создалась антисоветская коалиция в Закавказье.

Закавказский комиссариат с его татарскими беками, вроде Хан-Хойского и Хасмамедова, с одной стороны, и грузинскими дворянскими интеллигентами, вроде Жордания и Гегечкори, с другой, является живым воплощением этой антисоветской коалиции.

Для коалиции классов внутри национальных групп организуются «национальные советы»: грузинский, татарский, армянский. Их вдохновитель — меньшевик Жордания. Для коалиции имущих слоев всех главных национальностей Закавказья создается Закавказский комиссариат. Его руководитель меньшевик Гегечкори. Для объединения «всего населения» края в борьбе против Советской власти организуется так называемый «Закавказский Сейм», эсеро-меныпевистско-дашнако-ханские члены Учредительного Собрания от Закавказья. Его декорация, то бишь, председатель — меньшевик Чхеидзе. Тут есть и «социализм» и «национальное самоопределение», и еще нечто более реальное, чем эти старые побрякушки, а именно: реальный союз имущих слоев против рабоче-крестьянской власти.

Но побрякушками жить долго нельзя. Союз требует: «дела». И «дело» не замедлило выступить на сцену, как только появилась первая реальная опасность. Мы говорим о революционных солдатах, возвращавшихся с турецкого фронта после открытия мирных переговоров. Солдаты эти должны были проехать через Тифлис, столицу антисоветской коалиции. Они могли составить в руках большевиков серьезную угрозу существованию Закавказского Комиссариата. Опасность самая реальная. И тут-то, перед лицом этой опасности, отпали все и всякие «социалистические» побрякушки.

Контрреволюционный характер коалиции выступает наружу. Комиссариат и «национальные советы» разоружают возвращающиеся с фронта части, подвергая их изменническому обстрелу, и вооружают дикие «национальные» орды. Для большей прочности «дела» и обеспечения себя с севера Закавказский Комиссариат вступает в соглашение с Карауловым и с Калединым, посылает последнему целые вагоны патрон, помогает ему разоружать те части, которые сам не успел разоружить, и вообще поддерживает его всеми средствами в борьбе с Советской вла

стью. Обезопасить имущие классы Закавказья со стороны революционных солдат, не гнушаясь никакими средствами, — такова сущность этой низкой «политики». Натравливание несознательных вооруженных мусульманских отрядов на русских солдат, завлечение последних в заранее устроенные засады, избиение и расстрел — таковы средства этой «политики». Высшей иллюстрацией этой позорной «политики» разоружения является расстрел русских солдат, шедших с турецкого фронта против Каледина, у Шамхора, между Елисаветполем и Тифлисом. Вот что сообщает об этом «Бакинский рабочий»:

«В первой половине января 1918 года, на линии железной дороги от Тифлиса до Елисаветполя, тысячные банды вооруженных мусульман во главе с членами Елисаветпольского мусульманского национального комитета и при помощи бронированного поезда, посланного Закавказским Комиссариатом, произвели ряд насильственных разоружений уезжающих в Россию войсковых частей. Причем, убиты и искалечены тысячи русских солдат, трупами которых усеяна железнодорожная линия. Отобрано у них до 15 тыс. ружей, до 70 пулеметов и 2 десятка пушек».

Таковы факты. Союз помещиков и буржуазии против революционных солдат Закавказья, действующий под флагом официального меньшевизма — таков смысл этих фактов. Мы считаем нужным привести здесь выдержки из статей «Бакинского Рабочего», освещающие Елисаветпольско-Шамхорские события.

«Правду о Елисаветпольских событиях меньшевики стараются скрыть. Даже газета их вчерашних союзников тифлисских эсэров «Знамя Труда» констатирует их попытки «замять дело» и требует открытого обсуждения вопроса в Краевом Центре. ^

Мы приветствуем это требование эсэров, ибо от того, будут ли официально разоблачены виновники Шамхорской трагедии, будет ли пролит полный свет на события 6—12 января, или нет, в значительной мере зависит дальнейшая судьба революции в Закавказье.

Мы заявляем, 4to в числе виновников Елисаветпольских событий должен быть назван прежде всего бывший когда-то вождь кавказской социал-демократии, ныне так называемый «Отец грузинской нации» — Ной Николаевич Жордания. Это под его председательством Президиум Краевого Центра постановил разоружать проезжающие эшелоны и вооружать за их счет национальные полки. За его подписью была отправлена телеграмма Елисаветпольскому мусульманскому национальному комитету о разоружении эшелонов, скопившихся около Шамхора. Он, Ной

Жордания, посылал делегации из Тифлиса с тем же поручением разоружать эшелоны. Это было официально заявлено членом делегации солдатом Крупко на многолюдном заседании гражданского комитета в Елисаветполе. Ной Жордания и его всегда не по разуму усердный помощник Н. Рамишвили послали бронированный поезд во главе с Абхазовым, который раздавал оружие мусульманам и помогал им расстреливать тысячи солдат и разоружать эшелоны.

Ной Жордания оправдывается тем, что он телеграммы не подписывал. Десятки людей армян и мусульман утверждают, что телеграмма подписана им, и эта телеграмма существует. Жордания говорит, что он, узнав об осложнениях, по телефону говорил с Абхазовым, просил не разоружать насильственно эшелоны и пропустить их, Абхазов убит; это заявление не может быть проверено, но мы допускаем, что разговор был.

Если оставить мертвого, на которого, по пословице, все валить можно, есть живые свидетели, опровергающие показания Жордания и подтверждающие как адрес телеграммы, так и подпись Жордания и посылку делегации с поручением разоружить и пр.

Почему Жордания не привлекает их к ответственности, если они говорят неправду? Почему они и его друзья хотят «замять дело»?

Нет, граждане Жордания, Рамишвили и К°, на вас лежит тяжелая ответственность за кровь тысяч солдат, убитых 7—12 января.

Можете ли вы оправдаться в этом тяжком преступлении? Но не о личном оправдании идет у нас речь.

Жордания интересует нас в данном случае не как личность, а как вождь партии, делающий политику в Закавказье, как наиболее авторитетный и ответственный представитель Закавказской власти. Он делал свое преступное дело, во-первых, по постановлению президиума краевого центра и межнационального совета, и, во-вторых, несомненно, с ведома Закавказского комиссариата. Обвинение, которое мы бросаем в лицо Жордания, распространяется на всю партию меньшевиков, на краевой центр, на Закавказский Комиссариат, где господа Чхенкели и Гегечкори в тесном и открытом блоке с мусульманскими беками и ханами делают все для того, чтобы погубить революцию. Мы говорим о Жордании и Рамишвили, поскольку их имена связаны с телеграммами, с приказами, отправкой «разбойничьего» бронированного поезда. С них должно быть начато следствие для выяснения истины.

Но есть еще имена, которые должны быть названы, есть еще одно гнездо преступников, которое должно быть сметено. Это гнездо — Мусульманский Национальный Комитет в Елисаветпо- ле, сплошь состоящий из реакционных беков и ханов, который 7 января вечером, основываясь на телеграмме Жордания, постановил разоружить эшелоны «во что бы то ни стало» и с невероятным бесстыдством и кровожадностью выполнил свое постановление 9—12 января.

Меньшевистская пресса, говоря о елисаветпольских событиях, изображает дело так, будто это было обычное для Закавказья «разбойничье» нападение на железную дорогу. Это бесстыднейшая ложь!

Не разбойники, а тысячи мирного населения мусульман, руководимых официально Мусульманским Национальным Комитетом, соблазненных богатой добычей, уверенных в том, что это делается по приказанию закавказских властителей, совершали преступное дело у Шамхора и Даляра. Мусульманский Национальный Комитет открыто стягивал в Елисаветполь тысячи мусульман, вооружал их, сажал в поезда на ст. Елисаветполь и направлял в Шамхоры. И когда «победа» была одержана, по словам очевидцев — верхом на пушке, отобранной у «врага», торжественно въехал в город «эсэр» Сафикюрдский, сопровождаемый другими героями из Мусульманского Комитета.

О каких же «разбойных нападениях» идет речь? («Бак. Р.», № 30).

Таковы главные герои этой преступной авантюры.

А вот и документы, изобличающие творцов авантюры:

ТЕЛЕГРАММА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КРАЕВОГО ЦЕНТРА С. Р., С. И К. ДЕП. Н. ЖОРДАНИЯ ВСЕМ СОВЕТАМ О РАЗОРУЖЕНИИ ЭШЕЛОНОВ

Всем советам Закавказья...

Ввиду того, что воинские части, уходящие в Россию, забирают с собой оружие и в случае неудавшегося перемирия национальные части могут остаться без достаточного вооружения для защиты фронта, краевой центр Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей и о каждом случае доводить до сведения Краевого центра.

Председатель Крацентра *ЖОРДАНИЯ*

ТЕЛЕГРАММА РОТМИСТРА АБХАЗАВА КОМАНДИРУ ТАТАРСКОГО КОННОГО ПОЛКА МАГАЛОВУ...

Следуют 5 вооруженных эшелонов с орудием захватили представителей Совета еду бронированным поездом для отпора. Прошу помощь всякого рода оружиями («Бак. Р.», N& 33).

Ротмистр *Абхазава*
Дс. Шапирашвипи

Таковы документы.

Так в ходе событий отпали «социалистические» побрякушки, уступив место контрреволюционному «делу» Закавказского Комиссариата. Чхеидзе, Гегечкори, Жордания лишь прикрывают своим партийным званием мерзости Закавказского Комиссариата. Логика вещей сильнее всякой иной логики.

Разоружая идущих с фронта русских солдат и борясь, таким образом, с «внешними» революционерами, закавказский контр-революционный комиссариат рассчитывал убить сразу двух зайцев: с одной стороны, он уничтожал серьезную революционную силу, русскую революционную армию, на которую главным образом и мог опереться большевистский комитет края; с другой стороны, он получал, таким образом, «необходимое» оружие для вооружения национальных грузинских, армянских, мусульманских полков — главную опору меныпевистско-контрреволюци- онного комиссариата. Война против «внешних» революционеров призвана была, таким образом, обеспечить гражданский мир внутри Закавказья. И эта коварная политика проводилась господами Гегечкори и Жордания тем решительнее, чем обеспеченнее они чувствовали себя с «тыла», т. е. со стороны Северного Кавказа с его Калединими и Филимоновыми.

Но ход событий опрокинул все расчеты контрреволюционеров Закавказья.

Падение Ростова и Новочеркасска, служивших убежищем Каледина — Корнилова, расшатало в корне «северный тыл». Окончательное расчищение всей северно-кавказской линии, вплоть до Баку, свело его к нулю. Волна Советской революции, идущей с Севера, бесцеремонно вторглась в царство закавказской коалиции, угрожая его существованию.

Столь же «неблагоприятно» сложились обстоятельства в самом Закавказье.

Вернувшиеся с фронта закавказские солдаты разнесли по деревням аграрную революцию. Запылали усадьбы мусульманских и грузинских помещиков. Устои крепостнических остатков подверглись решительному штурму со стороны «сболыпевизирован- ных» солдат-крестьян. Очевидно, пустые обещания Закавказского комиссарйата о передаче земли крестьянам не могли уж удовлетворить охваченных аграрной волной крестьян. От него требовалось дело, но не контрреволюционное, а революционное.

Не отстали и не могли отстать от событий и рабочие. Во- первых, идущая с севера революция, несущая рабочим новые завоевания, естественно, подымала закавказский пролетариат на новую борьбу. Даже рабочие сонного Тифлиса, опоры меньшевистской контрреволюции, стали отходить от Закавказского Комиссариата, высказываясь за Советскую власть. Во-вторых, после торжества советов на Северном Кавказе, снабжавшем хлебом Тифлис при Каледине — Филимонове, продовольственная нужда не могла не обостриться, что естественно вызвало ряд продовольственных «беспорядков»; революционный Северный Кавказ решительно отказывается кормить контрреволюционный Тифлис. В-третьих, отсутствие денежных знаков (боны их не могут заменить!) расстраивало хозяйственную жизнь и, прежде всего, железнодорожный транспорт, что несомненно усугубило недовольство городских низов. Наконец, революционный пролетарский Баку, с первых же дней Октябрьской революции признавший Советскую власть и неустанно ведущий борьбу с Закавказским Комиссариатом, не давал спать Закавказскому пролетариату, служа ему заразительным примером и живым маяком, освещающим путь к социализму.

Все это, вместе взятое, не могло не повести к революцио- низированию всей политической обстановки в Закавказье. Дело дошло, наконец, до того, что даже «надежнейшие» национальные полки стали «разлагаться», переходя на сторону большевиков.

Перед Закавказским комиссариатом встала дилемма:

Либо с рабочими и крестьянами против помещиков и ка- питалистов, и тогда — развал коалиции.

Либо решительная борьба против крестьян и рабочего движения для сохранения коалиции с помещиками и капиталистами.

Господа Жордания и Гегечкори избрали второй путь.

Начать с того, что Закавказский Комиссариат объявил аграрное движение грузино-татарских крестьян «разбоем» и «хулиганством», арестовывая и расстреливая «зачинщиков». За помещиков против крестьян!

Далее, комиссариат закрыл все большевистские газеты в Тифлисе, а протестующих против этого безобразия рабочих стал арестовывать и расстреливать. За капиталистов против рабочих!

Наконец дело дошло до того, что господа Жордания и Гегечкори в целях, очевидно, «отвода грозы» прибегают к потворству армяно-татарской резне, — позор, до которого не спускались доселе даже кадеты!

Закавказский Комиссариат, Закавказский Сейм и национальные советы против рабочих и крестьян, — таков смысл этого «нового» курса.

Так закавказские контрреволюционеры борьбу с «внешними» революционерами, борьбу с русскими солдатами, дополнили и развили в борьбу с внутренними революционерами, в борьбу со «своими же собственными» рабочими и крестьянами...

Долго ли еще просуществует этот контрреволюционный комиссариат, которому уже начертала история смертный приговор, — мы этого не знаем. Во всяком случае, это выяснится в ближайшем будущем. Но одно несомненно: последние события окончательно сорвали маску социализма с меньшевистских со- циал-контрреволюционеров, и теперь весь революционный мир имеет возможность воочию убедиться, что в лице Закавказского комиссариата и его «сеймово-национальных» привесок мы имеем дело с самым злостным контрреволюционным блоком, направленным против рабочих и крестьян Закавказья. Таков факт. Ну а кому неизвестно, что «социалистические» слова и побрякушки гибнут, а факты и дела остаются...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА О НАЗНАЧЕНИИ С. Г. ШАУМЯНА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ КОМИССАРОМ ПО ДЕЛАМ КАВКАЗА

29 (16) декабря 1917 г.

Председательствует: Владимир Ильич Ленин.

Слушали: ...Доклад Сталина о Кавказе.

Постановили: II. 1) Дать 500.000 руб. по смете внутренних Дел Бакинскому Совету для борьбы с Калединым. 2) Назначить Чрезвычайным Комиссаром Кавказа председателя Бакинского Совета, тов. Шаумяна. 3) Назначить ему помощника по указанию т. Подвойского.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

ИЗ ПИСЬМА И. В. СТАЛИНА С. Г. ШАУМЯНУ О ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Царицыну 8 июля 1918 г.

Так как времени у меня мало, начинаю прямо с дела.

1. Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией.

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту «просьбу», конечно, можем удовлетворить.

4. Ваши успехи радуют нас, но мы хотели, чтобы, во избежание осложнений с немцами, вы не пошли дальше Елисаветполя, т. е. не вторгались бы в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией.

В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму. Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами.

Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку.

Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу...

Ну, жму руку. Привет друзьям.

,

К СТАЛИН

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНА В. И. ЛЕНИНУ О ПОЛОЖЕНИИ В БАКУ

Царицыну 21 июля 1918 г.

По сообщению из Баку от Шаумяна, эсеро-дашнаки в Совете требуют призвания англичан в Баку на помощь. Часть ар

мии и флота, сагитированная агентами англо-французов, требует того же. Шаумян требует от меня срочного официального сообщения о мнении Правительства. Я счел нужным послать в Баку следующую телеграмму: «По последним сведениям народнические фракции Бакинского Совдепа добиваются призвания варягов — англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо- французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, подготовляют почву для оккупации Баку и его районов. Вместе с тем несомненно, что попытка народнических партий кустарным образом разрешить вопрос международной политики в то время, когда Пятый Всероссийский Съезд Советов определенно высказался за независимую политику Российской Советской республики, независимую как от немцев, так и от англичан; такая попытка народнических партий является грубым нарушением организованной воли России в угоду кучке англо-французских империалистов. Именем Всероссийского ЦИК и Совета Народных Комиссаров я требую от всего Бакинского Совета, от армии и флота полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решения Пятого Съезда Советов я требую от Бакинского Совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих комиссий.

По уполномочию Совета Народных Комиссаров
Народный Комиссар *И. СТАЛИН*

ТЕЛЕГРАММА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА ЮЖНОГО ФРОНТА В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РКП(б) С ПРОТЕСТОМ ПРОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСКИХ ПРИКАЗОВ ТРОЦКОГО

Царицын, 3 *октября 1918 г.*

Председательствующему ЦК партии
коммунистов ЛЕНИНУ.

Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела

фронта и революции на юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный совет республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета республики.

Приказы только в том случае имеют какой-нибудь смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки не заслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит попрать элементарное представление о пролетарской дисциплине и интересах революции, фронта. Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными.

Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров.

Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии *СТАЛИН*
Член партии *ВОРОШИЛОВ*

ПИСЬМО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА ЦАРИЦЫНСКОГО ФРОНТА К ДОНСКОЙ БЕДНОТЕ

[16 октября 1918 г.]

Товарищи!

Со слов перебежчиков, из черных газет и из листков генеральско-кулацкого круга мы видим, какой гнусной ложью кормят вас ваши командиры, ваши власти, ваши вековые господа, которым теперь приходит конец. Они дурачат вас, как дурачили веками. Они знают, что подлинная правда оттолкнет вас от генералов, что подлинная правда страшна и грозна для всех поднявших руку на рабоче-крестьянскую Россию.

Вам говорят, что в Советской России полный непорядок, что в Петрограде восстания рабочих, что от такой войны страдает беднота, что скоро настанет конец Советской России.

Все это генеральские выдумки, все это помещичьи сказки, которыми хотят опутать вас в расчете на то, что вы не разберетесь в наглой лжи золотопогонных аферистов и мятежников-ге- нералов против Советской власти.

Вот вам правда о Советской России. Помещики, буржуазия, царские чиновники сидят в тюрьмах, а некоторые, особенно преступные из них, расстреляны. Власть выбирают сами рабочие и деревенская беднота. Рабочие городов и деревенская беднота пользуются полной свободой. Крестьяне получили уже год тому назад все помещичьи земли. Рабочие сами управляют фабриками, заводами, рудниками.

В выборах депутатов в советы и в центральное правительство принимает участие только беднота городов, станиц и деревень. А все помещики, спекулянты, банкиры и их прислужники лишены избирательных прав. В командном составе у нас почти нет генералов и офицеров. Зато сколько простых тружеников солдат выдвинулось боевыми успехами и поставлены во главе крупных боевых единиц!

.

Вот видите, как вам лгут. Но это не все.

Вам говорят о восстаниях в Советской России. Да, они были. Но восставали не рабочие, как вам пишут и говорят. Устраивали заговор и покушались на выборную рабоче-крестьянскую власть шайки помещиков, потерявших свои земли, кучки спекулянтов и банкиров, потерявших свои барыши.

Чаще других выступают погонники-генералы, офицерские отбросы, все те, кому так не хотелось потерять власть над простым солдатом.

Эти заговоры, эти восстания были. И эти выступления были раздавлены вооруженной рукой рабочих и крестьян.

В Советской России — порядок, все труженики вздохнули свободно после векового гнета.

А вас еще держат в цепких лапах и не хотят выпускать: насильно мобилизуют и, чтобы сделать из вас покорных рабов, набивают головы генеральско-кулацкими побасенками. А между тем наступает грозный час расправы со всеми мятежниками против рабоче-крестьянской социалистической власти в России. Красная Армия разбила друзей донских генералов — чехословаков, уже павших на Средней Волге. За последние недели Красная Армия вырвала у чехословацких генералов Казань, Симбирск,

Сызрань и Самару и отбросила врага далеко за Волгу. Волга очищена, и уже в Царицын пришли сверху пароходы.

Ваши самозваные командиры пользовались помощью Вильгельма и его своры. Но теперь в Германии начинается революция. Солдаты уничтожают своих офицеров и генералов, рабочие с красными знаменами выступают против Вильгельма и начинают войну за Советскую власть. Германские войска уходят из России и Украины. В Болгарии вспыхнула революция, началась борьба солдат, рабочих и крестьян за Советскую власть. Ставленник Вильгельма и приятель генерала Краснова болгарский царь Фердинанд бежал с семьей от мести восставшего народа.

В Украине начались восстания, снова поднялась борьба за Советскую власть. При мирных переговорах России с Украиной принято, что Донская область принадлежит Советской России. Значит, генерал Краснов — бунтовщик, значит, генерал Краснов и вся его разбойничья свора — это преступники перед всеми трудящимися.

Час возмездия близок, и страшен будет суд рабоче-крестьянской России против холеных барчуков, дворянских последышей, поднявших руки на красное знамя труда.

Товарищи, Зам пишет генеральско-кулацкий круг:

«Мы помним, что мы донские казаки. Предки наши, не помирившись с гнетом, который покорно нес русский народ, ушли в вольные степи тихого Дона. Вот этим старым казачьим укладом мы и дорожим. За его неприкосновенность бьемся, и к этому укладу тянулись с Руси все обиженные, обездоленные».

Ох вы, лыком шитые генеральские побасенки!

Да посмотрите на улицы Новочеркасска, Ростова, взгляните на командный состав, кто командует, кто прожигает жизнь в донских городах. Обиженные? Обездоленные? Да, это верно: все те, кого обидели рабочие и крестьяне, у кого отняли землю, фабрики, заводы, рудники, кого лишили погон и сытных должностей. Вот все эти обижены. Эти несчастненькие. Вся эта золотопогонная накипь, все эти буржуазные отбросы, дворянские последыши, все эти господа, которые всю жизнь не видали на своих руках мозолей, — это они собрались на тихом Дону, это они гонят тебя, донская беднота, гонят в бой за их дворянское дело. Это они лгут вам про Советскую Россию. Потому что они хотят вернуть земли, фабрики и заводы и все свои привилегии, но вы, товарищи, смотрите за ними, их дело проиграно.

В Болгарии свершилась революция. В Украине и Германии поднимается красное знамя. Советские армии окружают всю Донскую область. Не дайте убежать вашим насильникам и об

манщикам, следите за их каждым движением, за их поездками, за их работой в тылу. Не дайте ускользнуть никому.

Час расплаты приближается. Скоро они сами сознаются перед судом бедноты во всей своей лжи, как генерал Федоров сказал на допросе, что они борются за царскую власть.

Выше подними голову, донская беднота, час освобождения твоего близок.

Долой царских генералов.

Долой дворянских последышей.

Долой вековых палачей трудящихся.

Да здравствует власть донской бедноты.

Военно-революционный совет царицынского фронта
СТАЛИН ВОРОШИЛОВ[1]

М. И. Ульянова

СТАЛИН У БОЛЬНОГО ЛЕНИНА

30 мая Владимир Ильич потребовал, чтобы к нему вызвали Сталина. Уговоры Кожевникова отказаться от этого свидания, так как это может повредить ему, не возымели никакого действия. Владимир Ильич указывал, что Сталин нужен ему для совсем короткого разговора, стал волноваться, и пришлось выполнить его желание. Позвонили Сталину, и через некоторое время он приехал вместе с Бухариным. Сталин прошел в комнату Владимира Ильича, плотно прикрыв за собою, по просьбе Ильича, дверь. Бухарин остался с нами и как-то таинственно заявил: «Я догадываюсь, зачем Владимир Ильич хочет видеть Сталина». Но о догадке своей он нам на этот раз не рассказал. Через несколько минут дверь в комнату Владимира Ильича открылась, и Сталин, который показался мне несколько расстроенным, вышел. Простившись с нами, оба они (Бухарин и Сталин) напра- •вились мимо Большого дома через домик санатория во двор к автомобилю. Я пошла проводить их. Они о чем-то разговаривали друг с другом вполголоса, но во дворе Сталин обернулся ко мне й сказал: «Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо». И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напом

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. Первый этап гражданской войны. М., 1940. С. 272—279, 289—292, 389—390, 393—395.

нить ему обещание, данное ранее, помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич. «Теперь момент, о котором я вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич и мне нужна ваша помощь». Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал, поцеловался с Владимиром Ильичом и вышел из его комнаты. Но тут, во время нашего разговора, Сталина взяло сомнение: не понял ли Владимир Ильич его согласие таким образом, что действительно момент покончить счеты с жизнью наступил и надежды на выздоровление больше нет? «Я обещал, чтобы его успокоить, — сказал Сталин, — но если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?» Обсудив это, мы решили, что Сталину надо еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и последние заверили его, что положение Владимира Ильича совсем не так безнадежно, болезнь его не неизлечима и что надо с исполнением просьбы Владимира Ильича подождать. Так и было сделано.

Сталин пробыл на этот раз в комнате Владимира Ильича еще меньше, чем в первый раз, и, выйдя, сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии со слов врачей Владимира Ильича, видимо, обрадовало. А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоило несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: «Дипломатничаете, мол».

...Однако ежедневные посещения Клемперера нервировали Владимира Ильича и 15[1] он продиктовал мне письмо к Сталину, на которое последовал следующий ответ:

«Т. Ленину. В связи с Вашим письмом о немцах мы немедленно устроили совещание с Крамером, Кожевниковым] и Гетье. Они единогласно признали ненужность в дальнейшем Клемперера, который посетит Вас лишь один раз перед отъездом. Столь же единогласно они признали полезность участия Ф[ерстера] в общем наблюдении за ходом Вашего выздоровления. Кроме того, полит [ические] соображения делают крайне полезными подписи извест[ных] иностранных] авторитетов под бюллетенем, ввиду сугубого вранья за границей.

По пор [учению] П[олит]б[юро] *Сталин.*

P. S. Крепко жму руку. А все-таки русские одолеют немцев».

[1] **15 июня 1922 г.**

В то же время Владимир Ильич сказал как-то Кожевникову: «Для русского человека немецкие врачи невыносимы»[1].

18 декабря 1922 года на пленуме ЦК РКП(б) была принята следующая резолюция: «На т. Сталина возложить персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки». При абсолютном запрещении врачей Крупская продолжала передавать записанные ею под диктовку Ленина его записки, письма соратникам, что вызвало раздражение Сталина, пригрозившего ей вызовом на заседание Контрольной комиссии ЦК партии (председателем которой был Каменев). Крупская в письме к Каменеву жаловалась: «...Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Жена Ильича требовала оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз» и, выражая уверенность, что Контрольная комиссия вынесет правильное решение, добавляла: «Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности». Сестра Ленина, Мария Ильинична, в своих записках вспоминала о реакции Крупской на разговор со Сталиным. «Она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и т. д.» 5 марта 1923 года Ленин продиктовал следующее письмо: «Товарищу Сталину. Строго секретно. Лично. Копия т.т. Каменеву и Зиновьеву. Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения».

В ответ Сталин писал:

«Т. Ленину от Сталина. Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым пар

[1] «Известия ЦК КПСС». 1991, № 3. С. 188, 192.

тийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим: нельзя играть жизнью Ильича...»

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что- либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят».

ДО. ***Мурин***

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОТСТАВКАХ СТАЛИНА

...22 июля 1926 года в своем выступлении на заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) по поводу только что вновь оглашенного письма Ленина делегатам XIII съезда Сталин заявил:

«Позвольте сделать несколько замечаний по поводу прочитанного письма. Какие выводы проистекают из этого письма? Вывод первый — «обдумать» вопрос о перемещении Сталина с поста генсекретаря и заменить другим, с такими же качествами и проч., но без грубости. Делегации XIII съезда этот вопрос обсуждали, и я не считаю нескромностью, если сообщу, что все делегации *без исключения* высказались за обязательное оставление Сталина на посту генсекретаря. У меня имеются здесь эти резолюции, я могу их прочесть, если желаете.

Голос. Не надо.

Сталин. Несмотря на это, непосредственно после XIII съезда, на первом же Пленуме нашего ЦК, я подал в отставку. Несмотря на мою просьбу об отставке, Пленум решил, и мне припоминается, единогласно, что я должен остаться на посту генерального секретаря. Что же мне было делать после этого, товарищи. Я человек подневольный, и я подчинился решению Пленума.

Второй вывод: так как я остаюсь по воле партии на посту ген. секретаря, то я обязан был принять все меры к тому, чтобы ликвидировать свою грубость, исправиться.

Голос. И нелояльность.

Сталин. И нелояльность...»

Приведем текст письма Сталина, от 19 августа 1924 года, адресованного пленуму ЦК РКП(б):

«В ПЛЕНУМ ЦК РКП

Полуторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда- либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. *И. Сталин.*

19.VIII.24 г.

Т. Куйбышев! Я обращаюсь к Вам с этим письмом, а не к секретарям ЦК, потому, что, во-первых, в этом, так сказать, конфликтном деле я не мог обойти ЦКК, во-вторых, секретари не знакомы с обстоятельствами дела, и не хотел я их зря тревожить».

Второе краткое заявление об отставке было написано Сталиным 27 декабря 1926 г. и передано председательствующему на пленуме А. И. Рыкову:

«В ПЛЕНУМ ЦК (т. Рыкову)

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. СТАЛИН.

27.XII.26 г.»

В третий раз Сталин попросился в отставку на пленуме 19 декабря 1927 года... ^

...В итоге Сталин остался на своем посту, хотя само название института Генерального секретаря исчезло в 1934 году после XVII съезда партии[1].

СТАЛИН. К ВОПРОСУ О ПРОЛЕТАРИАТЕ И КРЕСТЬЯНСТВЕ

...Приезжая в Москву, товарищи часто стараются показать «товар лицом», — дескать, у нас в деревне все обстоит благополучно. От этого казенного благополучия иногда тошно становится. А между тем ясно, что благополучия нет и не может быть. Ясно, что есть недочеты, которые надо вскрывать, не боясь критики, и которые нужно устранять потом. А ведь вопрос стоит так: либо мы, вся партия, дадим беспартийным крестьянам и рабочим критиковать себя, либо нас пойдут критиковать путем восстаний. Грузинское восстание — это была критика. Тамбовское восстание — тоже была критика. Восстание в Кронштадте — чем это не критика? Одно из двух: либо мы откажемся от чиновничьего благополучия и чиновничьего подхода к делу, не будем бояться критики и дадим себя критиковать беспартийным рабочим и крестьянам, которые ведь испытывают на своей собственной спине результаты наших ошибок; либо мы этого не сделаем, недовольство будет накапливаться, нарастать, и тогда пойдет критика путем восстаний...[2]

[1] «Родина». 1994, № 7. С. 72 — 73.

[2] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. VII. С. 30.

СТАЛИН ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РОССИИ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА XIV СЪЕЗДЕ ВКП(б)

(декабрь 1925 г.)

Я должен еще упомянуть о двух фактах, тоже имеющих влияние на то, что вместо периода войны у нас установилась полоса «мирного сожительства».

Первый факт состоит в том, что в данный момент Америка не желает войны в Европе. Она как бы так говорит Европе: я тебе ссудила миллиарды, ты не рыпайся, если хочешь и впредь получать денежки, если не хочешь, чтобы твоя валюта вверх тормашками полетела, сиди и работай, зарабатывай денежки и выплачивай проценты по долгам. Едва ли нужно доказывать, что этот совет Америки, если он даже не является решающим для Европы, во всяком случае не может остаться без влияния.

Второй факт состоит в том, что со времени победы пролетарской революции в нашей стране из мировой системы капитализма выпала целая громадная страна с громадными рынками сбыта, с громадными источниками сырья, и это, конечно, не могло не повлиять на хозяйственное положение Европы. Потерять одну шестую часть мира, потерять рынки и источники сырья нашей страны, это значит для капиталистической Европы сократить свое производство, поколебать его коренным образом. И вот для того, чтобы положить конец этой отчужденности европейского капитала от нашей страны, от наших рынков и источников сырья, оказалось необходимым пойти на некую полосу «мирного сожительства» с нами, чтобы пробраться к нашим рынкам и к источникам сырья, — иначе нет, оказывается, возможности достигнуть какой-нибудь хозяйственной устойчивости в Европе.

...Мы не можем отменить известного закона нашей страны, изданного в 1918 году, — об аннулировании царских долгов. Мы остаемся на основе этого закона. Мы не можем аннулировать тех Декретов, которые были провозглашены и которые узаконили у нас экспроприацию экспроприаторов. На базе этих законов мы стоим и будем стоять в будущем. Но мы не прочь некоторые исключения, в порядке практических переговоров, сделать и для

Англии и для Франции по части бывших царских долгов, с тем чтобы малую толику выплатить и кое-что получить за это. Мы не прочь бывших частных собственников удовлетворить предоставлением им концессий, но опять-таки с тем, чтобы условия концессий были не кабальными.

...Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны.

Есть две генеральные линии: одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии. Она получила свое выражение недавно в тезисах Шанина (может быть, кто-либо читал их в «Экономической Жизни»). Эта линия ведет к тому, что наша страна никогда, или почти никогда, не могла бы по-настоящему индустриализироваться, наша страна из экономически самостоятельной единицы, опирающейся на внутренний рынок, должна была бы объективно превратиться в придаток общей капиталистической системы. Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия. -

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке, страной, которая послужит очагом для притягивания к себе всех других стран, понемногу отпадающих от капитализма и вливающихся в русло социалистического хозяйства. Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строительства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение.

...Кстати, два слова об одном из источников резерва — о водке. Есть люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках. Это — грубейшая ошибка, товарищи. Ежели у нас нет займов, ежели мы бедны капиталами и если, кроме того, мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам, не можем принять тех кабальных условий, которые они нам предлагают и которые мы отвергли, — то остается одно: искать источников в других областях. Это все-таки лучше, чем закабаление.

...Я хотел сказать два слова о новой буржуазии и ее идеологах — сменовеховцах. Сменовеховство, это — идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией. Новая буржуазия выдвинула свою идеологию, сменовеховскую идеологию, состоящую в том, что по ее мнению коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас мы, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь «цезаря», который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики.

Такова эта новая идеология, которая старается морочить нашу служилую интеллигенцию и не только ее, а также и некоторые близкие нам круги. Я не буду опровергать положения о перерождении нашей партии. Не стоит глупость опровергать. Наша партия не перерождается и не переродится. Не из такого материала она склеена и не таким человеком она выкована, чтобы переродиться. *(Аплодисменты.)* Кадры наши, и молодые и старые, растут в идейном отношении...

...Если я все-таки заговорил о сменовеховцах, то это для того, чтобы в двух словах ответить всем тем, которые рассчитывают на перерождение нашей партии и нашего ЦК. Устрялов — автор этой идеологии. Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит. Я думаю, что ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении нашей партии. Мечтать у нас не запрещено. Пусть себе мечтает на здоровье. Но пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему плохо будет. *(Аплодисменты.)*[1]

[1] *Сталин КВ.* Собр. соч. Т. VII. С. 287—288, 290, 298—299, 340—342.

СТАЛИН ПРОТИВ ТРОЦКИЗМА И АНТИГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ИЗ РАБОТЫ «О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ»

...Вот, например, книжка Троцкого «К социализму или к капитализму?». Не является ли она, эта книжка, признаком того, что Троцкий не прочь отказаться от своих принципиальных ошибок? Некоторые даже думают, что Троцкий действительно отказался, или старается отказаться, в этой книжке от своих принципиальных ошибок. Я, грешный человек, в данном случае страдаю некоторым неверием в этом деле *(Смех.)* и должен сказать, что такие предположения, к сожалению, совершенно не соответствуют действительности.

Вот, например, наиболее яркое место из книги Троцкого «К социализму или к капитализму?»:

«Государственная плановая комиссия (Госплан) опубликовала сводную таблицу по «контрольным» цифрам народного хозяйства СССР на 1925/26 гг. Все это звучит очень сухо и, так сказать, бюрократично. Но в этих сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма» *(Троцкий Л.* К социализму или к капитализму? Изд. «Плановое хозяйство», 1925 г., с. 1).

Что это такое: «великолепная историческая музыка растущего социализма»? Каков смысл этой «великолепной» фразы, если вообще есть в этой фразе какой-либо смысл? Есть ли тут ответ, хотя бы намек ответа, на вопрос о возможности победы социализма в нашей стране? Об исторической музыке растущего социализма можно было говорить ив 1917 году, когда мы свергли буржуазию, и в 1920 году, когда мы вышибли вон интервенционистов из нашей страны, ибо это была действительно великолепная историческая музыка растущего социализма, когда мы, свергнув буржуазию в 1917 году и изгнав вон интервенционистов, дали всему миру великолепные факты силы и могущества растущего социализма в нашей стране. Но имеет ли это и может ли иметь какое бы то ни было отношение к вопросу о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране? Мы можем, — говорит Троцкий, — идти к социализму. Но можем

ли *прийти* к социализму, — вот в чем вопрос. Идти, зная, что не придешь к социализму, — разве это не глупость? Нет, товарищи, «великолепная» фраза Троцкого о музыке и прочем представляет не ответ на вопрос, а адвокатскую отговорку и «музыкальную» отписку от вопроса. *(Голоса с мест: «Правильно!»)*

Я думаю, что эту великолепную и музыкальную отписку Троцкого можно было бы поставить на одну доску с той отпиской в вопросе о квалификации ленинизма, которую дал в свое время Троцкий в своей брошюре «Новый курс». Не угодно ли послушать:

«Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде» *(Троцкий Л.* Новый курс. Изд. «Красная Новь», 1924 г., с. 47).

Ленинизм, как «мышечное ощущение в физическом труде». Не правда ли — и ново, и оригинально, и глубокомысленно. Вы поняли что-нибудь? *(Смех.)* Все это очень красочно, музыкально и, если хотите, даже великолепно. Не хватает только «мелочи»: простого и человеческого определения ленинизма.

...Пора понять, что оппозиционеры не революционеры и интернационалисты, а болтуны от революции и от интернационализма. *(Аплодисменты.)*

Пора понять, что они не революционеры дела, а революционеры крикливых фраз и кинематографической ленты. *(Смех, аплодисменты.)*

Пора понять, что они не революционеры дела, а кинореволюционеры. *(Смеху аплодисменты.)*[1]

СТАЛИН. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ «О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УКЛОНЕ В НАШЕЙ ПАРТИИ»

(3 ноября 1926 г.)

...Партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу Революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не по

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. VIII. С. 274—276.

бедившей пролетарской революции на Западе, как «придаточное приложение» к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее никакой самостоятельной силы.

...Троцкий говорил, далее, о том, что я заменил неточную и неправильную формулировку вопроса о победе социализма в одной стране, данную в моей книжке «Об основах ленинизма» в 1924 году, другой формулировкой, более точной и правильной. Троцкий, видимо, не доволен этим. Почему, на каком основании, — он так и не сказал. Что может быть плохого в том, что я исправил неточную формулировку, заменив ее точной? Я вовсе не считаю себя безгрешным. Я думаю, что партия может только выиграть, если ошибка, допущенная тем или иным товарищем, признается им и исправляется потом. Что хочет, собственно, сказать Троцкий, подчеркивая этот факт? Может быть, он хочет последовать хорошему примеру и заняться, наконец, исправлением своих многочисленных ошибок? *(Аплодисменты, смех.)* Что же, я готов ему помочь в этом деле, если тут нужна моя помощь, готов его подтолкнуть и помочь ему. *(Аплодисменты, смех.)* Но Троцкий преследует, видимо, какую-то другую цель. Если это верно, то я должен сказать, что его попытка есть попытка с негодными средствами.

Троцкий уверял в своей речи, что он не такой уж плохой коммунист, как его изображают представители большинства партии. Он привел целый ряд цитат из своих статей, говорящих о том, что он, Троцкий, признавал и продолжает признавать «социалистический характер» нашей работы, что он не отрицает «социалистического характера» нашей государственной промышленности и т. д. и т. п. Экая, подумаешь, новость! Этого еще не хватало, чтобы Троцкий отрицал социалистический характер нашей работы, нашей госпромышленности и т. д. Эти факты признаются теперь всеми, вплоть до нью-йоркской биржи, вплоть до наших нэпманов, не говоря уже об О. Бауэре[1].

В документе Троцкого говорится, наконец, что только на основе взглядов объединенной оппозиции есть выход из нынешнего кризиса. Я думаю, что тут тоже имеется у Троцкого некоторое преувеличение. *(Смех.)* Оппозиционеры не могут не знать, что партия объединилась и сплотилась воедино не на основе взглядов оппозиционного блока, а в борьбе с этими взглядами и против этих взглядов, на основе социалистических перспектив нашего строительства. Преувеличение в документе Троцкого — явное.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. VIII. С. 348—349, 355—356.

Но ежели отвлечься от всех этих преувеличений, допущенных Троцким в его документе, то от прогноза, как будто ничего, собственно, и не остается, товарищи. *(Общий смех.)*

Как видите, итог получается, обратный тому итогу, который обрисовал нам Троцкий в своем прогнозе.

Я кончаю, товарищи.

Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле *(Смех.)*$_{у}$ и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, что это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых «мелочей». Может быть, оппозиция и умеет действительно прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что, умея слышать великолепные вещи, она не сумела услышать ту «мелочь», что партия давно уже повернулась спиной к оппозиции, а оппозиция осталась на мели. Этого они не услышали. *(Голоса: «Правильно!»)*

Что же из этого следует? А то, что у оппозиции, очевидно, уши не в порядке. *(Смех.)*

Отсюда мой совет: уважаемые оппозиционеры, лечите свои уши! *(Бурные, продолжительные аплодисменты. Конференция, стояу провожает тов. Сталина*[1]*.)*

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА НА XV СЪЕЗДЕ ВКП(б)

(декабрь 1927 г.)

...О РЕЧИ КАМЕНЕВА

Я перехожу к речи Каменева. Речь эта является самой лживой, самой фарисейской, самой шулерской и мошеннической из всех оппозиционных речей, произнесенных здесь, с этой трибуны. *(Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)*

а) *Два лица в одном естестве.* Первое, чем занялся Каменев в своей речи* — это заметанием следов. Представители партии говорили здесь о достижениях нашей партии, об успехах нашего строительства, об улучшении нашей работы и т. д. Они говорили, далее, о меньшевистском грехопадении оппозиционеров,

[1] *Сталин И. В.* Собр. соч. Т. VIII. С. 348—349, 355—356.

о том, что они скатились к меньшевизму, отрицая возможность успешного строительства социализма в нашей стране, отрицая существование пролетарской диктатуры в СССР, отрицая целесообразность политики союза рабочего класса с середняком, распространяя клевету насчет термидора и т. д. Они говорили, наконец, о том, что такие взгляды оппозиции несовместимы с принадлежностью к нашей партии, что оппозиция должна отказаться от этих меньшевистских взглядов, если она хочет остаться в партии.

И что же? Каменев не нашел ничего лучшего, как обойти эти вопросы, замести следы и пройти мимо. Его спрашивают о важнейших вопросах нашей программы, нашей политики, нашего строительства. А он обходит их, как будто это его и не касается. Можно ли назвать такое поведение Каменева серьезным отношением к делу? Чем объяснить такое поведение оппозиции? Его можно объяснить лишь одним: желанием обмануть партию, усыпить ее бдительность, надуть еще раз партию.

У оппозиции два лица: одно — фарисейски-ласковое, другое — меньшевистско-антиреволюционное. Она показывает партии свое фарисейски-ласковое лицо, когда партия нажимает на нее и требует от нее отказа от фракционности, от политики раскола. Она показывает свое меньшевистско-антиреволюционное лицо, когда она берется апеллировать к непролетарским силам, когда она берется апеллировать к «улице» против партии, против Советской власти. Сейчас она обращается к нам, как видите, своим фарисейски-ласковым лицом, желая еще раз обмануть партию. Вот почему Каменев постарался замести следы, обходя важнейшие вопросы наших разногласий. Можно ли терпеть дальше эту двойственность, это двуличие?

Одно из двух: либо оппозиция хочет говорить с партией серьезно, — и тогда она должна сбросить маску; либо она думает и впредь сохранить два лица, но тогда ей придется остаться вне партии. *(Голоса: «Правильно!»)*

...в) Мнимая принципиальность оппозиции. История говорит, факты говорят, что никто еще не перескакивал так легко от одних принципов к другим, никто еще не менял так легко и свободно своих взглядов, как лидеры нашей оппозиции. Почему бы и теперь не отказаться им от своих взглядов, если этого требуют интересы партии?

Вот вам несколько примеров из истории троцкизма.

Известно, что Ленин, собирая партию, созвал конференцию большевиков в 1912 году в Праге. Известно, что эта конференция имела величайшее значение в истории нашей партии, ибо

она положила межу между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию.

Известно, что в том же 1912 году произошло меньшевистское совещание Августовского блока во главе с Троцким. Известно, далее, что это совещание объявило войну большевистской конференции и призвало рабочие организации к ликвидации ленинской партии. В чем же обвиняло тогда совещание Августовского блока Троцкого большевистскую конференцию в Праге? Во всех смертных грехах. Оно обвиняло ее в узурпаторстве, в сектантстве, в организации «государственного переворота» в партии и черт знает еще в чем.

И что же? Прошло несколько лет — и Троцкий отказался от этих своих взглядов на большевистскую партию. И не только отказался, но приполз на брюхе к большевистской партии, войдя в нее как один из ее активных членов. *(Смех.)*

Какое имеется основание предполагать после всего этого, что Троцкий и троцкисты не сумеют еще раз отказаться от своих взглядов насчет термидорианских тенденций в нашей партии, насчет узурпации и т. д.?

Другой пример из той же области.

Известно, что в конце 1924 года Троцкий издал брошюру под названием «Уроки Октября». Известно, что в этой брошюре Троцкий квалифицировал Каменева и Зиновьева как правое, полуменыпевистское крыло нашей партии. Известно, что брошюра Троцкого послужила причиной целой дискуссии в нашей партии. И что же? Прошло всего около года — и Троцкий отказался от своих взглядов, провозгласив, что Зиновьев и Каменев представляют не правое крыло нашей партии, а ее левое, революционное крыло.

Еще пример, уже из области истории зиновьевской группы. Известно, что Зиновьев и Каменев написали целый ворох брошюр против троцкизма. Известно, что еще в 1925 году Зиновьев и Каменев объявили, вместе со всей партией, о несовместимости троцкизма с ленинизмом. Известно, что Зиновьев и Каменев, вместе со всей партией, проводили резолюции как на съездах нашей партии, так и на V конгрессе Коминтерна, о мелкобуржуазном уклоне троцкизма. И что же? Не прошло и года после этого, как они отреклись от своих взглядов, отказались от них и провозгласили, что группа Троцкого является подлинно ленинской и революционной группой в составе нашей партии. *(Голос: «Взаимная амнистия!»)*

Таковы, товарищи, факты, количество которых можно было бы увеличить при желании.

Не ясно ли из этого, что высокая принципиальность лидеров оппозиции, о которой здесь повествует нам Каменев, является сказкой, не имеющей ничего общего с действительностью?

Не ясно ли, что никому еще в нашей партии не удавалось так легко и свободно отрекаться от своих принципов, как Троцкому, Зиновьеву и Каменеву? *(Смех.)*[1]

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛИНА НА ОБЪЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦК И ЦКК ВКП(б)

...Меня поражает высокомерие Троцкого, который, видите ли, терпеть не может, оказывается, малейших ошибок у компартий на Западе или на Востоке. Он поражен, видите ли, что там, в Китае, где имеется молодая партия, которая насчитывает едва два года существования, что там могли появиться меньшевистские ошибки. А сколько лет блуждал сам Троцкий среди меньшевиков? Об этом он забыл? Ведь он блуждал среди меньшевиков целых 14 лет — с 1903 до 1917 года. Почему он дает себе 14летний срок для того, чтобы, блуждая по всяким антиленинским «течениям», приблизиться потом к большевикам, а молодым китайским коммунистам не хочет дать хотя бы 4-летний срок? Почему он так высокомерен к другим,'забывая о своих собственных блужданиях? Почему? Где же тут, так сказать, «справедливость»?

Вот как понимает Троцкий пораженчество и оборончество:

«Что такое пораженчество? Политика, направленная на то, чтобы содействовать поражению «своего» государства, находящегося в руках враждебного класса. Всякое другое понимание и толкование пораженчества будет фальсификацией. Так, например, если кто скажет, что политическая линия невежественных и бессовестных шпаргальщиков должна быть выметена, как мусор, именно в интересах победы рабочего государства, то он от этого никак еще не становится «пораженцем». Наоборот, в данных конкретных условиях он-то и является подлинным выразителем революционного оборончества: идейный мусор победы не дает!

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. VIII. С. 357—362.

Примеры, и весьма поучительные, можно было бы найти в истории других классов. Приведем только один. Французская буржуазия в начале империалистической, войны имела во главе своей правительство без руля и без ветрил. Группа Клемансо находилась к этому правительству в оппозиции. Несмотря на войну и военную цензуру, несмотря даже на то, что немцы стояли в 80 километрах от Парижа (Клемансо говорил: «именно поэтому»), он вел бешеную борьбу против мелкобуржуазной дряблости и нерешительности — за империалистическую свирепость и беспощадность. Клемансо не изменял своему классу, буржуазии, наоборот, он служил ей вернее, тверже, решительнее, умнее, чем Вивиани, Пенлеве и К°. Дальнейший ход событий доказал это. Группа Клемансо пришла к власти и более последовательной, более разбойничьей империалистической политикой обеспечила французской буржуазии победу. Были ли такие французские газетчики, которые называли группу Клемансо — пораженцами? Наверно были: глупцы и клеветники тащатся в обозе всех классов. Но они не всегда имеют возможность играть одинаково значительную роль» (из письма Троцкого тов. Орджоникидзе от 11 июля 1927 г.).

Можете судить, до чего плачевно положение группы Троцкого, если она, работая в поте лица в продолжение четырех месяцев, едва сумела собрать около тысячи подписей. Я думаю, что любая группа оппозиционеров могла бы собрать несколько тысяч подписей, если бы она умела работать. Повторяю: смешно, когда эта маленькая группа, где лидеров больше, чем армии *(Смех.)у* проработавшая целых четыре месяца и едва собравшая около тысячи подписей, если эта группа угрожает миллионной партии: «Я тебя вымету». *(Смех.)*

И как это сделать, чтобы маленькая фракционная группа могла «вымести» миллионную партию? Не думают ли товарищи из оппозиции, что нынешнее большинство партии, большинство ЦК случайно, что у него нет корней в партии, что у него нет корней в рабочем классе, что оно добровольно даст себя «вымести» опереточным Клемансо? Нет, это большинство не случайно. Оно подбиралось из года в год, ходом развития нашей партии, оно проверено в огне борьбы, во время Октября, после Октября, во время гражданской войны, во время строительства социализма.

Чтобы «вымести» такое большинство, надо начать гражданскую войну в партии. И вот, Троцкий думает открыть в партии гражданскую войну в момент, когда враг будет стоять в 80 километрах от Кремля. Кажется, дальше некуда идти...

А нынешние лидеры оппозиции? Разве они не проверены? Разве это случайно, что они, занимая одно время важнейшие посты в нашей партии, оказались потом отщепенцами? Разве нужно еще доказывать, что это обстоятельство нельзя считать случайностью? И вот, Троцкий хочет с помощью маленькой группы, подписавшей платформу оппозиции, повернуть назад колесо истории нашей партии в момент, когда враг будет стоять в 80 километрах от Кремля, причем говорят, что часть товарищей подписалась под платформой оппозиции потому, что думала, что ежели подпишешь — на войну не возьмут. *(Смех.)*

Нет, любезнейший Троцкий, уж лучше бы вам не говорить о «выметании мусора». Лучше бы не говорить, так как слова эти заразительны. Если большинство «заразится» от вас методом выметания мусора, то я не знаю, хорошо ли будет это для оппозиции. А ведь это не исключено, что большинство ЦК может «заразиться» таким методом и «выметет» кой-кого.

Не всегда желательны и безопасны речи о выметании, могущие «заразить» большинство нашего ЦК и заставить его «вымести» кой-кого. И если Троцкий думает направить метлу против партии и ее большинства, то что же тут удивительного, если партия повернет эту метлу и направит ее против оппозиции?

Теперь мы знаем, как оппозиция думает оборонять СССР. Пораженческая по сути дела теория Троцкого о Югемансо, поддержанная всей оппозицией, достаточно ярко говорит нам об этом.

Выходит, таким образом, что для того, чтобы обеспечить оборону СССР, необходимо прежде всего проделать клемансистский эксперимент».

ПО ПОВОДУ «ЗАЯВЛЕНИЯ» оппозиции ОТ 8 АВГУСТА 1927 г.

Речь 9 августа

Товарищи! То, что предлагает нам оппозиция, нельзя считать миром в партии. Не надо поддаваться иллюзии. То, что предлагает нам оппозиция, это есть временное перемирие. *(Голос: «Даже не временное!»)* Это есть временное перемирие, которое может при известных условиях явиться некоторым шагом вперед, но может и не явиться. Это надо запомнить раз и навсегда. И в том случае, ежели оппозиция пойдет на дальнейшие ус-

тулки, и в том случае, если оппозиция не пойдет на дальнейшие уступки, это надо помнить.

Шагом вперед для партии является то, что оппозиция по всем трем вопросам, нами поставленным, в известной мере отступила. В известной мере. Но отступила с такими оговорками, которые могут создать почву для будущей еще более острой борьбы. *(Голоса: «Правильно!», «Правильно, вот это верно!»)*

Вопрос об обороне СССР — основной вопрос для нас ввиду создавшейся угрозы войны. Оппозиция говорит в положительной форме в своем заявлении, что она за безусловную и безоговорочную оборону СССР, но она отказывается осудить известную формулу, известный лозунг Троцкого насчет Клемансо. Троцкому надо иметь мужество признать то, что есть.

Я думаю, что весь пленум ЦК и ЦКК единодушен в том, что человек, который в душе, на деле, а не только на словах стоит за безусловную оборону нашей страны, не напишет того, что написал Троцкий в своем письме в ЦКК на имя тов. Орджоникидзе.

Я думаю, что весь пленум ЦК и ЦКК убежден в том, что этот лозунг, эта формула о Клемансо, данная Троцким, может породить лишь сомнения в искренности Троцкого насчет обороны СССР. Более того, — она создает впечатление об отрицательном отношении Троцкого к вопросам безусловной обороны нашей страны. *(Голоса: «Правильно, совершенно правильно!»)*

Я думаю, что весь пленум ЦК и ЦКК глубочайше убежден, что Троцкий, давая этот лозунг, эту формулу насчет Югемансо, обусловливал оборону СССР известным пунктом о смене руководства в нашей партии и руководства Советской властью. Только слепые этого не поймут. Если у Троцкого не хватает мужества, элементарного мужества признать свою ошибку, то виноватым будет в этом он сам.

Если оппозиция в своем документе не осуждает этой ошибки Троцкого — значит, она желает сохранить в своих руках запасное оружие для будущих нападений на партию по линии обороны страны, по той линии, которую партия ведет. Значит, она сохраняет в своих руках известный запас оружия для того, чтобы его пустить в ход.

Вот почему в этом основном пункте оппозиция идет не на мир, а на временное перемирие с оговоркой, которая может в будущем еще более обострить борьбу. *(Голос: «Нам не надо перемирия, нам нужен мир».)*

Нет, товарищи, нам перемирие нужно, вы тут ошибаетесь. Если уж брать примеры, лучше было бы взять пример у гоголевского Осипа, который говорил: «веревочка? — давайте сюда,

и веревочка пригодится». Уж лучше поступить так, как поступал гоголевский Осип. Мы не так богаты ресурсами и не так сильны, чтобы могли пренебрегать веревочкой. Даже веревочкой мы не должны пренебрегать. Подумайте хорошенько, и вы поймете, что в нашем арсенале должна быть и веревочка.

По второму вопросу, по вопросу о термидоре, несомненно, что оппозиция пошла в отступление, некоторое отступление по этой части, в сравнении с тем, что имело место раньше, ибо после такого отступления не может быть больше (если быть логичным, конечно) той глупой агитации насчет «термидорианского перерождения» партии, которая велась некоторыми членами оппозиции и особенно некоторыми ее полуменыпе- вистскими членами.

Но эту уступку оппозиция сопровождает такой оговоркой, которая может устранить в будущем возможность всякого перемирия и всякого мира. Они говорят, что в стране есть у некоторых элементов тенденция к реставрации, тенденция к термидору. Но этого никто никогда не отрицал. Раз есть антагонистические классы, раз классы не уничтожены, конечно, попытки реставрировать старые порядки всегда будут. Но не об этом шел у нас спор. Спор идет о том, что оппозиция в своих документах делает выпады против ЦК, а, стало быть, и против партии насчет термидорианства[1].

СТАЛИН. БЕСЕДА С ПЕРВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ

...Вопрос. Мы знаем, что некоторые хорошие коммунисты не совсем согласны с требованием компартии, чтобы все новые члены были атеистами, ибо в настоящее время реакционное духовенство подавлено. Могла ли бы компартия в будущем быть нейтральной по отношению к религии, которая бы поддерживала всю науку в целом и не противостояла бы коммунизму?

Могли ли бы вы в будущем разрешить членам партии придерживаться религиозных убеждений, если последние не расходились бы с партийной лояльностью?

Ответ. В этом вопросе несколько неточностей.

Во-первых, я не знаю таких «хороших коммунистов», о которых толкует здесь делегация. Едва ли вообще такие коммунисты существуют в природе.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. X. С. 9—10, 52—55, 85—88.

Во-вторых, я должен заявить, что, говоря формально, у нас нет таких условий приема в члены партии, которые бы требовали от кандидата в члены партии обязательного атеизма. Наши условия приема в партию: признание программы и устава партии, безусловное подчинение решениям партии и ее органов, членские взносы, вхождение в одну из организаций партии.

Один из делегатов. Я очень часто читаю, что исключают из партии за то, что верят в бога.

Сталин. Я могу лишь повторить уже сказанное об условиях приема в партию. Других условий у нас нет.

Значит ли это, что партия нейтральна в отношении религии? Нет, не значит. Мы ведем пропаганду и будем вести пропаганду против религиозных предрассудков. Законодательство нашей страны таково, что каждый гражданин имеет право ис- поведывать любую религию. Это дело совести каждого. Именно поэтому и провели мы отделение церкви от государства. Но, проведя отделение церкви от государства и провозгласив свободу вероисповедания, мы вместе с тем сохранили за каждым гражданином право бороться путем убеждения, путем пропаганды и агитации против той или иной религии, против всякой религии. Партия не может быть нейтральна в отношении религии, и она ведет антирелигиозную пропаганду против всех и всяких религиозных предрассудков, потому что она стоит за науку, а религиозные предрассудки идут против науки, ибо всякая религия есть нечто противоположное науке. Такие случаи, как в Америке, где осудили недавно дарвинистов, у нас невозможны, потому что партия ведет политику всемерного отстаивания науки.

Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы и проповедующего повиновение этим классам.

Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс.

Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кое-кто из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким «коммунистам» не место в рядах нашей партии[1].

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. X. С. 131—133.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЗИОНОМИЯ РУССКОЙ оппозиции

Из речи на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК 27 сентября 1927 г.

Товарищи! Ораторы говорили здесь так хорошо и так основательно, что мне мало что остается сказать.

Я не прослушал речи Вуйовича, так как не находился в зале и захватил только конец его речи. Из этого конца я понял, что он обвиняет ВКП(б) в оппортунизме, себя же он считает большевиком и берется учить ВКП(6) ленинизму.

Что сказать на это? У нас в партии, к сожалению, имеется некоторое количество людей, называющих себя большевиками, но на самом деле ничего общего с ленинизмом не имеющих. Я думаю, что к этим людям принадлежит и Вуйович. Когда такие люди берутся учить ВКП(б) ленинизму, легко понять, что цз этого может получиться. Я думаю, что критика Вуйовича не заслуживает ответа.

Мне вспомнилась одна маленькая история с немецким поэтом Гейне. Позвольте вам рассказать эту историю. В числе разных критиков, которые выступали в печати против Гейне, был один очень неудачливый и довольно бездарный литературный критик по фамилии Ауфенберг. Основная черта этого писателя состояла в том, что он неустанно «критиковал» и бесцеремонно донимал Гейне своей критикой в печати. Гейне, очевидно, не считал нужным реагировать на эту «критику» и упорно отмалчивался. Это поразило друзей Гейне, и они обратились к нему с письмом: дескать, как это понять, что писатель Ауфенберг написал массу критических статей против Гейне, а Гейне не находит нужным отвечать. Гейне оказался вынужденным ответить. Что же он сказал в ответ на обращение своих друзей? Гейне ответил в печати в двух словах: *«писателя* Ауфенберга я не знаю; полагаю, что он вроде Дарленкура, которого тоже не знаю».

Перефразируя слова Гейне, русские большевики могли бы сказать насчет критических упражнений Вуйовича: «большевика Вуйовича мы не знаем, полагаем, что он вроде Али-бабы, которого тоже не знаем».

Вопрос об участии в Гоминдане. В апреле 1926 года, т. е. спустя месяц после VI пленума ИККИ, где было принято решение в пользу участия коммунистов в Гоминдане, оппозиция по

требовала немедленного ухода коммунистов из Гоминдана. Почему? Потому что, напуганная первым натиском Чан Кайши (март 1926 г.), оппозиция требовала, по сути дела, приспособления к Чан Кайши, думала вывести коммунистов из игры революционных сил в Китае.

Однако'формально оппозиция обосновывала свое требование ухода из Гоминдана тем, что коммунисты не могут участвовать в буржуазно-революционных организациях, каковой не может не считаться Гоминдан. А через год после этого, в апреле 1927 года, оппозиция требовала уже участия коммунистов в Гоминдане Ухана. Почему? На каком основании? Разве Гоминдан перестал быть в 1927 году буржуазной организацией? Где же тут линия, хотя бы тень линии?

Вопрос о Советах. И здесь у оппозиции не было определенной линии. Одна часть оппозиции требовала в апреле 1927 года немедленной организации Советов в Китае для низвержения Гоминдана в Ухане (Троцкий). Одновременно с этим другая часть оппозиции требовала тоже немедленной организации Советов, но уже для поддержания Гоминдана в Ухане, а не его свержения (Зиновьев). Это называется у них линией! При этом обе части оппозиции, и Троцкий и Зиновьев, требуя организации Советов, требовали вместе с тем участия коммунистов в Гоминдане, участия коммунистов в правящей партии. Пойми, кто может! Создавать Советы и требовать вместе с тем участия коммунистов в правящей партии, т. е. в Гоминдане, — это такая глупость, до которой не всякий додумается. И это называется линией!

...Еще хуже обстоит дело у оппозиции в вопросе о нашей партии, в вопросе о ВКП(б). Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии. Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных. Иначе бы он не утверждал, что в миллионной партии, в ВКП(б), можно «захватить» власть, «узурпировать» власть отдельным лицам, отдельным руководителям. «Захватить» власть в миллионной партии, проделавшей три революции и потрясающей ныне основы мирового империализма, — вот до какой глупости договорился Троцкий!

Можно ли вообще «захватить» власть в миллионной партии, полной революционных традиций? Почему же, в таком случае, Троцкому не удалось «захватить» власть в партии, пробраться к руководству в партии? Чем это объяснить? Разве у Троцкого нет воли, желания к руководству? Разве это не факт, что вот уже более двух десятков лет борется Троцкий с большевиками за руководство в партии? Почему ему не удалось «захватить» власть

в партии? Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что, как оратор, Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Чем объяснить в таком случае, что Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отброшенным прочь от руководства великой партией, называемой ВКП(б)? Троцкий склонен объяснять это тем, что наша партия, по его мнению, является голосующей барантой, слепо идущей за ЦК партии. Но так могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее чернью. Это есть взгляд захудалого партийного аристократа на партию, как на голосующую баранту. Это есть признак того, что Троцкий потерял чутье партийности, потерял способность разглядеть действительные причины недоверия партии к оппозиции»[1].

СТАЛИН. ТРОЦКИСТСКАЯ оппозиция ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г.

НЕКОТОРЫЕ МЕЛКИЕ ВОПРОСЫ

Товарищи! У меня времени мало, поэтому я буду говорить по отдельным вопросам.

Прежде всего о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким, во время Августовского блока, вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкого:

[1] Сталин И.В. Собр. соч. Т. X. С. 153 — 159.

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. «Письмо Троцкого Чхеидзе» в апреле 1913 г.).

Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине.

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стбит, ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина — тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушать партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности.

...Вопрос о «завещании» Ленина стоял у нас — если не ошибаюсь — еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого выгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет «завещания» Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием «После смерти Ленина», где он не щадит красок для того, чтобы очернить партию, Центральный Комитет и Советскую власть, и где все строит на том, что ЦК нашей партии «скрывает» будто бы «завещание» Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет «завещания». Ввиду очевидности вопроса, Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати. Оно опубликовано в сентябре 1925 года в № 16 «Большевика».

Позвольте прочесть это место из статьи Троцкого насчет того, скрывает ли партия и ее ЦК «завещание» Ленина или не скрывает. Цитирую статью Троцкого:

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); *это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии*[1]. Из слов Истмена можно сделать тот вывод,

[1] Курсив мой. — *И. Ст.*

будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собою разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под.видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как во всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. *Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собою злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича*[1] и интересов созданной им партии» (см. статью Троцкого по поводу книги Истмена «После смерти Ленина»», «Большевик» № 14, 1 сентября 1925 г., с. 68).

Кажется, ясно? Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК «скрывают» «завещание» Ленина? Блудить языком «можно», но надо же знать меру.

Говорят, что в этом «завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая

[1] Курсив мой. — *И. Ст.*

делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что касается опубликования «завещания», то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати.

У нас имеется решение пленума ЦК и ЦКК в 1926 году о том, чтобы испросить разрешение у XV съезда на напечатание этого документа. У нас имеется решение того же пленума ЦК и ЦКК о напечатании других писем Ленина, где Ленин отмечает ошибки Каменева и Зиновьева перед Октябрьским восстанием и требует их исключения из партии.

Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, являются гнусной клеветой. Сюда относятся и такие документы, как письма Ленина о необходимости исключения из партии Зиновьева и Каменева. Не бывало никогда, чтобы большевистская партия, чтобы ЦК большевистской партии боялись правды. Сила большевистской партии именно в том и состоит, что она не боится правды и смотрит ей прямо в глаза.

Оппозиция старается козырять «завещанием» Ленина. Но стбит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, это факт, что Ленин в своем «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является «случайностью». Что это значит? А это значит, что *политически* нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «неболь- шевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью» и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком политической линии или позиции Сталина...[1]

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т.Х. С. 172—177.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА НА XIII КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)

(январь 1924 г.)

...Я напомнил вам об этих препятствиях, стоящих перед нами, и о тех внешних и внутренних условиях, без которых демократия превращается в пустую демагогическую фразу, потому что некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна, и что проведению ее мешает якобы лишь «злая» воля «аппаратчиков». Вот против этого идеалистического взгляда, взгляда не нашего, не марксистского, не ленинского, напомнил я вам, товарищи, об условиях проведения демократии и о препятствиях, стоящих в данный момент перед нами.

...Перехожу к Радеку. Есть люди, которые имеют язык для того, чтобы владеть и управлять им. Это — люди обыкновенные. И есть люди, которые сами подчинены своему языку и управляются им. Это — люди необыкновенные. К такого рода необыкновенным людям принадлежит Радек. Человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиниться своему собственному языку, не будет в состоянии знать, когда и что сболтнет язык. Если бы вы имели возможность послушать речи Радека на различных собраниях, вы поразились бы сегодняшним его выступлением. На одном из дискуссионных собраний Радек утверждал, что вопрос о внутрипартийной демократии — пустяковый вопрос, что он, Радек, собственно говоря, против демократии, что дело идет теперь, в сущности, не о демократии, а о том, что думает делать ЦК с Троцким. На другом дискуссионном собрании тот же Радек заявил, что демократия внутри партии — дело несерьезное, а вот демократия внутри ЦК — самое важное дело, ибо в ЦК, по его мнению, создалась директория. А сегодня тот же Радек с открытым лбом заявляет, что внутрипартийная демократия так же необходима, как воздух и вода, ибо без демократии нет, оказывается, возможности управлять партией. Кому из этих трех Радеков прикажете верить — первому, второму или третьему? Где гарантия, что Радек, или его язык, не сделает в ближайшем будущем новых неожиданных заявлений, опровергающих все предыдущие заявления? Можно ли полагаться на такого человека, как Радек?

...Или, например, другой товарищ, товарищ Мартынов, который думает, что ЦК должен помалкивать, а ячейки решают. Вы,

ЦК, можете, дескать, исполнять то, что мы, ячейки, решили. Но у нас 50 тысяч ячеек. Если они будут решать, например, вопрос об ультиматуме Керзона, то мы два года не добьемся его решения[1].

СТАЛИН. О РАБОТАХ АПРЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК

...Хотелось бы только сказать о некоторых чрезвычайных мероприятиях, которые были приняты ввиду чрезвычайных условий и которые, конечно, отпадут, поскольку не будет больше этих чрезвычайных условий. Я имею в виду применение 107 статьи закона против спекуляции. Статья эта принята ЦИК в 1926 году. Эта статья не применялась у нас в прошлом году. Почему? Потому, что заготовки хлеба шли, как говорят, нормально, и не было оснований для применения этой статьи. Об этой статье вспомнили только в этом году, к началу 1928 года. А вспомнили о ней потому, что мы имели ряд чрезвычайных обстоятельств, созданных спекулянтскими махинациями кулачества и угрожавших голодом. Ясно, что если в будущем заготовительном году не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пойдут нормально, 107 статья не будет иметь применения. И наоборот, если чрезвычайные обстоятельства наступят и капиталистические элементы начнут опять «финтить», 107 статья снова появится на сцене[2].

СТАЛИН. ДОКАТИЛИСЬ

Необходимость со всей ясностью поставить вопрос о троцкистской подпольной организации диктуется всей ее деятельностью последнего времени, которая заставляет партию и Советскую власть относиться к троцкистам *принципиально иначе*, чем относилась к ним партия до XV съезда.

7 ноября 1927 года открытое выступление троцкистов на улице было тем переломным моментом, когда троцкистская организация показала, что *она порывает не только с партийно- стью, но и с советским режимом.*

Этому выступлению предшествовал целый ряд антипартийных и антисоветских действий: насильственный захват государ

[1] *Сталин КВ.* Собр. соч. Т. VI С. 10—11. 41—42, 44.

[2] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XI. С. 46.

ственного помещения для собрания (МВТУ), организация подпольных типографий и т. п. Однако до XV съезда партия в отношении троцкистской организации все еще принимала меры, которые свидетельствовали о желании руководства партии добиться исправления троцкистов, добиться признания ими своих ошибок, добиться возвращения на путь партийности. В течение нескольких лет, начиная с дискуссии 1923 года, партия терпеливо проводила эту линию, — линию, главным образом, *идеологической борьбы*. И даже на XV съезде партии речь шла о таких именно мерах против троцкистской организации, несмотря на то что троцкисты «от разногласий тактического характера перешли к разногласиям программного характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма». (Резолюция XV съезда.)

Год, прошедший со времени XV съезда, показал правильность решения XV съезда, исключившего активных деятелей троцкистов из партии. *В течение 1928 года троцкисты завершили свое превращение из подпольной антипартийной группы в подпольную антисоветскую организацию.* В этом то новое, что заставило в течение 1928 года органы Советской власти принимать репрессивные мероприятия по отношению к деятелям этой подпольной антисоветской организации.

Не могут органы власти пролетарской диктатуры допускать, чтобы в стране диктатуры пролетариата существовала подпольная антисоветская организация, хотя бы и ничтожная по числу своих членов, но имеющая все же свои типографии, свои комитеты, пытающаяся организовать антисоветские стачки, скатывающаяся к подготовке своих сторонников к гражданской войне против органов пролетарской диктатуры. Но именно до этого докатились троцкисты, бывшие некогда фракцией внутри партии и ставшие теперь подпольной антисоветской организацией.

Понятно, что все, что есть в стране антисоветского, меньшевистского, все это выражает сочувствие троцкистам и группируется теперь вокруг троцкистов.

Борьба троцкистов против ВКП(б) имела свою логику, и эта логика привела троцкистов в антисоветский лагерь. Троцкий начал с того, что советовал своим единомышленникам в январе месяце 1928 года бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себя СССР. Однако ввиду логики борьбы Троцкий пришел к тому, что свои удары против руководства ВКП(б), против руководящей силы пролетарской диктатуры, неизбежно направил против самой диктатуры пролетариата, против СССР, против всей нашей советской общественности.

Троцкисты пытались дискредитировать всеми путями в глазах рабочего класса руководящую в стране партию и органы Советской власти. Троцкий в директивном письме от 21.X.1928 г., посланном за границу и опубликованном не только в органе печати ренегата Маслова, но и в белогвардейских органах («Руль» и др.), выступил с клеветническими антисоветскими заявлениями о том, что существующий в СССР строй является «керенщиной наизнанку», призывает организовывать стачки, срывать кампанию коллективных договоров и подготовляет по сути дела свои кадры к возможности новой гражданской войны.

Другие троцкисты прямо говорят о том, что не надо «останавливаться ни перед чем, ни перед какими писаными и неписаными уставами» в деле подготовки к гражданской войне.

Клевета на Красную Армию и на ее руководителей, которая распространяется троцкистами в подпольной и иностранной ренегатской печати, а через нее в зарубежной белогвардейской печати, свидетельствует о том, что троцкисты не останавливаются перед прямым натравливанием международной буржуазии на Советское государство[1].

СТАЛИН. О ПРАВОМ УКЛОНЕ В ВКП(6)

Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1920 г.
(Стенограмма)

Товарищи! Я не буду касаться личного момента, хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике. Те же нотки сквозили в речах Угланова и Томского. Дескать, как же так: мы — старые большевики, и вдруг расхождения между нами, друг друга уважать не умеем.

Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса. Нельзя допускать, чтобы интересы личной дружбы ставились выше интересов дела.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XI. С. 313—315.

Если мы потому только называемся старыми большевиками, что мы *старые,* то плохи наши дела, товарищи. Старые большевики пользуются уважением не потому, что они *старые*, а потому, что они являются вместе с тем вечно новыми, не стареющими революционерами. Если старый большевик свернул с пути революции или опустился и потускнел политически, пускай ему будет хоть сотня лет, он не имеет права называться старым большевиком, он не имеет права требовать от партии уважения к себе.

Затем, нельзя вопросы личной дружбы ставить на одну доску с вопросами политики, ибо, как говорится, дружба дружбой, а служба службой. Мы все служим рабочему классу, и если интересы личной дружбы расходятся с интересами революции, то личная дружба должна быть отложена на второй план. Иначе мы не можем ставить вопрос, как большевики.

Не буду также касаться тех намеков и скрытых обвинений личного порядка, которыми были пересыпаны речи товарищей из бухаринской оппозиции. Эти товарищи хотят, видимо, намеками и экивоками прикрыть политическую основу наших разногласий. Они хотят политику подменить политиканством. Особенно характерна в этом отношении речь Томского. Его речь была типичной речью тред-юнионистского политикана, пытающегося подменить вопросы политики политиканством. Но этот фокус не пройдет у них.

Перейдем к делу.

ОДНА ИЛИ ДВЕ ЛИНИИ?

Существует ли у нас одна общая генеральная линия, или у нас имеются две линии, — это основной вопрос, товарищи.

Рыков говорил здесь в своей речи, что генеральная линия у нас одна, и если у нас имеются некоторые «незначительные» разногласия, то это потому, что существуют «оттенки» в понимании генеральной линии.

Верно ли это? К сожалению, неверно. И не только неверно, но прямо противоположно истине. В самом деле, если линия у нас одна и существуют между нами лишь оттенки, то почему Бухарин бегал ко вчерашним троцкистам, во главе с Каменевым, пытаясь устроить с ними фракционный блок против ЦК и его Политбюро? Разве это не факт, что Бухарин говорил там о «гибельности» линии ЦК, о принципиальных разногласиях Бухарина, Томского и Рыкова с ЦК партии, о необходимости коренного изменения состава Политбюро ЦК?

Если линия одна, почему Бухарин конспирировал со вчерашними троцкистами против ЦК и почему его поддерживали в этом деле Рыков и Томский?

Если генеральная линия одна, то как можно допустить, чтобы одна часть Политбюро, придерживающаяся одной общей генеральной линии, строила подкопы против другой части Политбюро, придерживающейся той же самой генеральной линии?

Разве можно допускать такую политику перелетов при наличии одной общей генеральной линии?..

...6) О ЛОЯЛЬНОСТИ И КОЛЛЕКТИВНОМ РУКОВОДСТВЕ

Рыков уверял здесь, что Бухарин является одним из самых «безупречных» и «лояльных» членов партии в отношении ЦК нашей партии.

Позвольте в этом усомниться. Мы не можем верить на слово Рыкову. Мы требуем фактов. А фактов-то и нет у Рыкова.

Взять, например, такой факт, как закулисные переговоры Бухарина с группой Каменева, связанной с троцкистами, переговоры об организации фракционного блока, об изменении политики ЦК, об изменении состава Политбюро, об использовании хлебозаготовительного кризиса для выступления против ЦК. Спрашивается, где же тут «лояльность», «безупречность» Бухарина в отношении своего ЦК?

Не есть ли это, наоборот, нарушение всякой лояльности со стороны одного из членов Политбюро в отношении своего ЦК, в отношении своей партии? Если это называется лояльностью в отношении ЦК, то что называется тогда предательством своего ЦК?

Бухарин любит говорить о лояльности, о честности, но почему он не попытается взглянуть на себя и спросить себя: не нарушает ли он самым нечестным образом элементарные требования лояльности в отношении своего ЦК, ведя закулисные переговоры с троцкистами против своего ЦК и предавая таким образом свой ЦК?

Бухарин говорил здесь об отсутствии коллективного руководства в ЦК партии, уверяя нас, что требования коллективного руководства нарушаются большинством Политбюро ЦК.

...Конечно, наш пленум все терпит. Он может стерпеть и это бесстыдное и лицемерное заявление Бухарина. Но нужно действительно потерять чувство стыда, чтобы взять на себя смелость выступить на пленуме в таком духе против большинства ЦК.

В самом деле, о каком коллективном руководстве может быть здесь речь, если большинство ЦК, запрягшись в государ

ственную телегу, двигает ее вперед с напряжением всех своих сил, прося группу Бухарина помочь ему в этом трудном деле, а группа Бухарина не только не помогает своему ЦК, а, наоборот, — всячески мешает ему, бросает палки в колеса, угрожает отставкой и сговаривается с врагами партии, с троцкистами, против ЦК нашей партии?

Кто же, кроме лицемеров, может отрицать, что Бухарин, устраивающий блок с троцкистами против партии и предающий свой ЦК, не желает и не будет осуществлять коллективное руководство в Центральном Комитете нашей партии?

Кто же, кроме слепых, может не видеть, что если Бухарин все же болтает о коллективном руководстве в ЦК, кивая против большинства ЦК, то это он делает для того, чтобы замаскировать таким образом свою предательскую позицию?..[1]

СТАЛИН. ТОВ. ФЕЛИКСУ КОН

Копия секретарю областного бюро ЦК Иваново-Вознесенской области т. Колотилову (9 июля 1929 г.)

Тов. Кон!

Заметку т. Руссовой о брошюре т. Микулиной («Соревнование масс») получил. Мои замечания на этот счет:

1) Рецензия т. Руссовой производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки. Я допускаю, что прядилки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной. Допускаю также, что Зарядьевская фабрика «убирается еженедельно». Можно признать, что т. Микулина, может быть, будучи введена в заблуждение кем-либо из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело? Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не ее общим направлением? Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?

В чем состоит достоинство брошюры т. Микулиной? В том, что она *популяризирует* идею соревнования и заражает читателя духом соревнования. В этом суть, а не в отдельных частных ошибках.

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XII. С. 1—3, 99—101.

2) Возможно, что в связи с моим предисловием к брошюре т. Микулиной критики ждали от этой брошюры слишком многого и чего-то необыкновенного и теперь, разочаровавшись в своих ожиданиях, решили наказать за это автора брошюры. Но это неправильно и несправедливо. Брошюра т. Микулиной, конечно, не является научным произведением. Брошюра т. Микулиной есть рассказ о делах соревнования масс, о практике соревнования. И только. Не вина т. Микулиной, если мое предисловие создало слишком преувеличенное мнение об ее, по сути дела, очень скромной брошюрке. Нельзя за это наказывать автора брошюры, а также читателей брошюры изъятием брошюры из продажи. Изымать из продажи можно лишь произведения не советского направления, произведения антипартийные, антипролетарские. Ничего антипартийного и несоветского в брошюре т. Микулиной нет.

3) Т. Руссова особенно возмущена тем, что т. Микулина «ввела в заблуждение тов. Сталина». Нельзя не ценить заботу о тов. Сталине, проявленную в данном случае т. Руссовой. Но она, эта забота, мне кажется, не вызывается необходимостью.

Во-первых, не так-то легко «вводить в заблуждение тов. Сталина».

Во-вторых, я нисколько не каюсь в том, что предпослал предисловие к *незначительной* брошюре *неизвестного* в литературном мире человека, ибо я думаю, что брошюра т. Микулиной, несмотря на ее отдельные и, может быть, грубые ошибки, принесет рабочим массам большую пользу.

В-третьих, я решительно против того, чтобы давать предисловия только к брошюрам и книгам литературных «вельмож», литературных «имен», «корифеев» и т. п. Я думаю, что нам пора отрешиться от этой *барской* привычки выдвигать и без того выдвинутых литературных «вельмож», от «величия» которых стоном стонут наши молодые, никому не известные и всеми забытые литературные силы.

У нас имеются сотни и тысячи молодых способных людей, которые всеми силами стараются пробиться снизу вверх, для того, чтобы внести свою лепту в общую сокровищницу нашего строительства. Но их попытки часто остаются тщетными, так как их сплошь и рядом заглушают самомнение литературных «имен», бюрократизм и бездушие некоторых наших организаций, наконец, зависть (которая еще не перешла в соревнование) сверстников и сверстниц. Одна из наших задач состоит в том, чтобы пробить эту глухую стену и дать выход молодым силам, имя которым легион. Мое предисловие к *незначительной* брошюре

неизвестного в литературном мире автора является попыткой сделать шаг в сторону разрешения этой задачи. Я и впредь буду давать предисловия только к простым и не кричащим брошюрам простых и неизвестных авторов из молодых сил. Возможно, что кой-кому из чинопочитателей не понравится подобная манера. Но какое мне до этого дело? Я вообще не любитель чинопочитателей...

4) Я думаю, что следовало бы товарищам иваново-вознесен- цам призвать т. Микулину в Иваново-Вознесенск и «надрать ей уши» за те ошибки, которые она допустила. Я отнюдь не против того, чтобы пробрали хорошенько в прессе т. Микулину за ее ошибки. Но я решительно против того, чтобы толкнуть ко дну и поставить крест над этой безусловно способной писательницей.

Что касается изъятия брошюры т. Микулиной из продажи, то эту дикую мысль следовало бы, по-моему, оставить «без последствий»...[1]

СТАЛИН. О ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ И СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (Краткая запись)

Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок. Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок. Мне поручено также обсудить с вами вопрос о перспективах развития сельского хозяйства, о плане развертывания в вашем крае строительства колхозов и совхозов.

Вам должно быть известно, что в хлебном балансе нашей страны мы имеем в этом году нехватку, дефицит, более чем в 100 миллионов пудов зерна. В связи с этим Правительству и ЦК пришлось нажать на хлебозаготовки во всех областях и краях, чтобы восполнить этот пробел в нашем хлебном балансе. Дефицит придется покрыть прежде всего за счет высокоурожайных областей и краев с тем, чтобы они не только выполнили, но и перевыполнили план хлебозаготовок.

Вы, конечно, знаете, к чему может привести дефицит, если он не будет ликвидирован. Он приведет к тому, что наши города и промышленные центры, а также наша Красная Армия будут поставлены в тяжелое положение, они будут плохо снаб

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. XII. С. 112—113.

жаться, им будет угрожать голод. Понятно, что мы не можем допустить этого.

Что вы думаете об этом, какие меры думаете предпринять, чтобы выполнить свой долг перед страной? Я объехал районы вашего края и имел возможность убедиться, что у ваших людей нет серьезной заботы о том, чтобы помочь нашей стране выйти из хлебного кризиса. Урожай у вас високосный, можно сказать, небывалый. Хлебных излишков у вас в этом году больше, чем когда-либо, а план хлебозаготовок не выполняется. Почему, на каком основании?

Вы говорите, что план хлебозаготовок напряженный, что он невыполним. Почему невыполним, откуда вы это взяли? Разве это не факт, что урожай у вас в этом году действительно небывалый? Разве это не факт, что план хлебозаготовок в этом году по Сибири почти такой же, как в прошлом году? Почему же вы считаете план невыполнимым? Посмотрите на кулацкие хозяйства: там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения, в кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50—60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту, а вы говорите, что план хлебозаготовок невыполним. Откуда у вас такой пессимизм?

Вы говорите, что кулаки не хотят сдавать хлеба, что они Ждут повышения цен и предпочитают вести разнузданную спекуляцию. Это верно. Но кулаки ждут не просто повышения цен, а требуют повышения цен втрое в сравнении с государственными ценами. Думаете ли вы, что можно удовлетворить кулаков? Беднота и значительная часть середняков уже сдали государству хлеб по государственным ценам. Можно ли допустить, чтобы государство платило втрое дороже за хлеб кулакам, чем бедноте и середнякам? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю недопустимость удовлетворения кулацких требований.

Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных Ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — 107 статья Уголовного Кодекса РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства? Почему вы не применяете этот закон против спекулянтов по хлебу? Неужели вы боитесь нару- шить спокойствие господ кулаков?!

Вы говорите, что применение к кулакам 107 статьи есть чрезвычайная мера, что оно не даст хороших результатов, что оно

ухудшит положение в деревне. Особенно настаивает на этом т. Загуменный. Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует? Почему применение 107 статьи в других краях и областях дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг Советской власти и улучшило положение в деревне, а у вас, в Сибири, оно должно дать якобы плохие результаты и ухудшить положение? Почему, на каком основании?

Вы говорите, что ваши прокурорские и судебные власти не готовы к этому делу. Но почему в других краях и областях прокурорские и судебные власти оказались готовыми и действуют вполне успешно, а у вас они не готовы к делу применения к спекулянтам 107 статьи? Кто виноват в этом? Очевидно, что виноваты ваши партийные организации, которые, как видно, плохо работают и не добиваются того, чтобы законы нашей страны исполнялись добросовестно. Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для Советского государства. Непонятно только, почему эти господа до сих пор еще не вычищены и не заменены другими, честными работниками.

Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, — привлечь их к судебной ответственности по 107 статье Уголовного Кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

Что касается представителей ваших прокурорских и судебных властей, то всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми.

Вы увидите скоро, что эти меры дадут великолепные результаты и вам удастся не только выполнить, но и перевыполнить план хлебозаготовок.

Но этим дело не исчерпывается. Этих мер достаточно будет для того, чтобы выправить положение в этом году. Но нет гарантий, что саботаж хлебозаготовок со стороны кулаков не повторится в будущем году. Более того, можно с уверенностью

сказать, что пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок. Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужны другие меры. Какие именно меры? Я имею в виду развертывание строительства колхозов и совхозов.

Колхозы и совхозы являются, как вам известно, крупными хозяйствами, способными применять тракторы и машины. Они являются более товарными хозяйствами, чем помещичьи и кулацкие хозяйства. Нужно иметь в виду, что наши города и наша промышленность растут и будут расти с каждым годом. Это необходимо для индустриализации страны. Следовательно, будет расти с каждым годом спрос на хлеб, а значит, будут расти и планы хлебозаготовок. Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем. Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной Армии. Но для того, чтобы добиться этого, нужно развернуть вовсю, не жалея сил и средств, строительство колхозов и совхозов. Это можно сделать, и это мы должны сделать.

Но и это не все. Наша страна не может жить только сегодняшним днем. Мы должны подумать и о завтрашнем дне, о перспективах развития нашего сельского хозяйства, наконец, — о судьбах социализма в нашей стране. Хлебная проблема есть часть сельскохозяйственной проблемы, а сельскохозяйственная проблема является составной частью проблемы строительства социализма в нашей стране. Частичной коллективизации сельского хозяйства, о которой я только что говорил, достаточно для того, чтобы более или менее сносно снабжать хлебом рабочий класс и Красную Армию, но ее совершенно недостаточно для того:

а) чтобы поставить на прочную базу вполне достаточное снабжение всей страны продовольствием с обеспечением необходимых резервов продовольствия в руках государства,

б) чтобы добиться победы социалистического строительства в деревне, в земледелии.

В настоящее время советский строй держится на двух разнородных основах: на объединенной *социализированной* промышленности и на *индивидуальном* мелкокрестьянском хозяйстве, имеющем в своей основе *частную* собственность на средства производства. Может ли держаться долго на этих разнородных основах советский строй? Нет, не может.

Ленин говорит, что пока в стране преобладает индивидуальное крестьянское хозяйство, рождающее капиталистов и капитализм, будет существовать опасность реставрации капитализма. Понятно, что пока существует такая опасность, нельзя говорить серьезно о победе социалистического строительства в нашей стране.

Стало быть, для упрочения советского строя и победы социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности. Для этого необходимо перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства.

А что это значит?

Это значит, во-первых, что нужно постепенно, но неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, — в коллективные хозяйства, в колхозы, являющиеся и наиболее товарными хозяйствами.

Это значит, во-вторых, что нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян.

Это значит, в-третьих, ликвидировать все источники, рождающие капиталистов и капитализм, и уничтожить возможность реставрации капитализма.

Это значит, в-четвертых, создать прочную базу для бесцеребойного и обильного снабжения всей страны не только хлебом, но и другими видами продовольствия с обеспечением необходимых резервов для государства.

Это значит, в-пятых, создать единую и прочную социалистическую базу для советского строя, для Советской власти.

Это значит, наконец, обеспечить победу социалистического строительства в нашей стране.

Таковы перспективы развития нашего сельского хозяйства.

Такова задача победоносного строительства социализма в нашей стране.

Задача непростая и трудная, но вполне осуществимая, ибо трудности существуют для того, чтобы преодолевать их и побеждать[1].

[1] Сталин И.В. Собр. соч. Т. XI. С. 1 — 7.

Глава четвертая

КОТЛОВАНЫ И НАРОД (30-е годы)

Железный курс на индустриализацию, как гарантия независимости страны в окружении капиталистического мира, и коллективизация с ликвидацией «кулачества как класса», насильственным загоном миллионов крестьян в колхозы, разорением их, гражданским бесправием. «Трудовой энтузиазм», «пафос строительства» (слова Сталина), находившие отклик в массе населения, проявившиеся наиболее полно в стахановском движении, и в то же время подневольный, лагерный труд раскулаченных, других социальных изгоев, мнимых и истинных врагов Советской власти. Официальные версии об успехах сельского хозяйства (постановление ЦК ВКП(б) по развитию сельского хозяйства в 1933 году, парадный Всесоюзный съезд колхозников-удар- ников и т. д.) и голод в 1933 году с его страшными жертвами. Новые стройки как символ социализма и «перековка сознания» рабским трудом. Публичное внимание властей к знаменитостям западной интеллигенции (ищущих встречи со Сталиным) и подавление творческих, художественных сил в собственной стране. Выдвижение талантов из недр народа, доступность образования, культивирование здорового чувства коллективизма, ответственности перед обществом, страной, наметившийся во второй половине тридцатых годов возврат к историческому прошлому — и предчувствие военной грозы.

Такова в некоторых чертах социально-психологическая атмосфера тридцатых годов, отмеченная драматической напряженностью созидательных усилий народа и ниспосланных ему испытаний в безрелигиозном государстве.

«ВОЗВЫШЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

БЕСЕДА С НЕМЕЦКИМ ПИСАТЕЛЕМ ЭМИЛЕМ ЛЮДВИГОМ *13 декабря 1931 г.*

ЛЮДВИГ. Я Вам чрезвычайно признателен за то, что Вы нашли возможным меня принять. В течение более 20 лет я изучаю жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей. Мне кажется, что я хорошо разбираюсь в людях, но зато я ничего не понимаю в социально-экономических условиях.

СТАЛИН. Вы скромничаете.

ЛЮДВИГ. Нет, это действительно так. И именно поэтому я буду задавать вопросы, которые, быть может, Вам покажутся странными. Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реликвии Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?

СТАЛИН. Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна.

ЛЮДВИГ. Но ведь Петр Великий очень много сделал для развития своей страны, для того, чтобы перенести в Россию западную культуру.

СТАЛИН. Да, конечно, Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры.

Что касается меня, то я только ученик Ленина, и цель моей жизни — быть достойным его учеником.

Задача, которой я посвящаю свою жизнь, состоит в возвышении другого класса, а именно — рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо «национального» государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего клас

са. Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной[1].

БЕСЕДА С г-ном КЭМПБЕЛЛОМ О СОЦИАЛИЗМЕ *28 января 1929 г.*

После обмена вступительными фразами г-н Кэмпбелл объяснил свое желание посетить тов. Сталина, указав, что хотя он находится в СССР в качестве частного лица, перед отъездом из ССШ он виделся с Кулиджем, а также с новоизбранным президентом Гувером и получил полное их одобрение в вопросе о поездке в Россию. Его пребывание здесь показало ему изумительную активность нации, которая является загадкой для всего мира. Ему особенно понравились проекты строительства сельского хозяйства. Ему известно, что о России существует много неправильных представлений, но он был сам, например, в Кремле и видел работу, какая выполняется в области охраны памятников искусства и вообще в области повышения уровня культурной жизни. Он особенно поражен заботами о рабочих и работницах. Интересным совпадением ему рисуется то, что перед отъездом из ССШ он был приглашен к президенту и виделся с сыном и г-жой Кулидж, тогда как вчера он был гостем президента СССР, Калинина, который произвел на него огромное впечатление.

ТОВ. СТАЛИН. Что касается планов сельскохозяйственного и промышленного строительства, а также наших забот о развитии культурной жизни, то мы находимся еще в самом начале нашей работы. В строительстве промышленности мы сделали еще очень мало. Менее того сделано в области реализации планов перестройки сельского хозяйства. Мы не должны забывать, что наша страна была исключительно отсталой и эта отсталость до сих пор является большим препятствием.

Разница между прежними и новыми деятелями в России заключается, между прочим, в том, что старые деятели рассматривали отсталость страны, как положительную черту ее, видя в ней «национальную особенность», «национальную гордость», тогда как новые люди, советские люди, борются с ней, с этой от

[1] ***Сталин И.В,*** Собр. соч. Т. **XIII.** С. 104—105.

сталостью, как со злом, которое нужно искоренять. В этом — залог нашего успеха.

Мы знаем, что мы не свободны от ошибок. Но мы не боимся критики, не опасаемся смотреть прямо в лицо трудностям и признавать свои ошибки. Мы приемлем правильную критику и приветствуем ее. Мы следим за ССШ, так как эта страна стоит высоко в научном и техническом отношении. Мы бы хотели, чтобы люди науки и техники в Америке были нашими учителями в области техники, а мы их учениками.

Каждый период в национальном развитии имеет свой пафос. В России мы имеем теперь пафос строительства. В этом ее преобладающая черта теперь. Этим объясняется, что мы переживаем теперь строительную горячку. Это напоминает о периоде, пережитом ССШ после гражданской войны. В этом основа и возможность технико-промышленной и торговой кооперации с ССШ. Я не знаю, что необходимо еще сделать, чтобы обеспечить контакт с американской промышленностью[1].

«ТРУДОВОЙ ЭНТУЗИАЗМ РАДИ СОЦИАЛИЗМА»

...Что нужно было сделать ЦК для того, чтобы преодолеть «правый» уклон, доконать «левый» уклон и расчистить дорогу для максимального сплочения партии вокруг ленинской линии?

а) Нужно было, прежде всего, покончить с остатками троцкизма в партии, с пережитками троцкистской теории. Троцкистскую группу, как оппозицию, мы давно уже разгромили и выкинули вон. Теперь троцкистская группа представляет анти- пролетарскую и антисоветскую контрреволюционную группу, старательно осведомляющую буржуазию о делах нашей партии. Но остатки троцкистской теории, пережитки троцкизма не вполне еще выветрены из партии. Так вот, надо было прежде всего покончить с этими пережитками.

В чем состоит существо троцкизма?

Существо троцкизма состоит, прежде всего, в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что, если в ближайшее время не подоспеет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XIII. С. 146—149.

перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики. Стало быть, мы имеем здесь буржуазное отрицание возможности построения социализма в нашей стране, прикрываемое «революционной» фразой о победе мировой революции.

Можно ли при таких взглядах поднять миллионные массы рабочего класса на трудовой энтузиазм, на социалистическое соревнование, на массовое ударничество, на развернутое наступление против капиталистических элементов? Ясно, что нельзя. Было бы глупо думать, что наш рабочий класс, проделавший три революции, пойдет на трудовой энтузиазм и массовое ударничество ради того, чтобы унавозить почву для капитализма. Наш рабочий класс идет на трудовой подъем не ради капитализма, а ради того, чтобы окончательно похоронить капитализм и построить в СССР социализм. Отнимите у него уверенность в возможности построения социализма, и вы уничтожите всякую почву для соревнования, для трудового подъема, для ударничества.

Отсюда вывод: чтобы поднять рабочий класс на трудовой подъем и соревнование и организовать развернутое наступление, надо было, прежде всего, похоронить буржуазную теорию троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране[1].

К. Т. Мазуров[2]

РАБОЧИЕ И АНТИКРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЛИТИКА

...Я вообще предложил бы сегодня не рассматривать фигуру Сталина в отрыве от исторического контекста. Не для того, чтобы его оправдать, а чтобы лучше понять, почему великое множество людей на местах так охотно, я бы сказал, с усердием воплощало в жизнь его решения. Взять, скажем, такую драматическую страницу, как продразверстка. Нэп принес процветание торговле и мелкому предпринимательству, получше стали жить крестьяне. А рабочим было по-прежнему очень тяжело. У них на* столе часто не бывало хлеба. Росло их недовольство. Его подог-

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XII. С. 354 — 355.

[2] Мазуров К.Т. — бывший первый секретарь ЦК КП Белоруссии, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

ревала безработица. У меня лично двое братьев были безработными, один уехал в Сибирь искать счастья. Так что сталинские реформы 1929—1930 годов, как ни горько, отвечали настроениям рабочих. Рабочие считали: пускай прижмут тех, кто прячет хлеб, и он у нас появится. И нельзя пройти мимо того факта, что в это время вокруг Сталина объединились как раз те, кто ближе стоял к рабочему классу, — Орджоникидзе, Куйбышев, Киров и так далее. Сейчас часто спрашивают: была ли альтернатива той антикрестьянской политике? Конечно, как мы сейчас понимаем, была. Но при другом составе руководства. Проблему усугубила индустриализация за счет крестьянства, темпы которой оказались непосильными для народа. Займов никаких не было — где взять? Опять крестьянство. Взяли у него все, что можно было. Тут клубок различных противоречий, причин и следствий настолько серьезный, что разрубить сразу очень трудно...[1]

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАЗРЯДКА ВОЖДЯ

...Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, «человек в футляре». Помните чеховский рассказ «Человек в футляре»? Этот герой, как известно, ходил всегда в калошах, в пальто на вате, с зонтиком и в жаркую и в холодную погоду. «Позвольте, для чего вам калоши и пальто на вате в июле месяце, в такую жаркую погоду?» — спрашивали Беликова. «На всякий случай, — отвечал Беликов, — как бы чего не вышло: а вдруг ударит мороз, как же тогда?» *(Общий смех. Аплодисменты.)* Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога: «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло». Организовали драматический кружок, открыли читальню, — Беликов опять в тревоге: «драматический кружок, новая читальня, — для чего бы это? Смотрите, как бы чего не вышло». *(Общий смех.)*

То же самое надо сказать о бывших лидерах правой оппозиции. Помните историю с передачей высших технических учебных заведений хозяйственным наркоматам? Мы хотели передать всего два втуза ВСНХ. Дело, казалось бы, маленькое. А между тем мы встретили отчаянное сопротивление со стороны пра

[1] Советская Россия». 1989, 19

вых уклонистов. «Передать два втуза ВСНХ? Зачем это? Не лучше ли подождать? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи». А теперь все втузы у нас переданы хозяйственным наркоматам. И ничего — живем.

Или, например, вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю лидеры правой оппозиции? «Чрезвычайные меры против кулаков? Зачем это? Не лучше ли проводить либеральную политику в отношении кулаков? Смотрите, как бы чего не вышло из этой затеи». А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества, как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры против кулачества представляют пустышку. И ничего — живем.

Или, например, вопрос о колхозах и совхозах. «Совхозы и колхозы? Зачем они? Куда нам торопиться? Смотрите, как бы чего не вышло из этих совхозов и колхозов».

И так далее и тому подобное.

Вот эта боязнь нового, неумение подойти по-новому к новым вопросам, эта тревога — «как бы чего не вышло» — эти черты человека в футляре и мешают бывшим лидерам правой оппозиции по-настоящему слиться с партией.

Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загвоздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло. Зашуршал где-либо таракан, не успев еще вылезть как следует из норы, — а они уже шарахаются назад, приходят в ужас и начинают вопить о катастрофе, о гибели Советской власти. *(Общий хохот.)*

Мы успокаиваем их и стараемся убедить, что тут нет еще ничего опасного, что это всего-навсего таракан, которого не следует бояться. Куда там! Они продолжают вопить свое: «Как так таракан? Это не таракан, а тысяча разъяренных зверей! Это не таракан, а пропасть, гибель Советской власти»... И — «пошла писать губерния»... Бухарин пишет по этому поводу тезисы и посылает их в ЦК, утверждая, что политика ЦК довела страну до гибели, что Советская власть наверняка погибнет, если не сейчас, то по крайней мере через месяц. Рыков присоединяется к тезисам Бухарина, оговариваясь, однако, что у него имеется серьезнейшее разногласие с Бухариным, состоящее в том, что Советская власть погибнет, по его мнению, не через месяц, а через месяц и два дня. *(Общий смех.)* Томский присоединяется к Бухарину и Рыкову, но протестует против того, что они не сумели

обойтись без тезисов, не сумели обойтись без документа, за который придется потом отвечать: «Сколько раз я вам говорил, — делайте что хотите, но не оставляйте документов, не оставляйте следов». *(Гомерический хохот всего зала. Продолжительные аплодисменты.)*

Правда, потом, через год, когда всякому дураку становится ясно, что тараканья опасность не стоит и выеденного яйца, правые уклонисты начинают приходить в себя и, расхрабрившись, не прочь пуститься даже в хвастовство, заявляя, что они не боятся никаких тараканов, что таракан этот к тому же такой тщедушный и дохлый. *(Смех. Аплодисменты.)* Но это через год. А пока — извольте-ка маяться с этими канительщиками...[1]

СТАЛИН. ПИСЬМО ТОВ. ШАТУНОВСКОМУ

...Вы говорите о Вашей «преданности» мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь «принцип» преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой.

С коммунистическим приветом,

И. Сталин.

Август 1930 г.[2]

СТАЛИН О КЛЕВЕТЕ НА РУССКИЙ НАРОД

(Выдержки из письма Демьяну Бедному)

Письмо Ваше от 8.XII получил. Вам нужен, по-видимому, мой ответ. Что же, извольте.

Прежде всего о некоторых Ваших мелких и мелочных фразах и намеках. Если бы они, эти некрасивые «мелочи», составляли случайный элемент, можно было бы пройти мимо них. Но их

[1] *Сталин И.В.* Заключительное слово по полит. Отчету ЦК XVI съезду ВКП(б). Собр. соч. Т. XII. С. 13-15.

[2] *Сталин КВ.* Собр. соч. Т. XIII. С. 19.

так много и они так живо «бьют ключом», что определяют тон всего Вашего письма. А тон, как известно, делает музыку.

Вы расцениваете решение ЦК, как «петлю», как признак того, что «пришел час моей (т. е. Вашей) катастрофы». Почему, на каком основании? Как назвать коммуниста, который, вместо того чтобы вдуматься в существо решения ЦК и исправить свои ошибки, третирует это решение, как «петлю»?..

Десятки раз хвалил Вас ЦК, когда надо было хвалить. Десятки раз ограждал Вас ЦК (не без некоторой натяжки!) от нападок отдельных групп и товарищей из нашей партии. Десятки поэтов и писателей одергивал ЦК, когда они допускали отдельные ошибки. Вы все это считали нормальным и понятным. А вот когда ЦК оказался вынужденным подвергнуть критике Ваши ошибки, Вы вдруг зафыркали и стали кричать о «петле». На каком основании? Может быть, ЦК не имеет права критиковать Ваши ошибки? Может быть, решение ЦК не обязательно для Вас? Может быть, Ваши стихотворения выше всякой критики? Не находите ли, что Вы заразились некоторой неприятной болезнью, называемой «зазнайством»? Побрлыпе скромности, т. Демьян...

В чем существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в *клевету* на СССР, на его прошлое, на его настоящее. Таковы Ваши «Слезай с печки» и «Без пощады». Такова Ваша «Перерва», которую прочитал сегодня по совету т. Молотова.

Вы говорите, что т. Молотов хвалил фельетон «Слезай с печки». Очень может быть. Я хвалил этот фельетон, может быть, не меньше, чем т. Молотов, так как там (как и в других фельетонах) имеется ряд великолепных мест, бьющих прямо в цель. Но там есть еще ложка такого дегтя, который портит всю картину и превращает ее в сплошную «Перерву». Вот в чем вопрос и вот что делает музыку в этих фельетонах.

Судите сами.

Весь мир признает теперь, что центр революционного движения переместился из Западной Европы в Россию. Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР, как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, признавая в нем единственное свое отечество. Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, *русскому* рабочему классу, авангарду советских ра

бочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых й Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса.

А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс и подняться на высоту задач певца передового пролетариата, ушли куда-то в лощину и, запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а *клевета* на наш народ, *развенчание СССР, развенчание* пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата.

И Вы хотите после этого, чтобы ЦК молчал! За кого Вы принимаете наш ЦК?

И Вы хотите, чтобы я молчал из-за того, что Вы, оказывается, питаете ко мне «биографическую нежность»! Как Вы наивны, и до чего Вы мало знаете большевиков...[1] .

В шифротелеграмме, отправленной из Москвы 11 сентября 1931 года, Киров просил отдыхавшего в Сочи Сталина разрешения вылететь в Сочи на самолете. В тексте расшифрованной телеграммы написано рукой Сталина:

«Не имею права. И никому не советую давать разрешение на полеты. Покорнейше прошу приехать железной дорогой.

Сталин.

11.IX.31»[2].

[1] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. XIII. С. 23—

[2] «Родина». 1992, № 10.

ПЕРЕПИСКА СТАЛИНА И ШОЛОХОВА О РАСКУЛАЧИВАНИИ

М. А. Шолохов — И. В. Сталину 4 апреля 1933 г.

Станица Вешенская

Т. Сталин!

Вешенский район, наряду со многими другими районами Северо-Кавказского края, не выполнил планы хлебозаготовок и не засыпал семян. В этом районе, как и в других районах, сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями. Словом, район как будто ничем не отличается от остальных районов нашего края. Но причины, по которым 99% трудящегося населения терпят такое страшное бедствие, несколько иные, нежели, скажем, на Кубани.

Прошлые годы Вешенский район был в числе передовых по краю. В труднейших условиях 1930—31 гг. успешно справлялся и с севом и с хлебозаготовками. О том, как парторганизация боролась за хлеб, красноречиво свидетельствуют цифры роста посевных площадей. Посевная площадь по колхозно-единоличному сектору: 1930 г.— 87 571 гек., 1931 г.— 136 947 гек., 1932 г. — 163 603 гек.

Как видите, с момента проведения сплошной коллективизации посевная площадь выросла почти вдвое. Как работали на полудохлом скоте, как ломали хвосты падающим от истощения и устали волам, сколько трудов положили и коммунисты и колхозники, увеличивая посев, борясь за укрепление колхозного строя, — я постараюсь — в меру моих сил и способностей — отобразить во второй книге «Поднятой целины». Сделано было много, но сейчас все пошло насмарку, и район стремительно приближается к катастрофе, предотвратить которую без Вашей помощи невозможно.

Вешенский район не выполнил плана хлебозаготовок и не засыпал семян не потому, что одолел кулацкий саботаж и парторганизация не сумела с ним справиться, а потому, что плохо руководит краевое руководство. На примере Вешенского района я постараюсь это доказать.

...Но т. к. падающая кривая поступлений хлеба не обеспечивала выполнения плана к сроку, крайком направил в Вешен- ский район особого уполномоченного т. Овчинникова (того самого, который некогда приезжал устанавливать «доподлинную» урожайность)... Овчинников громит районное руководство и, постукивая по кобуре нагана, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем давить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять!»

Отсюда и начинается «ломание дров»...

Установка Овчинникова — «Дров наломать, но хлеб взять!» — подхватывается районной газетой «Большевистский Дон». В одном из номеров газета дает «шапку»: «ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, ЛЮБЫМИ СРЕДСТВАМИ ВЫПОЛНИТЬ ПЛАН ХЛЕБОЗАГОТОВОК И ЗАСЬШАТЬ СЕМЕНА!» И начали по району с великим усердием «ломать дрова» и брать хлеб «любой ценой».

К приезду вновь назначенного секретаря РК Кузнецова и председателя РИКа Королева по району уже имелись плоды ов- чинниковского внушения:

1) В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК, Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространившийся по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

2) В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полузадушенных, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

3) В Лиховидовском колхозе уполномоченный РК на бригадном собрании приказал колхозникам встать, поставил в дверях вооруженного сельского, которому вменил в обязанность следить за тем, чтобы никто не садился, а сам ушел обедать. Пообедал, выспался, пришел через 4 часа. Собрание под охраной сельского стояло... И уполномоченный продолжал собрание.

На первом же бюро РК новый секретарь РК поставил вопрос об этих перегибах. Было записано в решении бюро о том, что такие «методы» хлебозаготовок искажают линию партии. Об этом на другой день узнал Овчинников, приехавший из ВерхнеДонского района (он работал особоуполномоченным по двум

районам: Вешенскому и Верхне-Донскому), и тотчас же предложил секретарю РК: «О перегибах в решении не записывай! Нам нужен хлеб, а не разговорчики о перегибах. А вот ты с первых же дней приезда в район начинаешь разговоры о перегибах и тем самым ослабляешь накал борьбы за хлеб, расхолаживаешь парторганизацию, демобилизуешь ее!»

...И рассказал исключительно интересный случай из собственной практики; случай, по-моему, проливающий яркий свет на фигуру Овчинникова. Передаю со слов секретаря РК Кузнецова и ряда других членов бюро РК, которым Овчинников этот же случай рассказывал в другое время.

«В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули, докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На 16 Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко и спрашивает у Шеболдаева: «А кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить». «А вот он, секретарь Вольского ОК», — отвечает Шеболдаев, указывая на меня. «Ах, вот как! — говорит Крыленко. — В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне». Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями крайкомов Молотов заявил:

«Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять, даже поссорившись с крестьянином, или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое». После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел!»...

Естественно, что после истории с решением о перегибах РК закрыл глаза на все безобразия, которые творились в районе, а если в особо исключительных случаях и говорил по поводу перегибов, то так глухо, как из воды. Решения выносились больше для очистки совести, не для проработки на ячейках, а Для особой папки, на всякий случай.

После отъезда Овчинникова в Верхне-Донской район работой стал руководить Шарапов.

...О работе уполномоченного или секретаря ячейки Шарапов судил не только по количеству найденного хлеба, но и по числу

семей, выкинутых из домов, по числу раскрытых при обысках крыш и разваленных печей. «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!» — распекал на бюро РК Шарапов секретаря ячейки Малаховского колхоза за то, что тот проявил некоторое колебание при массовом выселении семей колхозников на улицу. На бюро РК, в ячейке, в правлении колхоза, громя работавших по хлебозаготовкам, Шарапов не знал иного обращения, кроме как «сволочь», «подлец», «кусок слюнтяя», «предатель», «сукин сын». Вот лексикон, при помощи которого уполномоченный крайкома объяснялся с районными и сельскими коммунистами.

До чистки партии за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода и ходить по хуторам в поисках «подаяния»...

Исключение из партии, арест и голод грозили всякому коммунисту, который не проявлял достаточной «активности» по части применения репрессий, т. к. в понимании Овчинникова и Шарапова только эти методы должны были давать хлеб. И большинство терроризированных коммунистов потеряли чувство меры в применении репрессий. По колхозам широкой волной покатились перегибы. Собственно, то, что применялось при допросах и обысках, никак нельзя было назвать перегибами; людей пытали, как во времена средневековья, и не только пытали в комсо- дах, превращенных, буквально, в застенки, но и издевались над теми, кого пытали. Ниже я приведу краткий перечень тех «способов», при помощи которых работали агитколонны и уполномоченные РК, а сейчас в цифрах, полученных мною в РК, покажу количество подвергавшихся репрессиям и количество хлеба, взятого с момента применения репрессий.

По Вешенскому району: 1. Хозяйств — 13 813; 2. Всего населения — 52 069; 3. Число содержавшихся под стражей, арестованных органами ОГПУ, милицией, сельсоветами и пр. — 3128; 4. Из них приговорено к расстрелу — 52; 5. Осуждено по приговорам Нарсуда и по постановлениям коллегии ОГПУ — 2300; 6. Исключено из колхоза хозяйств — 1947; 7. Оштрафовано (изъято продовольствие и скот) — 3350 хозяйств; 8. Выселено из домов — 1090 хозяйств.

Мне казалось, что это — один из овчинниковских перегибов, но в конце января или в начале февраля в Вешенскую прие

хал секретарь крайкома Зимин. По пути в Вешенскую он пробыл два часа в Чукаринском колхозе и на бюро РК выступил по поводу хода хлебозаготовок в этом колхозе. Первый вопрос, который он задал присутствовавшему на бюро секретарю Чукарин- ской ячейки: «Сколько у тебя выселенных из домов?» — «Сорок восемь хозяйств». — «Где они ночуют?» Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «А должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!»

После этого по району взяли линию еще круче. И выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась. Женщину эту выселял кандидат партии — работник Базковского колхоза. Его, после того, как ребенок замерз, тихонько посадили в тюрьму. Посадили за «перегиб». За что же посадили? И если посадили правильно, то почему остается на свободе т. Зимин?

Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеками.

Но выселение — это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 тонны хлеба:

1. Массовые избиения колхозников и единоличников.

2. Сажание «в холодную». «Есть яма?» — «Нет». — «Ступай, садись в амбар!» Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия — январь, февраль. Часто в амбары сажали целыми бригадами.

3. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос.

4. В Наполовском колхозе уполномоченный РК кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку. Посаженный кричал, что не может сидеть, горячо, тогда под него лили из кружки воду, а потом «прохладиться» выводили на мороз и запирали в амбар. Из амбара сно

ва на плиту и снова допрашивают. Он же (ПЛОТКИН) заставлял одного единоличника стреляться. Дал в руки наган и приказал: «Стреляйся, а нет — сам застрелю!» Тот начал спускать курок (не зная того, что наган разряженный), и, когда щелкнул боек, упал в обморок.

5. В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и приказал не выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином.

6. В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков.

7. Там же: закатывали в рядно и топтали ногами.

8. В Архиповском колхозе двух колхозниц, Фомину и Краснову, после ночного допроса вывезли за три километра в степь, раздели на снегу догола и пустили, приказав бежать к хутору рысью.

9. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов подобрал 8 человек демобилизованных красноармейцев, с которыми приезжал к колхознику — подозреваемому в краже — во двор (ночью), после короткого опроса выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь, били по дороге прикладами винтовок и, вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу.

9. (Нумерация нарушена Шолоховым.— *Ред.)* ВКружилин- ском колхозе уполномоченный РК КОВТУН на собраний 6 бригады спрашивает у колхозника: «Где хлеб зарыл?» — «Не зарывал, товарищ!» — «Не зарывал? А ну, высовывай язык! Стой так!» Шестьдесят взрослых людей, советских граждан по приказу уполномоченного по очереди высовывают языки и стоят так, истекая слюной, пока уполномоченный в течение часа произносит обличающую речь. Такую же штуку проделал Ковтун и в 7 и в 8 бригадах, с той только разницей, что в тех бригадах он помимо высовывания языков заставлял еще становиться на колени.

10. В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семья

ми красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству. .

11. В Солонцовском колхозе в помещение комсода внесли человеческий труп, положили его на стол и в этой же комнате допрашивали колхозников, угрожая расстрелом.

12. В Верхне-Чирском колхозе комсодчики ставили допрашиваемых босыми ногами на горячую плиту, а потом избивали и выводили, босых же, на мороз.

13. В Колундаевском колхозе разутых добоса колхозников заставляли по три часа бегать по снегу. Обмороженных привезли в Базковскую больницу.

14. Там же: допрашиваемому колхознику надевали на голову табурет, сверху прикрывали шубой, били и допрашивали.

15. В Базковском колхозе при допросе раздевали, полуголых отпускали домой, с полдороги возвращали, и так по нескольку раз.

16. Уполномоченный РО ОГПУ Яковлев с оперативной группой проводил в Верхне-Чирском колхозе собрание. Школу топили до одурения. Раздеваться не приказывали. Рядом имели «прохладную» комнату, куда выводили с собрания для «индивидуальной обработки». Проводившие собрание сменялись, их было 5 человек, но колхозники были одни и те же... Собрание длилось без перерыва более суток.

Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти «методы» на себе и после приходили ко мне с просьбами «прописать про это в газету».

Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот этакое «исчезание» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

...Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 ООО населения голодают никак не меньше 49 ООО. На эти 49 ООО получено 22 ООО пудов. Это на три месяца. Истощенные, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 ООО пудов хлеба, питающиеся в настоящее время черт знает чем, уж наверное не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году. Не менее истощен и скот, два месяца, изо дня в день,

в распутицу возивший с места на место хлеб по милости Шарапова и РК. Все это, вместе взятое, приводит к заключению, что план сева колхозы района к сроку безусловно не выполнят. Но платить-то хлебный налог придется не с фактически засеянной площади, а с контрольной цифры присланного краем плана. Следовательно, история с хлебозаготовками 1932 г. повторится и в 1933 г. Вот перспективы, уже сейчас грозно встающие перед вышедшими на сев колхозниками.

Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это.

Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда.

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

С приветом-М. *Шолохов.*

Ст. Вешенская СКК 4 апреля 1933 г.
АПРФ, ф. 45, оп. 1, *д. 827,* л. *7—22. Подлинник.*

4. И. В. СТАЛИН - М. А. ШОЛОХОВУ

16 апреля 1933 г.

Молния
Станица Вешенская Вешенского района Северо-
Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше письмо получил пятнадцатого. Спасибо за сообщение. Сделаем все, что требуется. Сообщите о размерах необходимой помощи. Назовите цифру.

Сталин.

16.IV.33 г.
АПРФу ф. 45, *оп.* ***1, д. 827,*** *л.* ***23.*** *Копия.*

...6. И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ *22 апреля 1933 г.*

Молния

Станица Вешенская Вешенского района Северо-Кавказского края Михаилу Шолохову

Ваше второе письмо только что получил. Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов, всего сто двадцать тысяч пудов. Верхне-Донскому району отпускаем сорок тысяч пудов. Надо было прислать ответ не письмом, а телеграммой. Получилась потеря времени.

Сталин.

22.IV.33 г.

АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 827, л. 30. Копия.

7. И. В. СТАЛИН — М. А. ШОЛОХОВУ *6 мая 1933 г.*

Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана уже.

Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь.

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во *всем* согласен с Вами. Вы видите *одну* сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма — не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и *другую* сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию — без хле-

6а. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), — этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание.

Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш *И. Сталин*[1].

6.V.33 г.

АПРФ, ф. 3, оп. 61, д. 549, л. 194. Копия.

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИТОГАХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

«ПАФОС НОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА» И «ЛЮТЫЙ ВОРОГ»

Перед нами два документа:

Резолюция Объединенного пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и рассказ, оснрванный на подлинном свидетельстве автора о пережитом в детстве.

Пленум проходил в начале 1933 года, того самого, когда многие районы страны — Поволжье, Украину, Юг поразил страшный голод. На пленуме господствовал «пафос нового строительства», отделенный пропастью от происходившего во глубине России. И даже через год, в резолюции пленума Центрального комитета ВКП(б) (29 июня — 1 июля 1934 года), где только мельком упоминается о «частичной засухе на Юге», обходится совершенным молчанием прошлогоднее бедствие.

Соседство этих двух документов, поразительная контрастность их с драматической силой передает характерный для той эпохи разрыв между масштабностью государственно-партийных проектов и реальностью в низах народной жизни.

[1] «Вопросы истории». 1994, № 3. С. 9 —22.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ПЛЕНУМ ЦК И ЦКК ВКП(б)

Москва. 7—12 января 1933 г.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА ИТОГИ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ И НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН 1933 ГОДА — ПЕРВОГО ГОДА ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

I. Итоги первой пятилетки

В результате неуклонного проведения политики индустриализации и развернутого социалистического наступления по всему фронту рабочий класс СССР под руководством большевистской партии успешно выполнил основную задачу пятилетки — создание собственной передовой технической базы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

В обстановке развала экономики капиталистических стран, при небывалом росте в этих странах безработицы, нищеты, голода — выполнение пятилетки в СССР не в пять, а в четыре года (точнее, в четыре года и три месяца) есть факт, наиболее выдающийся в современной истории.

1. Растущий подъем промышленности в СССР при наличии кризиса и упадка промышленности в капиталистических странах

За период первой пятилетки создана собственная индустриальная база реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Из отсталой, мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран.

Выросли гиганты черной и цветной металлургии, химии, энергетики: Магнитострой, Кузнецкстрой, Уральский медный комбинат, Риддеровский полиметаллический комбинат, Волховский алюминиевый комбинат, Чернореченский и Березниковский азотные заводы, Днепрострой, Зуевская, Челябинская и Штеровская электростанции, мощные шахты в Донбассе, Кузбассе и др. районах, крупные крекинговые заводы, коксовые установки и т. д. и реконструированы почти все крупные предприятия этих отраслей промышленности.

Выросли гиганты машиностроения:

тракторостроение, могущее снабжать сельское хозяйство ежегодно миллионами лошадиных сил, — Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Путиловский тракторный, преобразующийся ныне в завод легковых автомобилей, вступающий скоро в строй Челябинский завод мощных гусеничных тракторов;

производство *сложных сельскохозяйственных машин:* комбайнов, сложных молотилок, культиваторов, пиккеров, льнотеребилок — Ростсельмаш, Саратовский комбайновый, завод «Коммунар» в Запорожье, «Серп и молот» в Харькове, Люберецкий завод и т. д.;

автомобильная промышленность, каждый из заводов которой способен ежегодно производить больше того, что накопила за десятки лет царская Россия путем импорта и собственного производства, — завод им. Сталина в Москве, Горьковский завод, Ярославский завод тяжелых грузовиков;

производство *мощных паровозов и вагонов*: паровозные заводы — Новый Луганский, реконструированный Коломенский завод, вагоностроительные заводы — строящийся Нижнетагильский, реконструированные — им. «Правды», Калининский и т. д.;

производство *крупных турбин и генераторов* для электростанций: Электросила, металлический завод им. Сталина в Ленинграде, Турбострой в Харькове;

производство *оборудования для черной металлургии* (домны, мартены и прокатные станы) — Краматорский завод, Урал- машстрой, Ижорский завод, Днепропетровский завод металлургического оборудования и т. д.;

производство *оборудования для топливной промышленности:* мощных врубовых машин, буровых машин для угля и нефти, крекингов, трубчаток, мощных лебедок и т. д. — Горловский завод, Сибмашстрой, Подольский крекинговый завод, завод им. лейтенанта Шмидта в Баку и др.;

самолето- и авиамоторостроение — заводы в Москве, Горьком, Воронеже, Сибири и т. д.;

сложное *станкостроение* и производство инструментов — заводы в Москве, Горьком, Ленинграде и т. д.

В итоге все машиностроение в целом выросло в сравнении с 1927/28 г. в 4,5 раза (с превышением наметок последнего года пятилетки на 54%), а по сравнению с довоенным временем машиностроение увеличилось в 10 раз.

Построена новая угольно-металлургическая база Урал — Кузбасс.

В результате всего этого:

а) Коренным образом изменилось соотношение промышленной и сельскохозяйственной продукции в пользу первой, ибо удельный вес промышленности вырос с 48% в 1927/28 г. до 70% в 1932 г. при неизменном росте сельского хозяйства, а в самой промышленной продукции, производство средств производства получило преобладающий характер, ибо удельный вес продукции тяжелой индустрии вырос с 44,5% в 1927/28 г. до 53% в 1932 г., что превысило задание пятилетки на 10%. .

б) Объем промышленной продукции в 1932 г. вырос по сравнению с довоенным уровнем до 334% и по сравнению с 1928 г. до 219%, вместо запроектированного пятилеткой для последнего пятого года пятилетки роста в сравнении с уровнем 1928 г. в 234%, что определило выполнение в четвертом году пятилетки (1932 г.) на 93,7% от программы пятого года пятилетнего плана, а выполнение пятилетки по тяжелой промышленности — на 108%, при этом ход выполнения пятилетки сопровождался ежегодным ростом продукции по всей промышленности в среднем на 22%.

в) Капитальные вложения в промышленность составили за 4 года и 3 месяца 23,3 млрд. руб. вместо намеченных пятилеткой 18,8 млрд. руб. за пять лет, что составляет 124% против пяти летнего плана, а по обобществленному сельскому хозяйству капитальные вложения за 4 года и 3 месяца составили 9,4 млрд. руб. вместо 7,2 млрд. руб., намеченных пятилеткой на пять лет, что составляет 130% против пятилетнего плана.

г) Производительность труда в промышленности за 4 года выросла на 38%, что несколько отстает от заданий пятилетки.

Таким образом СССР *из страны аграрной превратился в страну индустриальную*, что укрепило экономическую независимость страны, ибо СССР *получил возможность решающую часть необходимого оборудования производить на своих собственных предприятиях.* '

Совершенно другую картину представляет положение промышленности в *капиталистических* странах.

2. *Растущий подъем сельского хозяйства в СССР при наличии кризиса и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах*

Быстрый рост индустрии, с одной стороны, и успешное проведение политики ликвидации кулачества как класса — с другой, дали возможность снабдить сельское хозяйство тракторами

и новейшими сельхозмашинами, объединить мелкие единоличные крестьянские хозяйства в крупные коллективные хозяйства и организовать широкую сеть зерновых и животноводческих советских хозяйств.

За период пятилетки сдано сельскому хозяйству:

а) более 120 тыс. новых тракторов мощностью 1900 тыс. сил;

б) на 1600 млн. руб. сельскохозяйственных машин, что более чем удвоило машинную вооруженность сельского хозяйства в сравнении с 1928 г., особенно имея в виду резкое увеличение современных сложных машин тракторной тяги.

За последние 4 года организовано 2446 машинно-тракторных станций, снабженных современными орудиями труда, мастерскими для ремонта, автомобилями и т. д.

За последние 3 года организовано свыше 200 тыс. коллективных хозяйств с охватом колхозами свыше 60% крестьянских хозяйств и около 75% всех крестьянских посевных площадей.

За тот же период организовано 5 тыс. советских хозяйств (зерновых, животноводческих и технических культур), причем колхозы вместе с советскими хозяйствами охватывают около 80% всех посевных площадей.

В результате всего этого:

а) разгромлено кулачество, подорваны корни капитализма в сельском хозяйстве и тем самым обеспечена победа социализма в деревне, а колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства;

б) решена историческая задача перевода мелкого, индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия;

в) увеличены посевные площади на 21 млн. га в сравнении с площадями 1927/28 г., причем при некотором недовыполнении наметок пятилетки в отношении роста зерновых посевов по техническим культурам план значительно перевыполнен — достигнуто в 1932 г. 15 млн. га посева технических культур против 11 млн. га, запроектированных пятилеткой на 1932/33 г.;

г) на основе подъема сельского хозяйства сильно возросли размеры товарного хлеба в стране: вместо 700 млн. пудов сданного государству хлеба в 1927/28 г., из которого только 10% составлял хлеб колхозов и совхозов, в 1931/32 г. сдано государству 1400 млн. пудов, из которого товарный хлеб колхозов и совхозов составил уже не менее 75%;

д) при продолжающемся отставании животноводства в целом от наметок плана социалистический сектор в области животноводства возрос в десятки раз в сравнении с 1928 г., превысив все наметки пятилетки, за счет организации колхозных ферм и увеличения поголовья животноводческих совхозов...

...Совершенно другую картину представляет положение сельского хозяйства в капиталистических странах.

При подъеме сельского хозяйства в СССР в капиталистических странах имеет место за последние 3—4 года жестокий кризис и катастрофическое падение производства в сельском хозяйстве.

4. Уничтожение безработицы и рост жизненного уровня трудящихся в СССР при наличии небывалого роста безработицы и падения жизненного уровня трудящихся в капиталистических странах

Неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства в СССР определили два основных факта, коренным образом улучшивших материальное положение трудящихся:

1. Уничтожение безработицы и ликвидация неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих.

2. Охват колхозным строительством почти всей бедноты, подрыв на этой основе расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожение в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне...

5. *Расширение культурной базы и рост технических кадров в СССР при наличии упадка и распыления технических кадров в капиталистических странах*

Рост народного хозяйства и подъем благосостояния трудящихся масс сопровождались одновременным значительным расширением культурной базы и быстрым ростом технических кадров в СССР. .

Число учащихся в начальных школах по СССР увеличилось с 10 млн. в 1928 г. до 19 млн. в 1932 г. Заканчивается проведение начального обязательного обучения. Грамотность населения поднялась с 67% в 1930 г. до 90% в 1932 г.

Число учащихся в общеобразовательных средних школах поднялось с 1600 тыс. в 1928 г. до 4350 тыс. в 1932 г. Число учащихся в техникумах и рабфаках поднялось с 264 тыс. человек в 1928 г. до 1437 тыс. человек в 1932 г.

Число учащихся в высших учебных заведениях поднялось с 166 тыс. человек в 1928 г. до 500 тыс. человек в 1932 г.

Выросло количество научно-исследовательских институтов с 224 в 1929 г. до 770 в 1932 г., а число научных работников увеличилось в 2 раза.

В то же время в капиталистических странах закрываются высшие учебные заведения и научные институты, растет безработица...

6. *Капиталистические элементы города и деревни разбиты, фундамент социалистической экономики построен, победа социализма в СССР обеспечена*

Победоносного завершения пятилетки в 4 года рабочий класс СССР достиг под руководством партии в непреклонной борьбе с классовым врагом, подавляя малейшее его сопротивление. На основе роста социалистической индустрии, развертывания сплошной коллективизации в основных зерновых районах и перехода к политике ликвидации кулачества как класса решен основной вопрос «кто — кого», решен в пользу социализма против капиталистических элементов города и деревни.

Победоносного завершения пятилетки в 4 года партия достигла в борьбе за неуклонное и последовательное проведение генеральной линии, в борьбе с правым оппортунизмом как главной опасностью, в борьбе с «левацкими» перегибами и с контрреволюционным троцкизмом, путем беспощадного разгрома всякого рода антипартийных группировок, путем решительного разоблачения агентов классового врага с партбилетом в кармане из числа буржуазных перерожденцев.

Победоносного завершения пятилетки партия достигла на основе неуклонного роста творческой активности и производственной инициативы широких масс, на основе вовлечения все большего количества рабочих и колхозников в ряды ударников социалистической стройки, на основе развернутого соцсоревнования.

7. *От первой пятилетки ко второй пятилетке*

Первая пятилетка была пятилеткой *строительства* новых заводов, представляющих новую техническую базу *промышленности* для реконструкции всего народного хозяйства, пятилеткой строительства новых предприятий в *земледелии* — колхозов и совхозов, представляющих рычаг для организации всего сельского хозяйства на началах социализма.

Отсюда уклон в сторону *нового строительства*, пафос нового строительства как первая характерная черта периода первой пятилетки.

Но строительство новых предприятий в области промышленности, так же как и в области сельского хозяйства, протекало главным образом за счет использования уже существующих, старых или обновленных предприятий промышленности, техника которых уже освоена и использование которых не представляло особой трудности.

Отсюда громадный удельный вес старых и обновленных предприятий промышленности в деле производства готовой продукции и возможность более ускоренных темпов роста промышленной продукции как вторая характерная черта периода первой пятилетки.

Иначе будет обстоять дело со второй пятилеткой. В отличие от первой пятилетки, вторая пятилетка будет по преимуществу пятилеткой *освоения* новых предприятий в промышленности, пятилеткой *организационного укрепления* новых предприятий в сельском хозяйстве — колхозов и совхозов, что, конечно, не исключает, а предполагает дальнейшее развитие нового строительства.

Это значит, что вторая пятилетка, если она хочет рассчитывать на серьезный успех, должна дополнить нынешний лозунг *нового строительства* новым лозунгом *освоения* новых предприятий и новой техники.

Но освоение новых предприятий и новой техники представляет гораздо больше трудностей, чем использование старых или обновленных заводов и фабрик, техника которых уже освоена. Оно требует больше времени для того, чтобы поднять квалификацию рабочих и инженерно-технического персонала и приобрести новые навыки для полного использования новой техники.

Из этого следует, что в период второй пятилетки преобладающая роль в области роста промышленной продукции будет принадлежать уже не старым предприятиям, а новым, технику которых нужно еще освоить, что не может не повлечь за собой некоторое уменьшение темпов роста промышленной продукции в сравнении с темпами первой пятилетки...

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТДЕЛОВ МТС И СОВХОЗОВ

I. Слабость политической работы в деревне и необходимость создания политотделов МТС и совхозов

Борьба за дальнейший подъем сельского хозяйства и завершение его социалистического переустройства является в настоящее время важнейшей задачей партии.

Коллективизация основных масс бедняцко-середняцкого крестьянства, расширение производственно-технической базы колхозов и развитие совхозного строительства создали необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства, укрепления продовольственной и сырьевой базы индустриализации и непрерывного роста доходов как колхозов, так и отдельных колхозников.

Успешному разрешению этих задач оказывают жестокое сопротивление антисоветские элементы села. Хозяйственно разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы, их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы из буржуазно-националистической и в том числе эсеровской и петлюровской интеллигенции, осевшие на селе, всячески стараются разложить колхозы, стараются сорвать мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства, используя в этих целях несознательность части колхозников против интересов общественного, колхозного хозяйства, против интересов колхозного крестьянства.

Проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т. п., а нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов, антисоветские элементы стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебозаготовок — и иногда удается им разложить колхозы.

Пролезая в совхозы в качестве завхозов, бухгалтеров, полеводов, кладовщиков, управляющих отделениями и др., эти проти- восоветские элементы вредят совхозному строительству умышленной поломкой тракторов, комбайнов, скверной обработкой земли, плохим уходом за скотом, разложением трудовой дисциплины, расхищением совхозного имущества, особенно его продукции (зерно, мясо, молоко, масло, шерсть и т. д.).

Все эти противосоветские и противоколхозные элементы преследуют одну общую цель: они добиваются восстановления власти помещиков и кулаков над трудящимися крестьянами, они добиваются восстановления власти фабрикантов и заводчиков над рабочими.

От коммунистов и сочувствующих им беспартийных требуется особая бдительность для того, чтобы организовать отпор этим противонародным элементам и разгромить их вконец.

Между тем сельские партийные и комсомольские организации, в том числе ячейки в совхозах и МТС, лишенные зачастую

революционного чутья и бдительности, в ряде мест не только не противопоставляют этой антисоветской работе враждебных элементов классовую бдительность и большевистскую повседневную борьбу за усиление советского влияния на широкие беспартийные массы колхозников и работников совхозов, но иногда сами подпадают под влияние этих вредительских элементов, а некоторые члены партии, проникшие в партию из-за карьеристских целей, — смыкаются с врагами колхозов, совхозов и Советской власти и организуют вместе с ними воровство семян при севе, воровство зерна при уборке и обмолоте, сокрытие хлеба в тайных амбарах, саботаж хлебозаготовок и, значит, втягивают отдельные колхозы, группы колхозников и отсталых работников совхозов в борьбу против Советской власти.

Это в особенности относится к совхозам, где нередко директора совхозов под влиянием антисоветских элементов подвергаются буржуазному перерождению, саботируют задания Советской власти, идут на прямой обман партии и правительства и пытаются распоряжаться государственной совхозной продукцией, как своей личной собственностью.

В связи с этим перед сельскими коммунистами и комсомольцами стоят сейчас задачи организации и возглавления в колхозах и совхозах настоящего партийного и советского актива, задачи завоевания большинства в колхозах и совхозах и изгнания из колхозов и совхозов пробравшихся туда антисоветских элементов, в первую очередь из рядов завхозов, счетоводов, бухгалтеров и кладовщиков, задачи борьбы за настойчивое, последовательное применение законов Советской власти об административных и карательных мерах против организаторов расхищения колхозного и совхозного имущества и саботажа мероприятий партии и правительства по линии сбора семян и сева, уборки и обмолота, выполнения плана хлебозаготовок и мясозаготовок и т. п.[1]

Политические отделы МТС и совхозов должны обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства.

Обо всех этих карательных мерах, в том числе о судебных решениях по вышеуказанным преступлениям, политические отделы должны доводить до широких колхозных масс и работников совхозов, развертывая вокруг и на основе подобных фактов

широкую массово-разъяснительную и воспитательную работу среди колхозников и рабочих совхозов.

Все эти задачи политотделы МТС и совхозов должны осуществлять путем развертывания организационно-партийной и политически-воспитательной работы среди членов партии и комсомола в совхозах и МТС и обслуживаемых ею колхозах, путем постановки массовой политической работы среди колхозников и рабочих совхозов, путем правильного подбора и расстановки партийных и комсомольских сил колхозов и совхозов и беспартийного, преданного колхозному делу актива, путем повседневного изучения колхозных кадров и выдвижения на ответственные, решающие участки производства наиболее передовых, безусловно преданных активистов-колхозников.

Вскрывая факты вредительской работы тех или иных счетоводов и завхозов в колхозах, разоблачая буржуазные тенденции в совхозах, разоблачая подкулачников и организаторов хищений в колхозах из рядов тех или иных членов правлений колхозов, ведя решительную борьбу против расхитителей колхозной и совхозной собственности, рвачей, лодырей, против небрежного и недобросовестного отношения к живому и мертвому инвентарю колхоза и совхоза, — политические отделы МТС и совхозов должны на конкретных фактах повседневной работы и жизни колхозов и совхозов организовывать широкие массы колхозников и работников совхозов на борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, за сохранность и неприкосновенность общественной колхозной и совхозной собственности, за рост доходов колхозов и колхозников, за своевременное и полное выполнение колхозниками и совхозами всех своих обязательств перед государством.

Политические отделы МТС и совхозов должны предупреждать и вести борьбу против нарушений и извращений решений партии и правительства, против применения методов голого нажима и администрирования, памятуя, что разрешение вышеуказанных задач возможно лишь при условии всемерного улучшения и укрепления организационно-хозяйственного руководства, применения всех рычагов пролетарской диктатуры против кулака и его агентуры в колхозах и совхозах, развертывания широкой политико-воспитательной работы среди колхозников...

...Партийцы и комсомольцы не должны бояться борьбы внутри колхоза и совхоза за изоляцию и изгнание антиобщественных, противоколхозных элементов, ошибочно полагая, что такая борьба может нарушить единство колхоза или совхоза. Нам нужно не всякое единство. Нам нужно такое единство в колхо

зе или совхозе, которое обеспечивает руководство и главенство большевистского ядра, поддерживаемого беспартийным активом. А такого единства невозможно добиться без серьезной борьбы за изгнание антиобщественных и антиколхозных элементов из колхозов и совхозов. Поэтому борьба партийно-комсомольского большевистского ядра за создание беспартийного актива в колхозах и изгнание антиобщественных элементов, для завоевания большинства внутри колхозов и совхозов является насущнейшей задачей в данный момент...

Что касается явлений вредительства и саботажа в колхозах и совхозах, то они должны сыграть в конце концов такую же благодетельную роль в деле организации новых, большевистских кадров для колхозов и совхозов, какую сыграли вредительство и «шахтинский процесс» в области промышленности. «Шахтинский процесс» послужил поворотным пунктом в деле усиления революционной бдительности коммунистов и организации красных специалистов в области промышленности. Нет оснований сомневаться в том, Что явления вредительства и саботажа в некоторых колхозах и совхозах, проявившиеся в нынешнем году, послужат таким же поворотным пунктом в деле развертывания революционной бдительности наших сельских й районных коммунистов и подбора новых, большевистских кадров для колхозов и совхозов.

И это произойдет тем скорее, чем скорее МТС и совхозы превратятся в центры широкой *политической и организационной* работы в деревне[1].

ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)

Москва. 29 июня — 1 июля 1934 г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

29 июня — 1 июля 1934 г. состоялся очередной Пленум Центрального Комитета ВКП(б).

Пленум рассмотрел следующие вопросы:

1) О выполнении плана поставок зерна и мяса;

2) Об улучшении и развитии животноводства. Соответствующие резолюции приводятся ниже.

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 8 — 27.

РЕЗОЛЮЦИИ ПЛЕНУМА

О ВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНА ПОСТАВОК ЗЕРНА И МЯСА

I. О зернопоставках и хлебосдаче

Итоги весеннего сева являются ярким показателем роста, мощи и организованности колхозного строя в деревне. Сознательность и трудовая дисциплина колхозных масс поднялись на новую ступень. План весеннего сева перевыполнен в сроки более ранние, чем за все предыдущие годы. Качество сельскохозяйственных работ значительно поднялось. Несмотря на частичную засуху на Юге, по всем данным, урожай по СССР будет в целом не хуже прошлого года, а в некоторых областях — лучше прошлогоднего.

Пленум ЦК ВКП(б) считает боевой задачей всех партийных и советских организаций успешное и организованное проведение уборки и обеспечение максимального сбора хлебов с минимальными потерями.

Пленум ЦК ВКП(б) предупреждает партийные и советские организации об опасности проявлений в текущем году в отдельных совхозах и колхозах антигосударственных тенденций: задержки выполнения и даже попытки прямого срыва государственных заданий по зернопоставкам [оправдывать] ссылками на неблагоприятные метеорологические условия весны текущего года.

Исходя из того, что установленные постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР планы поставки зерна по каждому в отдельности совхозу, МТС, колхозу и единоличному хозяйству, а также возврата ссуд являются незыблемыми Пленум ЦК ВКП(б) обязывает партийные и советские организации, и в особенности политотделы МТС и совхозов, дать решительный отпор этим антигосударственным тенденциям и мобилизовать силы и бдительность колхозников и совхозных работников на борьбу за полное выполнение в установленные сроки плана зернопоставок и возврата ссуд.

Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать важнейшей задачей партийных и советских организаций в 1934 г. развертывание конкретных мер борьбы с *потерями* во всех процессах работы (хлебоуборка, скирдование, перевозки и хранение хлеба), для чего обеспечить обязательное скашивание всего созревшего хлеба, не допускать растяжки укоса

хлебов и в связи с этим осыпания зерна, тщательно произвести подгребку колосьев, установку зерноуловителей на уборочных машинах, скирдование и перевозку хлеба таким образом, чтобы предупредить россыпь зерна, устранить опасность подмоч- ки колосьев в скирдах и копнах и уберечь тем самым колхозы и совхозы от потерь зерна.

ЦК особо подчеркивает важность борьбы за сохранение урожая от хищений как на корню, так и после уборки и обязывает все местные партийные и советские организации, в том числе политотделы, твердо осуществлять закон от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической общественной собственности»...[1]

М. Алексеев

«ДРАЧУНЫ»

Отрывок из романа

...В тридцать третьем начался второй на моей памяти голод, он был, пожалуй, пострашнее предшествующего, хотя и не был вызван засухой — этой извечной злой мачехой земли. Признаться, и теперь я еще пытаюсь уразуметь происхождение этого голода. Урожай в тридцать втором году был если не самым богатым, то, во всяком случае, неплохим. Колхозники нашего села, получивши по сто граммов на трудодень в качестве аванса, надеялись получить еще по килограмму позднее, при окончательном расчете с государством. Надежда эта, однако ж, рухнула, когда нежданно-негаданно объявился «встречный план» по хлебозаготовкам, который неумеренным усердием местных властей и малограмотных активистов подмел артельные сусеки до последней зернинки, оставив людей без хлеба, а лошадей колхозных без фуража.

Тридцать третий год остался и останется в памяти моей самой ужасной отметиной. И как ни тяжко и ни горько вспоминать о нем, я все-таки обязан сделать это перед своими земляками. Обязан перед памятью людей, отдавших свои жизни хоть и не на боевых рубежах Великой Отечественной, но совершивших подвиг уже одним тем, что в самую трудную годину, до са

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 153 — 154.

мого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее анафеме, не прокляли, завещая эту святую веру всем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых поворотах истории.

* * *

Первый дом, куда заглянула косая за своей поживой, был дом моего непочетовского дружка Кольки Полякова. Как бы для того, чтобы убедить людей, что она пришла к ним с самыми серьезными намерениями, смерть начала сразу же с главы семейства. Кроткий и тихий, Николай Федорович Поляков, Колькин папанька, раз и два повстречавшись с голодными глазами детей, присел у раскрытого зева голландки и принялся подкармливать ее жгутами смятой соломы. Разъярясь, огонь то и дело высовывал длинный язык наружу, минутами доставал до клинышка редкой седой бороды мужика, но тот не обращал на это никакого внимания: не тем был озабочен. Не слышал, казалось, и голоса жены, звавшей его к ужину: на столе курилась половинка пареной тыквы, и дети, не спускавшие с нее глаз, ждали только, когда к столу подойдет отец и подаст команду к еде. Семья — жена, два сына и три дочери — не знала, что Николай Федорович успел обойти с пустым мешком под мышкой всю Не- почетовку и вернулся ни с чем: у одних соседей, таких, скажем, как Архиповы, хоть и был еще хлебец, но далеко не в излишестве; другие, прослышав, что Воронин не нынче, так завтра пошлет отряд активистов по дворам за этими самыми «излишками», поспешили упрятать «пашеничку» или «ржицу» и упрятали так далеко и глубоко, что сами не решались притронуться к ней, откопать, и жили, как все, впроголодь: большая же часть домов так же, как и дом Поляковых, налегла на картошку, тыкву и свеклу, пока они еще были. К Масленице вышли и овощи...

...Федот рассказывал правду. Его двор оказался как бы первым полигоном, где председатель решил испытать им же придуманное орудие, с помощью которого надеялся обнаруживать припрятанный хлеб. Сам ли Воронин, другой ли кто, но быстро нашел для этого изобретения и удивительно точное название: щуп. Все гениальное просто, изрек какой-то философ. Воро- нинское детище окончательно утвердило бы его в такой мысли. Представьте себе длинную, похожую на барскую трость, толщиною с мизинец проволоку, свернутую в кольцо на одном конце и заостренную на другом. Повыше жала с помощью пробоя или какого иного инструмента (это уж дело кузнеца Климова) вы

щерблена наискосок маленькая, величиною с самый крохотный наперсток выемка, — она-то и была наихитрейшей и наиковарнейшей частью невинной с виду железяки. Погруженный в землю, мякину или солому и затем выдернутый, щуп зачерпнет своей выемкой несколько зернинок, и хозяин припрятанного хлеба может навсегда распроститься с ним, а в придачу получить еще и суровое наказание за укрывательство пшеницы или ржи...

Теперь он сидел у раскрытой дверцы голландки, подбрасывал в нее соломы, поддерживал таким образом огонек жизни и, услышав наконец, что его зовут к столу, попытался было оторвать ослабевшее вдруг тело от земляного пола, но не смог. Подергал правою рукой в сторону стола, как бы прося подмоги, но никто, похоже, не заметил этого движения. Беспомощно, виновато поморщился, неловко запрокинулся сперва назад, потом качнулся вперед, как бы стараясь отлепить себя от пола; опять упал навзничь, и только теперь домашние увидели, как задергалась уставившаяся в потолок его жидкая козлиная бородка, а голубые глаза расширились до пугающего размера и застыли в немом удивлении, первыми, знать, распознав приблизившийся вплотную смертный час.

Хоронили Колькиного отца еще по-старому, по-христиански. Дашуха Архипова и другие соседки помогли жене покойного обмыть длинное сухое тело, облачить его во все «смертное», йрипасенное загодя и хранившееся на дне большого семейного сундука, а мужики уложили его в гроб, сколоченный моим дедом из досок, припасенных было для себя. Даже кое-что собрано по дворам для поминок. Правда, за поминальный стол были посажены лишь одни могильщики, страшно умаявшиеся при вскрытии промерзлой на полсажени глинистой земли. Мы, ребятишки, привыкшие к тому, что и про нас обычно не забывали в таких случаях, хоть в последнюю очередь, но угощали все- таки наваристыми, пахнущими лавровым листом щами и белоснежной кутьею, в которой попадались коричневые, невозможно сладкие изюминки, — мы и сейчас вертелись у Колькиного дома, но никто нас не покликал...

Самая тяжкая пора была не в июне, а в первые весенние месяцы: в марте и апреле, когда все погреба и все сусеки начисто опустели, а земля лежала еще под снегом, и ни животные, ни люди не могли выйти на подножный корм. Животных-то почти не осталось (разве что кое-где сохранилась коровенка, одна на несколько семей), а люди, те, что могли еще как-то двигаться, разбредались по всем окрестным селам и деревням в поисках

не то что куска хлеба, но хотя бы картофелины, хотя бы плитки жмыха или горсти отрубей, из которых, смешавши с картофельной шелухой или тыквенной кожурой, можно испечь лепешки. По ночам, голодные, выходили и прислушивались — не горгочет ли у кого самодельный жернов, не размалывает ли кто зерно тайно, це удалось ли кому увернуться от всепроникающего щупа.

Селение безмолвствовало: его жители, сумевшие уберечь пуд-другой ржи или пшеницы, были крайне осторожны, уходили со своими жерновами под землю в самом* прямом смысле, некоторые с этой целью углубляли и без того глубокие погреба, проделывали в них боковые ниши и там, при светильничке, пускали в дело свою мельничку, которая при таких обстоятельствах не могла уж подать наружу своего голоса. Какой-то из мужиков (сказывают, что Карпушка) набрел в Баланде, возле водочного завода, на огромную яму, натолкнувшись на нее сперва ноздрями, всегда расширившимися и пульсирующими у голодного человека: по ноздрям этим шибко ударило таким зловонием, что у мужика помутилось в голове. Тем не менее, вздернув голову и потягивая по-собачьи воздух, мужичок подстегнул себя и в несколько минут оказался на краю пропасти: в котловане колобродила барда. С десяток мужиков, баб и подростков, толкаясь, черпали из него (кто ведром, кто большим ковшом, кто чем) содержимое и накладывали в мешки. Карпушка наполнил свой мешок по завязку и, взгромоздив его на двухколесную тележку (теперь такими тележками в нашем селе обзавелись решительно все), перекрестясь, повез его домой, за пятнадцать верст от Баланды. Мешок был вроде бы живым, пыхтел за спиною Кар- пушки, ухватившего руками две малые оглобельки, отдувался и оставлял за собой вонючий след.

По следу ли этому, по слухам ли, докатившимся до села тем же путем, но на другой день в Баланду потянулась длинная вереница тележек, а неделею позже по этой дороге можно было пройти не иначе как зажавши крепко нос. Степашок Тверсков, не осилив своего возка, угас на полпути к Монастырскому, успев, однако, подложить под голову мокрый, зыбившийся, как подушка, мешок с бардою: хотел, видно, передохнуть — прилег, да и не встал более. На обратном пути Федот Ефремов уложил его в свою тележку и привез в село вместе со своим мешком. Подкативши возок к сельсоветскому крыльцу, крикнул, чтобы слышали там, за открытыми настежь дверями:

— Глянь, Воронин, на свою работу! Утопить бы тебя в баландинской яме, да вот беда: дерьмо в дерьме не тонет!..

...Не помню, чтобы барда спасла кого-нибудь от голодной смерти. Карпушка, который первым обнаружил ее, уцелел, но и то лишь потому, что, как он сам засвидетельствовал, «душа не приняла» вонючей мерзости, вывернулась, по его же словам, «аж наизнанку»: умная у мужика душа, ничего не скажешь; окажись она всеядной, валяться бы Карпу Иванычу на «дороге смерти», как вскоре нарекли люди проселок от Монастырского до Баланды.

Федот Ефремов, как и Карпушка, уцелел. Положив в рот ложку барды, он сейчас же выплюнул ее и, вытерев ослезившие- ся глаза, изрек:

— Пущай уж, когда помру, червяки поедают меня снаружи, а не так... ищо живого — изнутри...

Он вынес мешок из сеней, ушел подальше на зады, вырыл там яму. Утрамбовал ногами землю, сказал, обращаясь к закопанной гадости:

— Штоб и духу твоего не было!

Но дух барды был столь устойчив и напорист, что еще долго давал знать о себе, вырываясь из-под земли и преследуя носы и самого Федота, и его жены, и дочерей, стоило им лишь выйти на огород.

Не воспользовался Федот Михайлович и припрятанным зерном: кто-то из односельчан «случайно» набрел на потайной клад и, не опасаясь теперь Воронина, упредил Ефремова на одну ночь и перетаскал зерно к себе домой. Другой бы на месте Федота впал в отчаяние, повесил бы голову, выбился бы окончательно из житейской колеи, но такое могло случиться с кем угодно, но только не с Федотом Ефремовым. Этот же, обнаружив кражу, спокойно вернулся домой, уселся у порога собственной избы, будто чужой, и подложил ногу под тощий свой зад, не спеша сооружая козью ножку размеров неправдоподобно великих. Он начинял ее «золотою жилкой» минут этак десять, тщательно склеивал, призвав на помощь пальцам и влажный язык. Закурив, наконец, глубоко, до удушливого кашля затянувшись, неожиданно расхохотался. Не понимая, в чем дело, жена и дочери (их было У Федота две) глядели на главу семьи со страхом.

— Что с тобой, отец?.. Ты, родимый, не того... не рехнулся, случаем? — спросила хозяйка, шаря по лицу мужа испуганными глазами.

— Нет, мать, — ответил Федот, не успевший убрать ухмылки, — не только не рехнулся, а даже поумнел. Проучили меня, хозяюшка, как рассукиного сына!..

— Господи, да что же с тобой исделали?.. Кто?

Но Федот не пожелал добавлять что-либо к уже сказанному.

Встревоженная, пожимая плечами в недоумении, жена удалилась за печную перегородку, к своим ухватам и чугунам, многие из которых были у нее как бы безработными, давно стояли и в углу, и на шестке без дела, без применения. В ведерном, самом большом чугуне еще согревались помои, сдобренные картофельной шелухой, — это для коровы, ставшей единственной кормилицей не только для Федотовой семьи, но и для многих ее родственников. «Наша спасительница!» — скажет о ней Федот на рубеже тридцать четвертого года, положившего предел людским страданиям, энергично взявшегося врачевать раны, ликвидировать наследие, оставленное для него лютым предшественником...

Промысел взрослых отличался от нашего, детского. Отцы семейств знали, что одними травами, сколько их ни пихай в желудок, голода не утолишь, сыт ими не будешь, и поэтому искали еду поувесистее, что ли. За бардой никто теперь не ходил, потому, во-первых, что люди успели убедиться, что она плохая их союзница, что она скорее помощница смерти, а не их, людей, спасительница; во-вторых же, потому, что страшная яма сейчас была обнесена колючей проволокой и доступ к ней наглухо закрыт. И набиравший силу голод заставлял обезумевших людей искать спасения в любом месте, где только оно могло им пригрезиться.

Таким местом в нашем селе оказалось Глинище — большой котлован, образовавшийся при выработке песка и глины, куда теперь сваливали трупы издохших от бескормицы колхозных лошадей. Дольше всех, пожалуй, держалась неприхотливая в еде наша Карюха. В тридцать втором году она успела еще ожеребиться, одарить общий двор Звездочкой, и, чудом уцелевшая, унаследовавшая от матери редкую выносливость, эта Звездочка дожила, говорят, до войны, пережила всю войну, оставив по себе добрую память, поскольку делила поровну все тыловые заботы с женщинами, подростками и стариками. Сдохла, сказывают, Звездочка летом сорок пятого, исполнив до конца свой долг перед людьми.

Мать ее, Карюху, я видел в последний раз весною тридцать третьего в Глинище, куда спустился со своим знаменитым топориком Ванька Жуков, единственный из наших ровесников, кто решился на такое дело. Узнал Карюху по большой стертой подкове, какую я нашел когда-то на полевой дороге, а затем попро

сил кузнеца Алексея Ивановича Климова, чтобы он «пришпандорил» ее к Карюхиному расплющенному, растрескавшемуся копыту. Слезы сами собой выскочили из моих глаз, когда увидел, как высохшая, жилистая рука Григория Яковлевича Жукова, спустившегося в котлован немного раньше своего младшего сына, ухватилась за ногу лошади, чтобы отсечь ее топором вместе с окороком.

— Дядь Гриша, не нада-а-а! — закричал я отчаянно, но Жу- ков-старший даже не поднял головы. Засунув мясо в мешок, он с Ванькиной помощью взвалил его на себя и, согнувшись, что называется, в три погибели, медленно, со множеством остановок, стал выкарабкиваться наверх.

В конце апреля мужики, сохранившие в себе кое-какую силенку, дружно устремились в поля, к сеялкам. Понять их было нетрудно, можно даже сказать — легче легкого: представлялась долгожданная возможность поживиться семенным зерном, отборной пшеницей; как там ни. сторожи, ни следи бригадир, но разве уследишь, разве поймаешь момент, когда голодный сеятель бросит себе в рот или в карман горсть зерна?! А ежели и увидишь, хватит ли у тебя духу остановить человека, поймать за руку и наказать?..

Прилет грачей, так же, как скворцов и жаворонков, всегда приносил с собой освежающее и просветляющее душу праздничное возбуждение; с их шумным граем, вознею над старыми гнездами, важным расхаживанием по начинавшим чернеть дорогам, копошеньем в навозных кучах, возвышавшихся когда-то во всех дворах, как бы начинался и новый круг жизни, а в жилах твоих — новое, ускоренное кровообращение.

— Грачи прилетели! — объявит радостно тот, кто первым их увидит.

Услышавшие это обязательно улыбнутся — просторно и ясно.

В год, которому отведены эти скорбные страницы, прилет грачей был встречен иначе. Люди быстро сообразили, что грачиное мясо может отвратить от них голодную смерть. Голуби за Долгую зиму были все до единого постреляны, переловлены и съедены. Теперь можно взяться и за грачей: не было только ни у кого ни пороху, ни дроби — все израсходовали. Впрочем, дробь- то можно было бы нарубить из проволоки, накатать, положив сковороду на сковороду, но зачем она, дробь, без пороху?! Нужно было что-то придумать другое.

Меня надразумил бывший волчатник, а теперь медленно Умирающий и, кажется, примирившийся с приближающимся к

нему неотвратимым концом Сергей Андреевич Звонарев, мой, значит, дядя по материной линии. Войдя в избу и отдышавшись у порога, он поднял глаза, отыскал ими меня на печи, попросил:

— А ну-ка, Михаил, сбегай во двор и принеси две толстые соломинки.

— А зачем они тебе, дядь Сережа?

— А ты не спрашивай. Делай, что тебе говорят! — прохрипел старик сердито.

Приказание было выполнено в одну минуту. Теперь в руках знаменитого охотника оказались две толстые суставчатые соломины. Он повертел их перед своими глазами, как бы оценивая; удовлетворившись, бормотнул что-то себе под нос, попросил, обратившись уже к моей матери:

— Фросинья, отмотай-ка с клубка суровую нитку, да подлиннее.

Нитка была подана, и дядя Сергей принялся мастерить силок...

Дядя Сергей умер через несколько дней после того, как научил меня — а я Ваньку — ловить грачей с помощью нехитрого приспособления. И его смерть была мало кем замечена, как и множество других смертей...

...Возле школы прежде всего я увидел Катьку Леонову, которая прижимала к себе плачущую навзрыд Марфу Ефремову и что-то говорила ей, утешая.

— Что случилось, Кать?— закричал я еще издали.

— Аль тебе мать не сказывала?.. Я два раза за тобой бегала, — отозвалась Катька, повернувшись ко мне злым и заплаканным лицом. — Миша Степашков помер!

— Миша Тверское?

— Ну да.

— Как... помер? — Я хватал воздух, но он не попадал в легкие, а лишь высушил все во рту, так что распухший вдруг и сделавшийся шершавым язык прикипел к нёбу.

Будто виноватый, прошмыгнул я в раскрытые настежь двери школы и остановился у порога длинного коридора, натолкнувшись на ударившую прямо по сердцу волну траурной мелодии: три незнакомых мне парня и одна девчонка, стоя на широкой лавке из-под кадок с фикусами, вспучив щеки, дули в концы изогнутых, сверкающих на солнце медных труб; посреди коридора, поближе к учительской комнате, установлен на длинном, покрытом красной материей столе новенький небольшой гроб, над которым торчал тонюсенький, по-птичьи заостренный, вос-

нового цвета Мишин нос, а такой же острый клинышек подбородка утыкался в пламенный лоскуток пионерского галстука; десятка два учеников, преимущественно старших классов, испуганно жались к стенам коридора, боясь подойти поближе к покойнику. Четверо, однако, стояли по углам стола: два в изголовье, два у Мишиных ног.

— Почетный караул,— шепнула мне вошедшая, вслед за мною всезнающая Катька Леонова, не выпуская руку Марфы Ефремовой, продолжающей всхлипывать и прятать за спиной подруги покрывшееся красными пятнами лицо.

Последними встали в караул учителя — директор, его жена, брат Николай Федотович, сестра, хромоногая Нина Федотовна, и Виктор Иванович Наумов, единственный не из панчехинской родни (отец и мать его, выйдя на пенсию, перебрались в Баланду, где им и суждено было прожить остаток дней). Позади Михаила Федотовича стояла еще одна его родственница, синеглазая розовощекая девушка, шибко выделяющаяся среди бледных, серых лиц других людей. Нетрудно было предположить, что и для нее будущей осенью отыщется местечко в новой нашей школе: в вопросе подбора учительских кадров Михаил Федотович был, как видим, не очень щепетилен.

Миша Тверское был единственным отличником в классе, и потому, знать, директор решил похоронить его со всеми почестями. Гроб сколотил Петр Ксенофонтович Одиноков в школьной мастерской; Федор Пчелинцев нарисовал на его крышке красную пятиконечную звезду, словно бы там, под землею, ее мог кто-то видеть; все это было сделано очень быстро: Миша умер в полдень, в тот час, когда мы с отцом подъезжали к Малой Екатериновке. Он возвращался домой после на редкость удачливой охоты на ракушек, нес их полмешка, делая малую передышку через метров сто, и ему оставалось сделать последние десять-двена- дцать шагов, чтобы войти в сени своей избы, но он их не сделал: упал, придавленный тяжелым сырым мешком, прямо у подножия ракушечьей кучи, которая острием своим уже подбиралась к окнам дома. Увидевшая его мать попробовала внести сына в избу, но у нее не хватило на это сил. Странно, что она даже не заплакала — потому ли, что не было сил и на это, или потому, что уже слез не осталось, выплакала их до последней капли, досуха. Не произнесла ни единого слова, не воспротивилась, когда по приказу директора Васька Мягков и Федька Пчелинцев подкатили к Степашкову двору тележку, положили в нее Мишу и увезли в школу. Пошла было вслед за ними, но не послушались ноги —

сделали два-три шага и как бы надломились: Аксинья рухнула на дорогу, где ее и увидали соседки; они-то и втащили обратно в избу тяжеленную даже без мяса на костях бабу.

Открыв траурный митинг, Михаил Федотович сам же и произнес на нем единственную речь, разжалобив всех нас ею настолько, что в разных концах коридора послышались всхлипывания, переходящие у некоторых в громкое рыдание; много смертей прошло перед глазами каждого, люди давно уж разучились оплакивать покойников, а сейчас вот дали волю своим слезам, растворили для них окаменевшие было сердца, —- может, решили выплакаться за всех и за все сразу, кто знает.

Гроб положили на полотенца, взрослые взялись за их концы, подняли Мишину домовину и направились к выходу. Трубы взревели громче, но сильнее их даванул на наши души своей октавищей директор. Михаил Федотович, мертвенно-бледный, покрывшийся капельками пота, запел революционную песню. Была ли она уместна сейчас, он не думал, скорее всего других Панчехин не знал, а эта была привычна. Несколько тонюсень- ских, прерываемых всхлипыванием девчоночьих голосов прорвались через директорский бас и закрутились над ним повите-. лью; особенно выделялся голос Шурки Одиноковой, самой, пожалуй, голосистой в нашем классе; у Катьки Леоновой голос был похуже, но Катька не уступала Шурке в усердии. Пели и другие девчата — молчала лишь Марфа Ефремова, кажется, совершенно убитая горем.

— Что с нею? — спросил я потихоньку Катьку.

— Аль не знаешь? — снова, как давеча, сказала она. — Марфа любила Мишку.

— Что-что? — не понял я.

Катька глянула на меня снисходительно:

— Глупый ты.

Сказав это, она снова запела, а я все еще пытался и не мог разжевать своею, знать, действительно глупою башкой Катьки- но сообщение.

На кладбище вырытую для Миши могилку охраняли комсомольцы, иначе она была бы завалена другими телами раньше, чем дошла бы сюда наша траурная процессия. Мертвых было нанесено и навезено отовсюду, и теперь родственники только ждали, когда им разрешат опустить их в свежую яму.

Поверх всех был положен Микарай Земсков. Его увидали в последнюю минуту в канаве, огораживающей кладбище. Подумалось почему-то, не сам ли он дополз сюда, чтобы не обременять других, и покорно, безропотно, как поступал всегда, отдал богу

свою младенчески-невинную безгрешную душу (месяцем раньше обнаружили в той же канаве и Паню Камышова, безгласного Микараева дружка, и положили в такую же братскую могилу).

На кладбище, так же как еще в школе, я искал глазами Ваньку Жукова, но не находил. Встревожившись, спросил Ваську Мягкова, жившего по соседству с Жуковыми:

— А где Ванька?

— Кто его знает. Вчерась они отвезли сюда мать, тетеньку Веруху. С того часа — ни слуху о них, ни духу. Шабры видели, как Федька заколачивал окна в избе. Убегли, должно, куда- нибудь...

Один камень за другим ложились мне на грудь, и я чувствовал, что могу упасть и умереть под их тяжестью.

— Ты чего'это, Миш? — испугался Васька.

— А что?

— Да на тебе лица нет! .

— Куда это оно подевалось? — изо всех сил улыбнулся я, но то была не улыбка, а гримаса страшной боли, окольцевавшей сердце.

После похорон директор не отпустил нас, а привел снова в школу, где и объявил, что мы должны опять создать отряд «легкой кавалерии» по охране урожая: ржаные колосья уже начинали буреть, и ясно, что к ним не нынче-завтра потянутся с ножницами голодные руки. Они не будут принадлежать «кулацким парикмахерам», как не принадлежали и прежде, но хлебному полю оттого не легче. Приметив, что ученики не очень-то возрадовались такому сообщению, Михаил Федотович пояснил:

— Вы будете на вышках только днем, а н-ночью, — первые слова он произнес нараспев и потому без запинки, а вот слово «ночь» далось ему с трудом, — а но-о-очью, — вновь запел он, — вас бу-дут под-менять ком-со-моль-цы!

Оказавшаяся рядом с ним Надежда Николаевна Чижинько- ва поведала нам более радостную новость: в районе, оказывается, создаются отряды из коммунистов и комсомольцев по спасению голодающих, и прежде всего детей. В отряд, который прибудет в Монастырское, вольются и они, учителя.

— Михаил Федотович, — она глянула на мужа, — будет командиром отряда. Надеюсь, ребята, вы поможете ему. Нужно теперь же обойти все дворы и занести в список детей, которых надо спасать в первую очередь. Вы поняли меня?

Кожа на истощенных наших лицах натянулась слабою улыбкой, еще более обнажив зубы, — казалось, что, кроме этих зубов, Уж ничего и не было на лицах.

Пришедший на наше собрание Василий Дмитриевич Маслов, новый председатель колхоза, посоветовал:

— Малых-то ребятишек не гоните с поля. Много ли они настригут?.. Так что пускай попасутся. Втрата колхозу невелика, а детишки, глядишь, останутся живы. — Он помолчал, посветлел чуток лицом и, поколебавшись, сообщил самое важное, приберегаемое, видно, для взрослых, которых надеялся собрать в этом же школьном коридоре вечером: — Получено распоряжение, чтобы из первого же собранного урожая мы выдали колхозникам по одному килограмму... слышите, ребятишки!., по целому килограмму на трудодень! И это покамест лишь аванс!.. Так что... — Василий Дмитриевич вдруг умолк, замигал покрасневшими глазами и торопливо отвернулся, не желая, чтобы мы видели его слабость. — Так что... вот так...

*

Кажется, только теперь я начинал понимать: Мишу Твер- скова хоронили с почестями не только и даже не столько потому, что он был среди нас единственным отличником и вообще в высшей степени образцовым учеником, а потому, что Михаилу Федотовичу хотелось показать жившим как в жутком сне, потерянным, не знающим, что делать, односельчанам, — хотелось показать им, что на селе есть люди, которые начинают действовать, что в них можно найти опору, что не надо отчаиваться, что Советская власть жива, что нужно лишь потерпеть еще немного, самую что ни на есть малость, и придет облегчение.

Разбитые на небольшие группы, предводительствуемые учителями и пионервожатыми, мы разошлись по селу, и к вечеру каждая группа привела и принесла на руках по нескольку ребятишек, подобранных в заброшенных домах, в одичавших дворах и огородах; некоторых отыскивали в густых зарослях лебеды, крапивы и горьких лопухов — находили их там по слабому писку. Именно так я обнаружил на дяди-Петрухином дворе своего младшего двоюродного брата и тезку, оставшегося в единственном числе от некогда большой семьи; правда, семья эта вымерла не полностью: еще до начала голода Мария вышла замуж и, завербовавшись, укатила с мужем на какую-то стройку в неведомую мне Уль-Ату; Егора призвали в Красную Армию, но смерть, которая подбиралась к нему в селе, настигла его все- таки там: Егор умер в Саратовском госпитале. Старший его брат, бывший комсомольский вожак, Иван заболел туберкулезом, его увезли тоже в Саратов, в больницу, — и как он там, что с ним, я не знал. А Мишку, младшего, привел вот нынешним вечером в школу; на следующий день на нескольких подводах Василий Дмитриевич увезет их в Баланду, в детский дом, а в конце мая

будущего, 1934 года Мишка, чистенький, румяный, как анисово яблоко из дедушкиного сада, прибежит оттуда ко мне, оставшемуся в доме тоже в единственном числе, и мы начнем вместе с ним петь только что рожденную и принесенную им в Монастырское прямо из детдома новую песню. Она промчит нас на своих упругих крыльях по всему селу:

По долинам и по взгорьям Шла
дивизия впе-э̇ред,
Чтобы с бо-о-ою взять Приморье —
Белой армии оплот!

Особенно радовал, будоражил душу следующий куплет песни:

Наливалися знамена Кумачом
последних ран:
Шли лихие эскадроны Приамурских
партиза-а-ан.

Правда, как потом ни старался Михаил Федотович поправить нас, но ему так и не удалось, чтобы мы пели не «раз», а «ран». В конце концов примирился, уступил, сдал свои позиции и сам уже во всю свою великолепную, трубногласную глотку ревел:

На-ли-ва-ли-ся зна-ме-на Кум-м-м-
мачом пос-лед-ний ра-а-аз...

На смену этой директор заводил другую, и мы, одушевляясь, сверкая увлажнившимися глазами, заводили вместе с ним и за ним:

Если в край наш спокойный Хлынут
новые войны Проливным пулеметным
дождем,
По дорогам знакомым За любимым
наркомом Мы коней боевых поведем.

Однако бодрые, воспламеняющие, электризующие душу песни эти, как и позабытые на время, разученные нами ранее под Руководством Михаила Федотовича Панчехина, главного нашего «песельника», зазвучат лишь весною следующего года, а пока нто, помимо собранных по селу, вытащенных в последнюю ми-

нуту как бы уж из могилы детишек, мы принесли цифру, заставившую всех, кто был в ту минуту в школе, примолкнуть, как пришибленных, ужаснуться: в селе, насчитывавшем шестьсот домов, осталось сто пятьдесят. Часть их сожжена еще в тридцатом, но то была все-таки малая часть, а большая проглочена печами прошлой зимой, когда у людей не было ни сил, ни воли привезти на салазках дрова из лесу; да и лесники, ежели их не умаслить кружкой самогона, не позволяли делать это. А тут вот они, бревна, прямо под рукой, сухие, звенящие под топором, выворачивай их из простенков брошенных, заколоченных изб, начни сперва с подоконников, дубовых косяков, а потом выколачивай и все другое, пока крыша не рухнет на завалинку, на камни ч краеугольные и сама не угодит в ненасытную пасть печи. Такая же участь постигла и большой дом отца Василия, нашего соседа: тут уж постарались я и мой средний брат Ленька. Два лютых ворога было у моих земляков — голод и холод; каждый боролся с ними как мог, но, увы, не всегда выходил победителем.

Что же касается нашей семьи, то ей еще предстояло выпить до дна самую горькую свою чашу[1].

Примечание. После выхода в свет романа М. Алексеева «Драчуны», где впервые в литературе, да и в «исторической науке» была рассказана правда о страшном 1933 годе в Поволжье, в саратовском журнале «Волга» (1982, №10) появилась статья М. Лобанова «Освобождение». В этой статье в связи с романом «Драчуны» говорилось о небывалом историческом опыте, выстраданном нашим народом в XX веке и скрываемом и извращаемом официальной пропагандой. Статья «Освобождение» была осуждена решением ЦК КПСС. Главный редактор журнала «Волга» Н. Е. Палькин, его заместитель Б. В. Дедюхин были сняты с работы, а автор статьи М. Лобанов в течение ряда лет был лишен возможности печататься.

КАК РАСЦВЕТАЛ КУЛЬТ («ИНЖЕНЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»)

Из стенографического отчета Первого Всесоюзного съезда советских писателей (1934).

«Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно ра

[1] А л е к с е е в М.Н.Драчуны. М., 1982. С.264—306.

ботает железная воля Иосифа Сталина». *(Бурные$_{Y}$ продолжительные аплодисменты)-*

(Из вступительного слова А. М. Горького)

«Дорогой Иосиф Виссарионович...

Этот исторический день наш мы начинаем с приветствия вам, дорогой Иосиф Виссарионович, нашему учителю и другу.

Вам, лучшему ученику Ленина, верному и стойкому продолжателю его дела, мы хотели бы сказать все самые душевные слова, которые только существуют на языках Союза. Имя ваше стало символом величия, простоты, силы и постоянства, объединенных в то единое и цельное, что характеризует тип и характер большевика.

Дорогой и родной Иосиф Виссарионович, примите наш привет, полный любви и уважения к вам как большевику и человеку, который с гениальной прозорливостью ведет коммунистическую партию и пролетариат СССР и всего мира к последней и окончательной победе.

Да здравствует класс, вас родивший, и партия, воспитавшая вас для счастья трудящихся всего мира».

(Все делегаты встают, раздаются возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин! Ура! — мощно подхватываются делегатами съезда.)

(Из приветствия И. В. Сталину)

ААА

«Грузинские советские писатели совместно с писателями братских народов всего нашего великого Союза еще сильнее развернут борьбу за литературу, достойную нашей великой эпохи строящегося социализма. Гарантией этого является исключительная повседневная помощь, которую оказывают литературному фронту ЦК нашей ленинской партии и мудрый, любимый вождь трудящихся всего мира, великий Сталин». *(Продолжительные аплодисменты.)*

(М. Г. Торошелидзе)

ААА

«Тогда мы будем иметь все основания сказать, что мы достойны быть современниками Сталина, что подготовили все для появления нового Горького в нашей стране».

(Л. М. Леонов)

* * *

«Товарищи, народное творчество поднимается до вершин художественного обобщения. Мы имеем ряд талантливейших песен и сказаний о Ленине, о Сталине».

(В. В. Ермилов)

* * *

«Часто мы еще замечаем в нашей литературе, в стихотворениях и новеллах бедность, которую мы должны ликвидировать, потому что и наш литературный колхоз должен стать зажиточным... Наконец, товарищи, температура в нашей литературе — недостаточно высокая. Мы все очень интересуемся Арктикой, но, к сожалению, мы часто заимствуем там лишь температуру льдов, но не температуру героев Советского Союза... Возьмите Бялика — этот крупный талант в течение последних двух десятков лет ничего не дал. Перед смертью он заявил, что гитлеризм является спасением, а большевизм — проклятием еврейского народа... Один из них, более откровенный, заявил как-то, что буржуазные еврейские писатели за границей играют роль держателей фонарей на лестницах публичных домов и что им это уже надоело... Многие из еврейских писателей буржуазных стран едут в Биробиджан, многие палестинские рабочие удирают из этой так называемой «Родины» на свою подлинную родину — в Советский Союз... И Бялик, и Фруг, заливший своими слезами всю еврейскую литературу, много писали о разрушенном Иерусалиме и о потерянной родной земле, но это была буржуазная ложь, потому что Палестина никогда не была родиной еврейских трудящихся масс. Палестина была родиной еврейских эксплуататоров... Советский Союз поднял всех нас, еврейских писателей, из заброшенных уголков и местечек... Еврейские писатели... все свои силы отдадут великой партии Ленина и Сталина». *(Аплодисменты.)*

(И. С. Фефер)

* * *

«Только соединение глубокой взволнованной эмоции и холодного ума, какое было у Маркса, Энгельса и Ленина и имеется у Сталина, — только такое соединение даст нам возможность работать так, чтобы вывести нашу литературу на то место, которое ей принадлежит по праву, на вершины мирового искусства».

(Л. С. Соболев)

А

«Партийность я понимаю не только как состояние в коммунистической партии, но как непрестанное воспитание себя и других учением Маркса — Ленина — Сталина и умение владеть оружием, которое дает это учение... Работа в одной из литературных бригад над созданием истории Беломорского канала будет и останется для меня одним из лучших дней моей творческой жизни. *(Аплодисменты.) Я* верю, что точно такое же наслаждение доставит мне создание книги о людях второй пятилетки...»

(В. В. Иванов)[1]

ААА

«И Ленин, и лучший ученик Ленина, т. Сталин, всегда учили нас: не хвалитесь, не зазнавайтесь...

...мы глубоко убеждены, что все, что есть лучшего в мировой литературе... выйдет на наш широкий исторический путь и станет под знамя литературы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, ибо только под этим знаменем человечество победит».

(К. Б. Радек)

ААА

«Перед нами прообразы наших вождей, нашего великого стратега Сталина».

(А. М. Файко)

ААА

«Когда Сталин, Горький говорят: ближе к жизни, — то для художников это значит: присмотритесь к новым типическим положениям, к новым характерам».

(Ю. И. Юзовский)

[1] Любопытно, как нынешние дети «демократии», подрисовывают своих дедов и отцов с их «сталинским» прошлым. Так, филолог Вяч. Вс. Иванов в журн. «Вопросы литературы» (№ 1, 1993), касаясь авторства своего отца, Вс- Иванова, в сборнике о Беломорском канале, представляет его невинной Жертвой М. Горького, который «совратил» его, тогдашнего сорокалетнего литератора, на восхваление чекистских методов перековки «человеческого материала».

**If

«На десятках разно звучащих языков мы должны сложить песни великого похода под знаменами Ленина и Сталина, и пусть мы умрем в грядущих боях, перед которыми стоит наша Родина, и пусть наши трупы не будут найдены, как труп 27-летнего венгерца Сандора Петефи, — песни наши будут жить в сердцах грядущих поколений социализма».

(Л. С. Первомайский)

* * *

«...Ваш съезд уже теперь удвоил нашу веру в близость окончательной победы социализма... этот съезд утроил нашу веру и нашу волю — отдать наш карандаш, наш резец великой созида- тельнице социализма и бесклассового общества — могучей ленинской партии и ее вождю, т. Сталину».

(И. Грабарь)

* * *

«При огромном тепле, которым окружает нас народ и государство, слишком велика опасность стать литературным сановником. Подальше от этой ласки во имя ее прямых источников, во имя большой, и дельной, и плодотворной любви к родине и нынешним величайшим людям».

(Б. Л. Пастернак)

* * *

«Стоя обеими ногами на нашей замечательной советской земле, вдохновленные идеями и борьбой партии Ленина — Сталина, неустанно повышая качество стихов любого жанра, мы должны дерзать».

(А. И. Безыменский)

* * *

«Прошло только восемь месяцев, и практика социалистической стройки дала новые изумительные примеры героизма трудящихся всех народностей, впитавших решения съезда партии и мудрые указания вождя партии и всех трудящихся — т. Сталина».

(В. П. Ставский)

* * *

«Порукой тому, что мы победим, является наша победоносная Коммунистическая партия, поднявшая вопросы искусства на неслыханную высоту, порукой тому является наш учитель и наш вождь — Сталин».

(М. С. Голодный)

* * *

«Только такое творчество действительно соответствует делу пролетариата, делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина».

(Н. И. Бухарин)

* * *

«Да здравствует партия Ленина — вождь пролетариата, да здравствует вождь партии — Иосиф Сталин!»

(Из заключительного слова А. М. Горького.)[1]

ИЗ УСТНЫХ ПРЕДАНИЙ О СТАЛИНЕ, КОТОРЫЙ В ОТВЕТ НА ЖАЛОБЫ РУКОВОДИТЕЛЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ О ВСЯЧЕСКИХ ПОРОКАХ СВОИХ КОЛЛЕГ ОТВЕТИЛ: «РАБОТАЙТЕ С ТАКИМИ, ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ У МЕНЯ НЕТ»

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ»

«Войну выиграли сельские учители» — эти слова приписываются Сталину. Во второй половине 30-х годов в школьном образовании намечается поворот в сторону российской государственности. Утвержденный в 1937 году учебник по истории СССР А. Шестакова ориентировал предвоенные и последующие поколения на преемственность между старой государственностью и социализмом. Большой размах получило издание русской классической литературы. В феврале 1937 года страна широко отме

[1] Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический °тчет. М., 1990.

тила столетие со дня гибели А. С. Пушкина. Обучение детей все более связывалось с патриотическим воспитанием.

Плодотворные перемены произошли и в высших учебных заведениях, где основным принципом обучения стала связь науки с практикой.

Именно в то время были заложены те методы образования, которые позволили нашему государству впоследствии, особенно после войны, добиться больших успехов в научно-технической области, в атомной энергетике, в укреплении оборонной мощи и которые, по признанию зарубежных наблюдателей, были результатом образцово поставленной системы образования в нашей стране.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР И ЦК ВКП(б) О РАБОТЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И О РУКОВОДСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ

23 июня 1936 г.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства предъявляла высокие требования к качеству подготовки молодых специалистов.

Публикуемое постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) способствовало всестороннему развитию советской высшей школы, совершенствованию учебного и воспитательного процессов, улучшению подготовки высококвалифицированных и образованных кадров, способных полностью освоить и применить на практике новейшие достижения науки и техники.

О РАБОТЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И О РУКОВОДСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛОЙ

СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) считают, что состояние подготовки кадров в высшей школе все еще остается неудовлетворительным.

При организации новых высших учебных заведений и развертывании старых нередко упускалось важнейшее условие работы вузов — обеспечение их соответствующими научно-педагогическими кадрами, лабораториями, кабинетами, библиотеками, в результате чего уровень обучения в ряде высших учебных

заведений немногим отличается от уровня средней школы (техникумов).

Учебные планы все еще многопредметны и подвергаются, равно как и программы, ежегодным изменениям. Отсутствуют стабильные учебники для высшей школы, и нет совершенно учебников по ряду важнейших дисциплин. Крайне недостаточен выпуск специальной переводной литературы.

Чрезмерная дробность и множественность профилей, параллелизм в подготовке кадров одной и той же специальности приводят к распылению научно-педагогических сил, материальных средств и к понижению качества обучения в высших учебных заведениях.

В организации учебной работы до сих пор не изжит так называемый бригадно-лабораторный метод обучения: групповые занятия с малоквалифицированными руководителями подменяют собой установленные лекции, наряду с этим студенты перегружаются другими видами учебной работы в ущерб их самостоятельной работе.

Вопреки постановлению Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 19 сентября 1932 г. о том, что производственная практика должна быть органической частью всего учебного процесса, должного руководства этой важной составной частью обучения все еще нет. Для производственной практики студентов народные комиссариаты предоставляют недостаточно оборудованные предприятия, клиники, лаборатории и т. п. Нет необходимого контроля за прохождением производственной практики студентами. Нет строгой отчетности о проделанной работе по эозвращении студента с практики в вуз. Все это не может не привести и на деле нередко приводит к тому, что студенты не приучаются сочетать теорию с практикой, проверять опытом полученные ими в стенах вузов знания.

Директива партии и правительства о единоначалии директоров высших учебных заведений не выполняется: единоначалие Директоров нарушается администрированием со стороны общественных организаций, а директора в свою очередь передоверяет ряд основных функций управления второстепенным лицам.

Со стороны директоров и общественных организаций высших учебных заведений нет повседневной заботы о всестороннем воспитании студента как примерного по политической сознательности, культурности и дисциплинированности советско- го гражданина.

Совершенно неудовлетворительно поставлен прием в высшие учебные заведения. Отсутствуют единые, твердо установленные условия приема. Важнейшее дело приема студентов директора зачастую передоверяют второстепенным работникам. Вступительные экзамены производятся в большинстве случаев недостаточно организованно, при отсутствии непосредственного участия и контроля со стороны директоров вузов и управлений высших учебных заведений народных комиссариатов. Вместо тщательной проверки знаний каждого поступающего в вуз директора вузов в погоне за выполнением установленных контингентов приема снижают уровень требований для поступающих. Вследствие этого состав студентов засоряется малограмотными, случайными людьми.

Руководящие работники многих народных комиссариатов до сих пор не осуществляют на деле конкретного руководства вузами, явно недооценивая важнейшее государственное дело подготовки кадров, и передоверяют его второстепенным работникам народных комиссариатов. Вузы далеко не пользуются тем вниманием, каким обычно пользуются в народных комиссариатах предприятия.

Все эти недостатки в руководстве высшими учебными заведениями с особой силой выявились за последнее время в связи со стахановским движением в промышленности и на транспорте. Стахановское движение вскрыло резкое отставание научной и учебной работы в вузах от практики. Отсюда вытекает необходимость пересмотра устаревших программ, учебников, справочников, энциклопедий и технических пособий в соответствии с результатами стахановского движения и задачами использования техники до дна и быстрого роста производительности труда.

В условиях победы социализма, когда «кадры, овладевшие техникой, решают все», к высшим учебным заведениям должны быть предъявлены новые, более высокие требования, обеспечивающие подготовку высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне образованных и культурных кадров, обладающих «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин), и способных полностью освоить новейшие достижения науки, использовать технику до дна и по-большевистски связать теорию с практикой, сочетать производственный опыт с наукой[1].

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и **решениях** съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 351 — 360.

ПЕРЕПИСКА СТАЛИНА С МАТЕРЬЮ И РОДНЫМИ

(В письмах сохранена орфография и пунктуация авторов.)

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУАГШВИЛИ[1] *16 апреля 1922 г.*

Мама — моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль.

Ведь сказано: «Пока жив — радовать буду свою фиалку, умру — порадуются черви могильные».

Эта женщина — моя жена[2]. Постарайся не дать ее в обиду.

Твой *Сосо*

Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ.). Ф. 45. Оп. 1. Д. 1549. Л. 1—2. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *8 октября 1922 г.*

Москва, Кремль
8/X — 22 г.

Здравствуйте, дорогая моя дэда[3].

Очень виновата я перед Вами что до сих пор не написала ни одного письма, но чтобы Вы на меня не сердились я напишу о всем очень подробно.

[1] Мать И.В. Сталина— Екатерина Георгиевна Джугашвили (1860 — 1937), уроженка г. Гори, с начала 20-х годов проживала в г. Тифлисе. Здесь и Далее примечания составителей сборника.

[2] Аллилуева Надежда Сергеевна (1901 — 1932) — родилась в Баку, в семье известного революционера С.Я. Аллилуева. В 1919 году вышла замуж за Сталина, работала в секретариате у Ленина. Затем работала в редакции журнала «Революция и культура» при газете «Правда», в 1929 — 1932 годах училась в Промышленной академии на факультете искусственного волокна. В 1921 году у них Родился сын Василий, а в 1926 — дочь Светлана. Сложная обстановка в семье Сталина воспроизведена в книге С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу». В ночь На 9 ноября 1932 года Н.С. Аллилуева покончила жизнь самоубийством.

[3] Дэда *(груз.)* — мама.

Конечно больше всего интересует Вас здоровье и жизнь Иосифа. Про него я могу сказать все только хорошее. Выглядит он очень хорошо, чувствует тоже хорошо, за лето он очень поправился т. к. каждую неделю уезжал в деревню на три дня, где о нем очень хорошо заботились и потому он очень хорошо себя теперь чувствует. Я в этой деревне была по приезде и мне очень там понравилось лучше чем на Кавказе. Болел он без меня совсем недолго и сейчас у него уже не повторяется, он просил меня передать Вам горячий поцелуй, ну больше пока ничего про него не могу написать т. к. за месяц что я здесь живу пока ничего особенного не случалось.

Там же$_{у}$ л. 3—4. *Автограф.*

И. В. СТАЛИН - Е. Г. ДЖУАГШВИЛИ *1 января 1923 г.*

Мама — моя!
Здравствуй!
Живи десять тысяч лет.
Целую.

Твой *Сосо*

Там же$_{у}$ л. *13—14. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН - Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *26 февраля 1923 г.*

Мама — моя!
Твои письма получили. Желаю здоровья, твердости.
В ближайшее время увидимся. Живи тысячу лет.
Целую.
Привет от Нади.

Твой *Сосо.*

Там же$_{у}$ *л.* 15, *16. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ

3 апреля 1924 г.

Здравствуй мама — моя!

Как поживаешь, как чувствуешь себя? Почему нет от тебя письма? Надя шлет привет. Целую.

Твой *Сосо.*

Там жеу л. 19—20. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *25 января 1925 г.*

Здравствуй мама — моя!

Знаю, ты обижена на меня, но что поделаешь, уж очень занят и часто писать тебе не могу.

День и ночь занят по горло делами и поэтому не радую тебя письмами.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

Там же$_у$ л. 21—22. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ 25 *июня 1925 г.*

Привет маме — моей!

Как живешь и здравствуешь?

Тысячу лет тебе жизни, бодрости и здоровья.

Я пока чувствую себя хорошо.

До свидания.

Привет знакомым.

Твой *Сосо.*

Там же$_у$ л. 23—24. Заверенная копия перевода. Автограф на ^{г}Рузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ

25 апреля 1929 г.

Здравствуй мама — моя!

Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, — видимо, обижена на меня, но что делать, ей-богу очень занят.

Присылаю тебе сто пятьдесят рублей — больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею пришлю. Привет знакомым.

Надя шлет привет.

Живи много лет.

Твой *Сосо.*

• *Там жеу л. 36—37. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН - Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *16 сентября 1930 г.*

Здравствуй мама — моя!

Как живешь, как твое здоровье?

Недавно я болел. Теперь чувствую себя хорошо.

Надя уехала в Москву. И я в ближайшее время уеду в Москву.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

Там же, л. 38—39. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *22 декабря 1931 г.*

Здравствуй мама — моя!

Письмо получил. Хорошо, что не забываешь нас. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но, — что поделаешь. Много работы сваливалось мне на голову и не сумел выкроить время для письма.

Береги себя. Если в чем-нибудь нуждаешься, напиши. Лекарство пришлет Надя. Будь здорова, бодра.

Я чувствую себя хорошо.

Живи тысячу лет.

Твой *Сосо.*

Там же$_{у}$ л. *41—42. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ 29 *сентября 1933 г.*

Здравствуй мама — моя!

Как чувствуешь себя, как живешь?

Твое письмо получил. Хорошо, что не забываешь нас. Теперь я чувствую себя неплохо, здоров. Если в чем-нибудь нуждаешься — сообщи. Что поручишь — выполню. .

Целую. -

Твой сын *Сосо.*

Там же$_{у}$ *л. 43—44. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *24 марта 1934 г.*

Здравствуй мама — моя!

Письмо твое получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет.

Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро.

Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги, или нет.

На всякий случай присылаю тебе пятьсот рублей. Присыпаю также фотокарточки — свою и детей.

Будь здорова мама — моя!

Не теряй бодрости духа!

Целую.

Твой сын *Сосо.*

Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным.

Там же$_у$ л. 45$_у$ 46. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ 6 *октября 1934 г.*

Маме — моей привет!

Как твое житье-бытье мама — моя?

Письмо твое получил. Хорошо, не забываешь меня. Здоровье мое хорошее. Если что нужно тебе — сообщи. Живи тысячу лет.

Целую.

Твой сын *Сосо.*

Там же$_у$ л. 51—52. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *19 февраля 1935 г.*

Маме — моей — привет!

Как жизнь, как здоровье твое мама — моя? Нездоровится тебе или чувствуешь лучше? Давно от тебя нет писем. Не сердишься ли на меня, мама — моя?

Я пока чувствую себя хорошо. Обо мне не беспокойся. Живи много лет. Целую!

Твой сын *Сосо.*

Там же$_у$ л. 53—54. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *11 июня 1935 г.*

Здравствуй мама — моя!

Знаю, что тебе нездоровится... Не следует бояться болезни, крепись, все проходит.

Направляю к тебе своих детей: приветствуй их и расцелуй. Хорошие ребята. Если сумею, и я как-нибудь заеду к тебе повидаться.

Я чувствую себя хорошо.

Будь здорова.

Целую.

Твой *Сосо.*

Там же, л. 55—56. *Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *22 июля 1936 г.*

Маме — моей — привет!

Как твое настроение, почему не пишешь? Я чувствую себя неплохо. Дети, а также Натела чувствуют себя хорошо.

От Натели — особо большой привет и поцелуй. Живи много лет.

Целую.

Твой сын *Сосо.*

Там же, л. 59—60. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.

И. В. СТАЛИН — Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *9 октября [1936 г.]*

Здравствуй мама — моя!

Жить тебе десять тысяч лет!

Мой привет всем старым друзьям — товарищам.

Целую.

Твой *Сосо.*

*Там же, л. 72—*73. *Заверенная копия перевода. Автограф на ²Рузинском языке.*

И. В. СТАЛИН - Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ

10 марта 1937 г.

Маме — моей привет!

Как живет, как чувствует себя мама — моя? Передают, что ты здорова и бодра. Правда это? Если это правда, то я бесконечно рад этому. Наш род, видимо, крепкий род.

Я здоров.

Мои дети тоже чувствуют себя хорошо.

Желаю здоровья, живи долгие годы, мама — моя.

Твой *Сосо.*

Там жеу л. *61—63. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

И. В. СТАЛИН - Е. Г. ДЖУГАШВИЛИ *[май 1937 г.]*[1]

Маме — моей — привет!

Присылаю тебе шаль, жакетку и лекарства.

Лекарства сперва покажи врачу, а потом прими их, потому, что дозировку лекарства должен определять врач.

Живи тысячу лет, мама — моя!

Я здоров.

Твой сын *Сосо.*

Дети кланяются тебе.

Там же$_{У}$ *л. 64—65. Заверенная копия перевода. Автограф на грузинском языке.*

[1] Екатерина Георгиевна Джугашвили заболела 13 мая 1937 г. И скончалась 4 июня. И.В. Сталин на похоронах матери не присутствовал. Сохранилась следующая собственноручная записка Сталина на русском и грузинском языках для надписи на ленте к венку: «Дорогой и любимой матери от сына Иосифа Джугашвили (от Сталина).

ПИСЬМА К ЖЕНЕ

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ 9 *апреля 1928 г.*

Передай Яше[1] от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и .не может быть больше ничего общего. Пусть живет, где хочет и с кем хочет.

И. Сталин.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1550. Л. 5. Автограф.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ *28 августа 1929 г.*

Дорогой Иосиф.

Как твое здоровье, поправился ли и лучше ли чувствуешь себя в Сочи? Я уехала с каким-то беспокойством; обязательно напиши. Доехали хорошо как раз к сроку. В понедельник 2/IX письменный экзамен по математике, 4/IX — физическая география и 6/IX — русский яз.[2] Должна сознаться тебе, что я волнуюсь. В дальнейшем дела складываются так, что до 16/IX я свободна по крайней мере это сейчас так говорят, какие будут изменения в дальнейшем не знаю. Словом пока никаких планов строить не могу, т. к. все «кажется». Когда будет все точно известно, напишу тебе, а ты мне посоветуешь как использовать время. Москва нас встретила холодно. Приехали в переменную погоду — холодно и дождь. Пока никого не видела и нигде не

[1] Джугашвили Яков Иосифович (1908—1943) — сын Сталина от первого брака с Екатериной Сванидзе. Перед самой войной закончил Артака- демию РККА. С первых дней войны ушел на фронт. 16 июля 1941 г. старший лейтенант Джугашвили попал в плен к немцам и в 1943 г. погиб в концлагере Заксенхаузен.

Записка Сталина, адресованная Аллилуевой, относится, видимо, к тому периоду, когда после попытки самоубийства Яков уезжает в Ленинград и живет там на квартире у С. Я. Аллилуева.

[2] В июле — августе 1929 года Аллилуева вместе с мужем выезжала на отдых в Сочи. В конце августа вернулась в Москву для подготовки к вступительным экзаменам в Промышленную академию.

была. Слыхала как будто Горький поехал в Сочи, наверное побывает у тебя, жаль, что без меня — его очень приятно слушать. По окончании моих дел напишу тебе о результатах. Тебя же очень прошу беречь себя. Целую тебя крепко, крепко, как ты меня поцеловал на прощанье.

Твоя *Надя.*

P.S. Вася с 28/VIII ходит в школу.

Там же, л. *6—7. Автограф.*

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *29 августа 1929 г.*

Татька!

28-го августа послал тебе письмо по адресу: «Кремль, Н. С. Аллилуевой». Послал по аэропочте. Получила? Как приехала, как твои дела с Промакадемией, что нового, — напиши.

Я успел уже принять две ванны. Думаю принять ванн 10. Погода хорошая. Я теперь только начинаю чувствовать громадную разницу между Нальчиком и Сочи в пользу Сочи. Думаю серьезно поправиться.

Напиши что-нибудь о ребятах.

Целую.

Твой *Иосиф.*

Там же, л. 8. Автограф.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *1 сентября 1929 г.*

Здравствуй, Татька!

Получил Твое письмо. А мои два письма получила? Оказывается, в Нальчике я был близок к воспалению легких. Хотя я чувствую себя много лучше, чем в Нальчике, у меня «хрип» в обоих легких и все еще не покидает кашель. Дела, черт побери...

Как только выкроишь себе 6—7 дней свободных, катись прямо в Сочи. Как дела с экзаменом?

Целую мою Татьку.

И. Сталин.

Там же, л. 9. Автограф.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ
16 сентября 1929 г.

Татька!

Как твои дела, как приехала?

Оказывается, мое первое письмо (утерянное) получила в Кремле твоя мать[1]. До чего надо быть глупой, чтобы получать и вскрывать чужие письма.

Я выздоравливаю помаленьку.

Целую.

Твой *Иосиф.*

Там жеу л. *15. Автограф.*

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ *(Между 16 и 22 сентября 1929 г.)*

Дорогой Иосиф.

Твое письмецо получила. Очень рада, что твои дела налаживаются. У меня тоже все пока идет хорошо за исключением сегодняшнего дня, который меня сильно взволновал. Сейчас я тебе обо всем напишу. Была я сегодня в ячейке «Правды» за открепительным талоном и конечно Ковалев[2] рассказал мне о всех своих печальных новостях. Речь идет о Ленинградских делах. Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что «Правда» поместила этот

[1] Ольга Евгеньевна Аллилуева (1875 — 1951) — мать Н.С. Аллилуевой.

[2] Ковалев — зав. Партийным отделом газеты «Правда», с 10 июня 1929 года член редколлегии газеты, 28 июля 1929 года был избран секретарем партячейки газеты «Правда».

1 сентября 1929 года «Правда» опубликовала подборку статей под общим заголовком «Направим действенную самокритику против извращений пролетарской линии партии, против конкретных проявлений правого уклона», с подзаголовком «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма». В одной из статей были приведены фамилии членов партии, пострадавших за критику и покончивших жизнь самоубийством.

материал без предварительного согласования с Ц.К., хотя этот материал видел и Н. Н. Попов и Ярославский[1], и ни один из них не счел нужным указать Партийному отделу «Правды» о необходимости согласовать с Ц.К. (т. е. Молотовым[2]). Сейчас же после того как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который собственно с ред. Бюро[3] согласовал вопрос.

...Жаль, что тебя нет в Москве. Я лично советовала Ковалеву] пойти обязательно к Молотову и отстаивать вопрос с принципиальной стороны, т. е. если считают, что его нужно снять, так это должно быть сделано без обвинения в партийной невыдержанности, ковалевщины, зиновьевщины и т. д. Такими методами нельзя разговаривать с подобными работниками. Вообще же говоря он теперь считает, что он действительно] должен уйти, т. к. при подоб[ных] услов[иях] работать нельзя.

Словом я никак не ожидала, что все так кончится печально. Вид у него человека убитого. Да, на этой комиссии у Серго Крумин заявил, что он не организатор, что никаким авторитетом не пользуется и т. д. Это чистейшая ложь.

Я знаю, что ты очень не любишь моих вмешательств, но мне *все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело.

До свиданья, целую крепко, крепко. Ответь мне на это письмо.

Твоя *Надя*

P.S. Да, все эти правдинские дела будут разбираться в П. Б. в четверг[4].

[1] Ярославский Е.М. (1878—1943) — в 1924—1934 гг. секретарь Партколлегии ЦКК. Одновременно член ряда партийных газет и журналов, в том числе газеты «Правда».

[2] Молотов В.М. (1890—1986) — в 1921—1930 гг. секретарь ЦК партии, в 1930—1941 гг. председатель СНКСССР.

[3] 10 июня 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об упразднении института ответственного редактора «Правды», а для руководства текущей работой в «Правде» было выделено бюро редакционной коллегии в составе Крумина, Попова Н.Н. и Ярославского. 17 июня 1929 года это постановление Политбюро было утверждено решением Пленума ЦК. 12 января 1931 года институт ответственного редактора «Правды» вновь восстановлен, а бюро редакции «Правды» упразднено.

[4] 26 сентября 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) данный вопрос не рассматривало. Получив 22 сентября письмо Аллилуевой, Сталин вечером того же дня направил Молотову следующую шифротелеграмму «Молотову». «Нель-

Иосиф, пришли мне если можешь руб. 50, мне выдадут деньги только 15/IX в Промак[адемии], а сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, будет хорошо.

Надя.

Там же, л. 16—24. Автограф.

И. В. СТАЛИН - Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *23 сентября 1929 года*

Татька!

Получил письмо насчет Ковалева. Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо, в лице Ковалева хотят иметь «козла отпущения». Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно[1].

У нас погода все время вихляет.

Целую мою Татьку кепко, очень ного кепко.

Твой *Иосиф.*

Там же, л. *25. Автограф.*

зя ли подождать с вопросом о Ковалеве в «Правде». Неправильно превращать Ковалева в козла отпущения. Главная вина остается все же за бюро редколлегии. Ковалева не надо снимать с отдела партийной жизни: он его поставил неплохо, несмотря на инертность Крумина и противодействия Ульяновой. Сталин. 22/IX. 22.30 г. Сочи» (Ф. 45. Оп. 1. Д. 74. Л. 18).

[1] Сталин, Молотов и Орджоникидзе обменялись телеграммами и письмами по публикации в «Правде» от 1 сентября 1929 г. По указанию Сталина было решено усилить контроль ЦК ВКП(б) над газетами. В письме к Орджоникидзе от 23 сентября 1929 года он еще раз подчеркнул:

«...3) Мне сообщают, что в «Правде» нашли, наконец, козла отпущения в лице молодого человека редколлегии Ковалева, на которого и решили, оказывается, взваливать всю вину за допущенную ошибку в отношении Ленинграда. Очень дешевый, но неправильный и небольшевистский способ исправления своих ошибок. Виновны прежде всего и больше всего члены бюро редколлегии, а не заведующий отделом партжизни Ковалев, которого я знаю как абсолютно дисциплинированного члена партии и который ни в коем случае не пропустил бы ни одной строчки насчет Ленинграда, если бы не имел молчаливого или прямого согласия кого-либо из членов Бюро» (Ф. 45. Оп. **1.** Д. 778. Л. 18—19).

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

25 сентября 1929 г.

Татька!

Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдъегеря.

Целую.

■ *Твой Иосиф.*

Там же, л. 26. Автограф.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА - И. В. СТАЛИНУ *27 сентября 1929 г.*

Дорогой Иосиф.

Очень рада, что в деле Ковалева ты «выразил» мне доверие. Очень жаль, если ничем нельзя будет скрасить эту ошибку. Ты мне в последних двух письмах ни слова не пишешь о своем здоровье и о том, когда думаешь вернуться...

Твоя Надя.

Там же, л. 27. Автограф.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *2 июля [1930]*[1]

Татька!

Получил все три письма[2]. Не мог сразу ответить, т. к. был очень занят. Теперь я, наконец, свободен. Съезд кончится 10—12. Буду ждать тебя, как бы ты не опоздала с приездом. Если интересы здоровья требуют, оставайся подольше.

Бываю иногда за городом. Ребята здоровы. Мне не очень нравится учительница[3]. Она все бегает по окрестности дачи и

[1] Датировано по содержанию.

[2] Не обнаружены.

[3] В книге «Двадцать писем к другу» (М., 1990. С. 98) Светлана Аллилуева вспоминает, что вскоре после смерти матери «ушла от нас наша воспитательница Наталия Константиновна, чьи уроки немецкого языка, чтения, ри

заставляет бегать Ваську и Томика[1] с утра до вечера. Я не сомневаюсь, что никакой учебы у нее с Васькой не выйдет. Недаром Васька не успевает с ней в немецком языке. Очень странная женщина.

Я за это время немного устал и похудел порядком. Думаю за эти дни отдохнуть и войти в норму.

Ну, до свидания.

Це-лу-ю.

Твой Иосиф.

Там же, л. *31, 32. Автограф.*

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ 2 *сентября 1930 г.*

Татька!

Как доехала до места? Как твои дела? Что нового? Напиши обо всем, моя Таточка. Я понемногу оправляюсь.

Твой *Иосиф.*

Целую кепко.

Там же, л. *33. Автограф.*

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ 5 *сентября 1930 г.*

Здравствуй Иосиф!

Посылаю тебе просимые книги, но к сожалению не все, т. к. учебника английского яз[ыка] не могла найти. Смутно, но припоминаю как будто он должен быть в тех книгах, которые в Сочи на столе в маленькой комнате, среди остальных книг. Если ее не окажется в Сочи, то я не могу понять куда могла она деваться. Ужасно досадно...

Целую *Надя.*

Там же, л. 34, 35. Автограф.

сования я не забуду никогда. Сама ли она отказалась или ее выжили, не знаю, но весь ритм занятий был нарушен...».

[1] Томик — сын партийного и государственного деятеля Артема (Сергеева Ф.А.) (1883—1921).

И. В. СТАЛИН - Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

30 сентября 1929 г.

Татька!

Письмо получил. Передали ли тебе деньги? Погода у нас выправилась. Думаю приехать через неделю. Целую крепко.

Твой *Иосиф.*

Там жеу л. *28. Автограф.*

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ

1 октября 1929 г.

Здравствуй, дорогой Иосиф.

Письмо с деньгами получила. Большое спасибо. Теперь ты наверное уже скоро — на днях приедешь, жаль только, что у тебя будет сразу масса дел, а это совершенно очевидно. Посылаю тебе шинель, т. к. после юга можешь сильно простудиться. С очередной почтой (воскресной 29/EX) жду от тебя письмо. У нас пока все идет хорошо.

Приедешь обо всех делах расскажу.

На днях заходили Серго с Ворошиловым. Больше никто, Серго рассказал, что писал тебе о делах и вообще о том, что тебя уже ждут. Ну, приезжай, хотя я и хочу, чтобы ты отдохнул, но все равно ничего не выйдет более длительно.

Целую тебя крепко. Напиши, когда приедешь, а то я не буду знать когда мне остаться, чтобы тебя встретить. Целую тебя.

Твоя *Надя.*

Там жеу л. *29. Автограф.*

И. В. СТАЛИН - Н. С. АЛЛИЛУЕВА *21 июня [1930 г.]*[1]

Татька!

Напиши, что-нибудь. Обязательно напиши и пошли по линии НКИД на имя Товстухи (в ЦК)[2]. Как доехала, что видела,

[1] Датировано по содержанию.

[2] Речь идет о поездке Аллилуевой в июне — августе 1930 года в Карлсбад и затем к брату Павлу в Берлин. Сталин предлагает жене посылать письма с дипломатической почтой на имя Товстухи И.П. (1889 — 1935), работавшего в январе — июле 1930 года заведующим секретным отделом ЦК ВКП(б).

была ли у врачей, каково мнение врачей о твоем здоровье и т. д. — напиши.

Съезд откроем 26-го[1]. Дела идут у нас неплохо.

Очень скучно здесь, Таточка. Сижу дома один, как сыч. За город еще не ездил — дела. Свою работу кончил. Думаю поехать за город к ребяткам завтра — послезавтра.

Ну, до свидания. Не задерживайся долго, приезжай поскорее.

Це-лу-ю.

Твой *Иосиф.*

Там же, л. *30. Автограф.*

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *8 сентября 1930 г.*

Татька!

Письмо получил. Книги тоже. Английского самоучителя Месковского (по методу Розендаля) у меня здесь не оказалось. Поищи хорошенько и пришли.

К лечению зубов уже приступил. Удалили негодный зуб, обтачивают боковые зубы и, вообще, работа идет вовсю. Врач думает кончить все мое зубное дело к концу сентября.

Никуда не ездил и ездить не собираюсь. Чувствую себя лучше. Определенно поправляюсь.

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дело с Васькой[2], с Сетанкой?

Целую кепко ного, очень ного.

Твой *Иосиф.*

Там же, л. *36, 37. Автограф.*

[1] Речь идет о XVI съезде ВКП(б), проходившем с 26 июня по 13 июля 1930 года. Сталин выступил на съезде с политическим отчетом ЦК ВКП(б) 27 июня й с заключительным словом 2 июля.

[2] Сталин Василий Иосифович (1921—1962) — сын Сталина и Н.С. Аллилуевой; в 1938—1939 гг. учился в Качинской авиашколе, затем в 1940—1941 гг. на Липецких высших авиационных курсах. Участник Великой Отечественной войны, закончил войну командиром истребительной авиадивизии, совершил 27 боевых вылетов, сбил 2 самолета противника. В 1947—1952 гг. заместитель командующего, затем командующий ВВС Московского военного округа. Арестован 28.04.53 г. и осужден 2.09.55 г. Военной коллегией Верховного **ЧУДа** СССР к 8 годам лишения свободы за незаконное расходование, хищение и присвоение государственного имущества, а также «враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства». Был освобожден досрочно в январе 1960 г., а в апреле того же года вновь водворен в тюрьму для дальнейшего отбытия наказания. Освобожден в апреле 1961 г. и направлен на постоянное жительство в г. Казань, где умер 19 марта 1962 г.

И. В. СТАЛИН - Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

24 сентября 1930 г.

Татька!

Получил посылку от тебя. Посылаю тебе персики с нашего дерева.

Я здоров и чувствую себя, как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом.

Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татька.

Я приеду, конечно, не в конце октября, а много раньше, в середине октября, как я говорил тебе в Сочи. В видах конспирации я пустил слух через Поскребышева о том, что смогу приехать лишь в конце октября. Авель, видимо, стал жертвой такого слуха. Не хотелось бы только, чтобы ты стала звонить об этом. О сроке моего приезда знают Татька, Молотов и, кажется, Серго.

Ну, всего хорошего.

Целую кепко ного.

Твой *Иосиф.*

P.S. Как здоровье ребят?

Там же, л. *43—45. Автограф.*

Н. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ

6 октября 1930 г.

Что-то от тебя никаких вестей, последнее время. Справлялась у Двинского о почте, сказал, что давно не было. Наверное путешествие на перепелов увлекло, или просто лень писать.

А в Москве уже вьюга снежная. Сейчас кружит во всю. Вообще, погода очень странная, холодно. Бедные москвичи зябнут, т.к. до 15.X. Москвотоп дал приказ не топить. Больных видимо-невидимо. Занимаемся в пальто, так как иначе все время нужно дрожать. Вообще же у меня дела идут неплохо. Чувствую себя тоже совсем хорошо. Словом теперь у меня прошла уже усталость от моего «кругосветного» путешествия и вообще дела, вызвавшие всю эту суетню также дали резкое улучшение.

О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормошил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада.

Ну, не сердись за глупое письмо, но не знаю стоит ли тебе писать в Сочи о скучных вещах, которых к сожалению, достаточно в Московской жизни. Поправляйся. Всего хорошего.

Целую.

Надя.

P.S. Зубалово абсолютно готово очень, очень хорошо вышло.

Там же, л. *48—49. Автограф.*

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *8 октября 1930 г.*

Татька!

Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить.

Что это значит? Хорошо, или плохо?

Новостей у меня, к сожалению, никаких. Живу неплохо, ожидаю лучшего. У нас тут испортилась погода, будь она проклята. Придется бежать в Москву.

Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь.

Целую очень ного, кепко ного.

Твой Иосиф.

Там же*, *л. 50—51. Автограф.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

9 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!

Как доехала, обошлось без приключений? Как ребятишки, Сетанка?

Приехала Зина (без жены Кирова). Остановилась в Зензи- новке — считает, что там лучше, чем в Пузановке. Что же, очень приятно.

У нас тут все идет по-старому: игра в городки, игра в кегли, еще раз игра в городки и т. д. Молотов успел уже дважды побывать у нас, а жена его, кажется, куда-то отлучилась.

Пока все.

Целую.

Иосиф.

Там же, л. 52. Автограф.

Я. С. АЛЛИЛУЕВА — И. В. СТАЛИНУ *Не позднее 12 сентября 1931 г.*[1]

Здравствуй Иосиф.

Доехала хорошо. В Москве очень холодно, возможно, что мне после юга так показалось, но прохладно основательно.

Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами. В общем, чтобы Москве дать настоящий желаемый вид требуются, конечно, не только эти меры и не эти возможности, но на данное время и это прогресс.

По пути меня огорчили те же кучи, которые нам попались по пути в Сочи на протяжении десятков верст, правда их несколько меньше, но именно несколько. Звонила Кирову, он решил выехать к тебе 12.IX, но только усиленно согласовывает средства сообщения. О Гротте он расскажет тебе все сам...

Целую. *Надя.*

Там же, л. 53—58. Автограф.

[1] Датировано по содержанию.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

14 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татька!

Письмо получил. Хорошо, что научилась писать обстоятельные письма. Из твоего письма видно,, что внешний облик Москвы *начинает* меняться к лучшему. Наконец-то!

«Рабочий техникум» по *электротехнике* получил. Пришли мне, Татька, «Рабочий техникум» по *черной металлургии.* Обязательно пришли (посмотри мою библиотеку — там найдешь).

В Сочи — ничего нового. Молотовы уехали. Говорят, что Калинин собирается в Сочи. Погода здесь пока хорошая, даже замечательная. Скучновато только.

Как ты поживаешь? Пусть Сетанка напишет мне что-нибудь. И Васька тоже.

Продолжай «информировать».

Целую.

Твой *Иосиф.*

P.S. Здоровье у меня поправляется. Медленно, но поправляется.

Там же, л. 59. Автограф.

И. В. СТАЛИН — Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ *19 сентября 1931 г.*

Здравствуй, Татька!

Получил письмо, книги.

Здесь погода пока хорошая. Я с Кировым проверили вчера ночью (в 12 ч.) температуру *внизу на Пузановке* и вверху, где я *теперь живу.* Получилась разница в 3 градуса реомюра в пользу новой дачи: оказалось, что при температуре *внизу* в 14 градусов реомюра (ночью в 12 ч.), *наверху* — 17 с лишним градусов. Это значит, что у нас *наверху* такая же температура, как в Гаграх, и Сухуми.

Был раз (только раз!) на море. Купался. Очень хорошо! Думаю ходить и впредь.

С Кировым провели время хорошо.

Пока все.

Целую кепко ного.

Твой *Иосиф.*

Там же, л. 60. Автограф.

СТАЛИН И ДЕТИ: ЯКОВ, ВАСИЛИЙ, СВЕТЛАНА

И. В. СТАЛИН — С. А. ЕФИМОВУ[1] *12 сентября 1933 г.*

Тов. Ефимов!

Няня и Светлана вернулись в Москву. Светлану надо немедля определить в школу, иначе она одичает вконец. Прошу Вас и Паукера устроить ее в школу. Посоветуйтесь оба с няней и Каролиной Васильевной и определите, в какую школу устроить.

С приездом няни Каролина Васильевна должна взять отпуск. Скажите ей, что она должна взять отпуск, — иначе она надорвется вовсе. Если она захочет провести отпуск в Сочи, устройте ей поездку. Если почему-либо не захочет, устройте ее в Зубалове и предоставьте ей все необходимое. Она — человек хороший и заслуживает всяческого внимания. Если она захочет взять с собой в Зубалово свою сестру, я не возражаю против этого.

За время отпуска Каролины Васильевны в доме в Москве останется няня. Следите хорошенько, чтобы Вася не безобразничал. Не давайте волю Васе и будьте с ним строги. Если Вася не будет слушаться няни или будет ее обижать, возьмите его в шоры.

Жду от Вас ответа.

Привет!

И. Сталин.

P.S. Держите Васю подальше от Анны Сергеевны: она развращает его вредными и опасными уступками.

И. Ст.

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1533. Л. 2—3. Автограф.

И. В. СТАЛИН — В. В. МАРТЫШИНУ[2] *8 июня 1938 г.*

Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо.

[1] Комендант дачи в [illegible]

[2] Учитель Василия.

Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения.

Василий — избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со слабой, или — вернее —- неорганизованной волей.

Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец-Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку.

Мой совет: требовать *построже* от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

Привет!

И. Сталин.

Там же, л. 9. Машинописная копия.

Л. П. БЕРИЯ — И. В. СТАЛИНУ *8 декабря 1938 г.*

Мною был направлен с письмом к начальнику Качинской авиашколы — комбригу т. ИВАНОВУ сотрудник, который на месте выяснил, что узнав о приезде Васи, командование школы сделало для него исключение, с нарушением общих условий, *существующих* для курсантов.

По прибытии Васи в г. Севастополь на вокзале его встретили комиссар школы — полковой комиссар т. СЕМЕНОВ и работник Особого отдела. По дороге в школу Вася сказал т. СЕМЕНОВУ: «В этом году в Севастополь должен приехать папа отдыхать и, вероятно, заедет на Качу».

Поместили Васю не в общежитие для курсантов, а в отдельный дом для приезжих, в так называемую гостиницу — школу.

Первые дни питание ему готовили отдельно в комсостав- ской столовой. Был случай, когда Вася заказал восточное блюдо, изготовление которого не было известно местным поварам и специально был послан человек в Севастополь, чтобы узнать, как хотовится это блюдо.

Три-чётыре раза на машине, предоставляемой командованием школы, Вася ездил в Севастополь и Мухлатку, звонил по телефону ВЧ в Москву т. ПОСКРЕБЫШЕВУ и в 1-й отдел ГУГБ НКВД.

24 ноября с. г. Вася с начальником штаба школы ГЕРАСИМЕНКО на территории школы катались на мотоциклах. Вася упал, получил легкие царапины на лице и руках. По просьбе Васи — ГЕРАСИМЕНКО этот факт от командования скрывал несколько дней.

До укомплектования группы Вася занимается с преподавателями индивидуально по теории полетов, изучения материальной части самолета «У-2» и мотора «М-11», а также по уставу.

В письме, посланном в адрес Начальника Качинской авиашколы т. ИВАНОВА и Начальника НКВД Крымской АССР — т. ЯКУШЕВА, мною были даны следующие указания:

а) снять гласную охрану, как неприемлемую и организовать агентурную охрану с тем, однако, чтобы была гарантирована сохранность жизни и здоровья Васи.

б) внимание и заботу в отношении него проявлять не в смысле создания каких-либо особых условий, нарушающих установленный режим и внутренний распорядок авиашколы, а оказания помощи в деле хорошего усвоения программы школы и соблюдения учебной и бытовой дисциплины.

Л. Берия

Там же, л. *20—22. Подлинник.*

ВАСИЛИЙ СТАЛИН — И. В. СТАЛИНУ *15 декабря 1938 г.*

Здравствуй дорогой папа!

Большое спасибо за письмо. Я живу хорошо. Занимаюсь много и пока успешно.

Товарища себе уже нашел, некого Мишу Лепина, очень хорошего и умного парня.

ИЗ ДНЕВНИКА М. А. СВАНИДЗЕ[1]

4/XI.34 г. Вчера после 3-х мес[яцев] перерыва вновь увидела И. Он 29-го вернулся из Сочи. Выглядит хорошо, загорел, но сильно похудел. Он хворал там гриппом.

Часов в 7 мы (я, Нюра и Женя) пошли к нему. Его не было дома и неизвестно было (как всегда) зайдет ли он обедать домой или проедет прямо на дачу. Мы были с детьми. Сидели в Васиной комнате, и вдруг по коридору прошел он, в летнем пальто, несмотря на холодную сырую погоду (он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому, очевидно, привыкает, и та же история весною и также с костюмами, когда они снашиваются и надо надеть новый). Под мышкой он нес папку с бумагами (портфеля не любит и никогда не носит. Бумаги всегда или в папке или просто в газете). За ним следом шли Каганович, Жданов и Яковлев[2]. Вернулись они очевидно с большого заседания и прошли прямо в столовую. Ребята побежали за отцом. Весь дом засуетился, заметался, стали быстро подавать обед. Я предложила Нюре пойти в столовую и спросить, не помешаем ли мы.

И. пригласил нас к столу. Встретил он меня ласково; пожал руку...»

...Открыли шампанское, и мы пили тосты, которые провозглашал И. за всех по очереди. Я подняла бокал за его счастливый для нас всех приезд. Светлана все время терлась около отца. Он ее ласкал, целовал, любовался ею, кормил со своей тарелки, любовно выбирая кусочки получше. Она написала ему приказ № 4, чтоб он разрешил ей провести праздники (6,7 и 8) в «Липках» — там одна из его дач, место выбирала Надюша, а построили после ее смерти. И. не особенно любит ее и редко там бывает. Чаще всего он бывает последние полгода в «Ивановке», а всю жизнь бывал и любит «Зубалово». С «Зубалово» связана вся послереволюционная его жизнь с 21-го года, а у меня все наше знакомство и вся моя дружба с Надей.

2/XII.[34] ...22-го я предложила Алеше пойти к И., т. к. уверена, что он бы обиделся невниманию, если б мы не навестили его тотчас же по приезде.

[1] Мария Анисимовна Сванидзе — родственница первой жены Сталина, Е. Сванидзе.

[2] Яковлев Я.А. (Эпштейн) — в 1929—1934 гг. нарком земледелия СССР, затем в аппарате ЦК ВКП(б).

Отнесли ребятам подарки. Я пришла немного позже, все были уже в столовой: И., Каганович, Молотов, Жданов, Алеша и ребята. Я вошла, и И. спросил меня: «Ну что, получили посылки?» Я сразу не поняла — он указал трубкой на Ал. «Да, да, наконец-то», — ответила я. Обедали шумно. Светлана написала приказ: «Приказываю разрешить мне пойти с тобою в театр или в кино!» — и подписалась — «хозяйка Сетанка». Адрес — «1-ому моему секретарю тов. Сталину». Подала Иосифу, и он сказал: «что же, подчиняюсь». У них идет уже год игра.

Светлана хозяйка и у нее секретари. 1-ый секретарь — папа, потом идут Каганович, Молотов, Орджоникидзе, Киров и некоторые] другие. С Кировым у нее большая дружба (потому что И. с ним очень хорош и близок). Светлана пишет приказы, И. подписывается и их кнопками вешают на стенку в столовой около телефонов. Формулировка всегда вроде вышеприведенной. И при мне не было случая, чтоб папа отказал дочери. Он нежно и тепло любит ее и она также. Вася тоже последние полгода все время с отцом. Но внутренне он не заботится быть отцу приятным, т. к. учится неважно и ведет себя в школе на «удовлетворительно». Приходится всем окружающим скрывать от отца все Васины проделки. При отце он тихий и дисциплинированный мальчик...

...Приезжаю вчера с дачи в 9 ч. и узнаю потрясающую новость — у нас горе, у всех огромное горе, а для И. особенно. Убит злодеем С. М. Киров, этот совершенно обаятельный человек, любимый всеми и пользовавшийся дружбой и любовью И. Этот удар потряс меня. Какое неслыханное злодеяние. Какой удар по партии, какая тяжелая потеря для всех нас знавших так близко Сергея Мироновича. И. сильный человек, он геройски перенес всю боль и тяжесть утраты Надюши, но это такие большие испытания за короткое время.

13/XII [1934 г.] Должна описать похороны, вернее последнее прощание с С. М. Кировым, на котором присутствовали мы с Ал.

51X11. ...Дбступ публике закрыт с 10 ч. В зале ограниченный круг лиц. Все одевают шубы (мы тоже пошли и быстро оделись), ждут напряженно. Музыка делает несколько раз длительные паузы между исполняемыми вещами. Слышно только шарканье шагов охраны и шаги приводимых и уводимых почетных караулов...

Мы все напряжены, с опаской оглядываемся кругом. Все ли свои, все ли проверены. Только бы все благополучно. Наконец шаги группы орлов,.твердые и решительные. Со стороны головы покойного Кирова (все входили с противоположной) появляется И., окруженный Ворошиловым, Молотовым, Орджоникидзе, Кагановичем, Ждановым, Микояном, Постышевым[1], Петровским[2] и др. С другой стороны стоят уже Корк[3], Егоров[4] и еще несколько членов Р[ев]В[оен]Сов[ета] становятся в почетный последний караул по 2-ое. Иосиф у головы и уже не помню, как остальные. Играет музыка похоронный марш Шопена, шипят рефлекторы, щелкают аппараты, вертится киноаппарат. Все это длится несколько минут, но кажется тревожной вечностью.

Тухнут прожектора, смолкает музыка, уже стоят наготове с тяжами красными и винтами для крышки гроба охрана, уже наготове взять венки и быстро закончить последнюю церемонию.

На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Серг[ея] Мир[оновича]. — Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает, я слышу сквозь собственные всхлипывания, всхлипывания мужчин. Также тепло заплакав, прощается Серго — его близкий соратник, потом поднимается весь бледный — меловой Молотов, смешно вскарабкивается толстенький Жданов, наклоняется, но не целует Каганович и с другой стороны расставив руки, опираясь на гроб, наклоняется А. И. Микоян. Прощание окончено. Несколько секунд заминка, не знают, пойдут ли близкие женщины, но Марии Львовне делается дурно, ее обступают врачи, льют капли, все заняты ею. — Вожди ушли. Гроб завинчивают крышкой, выносят венки и все наготове двинуться за гробом.

...9-го вечером пошли в Кремль — я, Ал. и Женя Аллилуева]. Понесли Светлане игрушки, чтоб утешить ее в ее горе (она тоже любила Кирова — он был в списке ее секретарей. Теперь

[1] Постышев П.П.— в 1933—1937-гг. второй секретарь ЦК КП(б) Украины, затем первый секретарь Куйбышевского обкома партии.

[2] Петровский Г.И. — в 1919—1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК, в 1922—1937 гг. один из председателей ЦИК СССР.

[3] Корк А.И. — в 1921—1935 гг. пом. командующего вооруженными силами Украины и Крыма. Командующий войсками Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Белорусского, Ленинградского и Московского военных округов.

[4] Егоров А.И. — с 1931 г. начальник штаба РККА, с 1935 г. нач. Генштаба, в 1934 г. кандидат в члены ЦКВКП(б), в 1937—1938 гг. первый зам. наркома обороны СССР.

и Алеша в этом списке). Около ЦК встретили всю плеяду вождей — Молотова, Серго, Кагановича, Жданова. Они шли с заседания, все остановились, пожали нам руки. Потом встретили Власика (личн. комендант Иосифа) и это нам дало надежду, что И. дома. Застали его только что севшим за свой скромный обед. Дети были в коридоре и спешили к отцу. Мы разделись. Светлана так спешила, что не посмотрела даже толком игрушек.

Нюра была уже там. Мы все пошли в столовую.

И. был, как всегда, мил. Он осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страданье. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллил [уев] был у него за городом в первые дни после смерти Кирова — и они сидели вдвоем с Иос[ифом] в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: «осиротел я совсем». Павлуша говорит, что это было так трогательно, что он кинулся его целовать.

Как ужасно быть свидетелем минутной слабости такого большого человека — настоящего непобедимого орла. Иосиф говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним как за ребенком. Конечно, после Надиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающее тепло и уют. Мы все как-то всегда стесняемся лишний раз зайти, поговорить, посмотреть на него. Я лично не стесняюсь, я настолько люблю Иосифа и привязана к нему, в особенности после Надиной смерти, чувствуя его одиночество, что я бы часто ходила к нему, но Алеша как-то относится к этому подозрительно, вносит в это элемент и как будто ревности и боязни быть навязчивыми. Он говорит, что И. не любит, когда к нему ходят женщины, но ведь я не женщина для него, перед которой он должен выдерживать светский этикет, я близкая подруга его покойной жены, я друг его семьи, я люблю его детей настоящей любовью близкого к дому человека и я привязана к нему, не говоря о респекте и уважении перед ним как перед большим человеком, с которым мне посчастливилось быть так близко знакомой. Думаю, что Алеша запугивает зря меня и сам напрасно держится в отдалении, ждет официальных приглашений и проч. Побольше простоты, официальности Иос[иф] имеет достаточно.

...Мы сидели все за столом, понемногу все ели, каждый выбирал себе что-либо по вкусу. Иос[ифу] показалось, что еды мало, он вызвал Каролину Васильевну и говорит: «Нельзя ли еще чего-либо, гости жалуются, что есть нечего». Все смеялись,

на столе была еда, но через 15 м[инут] принесли бифштексы из вырезки. Съел кусочек только Иосиф. Мы все уже ели фрукты. Он как всегда угощал нас крымским шампанским. Сломали за столом две рюмки боккара. Встали из-за стола около 10 ч. Дети Буду и Ал. поехали с Иосифом на ближнюю дачу и там все ночевали...

231X11 [1934 г.] Двадцать первого отпраздновали день рождения хозяина. Собрались на его «ближней даче» к 9-ти часам. Были все близкие, т. е. люди, с которыми он не только работает, но и встречается запросто (Молотовы — 2, Ворошилов — 1, Орджоникидзе, Андреевы — 2, Чубари — 2, Мануильский, Енукидзе, Микоян — 1, Берия, Лакоба, Поскребышев, Калинин и родня — Сванидзе — 3, Реденсы, Аллилуевы), были до 10 Ч2 ч. Светлана, Вася и Томик Артема сын, потом они уехали.

Собрались все и сели к столу, вдруг хозяину показалось, что будет тесно, все вскочили, стали передвигать столы, принесли другой приставной стол, все переставили и прибавили несколько приборов.

Запоздали Лакоба, Берия, Сашико и позже пригласили по просьбе Нюры Элиав. И. сделал это явно неохотно. Они приехали к середине ужина. Тамадой были избраны Анастас Микоян и для другой половины Серго.

...Ужинали до 1 ч. ночи, потом шумели, хозяин вытащил граммофон, пластинки, стал его сам заводить и ставил пластинки по своему вкусу (как всегда). Мы танцевали, причем он заставлял мужчин брать дам и кружиться. Потом кавказцы пели песни унылые, многоголосные — хозяин запевал высоким тенорком.

Я допишу потом — у меня сейчас будет урок пения.

Дописываю 28-го (декабрь 34 г.). В тот вечер (21-го) была масса штрихов и деталей, о которых хочется писать. И. был в благодушном настроении, но не такой веселый, каким я привыкла его видеть в тесном кругу, когда только мы, Аллил [уевы] и Нюра. Во время тостов Серго встал и поднял бокал за Кирова, «какой-то мерзавец убил его, отнял у нас...» Слезы показались у всех и на минутку воцарилась тишина. Сейчас же зашумели «что-то не слышно тамады» и вновь пошли тосты. Спустя некоторое время выпили тост за Андрееву — она училась в Академии с Надей. Иосиф встал и сказал: «раз заговорили об академии, разрешите выпить за Надю». Я пишу, а у меня опять пол

ные глаза слез, как в тот момент. Все встали и молча подходили с бокалами к И. Нюра и я подошли и поцеловали И. в щеку. У него было лицо полное страдания. Минута была тяжелая. Опять отогнали настроение и зашумели.

...После двух тяжелых потерь И. очень изменился. Стал мягче, добрее, человечней. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой, а теперь в особенности он потрясает своими поступками, я бы сказала, даже слишком обывательски, человеческими.

29/IV [1935 г.] ...22-го вечером мы всей гурьбой зашли к ребятам в Кремль. Было рождение няни Светланиной, я ей купила берет и шерст[яные] чулки и мы пошли ее поздравлять. Пришли И. с детьми, Каганович и Ордж[оникидзе]. Обедали. Мы присоединились. Очень оживленно говорили. И. был в хорошем настроении, кормил Светлану. Сейчас же открыли «Абрау» и начались тосты. Заговорили о метро. Светлана выразила желание прокатиться и мы тут же условились — я, Женя, она и няня проехаться. Л. М.[1] заказал нам 10 бил[етов] и для большего спокойствия поручил своему чиновнику нас сопровождать. Прошло 1/2 ч., мы пошли одеваться и вдруг поднялась суматоха — И. решил внезапно тоже прокатиться. Вызвали т. Молотова — он подошел, когда мы уже садились в машины. Все страшно волновались, шептались об опасности такой поездки без подготовки. Лаз[арь] Моисеевич] волновался больше всех, побледнел и шептал нам, что уже не рад, что организовал это для нас, если б он знал и пр.

Предлагал поехать в 12 ч., когда прекратится катание публики, но И. настаивал поехать сейчас же. У меня на душе было спокойно, я говорила, что все будет отлично и нечего беспокоиться. Разместились в 3-х машинах, поехали к Крымской площади. Там спустились и стали ждать поезда. Пахло сырой известью еще не высохшего дома, чисто, светло, немного народу, ожидавшего очереди сесть в метрополитен, чтоб сделать рейс. Начались перезвоны по телефону с соседними станциями, и мы простояли минут 20. В это время подъехал кое-кто из охраны. Публика заметила вождей, и начались громкие приветствия* И. стал выражать нетерпение. Дело в том, что хотели на предыдущей станции освободить состав, из-за этого произошла путаница и задержка, во всяком случае поезд подошел переполненный, тут же ос

[1] Л.М. Каганович.

вободили моторный вагон от публики и при криках ура со стороны всех бывших на перроне мы его заняли. Еще в вагоне мы простояли минут 10, пока вышел встречный и освободился путь. Наконец мы двинулись. В Охотном вышли посмотреть вокзал и эсковатор[1], поднялась невообразимая суета, публика кинулась приветствовать вождей, кричала ура и бежала следом. Нас всех разъединили и меня чуть не удушили у одной из колонн. Восторг и овации переходили всякие человеч[еские] меры. Хорошо, что к этому времени уже собралась милиция и охрана. Я ничего не видела, а только мечтала, чтоб добраться до дому. Вася волновался больше всех. И. был весел, обо всем расспрашивал откуда-то появившегося начальника стройки метро тов.[2] Пошучивал относительно задержки пуска эксплоатации метро и неполного освоения техники движения.

На следующей станции, где самый высокий эсковатор, И. и все опять вышли, но я, Женя и Светл[ана] остались в вагоне, напуганные несдержанными восторгами толпы, которая в азарте на одной из станций опрокинула недалеко от вождей огромную чугунную лампу и разбила абажур. Мы доехали до Сокольников, поехали обратно до Смоленского, хотя в Сокольниках ждали машины, но И. решил проехаться обратно. Приезжаем на Смоленский, у вокзала ни одной машины (они не успели доехать из Сокольников). Моросит дождь, на улице лужи и весь кортеж двинулся пешком через площадь по Арбату. Новые волнения, растерянность. Наконец, около Торгсина[3] первая машина из особого гаража. Ее ловят посреди улицы, т. к. она летит к Смоленскому вокзалу. И. не хочет садиться и отправляет детей и женщин. Мы едем в Кремль, через 5 м[инут] приезжает Павел, а затем Ал. И. уехал прямо на дачу. Светлана устала — идет прямо в постель. Вася разнервничался от всех переживаний, кидается на постель и истерически рыдает, мы упиваемся валериановыми каплями и только спустя У ч., когда узнаем по телефону, что все на местах, пьем чай и обмениваемся впечатлениями. Метро — вернее вокзалы изумительны по отделке и красоте, невольно преклоняешься перед энергией и энтузиазмом молодежи, сделавшей все это, и тому руководству, которое может вызвать в массе такой подъем. Ведь все было выстроено с молниеносной быстротой и такая блестящая отделка, такое оформление...

[1] Так в тексте. Правильно — эскалатор.

[2] Фамилия не указана.

[3] Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (сокр. Торгсин).

9/V.35 г. ...Заговорили о Яше. Тут И. опять вспомнил его отвратительное отношение к нашей Надюше, вновь его женитьбу, все его ошибки, его покушение на жизнь и тут И. сказал: «Как это Надя, так осуждавшая Яшу за этот его поступок, могла сама застрелиться. Очень она плохо сделала, она искалечила меня». Сашико вставила реплику — как она могла оставить двух детей — «Что дети, они ее забыли через несколько дней, а меня она искалечила на всю жизнь. Выпьем за Надю!» — сказал Иосиф. И мы пили за здоровье дорогой Нади, так жестоко нас покинувшей. Женя сказала: «У Нади были приступы тоски, Надя была больна — (это со слов Канель я сказала Нюре и Жене)». «Я этого не знал, я не знал и того, что она постоянно принимала Koffein, чтоб подбадривать себя». (Канель мне сказала после смерти Нади, что при просвечивании рентгеном установили, что у нее был череп самоубийцы. Не знаю, так ли это, во всяком случае у нее был ранний климакс и она страдала приливами и головными] болями).

Когда мы обсуждали поездку в метро и восторг толпы, энтузиазм, И. опять высказал мысль о фетишизме народной психики, о стремлении иметь царя. Я сказала, что если это есть свойство психики всех народов, то у нас это иначе — каждый в нем видит проводника своих стремлений, своих мечтаний, своих волевых импульсов — ведь все это делается для народа и от народа, если даже моментами кажется, что что-то навязано, то в конечном итоге выясняется, что это толчок, а все остальное уже свершается по доброй воле. Находиться в таком исключительном сооружении, как наше метро, и быть в обществе своих вождей, являющихся воплотителями коллективной воли нашей — разве это не может вызвать подъем и энтузиазм. О, конечно!

И. был плохо настроен, вернее он был чем-то озабочен, что- то его занимало до глубины, чему он еще не нашел разрешения. Он показался нам похудевшим и осунувшимся. Весь его вид вызывал какое-то жалостливое сострадание. Хотелось сказать ему что-либо ласковое и теплое.

6-го в газетах была опубликована его речь, сказанная у летчиков на выпуске академии[1]. Речь эта цитируется и комментируется в печати всего мира. Эта речь не речь Демосфена, который своим голосом хотел покрыть шум моря в бурю и витие

[1] Имеется в виду «Речь тов. Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года», опубликованная в газете «Правда» от 6 мая 1935 г. Сталин в этой речи выдвинул новый лозунг: «Кадры решают все».

ватостью и нагромождением красоты слов и оборота ослепить слушателей как молнией — вся речь И. проста, сжата и всем понятна. Она глубоко человечна, и в этом ее сила. Говоря об этой своей речи, И. сказал, что забыл прибавить, «что наши вожди пришли к власти бобылями и таковыми остаются до конца, что ими двигает исключительно идея, но не стяжание», как это мы можем наблюдать в капиталистических странах. Там стоять у власти — значит обрастать (богатеть). Это я точно не помню, но приблизительно так он говорил. Конечно, что обаяние чистой идейности и делает наших вождей любимыми и чтимыми для широких масс, да и отсутствие классовой отчужденности, как это было раньше, делает их своими «кровь от крови, плоть от плоти» для народа...

28/VI [1935 г.] ...Потом спросил меня — «Довольна ли я, что Авель понес наказание»[1] и улыбнулся — он знал, как я его презирала всеми фибрами души за его разложение личное, за его желание разлагать всех вокруг себя.

Я сказала то, что думала. Сказала, что я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме Ц. К., конечно, где всегда все правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н[аш] быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив — он смрадил все вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом, будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, Докатился до девочек в 9—11 лет, развращая их воображение, растлевая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым

[1] Енукидзе Авель Сафронович — в 1923—1935 гг. член и секретарь Президиума ЦИК СССР.

признакам, нравившимся Авелю. Чтоб оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем — шел широко навстречу мужу, бросавшему семью, детей, или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтоб не быть слишком на виду у партии, окружал себя беспартийными (а аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом «доброго» благодетельствовал только тех, которые ему импонировали чувственно прямо или косвенно. Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков — стоило ему поставить интересную девочку или женщину и все можно было около его носа разделывать. Поздно, я допишу в следующий раз...

171X1 [1935 г.] ...За ужином говорили о Васе. Он учится плохо. И. дал ему 2 мес. на исправление и пригрозил прогнать из дому и взять на воспитание 3-х вместо него способных парней. Нюра плакала горько, у Павла тоже наворачивались на глаза слезы. Они мало верят в то, что Вася исправится за 2 мес. и считают эту угрозу уже осуществившейся. Отец верит наоборот в способности Васи и в возможность исправления. Конечно, Васю надо привести в порядок. Он зачванился тем, что сын великого человека и, почивая на лаврах отца, жутко ведет себя с окружающими. Светлану отец считает менее способной, но сознающей свои обязанности. Обоих он считает холодными, ни к кому не привязанными, преступно скоро забывшими мать. Очень неровными в отношении их окружающих. Он знает их до мелочей. Он прав, как всегда во всем. Какой это аналитический ум, какой он исключительный психолог. Будучи таким занятым человеком, как он знает всех окружающих до мелочей.

Яша вторично вступил в брак с Юлией Исааковной Бессараб. Она хорошенькая женщина лет 30—32-х, кокетливая, говорит с апломбом глупости, читает романы, поставила себе целью уйти от мужа и сделать «карьеру», что и выполнила. Не знаю, как отнесется к этому И. Она живет уже у Яши, вещи пока у мужа. Боюсь, чтоб она не просчиталась. Яша у нее 3-й или 4-й муж. Она старше его. Женщина, которая летом еще говорила, что без накрашенных губ чувствует себя хуже, чем если б она пришла в обществе голой — перестала делать маникюр, красить губы и делать прическу. — Невестка великого человека. Конечно она хорошая хозяйка, женщина, которая возьмет Яшу в руки и заставит его подтянуться и фигурировать, но если он будет подтягиваться за счет отца, то ее афера потерпит фиаско — а она, конечно, метит на это. Поглядим, что будет...

[26 ноября 1936 г.][1] *Москва.* ...Вчера открылся Чрезвычайный съезд Советов[2]. Я не пошла, во-первых, поздно стала хлопотать о билете, во-вторых, врач не разрешил выходить из дому, еще несколько дней. Слушала по радио речь Сталина. Как странно, я не узнавала его голоса — через микрофон тембр был другой, а главное акцент был на 100% сильнее, чем в жизни. Он очень чисто говорит по-русски и обороты речи у него хорошего народного русского языка, а через микрофон он говорит в точности как в жизни говорит Шалва Элиава. Говорил 2 7_2 ч., речь была медленной, покашливал, но говорил интересно, остроумно, с ссылками на литературу (Щедрин, Гоголь), делал удачные аналогии, но всеми отмечено, что репродукция была из рук вон скверной. Через хорошие радиоаппараты еще можно было слушать, но так как будто он говорил в очень шумной комнате, а через трансляционную сеть трудно было даже понять речь. Я, конечно, решила, что тут вредительство со стороны связистов, либо мешал кто-либо в эфире. Главное, когда говорили другие, было хорошо слышно, а когда говорил Сталин — плохо. Когда вернулся Алеша со съезда, мы обсуждали речь, нашу конституцию и 2 пункта нами были неувязаны — диктатура пролетариата и демократия и классы — рабочие и крестьяне, а кто такие остальные и могут ли быть классы в н[ашем] обществе, если нет противоположных интересов, если все трудящиеся, если все конституцией — уравнены.

Если власть принадлежит всему народу, т. е. всем трудящимся, а не трудящихся у нас по конституции нет (кроме неспособных к труду) следовательно и нет диктатуры пролетариата, да и раз нет капиталистов, нет и пролетариата, а есть трудящиеся и нет никаких классов, а есть разного рода труд — крестьянск[ий], рабочий, умственный, причем с повышением техники труд крестьянский будет все больше и больше приближаться к труду фабричных рабочих и будет труд физический и умственный, а потом при еще более высокой технике и эти грани во многих областях начнут стираться и будет творчество и выполнение.

51111.37 г. Почти 3 мес[яца] не писала. Много пережито, продумано, пролиты слезы, пылал гнев.

Надо немного оглянуться назад. Крупное, что было:

[1] Датировано по содержанию.

[2] 25 ноября 1936 г. В Большом Кремлевском дворце открылся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. С докладом «О проекте Конституции Союза ССР» выступил И.В. Сталин.

21/XII праздновали рождение И. Масса гостей, нарядно, шумно, оживленно, танцевали под радио, разъехались к 7 утра. 31-го встречали Новый год у И. — члены Политбюро с женами и мы (родня). Вяло, скучно. Я оделась слишком нарядно (черное длинное платье — большое) и чувствовала себя не совсем хорошо, потому что все почти одеты были более скромно, чем 21-го (а я думала будет наоборот).

Затем крупное событие — был процесс троцкистов[1] — душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд. И сколько их. Ах, они готовили жуткий конец н[ашему] строю, они хотели уничтожить все завоевания революции, они хотели умертвить наших мужей и сыновей. Они убили Кирова и они убили Серго. Серго умер 18/11, убитый низостью Пятакова и его приспешников. Тяжело и слезно мы переживаем уход Серго. Колонный зал, венки, музыка, запах цветов, слезы, почетные караулы, тысячи и тысячи людей, проходящих у гроба... все это стоит в ушах и перед глазами, а Серго нет. Он был прекрасный большевик, он был человек, он был товарищ, он был чист и не подозревал, что люди могут прийти к нему с камнем за пазухой, он был добр и всякий: дурной и хороший — пользовался широко его натурой. Сколько негодяев много лет эксплуатировали его чистоту и доброту. В личной жизни он был скромен и щепетилен, как очень немногие из н[аших] товарищей[2]

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ГОСТЕЙ

Лион Фейхтвангер

СТАЛИН

Москва должна говорить громко, если она хочет, чтобы ее услышал Владивосток

Так говорит Сталин со своим народом. Как видите, его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нуж

[1] 23—30 января 1937 г. состоялся процесс по делу т.н. «Антисоветского троцкистского центра», где были обвинены Пятаков Г.Л., Радек К.Б., Сокольников Г.Я., Серебряков Л.П. и др.

[2] Иосиф Сталин в объятиях семьи: Сборник документов. Библиотека журнала «Источник». М., 1993.

но говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит.

Политический деятель, а не частное лицо

Впрочем, Сталин, в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен. Он не присвоил себе никакого громкого титула и называет себя просто Секретарем Центрального Комитета. В общественных местах он показывается только тогда, когда это крайне необходимо; так, например, он не присутствовал на большой демонстрации, которую проводила Москва на Красной площади, празднуя принятие Конституции, которую народ назвал его именем. Очень немногое из его личной жизни становится известным общественности. О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека, например, он послал в Центральную Азию аэроплан с лекарствами, чтобы спа- cf и умирающего ребенка, которого иначе не удалось бы спасти, или как он буквально насильно заставил одного чересчур скромного писателя, не заботящегося о себе, переехать в приличную, просторную квартиру. Но подобные анекдоты передаются только из уст в уста и лишь в исключительных случаях появляются в печати. О частной жизни Сталина, о его семье, привычках ничего точно не известно. Он не позволяет публично праздновать день своего рождения. Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему. Когда, например, съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию, он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не как признательность ему, а как признательность его политике.

Один тост в кругу друзей

Сталину, очевидно, докучает такая степень обожания, и он иногда сам над этим смеется. Рассказывают, что на обеде в интимном дружеском кругу в первый день нового года Сталин поднял свой стакан и сказал: «Я пью за здоровье несравненного вождя народов великого, гениального товарища Сталина. Вот,

друзья мои, это последний тост, который в этом году будет предложен здесь за меня».

Откровенность и простота

Сталин выделяется из всех мне известных людей, стоящих у власти, своей простотой. Я говорил с ним откровенно о безвкусном и не знающем меры культе его личности, и он мне так же откровенно отвечал. Ему жаль, сказал он, времени, которое он должен тратить на представительство. Это вполне вероятно: Сталин — мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали — обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него действительно не остается времени на излишние церемонии. Из сотен приветственных телеграмм, приходящих на его имя, он отвечает не больше, чем на одну. Он чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника.

Сто тысяч портретов человека с усами

На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошу^ тил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в места, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта, Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. «Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, — приносит больше вреда, чем сотня врцгов». Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция.

НАЦИОНАЛИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Статья Конституции

«...Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом»,— гласит 123-я статья Советской Конституции.

Национальная проблема

Глава 2 Конституции — Государственное устройство — перечисляет множество национальностей, и, когда на московском съезде видишь перед собой всю эту разнообразную массу голов — грузинских, туркменских, узбекских, киргизских, таджикских, калмыцких, якутских, — только тогда становится ясно, какую непомерно трудную задачу представляла проблема объединения этих национальностей под знаком серпа и молота. На разрешение национальной проблемы Союзу понадобилось некоторое время. Но теперь он ее окончательно урегулировал; он доказал, что национализм с интернационализмом сочетать возможно. *

Разрешение этой проблемы

Когда в 1924 году Сталин заявил о том, что русский крестьянин несет в себе возможность социализма, то есть, другими словами, мог бы, сохраняя свою национальность, стать интернациональным, он был высмеян своими противниками, объявившими его утопистом. В настоящее время практика доказала правильность сталинской теории: крестьяне — от Белоруссии до Дальнего Востока — приобщены к социализму. Любовь советских людей к своей родине не уступает любви фашистов к их родине; но тут любовь к советской родине, а это означает, что любовь эта зиждется не только на мистическом подсознании, но что она скреплена прочным цементом разума[1].

[1] *Фейхтвангер Лион.* Москва. 1937 год. Репринтное изд. 1937 г. Таллин, 1990. С. 50 53.

Анри Барбюс

СТАЛИН

Он никогда не старался превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать «громовой глоткой» на манер Муссолини или Гитлера, или вести адвокатскую игру по типу Керенского, так хорошо умевшего действовать на хрусталики, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее завывание Ганди[1].

А. Н. Сафонова[2]

ТРОЦКИСТЫ В ТРИДЦАТЫХ ГОДАХ

СВЯЗЬ С ТРОЦКИМ

В 1931 году Смирнов И. Н. ездил в Германию. Перед отъездом в Берлин И. Н. Смирнов говорил мне, что он не хочет встречаться с Троцким. Мне кажется, этот факт свидетельствует о том, что в тот период Смирнов сам был на распутье. Если бы отходное заявление было в чистом виде маневром, то и он, и все мы должны были бы использовать эту поездку для установления связи. По приезде в Берлин Седов (сын Троцкого. — Ред.) разыскал его сам. Седов информировал его о положении дел за границей, а Смирнов информировал Седова о политическом положении в Союзе. Седов в разговоре со Смирновым говорил о том, что нужна решительная борьба с руководством в лице Сталина путем насильственного устранения его.

Смирнов по возвращении из-за границы рассказал об этом своем разговоре мне, Мрачковскому, Тер-Ваганяну, Яцику. Нужно сказать, что мы не имели никаких оснований расценивать эти разговоры Седова как политическую директиву о перехо

[1] *Барбюс Анри.* Сталин. М., 1936. С. 57.

[2] Автор этих записок А.Н. Сафонова (1887—1958) — активный участник троцкистской оппозиции (с 1923 г. по 1930 г.), как и ее муж, известный троцкист И.Н. Смирнов. Записки (отрывки из которых здесь публикуются) были написаны в 1958 г.

де к террору, а расценили это как личное высказывание Седова, достаточно безответственного и вообще любителя разглагольствовать.

Позднее мы получили, насколько не изменяет мне память, всего 2 или 3 номера бюллетеня, издаваемого Троцким в Берлине.

...Одно информационное письмо о положении в СССР было послано Троцкому Смирновым в 1932 году. В этом же году было получено письмо от Троцкого через Гавена с оценкой политического положения в стране, с указанием на все возрастающую опасность роста фашизма в Германии. Тогда же Гавен передал Смирнову устно следующее:

Троцкий говорит о том, что «надо действовать решительно, иначе будет поздно». Письмо было прочитано мне, Тер-Ваганя- ну, Яцику и было тут же уничтожено.

Ничего нового Троцкий в смысле политической платформы не сказал. Переданное устно его указание о необходимости действовать мы поняли как указание о том, что единственный способ смены руководства — это террор. Но еще раз повторяю, насколько мне не изменяет память, Смирнов передал со слов Гавена именно в такой формулировке, как сказано выше, а не в виде прямой директивы о переходе к террору...

...Имели ли место террористические настроения в рядах троцкистов?

Отношение к террору Смирнова И. Н., насколько мне известно, было отрицательным. Из высказываний на эту тему со стороны Смирнова могу привести следующие:

1. После получения сведений по делу Эйсмонта Смирнов по этому поводу сказал: «Эдак, пожалуй, Сталин будет убит».

2. Когда Мрачковский вернулся с приема от Сталина, где он был с ним с глазу на глаз, он рассказал нам о своем разговоре со Сталиным, в частности, отметив свое удивление по поводу того, что Сталин был осведомлен о всех деталях хода строительства Байкало-Амурской магистрали. В связи с этим и Смирнов, и Мрачковский говорили о необычайной работоспособности и умении Сталина схватить основное. Причем после Мрачковский сказал: «Вот, мол, как просто было ликвидировать Сталина». На это Смирнов ответил, что да, но мы ведь этого делать не можем.

На мой вопрос, зачем нужна эта безответственная болтовня, раз мы на этот путь не становимся, и Смирнов, и Мрачковский мне ответили: «Но ведь это же только между нами».

Я думаю, что и этот факт нельзя рассматривать как проявление террористических настроений в нашей среде.

3. Как-то однажды, когда была получена информация о перегибах, имевших место в связи с коллективизацией по ряду областей, и особенно в Казахстане, Смирнов по этому поводу сказал: «За этакие дела убить мало» (по отношению к Сталину).

Опять и такой факт я не могла расценивать как проявление террористических настроений.

...Основной причиной, почему троцкисты не пошли на террор, было то, что, во-первых, и к Сталину отношение было двойственное: понимали, что он проводит политическую линию правильную, как ни возмущайся перегибами в деревне. А трудности проведения коллективизации для нас были достаточно ясны (многие из нас сами принимали участие в той работе — письма 25-тысячников проходили все до одного через мои руки, я в то время работала в хлебопункте на группе связи с 25 ООО и делала ежедневные сводки из этих писем для Политбюро и неоднократно бывала в деревне).

Во-вторых, политической линии другой не было,

Заканчивая вопрос об отношении к террору, я хочу сказать, что, конечно, такое отношение к Сталину могло создавать предпосылки для возникновения террористических настроений как в троцкистской среде, так и в ряде других оппозиционных групп, но с оговоркой, что если это и было предпосылкой; то только в отношении Сталина, но отнюдь не в отношении других руководителей партии и Советской власти.

...ХОД СЛЕДСТВИЯ И ФОРМЫ ДАВЛЕНИЯ

О ходе следствия я могу говорить только по отношению к себе. Физическое воздействие места не имело. Моральное воздействие сводилось к одному — нам говорили: начали разоружаться, разоружайтесь до конца. Те показания, которые мы от вас требуем, нужны партии.

Перед началом следствия меня вызывал Ежов. Он в то время еще работал как секретарь ЦК. Он передо мною поставил вопрос: «Будешь ли говорить правду и будешь ли говорить все?» Я ответила ему положительно. И только позднее, уже в ходе следствия, я поняла, какая нужна была правда и что такое «все», но ведь это было требование секретаря ЦК, а в том, что Лулов (мой следователь) и Молчанов (один из руководителей НКВД. — *Ред.)*

проводили линию партии, у меня сомнений не было. В отдельные моменты, когда у меня такое сомнение возникало, Лулов вызвал Молчанова, и тот подтверждал.

В первые два месяца хода следствия ни о терроре, ни о террористических настроениях вообще разговора не было. Следствие вели Лулов и Молчанов. Вышинский не вызвал.

В процессе следствия были со стороны Лулова попытки оказать воздействие другими методами, а именно:

1. Однажды он меня спросил: «Вы перенесли пытки во время колчаковщины, а что бы вы сказали, если бы мы тоже попытались применить физическое воздействие?» Я ему ответила на это, что в этом случае я бы перестала давать показания. После этого на эту тему не было даже и разговора.

2. Однажды он заявил мне, что если я буду упорствовать, то он примет меры к аресту моей сестры и высылке моих детей, которые находились у сестры. На это я ему, конечно, ничего ответить не могла[1].

ИЗ СУДЕБНОГО ОТЧЕТА ПО ДЕЛУ АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

(23—30 января 1937 года)

ИЗ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?

Пятаков: С 1931 года— это последний период, не считая 1926—1927 гг.

Вышинский: В чем выразилась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов.

В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против Советского правительства и партийного руководства, что он, Смирнов, имел свидание в Берлине с сыном Троцкого — Седовым, который дал ему по пору

[1] «Советская Россия», 1990, 21 октября.

чению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям Советской власти.

Вышинский: Когда это было?

Пятаков: Я месяца сейчас точно не могу припомнить, но это было в середине лета.

Вышинский: Где вы тогда работали?

Пятаков: Я работал тогда в ВСНХ в качестве председателя Всехимпрома.

Вышинский: А Смирнов где работал?

Пятаков: Смирнов работал в Главтрансмаше.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Иван Никитич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который судился?

Пятаков: Да, тот самый, который впоследствии входил в объединенный зиновьевско-троцкистский центр.

Вышинский: Вы с ним как встретились — на служебной почве или специально на почве ваших подпольных дел?

Пятаков: Мне затруднительно ответить на этот вопрос, потому что у меня были неоднократные встречи с ним и на служебной почве. В одну из таких встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он стал мне рассказывать о возобновлении троцкистской борьбы и о новых установках Троцкого. Тогда же Смирнов сказал, что одной из причин поражения троцкистской оппозиции 1926—27 гг. было то, что мы замкнулись в одной стране, что мы не искали поддержки извне. Тут же он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов, и сам от своего имени рекомендовал мне встретиться с Седовым, так как Седов имеет специальное поручение ко мне от Троцкого,

Я согласился на эту встречу. Смирнов передал Седову мой телефон, и по телефону мы условились относительно встречи. Есть такое кафе «Амцоо», недалеко от зоологического сада, на площади. Я пошел туда и увидел за столиком Льва Седова. Мы оба очень хорошо знали друг друга по прошлому. Он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л. Д. Троцкого, что Троцкий, узнав о том, что я в Берлине, категорически предложил ему меня разыскать, со мной лично встретиться и со мной переговорить. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье,

которое объяснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность. Причем образуется или образовался, — это мне сейчас трудно вспомнить, — троцкистский центр; речь идет об объединении всех сил, которые способны вести борьбу против сталинского руководства; нащупывается возможность восстановления объединенной организации с зиновьевцами.

Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и с ними надо установить необходимую связь.

Это было как бы введение, прощупывание. После этого Седов мне задал прямой вопрос: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие. Седов не скрыл своей большой радости по этому поводу. Он сказал, что Троцкий не сомневался в том, что, несмотря на нашу размолвку, которая имела место в начале 1928 года, он все же найдет во мне надежного соратника.

После этого Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства — бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или, вернее, междугосударственных вопросов.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказывали кому-нибудь из своих сообщников?

Пятаков: Да, я говорил. Я рассказывал Владимиру Логинову, который был управляющим треста «Кокс»; рассказал Биткеру, который работал в Берлине; рассказал Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для угольной промышленности; рассказал моему секретарю, который являлся не только секретарем, но и доверенным мне человеком, — Москалеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали показания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Передавая вам о своей беседе с Седовым, Пятаков солидаризировался с Седовым или же он излагал эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно солидаризировался.

Вышинский: И он на вас воздействовал, чтобы вы приняли эту установку?

Шестов: Да.

Вышинский (снова обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Седовым, вы придавали ей характер простой передачи или при этом высказывали и свое отношение?

Пятаков: И с Шестовым, и с Владимиром Логиновым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем объяснить, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и Советского правительства?

Пятаков: Беседа с Седовым не явилась причиной этого, она явилась лишь толчком.

Вышинский: Следовательно, и до этого вы стояли на своей старой троцкистской позиции?

Пятаков: Несомненно, у меня оставались старые троцкистские пережитки, которые в дальнейшем все больше и больше разрастались.

* * *

Пятаков на вопрос т. Вышинского показывает далее, что вскоре после первой встречи он имел второе свидание с Седовым. Как и первое свидание, это свидание было устроено И. Н. Смирновым. Встреча произошла опять в том же кафе.

* * *

Пятаков: Этот второй разговор был очень короткий, он длился не больше 10—15 минут, а может быть, и меньше, и сводился к следующему.

Седов без всяких околичностей сказал: «Вы понимаете, Юрий Леонидович, что, поскольку возобновляется борьба, нужны деньги. Вы можете предоставить необходимые средства для ведения борьбы».

Он намекал на то, что по своему служебному положению я могу выкроить кое-какие казенные деньги, попросту говоря, украсть.

Седов сказал, что от меня требуется только одно: чтобы я как можно больше заказов выдал двум немецким фирмам — «Борзиг» и «Демаг», а он, Седов, сговорится, как от них получить необходимые суммы, принимая во внимание, что я не буду особенно нажимать на цены. Если это дело расшифровать, то ясно было, что накидки на цены на советские заказы, которые будут делаться, перейдут полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей. Второй разговор на этом и закончился.

Вышинский: Кто назвал эти фирмы?

Пятаков: Седов.

Вышинский: Вы не поинтересовались, почему он именно эти фирмы называет?

Пятаков: Нет. Он сказал, что у него есть связи с этими фирмами.

Вышинский: У вас были связи и с другими фирмами?

Пятаков: Да, у меня связей было очень много. Но Седов назвал эти фирмы, очевидно, потому, что именно с ними у него были связи.

,

Вышинский: Вы и сделали, как советовал Седов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, в чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более что я располагал очень большими возможностями, и достаточно большое количество заказов перешло к этим фирмам.

Вышинский: Может быть, этим фирмам передавались заказы потому, что это нам было выгодно?

Пятаков: Нет, не потому. Что касается фирмы «Демаг», то это легко можно было сделать. Здесь шла речь относительно цен — ей платили больше, чем, вообще говоря, следовало.

Вышинский: Значит, фирме «Демаг» в силу договоренности с Седовым вы, Пятаков, переплачивали за счет Советского государства некоторые суммы?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский: А другой фирме?

Пятаков: «Демаг» — это сама по себе фирма очень качественная, совсем не надо было применять никаких усилий в смысле рекомендации ей заказов. А вот насчет «Борзиг» приходилось уговаривать, нажимать, чтобы этой фирме передавать заказы.

Вышинский: Следовательно, «Борзигу» вы также переплачивали в ущерб Советскому государству?

Пятаков: Да.

Вышинский: А вам не говорил Седов, что у Троцкого есть с этими фирмами договоренность?

Пятаков: Конечно, он с этого и начал. Он говорил, что если я этим фирмам сделаю заказы, то он от этих фирм получит деньги.

Вышинский: Об этой встрече с Седовым вы кому-нибудь говорили?

Пятаков: Эта встреча была сугубо конспиративного характера, и особенно о ней распространяться не приходилось.

* * *

Как выясняется из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту встречу с Седовым для уточнения некоторых вопросов. В частности, Пятаков запросил уточнения того, как понимать «противодействие мероприятиям Советской власти», как выражался Седов.

* * *

Пятаков: Я просил по этому поводу дать мне дополнительные разъяснения от Троцкого. Седов сказал, что он послал письмо Троцкому и ожидает от него ответа. Я ему сказал, что в Берлине есть некоторые троцкисты и что если он не сумеет непосредственно мне передать ответ, то, в случае моего отъезда, он может передать мне ответ через доверенных людей. Я тогда назвал Шестова. Кроме того, я назвал Биткера и Логинова.

Вышинский: Через Шестова вы получали что-нибудь от Седова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, зашел ко мне в ВСНХ, в служебный кабинет, и передал письмо.

Вышинский: Шестов явился к вам по служебному делу?

Пятаков: Он явился, чтобы передать письмо Троцкого и поговорить еще раз о развертывании троцкистской работы в Кузбассе.

Вышинский (обращаясь к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 года.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Седова в Берлине.

Вышинский: Через кого-нибудь?

Шестов: Нет, лично от Седова.

Вышинский: Где вы получили это письмо?

Шестов: Я получил его в ресторане «Балтимор», в заранее обусловленном месте. Это место явки мне было известно от Шварцмана, с которым связал меня Седов.

Вышинский: Что же вам Седов сказал?

Шестов: Он просто передал мне тогда не письма, а, как мы тогда условились, пару ботинок.

Вышинский: Значит, вы получили не письма, а ботинки?

Шестов: Да. Но я знал, что там были письма. В каждом ботинке было заделано по письму. И он сказал, что на конвертах писем есть пометки. На одном стояла буква «П» — это значило для Пятакова, а на другом стояла буква «М» — это значило для Муралова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «П».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо с пометкой «М» я передал Мура- лову.

Вышинский: Подсудимый Мура лов, вы получили письмо?

Мурадов: Получил.

Вышинский: С ботинком или без ботинка? *(В зале смех.)*

Муралов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муралов: Буква «М».

Вышинский: Больше вопросов к Муралову и Шестову у меня нет. (Обращаясь к Пятакову.) Что вы можете дальше рассказать о своей преступной троцкистской антисоветской деятельности?

Пятаков: Я получил письмо, которое выглядело так, как сейчас передавал Шестов, и, вскрыв его, крайне удивился: я ожидал записки от Седова, но оказалось, что в конверте записка не от Седова, а от Троцкого, и письмо было написано по-немецки и подписано «Л. Т.».

Вышинский: Значит, письмо вы получили от Троцкого через Седова и через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский: Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, я очень рад, что вы последовали моим требованиям...» Дальше говорилось, что стоят коренные задачи, которые он коротко сформулировал. Первая задача — это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. Понятно, что «всеми средствами» надо было понимать, в первую

очередь, насильственными средствами. Во-вторых, в этой же записке Троцкий писал о необходимости объединения всех антисталинских сил для этой борьбы. В-третьих, — о необходимости противодействовать всем мероприятиям Советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: Это письмо вы получили в конце ноября 1*931 года?

Пятаков: Да, в конце ноября 1931 года.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года, и тогда же я встретился в третий раз с Седовым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между получением вами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривал с Логиновым в Берлине, мы с ним уговорились относительно организации украинского троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной связью, если не считать впоследствии очень существенной моей связи, которая началась через Шестова с Западной Сибирью и с И. И. Мураловым.

Прежде всего мы восстановили украинские связи. Это — Логинов, Голубенке, Коцюбинской и Лившиц, обвиняемый по данному делу. Мы уговорились сначала с Логиновым, а впоследствии с остальными, относительно того, что они образуют украинскую четверку.

Вышинский: С кем из них вы говорили об этом?

Пятаков: Со всеми четырьмя.

Вышинский: И в том числе с Лившицем?

Пятаков: Да.

Вышинский: Где Лившиц тогда работал?

Пятаков: На Украине, начальником дороги. Мы с ним давно были связаны по контрреволюционной троцкистской работе.

Вышинский: По какому поводу в 1931 году начальник дороги появляется у вас, у заместителя председателя ВСНХ? Был к этому какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он пришел, желая непосредственно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинов. Я изложил ему свою встречу с Седовым и передал о директивах Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова о вашей встрече с ним?

Лившиц: Да, подтверждаю. Я пришел в ВСНХ проверить правильность переданных Логиновым от Пятакова директив. Пятаков мне рассказал то же, что и Логинов: что методы борьбы, которые проводились нами раньше, не дали никакого эффекта, что нужно идти на новые методы борьбы, т. е. на террор и на разрушительную работу.

Вышинский: У вас после этого бывали еще троцкистские разговоры?

Лившиц: Безусловно.

Вышинский (к Пятакову): Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седов узнал о моем приезде в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Когда я ему стал рассказывать то, что мне тогда было известно относительно начавшегося разворота работы троцкист- ско-зиновьевской организации, он меня прервал и сказал, что он это знает, так как имеет непосредственные связи в Москве, и что он просит меня рассказать о том, что делается на периферии.

Я рассказал о работе троцкистов на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. И. Мураловым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Седов выразил крайнюю степень неудовольствия, не своего, как он сказал, а неудовольствия Троцкого тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, занимаетесь все организационной подготовкой и разговорами, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал далее: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он рвет и мечет, он горит нетерпением, чтобы его директивы поскорее были превращены в действительность, а из вашего сообщения ничего конкретного не видно».

Вышинский: Долго вы пробыли во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора-два. Осенью этого же года я вернулся в Москву, и здесь произошла очень существенная, с точки зрения образования запасного, в дальнейшем параллельного, троцкистского центра, моя встреча с Каменевым.

Каменев пришел ко мне. в наркомат под каким-то предлогом. Он очень четко и ясно сообщил мне об образовавшемся троцкистско-зиновьевском центре. Он сказал, что блок восста

новлен, перечислил мне тогда ряд фамилий людей, которые входили в состав центра, и сообщил мне, что они обсуждали между собой вопрос относительно введения в центр таких вообще заметных в прошлом троцкистов, каким являюсь я — Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, однако признали это нецелесообразным. Как сказал Каменев, они считают, что возможность провала этого главного центра очень велика, так как туда входят все «очень замаранные». Поэтому желательно иметь на случай провала основного центра запасный троцкистско-зиновьев- ский центр. Он был уполномочен официально запросить меня, согласен ли я на вхождение в этот центр.

Вышинский: Запасный, как он выразился?

Пятаков: Запасный. Я дал свое согласие Каменеву на вступление в запасный центр. Это было осенью 1932 года. Каменев проинформировал меня по основным направлениям работы троцкистско-зиновьевского центра. Прежде всего, сказал он, в основу положен вопрос о свержении власти при помощи террористических методов. И тут же он передал директиву о вредительстве. Дальше, в порядке информации, он сказал, что у них установлена теснейшая связь, не просто контакт, а связь с правыми: с Бухариным, Томским, Рыковым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Леонидович, в очень хороших отношениях с Бухариным, не мешает, чтобы и вы с ним поддерживали соответствующий контакт». Это мною в дальнейшем и делалось.

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариным установили?

Пятаков: Да. На мой вопрос: «Собственно говоря, как же это мы устанавливаем связь с правыми?» — Каменев прямо сказал, что это, вообще говоря, с моей стороны проявление известного ребячества в политике, что вчерашние разногласия нас не могут разъединить, так как имеется единство цели: свержение сталинского руководства и отказ от построения социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменев сказал и по поводу «межгосударственных отношений», что без необходимого контакта с правительствами капиталистических государств нам к власти не прийти, и этот контакт надо поэтому поддерживать. Что касается деталей, то он сказал, что я, Пятаков, не «международник», и тут Радек и Сокольников больше поставлены об этом в известность.

Вышинский: Что значит: вы не международник?

Пятаков: В троцкистских кругах я больше считался специалистом-хозяйственником, а не по международным вопросам.

Вышинский: Кто же считался международником?

Пятаков: Я уже сказал: Радек и Сокольников.

Вышинский: О чем вы с ними договаривались в 1932 году?

Пятаков: В 1932 году мы имели разговор с Радеком. Он тогда сказал, что надо проводить методы борьбы, которые приняты Троцким и основным объединенным троцкистско-зиновьев- ским центром.

В этом же разговоре с Радеком мы подняли вопрос о том, что в основном центре существует очень большое преобладание зиновьевцев и не следует ли поставить вопрос о некотором персональном изменении основного центра.

Вышинский: В каком направлении?

Пятаков: В направлении ввода кого-нибудь еще из троцкистской фракции в троцкистско-зиновьевский объединенный блок. Мы пришли к выводу, что сейчас ставить вопрос об изменении персонального состава центра нельзя, потому что это значит вызвать совершенно ненужные споры в троцкистском подполье.

У нас явилась мысль, чтобы, наряду с основным центром в составе Каменева, Зиновьева, Мрачковского, Бакаева, Смирнова, Евдокимова и др., иметь наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директив и установок Троцкого. Правда, особенного различия в установках между нами и зиновьевцами к тому времени уже не было. Но тогда Радек и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после захвата нами власти зиновьевская часть блока пойдет слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились запросить об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мною Радек сообщил мне, что ответ от Троцкого им получен, что Троцкий ультимативно ставит вопрос о сохранении полного единства и блока с зиновьевцами, так как никаких расхождений у нас с ними нет, поскольку террористическо-вредительская платформа принята. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Радек и я ошибаемся, думая, что отступление будет незначительным,— отступать придется очень Далеко, и в этом отношении обоснован блок не только с зиновьевцами, но и с правыми. Что же касается превращения нашего Центра в параллельный, то он сказал, что это будет усиливать собирание сил и подготовку необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Гаграх я имел встречу с Серебряковым. Тогда мы с ним уговорились, что я, в основном, веду работу по Украине и Западной Сибири и в промышленности, он берет Закавказье и транспорт.

С Сокольниковым я имел встречу значительно позже — в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения запасного, или параллельного центра в центр действующий, поскольку к этому времени уже произошел разгром основного центра, члены которого все были арестованы и осуждены. Сокольников зашел ко мне в Наркомтяж- пром и сказал, что пора начать действовать, так как после арестов было некоторое затишье.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что с 1933 года уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Потому-то он и «параллельный», что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Радек, что вы можете сказать по этой части показаний Пятакова?

Радек: Я подтверждаю их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы запросить Троцкого о «параллельном центре»?

Радек: Да. Мы этот вопрос рассматривали и с точки зрения личного состава основного центра и с точки зрения нашего по-литического недоверия к зиновьевской части, несмотря на то что между нами был блок.

Вышинский: Как же это понимать?

Радек: Мы пришли к убеждению, что блок этот вряд ли сможет выдержать какое-нибудь серьезное испытание. Одной из первых забот Зиновьева будет оттереть троцкистов: личные моменты будут играть большую роль. Каменев и Сокольников пойдут значительно дальше в экономическом отступлении, которое мы считали необходимым, а Зиновьев будет в полной панике. Надо, сохраняя внешность блока, иметь, как противовес, собственную организацию.

Вышинский: Вести собственную политику?

Радек: Собственную политику или собственный корректив этой политики. Иметь собственную организацию.

Вышинский: Чтобы держать в руках троцкистско-зиновьев- ский центр?

Радек: Если возьмете состав старого центра, то со стороны троцкистов там не было ни одного из старых политических ру

ководителей. Были — Смирнов, который являлся больше организатором, чем политическим руководителем, Мрачковский — солдат и боевик, и Тер-Ваганян — пропагандист. Мы имели к ним полное личное доверие, но не считали их способными, в случае чего, действительно руководить. Мы считали, что раз этот центр уже создан, то всякие изменения в центре вызовут разногласия с зиновьевцами, и поэтому идею запасного центра мы пытались применить в виде параллельного центра. Мы решили послать запрос Троцкому.

Вышинский: Кто писал Троцкому?

Радек: Писал письмо я.

Вышинский: Как вы передали это письмо?

Радек: Связь была установлена мною через Владимира Ромма, моего старого приятеля, бывшего тогда корреспондентом ТАСС за границей.

Ответ я тоже получил через Ромма. Письма я немедленно сжигал, по Пятакову известны все подробности о ходе информации Троцкого.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете показания Пятакова в этой части?

Радек: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Что вы можете сказать о той части показаний Пятакова, где содержится ссылка на ваше участие?

Серебряков: Действительно, в конце ноября 1933 года в Гаграх состоялась моя встреча с Пятаковым.

Вышинский: О чем вы беседовали?

Серебряков: Пятаков кратко информировал меня о встрече с Седовым и о своей работе, которую он проводил на Украине и в Западной Сибири. Он просил меня взять на себя работу по руководству связями с Грузией и на транспорте.

Вышинский: Почему он обратился к вам для связи с грузинскими троцкистами?

Серебряков: С грузинскими троцкистами у меня были хорошие отношения, в частности с Мдивани, я часто бывал в Грузии, в Закавказье. А по транспорту — потому, что я старый транспортник.

Вышинский: И вы дали согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Он вам говорил, что вы привлекаетесь к участию в запасном центре?

Серебряков: Да.

Вышинский: И вы тоже дали на это согласие?

Серебряков: Да.

Вышинский: Значит, вы подтверждаете эту часть показаний Пятакова?

Серебряков: Да.

. *Пятаков:* Прошу разрешения сделать одно замечание.

Председательствующий: Пожалуйста.

Пятаков (обращаясь к тов. Вышинскому): Серебряков не совсем точно ответил на ваш вопрос. У меня не было с ним таких взаимоотношений, как у руководителя и подчиненного. Не то что я ему предложил, а он дал согласие, — мы просто уговорились об этом.

Вышинский: Кто в вашей четверке был более влиятельным, вы или Серебряков?

Пятаков молчит.

Вышинский: Как Серебряков считает?

Серебряков: Я говорю не с точки зрения разделения ответственности. С этой точки зрения я несу полную ответственность за деятельность центра, но должен сказать, что для меня Пятаков являлся авторитетом. И я для него был в какой-то степени авторитетом.

Вышинский: Вы сносились непосредственно с Троцким?

Серебряков: Нет.

Вышинский: А он?

Серебряков: Он сносился. .

Вышинский (к Пятакову): У вас в «параллельном центре» никому не принадлежала руководящая роль по отношению к остальным?

Пятаков: Да, никому.

Вышинский: Все были равноправными членами и каждый полностью отвечал за весь центр?

Пятаков: Да, каждый в своей области. В области международных вопросов Сокольников и Радек были авторитетами. В области промышленности и хозяйства, видимо, я был авторитетом.

Вышинский: Меня интересует: под чьим руководством действовал «параллельный центр»?

Пятаков: Троцкого.

Вышинский: Кто от имени центра осуществлял непосредственную связь с Троцким?

Пятаков: Радек, а потом я имел личную встречу с Троцким.

Вышинский: Следовательно, центр через вас и Радека непосредственно был связан с основным руководителем вашей преступной деятельности?

Пятаков: Правильно.

Вышинский: Какие практические мероприятия центр проводил в жизнь в течение 1933—34 гг.?

Пятаков: В 1933—34 гг. как раз развернулась организационно-подготовительная работа на Украине, в Западной Сибири, позже сформировалась московская группа. Развернулась работа на Урале, причем вся эта работа уже стала переходить в область осуществления той директивы Троцкого, о которой я показывал раньше, относительно применения вредительских и диверсионных методов.

Вышинский: Значит, в 1933—34 гг. под руководством «параллельного центра» возникают и оформляются на местах троцкистские ячейки, в частности, в Западной Сибири, на Урале, на Украине?

Пятаков: К этому времени появились троцкистские группы в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Киеве.

Вышинский: То есть центр уже имел свои ячейки?

Пятаков: Да. И они практически приступили 1с мероприятиям преступного характера.

Вышинский: К каким именно?

Пятаков: На Украине в основном работал Логинов и группа связанных с ним лиц в области коксовой промышленности. Их работа состояла в основном в вводе в эксплуатацию неготовых коксовых печей и потом во всяческой задержке строительства очень ценных и очень важных частей коксохимической промышленности. Вводили печи без использования всех тех очень ценных продуктов, которые получаются при коксовании; тем самым огромные богатства обесценивались.

Вышинский: Это по Украине. А в других местах?

Пятаков: В Западной Сибири — на Кемерове — действовал обвиняемый по этому делу Норкин. Ему помогал его главный инженер Карцев; в дальнейшем, в 1934 году, я направил туда еще Дробниса, тоже обвиняемого по этому делу, для усиления нашей работы, так как Норкин мне жаловался, что ему очень трудно одному справляться.

Вышинский: Дробниса вы направили в Кемерово специально для того, чтобы усилить вредительскую работу?

Пятаков: Я Дробнису ставил более широкие задачи. Посылая его в Западную Сибирь (я имел разговор с Седовым о посылке Дробниса, так как Троцкий его хорошо знает лично), я преследовал двоякую цель: с одной стороны, активизировать работу западносибирского центра; с другой стороны, оказать необходи

мое содействие Норкину для проведения вредительства на Кемеровском комбинате.

Вышинский: Вы послали его помощником начальника строительства и вместе с тем для разрушения строительства?

Пятаков: Да. В Кузбассе активно развернул вредительскую работу Шестов, который имел указание непосредственно от Седова и от меня.

На Урале стала складываться подпольная группа Юлина, которая была связана к тому времени уже с группой Медникова и другими.

Вышинский: Все эти группы организовывались, складывались и осуществляли свою преступную деятельность под вашим непосредственным руководством?

Пятаков: Конечно.

Вышинский: В какой мере остальные члены центра были осведомлены о вашей деятельности?

Пятаков: Об этом знали и Радек и Серебряков. Сокольникова я осведомил позже, уже в 1935 году.

Вышинский: Каково было ваше официальное служебное положение в 1933—34 гг.?

Пятаков: Я был заместителем народного комиссара тяжелой промышленности.

Вышинский: Следовательно, вам легче было использовать свои связи для троцкистских махинаций?

Пятаков: Да. В этом я признаю себя виновным.

На этом утреннее заседание заканчивается.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

(продолжение)

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций.

Пятаков: Я уже показывал, что вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии коксохимической промышленности. Вредительская работа состояла в том, что вновь строящиеся коксовые печи вводились в эксплуатацию недостроенными, вследствие чего они быстро разрушались, и, главным образом, задерживалась и почти не строилась на этих

заводах химическая часть, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в коксохимическую промышленность, наполовину, если не на две трети, обесценивались. Самая ценная часть угля, а именно химическая часть, не использовалась, выпускалась на воздух. С другой стороны, портились новые коксовые батареи.

Западносибирская троцкистская группа вела активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу вели Шестов и его группа. Там была довольно многочисленная группа, которая работала, главным образом, по линии создания пожаров на коксующихся углях в шахтах. Вредительская работа шла на Кемеровском химическом комбинате. На первых порах работа состояла в том, что задерживался ввод в эксплуатацию вновь строящихся объектов, средства распылялись по второстепенным объектам, и, таким образом, огромнейшие сооружения находились все время в процессе стройки и не доводились до состояния эксплуатационной готовности. По линии электростанций проводилась работа, уменьшающая актив энергобаланса всего Кузнецкого бассейна.

Вышинский: Норкин, Карцев, Дробнис были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела. В курсе дела были, конечно, Муралов и Богуславский. .

На Урале было два основных объекта, на которых была сосредоточена вредительская деятельность. Один объект — это медная промышленность, и второй объект — Уральский вагоностроительный завод.

В медной промышленности дело сводилось к тому, чтобы, прежде всего, снижать производственные возможности действующих медных заводов. Красноуральский медный завод и Ка- рабашский медный завод производственную программу не выполняли, происходило огромное расхищение меди, которая поступала на завод, были огромные потери. Карабашский завод все время находился в лихорадке. На Калатинском заводе обогатительная фабрика все время работала скверно, там также шло вредительство.

Вышинский: А кто конкретно, персонально вел вредительскую работу?

Пятаков: В основном эту работу вел Колегаев — управляющий Уралсредмеди.

Вышинский: Он вел это по собственной инициативе или по Указаниям?

Пятаков: Вообще все это делалось не по собственной инициативе, а по директиве Троцкого, затем персонально по моим директивам.

На Урале строился большой медный завод Средуралмедст- рой, который должен был сильно пополнить медные ресурсы страны. Но на этом заводе сначала Юлиным, начальником Сре- дуралмедстроя, затем Жариковым велась вредительская работа, сводившаяся к тому, чтобы, прежде всего, распылять средства, не доводить до конца и вообще канителить со строительством.

Надо сказать, что когда я весной 1935 года был на этой стройке, то увидел, что вредительская работа так бессовестно грубо велась, что самому поверхностному наблюдателю было видно, что на строительстве неладно. Мне пришлось в этом отношении Жарикову, начальнику строительства, дать указание, чтобы быть осторожнее, как-нибудь сманеврировать, проявить хоть какую-нибудь энергию в строительстве, начать строительство, но, во всяком случае, с таким расчетом, чтобы до конца его не доводить.

На Урале же по линии медной промышленности и по линии бытовой шла преступная работа на Средуралмедстрое и Красноуральске, прежде всего, в смысле расположения поселка. Мы его приблизили на расстояние 1—2 километра к заводу, что, вообще говоря, не разрешается по санитарному закону, поскольку это производство вредное. С другой стороны, вообще задерживали строительство поселка и создавали невыносимое положение по Средуралмедстрою. Весь замысел Средуралмедстроя был в том, что он должен был скомбинировать металлургическую и химическую части. Химическая часть не строилась совсем. Я сделал так, что отделил эту химическую часть, передал ее в Главхим- пром Ратайчаку, где она замариновалась окончательно. Но если плохо шло строительство самого завода, то еще больше отставала рудная база. Я лично, кроме всего прочего, отделил эту рудную базу от строительства завода с таким расчетом, что рудная база подготовлена не будет.

Теперь о вагоностроительном заводе на Урале, где работал начальником строительства троцкист, участник уральской группы — Марьясин. Правительство уделяло очень большое внимание этому заводу, отпускало на этот завод большие средства, чтобы как можно скорее его достроить, так как один этот завод должен был выпускать больше вагонов, чем все вагоностроительные заводы, вместе взятые. Марьясин проводил вредительскую работу по следующим направлениям. Прежде всего, на

правлял средства на ненужное накопление материалов, оборудования и прочего. Я думаю, что к началу 1936 года там находилось в омертвленном состоянии материалов миллионов на 50.

Затем качество строительства. Цех крупного строительства, инструментальный цех, затем центральный — вагоносборочный цех завода систематически задерживались строительством.

За последнее время вредительство приобрело новые формы. Несмотря на то что завод с 2—3 летним опозданием начал переходить к эксплуатационному периоду, Марьясин создал невыносимые условия работы, создал склоку, одним словом, всячески затруднял эксплуатационную работу.

Что касается Москвы, здесь определенную работу в химической промышленности проводил Ратайчак.

Вышинский: Нельзя ли уточнить, что значит «определенная работа»?

Пятаков: Я сейчас перейду к этому. Я могу припомнить следующие дела в этом направлении. Прежде всего, был составлен совершенно неправильный план развития военно-химической промышленности... Тут некоторые военные вопросы.

Председательствующий: Это придется отложить до закрытого заседания.

Пятаков: Затем в серно-кислотной промышленности, главным образом, скрывались и снижались мощности заводов и, тем самым, не давалось то количество серной кислоты, которое можно было дать.

По линии содовой промышленности, несмотря на то что наша страна изобилует солью и сырья для соды сколько угодно и производство соды известно хорошо, в стране дефицит соды. Задерживалось строительство новых содовых заводов.

Вышинский: Чем это вызывалось?

Пятаков: Моей и Ратайчака деятельностью.

Вышинский: Какой деятельностью? У вас были две деятельности — официальная и скрытая.

Пятаков: Я сейчас, конечно, говорю о преступной деятельности. Те новые заводы, которые намечались, как Усолье, Баскунчак и т. д., всячески задерживались.

В отношении азотной промышленности. Здесь и Ратайчак и Пушин, главным образом Ратайчак, приложили свою вредительскую руку при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая переделка проектов, постоянное затягивание проектирования и тем самым затягивание строительства.

Вышинский: Искусственное?

Пятаков: Ну, конечно. Несмотря на принятое правительством решение, несколько заводов вообще не строилось.

Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все происходило по нашим указаниям и по моим, в частности. Установка давалась, но я не могу конкретно сказать, что я давал указания произвести именно такую-то и такую-то диверсию.

Вышинский: А насчет Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это тоже чересчур конкретно. Я подтвердил показание Норкина и сейчас подтверждаю, что, в соответствии с полученной мною установкой Троцкого, я сказал Норкину, что, когда наступит момент войны, очевидно, Кемерово нужно будет вывести тем или иным способом из строя.

Вышинский: Тем или иным способом, или же говорили об определенных способах?

Пятаков: Я не могу сейчас точно вспомнить.

Вышинский: Тов. председательствующий, разрешите задать вопрос Норкину.

Председательствующий: Подсудимый Норкин!

Вышинский: Подсудимый Норкин, вы припомните разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести химкомбинат из строя на случай войны? .

Норкин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовить в момент войны вывод оборонных объектов из строя путем поджогов и взрывов.

Вышинский: А вы не припомните, когда он это вам говорил?

Норкин: В 1936 году в кабинете Пятакова в наркомате.

Вышинский: Не припомните ли вы подробностей? Шла ли речь о человеческих жертвах?

Норкин: Я помню такое указание, что вообще жертвы неизбежны и невозможно обойтись при проведении того или иного диверсионного акта без убийства рабочих. Такое указание было дано.

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Норкин: В общем, трудно воспроизвести подлинную формулировку, но она была резка в том смысле, что нечего смущаться и никого не надо жалеть.

Вышинский: Обвиняемый Норкин, не было ли разговора относительно того, на ком будет лежать ответственность за **подоб**ные вещи?

Норкин: Разговор был такой, что ответственность **ляжет** не на исполнителей диверсионных актов, а на руководителей партии и правительства.

Пятаков: Такой разговор был.

Вышинский: Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Надо вернуться к установкам Троцкого для того, чтобы было яснее. Как я уже показывал, у меня была довольно близкая непосредственная связь с Радеком. Радек непосредственно установил и поддерживал связь с Троцким и не раз получал от Троцкого по разным коренным вопросам соответствующие указания. Радек все время держал меня в курсе дела. По мере поступления соответствующей директивы от Троцкого он в тот же день или через пару дней заходил ко мне и рассказывал, что получена такая-то директива.

Вышинский: Что же сообщал вам Радек об этих директивах?

Пятаков: О терроре специальных новых директив не было: считалось, что эта директива принята к исполнению, только были неоднократные требования и напоминания о проведении этой директивы.

Вышинский: В письме к Радеку было упомянуто об этом?

Пятаков: Было. Троцкий говорил, что мы только болтаем.

Вышинский: Чего же Троцкий требовал?

Пятаков: Требовал проведения определенных актов и по линии террора, и по линии вредительства. Я должен сказать, что директива о вредительстве наталкивалась и среди сторонников Троцкого на довольно серьезное сопротивление, вызывала недоумение и недовольство, шла со скрипом. Мы информировали Троцкого о существовании таких настроений. Но Троцкий на это ответил довольно определенным письмом, что директива о вредительстве это не есть что-то случайное, не просто один из острых методов борьбы, которые он предлагает, а это является существеннейшей составной частью его политики и его нынешних установок.

В этой же самой директиве он поставил вопрос — это была середина 1934 года — о том, что сейчас, с приходом Гитлера к власти, совершенно ясно, что его, Троцкого, установка о невозможности построения социализма в одной стране совершенно оправдалась, что неминуемо военное столкновение и что, ежели Мы, троцкисты, желаем сохранить себя, как какую-то политическую силу, мы уже заранее должны, заняв пораженческую позицию, не только пассивно наблюдать и созерцать, но и активно подготовлять это поражение. Но для этого надо готовить кадРЫ, а кадры одними словами не готовятся. Поэтому надо сейчас проводить соответствующую вредительскую работу.

Помню, в этой директиве Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни прийти к власти, ни удержаться у власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония, и что им, Троцким, со своей стороны, соответствующие шаги уже предприняты в направлении связи как с японским, так и с германским правительствами.

Тут же Троцкий выразил неудовольствие нашими действиями. Ему стало известно, что Сокольников на прямой демарш..... посла г. .....

Председательствующий: Подсудимый Пятаков, я категорически запрещаю упоминать фамилии иностранных представителей в Москве. Если хотите дать показания по этому вопросу, то можете их дать на закрытом заседании.

Пятаков: Хорошо. Троцкий выразил неудовольствие, что Сокольников неясно себе представляет те шаги, которые предпринимаются Троцким, и что он недостаточно активно поддержал их. Дальше мне известно, что, во исполнение директивы Троцкого, у Радека были встречи и разговоры в том направлении, в каком Троцкий об этом говорил.

Вышинский: С какими лицами? Иностранцами?

Пятаков: С немцами, попросту говоря. *(Смех в зале.)*

Вышинский: Откуда вам это известно?

Пятаков: Относительно встреч и разговоров Радека — Радек мне сам рассказывал, а относительно Сокольникова мне впервые стало известно из записки Троцкого, затем мне Радек об этом сказал, а позже, в половине 1935 года, сам Сокольников рассказывал мне об этом своем шаге и приводил разговоры, где он санкционировал переговоры Троцкого с японским правительством...

Вышинский: До момента отъезда за границу больше у вас не было разговоров с Радеком на эту тему?

Пятаков: Промежуток времени — с половины 1935 года до конца 1935 года и начала 1936 года — характерен для нашей преступной работы тем, что это был период, когда «параллельный центр» попытался из параллельного превратиться в основной и активизировать свою деятельность по тем директивам, **кото**рые мы имели от Троцкого, так как здесь у нас произошел ряд встреч с Сокольниковым, с Томским. Одним словом, мы попытались выполнить то решение основного центра, которое в 1934

году было передано всем четырем различными членами основного центра: Каменевым мне и Сокольникову, Мрачковским — Радеку и Серебрякову.

Вышинский: Это когда к вам явился Сокольников и сказал: «Пора начинать»?

Пятаков: Да, как раз была новая фаза. Это был первый разговор, где я поделился с Сокольниковым о том, что у нас есть, какие имеются террористические группы, какие троцкистские организации. В общих чертах я Сокольникову рассказал о том, что вредительская работа ведется в соответствующих направлениях, Сокольников, в свою очередь, мне рассказал о тех связях, которые он имел, он упомянул о группе Закс-Гладнева и Тивеля.

В этом же разговоре, я помню, мы очень много внимания уделяли вопросу о расширении блока. И Сокольникову, и мне было известно от Каменева о том, что основной центр имел прямые и непосредственные организационные связи с правыми. С другой стороны, у меня, как я уже говорил, имелся непосредственный контакт с Бухариным, который потом перешел к Радеку.

Мы с Сокольниковым обсудили тогда вопрос и решили, что необходимо безусловно оформить как-то эти отношения, с тем чтобы работу по свержению Советского правительства организовать вместе с правыми.

Мы тогда говорили, что необходимо обязательно встретиться с кем-нибудь из лидеров правых, т. е. с Рыковым, Томским или Бухариным, причем говорили обо всех троих, но, в конце концов, остановились на Томском, так как, по нашим сведениям, Томский располагал наиболее многочисленным и организованным кадровым составом, наиболее был приспособлен именно для такой нелегальной организаторской работы. Сокольников взялся повстречаться с Томским и увиделся с ним.

С Сокольниковым мы встретились вторично не то в конце ноября, не то в начале декабря 1935 года. Он передал, что Томский выразил свое полное согласие на организационное вхождение в блок. Я, со своей стороны, рассказал Сокольникову о том разговоре, который был у меня с Томским по этому поводу. Томский в разговоре со мной сказал, что он считает абсолютно необходимым организовать террористическую и всякого рода иную работу, но что он должен посоветоваться со своими товарища[м]и, с Рыковым и Бухариным. Это он и сделал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Вышинский: Кроме Томского, велись разговоры с кем-нибудь из этой группы?

Пятаков: Я не вел. Радек имел связь с Бухариным. Я имел связь с Бухариным до 1934 года, т. е. до ухода его из наркомата. Когда он был в наркомате, то мне легко было с ним встречаться, а когда он перешел в «Известия», эта связь перешла к Радеку. **Он** с ним контрреволюционную связь поддерживал и продолжал.

Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь, против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это военное поражение. Так как война, 1ю его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а, возможно, и с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о пораженчестве, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных уда- • ров в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения объясняется в значительной мере его оторванностью и незнанием конкретных условий, незнанием того, что здесь делается, незнанием того, что собою представляет Красная армия, и что у него поэтому такие иллюзии. Это привело и меня, и Радека к необходимости попытаться встретиться с Троцким.

Вышинский: Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?

Радек: Одно письмо — в апреле 1934 года, второе — в декабре 1935 года.

Вышинский: Содержание их соответствует тому, что **здесь** говорил Пятаков?

Радек: В основах — да. В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта — прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если идти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не совершится. Но программы уступок он в этом письме не излагал. Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов.

Вышинский: В чем это заключалось?

Радек: Если спросить о формуле, то это было возвращение к капитализму, реставрация капитализма. Это было завуалировано. Первый вариант усиливал капиталистические элементы, речь шла о передаче в форме концессии значительных экономических объектов и немцам, и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг не- мецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, вся эта политика была связана с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором — контрибуции и их последствия, передача немцам в случае их требований тех заводов, которые будут специально ценны для их хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто государственно-капиталистическими элементами. В первом письме не было социальной программы, во втором она есть. Первое было короткое — об ускорении войны, а второе письмо — с оценкой международного положения, здесь Рассматривалась тактика на случай войны. Если первое письмо надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики, то второе письмо давало полную разработанную программу, поэтому оно и отличается по своему объему. Первое письмо было на

2—3 страничках, а второе — 8 страничек на английской тонкой бумаге, подробное письмо.

Вышинский: В этом втором письме, которое было названо развернутой программой пораженчества, было ли что-нибудь об условиях, которым должна удовлетворить пришедшая к власти группа параллельного центра в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Самих условий Троцкий не излагал?

Радек: Излагал.

Вышинский: Конкретно говорил о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что, вероятно, это будет необходимо.

Вышинский: Что именно?

Радек: Вероятно, необходимы будут территориальные уступки.

Вышинский: Какие?

Радек: Если мириться с немцами, надо идти в той или другой форме на их удовлетворение, на их экспансию.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сомнений в этом. Как это будет называться — гетманской Украиной или иначе, — дело идет об удовлетворении германской экспансии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приамурья и Приморья.

Вышинский: Обвиняемый Сокольников, вы подтверждаете показания Пятакова в той части, которая касается разговора с лицом, о котором шла речь и имя которого председатель просил не называть?

Сокольников: Да: Подтверждаю.

Вышинский: И содержание этого письма подтверждаете?

Сокольников: Да, правильно.

Вышинский (Пятакову): Расскажите, при каких обстоятельствах вы выехали за границу? Какой был официальный повод для поездки и что у вас произошло там неофициально?

Пятаков: Я уже показывал, что в конце 1935 года в разговоре моем с Радеком встал вопрос о необходимости тем или иным способом встретиться с Троцким. Так как в этом году я имел служебную командировку в Берлин на несколько дней, я условился, что постараюсь встретиться с Троцким, и тогда же Радек рекомендовал мне в Берлине обратиться к Бухарцеву, который имеет связь с Троцким, с тем чтобы он помог мне организовать эту встречу. Я выехал в Берлин и встретился с Бухарцевым.

Вышинский: Когда это приблизительно было?

Пятаков: Это было около 10 декабря, в первой половине декабря. В тот же день или на другой день я встретил Бухар- цева, который, улучив момент, когда никого не было, со своей стороны мне передал, что он узнал о моем приезде за несколько дней, сообщил об этом Троцкому и по этому поводу ждет от Троцкого извещения. На следующий день Троцкий прислал своего посланца, с которым Бухарцев и свел меня в парке Тиргар- тен, в одной из аллей, буквально на пару минут. Он мне предъявил маленькую записочку от Троцкого, в которой было написано несколько слов: «Ю. Л., подателю этой записки можно вполне доверять». Слово «вполне» было подчеркнуто, и из этого я понял, что человек, приехавший от Троцкого, является доверенным лицом. Он условился со мной на следующее утро встретиться на Темпельгофском аэродроме. На следующий день рано утром я явился прямо к входу на аэродром, он стоял перед входом и повел меня. Предварительно он показал паспорт, который был для меня приготовлен. Паспорт был немецкий. Все таможенные формальности он сам выполнял, так что мне приходилось только расписываться.

Сели в самолет и полетели, нигде не садились и в 3 часа дня, примерно, спустились на аэродром в Осло. Там был автомобиль. Сели мы в этот автомобиль и поехали. Ехали мы, вероятно, минут 30 и приехали в дачную местность. Вышли, зашли в домик, неплохо обставленный, и там я увидел Троцкого, которого не видел с 1928 г. Здесь состоялся мой разговор с Троцким.

Вышинский: Сколько времени продолжалась ваша беседа?

Пятаков: Около двух часов.

Вышинский: Расскажите, о чем вы беседовали.

Пятаков: Разговор начался, прежде всего, с моей информации. Я рассказывал о том, что троцкистско-зиновьевским центром уже сделано. К этому времени Троцкий уже получил письмо Радека, и он был особенно возбужден. Во время беседы он меня прерывал, бросал всякие ехидные словечки и реплики насчет примиренчества, непонимания обстановки, вроде: «Живете по старинке», и всякие такие колкие слова, проявляя явные признаки недовольства. Когда дело дошло до вредительства, он разразился целой филиппикой, бросал колкости вроде того, что «не можете оторваться от сталинской пуповины, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, я бы сказал, пожалуй, впервые, он так отчетливо и ясно сформулировал свою позицию относитель-

но вредительства. Он сказал, что социализм в одной стране построить нельзя и что крах сталинского государства совершенно неизбежен. С другой стороны, капитализм оправляется от кризиса, начинает крепнуть, и, ясно, долго терпеть дальнейшее усиление, в особенности военной промышленности, обороноспособности Советского государства, он не может. Военные столкновения неизбежны, и ежели мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что вредительский метод является не просто одним из острых приемов борьбы, которые можно было бы применить, а можно было бы и не применять, а это совершенно неизбежная вещь, вытекающая из самой сущности его позиции. .

Речь идет о том, какую позицию троцкистские кадры должны занять: будут ли они связывать свою судьбу с судьбой сталинского государства или будут противостоять и организовываться для других задач, для свержения правительства, подготовляя приход к власти другого правительства — троцкистского правительства?

Далее он говорил, что многие из нас, троцкистов, до настоящего времени находятся в состоянии иллюзии, будто бы возможны какие-то массовые методы, организация масс. Организация массовой борьбы невозможна прежде всего потому, что рабочие массы, крестьянские массы в основном находятся сейчас под гипнозом огромного строительства, которое идет в стране, строительства, которое воспринимается ими, как социалистическое строительство. Всякая попытка наша в этом направлении означала бы полную безнадежность, быстро привела бы к полному провалу, к ликвидации тех сравнительно немногочисленных троцкистских кадров, которые сейчас в стране имеются. Поэтому речь идет о другом— речь идет в полном смысле этого слова о государственном перевороте со всеми вытекающими отсюда последствиями и в области тактики, и в области приемов борьбы...[1]

Вышинский: А практическая часть?

Пятаков: Одно и другое очень тесно связано. Троцкий тут опять сказал, что война, по его мнению, на носу...

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 года). Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 **января** 1937 года... М., 1937. С. 24 — 45.

ИЗ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили, как члены двух кон- тактирующихся центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?» Он сказал: «Да». Когда я ега спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту.

Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Вы стояли за первую или за вторую систему террористической борьбы?

Радек: Я стоял за старую систему до момента, когда пришел [к] убеждению, что эта борьба вообще есть партизанщина. Потом [я] стоял за планомерную террористическую борьбу.

^ ^ Сталин в восп. совр.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем». Тогда мы решили покончить с таким положением, когда никто не несет ответственности за террористическое дело. Мы решили вызвать Дрейцера, которого считали наиболее подходящим для руководства террористическими актами после ареста Мрачковского, с ним выяснить, что он полагает делать, и совместно выработать план.

Вышинский: Следовательно, раньше всего вы захотели объединить руководство террористическими группами?

Радек: Да.

Вышинский: И кого наметили в качестве руководителя?

Радек: Дрейцера.

Вышинский: Вы связались с ним?

Радек: Я Дрейцеру написал письмо, сам ехать к нему в Кривой Рог не мог. Проходит несколько месяцев, а от Дрейцера ответа нет; затем наступили новые события: декабрьская инструкция Троцкого, который поставил все вопросы во весь рост. Здесь уже шла речь не о плане, а гораздо шире.

Вышинский: В каком году это было?

Радек: В 1935 году. Я написал Дрейцеру письмо в категорической форме, что «к концу февраля, к началу марта, ты должен быть», и получил от него ответ: «Приеду».

Вышинский: Пока вы выясняли ваши силы, искали Дрейцера, все эти группы продолжали существовать и действовать?

Радек: Они продолжали существовать и действовали.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся **вопро**сов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 **года,** в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 **года** Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в **Герма**нии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает **вой**ну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, **что** одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению **Совет**ского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обста-

новку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким среднеевропейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического, и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами. Содержание письма я сообщил Пятакову. Сокольников навестил меня в редакции «Известий» и сообщил мне содержание разговора между ним и г. .....

Сокольников говорил: «Представьте себе, веду в НКИД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчик и секретарь вышли. Официальный представитель одного иностранного государства г. очутился передо мной и поставил вопрос:
«Знаю ли я о предложениях, которые Троцкий сделал его правительству?» Я, говорит Сокольников, ответил, что знаю, что это серьезные предложения и советы, и что я и мои единомышленники с ними согласны. Сокольников сказал также, что Каменев его раньше предупреждал о том, что к нему или ко мне могут обратиться представители иностранной державы.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 года на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель среднеевропейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял,

что раз я говорил о реальных политиках, значит, есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные — это Советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновь- евский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для' сближения с вашим правительством и со страною, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Это все связано с первым письмом?

Радек: Это было в результате первого письма, но это был не единственный результат этого письма.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года бы ли у вас на темы, связанные с этим письмом, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Вы им говорили также о самом содержании письма Троцкого?

Радек: О содержании письма Троцкого я говорил с полной точностью.

Вышинский: Там какие стояли вопросы?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению? Как было сказано в письме Троцкого?

Радек: Поражение неизбежно, и оно создает обстановку для нашего прихода к власти, поэтому мы заинтересованы в ускорении войны. Вывод: мы заинтересованы в поражении.

Вышинский: А вы были за поражение или за победу СССР?

Радек: Все мои действия за эти годы свидетельствуют о том, что я помогал поражению.

Вышинский: Эти ваши действия были сознательными?

Радек: Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда. *(Смех.)*

Вышинский: А это был, к сожалению, не сон?

Радек: Это, к сожалению, был не сон.

Вышинский: А было явью?

Радек: Это была печальная действительность.

Вышинский: Да, печальная для вас действительность. Вы говорили с членами центра о пораженчестве?

Радек: Мы приняли это для выполнения.

Вышинский: Было ли что-нибудь практически сделано вами лично и вашими сообщниками по претворению в жизнь этой директивы?

Радек: Понятно, что мы действовали.

Вышинский (к Пятакову): Вы подтверждаете свою осведомленность о письме Троцкого на имя Радека?

Пятаков: Я уже вчера показывал и подтверждаю, что это полностью соответствует действительности.

Вышинский (к Сокольникову): Такой же вопрос.

Сокольников: Мне тоже это известно.

Вышинский: Вы также разделяли эту позицию?

Сокольников: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Вы также разделяли эту позицию пораженчества?

Серебряков: Я не возражал.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В- третьих, с точки зрения экономической он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой

демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию. Наполеон I был не реставрацией — реставрация пришла позже, а это было попыткой сохранить главные завоевания революции, то, что можно было из революции сохранить. Это было новое. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может прийти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой — дальневосточной — страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может прийти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза, когда мы эту директиву получили.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место Советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое — раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более определённо — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма, и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить согла

шение, т. е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский (к Пятакову): Подсудимый Пятаков, когда вы давали указания Норкину в случае войны произвести поджог Кемеровского химкомбината, вы исходили из какой-нибудь общей установки?

Пятаков: Я исходил из тех установок о «конкретизации», которые были даны Троцким.

Вышинский: А ваши разговоры с Сокольниковым имели место после возвращения в 1935 году из Берлина, после личного свидания с Троцким?

Пятаков: После.

Вышинский: А в личном свидании с Троцким были сформулированы эти требования?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский (к Ра деку): Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Вся конкретизация касалась войны, так что для транспорта не могло быть исключения.

Вышинский: Подсудимый Серебряков, вы помните разговор с Радеком о письме Троцкого в 1935 году?

Серебряков: Да.

Вышинский: Увязывал ли Радек директиву Троцкого с вашей преступной деятельностью в области транспорта?

Серебряков: Это, естественно, увязывалось у меня. Еще в 1934 году и в декабре 1935 года, когда мы обменивались мнениями с Лившицем, который был в то время заместителем народного комиссара путей сообщения, мы говорили, что в определенный период могли встать вопросы активизации диверсионной и вредительской деятельности на транспорте.

Вышинский: Вы говорили с Лившицем?

Серебряков: Да. Тогда мы предполагали, что возможна загрузка, зашивка важнейших узлов в целях срыва перевозок.

Вышинский: А относительно организации диверсионных актов?

Серебряков: Вопрос ставился в такой плоскости, что нужно усилить вербовку кадров для диверсионных актов.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, что вы об этом скажете?

Лившиц: Подтверждаю разговор насчет усиления вербовки членов организации для диверсионных актов и проведения вредительских актов во время войны.

Вышинский: Вы были заместителем наркома путей сообщения и в это время обсуждали вопрос о том, как сорвать движение на железных дорогах на случай войны?

Лившиц: Да. Я считал, что, раз мы ведем борьбу за приход к власти троцкистско-зиновьевского блока, необходимо это делать.

Вышинский: О чем вы говорили с Пятаковым?

Лившиц: О той работе, которую ведут троцкисты на транспорте, т. е. о срыве приказов, обеспечивающих улучшение работы железнодорожного транспорта.

Вышинский: Давал ли вам Пятаков прямые директивы и указания усилить вредительскую и диверсионную работу на транспорте?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы их принимали?

Лившиц: Да.

Вышинский: Выполняли?

Лившиц: Да, то, что смог, — выполнял.

Вышинский: Вредили?

Лившиц: Да.

Вышинский: Срывали работу?

Лившиц: Да.

x-x-x-

Государственный обвинитель снова переходит к допросу Радека, выясняя отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 года и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

На вопрос государственного обвинителя тов. Вышинского к чему сводилась программа Троцкого в 1935 году, Радек отвечает:

— В 1935 году был поставлен вопрос — идти назад к капитализму.

*x- *

Вышинский: До каких пределов?

Радек: То, что предлагал Троцкий, было без пределов. До таких пределов, каких затребует противник.

Вышинский: Значит поражение опять-таки стояло в порядке дня?

Радек: Да, новое теперь было то, что поражение связывалось с иностранными указаниями.

Вышинский: То есть здесь имеется уже прямое согласование с иностранными генштабами, — а раньше этого не было?

Радек: Раньше этого не было.

Вышинский: Это заставило вас задуматься?

Радек: Заставило больше задуматься не только это, но и та обстановка, которая была в стране раньше — в 1934 году и потом.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова* была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троекратное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова.

Мы решили для себя, что за директиву Троцкого мы не можем брать на себя ответственность. Мы не можем вести вслепую людей. Мы решили созвать совещание. Пятаков поехал к Троцкому. Я не знаю, почему Пятаков не говорил об этом здесь, хотя это, пожалуй, было самое существенное в его разговоре с Троцким, когда Троцкий сказал, что совещание есть провал или раскол. Пятаков вернулся и рассказал о своем разговоре с Троцким. Тогда же мы решили, что мы созываем совещание, несмотря на запрет Троцкого. И это было в тот момент, который для у нас всех внутренне означал: пришли к барьеру*

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что- то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Что означала директива о согласовании вредительства с иностранными кругами? Эта директива означала для меня совершенно простую вещь, понятную для меня, как для политического организатора, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав, организация становится прямой экспозитурой иностран

ных разведок. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было идти в ЦК партии сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел. Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: Были ли вы за поражение? ,

Радек: Если бы мог отвратить поражение, то был бы против него.

Вышинский: Вы считаете, что вы не могли отвратить его?

Радек: Я считал его неизбежным фактом.

Вышинский: Вы неправильно отвечаете на мой вопрос. Вы приняли все установки Троцкого, которые были вам даны в 1934 году?

Радек: Я принимал все установки Троцкого в 1934 году.

Вышинский: Была ли там установка на поражение?

Радек: Да, это была установка на поражение.

Вышинский: Вы ее приняли?

Радек: Принял.

Вышинский: Значит, раз вы ее приняли, вы были за поражение?

Радек: С точки зрения...

Вышинский: Вы шли к поражению?

Радек: Да, понятно.

Вышинский: Значит, вы были за поражение?

Радек: Понятно, раз да, — значит, шел.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, вы исходили из слабости страны?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 году видели, что страна сильна и это не оправдается?

Радек: Что поражение не не оправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Потому, что это было нереально, поэтому вы были против? _

Радек: О других мотивах не буду говорить.

Вышинский: Правильно ли, что вы были в 1935 году против программы поражения потому, что считали ее нереальной?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, в 1934 году вы считали реальной и были за это, а в 1935 году считали нереальной и были против?

Радек: Да. '

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине?

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином в ноябре 1934 года — это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете свои показания о том, что вы сказали господину что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело бесполезное?

Радек: Таков был смысл моего показания.

Вышинский: Подтверждаете?

Радек: Да.

Вышинский: И что правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков» в СССР?

Радек: Да.

Вышинский: Вы сказали господину что блок может пойти на эти уступки?

Радек: Да, мы подтвердили мандат Троцкого на переговоры о том, в чем эти уступки должны были заключаться.

Вышинский: Я вас спрашиваю, вы обещали от имени блока господину эти реальные уступки или нет?

Радек: Да.

Вышинский: Это измена?

Радек: Да.

Вышинский: Вас спрашивали на допросах после ареста — виновны ли вы перед партией и Советским государством. Что на это вы отвечали?

Радек: Я отвечал, что нет.

Вышинский: Спрашивали ли вас о связи с другими участниками террористической группы? Что вы отвечали?

Радек: Отрицал.

Вышинский: Это было 22 сентября 1936 года?

Радек: Да.

Вышинский: Вас поставили на очную ставку с Сокольниковым?

–

Радек: Да.

Вышинский: Сокольников изобличал вас?

Радек: Да.

Вышинский: А вы?

Радек: Все отрицал от начала до конца.

Вышинский: Сколько месяцев вы отрицали?

Радек: Около трех месяцев.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера[1].

ОБ АГЕНТАХ ВЛИЯНИЯ БУРЖУАЗНЫХ РАЗВЕДОК

...У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдумываться, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеются, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того,

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23— 30 января 1937 года). Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 января 1937 года... М., 1937. С. 54 — 65.

чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь именно он и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства засылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И, наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушения на жизнь Наполеона и несколько раз подымали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и. говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами, и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского

Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

.

Не ясно ли, что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох...

И. СТАЛИН

3 марта 1937 г.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РОММА

Председательствующий: Ваше служебное положение?

Ромм: Я был корреспондентом «Известий» в Соединенных Штатах.

Вышинский: Как долго вы были знакомы с подсудимым Радеком?

Ромм: С 1922 года.

Вышинский: Что вас связывало с Радеком в прошлом?

Ромм: Сначала я был знаком с ним по литературным делам, затем в 1926—27 гг. меня с ним связывала совместная троцкистская антипартийная работа

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве и в Париже. В Женеве с 1930 года по 1934 год.

Вышинский: Меня интересует ваш женевский период. Будучи в Женеве, вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Седова незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Расскажите, как вы получили письмо от Троцкого, какое поручение вы имели при этом, как вы выполнили это поручение?

Ромм: В 1931 году летом при проезде через Берлин я встретился с Путна, который предложил свести меня с Седовым. Я с

Седовым встретился, и на его вопрос, готов ли я, если понадобится* взять на себя поручение по связи с Радеком, ответил согласием и дал ему свои адреса — парижский и женевский.

За несколько дней перед моим отъездом в Женеву, будучи в Париже, я получил по городской почте письмо, в котором была короткая записка от Седова с просьбой передать вложенное в конверт письмо Радеку. Я это письмо взял с собой в Женеву и передал Радеку при встрече с ним.

Вышинский: Радек прочел письмо при вас или без вас?

Ромм: Он при мне его быстро прочел и положил его в карман.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с зиновьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП(6), в первую очередь — против Сталина и Ворошилова. Затем Радек уехал в Москву, и я не видел его до осени 1932 года. ^

Вышинский: Что же случилось осенью 1932 года и где вы находились в это время?

Ромм: Я был корреспондентом ТАСС в Женеве и Париже, приехал в Москву в командировку и встретился с Радеком, который сообщил мне, что, во исполнение директивы Троцкого, троцкистско-зиновьевский блок организовался, но что он и Пятаков не вошли в этот центр. Далее Радек сказал, что возникла мысль о создании запасного, или параллельного, центра с преобладанием троцкистов, чтобы в случае провала действующего центра был запасный центр. Он сказал, что хочет по этому вопросу запросить директиву Троцкого и послать со мною письмо.

Вышинский: Что же в этом письме было написано? Вам было это известно?

Ромм: Да, потому что мне было письмо вручено, затем вложено в корешок немецкой книги перед моим отъездом в Женеву обратно осенью 1932 года.

Вышинский: Кто вам дал это поручение?

Ромм: Радек. Проездом через Берлин в Женеву я с вокзала послал бандеролью эту книгу на обусловленный адрес, который дал мне Седов, до востребования в один из берлинских почтамтов и одновременно — небольшое письмо с указанием, что в этой книге и где именно заделано письмо.

Вышинский: Было это письмо получено Седовым? Вам известно об этом?

Ромм: Предполагаю, что да, потому что при следующей моей встрече с ним было ясно, что оно было получено.

Вышинский: Была у вас еще встреча с Седовым?

Ромм: Моя следующая встреча с Седовым была в июле 1933 года.

Вышинский: По какому поводу, где и как встретились вы снова?

Ромм: В Париже. Я приехал из Женевы, и через несколько дней мне позвонил по телефону Седов и назначил свидание в кафе на бульваре Монпарнас. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил и назначил встречу в том же кафе. Оттуда мы отправились в Булонский лес, где встретились с Троцким.

Вышинский: Это было когда?

Ромм: В конце июля 1933 года.

Вышинский: Как долго длилась эта встреча с Троцким?

Ромм: Минут 20—25.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Как я понял, — для того, чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вез в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев налицо, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при непременном условии сохранения блока с зиновьевцами и, далее, при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народ-, ном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видно, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель — это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятилетке, к новой технике и тем самым — к партийному руководству. Подчеркивая необходимость самых крайних средств, Троцкий процитировал латинское изречение, которое говорит: «Чего не излечивают лекарства, то излечивает железо, чего не излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задал несколько недоуменный вопрос о том, что это же будет подрывать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность

нападения на СССР со стороны Германии, становится особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но Троцким была брошена мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о пораженчестве.

Затем он передал мне книгу— роман Новикова-Прибоя «Цусима», сказав, что в переплет этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире.

Вышинский: Это когда было?

Ромм: Это было в августе 1933 года.

Вышинский: Дальше.

Ромм: Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переплет немецкой книги.

Вышинский: Когда это было? .

Ромм: В конце сентября 1933 года. Письмо это, вернее, книгу с заделанным в нее письмом, я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Затем следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже.

Вышинский: По какому поводу?

Ромм: Он мне позвонил и выразил желание со мной встретиться. Мы встретились с ним в Булонском лесу. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации. *

Вышинский: Вы выполнили поручение?

Ромм: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года, перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу; насколько помню, это был англо-русский технический словарь. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о развертывании политической и диверсионной работы. Это письмо, вернее, книгу с этим письмом, я передал в Париже Седову.

Вышинский: Это все ваши передачи?

Ромм: Да. Всего было передано в обе стороны пять писем.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Ромм: Седов сказал мне, что, в связи с моей поездкой в Америку, имеется просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, информировать его. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал: «Это вытекает из установок Троцкого на поражение СССР. Поскольку вопрос о сроках войны Германии и Японии с СССР в известной мере зависит от состояния советско-американских отношений, это не может не интересовать Троцкого».

Вышинский: Иначе говоря, вы получили через Седова предложение информировать Троцкого об отношениях между Америкой и Советским Союзом с точки зрения ориентации Троцкого и его линии?

Ромм: С точки зрения его пораженческой установки.

Вышинский: Значит, вы, по совместительству, были корреспондентом «Известий» и спецкорреспондентом Троцкого, так?

Ромм: Да. Я согласился присылать интересующую Троцкого информацию[1].

ИЗ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ АРНОЛЬДА[ч]

Вышинский: Зачем вы попали в латышский батальон? Вы разве латыш?

Арнольд: Потому, что у меня была мысль опять удрать из армии, и поэтому я перебирался поближе к Петербургу.

Вышинский: Вы попали туда как солдат?

Арнольд: Да.

Вышинский: И в форме солдатской?

Арнольд: Да, даже ефрейтором.

Вышинский: Когда же вы успели ефрейтора получить?

Арнольд: Дорогой нашил себе.

Вышинский: Куда он пошел, этот латышский батальон?

Арнольд: Второй латышский батальон переслали в г. Юрьев, и здесь я был назначен в учебную команду и занимался с новобранцами.

Вышинский: Когда это было и где?

Арнольд: Это было в конце 1915 года или в начале 1916 года.

Вышинский: Что случилось с вами потом?

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 года). Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 января 1937 года... М., 1937. С. 66—69. ■

Арнольд: Потом в августе я получил отпуск и поехал в Финляндию.

Вышинский: А из Финляндии куда вы девались?

Арнольд: Здесь я переменил фамилию на Аймо Кюльпенен и приехал в Минск.

Вышинский: Как вы получили документ?

Арнольд: Я этого товарища хорошо знал.

Вышинский: Ну и что же?

Арнольд: Пошел в их пасторскую канцелярию, представил свидетельство и сказал, что мне нужна метрика.

Вышинский: С его согласия?

Арнольд: Он не знал.

Вышинский: Вы взяли документ обманным путем?

Арнольд: Обманным.

Вышинский: И куда вы с этим паспортом отправились?

Арнольд: В Минск переводчиком. Затем был делопроизводителем стола статистики, потом уехал во Владивосток.

Вышинский: Ну а как же во Владивосток добрались?

Арнольд: По железнодорожному воинскому литеру.

Вышинский: Где достали?

Арнольд: В Управлении Западного фронта присвоил несколько штук.

Вышинский: Похитили?

Арнольд: Да. Во Владивостоке нанялся кочегаром на судно «Тула». Сделал рейс Камчатка—Япония и обратно во Владивосток. Потом поехал из Владивостока в Архангельск.

Вышинский: Дальше что делали?

Арнольд: Я сел на американское судно, приехал в Нью-Йорк.

Вышинский: Под фамилией?

Арнольд: Аймо Кюльпенен.

Вышинский: В Нью-Йорке что начали делать?

Арнольд: В Нью-Йорке несколько дней пробыл и попал в армию. В американскую армию.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Потому, что завербовали.

Вышинский: В качестве кого?

Арнольд: В качестве новобранца-солдата.

Вышинский: Сколько вы там пробыли?

Арнольд: 1 год ровно.

Вышинский: Под какой фамилией?

Арнольд: Аймо Кюльпенен. В тот момент, когда нас принимали в армию, нас натурализовали, перевели в американское гражданство.

Вышинский: Против вашего желания?

Арнольд: С моего желания. И в тот момент я переменил фамилию на Валентин Арнольд.

Вышинский: Год прослужили в армии, а потом куда девались?

Арнольд: Я демобилизовался и хотел вернуться в Финляндию. .

Вышинский: Попали вы в Финляндию?

Арнольд: Я попал не в Финляндию, а в Южную Америку.

Вышинский: Как вы попали туда? Нечаянно?

Арнольд: Я нанялся парусником на парусное судно «Виконт» и попал в Южную Америку, в Буэнос-Айрес. Потом нанялся на американское судно и приехал в Шотландию, оттуда в январе 1920 года в Нью-Йорк и здесь попал обратно в армию.

Вышинский: Вы там в тюрьме сидели?

Арнольд: Сидел.

Вышинский: Сколько времени?

Арнольд: Месяцев пять-шесть.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Я был заподозрен в присвоении казенного имущества.

Вышинский: Сколько лет вы пробыли в армии?

Арнольд: С 1920 по 1923 год. Дальше я поехал в Лос-Анджелес, в Калифорнию. Потом познакомился там с русскими товарищами, которые состояли в обществе Технической помощи Советской России, в котором я принял участие, и решил поехать в Россию.

Вышинский: Решили, значит, тоже оказывать техническую помощь Советской России?

Арнольд: Да.

Вышинский: Как же вы ее оказывали?

Арнольд: Я приехал в Кемерово.

Вышинский: А вы не были членом масонской ложи?

Арнольд: Был.

Вышинский: Как вы попали в масонскую ложу?

Арнольд: А это когда я был в Америке, я подал заявление и поступил в масонскую ложу[1].

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 года). Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 января 1937 года... М., 1937. С. 124—125.

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО.СЛОВА РАДЕКА

Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия сразу понял, почему я не говорил. Он мне сказал: «Вы же не маленький ребенок. Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться и, как разумный человек, не можете ставить себе эту цель; если вы не хотите показывать, то только потому, что хотите выиграть время и присмотреться. Пожалуйста, присматривайтесь». В течение 2 с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение 2 с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл.

Продолжалось это 2 с половиной месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?» И я сказал: «Да, я завтра начну давать вам показания». И показания, которые я дал, с первого до последнего не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено.

Я признаю за собою еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним — близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания Советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что не могу явиться на суд, скрыв существование другой террористической организации.

И вот, граждане судьи, я кончаю это последнее слово следующим. Мы будем отвечать по всей строгости советского закона, считая, что ваш приговор, какой он будет, справедлив, но мы хотим встретить его, как сознательные люди. Мы знаем, что мы не имеем права говорить массе, — не учителя мы ей. Но тем элементам, которые с нами были связаны, мы хотим сказать три вещи.

Первая вещь: троцкистская организация стала центром всех контрреволюционных сил; правая организация, которая с ней связалась и была на пути слияния, является тем же самым центром всех контрреволюционных сил в стране. С этими террористическими организациями государственная власть справится. В этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения.

Но есть в стране полутроцкисты, четвертьтроцкисты, одна восьмая-троцкисты, люди, которые нам помогали, не зная о террористической организации, но симпатизируя нам, люди, которые из-за либерализма, из-за фронды партии, давали нам эту помощь. Этим людям мы говорим: когда раковина оказывается в стальном молоте — это еще не так опасно; но когда раковина попала в винт пропеллера, может быть авария Мы находимся в периоде величайшего напряжения, в предвоенном периоде. Всем этим элементам перед лицом суда и перед фактом расплаты мы говорим: кто имеет малейшую трещину по отношению к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, он может быть предателем, если эта трещина не будет старательно заделана откровенностью до конца перед партией.

Второе: мы должны сказать троцкистским элементам во Франции, Испании, в других странах — а такие есть, — опыт русской революции сказал, что троцкизм есть вредитель рабочего движения. Мы их должны предостеречь, что они будут расплачиваться своими головами, если не будут учиться на нашем опыте.

И, наконец, всему миру, всем, которые борются за мир, мы должны сказать: троцкизм есть орудие поджигателей войны. Сказать это твердым голосом, ибо мы это узнали, мы это выстрадали, нам было неслыханно тяжело в этом признаваться, но это исторический факт, и мы за правду этого факта уплатим головой...[1]

[1] Процесс антисоветского троцкистского центра (23— 30 января 1937 Го**Да).** Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23 — 30 января 1937 года... М., 1937. С. 187 — 190, 194, 195, 198, 213, 230, 231.

Лион Фейхтвангер

МОСКВА. 1937 ГОД

СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

Борец и работник

В Советском Союзе, как было сказано выше, имеются люди, проявившие себя не только как борцы, но и как организаторы промышленности и сельского хозяйства. Иосиф Сталин представляется мне именно таким человеком. У него боевое, революционное прошлое; он победоносно провел оборону города Царицына, ныне носящего его имя; по его докладу Ленину осенью 1918 года — доклад в семьдесят строк — в общий военный план были внесены коренные изменения. Однако творчество Сталина, организатора социалистического хозяйства, превосходит даже его заслуги борца.

Автопортрет Троцкого

Рисуя свой собственный портрет — прекрасно написанную автобиографию, — Лев Троцкий стремится доказать, что и он, Троцкий, является тоже талантливым человеком, великим борцом и великим вождем строительства. Но мне кажется, что как раз эта попытка, предпринятая лучшим адвокатом Троцкого — им самим, только подтверждает, что его заслуги, в лучшем случае, ограничиваются его деятельностью в период войны.

Великий политик?

Автобиография Троцкого, несомненно, является произведением превосходного писателя и, возможно, даже человека с трагической судьбой. Но образа крупного государственного деятеля она не отражает. Для этого, как мне кажется, оригиналу недостает личного превосходства, чувства меры и правильного взгляда на действительность. Беспримерное высокомерие заставляет его постоянно пренебрегать границами возможного, и эта безмерность, столь положительная для писателя, необычайно вредит концепции государственного деятеля.

Логика Троцкого парит, мне кажется, в воздухе; она не основывается на знании человеческой сущности и человеческих воз

можностей, которое единственно обеспечивает прочный политический успех. Книга Троцкого полна ненависти, субъективна от первой до последней строки, страстно несправедлива: в ней неизменно мешается правда с вымыслом. Это придает книге много прелести, однако такого рода умонастроение вряд ли может подсказать политику правильное решение.

Характерная деталь

Мне кажется, что даже одной мелкой детали достаточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина над Троцким. Сталин дал указание поместить в большом официальном издании «Истории гражданской войны», редактируемом Горьким, портрет Троцкого. Между тем Троцкий, в своей книге злобно отвергает все заслуги Сталина, оборачивая его качества в их противоположность, и книга его полна ненависти и язвительной насмешки по отношению к Сталину.

Верные слова

Конечно, побежденному человеку трудно оставаться объективным. Это понимает и сам Троцкий, выразивший это в прекрасных словах. «Я не привык, — заключает он в предисловии к своей книге, — рассматривать исторические перспективы под углом зрения личной судьбы Познать закономерность событий и найти в этой закономерности свое место — вот первейшая обязанность революционера. И она доставляет высшее личное удовлетворение человеку, который не связывает своей задачи сегодняшним днем».

Видел лучшее, но выбрал худшее

Никто, я думаю, не смог бы более определенно указать на опасность, перед которой оказался Троцкий после своего падения и которой подвергается каждый побежденный, а именно: опасность «рассматривать исторические перспективы под углом зрения личной судьбы». Троцкий сознавал эту опасность. Он понимал, перед свершением какой ошибки он стоит. Он видел эту ошибку, которой суждено было его заманить. Видел, решил ее не делать — и сделал. Зная, что лучше, он выбрал худшее.

Пафос и истерия

Троцкий представляется мне типичным только-революционером; очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему не пригоден там, где требуется спокойная, упорная, пла

номерная работа вместо патетических вспышек. Мир и люди после окончания героической эпохи революции стали представляться Троцкому в искаженном виде. Он стал неправильно воспринимать вещи. В то время как Ленин давно приспособил свои взгляды к действительности, упрямый Троцкий продолжал крепко держаться принципов, оправдавших себя в героическо-пате- тическую эпоху, но неприменимых при выполнении задач, выдвинутых потребностями текущего дня. Троцкий умеет — и это видно из его книги — в момент большого напряжения увлечь за собой массы. Он, вероятно, был способен в патетическую минуту зажечь массы порывом энтузиазма. Но он был неспособен ввести этот порыв в русло, «канализировать» его, обратив на пользу строительства великого государства.

Это умеет Сталин.

Прирожденный писатель

Троцкий прирожденный писатель. Он с любовью рассказывает о своей литературной деятельности, и я ему верю на слово, когда он говорит, что «хорошо написанная книга, в которой встречаешь новые мысли, и хорошее перо, при помощи которого можно поделиться собственными мыслями с другими, были и являются для меня наиболее ценными и близкими благами культуры». Трагедия Троцкого заключается в том, что его не удовлетворяла перспектива стать большим писателем. Повышенная требовательность сделала из него сварливого доктринера, стремившегося принести и принесшего несчастья, и это заставило огромные массы забыть его заслуги.

Писатель, но не политик

Я хорошо знаю этот тип писателей и революционеров, хотя и в несколько уменьшенном масштабе. Некоторые руководители германской революции, как Курт Эйснер и Густав Ландауер, имели, правда, в миниатюре, немало общего с Троцким. Упорная приверженность к догме, неумение приспособиться к изменившимся условиям, короче говоря, отсутствие практически-по- литической психологии сделало этих теоретиков и доктринеров только на очень короткое время пригодными к политическим действиям. Большую часть своей жизни они были хорошими писателями, а не политиками. Они не сумели найти пути к народу. Они слишком слабо разбирались в психологии народа и массы. Они соприкасались с массами, но массы не шли к ним.

Расхождения в характере и во взглядах

Не подлежит сомнению, что расхождения во взглядах по решающим вопросам являются причиной большого конфликта между Троцким и Сталиным, и эти расхождения вытекают из глубоких противоречий. Различие характеров этих людей являлось причиной тому, что они приходили к противоположным выводам в важнейших вопросах русской революции — в национальном вопросе, в вопросе о роли крестьянства и возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Сталин утверждал, что полное осуществление социализма возможно и без мировой революции и что при соблюдении национальных интересов отдельных советских народов социализм может быть построен в одной, отдельно взятой стране; он считал, что русский крестьянин способен построить социализм. Троцкий это оспаривал. Он утверждал, что мировая революция является необходимой предпосылкой для построения социализма. Он упорно держался марксистского учения об абсолютном интернационализме, защищал тактику перманентной революции и, приводя множество логических доводов, настаивал на правильности марксистского положения о невозможности построения социализма в одной стране.

Прав оказался Сталин

Не позднее 1935 года весь мир признал, что социализм в одной стране построен и что, более того, эта страна вооружена и готова к защите от любого нападения.

Что мог сделать Троцкий?

Что же мог сделать Троцкий? Он мог молчать. Он мог признать себя побежденным и заявить о своей ошибке. Он мог примириться со Сталиным. Но он этого не сделал. Он не мог решиться на это. Человек, который раньше видел то, чего не видели другие, теперь не видел того, что было видно каждому ребенку. Питание было налажено, машины работали, сырье добывалось в невиданных ранее размерах, страна была электрифицирована, механизирована. Троцкий не хотел этого признать. Он заявил, что именно быстрый подъем и лихорадочные темпы строительства обусловливают непрочность этого строительства. Советский Союз — «государство Сталина», как он его называл, — должен рано или поздно потерпеть крах и без постороннего вме

шательства, и он, несомненно, потерпит крах в случае нападения на него фашистских держав. И Троцкий разражался вспышками беспредельной ненависти к человеку, под знаменем которого осуществлялось строительство.

Попробуем теперь представить себе Сталина.

Первые шаги Сталина

Еще в ранние годы Сталин занимался проблемами, требовавшими своего разрешения немедленно после окончания войны. Уже в 1913 году Ленин писал Горькому:

«У нас здесь есть один чудесный грузин, который работает над большой статьей по национальному вопросу, вопросу, которым надлежит серьезно заняться».

Трудности восхождения

И Сталин занялся этим вопросом. У него были идеи. Он проявил себя организатором. Но Сталин не ослеплял; он оставался в тени рядом со сверкающим, суетливым Троцким. Троцкий хороший оратор, пожалуй, лучший из существующих. Он очаровывает. Сталин говорит, как я уже указывал, не без юмора, но пространно, рассудительно. Он упорным трудом завоевывал себе популярность, которая другому легко давалась. Своим успехом он обязан только себе.

Он выступает вперед

Блеск Троцкого, не всегда неподдельный, в продолжение многих лет мешал заметить действительные заслуги Сталина. Но наступило время, когда идеи только-борца Троцкого начали становиться ошибочными и подгнивать; первым это заметил и высказал Сталин. Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что, в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране возможно. Уже тогда он последовательно, более отчетливо и в более острых формулировках, чем Ленин, указал путь к этому построению — усиленная индустриализация страны и объединение крестьян в артели. Он в ясных словах провозгласил то, что до сих пор оспаривалось, а именно: при правильной политике партии решающая часть русского крестьянства может быть втянута в социалистическое общество, и он обосновал это утверждение простыми, убедительными и неопровержимыми аргументами.

Неопровержимые аргументы

Троцкий своей блестящей риторикой опроверг так же неопровержимо неопровержимые аргументы Сталина. Сталин знал, что выдвинутые им аргументы действительно неопровержимы, но он видел, что многие верили в блестящие по форме и фальшивые по содержанию возражения Троцкого

Неопровержимые дела

Сталин не ограничивался одними правильными высказываниями. Он работал, он шел по правильному пути. Он объединил крестьян в артели, развивал промышленность, возделывал почву для социализма в Советском Союзе и строил социализм. Действительность, создаваемая им, опровергала неопровержимые теории Троцкого.

«Катон на стороне побежденных»

«Боги на стороне победителей, Катон на стороне побежденных». Троцкий не хотел признать себя побежденным. Он выступал с пламенными речами, писал блестящие статьи, брошюры, книги, называя в них сталинскую действительность иллюзией, потому что она не укладывалась в его теории. Троцкий мешал. Съезд партии высказался против него — он был сослан, а затем изгнан из страны.

Магия тезисов

Дело Сталина процветало, добыча угля росла, росла добыча железа и руды; сооружались электростанции; тяжелая промышленность догоняла промышленность других стран; строились города; реальная заработная плата повышалась, мелкобуржуазные настроения крестьян были преодолены, их артели давали доходы, — все более возрастающей массой они устремлялись в колхозы. Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножателем» во всех отношениях. Сталинское строительство росло и крепло. Но Сталин должен был заметить, что все еще имелись люди, которые не хотели верить в это реальное, осязаемое дело, которые верили тезисам Троцкого больше, чем очевидным фактам.

Опасные друзья

Да, именно среди людей, другом которых был Сталин, которым он поручил ответственные посты, нашлись некоторые, поверившие больше в слово Троцкого, чем в дело Сталина. Они

мешали этому делу, чинили ему препятствия, саботировали его. Они были привлечены к ответственности, их вина была установлена. Сталин простил их, назначил их снова на высокие посты.

Чрезмерно приверженные

Что должен был продумать и прочувствовать Сталин, узнав о том, что эти его товарищи и друзья, невзирая на явный успех его начинаний, все еще продолжали тянуться к его врагу Троцкому, тайно переписывались с ним и, стремясь вернуть своего старого вождя в СССР, старались нанести вред его — Сталина — делу.

В период между двумя процессами

Когда я увидел Сталина, процесс против первой группы троцкистов — против Зиновьева и Каменева — был закончен, обвиняемые были осуждены и расстреляны, и против второй группы троцкистов — Пятакова, Радека, Бухарина и Рыкова — было возбуждено дело; но никому еще не было известно в точности, какое обвинение им предъявляется и когда и против кого из них будет начат процесс. Вот в этот промежуток времени, между двумя процессами, я и увидел Сталина.

Сталин

На портретах Сталин производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав; в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен.

Манера говорить

Сталин говорит медленно, тихим, немного глухим голосом. Он не любит диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступлениями. Он предпочитает им медленные обдуманные фразы. Говорит он очень отчетливо, иногда так, как если бы он диктовал. Во время разговора расхаживает взад и вперед по комнате, затем внезапно подходит к собеседнику и, вытянув по направлению к нему указательный палец своей красивой руки, объясняет, растолковывает или, формулируя свои обдуманные фразы, рисует цветным карандашом узоры на **листе** бумаги.

Скрытно и откровенно

Тема моего разговора со Сталиным не была заранее согласована. Никакой темы я и не подготовлял, я ждал, что она воз

никнет сама собой под впечатлением человека и момента. Втайне я боялся, что наш разговор превратится в более или менее официальную, приглаженную беседу, подобную тем, которые Сталин вел два-три раза с западными писателями. Вначале действительно беседа направилась по такому руслу. Мы говорили о функции писателя в социалистическом обществе, о революционном воздействии, которое иногда оказывают даже реакционные писатели, как, например, Гоголь, о классовой принадлежности или бесклассовости интеллигенции, о свободе слова и литературы в Советском Союзе. Вначале Сталин говорил осторожно, общими фразами. Однако постепенно он изменил свое отношение, и вскоре я почувствовал, что с этим человеком я могу говорить откровенно. Я говорил откровенно, й он отвечал мне тем же.

Стиль речи

Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говорит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он не обладает остроумием, но ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда точно.

Своеобразие

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и, как я писал выше, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонным оборотам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нем партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым.

Сталин и «Иуда»

Он взволновался, когда мы заговорили о процессах троцкистов. Рассказал подробно об обвинении, предъявленном Пятакову и Радеку, материал которого в то время был еще неизвестен. Он говорил о панике, в которую приводит фашистская опасность людей, не умеющих смотреть вперед. Я еще раз упомянул о дурном впечатлении, которое произвели за границей Даже на людей, расположенных к СССР, слишком простые прие

мы в процессе Зиновьева. Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов; опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте. Потом он заговорил о Раде- ке — писателе, наиболее популярной личности среди участников второго троцкистского процесса, — говорил он с горечью и взволнованно; рассказывал о своем дружеском отношении к этому человеку. «Вы, евреи, — обратился он ко мне, — создали бессмертную легенду, легенду о Иуде». Как странно мне было слышать от этого обычно такого спокойного, логически мыслящего человека эти простые патетические слова. Он рассказал о длинном письме, которое написал ему Радек и в котором тот заверял в своей невиновности, приводя множество лживых доводов; однако на другой день, под давлением свидетельских показаний и улик, Радек сознался.

Противоположное в характере Сталина и Троцкого

Ненавидит ли Иосиф Сталин Льва Троцкого, как человека? Он, вероятно, должен его ненавидеть. Я уже указывал на то, что противоположность их характеров в такой же мере разделяет их, как и противоположность во взглядах. Едва ли можно представить себе более резкие противоположности, чем красноречивый Троцкий с быстрыми, внезапными идеями, с одной стороны, и простой, всегда скрытный, серьезный Сталин, медленно и упорно работающий над своими идеями, — с другой. «Внезапная идея — это не мысль, — сказано у австрийского писателя Гриль- парцера. — Мысль знает свои границы. Внезапные идеи пренебрегают ими и, осуществляясь, не сходят с места». У Льва Троцкого, писателя, — молниеносные, часто неверные внезапные идеи; у Иосифа Сталина — медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли. Троцкий — ослепительное единичное явление. Сталин — поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов, Троцкий — быстро гаснущая ракета, Сталин — огонь, долго пылающий и согревающий.

Еще о противоположностях

Драматурга, который пожелал бы изобразить в своем произведении две столь противоположные индивидуальности, **обви**нили бы в надуманности и погоне за эффектами. Троцкий **ловок**

в речи и жестах, он без труда изъясняется на многих языках, он высокомерен, красочен, остроумен. Сталин скорее монументален; упорной работой в духовной семинарии он завоевывал свое образование. Он не ловок, но он близко знает нужды своих крестьян и рабочих, он сам принадлежит к ним, и он никогда не был вынужден, как Троцкий, искать дорогу к ним, находясь на чужом участке. Разве эта красочность, подвижность, двуличие, надменность, ловкость в Троцком не должны быть Сталину столь же противны, как Троцкому твердость и угловатость Сталина?

Ненависть

Сталин видит перед собой грандиознейшую задачу, которая требует отдачи всех сил даже исключительно сильного человека; а он вынужден отдавать очень значительную часть своих сил на ликвидацию вредных последствий блестящих и опасных причуд Троцкого. «Небольшевистское прошлое Троцкого — это не случайность», — говорится в завещании Ленина. Сталин, несомненно, постоянно помнит об этом, и он видит в Троцком человека, который благодаря своей большой гибкости может в любой момент, уверенный в правильности своих убеждений, повернуть обратно к своему небольшевистскому прошлому. Да, Сталин должен ненавидеть Троцкого, во-первых, потому, что всем своим существом тот не подходит к Сталину, а во-вторых, потому, что Троцкий всеми своими речами, писаниями, действиями, даже просто своим существованием подвергает опасности его — Сталина — дело.

Ненависть-любовь

Но отношения Сталина и Троцкого друг к другу не исчерпываются вопросами их соперничества, ненависти, различия характеров и взглядов. Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому. Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что- то трогательное.

ЯСНОЕ Й ТАЙНОЕ В ПРОЦЕССАХ ТРОЦКИСТОВ

Процессы против троцкистов

С другой стороны, тот же Сталин решил в конце концов вторично привлечь своих противников-троцкистов к суду, обвинив их в государственной измене, шпионаже, вредительстве и другой подрывной деятельности, а также в подготовке террористических актов. В процессах, которые своей «жестокостью и произволом» возбудили против Советского Союза мир, противники Сталина, троцкисты, были окончательно разбиты. Они были осуждены и расстреляны.

Личные ли это мотивы Сталина?

Объяснять эти процессы — Зиновьева и Радека — стремлением Сталина к господству и жаждой мести было бы просто нелепо. Иосиф Сталин, осуществивший, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин не станет, руководствуясь личными мотивами, как какой-то герой из классных сочинений гимназистов, вредить внешней политике своей страны и тем самым серьезному участку своей работы.

Участие автора в процессах

С процессом Зиновьева и Каменева я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично. Во время первого процесса я находился в атмосфере Западной Европы, во время второго — в атмосфере Москвы. В первом случае на меня действовал воздух Европы, во втором — Москвы, и это дало мне возможность особенно остро ощутить ту грандиозную разницу, которая существует между Советским Союзом и Западом.

Впечатления от процессов за границей

Некоторые из моих друзей, люди вообще довольно разумные, называют эти процессы от начала до конца трагикомичными, варварскими, не заслуживающими доверия, чудовищными как по содержанию, так и по форме. Целый ряд людей, принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. Многих, видевших в общественном строе Союза идеал социалистической гуманности, этот процесс просто поставил в тупик; им казалось, что пули, поразившие Зиновьева и Каменева, убили вместе с ними и новый мир.

В Западной Европе — одно

И мне тоже, до тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

В Москве — другое

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, чтб тогда значит правда.

Проверка

Я взял протоколы процесса, вспомнил все, что я видел собственными глазами и слышал собственными ушами, и еще раз взвесил все обстоятельства, говорившие за и против достоверности обвинения.

Маловероятность обвинений против Троцкого

В основном процессы были направлены, прежде всего, против самой крупной фигуры — отсутствовавшего обвиняемого Троцкого. Главным возражением против процесса являлась мнимая недостоверность предъявленного Троцкому обвинения. «Троцкий, — возмущались противники, — один из основателей Советского государства, друг Ленина, сам давал директивы препятствовать строительству государства, одним из основателей которого он был, стремился разжечь войну против Союза и подготовить его поражение в этой войне? Разве это вероятно? Разве это мыслимо?»

Вероятность обвинений против Троцкого

После тщательной проверки оказалось, что поведение, приписываемое Троцкому обвинением, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него поведением, соответствующим его внутреннему состоянию.

Причины

Нужно хорошо себе представить этого человека, приговоренного к бездействию, вынужденного праздно наблюдать за тем, как грандиозный эксперимент, начатый им вместе с Лениным, превращается в некоторого рода гигантский мелкобуржуазный шреберовский сад. Ведь ему, который хотел пропитать социализмом весь земной шар, «государство Сталина» казалось — так он говорил, так писал — пошлой карикатурой на то, что первоначально ему представлялось. К этому присоединялась глубокая личная неприязнь к Сталину, соглашателю, который ему, творцу плана, постоянно мешал и в конце концов изгнал его. Троцкий бесчисленное множество раз давал волю своей безграничной ненависти и презрению к Сталину. Почему, выражая это устно и в печати, он не мог выразить этого в действии? Действительно ли это так «невероятно», чтобы он, человек, считавший себя единственно настоящим вождем революции, не нашел все средства достаточно хорошими для свержения «ложного мессии», занявшего с помощью хитрости его место? Мне это кажется вполне вероятным.

Алкивиад у персов

Мне кажется, далее, также вероятным, что если человек, ослепленный ненавистью, отказывался видеть признанное всеми успешное хозяйственное строительство Союза и мощь его армии, то такой человек перестал также замечать непригодность имеющихся у него средств и начал выбирать явно неверные пути. Троцкий отважен и безрассуден; он великий игрок. Вся жизнь его — это цепь авантюр; рискованные предприятия очень часто удавались ему. Будучи всю свою жизнь оптимистом, Троцкий считал себя достаточно сильным, чтобы быть в состоянии использовать для осуществления своих планов дурное, а затем в нужный момент отбросить это дурное и обезвредить его. Если Алкивиад пошел к персам, то почему Троцкий не мог пойти к фашистам?

Ненависть изгнанного к изгнавшему

Русским патриотом Троцкий не был никогда. «Государство Сталина» было ему глубоко антипатично. Он хотел мировой революции. Если собрать все отзывы изгнанного Троцкого о Сталине и о его государстве воедино, то получится объемистый том, насыщенный ненавистью, яростью, иронией, презрением. Что же являлось за все эти годы изгнания и является и ныне глав

ной целью Троцкого? Возвращение в страну любой ценой, возвращение к власти.

Шекспир о Троцком

Кориолан Шекспира, придя к врагам Рима — вольскам, рассказывает о неверных друзьях, предавших его.

«И пред лицом патрициев трусливых, — говорит он заклятому врагу Рима, — бессмысленными криками рабов из Рима изгнан я. Вот почему я здесь теперь — пред очагом твоим. Я здесь для мщенья. С врагом моим я за изгнанье должен расплатиться».

Так отвечает Шекспир на вопрос о том, возможен ли договор между Троцким и фашистами.

Ленин о Троцком

Небольшевистское прошлое Троцкого — это не случайность. Так отвечает Ленин в своем завещании на вопрос о том, возможен ли договор между Троцким и фашистами.

Троцкий о Троцком

Эмиль Людвиг сообщает о своей беседе с Троцким, состоявшейся вскоре после высылки Троцкого на Принцевы Острова, около Стамбула. Эту беседу Эмиль Людвиг опубликовал в 1931 году в своей книге «Дары жизни». То, что было высказано уже тогда, в 1931 году, Троцким, должно заставить призадуматься всех, кто находит обвинения, предъявленные ему, нелепыми и абсурдными. «Его собственная партия, — сообщает Людвиг (я цитирую дословно. — *Л.* Ф.), — по словам Троцкого, рассеяна повсюду и поэтому трудно поддается учету. «Когда же она сможет собраться?» — Когда для этого представится какой-либо новый случай, например война или новое вмешательство Европы, которая смогла бы почерпнуть смелость из слабости правительства. «Но в этом случае вас-то именно и не выпустят, даже если бы те захотели вас впустить». Пауза — в ней чувствуется презрение. — О, тогда, по всей вероятности, пути найдутся. — Теперь улыбается даже госпожа Троцкая». Так отвечает Троцкий на вопрос о том, возможен ли договор между Троцким и фашистами.

Правдоподобны ли обвинения,
предъявленные Радеку и Пятакову?

Что же касается Пятакова, Сокольникова, Радека, представших перед судом во втором процессе, то по поводу их возражения были следующего порядка: невероятно, чтобы люди с их

рангом и влиянием вели работу против государства, которому они были обязаны своим положением и постами, чтобы они пустились в то авантюрное предприятие, которое им ставит в вину обвинение.

Идеологические мотивы обвиняемых

Мне кажется неверным рассматривать этих людей только под углом зрения занимаемого ими положения и их влияния. Пятаков и Сокольников были не только крупными чиновниками, Радек был не только главным редактором «Известий» и одним из близких советников Сталина. Большинство этих обвиняемых были в первую очередь конспираторами, революционерами; всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота — в этом было их призвание. Все, чего они достигли, они достигли вопреки предсказаниям «разумных», благодаря своему мужеству, оптимизму, любви к рискованным предприятиям. К тому же они верили в Троцкого, обладающего огромной силой внушения. Вместе со своим учителем они видели в «государстве Сталина» искаженный образ того, к чему они сами стремились, и свою высшую цель усматривали в том, чтобы внести в это искажение свои коррективы.

Материальный вопрос

Не следует также забывать о личной заинтересованности обвиняемых в перевороте. Ни честолюбие, ни жажда власти у этих людей не были удовлетворены. Они занимали высокие должности, но никто из них не занимал ни одного из тех высших постов, на которые, по их мнению, они имели право; никто из них, например, не входил в состав «Политического Бюро». Правда, они опять вошли в милость, но в свое время их судили как троцкистов, и у них не было больше никаких шансов выдвинуться в первые ряды. Они были в некотором смысле разжалованы, и «никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», говорит Радек, которому это должно быть хорошо известно.

Возражения против порядка ведения процесса

Кроме нападок на обвинение слышатся не менее резкие нападки на самый порядок ведения процесса. Если имелись документы и свидетели, спрашивают сомневающиеся, то почему же держали эти документы в ящике, свидетелей — за кулисами и довольствовались не заслуживающими доверия признаниями?

Ответ советских граждан

Это правильно, отвечают советские люди, на процессе мы показали некоторым образом только квинтэссенцию, препарированный результат предварительного следствия. Уличающий материал был проверен нами раньше и предъявлен обвиняемым. На процессе нам было достаточно подтверждения их признания. Пусть тот, кого это смущает, вспомнит, что это дело разбирал военный суд и что процесс этот был в первую очередь процессом политическим. Нас интересовала чистка внутриполитической атмосферы. Мы хотели, чтобы весь народ, от Минска до Владивостока, понял происходящее. Поэтому мы постарались обставить процесс с максимальной простотой и ясностью. Подробное изложение документов, свидетельских показаний разного рода следственного материала может интересовать юристов, криминалистов, историков, а наших советских граждан мы бы только запутали таким чрезмерным нагромождением деталей. Безусловное признание говорит им больше, чем множество остроумно сопоставленных доказательств. Мы вели этот процесс не для иностранных криминалистов, мы вели его для нашего народа.

Гипотезы с авантюрным оттенком

Так как такой весьма внушительный факт, как признания, их точность и определенность, опровергнут быть не может, сомневающиеся стали выдвигать самые авантюристические предположения о методах получения этих признаний.

Яд и гипноз

В первую очередь, конечно, было выдвинуто наиболее примитивное предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию. Однако эта выдумка была опровергнута несомненно свежим видом обвиняемых и их общим физическим и умственным состоянием. Таким образом, скептики были вынуждены для объяснения «невероятного» признания прибегнуть к другим источникам. Обвиняемым, заявили они, давали всякого рода яды, их гипнотизировали и подвергали действию наркотических средств. Однако еще никому на свете не удавалось держать другое существо под столь сильным и длительным влиянием, и тот ученый, которому бы это удалось, едва ли удовольствовался бы положением таинственного подручного полицейских органов; он, несомненно, в целях увеличения своего удельного веса ученого,

предал бы гласности найденные им методы. Тем не менее противники процесса предпочитают хвататься за самые абсурдные гипотезы бульварного характера, вместо того чтобы поверить в самое простое, а именно, что обвиняемые были изобличены и их признания соответствуют истине.

Советские люди смеются

Советские люди только пожимают плечами и смеются, когда им рассказывают об этих гипотезах. Зачем нужно было нам, если мы хотели подтасовать факты, говорят они, прибегать к столь трудному и опасному способу, как вымогание ложного признания? Разве не было бы проще подделать документы? Не думаете ли вы, что нам было бы гораздо легче, вместо того чтобы заставить Троцкого устами Пятакова и Радека вести изменнические речи, представить миру его изменнические письма, документы, которые гораздо непосредственнее доказывают его связь с фашистами? Вы видели и слышали обвиняемых: создалось ли у вас впечатление, что их признания вынуждены?

Обстановка процесса

Этого впечатления у меня действительно не создалось. Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своим палачом. Вообще не следует думать, что это судебное разбирательство носило какой-либо искусственный или даже хотя бы торжественный, патетический характер.

Портреты обвиняемых

Помещение, в котором шел процесс, не велико, оно вмещает примерно триста пятьдесят человек. Судьи, прокурор, обвиняемые, защитники, эксперты сидели на невысокой эстраде, к которой вели ступеньки. Ничто не разделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминал скорее обрамление ложи. Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор

и судьи увлечены одинаковым, а чуть было не сказал спортивным, интересом выяснить с максимальной точностью все происшедшее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами.

Деловитость

Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнаженность, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям. Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в залах суда фотографирование и записи на граммофонные пластинки. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше.

Поведение

Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один с циничной интонацией, другой молодцевато, как солдат, третий внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый — как раскаивающийся ученик, пятый — поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы.

Пятаков

Я никогда не забуду, как Георгий Пятаков, господин среднего роста, средних лет, с небольшой лысиной, с рыжеватой, старомодной, трясущейся острой бородой, стоял перед микрофоном и как он говорил — будто читал лекцию. Спокойно и старательно он повествовал о том, как он вредил в вверенной ему промышленности. Он объяснял, указывал вытянутым пальцем, напоминая преподавателя высшей школы, историка, выступающего с докладом о жизни и деяниях давно умершего человека по имени Пятаков и стремящегося разъяснить все обстоятельства до мельчайших подробностей, охваченный одним желанием, чтобы слушатели и студенты все правильно поняли и усвоили.

Радек

Писателя Карла Радека я тоже вряд ли когда-нибудь забуду. Я не забуду ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке, ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический, ни как он при входе клал тому или другому из обвиняемых на плечо руку легким, нежным жестом, ни как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера, — надменный, скептический, ловкий, литературно образованный. Внезапно оттолкнув Пятакова от микрофона, он встал сам на его место. То он ударял газетой о барьер, то брал стакан чая, бросал в него кружок лимона, помешивал ложечкой и, рассказывая о чудовищных делах, пил чай мелкими глотками. Однако, совершенно не рисуясь, он произнес свое заключительное слово, в котором он объяснил, почему он признался, и это заявление, несмотря на его непринужденность и на прекрасно отделанную формулировку, прозвучало трогательно, как откровение человека, терпящего великое бедствие. Самым страшным и трудно объяснимым был жест, с которым Радек после конца последнего заседания покинул зал суда. Это было под утро, в четыре часа, и все — судьи, обвиняемые, слушатели — сильно устали. Из семнадцати обвиняемых тринадцать — среди них близкие друзья Радека — были приговорены к смерти; Радек и трое других — только к заключению. Судья зачитал приговор, мы все — обвиняемые и присутствующие — выслушали его стоя, не двигаясь, в глубоком молчании. После прочтения приговора судьи немедленно удалились. Показались солдаты; они вначале подошли к четверым, не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Радеку руку на плечо, по-видимому, предлагая ему следовать за собой. И Радек пошел. Он обернулся, приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным, приговоренным к смерти, своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся.

Остальные

Трудно также забыть подробный тягостный рассказ инженера Строилова о том, как он попал в троцкистскую организацию, как он бился, стремясь вырваться из нее, и как троцкисты, пользуясь его провинностью в прошлом, крепко его держали, не вы

пуская до конца из своих сетей. Незабываем еще тот еврейский сапожник с бородой раввина — Дробнис, который особенно выделился в гражданскую войну. После шестилетнего заключения в царской тюрьме, трижды приговоренный белогвардейцами к смерти, он каким-то чудом спасся от трех расстрелов и теперь, стоя здесь, перед судом, путался и запинался, стремясь как-нибудь вывернуться, будучи вынужденным признаться в том, что взрывы, им организованные, причинили не только материальные убытки, но повлекли за собой, как он этого и добивался, гибель рабочих. Потрясающее впечатление произвел также инженер Норкин, который в своем последнем слове проклял Троцкого, выкрикнув ему свое «клокочущее презрение и ненависть». Бледный от волнения, он должен был немедленно после этого покинуть зал, так как ему сделалось дурно. Впрочем, за все время процесса это был первый и единственный случай, когда кто- либо закричал; все — судьи, прокурор, обвиняемые — говорили все время спокойно, без пафоса, не повышая голоса.

Почему они не защищаются?

Свое нежелание поверить в достоверность обвинения сомневающиеся обосновывают, помимо вышеприведенных возражений, тем, что поведение обвиняемых перед судом психологически не объяснимо. Почему обвиняемые, спрашивают эти скептики, вместо того чтобы отпираться, наоборот, стараются превзойти друг друга в признаниях? И в каких признаниях! Они сами себя рисуют грязными, подлыми преступниками. Почему они не защищаются, как делают это обычно все обвиняемые перед судом? Почему, если они даже изобличены, они не пытаются привести в свое оправдание смягчающие обстоятельства, а, наоборот, все больше отягчают свое положение? Почему, раз они верят в теории Троцкого, они, эти революционеры и идеологи, не выступают открыто на стороне своего вождя и его теорий? Почему они не превозносят теперь, выступая в последний раз перед массами, свои дела, которые они ведь должны были бы считать похвальными? Наконец, можно представить, что из числа этих семнадцати один, два или четыре могли смириться. Но все — навряд ли.

Вот почему, говорят советские люди

То, что обвиняемые признаются, возражают советские граждане, объясняется очень просто. На предварительном следствии они были настолько изобличены свидетельскими показаниями и

документами, что отрицание было бы для них бесцельно. То, что они признаются все, объясняется тем, что перед судом предстали не все троцкисты, замешанные в заговоре, а только те, которые до конца были изобличены. Патетический характер признаний должен быть в основном отнесен за счет перевода. Русская интонация трудно поддается передаче, русский язык в переводе звучит несколько странно, преувеличенно, как будто основным тоном его является превосходная степень. (Последнее замечание правильно. Я слышал, как однажды милиционер, регулирующий движение, сказал моему шоферу: «Товарищ, будьте, пожалуйста, любезны уважать правила». Такая манера выражения кажется странной. Она кажется менее странной, когда переводят больше по смыслу, чем по буквальному тексту: «Послушайте, не нарушайте, пожалуйста, правил движения». Переводы протоколов печати похожи больше на «будьте любезны уважать правила», чем на «не нарушайте, пожалуйста, правил движения».)

Мнение автора

Я должен признаться, что, хотя процесс меня убедил в виновности обвиняемых, все же, несмотря на аргументы советских граждан, поведение обвиняемых перед судом осталось для меня не совсем ясным. Немедленно после процесса я изложил кратко в советской прессе свои впечатления: «Основные причины того, что совершили обвиняемые, и главным образом основные мотивы их поведения перед судом западным людям все же не вполне ясны. Пусть большинство из них своими действиями заслужило смертную казнь, но бранными словами и порывами возмущения, как бы они ни были понятны, нельзя объяснить психологию этих людей. Раскрыть до конца западному человеку их вину и искупление сможет только великий советский писатель». Однако мои слова никоим образом не должны означать, что я желаю опорочить ведение процесса или его результаты. Если спросить меня, какова квинтэссенция моего мнения, то я смогу, по примеру мудрого публициста Эрнста Блоха, ответить словами Сократа, который по поводу некоторых неясностей у Гераклита сказал так: «То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно».

Попытка объяснения

Советские люди не представляют себе этого непонимания. После окончания процесса на одном собрании один московский писатель горячо выступил по поводу моей заметки в печати. Он

сказал: «Фейхтвангер не понимает, какими мотивами руководствовались обвиняемые, признаваясь. Четверть миллиона рабочих, демонстрирующих сейчас на Красной площади, это понимают». Мне тем не менее кажется; что к тому, чтобы понять процесс, я приложил больше усилий, чем большинство западных критиков, и, ввиду того что советский писатель, который смог бы осветить мотивы признаний, пока еще не появился, я хочу сам попробовать рассказать, как я себе представляю генезис признания.

Сущность партийного суда

Суд, перед которым развернулся процесс, несомненно, можно рассматривать как некоторого рода партийный суд. Обвиняемые с юных лет принадлежали к партии, некоторые из них считались ее руководителями. Было бы ошибкой думать, что человек, привлеченный к партийному суду, мог бы вести себя так же, как человек перед обычным судом на Западе. Даже, казалось бы, простая оговорка Радека, обратившегося к судье «товарищ судья» и поправленного председателем «говорите гражданин судья», имела внутренний смысл. Обвиняемый чувствует себя еще связанным с партией, поэтому не случайно процесс с самого начала носил чуждый иностранцам характер дискуссии. Судьи, прокурор, обвиняемые — и это не только казалось — были связаны между собой узами общей цели. Они были подобны инженерам, испытывавшим совершенно новую сложную машину. Некоторые из них что-то в этой машине испортили, испортили не со злости, а просто потому, что своенравно хотели испробовать на ней свои теории по улучшению этой машины. Их методы оказались неправильными, но эта машина не менее, чем другим, близка их сердцу, и поэтому они сообща с другими откровенно обсуждают свои ошибки. Их всех объединяет интерес к машине, любовь к ней. И это-то чувство и побуждает судей и обвиняемых так дружно сотрудничать друг с другом; чувство, похожее на то, которое в Англии связывает правительство с оппозицией настолько крепко, что вождь оппозиции получает от государства содержание в две тысячи фунтов.

Языческий пророк

Обвиняемые были приверженцами Троцкого: даже после его падения они верили в него. Но они жили в Советском Союзе, и то, что, изгнанному Троцкому представлялось в виде далеких смутных цифр и статистики, для них было живой действитель

ностью. Перед этой реальной действительностью тезис Троцкого о невозможности построения социалистического хозяйства в одной, отдельно взятой стране не мог рассчитывать на продолжительное существование. В 1935 году, перед лицом возрастающего процветания Советского Союза, обвиняемые должны были признать банкротство троцкизма. Они потеряли, по словам Радека, веру в концепцию Троцкого. В силу этих обстоятельств, в силу самой природы вещей признания обвиняемых прозвучали как вынужденный гимн режиму Сталина. Обвиняемые уподобились тому языческому пророку из Библии, который, выступив с намерением проклясть, стал, против своей воли, благословлять.

Измена Троцкому

Обвиняемый Муралов восемь месяцев отрицал свою вину, пока, наконец, 5 декабря не сознался. «Хотя я, — заявил он на процессе, — и не считал директиву Троцкого о терроре и вредительстве правильной, все же мне казалось морально недопустимым изменить ему. Но, наконец, когда от него стали отходить остальные — одни честно, другие нечестно, — я сказал себе: я сражался активно за Советский Союз в трех революциях, и десятки раз моя жизнь висела на волоске. Не должен ли я подчиниться его интересам? Или мне нужно остаться у Троцкого и продолжать и углублять его неправое дело? Но тогда имя мое будет служить знаменем для тех, кто еще находится в рядах контрреволюции. Другие, независимо от того, честно или нечестно они отошли от Троцкого, во всяком случае не стоят под знаменем контрреволюции. Должен ли я оставаться таким святым? Для меня это было решающим, и я сказал: ладно, иду и показываю всю правду». Показания Радека по этому пункту, более тонкие по форме, в основном повторяют ту же мысль. Речи обоих этих людей кажутся мне, оставляя в стороне процесс, интересными в психологическом отношении. Они наглядно показывают, до какого предела могут идти люди за человеком, в чье превосходство, способность к руководству и гениальную концепцию они верят, и где начинается поворот, на котором они его оставляют. Авантюристские и отчаянные средства, к которым решил прибегнуть Троцкий, после того как выяснилась ошибочность его основной концепции, должны были отпугнуть от него более мелких сторонников. Они стали считать его методы безумными. Они не отошли от него открыто уже раньше только потому, что не знали, как это технически обставить. «Мы бы сами пошли в милицию, — заявил Радек, — если бы она не явилась к

нам раньше», и это вполне вероятно. Ведь некоторые из их соучастников действительно раньше пошли в милицию, и таким образом заговор был раскрыт.

Люди, верящие в свое дело

Возражения сомневающихся по существу правильны. Люди, верящие в свое дело, зная, что они обречены на смерть, не изменяют ему в свой последний час. Они хватаются за последнюю возможность обратиться к общественности и используют свое выступление в целях пропаганды своего дела. Сотни революционеров перед судом Гитлера заявляют: «Да, я совершил то, в чем вы меня обвиняете. Вы можете меня уничтожить, но я горжусь тем, что я сделал». Таким образом, сомневающиеся правы, спрашивая: почему ни один из этих троцкистов так не говорил? Почему ни один из этих троцкистов не сказал: «Да, ваше «государство Сталина» построено неправильно. Прав Троцкий. Все, что я сделал, хорошо. Убейте меня, но я защищаю свое дело».

Люди, не верящие в свое дело

Однако это возражение встречает убедительный ответ. Эти троцкисты не говорили так просто потому, что они больше не верили в Троцкого, потому что внутренне они уже не могли защищать то, что они совершили, потому что их троцкистские убеждения были до такой степени опровергнуты фактами, что люди зрячие не могли больше в них верить. Что же оставалось им делать, после того как они стали на неправую сторону? Им ничего другого не оставалось, — если они были убежденными социалистами, — как в последнем выступлении перед смертью признаться: социализм не может быть осуществлен тем путем, которым мы шли — путем, предложенным Троцким, а только другим путем — путем, предложенным Сталиным.

Девяносто девять или сто процентов

Но даже если отбросить идеологические побудительные причины и принять во внимание только внешние обстоятельства, то обвиняемые были прямо-таки вынуждены к признанию. Как они должны были себя вести, после того как они увидели перед собой весьма внушительный следственный материал, изобличающий их в содеянном? Они были обречены независимо от того, признаются они или не признаются. Если они признаются, то, возможно, их признание, несмотря на все, даст им про

блеск надежды на помилование. Грубо говоря: если они не признаются, они обречены на смерть на все сто процентов, если они признаются, — на девяносто девять. Так как их внутренние убеждения не возражают против признания, то почему же им не признаться? Из их заключительных слов видно, что такого рода соображения действительно имели место. Из семнадцати обвиняемых двенадцать просили суд принять во внимание при вынесении приговора, в качестве смягчающего вину обстоятельства, их признание.

Трагикомический момент

Волей-неволей свою просьбу они должны были выражать приблизительно одинаковыми словами, и это, наконец, стало производить почти жуткое, трагикомическое впечатление. Во время заключительных слов последних обвиняемых все уже, нервничая, ждали этой просьбы, и, когда ее действительно произносили, — при этом каждый раз в неизбежно однообразной форме, слушатели с трудом сдерживали смех.

Для чего усиливать звук?

Однако ответить на вопрос, какие причины побудили правительство выставить этот процесс на свет, пригласив на него мировую прессу и мировую общественность, пожалуй, еще труднее, чем ответить на вопрос, какими мотивами руководствовались обвиняемые. Чего ждали от этого процесса? Не должна ли была эта манифестация привести скорее к неприятным, чем к благоприятным последствиям? Зиновьевский процесс оказал за границей очень вредное действие: он дал в руки противникам долгожданный материал для пропаганды и заставил поколебаться многих друзей Союза. Он вызвал сомнение в устойчивости режима, в которую до этого верили даже враги. Зачем же вторым подобным процессом так легкомысленно подрывать собственный престиж?

Сталин — Чингисхан

Причину, утверждают противники, следует искать в опустошительном деспотизме Сталина, в той радости, которую он испытывает от террора. Ясно, что Сталин, обуреваемый чувствами неполноценности, властолюбия и безграничной жаждой мести, хочет отомстить всем, кто его когда-либо оскорбил, и устранить тех, кто в каком-либо отношении может стать опасным.

Жалкие психологи

Подобная болтовня свидетельствует о непонимании человеческой души и неспособности правильно рассуждать. Достаточно только прочесть любую книгу, любую речь Сталина, посмотреть на любой его портрет, вспомнить любое его мероприятие, проведенное им в целях осуществления строительства, и немедленно станет ясно, что этот умный, рассудительный человек никогда не мог совершить такую чудовищную глупость, как поставить с помощью бесчисленных соучастников такую грубую комедию с единственной целью отпраздновать, при бенгальском освещении, свое торжество над повергнутым противником.

Решение

Я думаю, что решение вопроса проще и вместе с тем сложнее. Нужно вспомнить о твердой решимости Советского Союза двигаться дальше по пути демократии и, прежде всего, о существующем там отношении к вопросу о войне, на которое я уже несколько раз указывал.

Демократизация и опасность войны

Растущая демократизация, в частности предложение проекта новой Конституции, должна была вызвать у троцкистов новый подъем активности и возбудить у них надежду на большую свободу действий и агитации. Правительство нашло своевременным показать свое твердое решение уничтожать в зародыше всякое проявление троцкистского движения. Но главной причиной, заставившей руководителей Советского Союза провести этот процесс перед множеством громкоговорителей, является, пожалуй, непосредственная угроза войны. Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае — ссылать. Очень действенным средством ссылка все же не является; Сталин, бывший сам шесть раз в ссылке и шесть раз бежавший, это знает. Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердечие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность. После убийства Кирова дела о троцкистах в Советском Союзе разбирают военные суды. Эти люди стояли перед военным судом, и военный суд их осудил.

Два лица Советского Союза

Советский Союз имеет два лица. В борьбе лицо Союза — суровая беспощадность, сметающая со своего пути всякую оппозицию. В созидании его лицо — демократия, которую он объявил в Конституции своей конечной целью. И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами — Зиновьева и Радека — служит как бы символом этого[1].

ТРОЦКИЙ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ СТАЛИНА

Из статьи Л. Троцкого «ТЕРМИДОР И АНТИСЕМИТИЗМ»

Во время последнего московского процесса я отметил в одном из своих заявлений, что в борьбе с оппозицией Сталин эксплуатировал антисемитские тенденции в стране. По этому поводу я получил ряд писем и запросов, в большинстве своем — незачем таить правду — очень наивных. «Как можно обвинять Советский Союз в антисемитизме?», «Если СССР антисемитская страна, то что же вообще остается?» Такова доминирующая нота этих писем. Возражения и недоумения исходят от людей, которые привыкли фашистскому антисемитизму противопоставлять эмансипацию евреев, совершенную Октябрьской революцией, и которым теперь кажется, что у них вырывают из рук спасательный круг. Такой метод рассуждения типичен для людей, привыкших к вульгарному, недиалектическому мышлению. Они живут в мире неизменных абстракций. Они признают только то, что для них удобно, Германия Гитлера — абсолютное царство антисемитизма. Наоборот, СССР — царство национальной гармонии. Живые противоречия, изменения, переходы из одного состояния в другое, словом, реальные исторические процессы ускользают от их ленивого внимания.

Люди, надеюсь, не забыли еще, что в царской России антисемитизм был достаточно широко распространен среди крестьян, мелкой буржуазии городов, интеллигенции и наиболее отсталых слоев рабочего класса. «Матушка» Россия славилась не только

[1] *Фейхтвангер Лион.* Москва. 1937 год. Таллин, 1990. С. 62—87.

периодическими еврейскими погромами, но и существованием значительного числа антисемитских изданий, имевших крупный по тому времени тираж. Октябрьская революция радикально ликвидировала бесправие евреев. Это вовсе не значит, однако, что она одним ударом смела антисемитизм. Длительная и настойчивая борьба с религией не мешает тому, что и сегодня тысячи и тысячи церквей, мечетей и синагог заполняются молящимися. Так и в области национальных предрассудков. Одни лишь законодательные акты еще не меняют людей. Их мысли, чувства, взгляды зависят от традиций, материальных условий жизни, культурного уровня и пр. Советскому режиму нет еще и двадцати лет. Старшая половина населения воспиталась при царизме. Младшая половина очень многое восприняла от старшей. Уже одни эти общие исторические условия должны заставить мыслящего человека понять, что, несмотря на образцовое законодательство Октябрьской революции, в отсталых массах могут сохранять еще большую силу националистические и шовинистические предрассудки, в частности антисемитизм.

Но этого мало. Советский режим, как он есть, вызвал к жизни ряд новых явлений, которые при бедности и малокультурно- сти населения способны заново порождать и действительно порождают антисемитские настроения. Евреи — типично городское население. На Украине, в Белоруссии, даже в Великороссии они составляют значительный процент городского населения. Советский режим нуждается в таком количестве чиновников, как никакой другой режим в мире. Чиновники вербуются из более культурного городского населения. Естественно, если евреи занимают в среде бюрократии, особенно в ее нижних и средних слоях, непропорционально большое место. Можно, конечно, на этот факт закрывать глаза и ограничиваться общими фразами о равенстве и братстве всех наций. Но политика страуса ни на шаг не продвинет нас вперед. Ненависть крестьян и рабочих к бюрократии есть основной факт советской жизни. Деспотический режим, преследование всякой критики, удушение живой мысли, наконец, судебные подлоги представляют собой лишь отражение этого основного факта. Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере там, где чиновники — евреи составляют значительный процент населения и выделяются на фоне основной массы крестьянского населения.

В 1923 году я на партийной конференции большевистской партии Украины выставил требование: чиновник должен уметь

говорить и писать на языке окружающего населения. Сколько по этому поводу было иронических замечаний, исходивших в значительной мере от еврейской интеллигенции, которая говорила и писала по-русски и не хотела учиться украинскому языку! Надо признать, что в этом отношении положение значительно изменилось к лучшему. Но мало изменился национальный состав бюрократии и, что неизмеримо важнее, антагонизм между населением и бюрократией чудовищно возрос за последние 10— 12 лет. О наличии антисемитизма, притом не только старого, но и нового, «советского», свидетельствуют решительно все серьезные и честные наблюдатели, особенно те, которым приходилось длительное время жить среди трудящихся масс.

Советский чиновник чувствует себя морально в осажденном лагере. Он стремится всеми силами выскочить из своей изолированности. Политика Сталина по крайней мере на 50% продиктована этим стремлением. Сюда относятся: 1) лжесоциалистическая демагогия («социализм уже осуществлен», «Сталин даст, дает, дал народу счастливую жизнь» и пр. и пр.); 2) политические и экономические меры, которые вокруг бюрократии должны создать широкий слой новой аристократии (непропорционально высокий заработок стахановцев, чины, ордена, новая «знать» и пр.); и 3) подлаживание к националистическим чувствам и предрассудкам отсталых слоев населения. Украинский чиновник, если сам он коренной украинец, неминуемо постарается в критическую минуту подчеркнуть, что он мужику и крестьянину свой брат, не какой-нибудь инородец и, во всяком случае, не еврей. В такого рода приемах нет, конечно — увы! — ни крупицы «социализма», ни даже элементарного демократизма, но в том-то и дело, что привилегированная, боящаяся своих привилегий и потому насквозь деморализованная бюрократия представляет ныне самый антисоциалистический и самый антидемократический слой в советском обществе. В борьбе за свое самосохранение она эксплуатирует наиболее заскорузлые предрассудки и наиболее темные инстинкты. Если Сталин в Москве организует процессы об отравлении «троцкистами» рабочих, то нетрудно себе представить, на какие гнусности способна бюрократия в каком-нибудь украинском или центрально-азиатском захолустье.

Кто следит внимательно за советской жизнью, хотя бы только по официальным изданиям, тот знает, что время от времени в разных частях страны вскрываются ужасающие бюрократические гнойники: взяточничество, подкуп, растраты, убийства неудобных людей, изнасилование и т. п. Каждый такой гнойник

показывает нам бюрократический слой в зеркальном разрезе. Иногда Москва вынуждена прибегать к показательным процессам. Во всех таких процессах евреи неизменно составляют значительный процент. Отчасти потому, что они, как уже сказано, составляют изрядную часть бюрократии и отмечены ее клеймом; отчасти потому, что, движимое инстинктом самосохранения, руководящее ядро бюрократии в центре и на местах стремится отвести негодование трудящихся от себя на евреев. Факт этот был известен в СССР каждому критическому наблюдателю еще 10 лет тому назад, когда сталинский режим едва успел раскрыть свои основные черты.

Борьба с оппозицией была для правящей верхушки вопросом жизни и смерти. Программа, принципы, связь с массами — все было оттеснено назад и отброшено заботой о самосохранении нового правящего строя. Эти люди не останавливаются ни перед чем, чтоб оградить свои привилегии и свою власть. Весь свет обошло недавно сообщение о том, что мой младший сын Сергей Седов обвиняется в подготовке массового отравления рабочих. Каждый нормальный человек скажет: люди, способные выдвигать такие обвинения, дошли до последней степени нравственного падения. Можно ли в таком случае хоть на минуту сомневаться в том, что эти самые обвинители способны играть на антисемитских предрассудках массы? Как раз на примере моего сына обе гнусности соединяются воедино и на этом стоит остановиться.

Мои сыновья со дня рождения носят фамилию своей матери (Седова). Никогда никакой другой фамилии у них не было — ни в школе, ни в университете, ни в дальнейшей деятельности. Что касается меня, то я в течение 34 лет ношу фамилию Троцкого. За советский период никто и никогда не называл меня фамилией моего отца (Бронштейн), как Сталина никто не называл Джугашвили. Чтоб не заставлять сыновей менять фамилию, я для «гражданских» надобностей принял фамилию жены (что по советским законам вполне допускается). После того, однако, как мой сын Сергей Седов был привлечен по совершенно невероятному обвинению в подготовке истребления рабочих, ГПУ сообщило советской и иностранной печати, что «настоящая» (!) фамилия моего сына не Седов, а Бронштейн. Если б эти фальшивомонетчики хотели подчеркнуть связь обвиняемого со мной, они назвали бы фамилию Троцкого, ибо политически фамилия Бронштейн никому ничего не говорит. Но им нужно было другое, именно: подчеркнуть мое еврейское происхождение и по-

луеврейское происхождение моего сына. Я остановился на этом эпизоде только потому, что он имеет животрепещущий и отнюдь не исключительный характер. Вся борьба против оппозиции полна таких эпизодов.

Между 1923 и 1926 годом, когда Сталин входил еще в «тройку» с Зиновьевым и Каменевым, игра на струнах антисемитизма носила очень осторожный и замаскированный характер. Особо вышколенные агитаторы (Сталин и тогда уже вел подспудную борьбу против своих союзников) говорили, что последователями Троцкого являются мелкие буржуа из «местечек», не определяя йациональности. На самом деле это было неверно. Процент еврейской интеллигенции в оппозиции был во всяком случае не выше, чем в партии и в бюрократии. Достаточно назвать штаб оппозиции 23-х—25-х годов: И. Н. Смирнов, Серебряков, Раков- ский, Пятаков, Преображенский, Крестинский, Муралов, Бело-бородов, Мрачковский, В. Яковлева, Сапронов, В. М. Смирнов, Ищенко — сплошь коренные русские люди. Радек в тот период был только полусочувствующим. Но, как и в судебных процессах взяточников и других негодяев, так и при исключении оппозиционеров из партии, бюрократия охотно выдвигала случайные и второстепенные еврейские имена на первый план. Об этом совершенно открыто говорилось в партии, и в этом обстоятельстве оппозиция уже в 1925 году видела безошибочный симптом загнивания правящего слоя.

После перехода Зиновьева и Каменева в оппозицию положение резко изменилось к худшему. Теперь открылась полная возможность говорить рабочим, что во главе оппозиции стоят три «недовольных еврейских интеллигента». По директиве Сталина Угланов в Москве и Киров в Ленинграде проводили эту линию систематически и почти совершенно открыто. Чтоб легче демонстрировать перед рабочими различие между «старым» курсом и «новым», евреи, хотя бы и беззаветно преданные генеральной линии, снимались с ответственных партийных и советских постов. Не только в деревне, но даже на московских заводах травля оппозиции уже в 1926 году принимала нередко совершенно явный антисемитский характер. Многие агитаторы прямо говорили: «Бунтуют жиды». У меня были сотни писем, клеймившие антисемитские приемы в борьбе с оппозицией.

На одном из заседаний Политбюро я написал Бухарину записку: «Вы не можете не знать, что даже в Москве в борьбе против оппозиции применяются методы черносотенной демагогии (антисемитизма и пр.)». Бухарин уклончиво ответил мне на той

же бумажке: «Отдельные случаи, конечно, возможны». Я снова написал ему: «Я имею в виду не отдельные случаи, а систематическую агитацию партийных секретарей на больших московских предприятиях. Согласны ли вы отправиться со мной для расследования, например, на фабрику «Скороход» (я знаю ряд других предприятий)». Бухарин ответил: «Что ж, можно отправиться...» Тщетно, однако, я пробовал заставить его выполнить обещание: Сталин строго-настрого запретил ему это.

В месяцы подготовки исключения оппозиции из партии, арестов и высылок (вторая половина 1927 года) антисемитская агитация приняла совершенно разнузданный характер. Лозунг «бей оппозицию» окрашивался нередко старым лозунгом: «бей жидов, спасай Россию». Дело зашло так далеко, что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и пр.». Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи», таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах. Когда оппозиция в ответ на репрессии перешла к более открытой и решительной борьбе, Сталин в виде многозначительной «шутки» сказал Пятакову и Преображенскому: «Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите, тут видать вашу «православную» работу; Троцкий действует потихоньку, а не с топором». Пятаков и Преображенский рассказали мне об этом разговоре с горячим возмущением. Попытки противопоставить мне «православное» ядро оппозиции делались Сталиным десятки раз.

Известный немецкий радикальный журналист, бывший издатель «Акциона» Франц Пфемферт, ныне находящийся в эмиграции, писал мне 25 августа 1936 года:

«Может быть, вам памятно, что я в «Акционе» уже несколько лет тому назад заявил, что многие действия Сталина могут быть объяснены также и его антисемитскими тенденциями. Тот факт, что в этом странном процессе он через агентство ТАСС распорядился исправить даже имена Зиновьева и Каменева, представляет собой настоящую выходку в духе Штрайхера. Сталин подкинул этим мяч всем антисемитским громилам». Действительно, имена Зиновьева и Каменева известны, казалось бы, гораздо больше, чем имена: Радомысльский и Розенфельд. Ка

кой другой мотив мог быть у Сталина приводить «настоящие» имена своих жертв, кроме игры на антисемитских настроениях? Такая же операция, но даже без тени юридического основания, была проделана, как мы только что видели, над фамилией моего сына. Но самым поразительным является, несомненно, тот факт, что все четыре посланных мною будто бы из-за границы «террориста» оказались евреями и в то же время... агентами антисемитского гестапо. Так как ни одного из этих несчастных я никогда не видел в глаза, то ясно, что ГПУ сознательно подбирало их по национальному признаку. А ГПУ не действует по собственному вдохновению!

Еще раз: если такие приемы применяются на самых верхах* где личная ответственность Сталина совершенно несомненна, то нетрудно представить себе, что делается на низах, на заводах и особенно в колхозах. Да и может ли быть иначе? Физическое истребление старого поколения большевиков есть для всякого, кто способен думать, неоспоримое выражение термидорианской реакции, притом в ее наиболее законченной стадии. А в истории не было еще примера, когда бы реакция после революционного подъема не сопровождалась разнуздыванием шовинистических страстей, в том числе и антисемитизма.

По мнению некоторых «друзей СССР», ссылки на эксплуатацию антисемитских тенденций значительной частью нынешней бюрократии представляют собой лишь злостный вымысел в целях борьбы со Сталиным. С профессиональными «друзьями» бюрократии спорить трудно. Эти люди отрицают и термидорианскую реакцию. Они принимают на веру и московские процессы. Есть «друзья», которых посылают в СССР со специальной целью не видеть пятен на солнце. Немало таких, которые получают особую плату за свою готовность видеть лишь то, что им показывает пальцем бюрократия. Но горе тем рабочим, революционерам, социалистам, демократам, которые, говоря словами Пушкина, предпочитают горькой истине «нас возвышающий обман». Здоровый революционный оптимизм не нуждается в иллюзиях. Действительность нужно брать такой, как она есть. Надо в ней самой находить силы для преодоления ее реакционных и варварских сторон. Этому нас учит марксизм.

Некоторые мудрецы поставили мне в вину даже тот факт, что я внезапно будто бы открыл «еврейский вопрос» и собираюсь создавать для евреев... какое-то особое гетто. Я могу только с соболезнованием пожать плечами. Всю свою жизнь я прожил вне еврейской среды. Я работал всегда в русском рабочем

движении. Моим родным языком является русский. Я, к сожалению, не научился даже читать по-еврейски. Еврейский вопрос никогда не стоял, таким образом, в центре моего внимания. Но это не значит, что я имею право быть слепым по отношению к еврейскому вопросу, который существует и требует разрешения. «Друзья СССР» очень довольны организацией области Биробиджан. Я не буду здесь останавливаться на том, построена ли она на здоровых началах, и каков в ней режим (Биробиджан не может не отражать на себе все пороки бюрократического деспотизма). Но ни один прогрессивно мыслящий человек не выскажется против того, что СССР отводит специальную территорию тем своим гражданам, которые чувствуют себя евреями, пользуются еврейским языком, преимущественно перед всяким другим, и хотят жить компактной массой. Гетто это или не гетто? При режиме советской демократии, при полной добровольности переселения о гетто не может быть и речи. Но еврейский вопрос по самим условиям расселения евреев имеет интернациональный характер. Не вправе ли мы сказать, что мировая социалистическая федерация должна будет найти возможность создать «Биробиджан» для тех евреев, которые захотят иметь свою собственную автономную республику как арену своей собственной культуры? Социалистическая демократия не будет, надо надеяться, применять методов насильственной ассимиляции. Очень может быть, что уже через два-три поколения границы самостоятельной еврейской республики, как и многих других национальных областей, сотрутся. Размышлять об этом у меня нет ни времени, ни желания. Наши потомки будут лучше знать, что им делать. Я имею в виду переходный исторический период, когда еврейский вопрос как таковой еще сохранит всю свою остроту и будет требовать соответственных мер со стороны мировой федерации рабочих государств. Те методы разрешения еврейского вопроса, которые в условиях загнивающего капитализма имеют утопический и реакционный характер (сионизм), при режиме социалистической федерации могут получить нормальное и здоровое применение. Только это я и хотел сказать. Неужели же найдется марксист или даже просто последовательный демократ, который станет возражать против этого?

22 февраля 1937 г.[1]

[1] *Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина. М., 1994. С. 216—222.

* * *

Обвинения Троцким в антисемитизме Сталина, якобы опирающегося на «антисемитские тенденции в стране», — конечно же, не что иное, как миф. Какую поддержку могло оказать противнику Льва Давидовича в «еврейском вопросе» население, затерроризированное введенной Лениным и Троцким судебной статьей, ставящей вне закона каждого, в ком при желании можно усмотреть (даже за слово еврей) антисемита. Что же касается Сталина (называвшего антисемитизм каннибализмом), то он уничтожал не только «левых оппозиционеров» — евреев (Зиновьев, Каменев и т. д.), но и «правых» русских (Рыков и другие). В довоенное время господствующей «интеллектуальной элитой» в стране была еврейская интеллигенция, заполнившая место дореволюционной русской интеллигенции, изгнанной из страны, истребленной. Не случайно в тех же тридцатых годах в литературе главный удар репрессий пришелся не по космополитическим, интернационалистским литераторам, а по русским писателям, связанным органически с традициями русской культуры, тогда были уничтожены поэты «есенинского круга» (Клюев, Клычков, П. Васильев, Орешин и другие).

В военное время, особенно в начале его, железнодорожный транспорт (за который тогда отвечал Каганович) был загружен перевозкой евреев из западных областей страны на восток, дабы они не оказались в руках немецких оккупантов. Я сам был свидетелем такой картины: на железнодорожной станции среднерусского города мы, «братья-славяне», вчерашние школьники, ждем отправления нашего поезда на запад, на фронт, а здесь же, напротив, вдоль вагонов, разгуливают здоровые, как на подбор, молодые евреи, ожидая отправления своего поезда на восток, в обратном направлении от фронта.

Как-то странно забыто, что «антисемит» Сталин был инициатором создания государства Израиль. Сколько написано, наговорено о гибели в конце* сороковых годов члена еврейского Антифашистского комитета актера Михоэлса, и мало кто знает, вспоминает о «ленинградском деле», о расстреле в конце тех же сороковых годов выдающихся русских государственных деятелей Вознесенского, Кузнецова, Родионова, обвиненных в «русском национализме», намерении создать компартию России.

При Сталине такой палач, как Землячка, в гражданскую войну наводившая ужас своей жестокостью даже на «своих», крас-

ных командиров; такой преступник, как Мехлис, главный виновник керченской катастрофы в войну, повлекшей гибель сотен тысяч людей — были торжественно похоронены на Красной площади.

Да и в быту, в семье Сталин отнюдь не был юдофобом; его дочь Светлана рассказывает, с каким неожиданным для нее вниманием вглядывался он в понравившиеся ему вдумчивые «семитские» глаза внука «Оськи» (хотя он и не хотел знать отца «Оськи», еврея Мороза, увильнувшего от фронта).

Своим пониманием «еврейского вопроса» Троцкому был кровно близок, конечно, Ильич. Известна история о том, как в 1932 году сестра Ленина А. И. Ульянова обратилась к Сталину с настоятельным предложением опубликовать данные о еврейском происхождении Ильича (по линии матери), чтобы поднять в глазах населения ценность еврейского интеллекта и противодействовать, по ее словам, антисемитизму, усиливающемуся «даже среди коммунистов». Сталин воспретил открывать своеобразную тайну о своем великом учителе, который, высоко ставя интеллектуальные способности евреев, оставлял «русским дуракам» черновую работу.

Откровенное русофобство «вождя пролетариата» перекликается с ненавистью, презрением к России, ко всему русскому со стороны Троцкого, считавшего, что в области науки, культуры «Россия дала миру круглый ноль».

Заданный «вождями революции» русофобский тон и определил идеологическую атмосферу «интернационализма», поставившего русский народ в положение «держиморды», виновника всех бед других народов. И если был поставлен вне закона антисемитизм, то с большим основанием следует поставить вне закона русофобство.

А. С. Яковлев

«РАЗГОВАРИВАЛ КАК АВИАЦИОННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ...»

Прошло немного времени. Сидел я как-то в конструкторском бюро за чертежной доской с конструктором Виктором Алексеевым, подошел секретарь: «Вас спрашивает какой-то Поскребышев. Соединять или нет?»

Беру трубку и слышу голос личного секретаря Сталина — Александра Николаевича Поскребышева. Он говорит, что мне надо приехать в ЦК по срочному делу и что сейчас за мной придет машина. .

Прошло, кажется, минут двадцать, не более, как явился че-. ловек в военной форме и пригласил меня следовать за ним.

Не зная ни о причине вызова, ни о том, с кем предстоит встретиться, я очень волновался всю дорогу.

Подъехали к зданию Центрального Комитета партии на Старой площади. Бесшумный лифт плавно поднял на четвертый этаж, и по длинному коридору, застланному ковровой дорожкой, сопровождающий привел меня в какую-то комнату. Здесь стоял диван в чехле из сурового полотна, несколько стульев, в центре — небольшой круглый стол, накрытый белой скатертью. На столе — ваза с фруктами, блюдо с бутербродами, несколько стаканов недопитого чая. В комнате никого не было.

К волнению моему добавилась еще и растерянность: куда я попал и что будет дальше?

Так в полном недоумении простоял я несколько минут, не двигаясь и рассматривая окружающую обстановку.

Вдруг сбоку открылась дверь и вошел Сталин. Я глазам своим не поверил: уж не мистификация ли это?

Но Сталин подошел, улыбаясь, пожал руку, любезно справился о моем здоровье.

— Что же вы стоите? Присаживайтесь, побеседуем. Как идут дела с ББ?

Постепенно он расшевелил меня, и я обрел возможность связно разговаривать. Сталин задал несколько вопросов. Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и фран- ' цузской авиации. Так же, как и Денисов, я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист.

— А как вы думаете, — спросил он, — почему англичане на истребителях «Спитфайр» ставят мелкокалиберные пулеметы, а не пушки?

— Да потому, что у них авиапушек нет, — ответил я.

— Я тоже так думаю, — сказал Сталин. — Но ведь мало иметь пушку, — продолжал он. — Надо и двигатель приспособить под установку пушки. Верно?

— Верно.

— У них ведь и двигателя такого нет?

— Нет.

— А вы знакомы с работой конструктора Климова — авиационным двигателем, на который можно установить двадцатимиллиметровую авиационную пушку Шпитального?

— Знаком.

— Как вы расцениваете эту работу?

— Работа интересная и очень полезная.

— Правильный ли это путь? А может быть, путь англичан более правильный? Не взялись бы вы построить истребитель с мотором Климова и пушкой Шпитального?

— Я истребителями еще никогда не занимался, но это было бы для меня большой честью.

— Вот подумайте над этим.

Сталин взял меня под руку, раскрыл дверь, через которую входил в комнату, и ввел меня в зал, заполненный людьми.

От неожиданности у меня зарябило в глазах: не мог различить ни одного знакомого лица. А Сталин усадил меня в президиуме рядом с софой и вполголоса продолжал начатый разговор. Я отвечал ему. Осмотревшись, увидел, что заседание ведет К. Е. Ворошилов, а в первом ряду сидит наш нарком М. М. Каганович, дальше — конструктор А. А. Архангельский, директор завода В. А. Окулов и главный инженер завода А. А. Кобзарев, некоторые знакомые мне работники авиационной промышленности. В зале было много вбенных из Управления Военно-Воздушных Сил.

Кто-то выступал. Я понял, что речь идет о затруднениях, создавшихся с серийным производством самолета СБ в связи с невозможностью дальнейшего улучшения его летных характеристик, особенно повышения скорости. Между тем от решения этой проблемы зависела судьба нашей фронтовой бомбардировочной авиации.

Я внимательно прислушивался к тому, что продолжал говорить мне Сталин, и одновременно старался уловить, о чем говорят выступающие, а в душе опасался, как бы не предложили мне высказаться по вопросу, с которым я совершенно не был знаком.

К счастью, мои опасения оказались напрасными. Минут через 10—15 Сталин встал и повел меня обратно в уже знакомую комнату. Мы сели за круглый столик. Сталин предложил мне чай и фрукты.

— Так как же, возьметесь за истребитель?

— Подумаю, товарищ Сталин.

— Ну хорошо, когда надумаете, позвоните. Не стесняйтесь... Желаю успеха. Жду звонка. — И уже вдогонку сказал: — А все- таки дураки англичане, что пренебрегают пушкой.

В то время самолет, вооруженный двадцатимиллиметровой пушкой, уже был у немцев — «Мессершмитт-109». Видимо, Сталину это не давало покоя. Готовя перевооружение авиации, Сталин, очевидно, стремился избежать ошибки при выборе калибра пулеметов и пушек для наших истребителей.

За дверью ждал тот же военный, он вывел меня прямо к машине, вежливо козырнул, но уже обратно на завод не сопровождал[1].

А. Громыко

ПОСОЛ И СОБОР

...В считанные минуты я прибыл в Кремль. В приемной, рядом с кабинетом Сталина, находился невысокий подтянутый человек. Я представился. В ответ он сказал:

— Поскребышев.

Это был помощник и секретарь Сталина. Он вошел в кабинет и доложил о моем приходе.

И вот я в кабинете у Сталина. Спокойная строгая обстановка. Все настраивало только на деловой лад. Небольшой письменный стол, за которым он работал, когда оставался в кабинете один. И стол побольше — для совещаний. За ним в последующем я буду сидеть много раз. Здесь обычно проводились заседания, в том числе и Политбюро.

Сталин сидел за этим вторым столом. Сбоку за этим же столом находился Молотов, тогдашний народный комиссар иностранных дел, с которым я уже встречался в наркомате.

Сталин, а затем Молотов поздоровались со мной. Разговор начал Сталин:

— Товарищ Громыко, имеется в виду послать вас на работу в посольство СССР в США в качестве советника.

Откровенно говоря, меня несколько удивило это решение, хотя уже тогда считалось, что дипломаты, как и военные, долж

[1] *Яковлев АС.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1968. С. 187— 189.

ны быть готовы к неожиданным перемещениям. Недаром ходило выражение: «Дипломаты как солдаты».

Сталин кратко, как он это хорошо умел делать, назвал области, которым следовало бы придать особое значение в советско-американских отношениях.

— С такой крупной страной, как Соединенные Штаты Америки, — говорил он, — Советский Союз мог бы поддерживать неплохие отношения, прежде всего с учетом возрастания фашистской угрозы.

Тут Сталин дал некоторые советы по конкретным вопросам. Я их воспринял с большим удовлетворением.

Молотов при этом подавал реплики, поддерживая мысли Сталина.

— Вас мы хотим направить в США не на месяц и, возможно, не на год, — добавил Сталин и внимательно посмотрел на меня.

Сразу же он поинтересовался:

— А в каких вы отношениях с английским языком?

Я ответил:

— Веду с ним борьбу и, кажется, постепенно одолеваю, хотя процесс изучения сложный, особенно когда отсутствует необходимая разговорная практика.

И тут Сталин дал совет, который меня несколько озадачил, одновременно развеселил и, что главное, помог быть мне менее скованным в разговоре. Он сказал:

— А почему бы вам временами не захаживать в американские церкви, соборы и не слушать проповеди церковных пастырей? Они ведь говорят четко на чистом английском языке. И дикция у них хорошая. Ведь недаром многие русские революционеры, находясь за рубежом, прибегали к такому методу для совершенствования знаний иностранного языка.

Я несколько смутился. Подумал, как это Сталин, атеист, и вдруг рекомендует мне, тоже атеисту, посещать американские церкви? Не испытывает ли он меня, так сказать, на прочность? Я едва не спросил: «А вы, товарищ Сталин, прибегали к этому методу?» Но удержался и вопроса не задал, так как знал, что иностранными языками Сталин не владел, и мой вопрос был бы, в общем, неуместен. Я, как говорят, «сам себе язык прикусил», и хорошо сделал. Конечно, услышав такой вопрос, Сталин, наверно, превратил бы свой ответ в шутку, он в аналогичных случаях нередко прибегал к ней, как я убеждался впоследствии. Но тогда, в ту первую встречу, искушать судьбу мне не хотелось.

В США в церкви и соборы я, конечно, не ходил. Это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание Сталина. Можно себе представить, какое впечатление произвело бы на проворных американских журналистов посещение советским послом церквей и других храмов в США. Они, безусловно, растерялись бы. Мог сбить с толку, заставить строить догадки вопрос:

— Почему посол-безбожник посещает соборы, может быть, он вовсе и не безбожник?

Так произошла моя первая встреча со Сталиным[1].

Маршал А. М. Василевский

«А ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ВЗЯТЬ ОТЦА?..»

...Зимой 1940 года после одного довольно затянувшегося заседания Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталин пригласил всех его участников отобедать у него на квартире, находившейся этажом ниже его кабинета в Кремле. На заседании по докладу начальника Генерального штаба был принят ряд оперативных и довольно срочных решений. Б. М. Шапошников дал мне указание немедленно отправиться в Генштаб, отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Минут через 45 после того, как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А. Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов И. В. Сталин предложил за мое здоровье, и вслед за этим он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я «не пошел в попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

— Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

— Скажите, пожалуйста, — продолжил он, — почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? На

[1] *Громыко АЛ.* Памятное. М., 1988. С. 76—77.

сколько мне известно, один ваш брат — врач, другой — агроном, третий — командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Армии и тем более в системе Генерального штаба. В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

— А почему бы вам не взять отца, а быть может, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, — посоветовал Сталин...[1]

Энвер Муратов

ШЕСТЬ ЧАСОВ С И. В. СТАЛИНЫМ НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ

В 1937 году, после окончания второго курса Ленинградского горного института, я по специальному набору поступил на второй курс Военной электротехнической академии имени Бу

[1] *Василевский АМ.* Дело всей жизни. М., 1978. С.

денного, которую закончил в 1941 году. В конце апреля командование академии вызвало на совещание 27 выпускников, получивших диплом с отличием. Среди них был и я. Нам сообщили, что 5 мая 1941 года правительство приглашает нас на прием в Кремль. Всем нам выдали новое обмундирование и приказали прибыть 3 мая к 23 часам на Московский вокзал. 4 мая утром мы прибыли в Москву. Нас разместили в общежитии Артиллерийской академии. До 9 часов утра 5 мая нам предоставили свободное время. 5 мая в 10 часов утра нас построили, сделали перекличку.

Нас предупредили, что при проходе в Кремль мы обязаны предъявить его вместе с удостоверением личности.

В 16 час. 50 мин. строем мы отправились на прием.

Перед Спасскими воротами стояли старшина и капитан. Когда подошла моя очередь, я предъявил пригласительный билет и удостоверение личности старшине. Он тщательно их проверил и передал капитану. Последний повторно проверил мои документы и тихо спросил: «Оружия у вас нет?» Я ответил, что нет. Он обыскивать не стал. Сказал: «Проходите».

Когда делегация нашей академии прошла Спасские ворота, мы так же строем проследовали в Большой Кремлевский дворец. Здесь каждый прошел точно такую же проверку. Проверяли наши документы младший и старший командиры НКВД. Во дворце мы прошли в Большой Андреевский зал и заняли места, отведенные нашей делегации. Мне досталось место № 15 в 31м ряду. В первых рядах сидели генералы и адмиралы, Герои Советского Союза. В зале было шумно.

17 час. 55 мин. На сцену, где стоял большой стол, вышли И. В. Сталин, все члены Политбюро, нарком обороны С. К. Тимошенко, маршалы и адмиралы. Все встали. Раздались бурные аплодисменты. Вскоре нарком обороны поднятием руки предложил всем сесть...

Тимошенко объявил:

— Товарищи! От имени ЦК ВКП(6) и СНК СССР слово предоставляется Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Все разом встали. Раздались бурные аплодисменты. Сталин шел к трибуне быстрым шагом. Его серый китель и седоватые волосы были совершенно одинакового цвета. Можно было подумать, что он специально подобрал китель под цвет волос.

Он начал свою речь очень спокойно, говорил без **всякой** «бумажки».

— Товарищи! Я поздравляю командование и профессорско-преподавательский состав военных академий и вас, выпускников, с успешным завершением учебы и желаю вам плодотворной работы в войсках и на военных кораблях по укреплению обороноспособности нашей великой Родины. Вы вернетесь в войска, и красноармейцы и командиры зададут вам вопросы: «Что происходит в мире? Почему побеждена Франция? Почему терпит поражение Англия? Действительно ли германская армия всесильна и непобедима? Что может произойти в обозримом будущем в мире?» Я постараюсь вам ответить на эти волнующие всех вопросы, помочь разобраться в причинах этих событий, по своим силам, конечно. *(Бурные аплодисменты.)*

Я изложу точку зрения на эти события нашей партии и правительства. Германия развязала войну под лозунгами ликвидации кабального Версальского договора за воссоединение немецких земель, которые были отторгнуты у Германии после поражения в 1-й мировой войне. Поэтому Германия имела некоторое сочувствие других народов. Международный империализм помогал возрождению германского милитаризма, поверив, что агрессия будет направлена против Советского Союза. Однако наступил новый этап мировой войны. Сейчас Германия ведет агрессивную войну за мировое господство, за порабощение других народов. «Германия самое могучее государство в мире». «Мы, немцы, самая умная и сильная нация, избранная богом раса, призванная господствовать над всеми другими народами». «Я, Германия, имею самую сильную, непобедимую армию». «Германская армия имеет самое лучшее вооружение». Все это представляет реальную угрозу для всех государств и народов, в том числе для Советского государства и его народов.

Остановившись на причинах поражения Франции, Сталин сказал:

— Уверовав, что у нее после 1-й мировой войны самая сильная армия в Европе, а линия Мажино неприступна для немецких войск, она перестала заботиться о своей армии и ее вооружении. К руководству французской армии пришли никому не известные генералы Гамелен, Жуэн и другие. Они обанкротились, занимаясь бизнесом Потерпели поражение в борьбе за избрание Депутатами парламента. Не оправдались их претензии на министерские портфели. Они не смогли стать бизнесменами или министрами, стали генералами и возглавили армию Франции. К военным стали относиться пренебрежительно. Даже девушки перестали выходить замуж за офицеров. *(Смех в зале.)*

Армия может быть сильной только тогда, когда пользуется исключительной заботой и любовью народа и правительства. В этом величайшая моральная сила армии, залог ее непобедимости. Армию надо любить и лелеять! *(Аплодисменты.)*

Далее Сталин дал характеристику германской армии. Армия имеет новейшее оружие, освоила новые приемы ведения войны, приобрела большой опыт ее ведения.

— Надо признать, что пока у Германии лучшая армия в мире. Но немцы ошибаются, что их армия непобедима и ее вооружение самое лучшее в мире. В истории не было непобедимых армий. Карфаген считал, что его армия во главе с великим полководцем Ганнибалом непобедима. Но эта армия была разгромлена римлянами. Наполеон считал, что французская армия и он, великий полководец, непобедимы. Однако эта великая армия, которая вторглась в Россию, была побеждена русской армией под командованием Кутузова в Отечественной войне 1812 года.

Так же ошибаются немцы, считая, что вооружение их армии самое лучшее в мире, равного которому не имеет ни одна другая армия. Артиллерия — важнейшее средство ведения войны. Мы вооружили Красную Армию артиллерией и минометами, которые не только не уступают, а и превосходят немецкую артиллерию и минометы. Немецкие танки действительно в массе превосходят наши танки. Однако наши талантливые конструкторы создали средний танк Т-34 и тяжелый танк «КВ», которые превосходят по своим боевым качествам аналогичные немецкие танки. Наша промышленность уже освоила серийное производство этих танков. К сожалению, их еще мало. Партия и правительство, наша промышленность делают все возможное, чтобы эти новые танки заменили устаревшие в кратчайшие сроки. Прошу об этом не болтать!

Авиация! Надо признать, что она пока у немцев лучшая в мире. Однако наши авиаконструкторы знают об этом и в кратчайшие сроки создали образцы самолетов различного назначения, которые превосходят немецкие. Теперь стоит задача всемерно ускорить массовое производство этих самолетов и вооружить ими Красную Армию. Можете не сомневаться, партия, правительство, наша авиационная промышленность эту задачу выполнят. Не только мы, но и Англия, и США также изучают опыт войны, немецкую военную технику, создают образцы артиллерийских орудий, танков и самолетов, превосходящие немецкие. Германия упорно игнорирует эти факты, продолжает верить, что ее армия имеет самое лучшее вооружение, и слепо

верит, что ни одно государство не способно создать более совершенное вооружение. Такая армия, которая считает себя непобедимой, обладающей самым лучшим вооружением и не верит в силу и возможность противника, обречена на поражение. Германия ведет несправедливую империалистическую войну с целью захвата территории других стран и порабощения их народов. Эти народы оккупированных стран поднимаются на борьбу за свое освобождение, за восстановление свободы и независимости своих стран. Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную народно-освободительную войну. Поражение Германии в этой войне предопределено историей.

Товарищи! Вы покинули войска и корабли 3—4 года назад. Вернувшись после учебы, вы не узнаете их. Красная Армия и Военно-Морской Флот изменились. Мы создали качественно новые армию и флот, вооруженные современным оружием, способные защитить свободу, независимость и территориальную целостность нашей великой Родины.

Далее он довольно подробно охарактеризовал количественный и качественный состав различных родов войск: пехоты, артиллерии, бронетанковых войск, авиации, Военно-Морского Флота, войск связи и инженерных войск, кавалерии. В конце предупредил: «Прошу об этом не болтать!»

О компетентности оценок Сталиным различных родов войск и их вооружения, я думаю, можно судить по мнению маршала Г. К. Жукова: «Надо отдать Сталину должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения». Далее Сталин остановился на вопросах подготовки военных кадров.

— Военные академии и училища обязаны вести обучение командных кадров только на новой технике, с обязательным использованием опыта ведения современной войны. У меня есть знакомый, который учился в Артиллерийской академии. Я просматривал его конспекты и обнаружил, что тратится большое количество времени на изучение пушки, снятой с вооружения в 1916 году.

Он считал, что такая практика недопустима.

В это время с первых рядов раздалась реплика, которая вызвала раздражение у Сталина. Он сказал: «Прошу меня не перебивать. Я знаю, что говорю. Я сам читал конспекты слушателя вашей Академии». Сталин продолжал:

— Необходимо всемерно улучшить качество и эффективность партийно-политической и воспитательной работы в ар

мии и на флоте. Для этого нам необходимо перестроить нашу пропаганду, агитацию, печать.

Далее он сказал, что необходимо проанализировать опыт советско-финской войны 1939—1940 гг.

— Уроки этой войны очень суровые. Надо признать, что они показали — Красная Армия не подготовлена к ведению современной войны. Эти уроки очень внимательно изучаются, и принимаются экстренные меры в целях устранения серьезных недостатков военной техники и боевой подготовки войск.

Он еще раз предупредил: «Прошу об этом не болтать!»

В заключение И. В. Сталин сказал: ,

— Товарищи! Вам, выпускникам военных академий, предстоит очень ответственная и трудная работа в войсках и на кораблях. Партия и правительство уверены, что вы успешно справитесь с этой работой, умело используя для этого полученные в период учебы знания. Желаю вам успехов в вашей дальнейшей службе по укреплению боеготовности Красной Армии.

Все встали. Раздались громкие аплодисменты. Сталин быстрым шагом вернулся на свое место в президиуме. Тимошенко поднятием руки попросил всех сесть. Когда все сели и в зале наступила тишина, он объявил: '

— Товарищи! Партия и правительство приглашают вас на банкет в честь выпускников военных академий.

Я со своим близким другом, сокурсником Мишей Самохи- ным, направился в Георгиевский зал. По пути встретил товарища по учебе в Горном институте, Женю Чахирева. В 1937 году он также закончил 2-й курс института и по спецнабору поступил на 2-й курс Артиллерийской академии. Я спросил его, кто тот знакомый Сталина, слушатель академии, конспекты которого читал Сталин? Он сказал, что это его сын Яков Джугашвили. В это время мимо прошел грузин с бакенбардами. Женя показал на него: «Это и есть старший сын Сталина Яков».

Мы прошли в Георгиевский зал. Здесь стояло множество столов — на 32 персоны каждый. По торцам каждого сидели командиры НКВД. Столы были уставлены зернистой и кетовой икрой, семгой, севрюгой, различными мясными деликатесами, овощными салатами.

В зале, в правом углу у самой сцены стоял стол, за которым уселись генералы, занимающие высшие командные посты в наркомате обороны — Г. К. Жуков, П. В. Рычагов, А. И. Запорожец и другие. Когда вышли на сцену Сталин, члены Политбюро и мар

шалы, в зале все встали, и раздались аплодисменты. Тимошенко предоставил слово для провозглашения тоста Сталину.

Сталин произнес первый тост:

— Товарищи! Во всех войнах главным родом войск, обеспечивавшим победу, была пехота. Артиллерия, авиация, бронетанковые силы защищали пехоту, обеспечивали выполнение задач, поставленных перед пехотой. Крепости, города и населенные пункты врага считали занятыми только тогда, когда туда вступала нога пехоты. Так было всегда, так будет в будущей войне. Первый тост я предлагаю за пехоту. За царицу полей — пехоту!

Он выпил вино из фужера. Так как вино пенилось, я подумал, что это шампанское. Каждый стол обслуживали четыре официанта, они наливали вино, предварительно спросив каждого, кто какое вино хочет пить. Наливали из бутылок, завернутых в салфетки, и поэтому определить, какое вино пьют Сталин, члены Политбюро и гости, было нельзя. Прошло минут пятнадцать. Официант на сцене снова налил вино Сталину.

Тимошенко объявил:

— Слово для следующего тоста имеет товарищ Сталин.

Раздались бурные аплодисменты. Сталин запротестовал, жестом показал, что всем надо сесть. Он сказал:

— Товарищи! Следующий тост я предлагаю за артиллерию. Артиллерия — главная ударная сила пехоты, прокладывающая путь к победе пехоты. Она сокрушает доты и дзоты, защищает пехоту от танков и авиации. Без серьезной артиллерийской подготовки любое наступление пехоты обречено на неудачу. Предлагаю выпить за артиллерию. Артиллерия — бог войны.

Все дружно выпили, начали концерт. Пели н. а. СССР Пирогов, певица Пантофель-Нечецкая. Прошло минут двадцать.

В зале поднялся с места генерал Сивков и громким басом произнес:

— Товарищи! Предлагаю выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина!

Сталин протестующе замахал рукой. Гости растерялись. Сталин что-то сказал Тимошенко, который объявил: «Просит слово товарищ Сталин». Раздались аплодисменты. Сталин жестом предложил всем сесть. Когда в зале стало тихо, он начал свою речь. Он был очень разгневан, немножко заикался, в его речи появился сильный грузинский акцент.

— Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял. Мы, коммунисты,— не пацифисты, мы всегда были против неспра

ведливых войн, империалистических войн за передел мира, за порабощение и эксплуатацию трудящихся. Мы всегда были за справедливые войны за свободу и независимость народов, за революционные войны за освобождение народов от колониального ига, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, за самую справедливую войну в защиту социалистического отечества. Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне.

Сталин осушил свой фужер, все в зале сделали то же самое. Воцарилась тишина. Продолжился концерт. Пел н. а. СССР И. С. Козловский, танцевали Галина Уланова и Константин Сергеев.

Когда объявили перерыв, все члены Политбюро ушли. Справа от меня сидел очень приветливый мужчина, который подал мне руку и представился: «Управделами СНК Чаадаев». Он сказал: «Молодой человек, вам очень повезло. Я никогда не слышал, чтобы Иосиф Виссарионович так много и вдохновенно выступал, причем не заглядывая в заранее подготовленный текст...»

Я вспомнил слова Анри Барбюса о Сталине: «Человек с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата, живет в небольшом домике. Кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках этого человека. Он подлинный вождь, Сталин — это Ленин сегодня». Мне захотелось взглянуть на этот небольшой домик- Я вышел из Большого дворца. При выходе никто не спросил у меня документов. Когда я направился к небольшому домику, как из-под земли появились и окружили меня четверо рослых мужчин в гражданской одежде. Один из них проверил мои документы и спросил, что я разыскиваю на территории Кремля. Я испугался и не сказал, что хочу посмотреть на дом, в котором живет Сталин, предполагая, что это может вызвать подозрение и новые вопросы. Я сказал, что хочу посмотреть царь- пушку. Он сказал, что я ищу ее совсем не там, где она стоит, и попросил одного из четырех мужчин показать мне царь-пушку... К царь-пушке мен *к* сопровождали двое. Вскоре остался один, который и показал мне эту пушку... Потом он спросил меня, най

ду ли я дорогу обратно в Большой Кремлевский дворец. Я ответил, что не найду, и попросил проводить меня.

Когда я поднялся в фойе, гости уже входили в Георгиевский зал, усаживались на свои места.

На сцену вышел Сталин и все члены Политбюро, Тимошенко, адмиралы и маршалы, не было среди них только Калинина. Все в зале встали, раздались аплодисменты. Тимошенко предоставил слово Сталину.

Сталин провозгласил тост за танкистов. Далее, пока продолжался банкет, тосты провозглашались только Сталиным: за летчиков, военных моряков, связистов и мотоциклистов, саперов, кавалеристов. Когда мы выпили за кавалеристов, с места поднялся Буденный, подошел к Сталину. Они обнялись и поцеловались. Каждый раз, когда Сталин произносил тост, он кратко определял, какие задачи будет выполнять тот или иной род войск во время войны.

Но эти тосты, произнесенные после перерыва, я слушал не с таким напряженным вниманием, как те, что Сталин произнес в начале банкета. Мои мысли все время возвращались к тосту «За войну!». Я с тревогой думал: «Значит, скоро война?»

Между тостами продолжался концерт, выступали артисты московских и ленинградских академических театров, показывали сцены из балетов «Лебединое озеро» и «Щелкунчик».

В 24 часа Сталин и все члены Политбюро, как по команде, встали и, не попрощавшись, ушли со сцены. За ними ушли маршалы и адмиралы. Убрали большой стол, за которым они сидели, и на сцену стали выходить артисты джазов Утесова, Скомо- ровского, Рознера и других. В зале столы придвинули к стенам, начались танцы. Появились дамы — актрисы, участницы концерта, балерины. Я танцевал с солисткой Большого театра, певицей Соколовой. Удостоился от нее комплимента: «Вы хорошо танцуете» и приглашения на следующий танец. В это время подошел ко мне один из выпускников нашей академии и передал, что меня вызывает генерал Говядкин. Я попросил прощения у дамы и направился к генералу. По пути думал о том, почему меня вызывают к начальству...

Начальник академии стоял у выхода из зала в окружении нескольких выпускников. Рядом с ним был комиссар академии полковник Емельянов. Генерал сказал: «Товарищ Муратов! Хозяева давно ушли, думаю, пора покинуть Кремль и нам, гостям». Я попросил у него разрешения попрощаться с дамой. Получив Добро, я подошел к Соколовой, поблагодарил ее за внимание, из

винился и, попрощавшись, вернулся к месту сбора нашей делегации. В половине первого ночи 6 мая мы все вышли из Большого Кремлевского дворца, построились и через Спасские ворота покинули Кремль. При выходе из Кремля никто наши документы не проверял[1].

К. Симонов

БЕСЕДЫ С АДМИРАЛОМ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. С. ИСАКОВЫМ

21 мая 1962 года

Человек, рассказывавший мне все это, стремился быть предельно объективным, стремился рассказать о разных чертах Сталина — и привлекавших, и отталкивавших. Воспоминания касались главным образом предвоенных лет, отчасти военных. Буду приводить их так, как запомнил, не соблюдая последовательности.

По-моему, это было вскоре после убийства Кирова. Я в то время состоял в одной из комиссий, связанных с крупным военным строительством. Заседания этой комиссии происходили регулярно каждую неделю — иногда в кабинете у Сталина, иногда в других местах. После таких заседаний бывали иногда ужины в довольно узком кругу или смотрели кино, тоже в довольно узком кругу. Смотрели и одновременно выпивали и закусывали.

В тот раз, о котором я хочу рассказать, ужин происходил в одной из нижних комнат: довольно узкий зал, сравнительно небольшой, заставленный со всех сторон книжными шкафами. А к этому залу от кабинета, где мы заседали, вели довольно длинные переходы с несколькими поворотами. На всех этих переходах, на каждом повороте стояли часовые — не часовые, а дежурные офицеры НКВД.

Помню, после заседания пришли мы в этот зал, и, еще не садясь за стол, Сталин вдруг сказал: «Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь...»

[1] «Нева», 1993. № 7.

Я, как и все, слушал это в молчании. Тогда этот случай меня потряс. Сейчас, спустя много лет, он мне кое-что, пожалуй, объясняет в жизни и поведении Сталина, не все, конечно, но кое-что.

Второй случай.

Я вернулся из поездки на Север. Там строили один военный объект, крупное предприятие. А дорога к этому объекту никуда не годилась. Сначала там через болото провели шоссе, которое было, как подушка, и все шевелилось, когда проезжали машины, а потом, чтобы ускорить дело, не закончив строительство железной дороги, просто положили на это шоссе сверху железнодорожное полотно. Часть пути приходилось ехать на машинах, часть на дрезинах или на железнодорожном составе, который состоял всего из двух грузовых вагонов. В общем, ерунда, так дело не делается.

Я был в составе комиссии, в которую входили представители разных ведомств. Руководитель комиссии не имел касательства к Наркомату путей сообщения, поэтому не был заинтересован в дороге. Несмотря на мои возражения, докладывая Сталину, он сказал, что все хорошо, все в порядке, и формально был прав, потому что по линии объекта, находившегося непосредственно в его подчинении, все действительно было в порядке, а о дороге он даже не заикнулся. Тогда я попросил слова и, горячась, сказал об этой железнодорожной ветке, о том, что это не лезет ни в какие ворота, что так мы предприятия не построим и что вообще эта накладка железнодорожных путей на шоссе, причем единственное, — не что иное, как вредительство. Тогда «вредительство» относилось к терминологии, можно сказать, модной, бывшей в ходу, и я употребил именно это выражение.

Сталин дослушал до конца, потом сказал спокойно: «Вы довольно убедительно, товарищ (он назвал мою фамилию), проанализировали состояние дела. Действительно, объективно говоря, эта дорога в таком виде, в каком она сейчас есть, не что иное, как вредительство. Но прежде всего тут надо выяснить, кто вредитель? Я — вредитель. Я дал указание построить эту дорогу. Доложили мне, что другого выхода нет, что это ускорит темпы, подробностей не доложили, доложили в общих чертах. Я согласился для ускорения темпов. Так что вредитель в данном случае я. Восстановим истину. А теперь давайте принимать решение, как быть в дальнейшем».

Это был один из многих случаев, когда он демонстрировал и чувство юмора, в высшей степени ему свойственное, очень

своеобразного юмора, и, в общем-то, способность сказать *о* своей ошибке или заблуждении, сказать самому.

Третий случай.

Стоял вопрос о строительстве крупных кораблей. Был спроектирован линкор, по всем основным данным первоклассный в то время. Предполагалось, что это будут наиболее мощные линкоры в мире. В то же время на этом линкоре было запроектировано всего шесть крупнокалиберных зенитных орудий. Происходило заседание в Совете Труда и Обороны под председательством Сталина. Докладывала комиссия. Ну, доложили. Я был не согласен и долго до этого боролся на разных этапах, но сломить упорство моих коллег по комиссии не мог. Пришлось говорить здесь. Я сказал, что на английских линкорах менее мощного типа ставится не менее двенадцати зенитных орудий, а если мы, не учитывая развитие авиации, ее перспективы, поставим на наши новые линкоры такое малое количество крупнокалиберных орудий, то этим самым мы обречем их на то, что их потопит авиация, и миллиарды пустим на ветер. Лучше затратить большие деньги, но переделать проект. Я понимал, что переделка будет основательная, потому что это непросто — поставить орудия, увеличение количества орудий связано с целым рядом конструктивных изменений, с установкой целых новых отсеков, с изменением сочетаний всех основных показателей корабля. В общем, это большая неприятность для проектировщиков. Но тем не менее я не видел другого выхода. Со мной стали спорить, я тоже спорил и, горячась, спорил. Последний гвоздь в мой гроб забил Ворошилов, сказавший: «Что он хочет? На ростовском мосту, на котором сидит весь Кавказ и все Закавказье, все коммуникации, — на нем у нас стоят восемь зенитных орудий. А на один линкор ему мало шести!»

Это всем показалось очень убедительным, хотя на самом деле ничего убедительного в‘этом не было. На мосту стояло мало зенитной артиллерии, на мосту, к которому подвешены целые фронты, должно было стоять гораздо больше артиллерии. Да и вообще это не имело никакого отношения к линкорам. Но внешне это было убедительно, и дело уже шло к тому, чтобы утвердить проект.

Я был подавлен, отошел в сторону, сел на стул. Сел и сижу, мысли мои ушли куда-то, как это иногда бывает, совершенно далеко. Я понял, что здесь я не проломлю стенки, и под общий гул голосов заканчивавшегося заседания думал о чем-то другом, не помню сейчас о чем... И вдруг, как иногда человека выводит из

состояния задумчивости шум, так меня вывела внезапно установившаяся тишина. Я поднял глаза и увидел, что передо мной стоит Сталин.

— Зачем товарищ Исаков такой грустный? А?

Тишина установилась двойная. Во-первых, оттого, что он подошел ко мне, во-вторых, оттого, что он заговорил.

— Интересно, — повторил он, — почему товарищ Исаков такой грустный?

Я встал и сказал:

— Товарищ Сталин, я высказал свою точку зрения, ее не приняли, а я ее по-прежнему считаю правильной.

— Так, — сказал он и отошел к столу. — Значит, утверждаем в основном проект?

Все хором сказали, что утверждаем. Тогда он сказал:

— И внесем туда одно дополнение: «с учетом установки дополнительно еще четырех зенитных орудий того же калибра». Это вас будет устраивать, товарищ Исаков?

Меня это не вполне устраивало, но я уже понял, что это максимум того, на что можно рассчитывать, что все равно ничего больше никогда и нигде мне не удастся добиться, и сказал:

— Да, конечно, спасибо, товарищ Сталин.

— Значит, так и запишем, — заключил он заседание.

Еще одно воспоминание... Или нет, сначала вообще о том, как он вел заседания.

Надо сказать, что он вел заседания по принципу классических военных советов. Очень внимательно, неторопливо, не прерывая, не сбивая, выслушивал всех. Причем старался дать слово примерно в порядке старшинства, так, чтобы высказанное предыдущим не сдерживало последующего. И только в конце, выловив все существенное из того, что говорилось, отметя крайности, взяв полезное из разных точек зрения, делал резюме, подводил итоги. Так было в тех случаях, когда он не становился на совершенно определенную точку зрения с самого начала. Ну, речь идет в данном случае, разумеется, о вопросах военных, технических и военных, а не общеполитических. На них я, к сожалению, не присутствовал.

Когда же у него было ощущение предварительное, что вопрос в генеральном направлении нужно решить таким, а не иным образом, — это называлось «подготовить вопрос», так, кстати, и до сих пор называется, — он вызывал двух-трех человек и рекомендовал им выступить в определенном направлении. И людям, которые уже не по первому разу присутствовали

на таких заседаниях, было по выступлениям этих людей ясно, куда клонится дело. Но и при таких обсуждениях, тем не менее, он не торопился, не обрывал и не мешал высказать иные точки зрения, которые иногда какими-то своими частностями, сторонами попадали в орбиту его зрения и входили в последующие его резюме и выработанные на их основе резолюции, то есть учитывались тоже, несмотря на предрешенность, — в какой-то мере, конечно.

И еще одна история.

Это было тоже в середине тридцатых годов. Не помню, кажется, это было после парада 1 Мая, когда принимались участники парада. Ну, это так называется «участники парада», это были не командиры дивизий и полков, прошедших на параде, а верхушка командования. Не помню уже точно, в каком году это было, но помню, что в этот раз зашла речь о скорейшем развертывании строительства Тихоокеанского флота, а я по своей специальности был в какой-то мере причастен к этим проблемам. Был ужин. За ужином во главе стола сидел Сталин, и рядом с ним сидел Жданов. Жданов вел стол, а Сталин ему довольно явственно подсказывал, за кого и когда пить и о ком (в известной мере) даже что говорить.

Уже довольно много выпили. А я, хотя вообще умею хорошо пить и никогда пьян не бываю, на этот раз вдруг почему-то очень крепко выпил. И понимая, что очень крепко выпил, всю энергию употреблял на то, чтобы держаться, чтобы со стороны не было заметно.

Однако когда Сталин, вернее, Жданов по подсказке Сталина и притом в обход моего прямого начальства, сидевшего рядом со мной, за которого еще не пили, поднял тост за меня, я в ответ встал и тоже выпил. Все уже стали вставать из-за столов, все смешалось, и я подошел к Сталину. Меня просто потянуло к нему, я подошел к нему и сказал:

— Товарищ Сталин! Наш Тихоокеанский флот в мышеловке. Это все не годится. Он в мышеловке. Надо решать вопрос по-другому.

И взял его под руку и повел к громадной карте, которая висела как раз напротив того места, где я сидел за столом. Видимо, эта карта Дальневосточного театра и навела меня на эту пьяную мысль: именно сейчас доказать Сталину необходимость решения некоторых проблем, связанных со строительством Тихоокеанского флота. Я подвел его к карте и стал ему показывать, в ка

кую мышеловку попадает наш флот из-за того, что мы не вернем Сахалин. Я ему сказал:

— Без Южного Сахалина там, на Дальнем Востоке, большой флот строить невозможно и бессмысленно. Пока мы не возвратим этот Южный Сахалин, до тех пор у нас все равно не будет выхода в океан.

Он выслушал меня довольно спокойно, а потом сказал:

— Подождите, будет вам Южный Сахалин!

Но я это воспринял, как шутку, и снова стал убеждать его с пьяным упорством, что флот наш будет в ловушке на Дальнем Востоке, что нам нужно обязательно, чтобы у нас был Южный Сахалин, что без этого нет смысла строить там большой флот.

— Да я же говорю вам: будет у нас Южный Сахалин! — повторил он уже немного сердито, но в то же время усмехаясь.

Я стал говорить что-то еще, тогда он подозвал людей, да, собственно, их и звать не надо было, все столпились вокруг нас, и сказал:

— Вот, понимаете, требует от меня Исаков, чтобы мы обладали Южным Сахалином. Я ему отвечаю, что будем обладать, а он не верит мне...

Этот разговор вспомнился мне потом, в сорок пятом году. Тогда он мне вспомнился, не мог не вспомниться.

Еще одно воспоминание.

Сталин в гневе был страшен, вернее, опасен, трудно было на него смотреть в это время и трудно было присутствовать при таких сценах. Я присутствовал при нескольких таких сильных вспышках гнева, но все происходило не так, как можно себе представить, не зная этого.

Вот одна из таких вспышек гнева, как это выглядело.

Но прежде чем говорить о том, как это выглядело в этом конкретном случае, хочу сказать вообще о том, с чем у меня связываются воспоминания об этих вспышках гнева. В прусском уставе еще бог весть с каких времен, чуть ли не с Фридриха, в уставе, действующем и сейчас в германской армии, в обоих — восточной и западной, между прочим, есть такое правило: назначать меры дисциплинарного взыскания нельзя в тот день, когда совершен проступок. А надо сделать это не ранее, чем на следующий день. То есть можно сказать, что вы за это будете отправлены на гауптвахту, но на сколько суток — на пять, на десять, на Двадцать, — этого сказать сразу нельзя, не положено. Это можно определить на следующий день. Для чего это делается? Для повышения авторитета командира, для того, чтобы он имел время

обдумать свое решение, чтобы не принял его сгоряча, чтобы не вышло так, что он назначит слишком слабое или слишком сильное наказание, не выяснив всего и не обдумав на холодную голову. В результате всем будет ясно, что это неверное приказание, а отменить он уже не сможет, потому что оно, это взыскание, будет уже наложено. Вот это первое, что вспоминается мне, когда я думаю о гневе Сталина. У него было — во всяком случае в те времена, о которых я вспоминаю, — такое обыкновение — задержать немного решение, которое он собирался принять в гневе.

Второе, вторая ассоциация. Видели ли вы, как в зоологическом парке тигры играют с тигрятами? Это очень интересное зрелище. Он лежит ленивый, большой, величественный, а тигренок к нему лезет, лезет, лезет. Тормошит его, кусает, надоедает... Потом вдруг тигр заносит лапу и ударяет его, но в самую последнюю секунду задерживает удар, девять десятых удара придерживает и ударяет только одной десятой всей своей силы. Удерживает, помня всю мощь этой лапы и понимая, что если ударить всей силой, то он сломает хребет, убьет...

Эта ассоциация тоже у меня возникла в связи с теми моими воспоминаниями, о которых я говорю.

Вот одно из них. Это происходило на Военном совете, незадолго до войны, совсем незадолго, перед самой войной. Речь шла об аварийности в авиации, аварийность была большая. Сталин по своей привычке, как обычно на таких заседаниях, курил трубку и ходил вдоль стола, приглядываясь к присутствующим, иногда глядя в глаза, иногда в спины.

Давались то те, то другие объяснения аварийности, пока не дошла очередь до командовавшего тогда военно-воздушными силами Рычагова. Он был, кажется, генерал-лейтенантом, вообще был молод, а уж выглядел совершенным мальчишкой по внешности. И вот когда до него дошла очередь, он вдруг говорит:

— Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах.

Это было совершенно неожиданно, он покраснел, сорвался, наступила абсолютная гробовая тишина. Стоял только Рычагов, еще не отошедший после своего выкрика, багровый и взволнованный, и в нескольких шагах от него стоял Сталин. Вообще-то он ходил, но когда Рычагов сказал это, Сталин остановился.

Скажу свое мнение. Говорить это в такой форме на Военном совете не следовало. Сталин много усилий отдавал авиации, много ею занимался и разбирался в связанных с нею вопросах довольно основательно, во всяком случае, куда более основатель

но, чем большинство людей, возглавлявших в то время Наркомат обороны. Он гораздо лучше знал авиацию. Несомненно, эта реплика Рычагова в такой форме прозвучала для него личным оскорблением, и это все понимали.

Сталин остановился и молчал. Все ждали, что будет. Он постоял, потом пошел мимо стола, в том же направлении, в каком и шёл. Дошел до конца, повернулся, прошел всю комнату назад в полной тишине, снова повернулся и, вынув трубку изо рта, сказал медленно и тихо, не повышая голоса:

— Вы не должны были так сказать!

И пошел опять. Опять дошел до конца, повернулся снова, прошел всю комнату, опять повернулся и остановился почти на том же самом месте, что и в первый раз, снова сказал тем же низким спокойным голосом:

— Вы не должны были так сказать. — .И, сделав крошечную паузу, добавил: — Заседание закрывается.

И первым вышел из комнаты.

Все стали собирать свои папки, портфели, ушли, ожидая, что будет дальше.

Ни завтра, ни послезавтра, ни через два дня, ни через три ничего не было. А через неделю Рычагов был арестован и исчез навсегда.

Вот так это происходило. Вот так выглядела вспышка гнева у Сталина.

Когда я сказал, что видел Сталина во гневе только несколько раз, надо учесть, что он умел прятать свои чувства, и умел это очень хорошо. Для этого у него были давно выработанные навыки. Он ходил, отворачивался, смотрел в пол, курил трубку, возился с ней... Все это были средства для того, чтобы сдержать себя, не проявить своих чувств, не выдать их. И это надо было знать для того, чтобы учитывать, что значит в те или иные минуты это его мнимое спокойствие.

...Но был разговор со Сталиным, который запомнился, потому что очень поднимал его в моих глазах. Это было в 1933 году после проводки первого маленького каравана военных судов через Беломорско-Балтийский канал, из Балтийского моря в Белое. В Полярном, в кают-компании миноносца, глядя в иллюминатор и словно разговаривая с самим собой, Сталин вдруг сказал:

— Что такое Черное море? Лоханка. Что такое Балтийское море? Бутылка, а пробка не у нас. Вот здесь море, здесь окно! Здесь должен быть Большой флот, здесь. Отсюда мы сможем

взять за живое, если понадобится, Англию и Америку. Больше неоткуда!

Это было сказано в те времена, когда идея создания Большого флота на Севере еще не созрела даже у самых передовых морских деятелей. А после того как он это все сказал, продолжая глядеть в иллюминатор на серый невеселый горизонт, он добавил:

— Надо попробовать в этом году еще караван военных судов перебросить с Балтики. Как, можно это сделать?

И второе, связанное с этим же годом воспоминание. В Сороках, когда прошли Беломорско-Балтийский канал, был небольшой митинг, на котором выступили то ли начальник, то ли заместитель начальника Беломорстроя Рапопорт, начальник ГПУ Ленинграда Медведь и еще кто-то. Стали просить выступить Сталина. Сталин отнекивался, не хотел выступать, потом начал как-то нехотя, себе под нос.

А перед этим, надо сказать, все речи были очень и даже чересчур пламенны, говорили, что мы теперь здесь встали по воле Сталина и отсюда никуда не уйдем, что море наше, что мы завоюем Север, что мы разобьем здесь любого врага, и т. д. И вот после всех этих речей Сталин, как бы нехотя, взял слово и сказал:

— Что тут говорили: возьмем, победим, завоюем... Война, война... Это еще неизвестно, когда будет война. Когда будет — тогда будет! Это север!.. — И еще раз повторил: — Это север, его надо знать, надо изучить, освоить, привыкнуть к нему, овладеть им, а потом говорить все остальное.

Мне тоже понравилось это тогда, понравилось серьезное, глубокое отношение к сложному вопросу, с которым мы тогда только еще начинали иметь дело[1].

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 350—351.

Глава пятая

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ СТАЛИНА ПО РАДИО

3 июля 1941 года

Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность. *

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней не-

мецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоен

ное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продви-

жение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, враже-' ских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим

под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, — создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу![1]

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 7—15.

ДИРЕКТИВА СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР И ЦК ВКП(б) ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Виленскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города — Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом — немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и Комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

6) Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица.

* * *

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

Председатель Совнаркома СССР и секретарь ЦК ВКП(б)
И. СТАЛИН
Заместитель председателя Совнаркома СССР
В. МОЛОТОВ

29 июня 1941 года № П509[1]

Маршал Г. К. Жуков

НАЧАЛО ВОЙНЫ

...Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть. Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!

И какой экономист, философ или писатель сможет достоверно обрисовать, как расцвела бы наша страна сегодня, как далеко мы ушли бы вперед, не прерви война широкое, мирное и могучее течение тех лет...

Я говорил, уже о том, какие меры принимались, чтобы не Дать повода Германии к развязыванию военного конфликта. Нарком обороны, Генеральный штаб и командующие военными пограничными округами были предупреждены о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за не-

[1] «Известия ЦК КПСС». 1991, № 6. С. 217—218.

осторожных действий наших войск. Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвижения войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И. В. Сталина.

...Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом И. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенкоу Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года. Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота.

Испытывая чувство какой-то сложной раздвоенности, возвращались мы с С. К. Тимошенко от И. В. Сталина.

С одной стороны, как будто делалось все зависящее от нас, чтобы встретить максимально подготовленными надвигающуюся военную угрозу: проведен ряд крупных организационных мероприятий мобилизационно-оперативного порядка; по мере возможности укреплены западные военные округа, которым в первую очередь придется вступить в схватку с врагом; наконец, сегодня получено разрешение дать директиву о приведении войск приграничных военных округов в боевую готовность.

Но, с другой стороны, немецкие войска завтра могут перейти в наступление, а у нас ряд важнейших мероприятий еще не завершен. И это может серьезно осложнить борьбу с опытным и сильным врагом. Директива, которую в тот момент передавал Генеральный штаб в округа, могла запоздать.

Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня. Доехали мы с С. К. Тимошенко до подъезда наркомата молча, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы договорились через десять минут встретиться в его служебном кабинете.

...В ночь на 22 июня 1941 года всем работникам Генштаба и Наркомата обороны было приказано оставаться на своих местах. Необходимо было как можно быстрее передать в округа директиву о приведении приграничных войск в боевую готовность. В это время у меня и наркома обороны шли непрерывные переговоры с командующими округами и начальниками штабов, которые докладывали нам об усиливавшемся шуме по ту сторону границы. Эти сведения они получали от пограничников и передовых частей прикрытия.

Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл реку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность.

Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00.30 минут ночи И. В. Сталину. И. В. Сталин спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

После смерти И. В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно другой. Как я уже сказал, мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф. И. Кузнецовым, Д. Г. Павловым, М. П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые находились на своих командных пунктах.

Под утро 22 июня нарком С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны.

В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

Я спросил адмирала:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Переговорив с С. К. Тимошенко, я ответил Ф. С. Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три начальник штаба Киевского округа генерал М. А. Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским военным округом генерал Ф. И. Кузнецов, который доложил о налетах вражеской авиации на Каунас и другие города.

Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны.

— Кто говорит?

— Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

— Что? Сейчас?! — изумился начальник охраны. — Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города!

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили.

— Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

^4 Сталин в восп. совр.

В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил: .

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения. .

Я хотел бы отметить, что Черноморский флот во главе с адмиралом Ф. С. Октябрьским был одним из первых наших объединений, организованно встретивших вражеское нападение.

В 4 часа 10 минут Западный и Прибалтийский особые округа доложили о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках округов.

В 4 часа 30 минут утра мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В. М. Молотову. Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза. Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

— Не задержать, а уничтожить, — уточнил С. К. Тимошенко.

— Давайте директиву, — сказал И. В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась нереальной, а потому и не была проведена в жизнь. -

Вернувшись с С. К. Тимошенко в Наркомат обороны, мы выяснили, что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро пере

дать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы в ряде мест разрушили проволочную связь. Они убивали делегатов связи, нападали на командиров. Радиосредствами, как я уже говорил, значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена. Поэтому связь с войсками осуществлялась по воздушно-проволочным средствам связи.

В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений, и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное Командование и Генеральный штаб в затруднительное положение.

К 8 часам утра 22 июня Генеральным штабом было установлено, что:

— сильным ударам бомбардировочной авиации противника подверглись многие аэродромы Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов, где серьезно пострадала прежде всего авиация, не успевшая подняться в воздух и рассредоточиться по полевым аэродромам;

— бомбардировке подверглись многие города и железнодорожные узлы Прибалтики, Белоруссии, Украины, военно-морские базы Севастополя и в Прибалтике;

— завязались ожесточенные сражения с сухопутными войсками немцев вдоль всей нашей западной границы. На многих участках немцы уже вступили в бой с передовыми частями Красной Армии;

— поднятые по боевой тревоге стрелковые части, входящие в первый эшелон прикрытия, вступали в бой с ходу, не успев занять подготовленных позиций;

— на участке Ленинградского военного округа пока было спокойно, противник ничем себя не проявлял.

Около 9 часов С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения снова приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов.

Короткий путь до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Со мной был первый заместитель начальника Генштаба Н. Ф. Ватутин, у которого находилась карта с обстановкой стратегического фронта. По старой

привычке проверять себя, перебрал в памяти взятые с собой бумаги: их было немного, в том числе проект решения о создании Ставки Главного Командования — высшего органа руководства военными действиями вооруженных сил. Документ был заранее разработан Генштабом и одобрен наркомом.

Нас встретил А. Н. Поскребышев и сразу проводил в кабинет. Члены Политбюро уже находились там. Обстановка была напряженной. Все молчали.

И. В. Сталин молча ходил по кабинету с нераскуренной трубкой, зажатой в руке.

— Ну, давайте, что там у вас? — сказал он.

С. К. Тимошенко доложил о проекте создания Ставки Главного Командования. И. В. Сталин посмотрел проект, но решения не принял и, положив бумагу на стол, коротко бросил:

— Обсудим на Политбюро.

Осведомившись об обстановке, И. В. Сталин сказал:

— В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Прочитав проект Указа о проведении мобилизации и частично сократив ее размеры, намеченные Генштабом, И. В. Сталин передал Указ А. Н. Поскребышеву для утверждения в Президиуме Верховного Совета. Этим Указом с 23 июня объявлялась мобилизация военнообязанных 1905—1918 годов рождения на территории четырнадцати, то есть почти всех военных округов, за исключением Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного, а также вводилось военное положение в европейской части страны. Здесь все функции органов государственной власти в отношении обороны, сохранения общественного порядка и обеспечения государственной безопасности переходили к военным властям. Им предоставлялось право привлекать население и все средства транспорта для оборонных работ и охраны важнейших военных и народнохозяйственных объектов.

22 июня Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.

Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на ЮгоЗападный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина. — Потом несколько раздраженно добавил: — Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем и бутербродами[1].

МОЛОТОВ О ПЕРВЫХ днях войны

Беседа с Ф. Чуевым

...Растерялся ли Сталин?

— Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает с себя, он путается. 21 июня представили директиву, что надо привести войска в боевую готовность. У него двусмысленность: то ли правильно, он считает, Сталин поправил, то ли неправильно, — он не говорит. А конечно, Сталин поправил правильно. И вот в одних округах сумели принять меры, а в Белорусском не сумели...

08.03.1974

Когда началась война, рассказывает Молотов, он со Сталиным ездил в Наркомат обороны. С ними был Маленков и еще кто-то. Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым.

— Он редко выходил из себя, — говорит Молотов.

Далее он рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с центрального телеграфа.

— Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точ

[1] *Жуков Т.К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. I. С. 260—269.

но. Он и человек, и политик. Как политик, он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

— Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами», — стали одним из главных лозунгов войны.

— Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова, там были и поправки, и добавки, само собой.

— Сталин участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

— А речь 3 июля он готовил или Политбюро?

— Нет, это он. Так не подготовишь. За него не подготовишь. Это без нашей редакции. Некоторые речи он говорил без предварительной редакции. Надо сказать, мы все раньше говорили без предварительной редакции. Даже в 1945-м или в 1946-м, когда я делал доклад на ноябрьской годовщине или в ООН выступал, это были мои слова, меня никто не редактировал. Я не по- писаному говорил, а более-менее вольно.

То, что Сталин будет говорить на параде 7 ноября 1941 года, я, конечно, знал. Он говорил мне. Не помню, давал ли он читать речь, — наверно, даже давал читать. Обыкновенно давал читать. На параде 7 ноября его речь не была записана, он потом отдельно записал.

— Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

— Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, — как кающегося грешника его изображают.

...Читаю короткую речь английского премьера в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина — перевод из Британской энциклопедии:

— Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и несгибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают[1].

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 года, черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлечься от всего личного и следовать только правде. Непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фашистской Германии только на И. В. Сталина. Прошу понять меня правильно — когда я пишу это, то далек от мысли встать в ряды недоброй памяти защитников всего того, что решительно осуждено. Да и не приличествует мне защищать Сталина по причинам личного характера: я встретил день его смерти в 1953 году, находясь в одиночке бериевской тюрьмы, где мысли мои были заняты главным образом тем, как отбить очередные вздорные «обвинения», нагромождавшиеся следователями. Не оставляет меня и то впол

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 24, 50—51.

не реальное соображение, что, если бы не скончался в то время Сталин, я бы не писал теперь эти строки.

Много горя принесли тяжелые 1937 и 1938 годы. В результате репрессий были загублены блестящие кадры командиров и политработников Красной Армии. Тяжелые условия для нашего народа создались из-за допущенных просчетов в сроках нападения Германии. Не так сложился бы начальный период войны, если бы войска хотя бы на несколько недель раньше получили нужные директивы, развернулись бы и изготовились к бою.

Таких упреков можно приводить немало в адрес не только И. В. Сталина. Никто не упрекнул бы, например, в провокации командование 4-й армии Белорусского военного округа, если бы оно вывело из казарм в Бресте полки стрелковой дивизии, а не оставило бойцов в ночь на 22 июня в казармах, двери которых были под пулеметным прицелом с вражеской территории. В бесконечных сетованиях наших военачальников о «внезапности» просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев — от командующих фронтами до командиров взводов обязаны держать войска в состоянии боевой готовности. Это их профессиональный долг, и объяснять невыполнение его ссылками на И. В. Сталина не к лицу солдатам.

* * * -

Объективно оценивая обеспеченность наших сухопутных сил к июню 1941 года вооружением и боеприпасами, следует подчеркнуть, что то, что было сделано за предвоенные годы, являлось, видимо, пределом наших экономических возможностей. Политическое руководство страны рассчитывало на более поздние сроки войны, а когда она началась, полагалось на профессиональное мастерство наших командующих. К сожалению, оно не всегда было на высоте. Признать это фронтовикам трудно, ибо в таком случае нужно бы сказать, что взаимодействие между родами войск организовывалось наспех, не было должной разведки и не всегда существовало твердое и целеустремленное руководство. Куда легче сетовать на нехватку вооружения и боеприпасов как на основную причину неблагоприятного развития событий на фронте. По крайней мере осязаемо и просто.

Руководство Генштаба в быстро изменявшейся оперативной обстановке целиком переключилось на действия фронтов,

и сверстывать план заказов стало некому, а начальников, распоряжавшихся отпуском боеприпасов и вооружения, оказалось много. Все нарастали требования фронтов. ГАУ лихорадило от неразберихи.

В кабинет начальника ГАУ несколько дней подряд приходил Маленков со своим помощником Шаталиным. После них в одном из кабинетов поместился Н. А. Вознесенский со своим помощником Мохневым. Несколько недель в роли назойливого контролера был Мехлис. Я досыта насмотрелся на разного рода «проверяющих». Пока они тихо сидели в кабинете, это было неприятно, но терпимо. Однако, когда некоторые возомнили себя специалистами, конфликты оказались неизбежными. Я был вынужден отвести ряд безграмотных предложений Маленкова, относившихся к проверенной практикой норме патронов, расходуемых военной приемкой при контрольном отстреле винтовок и пулеметов (какой-то «заботливый деятель», не зная глубины вопроса, поспешил пожаловаться в ЦК на большой расход боеприпасов). Затем, когда Маленков со свитой явился на полигон и стал разглагольствовать о достоинствах боевой техники, я не сдержался и указал, что он не понимает сути дела. Я отказался подписать представление И. В. Сталину о принятии реактивных минометов на вооружение, поскольку они не проходили в ГАУ испытаний. И, наконец, в разговоре с Маленковым, фантазировавшим о том, что РС чуть ли не заменят артиллерию, я неодобрительно отозвался о большом рассеивании реактивных снарядов.

Требовалось настоятельно вооружение и для войск НКВД. В 1941 году потребность не обеспечивалась поставками, отсюда конфликты и с этим ведомством. Учитывая, что главой НКВД был Берия, легко понять, в каких условиях приходилось с ним «конфликтовать». Как-то при очередном распределении вооружения присутствовал генерал-полковник Н. Н. Воронов. Вот что он написал впоследствии: «Сталину бросились в глаза цифры: «Для НКВД — 50 ООО винтовок». Он забросал нас вопросами: кто конкретно дал эту заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берию. Тот пытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок?

— Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД, — сказал Берия.

— Достаточно будет и половины — двадцати пяти тысяч.

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не хотел слушать.

Тогда раздраженный до предела Сталин сказал нам:

— Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость.

Когда мы вышли из кабинета, нас догнал Берия и бросил злобно:

— Погодите, мы вам кишки выпустим!

...Мы не придали тогда должного значения его словам, считая их своего рода восточной шуткой. Только позже стало нам известно, что этот выродок и предатель обычно приводил свои угрозы в исполнение.

* * *

Слово Верховного было законом. В первый год войны я часто, почти каждый день вызывался в Ставку и убеждался в безукоснительном выполнении всеми его указаний. В разговоре с ним можно было приводить доводы в обоснование своих предложений. Можно было просить согласиться с тем, что можно выполнить, и не соглашаться, если Сталин иногда настаивал на невозможном. Твердо, не отступая перед острым в случае необходимости спором, всегда отстаивал перед Сталиным свою точку зрения нарком вооружений Д. Ф. Устинов.

Работу в Ставке отличала простота, интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, разговоры вполголоса. Сталин не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и поворотов. Как-то в Ставку был вызван один из начальников управлений Наркомата обороны. Генерал, войдя в кабинет (он вызывался в первый раз), сделал несколько шагов строго по строевому уставу, щелкнув каблуками, четко доложил о своем прибытии и замер в положении «смирно», Сталин задал несколько вопросов и, получив отрывистые ответы, отпустил генерала. Тот по-строевому повернулся и твердым шагом вышел. Верховный нахмурился, глядя ему вслед, махнул рукой и перешел к другим делам. Генерал через несколько дней был заменен другим, убыл на фронт и, насколько я помню, получил там за отличие в боях звание Героя Советского Союза.

* * *

Крупное мероприятие, которым я горжусь по сей день, — категорическое распоряжение, отданное мною в самом начале войны: безоговорочно отводить всю тяжелую артиллерию в тыл, не поддаваясь соблазну ввести ее в дело, как бы ни была тяжела обстановка. Я знал, что ревнители «бдительности» могут без труда ложно истолковать этот приказ со всеми вытекающими последствиями для начальника ГАУ. Но я по службе в войсках знал ограниченную подвижность тяжелых и дорогостоящих орудий РГК. Я каменел при мысли о том, что красавицы — пушки и гаубицы, гордость армии и народное достояние — могут легко попасть в руки немцам. К сожалению, это было более чем реальной перспективой — танковые и мотомеханизированные соединения врага в то лето проходили иной раз до ста километров в день.

Как ни негодовали артиллеристы, жаждавшие обрушить снаряды на врага, они грузились в эшелоны и уходили на восток. При отходе, в оборонительных боях летом 1941 года мы потеряли всего несколько десятков тяжелых орудий. Вся основная масса этой мощной артиллерии — орудия калибра 203 и 280 мм, 152-мм дальнобойные пушки и кадровый состав были отведены и сосредоточены в лагерях глубоко в тылу. Мы знали, что придет время, и оно не так далеко, когда тяжелая артиллерия займет место в рядах победоносных войск, идущих на запад, проложит им путь могучим огнем. Так оно и случилось.

* * *

В середице сентября 1941 года Сталин предложил восстановить должность начальника артиллерии Красной Армии, объединиться с начартом и самому решить, кто кому будет подчинен. Вопрос о порядке подчинения он, видимо, не считал принципиальным, коль отнес его на мое усмотрение. К этому разговору я не был подготовлен, но в дела ГАУ довольно глубоко врос. У меня физически не хватало времени на решение всех своих вопросов, но отказаться от объединения не хватило решимости, хотя я и не видел в этом никакой необходимости. В самом деле, какое отношение имел начарт к заказам вооружения и боеприпасов? К обеспечению войск стрелково-пулеметным и минометным вооружением? К обеспечению танков вооружением и оптикой? К вооружению ВВС и ВМС наземным оружием? Но я немного Уже знал характер Н. Н. Воронова, знал, какое внимание прида-

ет он внешней стороне дела, и во избежание неизбежных, совершенно излишних трений предложил, чтобы ГАУ было подчинено ему. Сталин согласился.

Во время наших встреч со Сталиным я оценил собственную дальновидность. Сталину нравился Воронов, который к тому же, чтобы не раздражать собеседника заиканием, был похвально немногословен в Ставке. Даже «разносы» нас Верховным носили отеческий характер. Не могу не припомнить одну комическую сцену. Сталин, держа потухшую трубку в руке (верный признак дурного настроения), прохаживается перед нами, стоящими чуть не по стойке «смирно». Дело идет о каких-то пустяках, но Верховный непреклонен, сурово смотрит перед собой на уровне груди высокого Воронова, и в поле его зрения попадают ордена на- чарта. Излив раздражение, Верховный прошипел:

— Зазнались, орденов нахватали! — Последовала короткая пауза, после которой он, уже успокаиваясь, добавил: — Да ведь сам награждал!

* * *

Уехала из Москвы часть наркоматов, эвакуировалась часть промышленности, потянулось на восток население. Москва стала прифронтовой столицей, а Верховный оставался на посту в Москве. Немецкая авиация бомбила столицу. И если, когда Сталин работал в доме около метро «Кировская», его удавалось убедить уйти в убежище, то в октябрьско-ноябрьские дни он оставался в своем кабинете в Кремле и во время бомбардировок. Звенели стекла в окнах от стрельбы зениток и взрывов бомб, а в кабинете Верховного шла напряженная работа. Только говорили немного громче, чтобы перекрыть гул, стоявший над Москвой.

16 октября днем мне неожиданно позвонил Сталин и спросил: правда ли, что я уезжаю из Москвы? «Прошу этого не делать, остаться в Москве». Я доложил, что ГАУ грузится, а у меня и мысли об отъезде не возникало. «Вы остаетесь в Москве. Как же можно начальнику ГАУ уезжать из нее?» Сталин сказал, что это хорошо, а то ему доложили, о моем предполагаемом отъезде. Тут я вынужден был спросить, кто же позволяет себе докладывать то, чего нет в действительности? Последовал ответ: Хру- лев. После разговора со Сталиным я тотчас же позвонил Андрею Васильевичу и попросил его, чтобы он не вводил в заблуждение Верховного. Хрулев стал что-то объяснять, но при всем к нему уважении пришлось резко сказать, что он ошибся и напрасно поспешил с докладом.

Нисколько не кривя душой, должен заявить, что в труднейшие октябрь и ноябрь 1941 года ни у кого из руководства, оставшегося в Москве, не было и намека на какую-либо панику и растерянность. Как-то уже в самом конце ноября к исходу глубокой ночи, когда мы вымотались до предела, Д. Ф. Устинов предложил мне поехать с ним на дачу и поспать там несколько часов. Наркомовская машина рывком взяла с места, и мы понеслись по загородному шоссе. Дача находилась в сорока с лишним километрах от Москвы, на Николиной горе. Едва добрались до постелей, как нас свалил тяжелый сон. А утром мы возвращались в Москву освеженные и бодрые. Приехав в ГАУ, я случайно узнал, что отдыхали-то мы под носом у врага. Как раз в ту ночь недалеко от Николиной горы бродили просочившиеся в наше расположение немецкие разведывательные отряды...

Орудие и миномет, даже танк без выстрела не представляют собой грозного оружия. Не опасен и самолет без бомбы. Бой — это грохот выстрелов и разрывов, вой осколков, свист пуль. Артподготовка — это потрясающая нервы и технику врага канонада. Мгновенный огневой налет и тотчас же перенос огня на фланги или в глубину — все это выстрелы, все это расход боеприпасов И все это очень нужно и является решающим в бою с врагом. Запросы на боеприпасы никогда не прекращаются. Впоследствии, когда мы стали получать боеприпасы в необходимом количестве, ГАУ взяло на себя еще одну функцию — напоминать, чтобы подвезенные к огневым позициям боеприпасы не оставались забытыми при продвижении вперед. К сожалению, это имело место. Отсюда частично известное «эхо войны», когда и по сей день приходится обезвреживать не только вражеские, но и собственные, забытые боеприпасы.

В том, что мы сумели хорошо наладить производство боеприпасов, огромную роль сыграл Дмитрий Федорович Устинов. Трудно, ох как трудно было Наркомату вооружений удовлетворять неимоверные потребности фронтов. На долю Дмитрия Федоровича выпало, помимо прочего, тяжкое бремя исправления на ходу ошибок, допущенных перед войной до его прихода в Наркомат. По-всякому было во время войны. Вспыхивали горячие споры, но всегда они заканчивались нахождением решений, отвечающих интересам дела.

* * *

В годы войны ГАУ пристально следило за разумностью использования того или иного вооружения. Опрометчиво приня

тый в июле 1941 года, вопреки мнению ГАУ, 37-мм миномет-лопата был после двухмесячного производства снят с вооружения как малоэффективный. Помнится, один из ретивых артиллеристов решил испытать этот миномет-лопату выстрелом стоя, с упором плиты его в живот. Конечно, при отдаче он был за свою такую ретивость наказан.

Для меня этот миномет памятен и очередной стычкой с Маленковым. Он явился на полигон, чтобы лично проверить, как действует оружие. Зрелище было комическое: тучный Маленков, лежа на животе, стреляет из миномета-лопаты. Сопровождавшие его чины ахали и охали, выражая свое восхищение происходящим: как же, сам товарищ Маленков изволят стрелять... Сделав выстрел, он поднялся и потребовал от меня немедленно подготовить документацию о передаче промышленности заказа на миллион минометов-лопат. Спорить с ним, разгоряченным собственным «подвигом», было бесполезно. Я только осведомился: ста мин для каждого миномета будет достаточно на первый случай? Маленков согласился. Тогда я поинтересовался: за счет чего промышленность изготовит 100 миллионов мин? Окинув меня грозным взглядом, Маленков молча пошел к машине. На том дело и кончилось.

„ * * *

Как сейчас, помню вечер в Ставке после окончательного разгрома группировки фашистских войск" под Сталинградом. Поскребышев вошел в кабинет И. В. Сталина и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны о победе наших войск. В кабинете Сталина не было ни радиоприемника, ни радиоточки. Она находилась в кабинете Поскребышева. В Ставке в этот час находился и Г. К. Жуков. Сталин предложил пойти послушать Левитана.

Безмерно радуясь содержанию передававшегося по радио приказа, я наблюдал, как Сталин, расправив плечи и став как будто выше ростом, попыхивал трубкой, останавливался с гордо поднятой головой й, поглядывая поочередно то на Георгия Константиновича, то на нас, не скрывал своего удовлетворения победой и гордости за блестящий успех наших войск. Особенно он подтянулся и приосанился, когда Левитан читал раздел приказа о пленении немецких генералов, среди которых был и фельдмаршал Паулюс. И это было так понятно. После многих месяцев труднейших, ожесточеннейших сражений требовалась раз

рядка. Теперь и вовсе стало ясным превосходство наших войск над кичливым врагом с его хвалеными генералами и фельдмаршалами.

* * *

После Курской битвы стало ясно, что наш превосходный танк Т-34, равного которому по своим боевым качествам не было ни у врагов, ни у союзников, нуждается в более мощной пушке, чем 76-мм калибра. К декабрю 1943 года В. Г. Грабиным была отработана и изготовлена новая 85-мм танковая пушка с начальной скоростью полета снаряда 800 метров в секунду. Увеличивалась дальность прямого выстрела, и снарядом пробивалась более толстая броня. Сталин торопил нас с новым заказом. Нервничал он сам, его нервозность передавалась и нам. 29 декабря наркомы Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, Б. Л. Ванников, командующий бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко и я вылетели на научно-испытательный полигон ГАУ, который с началом блокады Ленинграда (там оставался главный полигон ГАУ) пришлось организовать неподалеку от города Горького.

К нашему приезду из новой пушки было сделано немало выстрелов, в том числе и так называемых усиленных. Программа испытаний шла к концу. Танк и пушка показывали вполне удовлетворительные результаты. Пробыв полдня на полигоне, мы всей группой отправились на 92-й завод в Горький, чтобы договориться о начале поставок новых орудий. С 1 февраля 1944 года танки Т-34 должны были поступать на фронт уже с новой 85-мм пушкой.

Когда мы возвратились в Москву, группа вооруженцев вместе с представителями заинтересованных ведомств подготовила проект постановления ГКО. Этот проект, подписанный Устиновым, Малышевым, Ванниковым и Федоренко, поздно вечером 31 декабря рассматривался в ГКО. Там ждали, когда его подпишу я. Все присутствовавшие упрекали меня в медлительности и нерешительности. Я же, зная, что осталось отстрелять из пушки еще несколько десятков проверочных выстрелов (чтобы закончить полностью программу испытаний), и не имея окончательного заключения полигона, колебался и пока воздерживался от подписи. Потом, ввиду того, что наступает Новый год, уступил давлению, подписал проект, и в час ночи 1 января 1944 года было получено постановление ГКО, утвержденное Сталиным.

Утром, часов в девять, мне позвонили с полигона и сообщили, что после окончания испытаний по одному из узлов про

тивооткатных приспособлений орудия получены неудовлетворительные результаты, и поэтому пушка считается не выдержавшей испытаний и подлежит доработке. Это было полной неожиданностью. Нечего и говорить, что тотчас же в Наркомате вооружения собрались все, кто имел отношение к созданию пушки. При участии компетентных специалистов и самого Гра- бина проанализировали результаты испытаний. Было найдено решение, и после твердого заверения руководства завода, что дефект будет быстро устранен, появилась уверенность, что пушку в январе доиспытают, а с 1 февраля, как и было намечено танки Т-34 пойдут с новой пушкой.

Тем не менее малоприятный факт утаивать от И. В. Сталина было нельзя. Около 14 часов я позвонил ему и доложил о происшедшем. Сталин молча выслушал меня и, ничего не сказав, положил трубку. Вечером в своем кабинете Верховный медленно прохаживался по комнате, останавливался против меня и, сурово глядя, грозил мне пальцем; вновь прохаживался, опять останавливался и снова грозил. Потом сказал:

— Это вам урок на будущее.

Д. Ф. Устинов счел необходимым выехать на завод и сутками не выходил из цехов. Под его наблюдением на четвертые сутки была готова очень сложная деталь пушки — стальная люлька, которая буквально за десятки часов прошла путь от «белков» (чертежей) до отливки и окончательной отделки. Так создавалась эта пушка.

* * *

...В любом случае, работая со Сталиным, надо было иметь в виду его цепкую, поистине необъятную память, внимание к мелочам в громадном деле боевого обеспечения армии. Как-то в 1943 году, утверждая план отпуска вооружений, он обратил внимание на мое прошение отпустить Северо-Западному фронту сорок 107-мм пушек образца 1910—1930 годов. Я, откровенно говоря, думал, вряд ли он обратит внимание на эту строчку. Но последовал вопрос: зачем это Курочкину (командующий фронтом), который не ведет активных действий, вы предлагаете отпустить 107-мм пушки, почему это ГАУ вдруг расщедрилось? Я сказал, что на вооружении сейчас 122-мм пушки, а 107-миллиметровые, достаточно устаревшие, находятся в запасе. Раньше они назывались 42-линейными. Сталин вспомнил, что такие орудия хорошо себя показали под Царицыном в 1918 году. Нуж

но заметить, что он Сталинград обычно называл Царицыном, а Горький — Нижним.

— И все-таки в чем причина вашей щедрости? — продолжал допытываться Сталин

— Курочкин готовится освобождать Старую Руссу. А это мой родной город, — признался я.

— Ну, коль родной, то надо отпустить, — усмехнулся он.

Старую Руссу Сталин тоже знал по 1919 году. В ту пору там находился штаб Западного фронта, а Сталин был членом РВС фронта.

В феврале 1944 года я был в Ставке по текущим делам и был удивлен, когда Сталин мне сказал, что Старая Русса в наших руках (я этого еще не знал), но название «Старорусская» не будет присвоено ни одной из стрелковых дивизий, так как немцы, опасаясь окружения, оставили Старую Руссу ночью, а наши войска их отход прозевали.

— Но,— говорю я ему,— в старой армии в России был 113-й пехотный Старорусский полк.

— Ну это было в старой армии, — развел руками Сталин и шутливо расшаркался и поклонился. — А у нас, как видите, оснований давать такое название нет.

Все же это название наши части получили. Когда немцы покинули Старую Руссу, в ней не оказалось жителей. Город был весь разрушен. Жители, не успевшие эвакуироваться летом 1941 года, частью ушли в деревни, частью в партизаны, а многие погибли от рук фашистов.

* * *

Верховный очень внимательно относился к предложениям командующих фронтами, но бывал довольно скептически настроен, когда они иной раз предлагали не совсем понятные «прожекты». Помню, мы в Ставке были удивлены, когда Мерецков предложил Сталину ввести в стрелковых войсках подразделения гренадер, вооружив их противотанковыми гранатами и противотанковыми ружьями. Сталин ответил, что у нас есть гвардейские части, ударные армии, в которых у бойцов есть то же самое вооружение, поэтому вряд ли целесообразно вводить такое название. Неожиданно, почти в полный голос, немного картавивший Мерецков гаркнул:

— Здорово, гренадеры! — И уже тише спросил: — Не правда ли, звучит красиво!

Сталин вздрогнул и недоуменно посмотрел на него:

— Ну, если только из-за этого вводить новое название, то это будет вряд ли уместно.

Так и остались мы без гренадер.

Летом 1944 года кто-то из фронтовиков предложил Ставке сформировать несколько кавалерийских корпусов для преследования отходящего противника. Сталин усомнился в этом и заявил, что преследовать врага лучше танками. Но докладчик настаивал, приводя в качестве довода то обстоятельство, что сейчас лето и сена для лошадей достаточно. Сталин посмотрел мимо него и ядовито сказал:

— Сено... И только из-за этого вы и предлагаете сформировать кавалерийские корпуса? Несерьезно все это и неприемлемо.

* * *

При всей значимости работы в ГАУ я все-таки считал себя строевым командиром, место которого, конечно же, в войсках. Мне было в высшей степени обидно, что за боевыми действиями приходится наблюдать со стороны, из Москвы, а не быть их непосредственным участником.

Когда поставки вооружения и боеприпасов приняли устойчивый характер, я во время одного из докладов в Ставке попросил отпустить меня на фронт. Неожиданно последовала бурная реакция. Сталин нахмурился и коротко бросил:

— Работайте, где работаете!

Распрощался сухо, а в приемной Поскребышева меня остановили члены ГКО, упрекая за неуважение к Сталину, который, руководя фронтами, опирается на глав центрального аппарата Наркомата обороны, а один из них смеет просить отпустить его на фронт, как будто Сталин занят чем-то другим, а не руководит фронтами, и что здесь не легче, чем там.

Тем не менее во время докладов в Ставке я все чаще стал повторять, что для лучшей организации дела в ГАУ полезно собственными глазами взглянуть на боевое использование артиллерии. Сталин сердился, отмахивался, бывали неприятные перепалки, но в конце концов он согласился отпустить меня на фронт. Поездки эти оказались очень полезными.

Самой памятной была поездка с представителем Ставки Г. К. Жуковым на 1-й и 2-й Белорусские фронты. Было это в 1944 году, когда готовилась Белорусская операция. Жуков сам обратился к Сталину с просьбой отпустить меня с ним в качест

ве помощника по артиллерии. Так я оказался на фронте. Жуков провел рекогносцировки расположения противника, побывав на наблюдательных пунктах всех стрелковых дивизий ударной группировки. С ним выезжали Рокоссовский, Булганин, Казаков и я.

Вместе с Жуковым побывал я и на 2-м Белорусском фронте, где мы также проверяли ход подготовки к наступлению. Фронту требовалась помощь мощными артсредствами. Из резерва Ставки был выделен дивизион 305-мм гаубиц, который хорошо использовали уже в самом начале операции, хотя и потребовалось много хлопот по скрытному развертыванию артсистем. Тут же, на 2-м Белорусском фронте, были согласованы совместные боевые действия артиллерии с военно-воздушными силами.

24 июня 1944 года, еще в предрассветных сумерках, началась мощная артиллерийская подготовка. В первый день полный успех обозначился на левом крыле ударной группировки 1-го Белорусского фронта. Резко запечатлелись в памяти действия нашей бомбардировочной авиации. На третий день, особенно во вторую половину его, при безоблачной погоде по 40—45 наших бомбардировщиков волнами выходили к дамбе, ведущей к переправе через Березину, к которой бросились отступавшие немецкие войска, и наносили мощные бомбовые удары. По этой дамбе потом не только проехать, но и пройти в освобожденный Бобруйск было невозможно.

Со взятием Бобруйска мне следовало переехать на левое крыло фронта, под Ковель, и там принять участие в подготовке следующей фронтовой операции. Жуков поздно вечером 30 июня выслушал меня и пожелал счастливого пути. Но через час, когда я уже собирался, срочно вызвал к телефону и передал приказ Верховного, чтобы я немедленно выезжал в Москву. Там мне было сказано: хватит воевать, надо работать в ГАУ

Думаю, что то, что было сделано мною во время кратковременных поездок на фронт, было более чем высоко оценено — меня наградили двумя орденами Суворова первой степени и орденом Кутузова первой степени. Те, кто знает порядок награждения в случаях, подобных моему, когда решение принималось Ставкой, помнят, что Сталин напрасно ордена не раздавал.

Угрозу Берии «выпустить нам кишки» я вспомнил уже после войны. Жаловался на меня Сталину и Мехлис за то, что я не слишком почтитедьно обходился с ним. После одной такой жалобы Сталин как-то сказал мне:

— Вас надо судить за неподчинение начальству.

Это или что другое сыграло свою роль, но в последние годы жизни Сталина я очутился в тюремной одиночке. Лишь смерть Сталина распахнула передо мной ворота тюрьмы[1].

Д. Ф. Устинов

ВОСПОМИНАНИЯ НАРКОМА ВООРУЖЕНИЙ

...Выяснилось, что после снятия с производства в конце июля 1940 года противотанкового ружья Н. Рукавишников продолжал работу над его усовершенствованием. Но последние полигонные испытания, проводившиеся 23 июня 1941 года, показали все еще значительный процент задержек при стрельбе. Требовалась дальнейшая доработка ружья.

Обо всем этом я доложил Н. А. Вознесенскому. Он попросил оказать Рукавишникову необходимую помощь, чтобы ускорить завершение работ. А вскоре о противотанковом ружье заговорил Сталин. Случилось это в начале июля, после одного из заседаний Государственного Комитета Обороны.

— Тимошенко и Кулик, — сказал Сталин, — обратились с просьбой срочно начать массовый выпуск противотанкового ружья Рукавишникова. — По тому, какой тяжелый взгляд был брошен в мою сторону, чувствовалось, как он сильно раздражен.— Наши бойцы геройски дерутся с фашистскими танками, — продолжал Сталин, — применяя бутылки с горючей смесью и гранаты. Они вынуждены прибегать к таким средствам. Другого оружия ближнего боя у них нет. А оно могло быть! Могло, если бы наши военные в свое время более здраво подошли к оценке противотанкового ружья. Тогда они недооценили его возможности и переоценили броневую защиту немецких танков. Но сейчас мы знаем, что броня у большинства из них не превышает сорока миллиметров. Как раз для противотанкового ружья!

Сталин помолчал, потом обратился ко мне:

— Товарищ Устинов, скажите, можно ли начать выпуск противотанкового ружья Рукавишникова, и если можно, то сколько потребуется времени для налаживания производства?

— Выпуск ружья можно начать, товарищ Сталин, — ответил я. — Но сейчас оно проходит окончательную доводку после испытаний. Одновременно ведется подготовка технической до

[1] «Молодая гвардия», 1993, № 5 — 6.

кументации и рабочих чертежей для массового производства на двух заводах. На это потребуется не меньше месяца.

— Учитывая важность задачи, — сказал Сталин, — поручите еще одному, а для надежности — двум конструкторам, пусть поработают так, чтобы в самое короткое время мы имели хорошее противотанковое ружье.

Эта задача была поставлена перед конструкторами В. А. Дегтяревым и С. Г. Симоновым. Созданные ими в короткий срок — с момента получения задания и до первых пробных выстрелов прошло всего 22 дня — образцы ружей успешно выдержали полигонные испытания, о чем я и доложил в середине августа Сталину. Он слушал с большим интересом, то и дело уточнял некоторые вопросы.

— Ружье Симонова, товарищ Сталин, самозарядное, в магазине пять патронов.

— Чем же оно отличается от ружья Рукавишникова? Ведь его ПТР тоже самозарядное, под пять патронов?

— Да, товарищ Сталин. Бронепробиваемость, баллистические, весовые и габаритные характеристики обоих ружей равноценны. Но ружье Симонова проще, легко разбирается на две части и в походном положении имеет меньшие габариты по длине. Оно обладает преимуществами перед ружьем Рукавишникова в разборке и сборке, в обнаружении и устранении задержек.

— Проще — это хорошо, — заметил Сталин. — Проще — значит надежнее. На марше ружье Симонова смогут нести два солдата?

— Да, товарищ Сталин.

— Это тоже неплохо*. А каковы оба эти ружья в стрельбе?

— Из того и другого сделано примерно одинаковое количество выстрелов — больше тысячи. Ружье Симонова не имело поломок, а в ружье Рукавишникова — две. Так что есть основания считать ружье Симонова более живучим.

— Вот видите? Это — результат простоты. Она имеет немаловажное значение и в производстве, особенно массовом. Эту сторону дела вы тоже учли?

— Конечно, учли, товарищ Сталин. Число заводских деталей в ружье Симонова на треть меньше, чем в ружье Рукавишникова. На его изготовление требуется на 60 процентов меньше станко-часов и на 30 процентов — общего времени. Мы считаем целесообразным принять на вооружение противотанковое ружье Симонова и начать его массовое производство.

— Хорошо...

* * *

...В конце декабря 1942 года на заседании ГКО были рассмотрены итоги работы советской экономики в первом периоде войны. После доклада Н. А. Вознесенского поднялся Сталин.

— Кризис в состоянии народного хозяйства страны мы, можно сказать, преодолели, — сказал он. — Товарищ Вознесенский доложил, что выпуск боевой техники в Советском Союзе в настоящее время по всем показателям превосходит выпуск вооружения Германией и ее сателлитами. Но враг все еще силен. Гитлер понял, что «молниеносной войны» у него не вышло. И если после лета и осени сорок первого года он дал указание о сокращении военного производства, то теперь принимает лихорадочные меры для его расширения. Не случайно во главе военного производства поставлен Шпеер, а соответствующие органы вермахта введены в состав германского министерства вооружений и военной промышленности. Нам хорошо известно о том, что фашистское руководство перераспределяет ресурсы, проводит насильственную мобилизацию населения оккупированных стран. С весны этого года начался массовый угон в Германию наших граждан с захваченных фашистами территорий. Широко используют гитлеровцы и труд военнопленных. Все это, по существу, дармовые источники людских ресурсов. Эксплуатируют их как рабов, хуже рабов.

Сталин помолчал, оглядел нас пристально и неторопливо.

— В результате производство вооружения в фашистском блоке стало нарастать. В частности, по сравнению с сорок первым годом на сегодняшний день выпущено самолетов и танков примерно наполовину больше, орудий калибра 75 мм и выше — в 1,8 раза, минометов — в два с лишним раза. Противник, безусловно, попытается вновь захватить стратегическую инициативу. Допустить этого мы не можем.

Обращаясь к Вознесенскому, Сталин продолжал:

— Госплану надо тщательно взвесить и учесть все наши резервы. Возможности наращивания производства за счет перераспределения материальных ресурсов и рабочей силы мы, по существу, уже исчерпали. Значит, дальнейший рост должен быть обеспечен за счет внутренних возможностей каждой отрасли промышленности.

Выйдя из-за стола, Сталин прошелся по кабинету, остановился у карты и, скользнув по ней взглядом, продолжал вдруг сразу как-то осевшим, глухим голосом:

— Создается впечатление, что мы еще длительное время будем воевать с Германией один на один. Союзники не торопятся с открытием второго фронта, так что рассчитывать надо только на себя.

* * *

Во второй половине декабря 1943 года И. В. Сталин вызвал в Кремль Малышева, Ванникова, Федоренко и меня. Поздоровавшись с нами, он указал на стулья, стоявшие у длинного стола. После того как мы разместились, Сталин высказал неудовлетворение ходом разработки и установки на танк Т-34 85-мм пушки. Мы и сами знали, что дела здесь идут неважно. И тем не менее резкая оценка, которую давал им Сталин, была для нас крайне неприятной.

Естественно, слова здесь были бесполезны. Нужен был результат, и результат быстрый. А его пока не было. Ни один из разрабатываемых конструкторскими бюро образцов 85-мм орудия не мог быть запущен в производство без серьезных конструкторских доработок. Это было хорошо известно всем присутствующим, и мы сидели молча.

Вопросы нам И. В. Сталин не задавал.

Пройдя несколько раз по кабинету, он подошел к своему столу, взял с него какие-то листы и, повернувшись к нам, стал их читать вслух. Это оказалось письмо командира одной из дивизий действующей армии. И. В. Сталин особо выделил из этого письма то место, где сообщалось, что установленные на танках 45-мм и даже 76-мм пушки не эффективны для борьбы с танками противника, особенно с последними модификациями «тигров». «Тигры» практически нельзя бить в лоб, — писал комдив. — Приходится или пропускать их через себя и стрелять в корму, или вести огонь по танкам противника, двигающимся на соседей, то есть по борту. На танк Т-34 нужна более мощная пушка».

Следует отметить, что Сталин всегда внимательно относился к просьбам с фронта и принимал самые решительные меры по их удовлетворению. И на этот раз, закончив читать письмо, коротко бросил:

— 85-мм пушка должна быть установлена на танк Т-34. С начала следующего года надо выпускать его только с этой пушкой!

Задача предельно ясна. Надо ее выполнять. Мы поднялись.

Сталин еще раз прошелся по кабинету и сказал:

— Отправляйтесь немедленно на завод. Для вас на Ярославском вокзале заказан вагон. Он будет прицеплен к очередному °тходящему поезду. Не теряйте времени.

Мы вышли из кабинета.

До Нового года оставалось менее недели. А надо было решить множество инженерно-конструкторских и организационно-технологических проблем, причем решить быстро.

В поезде почти не спали. Подробно обсудили план работы. Решили: сначала к Еляну.

Утром на заводе встретили нас Елян с главным технологом Гордеевым. На наш вопрос о делах ответили, что в целом они идут нормально. Однако Елян, выбрав момент, шепнул мне на ухо:

— Плохо дело, опять разорвало казенник.

Речь шла именно о той пушке, по поводу которой состоялся наш вызов в Кремль, к Сталину.

Стало ясно, что вместе нам здесь делать пока нечего. Я предложил, чтобы Малышев, Ванников и Федоренко ехали на танковый завод. Мне же целесообразно остаться у Еляна. На том и порешили.

У Еляна я спросил:

— Есть ли заготовки для новых казенников?

— Да, есть.

— Подберите бригаду слесарей, фрезеровщиков, токарей, пусть немедленно приступают к изготовлению. Работать посменно. К утру следующего дня сделать хотя бы один казенник и начать испытания!

Вместе с тем нужно было внимательно разобраться в причинах неудач. Беседовал с конструкторами, испытателями, просмотрел лабораторные анализы поломок. Несколько раз бывал в цехе, где развернулась работа по изготовлению заготовок.

Торопить людей не требовалось. Все работали с полной отдачей сил. И все же казалось, что мое присутствие как-то ускоряет работу.

Утром, на следующие сутки после приезда, звоню из гостиницы, хотя уехал с завода лишь на рассвете, буквально два часа назад:

— Как дела?

Ответил Елян:

— Сделано два выстрела из новой пушки. Поломок пока нет.

— Продолжайте испытания. Я сейчас буду[1].

[1] *Устинов Д.Ф.* Во имя победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 170—171, 197—198, 247—249.

А. С.Яковлев

ИЗ «ЗАПИСОК АВИАКОНСТРУКТОРА»

В связи с приближением линии фронта, а следовательно, и аэродромов противника, опасность налета вражеской авиации на столицу стала реальной, и в Ставке устроили для проверки, так сказать, механизма противовоздушной обороны военную игру по отражению воздушного нападения на Москву.

Военная игра проводилась в особнячке, по соседству с нашим наркоматом, где в первые дни войны помещалась Ставка Верховного Главнокомандования, пока не было готово кремлевское бомбоубежище.

Мы с наркомом Шахуриным и замнаркома Дементьевым в числе других были приглашены на это учение.

В маленьком зальце особняка по стенам были развешаны схемы различных вариантов возможных налетов на Москву, карты размещения зенитных батарей вокруг города, а также аэродромов истребителей противовоздушной обороны. На стульях лежал большой фанерный щит с наколотой на нем картой московской зоны ПВО. В центре планшета — план Москвы, опоясанной несколькими кольцами разного цвета, изображавшими систему ближней и дальней противовоздушной обороны. На плане города было нанесено также расположение зенитных батарей и аэростатов заграждения. На учении присутствовали главком ВВС П. Ф. Жигарев, его заместитель И. Ф. Петров и еще несколько генералов, фамилии которых я тогда, к сожалению, не записал и теперь уже не помню.

Докладывали командующий противовоздушной обороной генерал-майор Громадин и командующий истребительной авиацией ПВО полковник Климов.

Проигрывались разные варианты воздушного нападения на Москву, то есть налеты с разных направлений, на разных высотах, днем и ночью, и демонстрировались соответствующие способы отражения этих налетов различными родами оружия противовоздушной обороны.

На протяжении всего учения Сталин внимательно за всем наблюдал и слушал, но не проронил ни слова. Когда игра была закончена и, как полагалось, атаки воображаемых самолетов противника отражены, он молча обошел вокруг планшета. Создалось впечатление, что разыгранные варианты ни в чем его не

убедили, что у него какое-то недоверчивое отношение ко всему этому делу. Наконец, раскуривая свою трубку, он произнес как бы сквозь зубы:

— Не знаю, может быть, так и надо...

Потом молча пошел в кабинет, пригласив туда Шахурина, Дементьева, Жигарева, Петрова и меня.

Так же, как и на нас, на него эта военная игра произвела впечатление детской игры: как-то все схематично и бумажно. Не было уверенности, что защита Москвы с воздуха обеспечивается надежно. Забота о судьбе Москвы владела всеми.

И в кабинете Сталин опять сказал:

— Может быть, так и надо... Кто его знает?

А потом несколько раз повторил:

— Людей* нет, кому поручишь... Людей не хватает...

Когда Сталин заговорил о людях, Дементьев шепнул мне:

— Давай попросим за Баландина.

Я кивнул ему, и мы воспользовались паузой в разговоре.

— Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как арестован наш замнаркома по двигателям Баландин. Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в наркомате, — руководство двигателестроением очень ослаблено. Просим вас рассмотреть это дело, мы в нем не сомневаемся.

— Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может быть, за ним и нет ничего... Очень возможно... И так бывает, — ответил Сталин.

На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет в наркомате и продолжал работу, как будто с ним ничего и не случилось[1].

Нарком боеприпасов Б. Ванников

«ДОСТАВЛЕН ИЗ ТЮРЬМЫ»

В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу стра

[1] *Яковлев А.С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1968. С. 276—. 277.

ну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Не имея представления о сложившемся тогда опасном положении, я допускал, что в худшем случае у наших войск могли быть небольшие местные неудачи и что поставленный передо мной вопрос носит чисто профилактический характер. Кроме того, в моем положении можно было лишь строить догадки о том, подтвердило или опровергло начало войны те ранее принятые установки в области производства вооружения, с которыми я не соглашался. Поэтому оставалось исходить из того, что они, возможно, не оказались грубыми ошибками, какими я их считал.

Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

— Ваша записка — прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркому вооружения.

В ходе дальнейшей беседы он заметил:

— Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...

После описанного события прошло несколько месяцев. В течение этого времени я работал сначала в наркомате вооружения, потом выполнял задания Государственного Комитета Обороны, касавшиеся производства боеприпасов к зенитным орудиям и восстановления эвакуированных в глубь страны артиллерийских заводов, а в начале февраля 1942 года был назначен наркомом боеприпасов.

...Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, мне казалось, проявлял наибольшую заботу.

Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью °н занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью
А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно

сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой промышленности и военного судостроения.

Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия. Возможно, что это было связано с его воспоминаниями о своей прошлой военной деятельности, когда только артиллерия решала исход боев, а все другие виды техники не достигли еще столь высокой степени развития, какое они получили перед Второй мировой войной. И. В. Сталин выразил свое отношение к артиллерии, повторив крылатую фразу: «Артиллерия — бог войны»...

...К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией, превосходившей по боевым и эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую.

Классической для того времени была 76-миллиметровая пушка, созданная Героем Социалистического Труда конструктором В. Г. Грабиным. Немцы считали эту пушку образцом для артиллерийских систем такого калибра. В танковом варианте она пробивала броню немецко-фашистских танков на значительно больших дистанциях, нежели могли это сделать их пушки в отношении наших танков.

...Мобилизационная готовность кадров, говорил Сталин, нужна не только для военных заводов, а и для всей промышленности; в военное время вся промышленность будет военной, и она должна быть к этому подготовлена. Оборонные же наркоматы, продолжал он, должны отвечать за мобилизационную готовность и невоенных заводов. Далее он разъяснил, что и с созданием трудовых резервов оборонные наркоматы и заводы будут нести ответственность за работу ФЗУ, ранее находившихся в их системе, оказывать им помощь оборудованием, инструментом, материалами, инструкторскими кадрами и всем необходимым.

Жизнь, как известно, полностью подтвердила правильность создания общегосударственной системы подготовки трудовых резервов, сыгравшей важную роль в дальнейшем развитии промышленности, в том числе и оборонной.

Иначе сложилась история другого предвоенного закона, направленного на борьбу с текучестью рабочей силы.

Дело в том, что третий пятилетний план предусматривал значительные темпы роста производственных мощностей за счет строительства новых заводов, расширения и реконструкции действующих. Прирост выпуска всей промышленной продукции должен был достигнуть 92 процентов, а в машиностроении и металлообработке еще более высокого показателя — 129 процентов. Темпы же подготовки рабочих, особенно квалифицированных, а также инженеров, техников и хозяйственников не обеспечивали новых потребностей.

Образовался разрыв, промышленности не хватало кадров, а это наряду с другими причинами создавало благоприятную почву для текучести. Недостаток квалифицированных производственных руководителей восполняли за счет неопытных работников, поэтому на заводах, особенно на новых, были различные производственные и организационные неполадки, а также простои и даже аварии. Наконец, плохо обстояло с материальной заинтересованностью и другими стимулирующими условиями, в результате заработок рабочих был неустойчивым. Все это также вызывало текучесть рабочей силы и массовые прогулы, принимавшие угрожающий характер.

Установленные для артиллерийских и пулеметно-оружейных заводов льготы создали на этих предприятиях довольно благоприятные условия. Кадры здесь стали более стабильными, хотя в конечном итоге и их могла захватить текучесть. Другие же предприятия остальных наркоматов были в худшем положении: на тех заводах люди часто менялись, много было прогулов.

Наркомы неоднократно обращались к И. В. Сталину и другим руководителям партии и правительства с предложением издать закон, направленный на борьбу с прогулами и текучестью рабочей силы. Сталин отвечал, что для этого нужны не особые законы, а повышение качества технического и хозяйственного руководства. Он потребовал от всех наркомов и директоров предприятий улучшения их работы. Но масштабы текучести, прогулов, нарушений производственной дисциплины не сократились. Этому, несомненно, способствовало и то, что ситуация 1937—1938 годов резко отразилась на престиже руководителя — мастера, начальника участка, цеха и даже директора завода. Одних постановлений о повышении их роли и ответственности было уже недостаточно для укрепления производственной дисциплины.

В 1940 году Центральный Комитет партии принял более решительные меры. Был подготовлен проект закона о запрещении

самовольного ухода рабочих и служащих с работы. При обсуждении его на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) присутствовали и наркомы — члены ЦК. Обращаясь к ним, И. В. Сталин сказал, что такой закон — вынужденная мера, вызванная прежде всего неспособностью руководителей наркоматов и заводов добиться стабильности кадров и укрепления производственной дисциплины.

Этот упрек был в значительной мере заслуженным. Поэтому мы, наркомы, хотя и были рады опубликованному 26 июля 1940 года Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР, запрещающему самовольный уход рабочих и служащих с заводов, в то же время испытали горечь и неудовлетворенность своей работой, увидели в ней немало серьезных упущений. И долго еще это ощущение вины не покидало нас, в чем мы откровенно признавались друг другу при встречах. Как и мои коллеги, ныне покойные В. А. Малышев, А. И. Ефремов, И. Ф. Тевосян, В. В. Вахрушев, я отчетливо понял, что наше умение руководить нужно непрестанно совершенствовать и что ключом к решению всех задач производства является забота о людях, создание благоприятных условий для их труда.

...Исторические решения и повседневная помощь партии в подготовке квалифицированных кадров, образование государственных трудовых резервов, вовлечение женщин в производство и борьба с текучестью способствовали созданию в нашей стране такого крепкого и устойчивого тыла, который обеспечил в годы Великой Отечественной войны все необходимые условия для Победы. Женщины и подростки во время войны заняли место мужчин, ушедших на фронт. Заменив на производстве своих мужей, братьев и отцов, они в исключительно тяжелых условиях с честью выполнили трудную, ответственную задачу по снабжению фронта всем необходимым.

Что касается высококвалифицированных кадров оборонной промышленности, то только благодаря тому, что они были созданы в довоенное время, стало возможным в небывало короткие сроки, в течение нескольких месяцев, не только восстановить эвакуированные заводы, но и значительно увеличить выпуск продукции. Без таких опытных, отлично знающих дело людей мы не смогли бы это сделать даже и в том случае, если бы у нас было больше оборудования.

Я не сомневаюсь, что эта огромная деятельность партии была бы еще более плодотворной, если бы И. В. Сталин, сформулировав лозунг «Кадры решают все», не допустил в то же время

массового истребления кадров квалифицированных руководителей и специалистов, преданных Советскому государству. Эти репрессии, особенно в 1937—1938 годах, нанесли экономике страны большой ущерб, который смогли возместить лишь огромные жизнетворные силы, заложенные в социалистическом строе.

...И. В. Сталин уделял в предвоенные годы и особенно начиная с 1938 года большое внимание работам, связанным с созданием самозарядной винтовки (СВ). С присущей ему настойчивостью следил он за ходом конструирования и изготовления ее образцов. Высказывая недовольство медленными темпами работы, он не раз подчеркивал чрезвычайную необходимость иметь на вооружении нашей армии самозарядную винтовку. Говоря о ее преимуществах, высоких боевых и тактических качествах, он любил повторять, что стрелок с самозарядной винтовкой заменит десятерых, вооруженных обычной винтовкой. Кроме того, говорил Сталин, СВ сохранит силы бойца, позволит ему не терять из виду цель, так как при стрельбе он сможет ограничиться лишь одним движением — нажимать на спусковой крючок, не меняя положения рук, корпуса и головы, как это приходится делать с обычной винтовкой, требующей перезарядки патрона. Сталин считал очень важным, чтобы самозарядная винтовка могла производить до 20—25 выстрелов в минуту или примерно вдвое больше, чем винтовка образца 1891—1930 годов.

Первоначально намечали вооружить Красную Армию автоматической винтовкой, но потом остановились на самозарядной, позволяющей рационально расходовать патроны и сохранять большую прицельную дальность, что особенно важно для индивидуального стрелкового оружия.

Правда, с точки зрения конструирования и производства самозарядная винтовка абсолютно такая же, как автоматическая, и отличается лишь тем, что требует нажатия на спусковой крючок при каждом выстреле. Автоматическая винтовка не нуждается в этом только потому, что имеет одну-единственную дополнительную деталь, называемую переводчиком и обеспечивающую непрерывную стрельбу. Выбрасывание же гильзы, подача нового патрона в ствольную коробку и продвижение его в ствольной коробке до положения готового к выстрелу происходит в обеих винтовках совершенно одинаково, причем и автоматическую можно использовать как самозарядную.

Отдавая предпочтение СВ, Сталин отмечал, что хочет исключить возможность автоматической стрельбы, ибо, как он говорил, в условиях боя нервозное состояние стрелков толкнет

большинство их на бесцельную непрерывную стрельбу, нерациональное расходование большого количества патронов. Исходя из этих соображений, он отклонил и предлагавшееся военными компромиссное решение — изготовлять и поставлять переводчик для автоматической стрельбы в качестве отдельной запасной детали.

В связи с этим мне вспоминается эпизод, относящийся, кажется, к 1943 году.

Однажды Сталин сказал мне по телефону, что получил от И. А. Булганина сообщение об одном фронтовике, который очень легко переделал самозарядную винтовку в автоматическую.

— Я дал указание, — сказал Сталин, — автора наградить за хорошее предложение, а за самовольную переделку оружия наказать несколькими днями ареста. Вам я звоню потому, что хочу послать сообщение товарища Булганина на ваше заключение. Вы прочтите и напишите ваше мнение.

Я был наркомом боеприпасов, а.винтовки изготовляла промышленность вооружения. Но когда я напомнил об этом Сталину, он ответил:

— Хорошо помню, что вы теперь нарком боеприпасов, но я вам звоню не как наркому, а хочу знать именно ваше мнение.

Материал немедленно был мне доставлен. Просмотрев его, я пришел к выводу, что упомянутый фронтовик, как видно, работал раньше на винтовочном заводе и знал, что автоматическая и самозарядная винтовки — одно и то же, если не считать названной выше детали (переводчика). Приспособив ее к СВ, он и получил автоматическую винтовку.

В таком духе я ответил Сталину, и на этом дело закончилось. Но, сопоставляя данный случай с довоенными событиями, относящимися к истории создания самозарядной винтовки, я вижу, как быстро забывается то, над чем подчас долгое время ломают копья. Ведь когда обсуждался вопрос о том, какую создавать винтовку — автоматическую или самозарядную, все знали, что разница между ними только в одной небольшой детали. Но прошло несколько лет, и все было забыто.

...Из сказанного вытекало, что согласиться с военными означало совершить тяжелую и непростительную ошибку.

Но никакие доводы не были приняты во внимание. Напротив, пришлось выслушать немало резких упреков, и, как это ни странно, особенно нападал на наркомат вооружения Н. А. Вознесенский, который в то время ведал оборонной промышленностью и, казалось, должен был знать хоть основную, главную суть

вопросов. К сожалению, он ее не знал, хотя и был незаурядным человеком. В конце концов председатель комиссии заявил:

— Нам не нужны ваши устаревшие винтовки.

Окончательный вывод комиссии, который должен был в тот же день стать официальным постановлением, гласил: заказ дать только на самозарядные винтовки и поручить наркомату вооружения совместно с представителями наркомата обороны определить максимальное количество СВ, которое могут выпустить заводы в 1941-м и последующих годах.

Тут же мне было дано указание немедленно вызвать директора одного из оружейных заводов В. Н. Новикова и приступить к выполнению принятого комиссией решения.

В наркомате меня ждали мои заместители В. М. Рябиков и И. А. Барсуков. Узнав об итогах заседания комиссии В. М. Молотова, они также сочли решение ошибочным и настойчиво высказались за то, чтобы я опротестовал его немедленно, пока оно еще не оформлено официальным постановлением. В. Н. Новиков же был настолько обескуражен предстоявшей ему задачей, что начал просить меня не издавать пока соответствующего приказа, как будто от этого что-нибудь зависело.

В. М. Рябиков и И. А. Барсуков возобновили атаки на меня. Когда же я обратил их внимание на состав комиссии и сказал, что жаловаться некому, В. М. Рябиков с той же настойчивостью предложил мне обратиться к Сталину.

Я не решался.

Тогда мои. товарищи по работе убедили меня позвонить Н. А. Вознесенскому с тем, чтобы еще раз попытаться переубедить его. Но последний не пожелал ничего слушать и в грубой форме потребовал прекратить «саботаж и волокиту» и приступить к немедленному выполнению решения.

И тогда я все же позвонил И. В. Сталину. Подобно мне, В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, остававшиеся рядом со мной, с волнением ждали, что ответит он на просьбу принять меня по вопросу о заказе на винтовки.

Сначала Сталин сказал, что уже в курсе дела и согласен с решением комиссии.

В. М. Рябиков и И. А. Барсуков знаками настаивали, чтобы я изложил по телефону свои доводы.

Сталин слушал. Потом он сказал:

— Ваши доводы серьезны, мы их обсудим в ЦК и через 4 часа дадим ответ.

Мы не отходили от телефона, ждали звонка.

Ровно через 4 часа позвонил Сталин. Он сказал:

— Доводы наркомата вооружения правильны, решение комиссии товарища Молотова отменяется[1].

А. С.***Яковлев***

ДЕФЕКТ

...Дементьев объяснил причину этого явления, сказал, что мы о дефекте знаем и принимаем меры к тому, чтобы прекратить выпуск негодных самолетов и отремонтировать уже выпущенные машины. Дементьев обещал в кратчайший срок исправить ошибку и обеспечить боеспособность всех самолетов, выпущенных за последнее время.

Сталин с негодованием обратился к нам:

— Знаете ли вы, что это срывает важную операцию, которую нельзя проводить без участия истребителей?

Да, мы знали, что готовятся серьезные бои в районе Орел — Курск, и наше самочувствие в тот момент было ужасным.

— Почему же так получилось?! — продолжал все больше выходить из себя Сталин. — Почему выпустили несколько сот самолетов с дефектной обшивкой? Ведь вы же знаете, что истребители нам сейчас нужны как воздух! Как вы могли допустить такое положение и почему не приняли мер раньше?

Мы объяснили, что в момент изготовления самолетов этот дефект обнаружить на заводе невозможно. Он обнаруживается лишь со временем, когда самолеты находятся не под крышей ангара, а на фронтовых аэродромах, под открытым небом — под воздействием дождя, солнечных лучей и других атмосферных условий. Выявить дефект на самом заводе трудно было и потому, что самолеты сразу же из цеха отправлялись на фронт.

Никогда не приходилось видеть Сталина в таком негодовании.

— Значит, на заводе это не было известно?

— Да, это не было известно.

— Значит, это выявилось на фронте только перед лицом противника?

— Да, это так.

[1] «Знамя», 1988, № 1. С. 133. 138, 148, 154—155.

— Да знаете ли вы, что так мог поступить только самый коварный враг?! Именно так и поступил бы, — выпустив на заводе годные самолеты, чтобы они на фронте оказались негодными! Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!

Он несколько раз повторил, что самый коварный враг не мог бы нанести большего вреда.

— Вы знаете, что вывели из строя истребительную авиацию? Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы!

Трудно себе представить наше состояние в тот момент. Я чувствовал, что холодею. А Дементьев стоял весь красный и нервно теребил в руках кусок злополучной обшивки.

Несколько минут прошло в гробовом молчании. Наконец Сталин, походив некоторое время в раздумье, несколько успокоился и по-деловому спросил:

— Что будем делать?

Дементьев заявил, что мы немедленно исправим все самолеты.

— Что значит немедленно? Какой срок?

Дементьев задумался на какое-то мгновение, переглянулся со мной:

— В течение двух недель.

— А не обманываете?

— Нет, товарищ Сталин, сделаем.

Я ушам своим не верил. Мне казалось, что на эту работу потребуется по крайней мере месяца два.

Сталин никак не рассчитывал, что так быстро можно исправить машины. Откровенно говоря, я тоже удивился и подумал: обещание Дементьева временно отведет грозу, а что будет потом?

Срок был принят. Однако Сталин приказал военной прокуратуре немедленно расследовать обстоятельства дела, выяснить, каким образом некачественные нитролаки и клеи попали на авиационный завод, почему в лабораторных условиях не проверили в достаточной степени качество лаков.

Тут же было дано указание отправить две комиссии для расследования: на уральский завод лаков и красок и на серийный завод, производивший «ЯКи».

После чего Сталин обратился ко мне:

— А ваше самолюбие не страдает? Как вы себя чувствуете? Над вами издеваются, гробят вашу машину, а вы чего смотрите?

— Товарищ Сталин, я себя чувствую отвратительно, так как отлично представляю, какой ущерб делу принесло это злополучное происшествие. Но вместе с Дементьевым обещаю, что мы примем самые энергичные меры, и в кратчайший срок дефект будет устранен.

Когда мы выходили из кабинета Сталина, я облегченно вздохнул, но вместе с тем не мог не сказать Дементьеву:

— Слушай, как за две недели можно выполнить такую работу?

— Там разберемся, а сделать надо, — ответил Дементьев[1].

В.

Бережко

в КАК Я СТАЛ ПЕРЕВОДЧИКОМ СТАЛИНА

Я впервые увидел Сталина в конце сентября 1941 года на позднем обеде в Кремле, устроенном в честь миссии Бивербру- ка — Гарримана. Гости собрались в помещении, примыкавшем к Екатерининскому залу, незадолго до 8 вечера. Все ждали появления Сталина. Наконец отворилась высокая дверь, но это был не он, а два офицера из его охраны.

Прошло еще минут десять. Видимо, в этом был определенный смысл: свое появление «хозяин» преднамеренно затягивал, чтобы подогреть нетерпение публики.

Дверь снова открылась, и вошел Сталин. Взглянув на него, я испытал нечто близкое к шоку. Он был совершенно не похож на того Сталина, образ которого сложился в моем сознании. Ниже среднего роста, исхудавший, с землистым усталым лицом, изрытым оспой. Китель военного покроя висел на его сухощавой фигуре. Одна рука короче другой — почти вся кисть скрывалась в рукаве. Неужели это он?

С детства нас приучили видеть в нем великого и мудрого вождя, все предвидящего и знающего наперед. На портретах и в бронзовых изваяниях, на транспарантах праздничных демонстраций мы привыкли видеть его возвышающимся над всеми. Воображение дорисовывало физическую внушительность. А он, оказывается, невзрачный, даже

[1] *Яковлев А.С.* Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1968. С. 356—■ 357.

присутствовавшие при его появлении как-то притихли. Медленно ступая по ковровой дорожке, поздоровался с каждым из гостей. Не обошел и меня. Рука его была совсем маленькая, пожатие вялое...

То были самые тяжелые дни войны. Гитлеровские войска, далеко продвинувшись в глубь советской территории, стремительно приближались к Москве. Нашим войскам зачастую не хватало даже винтовок. Я был свидетелем разговора Молотова с командиром одного из соединений, оборонявших столицу. Тот с надрывом жаловался, что у него на пять ополченцев только одна винтовка и слезно умолял помочь. Но Молотов, знавший положение дел, жестко ответил:

*

— Винтовок нет, пусть сражаются бутылками...

Тогда-то и появился пресловутый «молотовский коктейль» — бутылки с горючей смесью. Боец народного ополчения, спрятавшись в окопчик, поджидал танк, и когда тот проходил над его головой, поднимался и бросал бутылку. При метком попадании машина воспламенялась, но ей с лихвой хватало времени, чтобы расстрелять смельчака или проутюжить окопчик. Так под Москвой гибли десятки тысяч ополченцев. Среди них немало и моих друзей.

Страшные неудачи, потери обширных территорий при всем пренебрежении Сталина к человеческой жизни не могли не наложить отпечатка на его облик. Но особенно угнетал его просчет, допущенный в оценке предвоенной ситуации. Он игнорировал все предупреждения и предостережения, уверовав, что Гитлер не начнет войну в середине лета. Прозорливого отца народов, как мальчишку, обвел вокруг пальца австрийский ефрейтор! Болезненно переживая унижение и пережитый страх, Сталин стал еще более подозрительным, чем прежде. Даже внутри здания Совнаркома его сопровождали два охранника. С таким эскортом Сталин приходил и к Молотову.

Нередко на пути из секретариата наркома в свою комнату я видел, как из-за коридорного поворота появлялась знакомая фигура охранника. И каждый раз это приводило в смятение. Нет, то не был страх. Я был убежден, что мне ничем не грозит такая встреча. Но тем не менее возникало непреодолимое желание спрятаться. Через несколько секунд должен появиться Сталин. Лихорадочно включалась мысль: вернуться обратно в секретариат или быстро добежать до своей комнаты? Можно спрятаться за одной из гардин, прикрывающих высокие окна — а если Сталин заметит, примет меня за злоумышленника или подумает, что

у меня совесть нечиста? Ведь даже когда собеседник не смотрел ему в глаза, он готов был заподозрить крамолу.

— Почему у вас глаза бегают? — Этот его вопрос мог решить судьбу бедняги.

Перебрав все варианты и понимая, что времени не остается, прижимался спиной к стене и ждал. Процессия медленно проходила мимо. Я бодро произносил: *

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Он молча, легким движением руки отвечал на мое приветствие и следовал дальше. Я с облегчением вздыхал... До сих пор не могу объяснить, отчего при каждой подобной ситуации меня охватывало оцепенение.

Нервозность возникала и тогда, когда главный помощник вождя Поскребышев или кто-то из его заместителей предупреждал, что предстоит беседа с американцами и мне ее переводить. Но тут я находил объяснение — восхождение на Олимп требовало нервной концентрации, хотелось выполнить поручение как можно лучше, чтобы Он остался доволен.

В служебных апартаментах Сталина царила деловая спокойная атмосфера. В небольшой комнате, рядом с секретариатом, куда я поначалу заходил в ожидании сигнала, что гости миновали Спасские ворота, на раскрашенных яркими цветами черных подносах стояли стаканы и бутылки с боржоми, а у стены — ряд простых стульев. Некоторые авторы сейчас утверждают, что всех посетителей, даже Молотова, перед кабинетом вождя обыскивали, что под креслами находились электронные приборы для проверки на металл. Ничего подобного не было. Во-первых, тогда еще не существовало электронных систем, а во-вторых, за все почти четыре года, что я приходил к Сталину, меня ни разу не обыскивали и вообще не подвергали каким-либо специальным проверкам. Между тем в наиболее тревожные последние месяцы 1941 года, когда опасались заброшенных в столицу немецких агентов, каждому из нас выдали пистолет. У меня, например, был маленький «вальтер», который легко можно было спрятать в кармане. Когда около шести утра заканчивалась работа, я, взяв из сейфа «вальтер», отправлялся в здание Наркоминдела на Кузнецком, где в подвале можно было немного отдохнуть, не реагируя на частые воздушные тревоги. В осенние и зимние месяцы светало поздно, и улицы были погружены во мрак. Правда, часто попадался комендантский патруль, проверял документы. Но ведь мог встретиться и немецкий диверсант. Вот на сей случай и полагалось оружие. По приходе в Кремль на работу следова-

яо спрятать пистолет в сейф. Но никто не проверял, сделал ли я это и не взял ли оружие, отправляясь к Сталину.

Мои возможности наблюдать Сталина были ограничены специфическими функциями переводчика. Я видел его в обществе иностранных посетителей, где он играл роль гостеприимного хозяина. Когда дежурный офицер сообщал, что гости миновали Спасские ворота и до их появления оставались считанные минуты, я направлялся в кабинет Сталина, минуя секретариат, комнату, где сидел Поскребышев и помещение охраны. Тут всегда находилось несколько человек в форме и в штатском, у самой двери в кабинет в кресле обычно дремал главный телохранитель вождя генерал Власик. Он использовал каждую тихую минутку, чтобы вздремнуть, так как должен был круглые сутки находиться при «хозяине». Входил я в кабинет без предупреждения и всегда кого-то там заставал: членов Политбюро, высших военачальников или наркомов. Они сидели за длинным столом с блокнотами, а Сталин прохаживался по ковровой дорожке. При этом он либо выслушивал кого-то из присутствовавших, либо высказывал свои соображения. Мое появление служило своеобразным сигналом к тому, что пора заканчивать совещание. Сталин, взглянув на меня, обычно говорил:

— Американцы сейчас явятся. Давайте прервемся...

Все быстро, собрав свои бумаги, вставали из-за стола и покидали кабинет. Оставался Молотов. Он присутствовал при всех беседах Сталина с иностранцами, хотя в них практически не участвовал, а больше молчал. Иногда сам Сталин обращался к нему по какому-либо конкретному вопросу, называя его имя — Вячеслав. Молотов же в присутствии посторонних строго придерживался официального «товарищ Сталин».

Надо признать, что при всех своих отвратительных качествах Сталин обладал способностью очаровывать собеседников. Он, несомненно, был большой актер и мог создать образ обаятельного, скромного, даже простецкого человека. В первые недели войны, когда казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет, все высокопоставленные иностранные посетители, начиная с Гарри Гопкинса, были настроены весьма пессимистически. А уезжали из Москвы в полной уверенности, что Россия будет сражаться и в конечном итоге победит. А ведь положение у нас было действительно катастрофическое. Враг неотвратимо двигался на восток. Чуть ли не каждую ночь приходилось прятаться в бомбоубежищах. Что же побуждало Гопкинса, Гарримана, Бивербрука и других опытных и скептически настроенных по

литиканов менять свою точку зрения? Только беседы со Сталиным. Несмотря на казавшуюся безнадежной ситуацию, он умел создать атмосферу непринужденности, спокойствия. В кабинет, где царила тишина, едва доносился перезвон кремлевских курантов. Сам «хозяин» излучал благожелательность, неторопливую обстоятельность, уверенность. Казалось, ничего драматического не происходит за стенами этой комнаты, ничто его не тревожит. У него масса времени, он готов вести беседу хоть всю ночь. И это подкупало. Его собеседники не подозревали, что уже принимаются меры к эвакуации Москвы, минируются мосты и правительственные здания, что создан подпольный обком столицы, а его будущим работникам выданы паспорта на вымышленные имена, что казавшийся им таким беззаботным хозяин кремлевского кабинета прикидывает различные варианты на случай спешного выезда правительства в надежное место. После войны он в минуту откровения сам признался, что положение было отчаянным. Но сейчас умело скрывает это за любезной улыбкой и внешней невозмутимостью. Говоря о нуждах Красной Армии и промышленности, Сталин называет не только конкретную военную продукцию, оружие, но и запрашивает оборудование для предприятий, целые заводы. Поначалу собеседники недоумевают: их военные эксперты утверждают, что советское сопротивление рухнет в ближайшие четыре-пять недель. О каком же строительстве новых заводов может идти речь? Даже оружие посылать русским рискованно — как бы оно не попало в руки немцев. Но если Сталин просит заводы, значит, он что-то знает, о чем не ведают ни эксперты, ни сами политики. И как понимать олимпийское спокойствие Сталина и его заявление Гопкинсу, что если американцы пришлют алюминий, СССР будет воевать хоть четыре года? Несомненно, Сталину виднее, как обстоят тут дела! И вот Гопкинс, Бивербрук, Гарриман заверяют Рузвельта и Черчилля, что Советский Союз выстоит и что есть смысл приступить к организации военных поставок стойкому союзнику. Сталин блефовал, но, по счастью, оказался прав. Так же как и тогда, когда после посещения британским министром иностранных дел Энтони Иденом подмосковного фронта во второй половине декабря 1941 года, заявил:

— Русские были два раза в Берлине, будут в третий раз...

Неисправимые сталинисты могут расценить такое пророчество как свидетельство прозорливости вождя. Но мне представляется, что он и тут играл роль оптимиста. В узком кругу он не раз в те дни признавался, что «потеряно все, что было завоева

но Лениным», что не избежать катастрофы. Наигранной бодростью он прикрывал свое неверие в народ, презрительно обзывая аплодировавшую ему толпу «дураками» и «болванами». Но именно этот нелюбимый и пугавший его народ, жертвуя десятками миллионов жизней своих сынов и дочерей, сделал его пророчества явью.

Лично ко мне Сталин всегда относился индифферентно. Порой мне казалось, что он смотрит словно сквозь меня, даже не замечает моего присутствия, как, скажем, находящейся в кабинете мебели. Но он, как вскоре выяснилось, в каждом случае сам выбирал из нас двоих себе переводчика. Иной раз, когда предстояла беседа с американцами, вызывали Павлова, а к англичанам меня, хотя США были в моей компетенции, а Великобритания — Павлова. Бывало и так, что в течение нескольких недель приглашали только одного из нас, независимо от того, с кем происходила беседа. Каждому из нас в таких случаях было не по себе, каждый нервничал и терялся в догадках: чем не угодил «хозяину», что вызвало его неудовольствие. Но потом все снова входило в норму, никаких замечаний нам не делали, а мы, разумеется, не осмеливались выяснять. Может быть, это была маленькая игра, чтобы держать нас в напряжении и в состоянии «здоровой конкуренции».

У него был своеобразный юмор. Рассказывали, что однажды начальник Политуправления Красной Армии Мехлис пожаловался Верховному Главнокомандующему, что один из маршалов каждую неделю меняет фронтовую жену. А затем спросил: что будем делать? Сталин с суровым видом долго молчал. Ответил неожиданно, с лукавой усмешкой:

— Завидовать будем...

В ином случае Сталин на протяжении нескольких военных лет время от времени донимал другого маршала вопросом: почему его не арестовали в 1937 году? Не успевал тот раскрыть рот, как Сталин строго приказывал: «Можете идти!» И так повторялось до конца войны. Жена маршала после каждого подобного случая готовила ему узелок с теплыми вещами и сухарями, ожидая, что ее супруг вот-вот угодит в Сибирь. Настал день Победы. Сталин, окруженный военачальниками, произносит речь:

— Были у нас и тяжелые времена, и радостные победы, но мы всегда умели пошутить. Не правда ли, маршал... — И он обращается к злополучному объекту своих «шуток».

У меня порой возникали сложности с составлением телеграмм нашим послам в Лондоне и Вашингтоне. Их проекты сле

довало приготовить сразу же после беседы, пока Сталин еще оставался у себя.

По своей подпольной привычке Сталин работал всю ночь, и прием дипломатов обычно проводился поздно, а то и на рассвете. Беседа иногда продолжалась два-три часа, но телеграмма должна была занимать не более двух страниц. Продиктовав, я снова отправлялся в кабинет Сталина. Он просматривал текст, делал те или иные поправки и подписывал. Но бывало и так, что его не устраивал мой вариант. Это его раздражало. Правда, груб он не был, просто укорял:

— Вы тут сидели, переводили, все слышали, а ничего не поняли. Разве это важно, что вы тут написали? Главное в другом...

Понимая, что я старался, но не сумел, а значит, давать указание «переделать» бессмысленно, говорил:

— Берите блокнот и записывайте...

И диктовал по пунктам. После этого не стоило особого труда составить новую телеграмму. Все же всякий раз, когда случалось такое, долго оставался неприятный осадок.

’ СТАЛИН И РУЗВЕЛЬТ

Среди зарубежных государственных деятелей, которых мне довелось близко наблюдать, наибольшее впечатление оставил Франклин Делано Рузвельт. У нас в стране он заслуженно пользуется репутацией реалистически мыслящего, дальновидного политика. Его именем назван один из главных проспектов Ялты. Президент Рузвельт занял выдающееся место в современной истории Соединенных Штатов и в летописи Второй мировой войны. Мне он запомнился как обаятельный человек, обладающий быстрой реакцией, чувством юмора. Даже в Ялте, когда было особенно заметно ухудшение его здоровья, все присутствовавшие отмечали, что интеллект президента оставался ярким, острым и способным на быструю реакцию.

Я считаю для себя большой честью поручение переводить беседы Сталина с Рузвельтом во время их первой встречи в Тегеране в 1943 году. Все, что тогда произошло, глубоко запало мне в память.

Советская делегация, в которую входили Сталин, Молотов и Ворошилов, отбыла в иранскую столицу за день до моего возвращения в Москву из Киева, где я тщетно пытался разыскать

родителей. Мне пришлось ее догонять. Вылетел поздно ночью в Баку и прибыл туда только к вечеру. Рано утром отправился самолетом в Тегеран. Едва добравшись в середине дня до советского посольства, узнал, что мне предстоит переводить первую беседу двух лидеров. Прилети самолет хотя бы на час позже, я опоздал бы на эту встречу, не говоря уже о том, что вызвал бы неудовольствие Сталина, который сам выбирал себе переводчика для каждой беседы.

Когда я вошел в комнату, примыкавшую к залу пленарных заседаний, там уже находился Сталин в маршальской форме. Он пристально посмотрел на меня, и я поспешил извиниться за небольшое опоздание, пояснив, что явился прямо с аэродрома. Сталин слегка кивнул, медленно прошелся по комнате, достал из бокового кармана кителя коробку с надписью «Герцеговина флор», закурил. Прищурившись, взглянул менее строго, спросил:

— Не очень устали с дороги? Готовы переводить?

— Готов, товарищ Сталин. За ночь в Баку хорошо отдохнул. Чувствую себя нормально.

Сталин, медленным жестом загасив спичку, указал ею на диван:

— Здесь, с краю, сяду я. Рузвельта привезут в коляске, он расположится слева от кресла, где будете сидеть вы.

— Ясно.

Мне уже не раз приходилось переводить Сталина, но я ни разу не видел, чтобы он придавал значение таким деталям. Возможно, нервничал перед встречей с Рузвельтом.

Сталин, конечно, не сомневался, что отношение президента к системе, установленной в Советском Союзе, отрицательное. Для Рузвельта не могли быть тайной кровавые преступления, произвол, репрессии и аресты в сталинской империи — уничтожение крестьянских хозяйств, насильственная коллективизация, приведшая к страшному голоду и гибели миллионов, гонения на высококвалифицированных специалистов, ученых, писателей, объявленных «вредителями», истребление талантливых военачальников. Страшные последствия сталинской политики породили на Западе крайне отрицательный образ Советского Союза. Как сложатся отношения с Рузвельтом? Не возникнет ли между ними глухая стена? Смогут ли они преодолеть отчуждение? Эти вопросы не мог не задавать себе Сталин.

Думаю, что и президент понимал, сколь важно в создавшейся тогда ситуации найти общий язык с кремлевским диктатором. И он сумел так подойти к Сталину, что этот подозритель

ный восточный деспот, кажется, поверил в готовность демократического сообщества принять его в свою среду. На первой же встрече с советским лидером Рузвельт попытался создать атмосферу доверительности. Не было никакой натянутости, настороженности, никаких неловких длительных пауз.

Сталин также пустил в ход все свое обаяние — тут он был большой мастер. До войны наш вождь редко принимал зарубежных политиков и потому не мог иметь соответствующего опыта. Но он быстро наверстал упущенное, показав свои способности уже при встрече с Риббентропом в августе 1939 года. После гитлеровского вторжения Сталин непосредственно участвовал в переговорах. Беседы с Гопкинсом, Гарриманом, Хэллом, интенсивная переписка с Рузвельтом дали возможность пополнить представления об американцах, отработать особую манеру ведения дел с ними. И все же можно было заметить, что на первой встрече с президентом Соединенных Штатов, осенью 1943 года, Сталин чувствовал себя не вполне уверенно.

Не потому ли на этот раз заботился о том, где лучше сесть? Он, видимо, не хотел, чтобы слишком высветилось его испещренное оспой лицо. Маршальский китель и брюки с красными лампасами были тщательно выглажены, мягкие кавказские сапоги — он обычно заправлял в них брюки — сверкали. Вставленные в стельку под пяткой прокладки делали его выше, чем он был на самом деле.

Разговор с Рузвельтом он начал с типичных грузинских любезностей. Все ли устраивает президента в его резиденции? Не упустили ли чего-либо? Чем он мог бы быть полезен и так далее. Рузвельт поддержал тон, предложил Сталину сигарету. Тот ответил, что привык к своим. Спросил президент и о знаменитой сталинской трубке.

*

— Запрещают врачи, — развел руками всесильный вождь.

— Врачей надо слушаться, — назидательно произнес Рузвельт.

Осведомились о самочувствии друг друга, поговорили о вреде курения, о полезности пребывания на свежем воздухе. Словом, все выглядело так, будто встретились закадычные друзья.

Рассказывая по просьбе президента о положении на фронте, Сталин не скрыл тяжелой обстановки, сложившейся на Украине после захвата немцами Житомира, важного железнодорожного узла, в результате чего снова под угрозой оказалась украинская столица — Киев. В свою очередь и Рузвельт демонстрировал откровенность. Обрисовав жестокие бои на Тихом океане, он затронул вопрос о судьбе колониальных империй.

— Я говорю об этом в отсутствие нашего боевого друга Черчилля, — подчеркнул президент, — поскольку он не любит касаться данной темы. Соединенные Штаты и Советский Союз не являются колониальными державами, нам легче обсуждать такие проблемы. Думаю, что колониальные империи недолго просуществуют после окончания войны...

Рузвельт сказал, что намерен в будущем подробнее побеседовать о послевоенном статусе колоний, но лучше это делать без участия Черчилля, у которого нет никаких планов в отношении Индии.

Сталин явно остерегался быть втянутым в обсуждение столь деликатной темы. Он лишь ограничился замечанием, что после войны проблема колониальных империй может оказаться актуальной, и согласился, что СССР и США проще обсуждать этот вопрос, чем странам, владеющим колониями. Меня же поразила инициатива Рузвельта в связи с тем, что не так давно я слышал, как Гитлер на переговорах с Молотовым в Берлине в ноябре 1940 года предлагал Советскому Союзу совместно с Германией, Италией и Японией поделить британское колониальное наследство. Видно, эти территории привлекали многих...

В целом у меня сложилось впечатление, что Сталин и Рузвельт остались довольны первым контактом. Но это, конечно, не могло изменить их принципиальных установок.

* * *

Администрация Рузвельта руководствовалась формулой, изложенной в заявлении Государственного департамента США от 22 июня 1941 года, то есть в день нападения гитлеровской Германии на СССР: «Мы должны последовательно придерживать^ ся линии, согласно которой тот факт, что Советский Союз воюет против Германии, вовсе не означает, что он защищает, борется или придерживается принципов в международных отношениях, которых придерживаемся мы».

В ходе войны Рузвельт весьма дружественно высказывался о Советском Союзе, лично о Сталине. Но тут, думается мне, он лишь отдавал дань союзническим отношениям в рамках антигитлеровской коалиции, героизму Красной Армии, устоявшей под чудовищными ударами гитлеровской военной машины. В то Же время президент делал соответствующие выводы из хода боев на советско-германском фронте. Советский народ, продолжая оказывать сопротивление агрессии, доказывал, как полагал Рузвельт, прочность системы. Если она выдержит и сохранится по-

еле войны, то не имеет смысла снова пытаться ее уничтожить. Лучше выработать механизм, который позволил бы капиталистическим странам сосуществовать с Советским Союзом. Все это, повторюсь, отнюдь не означало одобрения Рузвельтом советской действительности.

Думаю, Сталин знал и понимал реальное положение дел. Установление Рузвельтом дипломатических отношений с СССР после 16 лет непризнания, его заявление о намерении оказать поддержку борьбе советского народа против нацистской агрессии, готовность президента организовать поставку военных материалов Советскому Союзу — все это можно было записать в актив рузвельтовской администрации. Однако в практике антигитлеровской коалиции было немало фактов, усиливавших подозрительность Сталина по отношению к США. Да и вообще глубоко укоренившаяся в его сознании враждебность к капиталистической системе постоянно подпитывала настороженность.

Мне нередко приходилось слышать, как Сталин по разным поводам говорил Молотову:

— Рузвельт ссылается на конгресс. Думает, что я поверю, будто он действительно его боится и потому не может уступить нам. Просто он сам не хочет, а прикрывается конгрессом. Чепуха! Он — военный лидер, верховный главнокомандующий. Кто посмеет ему возразить? Ему удобно спрятаться за парламент. Но меня-то он не проведет...

*

Сталин также не верил, когда на его жалобы по поводу недружественных публикаций по отношению к СССР в американской и английской прессе Рузвельт и Черчилль объясняли, что не могут контролировать газеты и журналы и что даже их самих пресса порой не жалует. Все это Сталин считал буржуазной уловкой, двойной игрой. Тем более что видел: советская сторона оказалась в невыгодном положении. Когда в нашей печати появлялись первые робкие критические замечания насчет политики западных союзников (задержка второго фронта, срыв графика военных поставок, слухи о сепаратных переговорах и т. д.), Рузвельт и Черчилль протестовали. Свои претензии они объясняли ссылками на официальный характер советской прессы.

Чтобы сбалансировать положение, Сталин решил создать в 1943 году журнал «Война и рабочий класс», изобразив дело так, будто его издают советские профсоюзы. Фактически же редактором этого двухнедельника был Молотов, хотя на титульном листе стояло имя фиктивного редактора — какого-то профсоюзного деятеля. Молотов поручил мне техническую сторону подготов

ки заседаний редколлегии журнала, и я мог видеть, как тщательно не только он, а порой и Сталин дозировали критические статьи. Но теперь на жалобы руководителей США и Англии можно было ответить, что Советское правительство не несет ответственности за эти материалы и что все претензии следует адресовать профсоюзам. Сталин был уверен, что точно так же манипулируют прессой Рузвельт и Черчилль.

Еще в середине 30-х годов Сталин стремился установить контакт с Рузвельтом. Об одном из связанных с этим эпизодов рассказал мне А. И. Микоян.

Дело происходило летом 1935 года на даче у Молотова незадолго до отъезда Микояна в США для закупки какого-то оборудования. На даче оказался американский гражданин по имени Кон — родственник жены Молотова. Вскоре появился Сталин. После ужина он вышел с Микояном в сад и сказал:

— Этот Кон — капиталист. Когда будешь в Америке, повстречайся с ним. Он нам поможет завязать политический диалог с Рузвельтом.

Прибыв в Вашингтон, Микоян установил, что «капиталист» Кон владеет шестью бензоколонками и, конечно же, никакого доступа в Белый дом не имеет. Нечего было и думать о посредничестве Кона. Между тем во время встречи с Генри Фордом последний по своей инициативе предложил Микояну познакомить его с Рузвельтом. Тогдашний советский посол в США А. Трояновский сразу же проинформировал об этом Москву. Ответа не поступило, и Микоян с Рузвельтом не встретился. Я недоумевал, почему он так поступил, ведь Сталин добивался диалога с Рузвельтом.

— Вы плохо знаете Сталина, — пояснил Микоян. — Ведь он поручил действовать через Кона. Если бы я без его санкции воспользовался услугами Форда, он бы сказал: «Вот там Микоян хочет быть умнее нас, пустился в большую политику». Он никогда бы мне не простил. Обязательно когда-либо вспомнил бы и использовал против меня».

Этот эпизод свидетельствует о ловкости хитрого армянина, подтверждая ходившую по Москве поговорку: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», относившуюся к Микояну. Он уцелел в бурный период — от Владимира Ильича Ленина до Леонида Ильича Брежнева. Но самое любопытное здесь то, насколько примитивное представление имел Сталин об американских порядках. Он считал, что раз Кон капиталист, то, значит, и запросто вхож к президенту.

С этим же своеобразным представлением о США связано и сделанное Сталиным Гопкинсу, а затем и Гарриману, еще до вступления Америки в войну, предложение дослать на Украину американские войска для ведения боевых операций на советско-германском фронте. Естественно, он получил отказ, но что поразительно — очень на это обиделся.

Впрочем, не менее странной была и последовавшая за этим инициатива Рузвельта. 1 января 1942 года, то есть уже после Пирл-Харбора, он в беседе с только что прибывшим в Вашингтон новым советским послом Литвиновым высказал суждение, что американские войска могли бы заменить советские части, находящиеся в Иране, в Закавказье и в районе заполярного порта Мурманска, а советские солдаты могли бы быть переброшены для действий на активных участках фронта. Свое предложение президент сопроводил своеобразной приманкой:

— С американской стороны, — сказал он советскому послу,— не встретило бы возражений приобретение Советским Союзом незамерзающего порта на Севере, где-нибудь в Норвегии, вроде Нарвика.

Для связи с ним, пояснил Рузвельт, можно было бы выкроить коридор через норвежскую и финскую территории.

С точки зрения современной морали подобное предложение, сделанное к тому же без ведома норвежцев и финнов, выглядит по меньшей мере цинично. К тому же тогда Нарвик, как и вся Норвегия, находились под германской оккупацией.

Советское правительство отклонило американское предложение. В телеграмме Молотова, направленной 18 января, советскому послу поручалось ответить Рузвельту, что у Советского Союза «нет и не было каких-либо территориальных или других претензий к Норвегии и поэтому он не может принять предложение о занятии Нарвика советскими войсками». Что касается замены советских частей американскими на Кавказе и в Мурманске, то это «не имеет сейчас практического значения, поскольку там нет боевых действий». Далее в послании говорилось: «Мы с удовлетворением приняли бы помощь Рузвельта американскими войсками, которые имели бы целью сражаться бок о бок с нашими войсками против войск Гитлера и его союзников».

Но для этого у США войск не нашлось.

Вся эта история вызвала в Москве неприятный осадок и породила новые подозрения у Сталина. Он расценил предложение Рузвельта как посягательство на территориальную целостность СССР. Он еще хорошо помнил об интервенции против Советской России после революции, когда американские войска

оккупировали ряд районов нашей страны. В то же время тут просматривалось стремление Вашингтона сберечь силы за счет крови советского союзника, добиться ослабления двух главных участников конфликта — Германии и СССР.

Хочу остановиться на нескольких узловых проблемах, которые в той или иной мере оказали влияние на взаимоотношения Сталина и Рузвельта.

Хотя наши западные союзники не откликались на многократные призывы Москвы осуществить высадку во Франции, изучение в Вашингтоне возможности такой операции началось уже с осени 1941 года. К весне следующего года вариант американского плана вторжения в Северную Францию был подготовлен. Докладывая его президенту Рузвельту, генерал Маршалл указывал, что высадка в этом районе явится максимальной поддержкой русского фронта. Однако осуществление операции ставилось в зависимость от двух условий:

,

1. Если положение на русском фронте станет отчаянным, то есть успех германского оружия будет настолько полным, что создастся угроза неминуемого краха русского сопротивления. В этом случае атаку на Западе следует рассматривать как жертву во имя общего дела.
2. Если положение немцев станет критическим.

Этот документ проливает свет на американскую концепцию второго фронта: пока Россия и Германия сохраняли способность продолжать борьбу, в Вашингтоне предпочитали оставаться в стороне, не неся больших человеческих жертв. Главное, чтобы к концу войны СССР и Германия оказались ослабленными.

К началу 1942 года гитлеровцы мобилизовали огромные силы для нового мощного наступления в глубь Советского Союза. А наши западные союзники по-прежнему ничего не предпринимали, чтобы облегчить положение на советско-германском фронте. Наблюдая их бездействие, посол Литвинов направил в наркоминдел 31 января 1942 года запрос: «До вероятного весеннего наступления Гитлера, для которого он накапливает большие силы, остается меньше двух месяцев, и если желаем получить помощь к тому времени от Англии и США, то должны заявить об этом теперь же. Мы должны либо требовать высадки на континенте, либо же заявить, что нам нужно столько же самолетов и танков, на сколько превосходит нас в тех и других противник».

4 февраля Литвинову был дан следующий ответ: «Мы приветствовали бы создание второго фронта в Европе нашими союзниками. Но Вы знаете, что мы уже трижды получили отказ на наше предложение о создании второго фронта и не хотим на

рываться на четвертый отказ. Поэтому вы не должны ставить вопрос о втором фронте перед Рузвельтом. Подождем момента, когда, Может быть, сами союзники поставят этот вопрос перед нами». В не совсем дипломатичных оборотах этого послания сквозит раздражение его авторов. Сталин давал почувствовать свое недовольство.

Повлияло ли это на Рузвельта? Возможно, что в какой-то мере повлияло. Во всяком случае вскоре в позиции американцев как будто произошел сдвиг. 12 апреля 1942 года президент Рузвельт сообщил главе Советского правительства, что считает целесообразным обменяться мнениями с авторитетным представителем СССР по ряду важных вопросов ведения войны против общего врага. Он спрашивал, готово ли Советское правительство направить в Вашингтон Молотова для таких переговоров. Советская сторона сразу же согласилась. С целью соблюдения секретности этот визит прошел под кодовым названием «миссия мистера Брауна».

Побывав в Лондоне, где был подписан англо-советский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, Молотов отправился в Вашингтон. Здесь в беседе с президентом Рузвельтом речь шла главным образом о планах высадки западных союзников во Франции и о положении на советско-германском фронте.

— Если бы, — сказал Молотов, — союзники оттянули в 1942 году с нашего фронта хотя бы 40 вражеских дивизий, соотношение сил резко изменилось бы в нашу сторону, и судьба Гитлера была бы предрешена...

Выслушав это заявление, сделанное Молотовым с несвойственной ему эмоциональностью, Рузвельт обратился к генералу Маршаллу с вопросом:

— Достаточно ли уже продвинулись приготовления, чтобы можно было сообщить маршалу Сталину о нашей готовности открыть второй фронт?

Генерал ответил утвердительно. И тогда президент торжественно произнес:

— Доложите своему правительству, что оно может ожидать открытия второго фронта в нынешнем году.

Итак, президент, к которому присоединился также Черчилль, официально обязался осуществить высадку. Более того, был определен и конкретный срок. Совместное коммюнике гласило: «Достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Действительно ли в Вашингтоне и Лондоне на том этапе намечали высадку в Западной Европе? Было ли такое решение просчетом или просто легкомыслием, что, впрочем, одинаково недопустимо для зрелых политиков? Вряд ли они в тот момент считали, что советская способность к сопротивлению на исходе и что настало время принести «жертву». А если считали, то очень скоро пришли к выводу, что с «жертвоприношением» спешить не следует.

Когда спустя некоторое время Рузвельт и Черчилль отказались от данного Сталину обещания, президент испытывал чувство неловкости. Ведь в беседе с Молотовым в Вашингтоне он обосновал резкое сокращение крайне необходимых Советскому Союзу военных поставок переадресовкой их на нужды готовящегося вторжения во Францию. А на вопрос Молотова, не получится ли так, что поставки сократятся, а второй фронт открыт не будет, Рузвельт еще раз заверил наркома, что высадка во Франции в 1942 году обязательно произойдет. Надо полагать, президент США вздохнул с облегчением, когда Черчилль вызвался выполнить в Москве столь неприятную миссию — сообщить Сталину, что вторжение не состоится.

В связи со всей этой историей стоит вспомнить пассаж, содержащийся в книге сына президента — Эллиота — «Его глазами». Он иллюстрирует понимание Рузвельтом роли США в войне.

«Ты представь себе, — пояснял отец сыну, — что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные игроки, сидящие на скамье. В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и в меньшей степени англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент... Я думаю, что момент будет выбран правильно».

Рузвельт поделился с сыном весьма сокровенными мыслями.

Принятые Тегеранской конференцией решения на этот счет в нашей литературе обычцо расцениваются как серьезная победа советской дипломатии. И в самом деле, наконец-то западные союзники назвали точную дату вторжения и в общем выдержали ее. Пришла реальная помощь Красной Армии, сражавшейся на протяжении трех лет практически один на один с гитлеровской военной машиной. Но, спрашивается, действительно ли США и Англия, соглашаясь открыть второй фронт во Франции, уступили настойчивым требованиям Сталина, угрожавшего даже покинуть Тегеран? Или же они прежде всего руководствовались собственными интересами? Не сочли ли, что приближается ситуация, предусмотренная вторым пунктом американского плана, — скорый крах Германии?

Ко времени Тегеранской конференции решение уже было принято. Пересекая на крейсере Атлантический океан по пути в иранскую столицу, президент Рузвельт созвал в кают-компании ближайших помощников и поделился своими соображениями насчет второго фронта. «Советские войска, — сказал он, — находятся лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют реку Буг, что может осуществиться в ближайшие, две недели, Красная Армия окажется на пороге Румынии». Президент сделал вывод: пора действовать. «Американцы и англичане, — пояснил он, — должны занять возможно большую часть Европы. Англичанам отводится Франция, Бельгия, Люксембург, а также южная часть Германии. Соединенные Штаты должны двинуть свои корабли и доставить американские войска в порты Бремен и Гамбург, в Норвегию и Данию. Мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин следует занять Соединенным Штатам». Примерно в это же время Рузвельт распорядился подготовить специальные авиадесантные соединения для захвата столицы третьего рейха.

Рузвельт и Черчилль были едины в том, что дальше откладывать вторжение нельзя, иначе советские войска могли продвинуться слишком далеко на Запад. Но дело не обошлось без серьезных расхождений. Как достичь поставленной цели? Президент полагал, что кратчайший путь в Берлин лежит через Францию. Он настаивал на высадке в Нормандии. Британский премьер исходил из других соображений. Он стремился не допустить значительного продвижения советских войск за пределы, границ СССР. Наиболее эффективный, по его мнению, способ добиться этого — наступать через Балканы в направлении Болгарии, Румынии, Австрии,* Венгрии,,Чехословакии.

Что касается Сталина, то он, разгадав замыслы Черчилля, заявлял, что наиболее радикальной помощью Красной Армии считает открытие второго фронта в Западной Европе.

Исходя из сказанного, мне представляется, что главное в решении Тегеранской конференции о втором фронте заключалось не в согласовании даты вторжения, а в определении места высадки. То, что в конечном счете остановились на Нормандии — результат идентичности позиций Рузвельта и Сталина, и это было высоко оценено советским лидером[1].

[1] «Родина», 1992, № 11—12. В воспоминаниях В. Бережкова в отличие от его «доперестроечных» мемуаров ощутимо присутствие «демократических» штампов в освещении сталинской темы. *(Ред.)*

Уинстон Черчилль

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. Наше совещание продолжалось около четырех часов. Поскольку наш второй самолет, в котором находились Брук, Уэйвелл и Кадоган, не прибыл, присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман, а также наш посол и переводчики. Я составил этот отчет на основании записей, которые мы вели, на основании моих собственных воспоминаний, а также телеграмм, которые я посылал в Англию в то время.

Первые два часа были унылыми и мрачными. Я сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову, что не могу дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил Молотову меморандум по этому вопросу. После этого англичанами и американцами было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают для себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду. Однако, как это известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной 1943 года, что составит экспедиционную армию в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединенное Королевство прибыли только 2,5 американской Дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

Я сказал Сталину, что хорошо понимаю, что этот план не Дает никакой помощи России в 1942 году, но считаю возмож

ным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь. В этот момент лицо Сталина нахмурилось, но он не прервал меня. Затем я сказал, что у меня есть серьезные доводы против атаки на французское побережье в 1942 году. Имеющихся у нас десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье — их хватит для того, чтобы высадить шесть дивизий и поддерживать их. Если высадка окажется успешной, могли бы быть посланы и другие дивизии, но лимитирующим фактором являются десантные суда, которые теперь строятся в очень большом количестве в Соединенном Королевстве, а особенно в Соединенных Штатах. Вместо одной дивизии, которая могла бы быть доставлена в этом году, в будущем году окажется возможным доставить восемь или десять.

Сталин становился все мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убежден моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья. Я показал ему карту, из которой было видно, насколько трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как непосредственно по ту сторону Ла-Манша. Он, казалось, не понял этого и задал несколько вопросов о радиусе действия самолетов-истребителей.

Разве они не могли бы, например, все время прилетать и улетать? Я разъяснил, что они, конечно, могли бы прилетать и улетать, но при таком радиусе у них не оставалось бы времени, чтобы сражаться, и я добавил, что воздушное прикрытие необходимо держать развернутым для того, чтобы оно приносило какую-то пользу. Он затем сказал, что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей какую-нибудь ценность. Я возражал против этого заявления. Во Франции находится 25 германских дивизий, причем 9 из них являются дивизиями первой линии. Он покачал головой. Я сказал, что взял с собой начальника имперского генерального штаба, чтобы подобные вопросы могли быть подробно рассмотрены с русским генеральным штабом. Существует граница, за пределами которой государственные деятели не могут вести переговоры такого рода.

Сталин, мрачное настроение которого к этому времени значительно усилилось, сказал, что, насколько он понимает, мы не можем создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотим даже высадить шесть дивизий. Я ответил, что дело обстоит так. Мы могли бы высадить шесть дивизий, но их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, намечаемой на будущий год.

Бойна — это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользу никому. Я выразил опасение, что привезенные мною известия не являются хорошими известиями. Если бы, бросив в дело 150—200 тысяч человек, мы могли оказать ему помощь, отвлекая с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако если это не отвлечет с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. Я спросил, задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков[1]. Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш. Сталин ответил, что здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англии встретила бы сопротивление народа, тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Я сказал, что поэтому тем более важно, чтобы в результате отступления народ Франции не оказался перед угрозой мести Гитлера и чтобы не потерять зря этих людей, которые будут нужны во время большой операции в 1943 году.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов Сталин сказал, что, если мы не можем произвести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с моими доводами.

[1] Черчилль умалчивает о том, что для успешной высадки вермахтом в Англии операции «Морской лев» требовалось иметь превосходство в воздухе и на море. Немцы этого превосходства не имели. Но Англия и США в 1942-м имели в зоне Ла-Манша значительное превосходство и в воздухе, и на море. Кроме того, они могли высадить не 150 — 200 тысяч войск, а гораздо больше. Только на Британских островах имелось 27 английских дивизий. США предполагали доставить в Англию 10 дивизий. Необходимые десантные средства имелись. Однако союзники, вместо того, чтобы сосредоточить силы на форсировании 30-километрового пролива, предпочли направить 13 дивизий и 850 кораблей и судов в далекую Африку.

* * *

Затем я развернул карту Южной Европы, Средиземного моря и Северной Африки. Что представляет собой второй фронт? Представляет ли он собой только высадку на укрепленном побережье против Англии? Или он способен принять форму какого-нибудь другого большого предприятия, которое может быть полезным для общего дела? Я считал, что лучше постепенно обратить его внимание на Юг. Если бы, например, мы могли удерживать врага у Па-де-Кале путем концентрации наших войск в Англии и в то же время атаковать в другом месте, например, на Луаре, на Жиронде или, возможно, на Шельде, — это было бы многообещающим делом. Была, конечно, дана общая картина большой операции будущего года. Сталин опасался, что она неосуществима. Я сказал, что, конечно, будет трудно высадить миллион солдат, однако нам придется проявить настойчивость и попытаться.

Затем мы перешли к бомбардировкам Германии, что вызвало общее удовлетворение. Сталин подчеркнул, что очень важно наносить удары моральному состоянию германского населения. Он сказал, что придает величайшее значение бомбардировкам и что ему известно, что наши налеты имеют громадные последствия в Германии.

После разговора на эту тему, который ослабил напряжение, Сталин заметил, что в результате нашей долгой беседы создается впечатление, что мы не собираемся предпринять ни «Следж - хэммер», ни «Раунд-ап» и что мы хотим довольствоваться бомбардировками Германии. Я решил покончить с самым худшим вначале и создать подходящую атмосферу для проекта, сообщить о котором я прибыл. Поэтому я не пытался сразу же рассеять мрачную атмосферу. Я специально просил, чтобы в момент опасности между друзьями и товарищами проявлялась полная откровенность. Однако во время беседы господствовала обстановка вежливости и достоинства.

* * *

Наступил момент пустить в ход «Торч». Я сказал, что хочу вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего я приехал. Я не считаю, что Франция является единственным местом для такой операции. Есть другие места, и мы с американцами приняли решение относительно другого плана, **который**

американский президент разрешил мне сообщить секретно Сталину. Сейчас я приступил к этому. Я подчеркнул большое значение секретности. При этом Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати.

Затем я точно разъяснил операцию «Торч». Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес. Прежде всего он задал вопрос, что случится в Испании и вишистской франции. Несколько позднее он заметил, что операция правильна с военной точки зрения, однако у него есть политические сомнения относительно ее влияния на Францию. Он, в частности, спросил о сроках, и я сказал — не позднее 30 октября, однако президент и все мы стараемся передвинуть срок на 7 октября. Это, казалось, вызвало большое облегчение у троих русских.

Я затем говорил о том, какие военные преимущества принесет освобождение Средиземного моря — оно даст возможность открыть еще один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре — в Северной Африке, все время удерживая врага в Северной Франции.

Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года. Это и есть то, что мы с американцами решили сделать.

Чтобы проиллюстрировать свои разъяснения, я тем временем нарисовал крокодила и объяснил Сталину с помощью этого рисунка, как мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как мы атакуем его жесткую морду» Сталин, который был теперь очень заинтересован, сказал: «Дай бог, чтобы это предприятие удалось».

Я подчеркнул, что мы хотим облегчить бремя русских. Если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, то натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе. Если бы мы могли овладеть Северной Африкой, то Гитлеру пришлось бы отозвать свои воздушные силы, в противном случае мы уничтожили бы его союзников, даже, например, Италию, и произвели бы высадку. Операция окажет серьезное влияние на Турцию и на всю Южную Европу, и я боюсь только того, что нас могут опередить. Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году. Это явилось поворотным моментом в нашем разговоре.

Сталин затем начал говорить о различных политических трудностях. Не будет ли неправильно истолкован во Франции захват англичанами и американцами районов, где намечена операция «Торч»? Что мы предпримем в отношении де Голля? Я сказал, что мы не хотим, чтобы на этом этапе он вмешивался в операцию. Французы (вишистские), вероятно, станут стрелять в деголлевцев, но вряд ли они будут стрелять в американцев. Гар- риман очень настойчиво поддержал это, сославшись на сообщения, которым президент доверяет, от американских агентов на всей территории проведения операции «Торч», а также на мнение адмирала Леги.

* * *

В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.

Я упомянул пятую причину, а именно, сокращение морского пути через Средиземное море. Сталину хотелось знать, можем ли мы пройти через Гибралтарский пролив. Я сказал, что все будет в порядке. Я сообщил ему также об изменениях в командовании в Египте и о нашей решимости дать там решающий бой в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им нравится «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли осуществить эту операцию в сентябре.

Затем я добавил: «Франция подавлена, и мы хотим подбодрить ее». Франция поняла значение событий на Мадагаскаре и в Сирии. Прибытие американцев приведет к тому, что французская нация перейдет на нашу сторону. Это испугает Франко. Немцы, может быть, сразу же скажут французам: «Отдайте нам ваш флот и Тулон». Это вновь возбудило бы антагонизм между Виши и Гитлером.

Я затем коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге русских армий,

чтобы защищать Каспийское море и Кавказские горы и вообще сражаться на этом театре. Однако я не говорил о деталях, поскольку нам, конечно, надо было сначала выиграть нашу битву в Египте и я не был знаком с планами президента относительно участия американцев. Если Сталину понравится эта идея, мы займемся детальной ее разработкой. Он ответил, что они будут очень благодарны за эту помощь, но вопрос о размещении английской авиации потребует детального изучения. Я был очень заинтересован этим проектом, ибо он привел бы к более ожесточенным боям между англо-американской авиацией и немцами и все это помогло бы завоевать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем тогда, когда надр сидеть и ждать возникновения опасности над Па-де-Кале.

Затем мы собрались около большого глобуса, и я разъяснил Сталину, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря. Я сказал Сталину, что если он захочет опять увидеться со мной, то я в его распоряжении. Он ответил, что по русскому обычаю гость должен сказать о своих желаниях и что он готов принять меня в любое время. Теперь он знал самое худшее, и мы все-таки расстались в атмосфере доброжелательства.

Встреча продолжалась почти четыре часа. Потребовалось полчаса с небольшим, чтобы добраться до государственной дачи номер 7. Хотя я был сильно утомлен, я продиктовал после полуночи телеграммы военному кабинету и президенту Рузвельту, а затем крепко и надолго заснул с сознанием, что, по крайней мере, лед сломлен и установлен человеческий контакт.

МОСКВА. ОТНОШЕНИЯ УСТАНОВЛЕНЫ

На следующее утро я проснулся поздно в моем роскошном помещении. Был четверг 13 августа — этот день всегда был для меня «днем Бленгейма». Я договорился, что в полдень нанесу визит Молотову в Кремле, чтобы разъяснить ему полнее и яснее характер различных операций, которые мы имели в виду. При встрече я сказал, что было бы вредно для общего дела, если бы вследствие взаимных обвинений из-за отказа от операции «Следжхэммер» мы были бы вынуждены публично доказывать нецелесообразность таких операций. Я разъяснил также более подробно политическое значение операции «Торч» Он слушал вежливо, но ничего не говорил. Я предложил ему, что-

бы моя встреча со Сталиным состоялась в 10 часов этим вечером. Позднее, днем, мне сообщили, что удобнее было бы устроить встречу в 11 часов вечера. Меня спросили, не захочу ли я взять с собой Гарримана, поскольку речь будет идти о тех же вопросах, что и накануне вечером. Я ответил «да» и сказал, что мне хотелось бы также взять с собой Кадогана, Брука, Уэйвелла и Теддера, которые тем временем благополучно прибыли из Тегерана на русском самолете, поскольку существовала опасность возникновения пожара на их самолете «Либерейтор».

Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, — сказал он, — очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какимй бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

***

Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Заггем начался крайне неприятный разговор. Сталин передал мне документ. Когда он был переведен, я сказал, что отвечу на него в письменной форме и что Сталин должен понять, что мы приняли решение относительно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны. После этого мы спорили почти два часа. За это время он сказал очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами и что если бы мы попытались это сделать, подобно русским, то мы убедились бы, что это не так уж плохо; что мы нарушили наше обещание относительно «Следжхэммера»; что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По- видимому, эти жалобы были адресованы в такой же степени Со” единенным Штатам, как и Англии.

Я решительно отверг все его утверждения, но без каких- либо колкостей. Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили. Однако он вовсе не рассердился и даже не был возбужден. Он повторил свое мнение, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия

так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Я вмешался и заявил, что согласен с замечаниями Сталина по поводу храбрости русской армии. Предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-Манша. Наконец Сталин сказал, что нет смысла продолжать разговор на эту тему. Он вынужден принять наше решение. Затем он отрывисто пригласил нас на обед в 8 часов следующего вечера.

Принимая приглашение, я сказал, что вылечу на самолете на рассвете следующим утром, то есть 15-го. Джо, казалось, был несколько озабочен этим и спросил, не смогу ли я остаться дольше. Я ответил, что, конечно, могу, если это принесет какую-нибудь пользу, и что во всяком случае я останусь еще на день. Я воскликнул затем, что в его позиции не чувствуется уз товарищества. Я проделал большой путь, чтобы установить хорошие деловые отношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать это делать. Мы были покинуты в полном одиночестве в течение года в борьбе против Германии и Италии. Теперь, когда три великие нации стали союзниками, победа обеспечена, при условии, если мы не разойдемся и т. д. Когда я говорил это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания. После этого начался разговор в несколько менее напряженной атмосфере.

Сталин начал длительное обсуждение, касающееся двух русских минометов, стреляющих ракетами, действие которых, по его словам, было опустошительным. Он предложил показать их нашим экспертам, если они могут обождать. Он сказал, что предоставит нам всю информацию об этих минометах, но не будет ли нами дано что-нибудь взамен? Не должно ли существовать соглашение об обмене информацией по поводу изобретений? Я сказал, что мы дадим им все, не торгуясь, за исключением лишь тех приспособлений, которые, если они окажутся на самолетах над вражескими позициями и будут сбиты, сделают Для нас более трудной бомбардировку Германии. Он согласился с этим. Он также согласился с тем, чтобы его военные представители встретились с нашими генералами, и такая встреча была намечена на 3 часа дня. Я сказал, что им потребуется по крайней мере 4 часа, чтобы полностью разобраться в различных техни

ческих вопросах, связанных с операциями «Следжхэммер», «Ра- унд-ап» и «Торч». Он как-то заметил, что операция «Торч» «правильна с военной точки зрения», но что политическая сторона дела требует более деликатного, то есть более внимательного отношения. Время от времени он возвращался к «Следжхэммеру» и выражал свое недовольство по этому поводу. Когда он сказал, что наше обещание не было выполнено, я ответил: «Я отвергаю это заявление. Каждое обещание было выполнено». И я сослался на памятную записку, которую передал Молотову. Он как будто извинился, заявив, что выражает свое искреннее и честное мнение, что между нами нет недоверия, а существует только расхождение во взглядах.

Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг еще не дошел, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придется держаться в течение двух месяцев, когда, снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать, а также подробно говорил о силе Черноморского флота, который был сосредоточен в Батуми.

Вся эта часть беседы была менее напряженной, однако, когда Гарриман задал вопрос по поводу планов доставки американских самолетов через Сибирь, на что русские лишь недавно дали согласие после продолжительных настояний американцев, он ответил отрывисто: «Войны не выигрывают планами». Гарриман все время поддерживал меня, и ни один из нас не сделал ни малейшей уступки и не произнес ни одного горького слова.

Сталин раскланялся с нами и протянул мне на прощание свою руку, и я пожал ее.

* * *

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тос

тов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. «Несколько лет назад, — сказал он, — нас посетили Джордж Бернард Шоу и леди Астор». Леди Астор предложила пригласить Ллойд Джорджа посетить Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае, — сказал Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительства и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено», — заметила леди Астор. «Я не уверен, — ответил Сталин. — В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: «Вы простили меня?» — «Премьер Сталин говорит, — перевел Павлов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу».

x- x- 4

'Во время одной из моих последних бесед со Сталиным я сказал: «Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: «Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?» «Да, я действительно заявил это, — сказал я, — имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года». И я достал телеграмму, которую сэр Стаффорд Криппс доставил с запозданием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого». Во имя нашего общего дела я удержался и не спросил, что произошло бы с нами всеми, если бы мы не выдержали натиска, пока он предоставлял Гитлеру так много ценных материалов, времени и помощи.

* * *

Меня обижало многое, что говорилось на наших совещаниях. Я делал всяческие скидки на то напряжение, которое испытывали советские руководители в условиях, когда они вели кровопролитные сражения на фронте почти в 2 тысячи миль, а немцы находились в 50 милях от Москвы и двигались к Каспийскому морю. Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование Советов было — «второй фронт сейчас». В конце концов Брук даже повел себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно.

Нам предстояло вылететь на рассвете 16-го. Накануне вечером, в 7 часов, я отправился попрощаться со Сталиным. Состоялась полезная и важная беседа. В частности, я спросил, сможет ли он удержать кавказские горные проходы и помешать немцам достигнуть Каспийского моря, захватить нефтепромыслы в районе Баку, воспользоваться связанными с этим преимуществами и затем рвануться на юг через Турцию или Персию. Он разостлал на столе карту и сказал со спокойной уверенностью: «Мы остановим их. Они не перейдут через горы». Он добавил: «Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане. Если это верно, то я смогу расправиться и с ними». Я сказал, что нет такой опасности. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией.

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью». Дочь Ста

лина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить». Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 часов 30 мин. утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне. В свое время я уже рассказал об этом инциденте. В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

«Г-н Сталин спрашивает, — сказал Павлов несколько нерешительно, — разве у английского флота нет чувства гордости?» Я ответил: «Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне». «Это означает, — вмешался Сталин, — что я ничего не знаю». «Россия сухопутный зверь, — сказал я, — а англичане морские звери». Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение. Я перевел разговор на Молотова: «Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью- Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной».

Хотя на русском .обеде в шутку можно сказать почти все, что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: «Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры».

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась. Я заговорил о высадке англичан в Норвегии при поддержке русских и объяснил, что если бы нам удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев. Этот план, как можно заключить из предыдущего, всегда был одним из моих излюбленных планов. Казалось, Сталину он понравился, и, обсудив средства его осуществления, мы договорились, что нам следует выполнить его по мере возможности.

* * *

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне, — спросил я, — на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет, — сказал он, — политика коллективизации была страшной борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я, — ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он **должен** пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, — ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» — спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, — ответил он. — Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух.

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров. До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой Друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать Доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике. Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было пол-

часа добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?»[1]

ПОТРЯСЕНИЕ

Из беседы К. Симонова с маршалом Василевским

В последний период, перед началом нашего ноябрьского наступления, я был на Сталинградском фронте. Облазил там буквально все, готовя наступление. Наступление было назначено на девятнадцатое — по Юго-Западному и Донскому фронтам, на двадцатое — по Сталинградскому.

Вдруг семнадцатого вечером, когда я вернулся из частей, на командном пункте раздается звонок из Ставки. Звонит Сталин.

— Здравствуйте. Есть к вам срочное дело. Вам надо прибыть в Москву.

— Как прибыть в Москву, товарищ Сталин? Послезавтра начинается наступление, я не могу ехать!

— Дело такого рода, что вам необходимо прибыть в Москву. Успеете вернуться. Надо обсудить с вами...

Я пробовал еще объяснить невозможность своего отъезда с фронта, но Сталин еще раз повторил, что дело такого рода, что мне необходимо быть завтра в Москве у него. Ни в какие объяснения он при этом не вдавался.

Утром я вылетел. Прилетел в Москву около одиннадцати утра. Позвонил Поскребышеву. Он сказал, что Сталин на «ближней даче», но, очевидно, еще спит. Я позвонил туда, Сталин действительно еще спал, и мне оставалось только ждать. Я попросил передать, что прибыл и жду его распоряжений.

Через два или три часа позвонил Поскребышев и сказал, чтобы я прибыл к шести 'часам вечера «на уголок». Так называлась квартира Сталина в Кремле. Если на дачу в Кунцеве — говорили «ближняя дача», если в Кремль — «на уголок»..

[1] *Черчилль Уинстон.* Вторая мировая война. Кн. 2. Т. Ill—IV. М., 1991 - С. 510—518, 521, 524, 525—527.

Когда я. в шесть часов приехал, совершенно не представляя, что случилось и зачем я вызван, в кабинете у Сталина шло совещание Государственного Комитета Обороны. Были Маленков, Берия, Микоян, Вознесенский, Молотов.

Сталин поздоровался со мной, предложил присесть. Потом подошел к своему письменному столу, взял какой-то конверт и, сев за стол, бросил его по столу мне.

— Вот, почитайте, пока мы здесь кончим свою гражданскую войну...

Он с членами Государственного Комитета Обороны продолжал обсуждать какие-то начатые еще до моего прихода вопросы, а я вынул из конверта лежавшие там листы и стал их читать с величайшим изумлением.

Сталину писал командир танкового корпуса генерал Вольский. Этот танковый корпус, сводный, полнокомплектный, хорошо подготовленный, должен был стать главной ударной силой нашего прорыва на Сталинградском фронте. Именно ему предстояло отрезать немцев с юга, прорваться к Калачу навстречу танковым частям Юго-Западного фронта. Именно на этот корпус на Сталинградском фронте делалась ставка как на ударную силу. Именно в этом корпусе я особенно часто бывал в последнее время, дневал и ночевал там, проверял его подготовку, многократно разговаривал с производившим на меня отличное впечатление его командиром генералом Вольским. Именно с этим Вольским я расстался только вчера днем, из его корпуса поехал на командный пункт фронта, где меня застал звонок Сталина.

Вольский писал Сталину примерно следующее:

«Дорогой товарищ Сталин. Считаю своим долгом сообщить вам, что я це верю в успех предстоящего наступления. У нас недостаточно сил и средств для него. Я убежден, что мы не сумеем прорвать немецкую оборону и выполнить поставленную перед нами задачу. Что вся эта операция может закончиться катастрофой, что такая катастрофа вызовет неисчислимые последствия, принесет нам потери, вредно отразится на всем положении страны, и немцы после этого смогут оказаться не только на Волге, но и за Волгой...»

Дальше следовала поразившая меня подпись: «Вольский».

Я прочел эту бумагу с величайшим изумлением и недоумением. Ничто, абсолютно ничто в поведении Вольского, в его настроении, в состоянии его войск не давало возможности поверить, что именно этот человек мог написать эту бумагу.

Я прочел письмо, положил в конверт и несколько минут Ждал.

Сталин закончил обсуждение вопроса, которым они занимались, поднял на меня глаза и спросил:

— Ну, что вы скажете об этом письме, товарищ Василевский?

Я сказал, что поражен этим письмом.

— А что вы думаете насчет предстоящих действий после того, как прочли это письмо?

Я ответил, что по поводу предстоящих действий продолжаю и после этого письма думать то же, что и думал: наступление надо начинать в установленные сроки, по моему глубокому убеждению, оно увенчается успехом.

Сталин выслушал меня, потом спросил:

— А как вы объясняете это письмо?

Я сказал, что не могу объяснить это письмо.

— Как вы оцениваете автора этого письма?

Я ответил, что считаю Вольского отличным командиром корпуса, способным выполнить возложенное на него задание.

— А теперь, после этого письма? — спросил Сталин. — Можно ли его оставить на корпусе, по вашему мнению?

Я несколько секунд думал над этим, потом сказал, что я лично считаю невозможным снимать командира корпуса накануне наступления и считаю правильным оставить Вольского на его должности, но, конечно, с ним необходимо говорить.

— А вы можете меня соединить с Вольским, — спросил Сталин, — чтобы я с ним поговорил?

Я сказал, что сейчас постараюсь это сделать. Вызвал по ВЧ командный пункт фронта, приказал найти Вольского и соединиться с ним через ВЧ и полевой телефон.

Через некоторое время Вольского нашли.

Сталин взял трубку. Этот разговор мне запомнился, и был он примерно такого содержания.

— Здравствуйте, Вольский. Я прочел ваше письмо. Я никому его не показывал, о нем никто не знает. Я думаю, что вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что вы справитесь с возложенными на вас задачами и сделаете все, чтобы ваш корпус выполнил все и добился успеха. Готовы ли вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед вами задачу?

Очевидно, последовал ответ, что готов.

Тогда Сталин сказал:

— Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха. Повторяю, о вашем письме не зна

ет никто, кроме меня и Василевского, которому я показал его. Желаю успеха. До свидания.

Он говорил все это абсолютно спокойно, с полной выдержкой, я бы сказал даже, что говорил он с Вольским мягко.

Надо сказать, что я видел Сталина в разных видах и, не преувеличивая, могу сказать, что знаю его вдоль и поперек. И если говорить о людях, которые натерпелись от него, то я натерпелся от него как никто. Бывал он и со мной, и с другими груб, непозволительно, нестерпимо груб и несправедлив. Но надо сказать правду, что бывал и таким, каким был в этом случае.

После того как он кончил разговор, он сказал, что я могу отправиться на фронт. . ,

В предыдущий период мы готовили предстоящие удары вместе с Жуковым: он — на севере, я — на юге. К этому времени Жуков уже уехал для выполнения других, новых заданий, и я остался в качестве представителя Ставки на всей этой операции. И летел я из Москвы утром уже не на Сталинградский фронт, а на Юго-Западный, на котором наносился главный удар.

Прибыл я туда уже днем, через несколько часов после начала наступления, которое началось в соответствии с планом, но без меня.

Прилетев, выехал к танкистам на направление главного удара. Был там. Потом, когда задержалось дело в армии Чистякова и у танкистов Кравченко, выехал к Чистякову с намерением навалиться на них, дать им духу за нерешительные действия, хотя это вообще не в моем характере, но необходимо было крупно поговорить. К счастью для Чистякова и Кравченко, положение, пока я туда добрался, исправилось, Кравченко прорвался наконец, и предстоящий нам крупный разговор не состоялся, к счастью для них, да и к счастью для меня, конечно.

На юге Сталинградского фронта дело тоже шло хорошо: румын, конечно, прорвали. Вольский действовал решительно и удачно, полностью выполнил свою задачу. Когда оба фронта соединились в районе Калача, через день или два после соединения я впервые после всего происшедшего вновь увидел Вольского.

Я был еще на Юго-Западном фронте и докладывал Сталину о соединении фронтов и об организации внутреннего и внешнего фронта окружения. При этом докладе он спросил меня, как действовал Вольский и его корпус. Я сказал так, как оно и было, что корпус Вольского и его командир действовали отлично.

— Вот что, товарищ Василевский, — сказал Сталин. — Раз так, то я прошу вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Пере

дайте ему мою благодарность, наградите его от моего имени и дайте понять, что другие награды ему и другим — впереди.

После этого звонка я подумал: чем же наградить Вольского? У меня был трофейный немецкий «вальтер», и я приказал там же, на месте, прикрепить к нему дощечку с соответствующей надписью, и, когда мы встретились с Вольским, я поздравил его с успехом, поблагодарил за хорошие действия, передал ему слова Сталина и от его имени этот пистолет. Мы стояли с Вольским, смотрели друг на друга, и с ним было такое потрясение, что этот человек в моем присутствии зарыдал, как ребенок[1].

ОТВЕТ И. В. СТАЛИНА НА ВОПРОС ГЛАВНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОГО АГЕНТСТВА РЕЙТЕР

Московский корреспондент английского агентства Рейтер г. Кинг обратился к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталину с письмом, в котором он просил ответить на вопросу интересующий английскую общественность.

И. В. Сталин ответил г-ну Кингу следующим письмом:

«Господин Кинг!

Я получил от Вас просьбу ответить на вопрос, касающийся роспуска Коммунистического Интернационала. Посылаю Вам свой ответ.

Вопрос. «Британские комментарии по поводу решения о ликвидации Коминтерна были весьма благоприятными. Какова советская точка зрения на этот вопрос и на его влияние на будущее международных отношений?»

Ответ. Роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременны^, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага — гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что «Москва» якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их. Этой лжи отныне кладется конец.

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 362—366.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь, — для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия.

Я думаю, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией.

Я считаю, что роспуск Коммунистического Интернационала является вполне своевременным, так как именно теперь, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, — необходимо организовать общий натиск свободолюбивых стран для того, чтобы добить этого зверя и избавить народы от фашистского гнета.

С уважением *И. СТАЛИН*

28 мая 1943 года»[1].

СТАЛИН И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ **В ГОДЫ ВОЙНЫ**

...Была еще одна область патриотического служения Родине, в которой священнослужители и верующие в годы войны немало преуспели, — это сбор денежных средств и драгоценностей для постройки боевой техники Красной Армии, посылок бойцам и командирам на фронт. Важный контакт на этой почве между Сталиным и патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием состоялся зимой 1943 года, когда они обменя

[1] *Сталин ИВ.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 107—109.

лись посланиями. 25 февраля из Ульяновска в Кремль Сталину Сергий написал: «Верующие в желании помочь Красной Армии охотно откликнулись на мой призыв: собрать средства на постройку танковой колонны имени Дмитрия Донского. Всего собрано около 6 ООО ООО рублей и, кроме того, большое количество золотых и серебряных вещей... Примите эти средства как дар от духовенства и верующих русской православной церкви в день юбилея Красной Армии».

Ответ Сталина Сергию был направлен в тот же день:

«Прошу передать православному русскому духовенству и верующим, собравшим 6 ООО ООО рублей, золотые и серебряные вещи на строительство танковой колонны имени Дмитрия Донского, мой искренний привет и благодарность Красной Армии».

...Как отметит впоследствии будущий первый председатель Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов, Сталин пригласил его к себе на дачу в субботу 4 сентября 1943 года, где уже присутствовали Г. М. Маленков и Л. П. Берия. После расспросов Карпова, что собой представляет митрополит Сергий, а также митрополит Ленинградский Алексий и экзарх Украины митрополит Киевский и Галицкий Николай, когда и каким образом был избран патриарх Тихон — последний глава Русской православной церкви (РПЦ), кто являются патриархами Вселенским и Иерусалимским, о положении православных церквей в Румынии, Болгарии, Югославии, о зарубежных связях РПЦ, Сталин поинтересовался внутренним положением православной церкви. Он спросил, сколько в СССР православных приходов, каково положение епископата. Затем Сталин сказал Карпову, что назрела необходимость создания специального государственного органа, который бы осуществлял связь между правительством и руководством православной церкви. Поинтересовался, есть ли у него какие-либо предложения по этому поводу. Карпов признался, что он не готовился к разговору в таком русле, но вообще, по его мнению, такой орган желательно было бы создать при Президиуме Верховного Совета СССР. Сталин не согласился и сказал, что нужен специальный Комитет или Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. «Совет должен осуществлять связь между правительством и патриархом. Совет сам решений не принимает, а докладывает обо всем правительству и от него передает государственные решения церкви», — сформулировал он свою мысль.

После этого, обменявшись с Маленковым и Берией мнениями, следует ли ему принять митрополитов Сергия, Алексия и

Николая, Сталин согласился с ними, что такая встреча необходима. Прямо с дачи Карпов связался по телефону с митрополитом Сергием и сообщил, что правительство СССР готово принять его вместе с митрополитами Алексием и Николаем сегодня или завтра, в воскресенье или в любой следующий день. Сергий, не отходя от телефона, посоветовался с находившимися рядом Алексием и Николаем и ответил о согласии, чтобы их приняли сегодня же.

Чрез два часа Сталин принял их в Кремле. На беседе, кроме Карпова, присутствовал В. М. Молотов. Сталин начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности православной церкви, отметил и тот факт, что с фронта поступает немало писем с одобрением такой позиции духовенства и верующих. Затем поинтересовался проблемами церкви.

Митрополит Сергий отметил, что главная проблема — это вопрос о патриархе, подчеркнув ненормальность ситуации, когда 18 лет не занимается этот высший церковный пост, а также длительное время отсутствует Синод. Все это, заключил Сергий, ставит как первоочередную задачу скорейшее проведение Поместного Собора. Митрополиты Алексий и Николай согласились с ним.

Сталин одобрительно отозвался о проведении Собора. Спросил, как будет называться патриарх, когда может быть созван Собор, нужна ли помощь правительства с транспортом, доставкой участников, размещением. Предложил финансовую поддержку.

Сергий высказался, чтобы патриарх назывался Московский и всея Руси, а не всей России, как было при Тихоне. Сталин согласился с этим. Затем Сергий сказал, что для подготовки Собора потребуется никак не менее месяца: время военное, а собрать необходимо всех епископов, существуют трудности в передвижении по стране и т. д. Финансовую помощь Сергий отклонил.

Когда Сергий затронул вопрос о сроках, необходимых для подготовки Собора, Сталин спросил: «Нельзя ли проявить большевистские темпы?» Обратившись к Карпову, попросил помочь руководству церкви с быстрейшим приездом епископов на Собор, привлечь для этого авиацию, другой транспорт. Карпов заверил Сталина, что вся необходимая работа будет проведена и Собор можно открыть через 3—4 дня. Тут же Сталин и митрополиты договорились назначить открытие Собора на 8 сентября.

Следующий вопрос, который поднял Сергий, был о кадрах священнослужителей. Поделившись трудностями их подготовки, когда перестали существовать духовные школы, семинарии, ака

демии, он сказал, что было бы неплохо открыть несколько епархиальных библейских курсов. Сталин согласился с этим и предложил открыть не курсы, а духовные академии и училища. На это Сергий и митрополит Алексий ответили, что на открытие академий и училищ пока у церкви нет сил. К тому же в училища надо принимать молодежь лет с восемнадцати. Однако прежний опыт показал, что в этом возрасте выбор жизненного пути часто бывает случайным. Поэтому надо в будущем создавать новую систему подготовки кадров духовенства, а пока следует ограничиться открытием библейских курсов в епархиях. Выслушав, Сталин сказал:

«Как хотите, но правительство не будет возражать и против открытия семинарий и академий».

Затем Сергий обратился к Сталину по поводу необходимости издания ежемесячного церковного журнала, а также дополнительного открытия приходов в епархиях, отметив, что их осталось недостаточно для удовлетворения нужд верующих. В этой связи он сказал, что желательно наделить властью по решению этих вопросов местные Советы и епархиальные управления. Сталин заявил, что препятствий не будет.

Патриарший местоблюститель коснулся и такой проблемы, как освобождение архиереев, духовенства, находящихся в ссылках, лагерях, тюрьмах, а также о возможности нести службу, свободно передвигаться по стране тем священникам, которые отбыли наказания в местах лишения свободы. Сталин предложил Карпову изучить этот вопрос, а Сергию подготовить список священников, находившихся в заключении.

Митрополит Алексий обратил внимание Сталина на необходимость отчисления церковными организациями, епархиями, приходами части средств на содержание православного центра, отметив, что, например, Ленгорисполком не разрешает этого делать. Сергий и Николай высказались за избрание священников в состав исполнительных органов приходов. Сергий особо остановился на важности открытия в епархиях свечных заводов, мастерских по изготовлению церковной утвари. Сталин не возражал и против осуществления всех этих мер. Он заверил, что церковь вполне мож£т рассчитывать на помощь СНК СССР.

Затем Сталин повернул тему разговора в несколько иное русло. «Вот мне товарищ Карпов доложил, что вы плохо живете — тесная квартира, покупаете продукты по дорогой цене на рынках, не имеете транспорта, — сказал он. — Правительство интересуется вашими нуждами и готово помочь». При этом

был затронут и вопрос о помещении для духовного центра в Москве.

Митрополит Сергий начал с того, что выразил просьбу о передаче церкви игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре в Москве для размещения патриархии. Была высказана и просьба помочь с транспортом. Что же касается продуктов, то они просят не беспокоиться: все необходимое можно купить на рынке.

Сталин ответил, что Карпов осмотрел предварительно помещения в Новодевичьем монастыре, и у них сложилось мнение, что старый игуменский корпус мало подходит под размещение патриархии: в нем сыро, холодно, темновато. Поэтому правительство, обдумав все это, пришло к выводу предоставить церкви другое помещение, в которое можно въезжать хоть завтра. Это резиденция бывшего германского посла Шуленбурга в Чистом переулке со всей мебелью. «Здание наше, советское», — специально оговорил Сталин.

Затем он вновь поднял вопрос о снабжении православных иерархов продуктами, подчеркнув, что на рынке их мало и они стоят дорого. Правительство же, настаивал Сталин, будет обеспечивать продуктами по государственным ценам. «Кроме того, — сказал он, — завтра-послезавтра мы предоставим в ваше распоряжение 2—3 автомашины и горючее к ним».

Священнослужители от продуктов снова вежливо отказались, отметив лишь, что на местах нередко бывает переобло- жение духовных лиц налогами и нельзя ли пресечь это. Сталин согласился помочь, но разбираться надо конкретно по каждому случаю, отметил он. После чего сказал, что раз никаких пожеланий и вопросов нет сейчас, то, может быть, они будут потом.

«Правительство предполагает создать специальный орган — Совет по делам Русской православной церкви и председателем Совета назначить товарища Карпова. Как вы смотрите на это?» — обратился он к митрополитам. Те ответили, что весьма благожелательно смотрят на создание нового государственного органа по делам православной церкви и назначение Карпова.

Сталин подчеркнул, что Совет по делам Русской православной церкви будет представлять собой орган связи между правительством и патриархией. При этом он сказал Карпову: «Подберите себе 2—3 помощников, которые будут членами вашего Совета, создайте аппарат. Но только помните, во-первых, вы не обер-прокурор Синода, а во-вторых, своей деятельностью больше подчеркивайте самостоятельность церкви». Обратившись к Молотову, Сталин заметил: «Надо довести до сведения населе

ния о нашей встрече, а также потом сообщить в печати об избрании патриарха».

Молотов тут же вместе с митрополитами Сергием и Алексием стали составлять проект официального сообщения для прессы. Затем, после просмотра текста Сталиным, официальное сообщение было передано А. Н. Поскребышеву для посылки в ТАСС.

...Встреча завершилась. Митрополит Сергий и сопровождающие его иерархи еще раз поблагодарили за прием и поддержку нужд церкви правительство СССР, лично Сталина, заверили его в полной поддержке духовенством и верующими политики партии и государства, ведущих борьбу с жестоким агрессором.

Молотов поинтересовался у Сталина — может быть, вызвать фотографа и сделать снимок на память о встрече и для газет. Сталин, провожая митрополитов до двери, ответил, что уже поздно, лучше это сделать в другой раз...

...На следующий день, 5 сентября 1943 года, «Правда» сообщала: «4 сентября у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы Митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархате Священного Синода.

Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий»[1].

МАТЕРИАЛЫ О ТЕГЕРАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(28 ноября — 1 декабря 1943 года)

Сталин. Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Овер- лорд».

[1] ***Алексеев В.В.*** **Неожиданный диалог. «Агитатор». 1989, № 6. С. 42—44.**

Рузвельт. Этот вопрос еще не решен.

Сталин. Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд». Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

Рузвельт. Английский генерал Морган несет ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

Сталин. Кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд»?

Рузвельт. Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции «Оверлорд», за исключением главнокомандующего этой операцией.

Сталин. Может случиться так, что генерал Морган сочтет операцию подготовленной, но после назначения командующего, который будет отвечать за осуществление этой операции, может оказаться, что командующий сочтет операцию не подготовленной. Должно быть одно лицо, которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

Черчилль. Генералу Моргану были поручены предварительные приготовления.

Сталин. Кто поручил это генералу Моргану?

Черчилль. Несколько месяцев тому назад это было поручено генералу Моргану Объединенным англо-американским штабом с согласия президента и с моего согласия. Генералу Моргану было поручено вести подготовку операций «Оверлорд» совместно с американским и британским штабами, однако главнокомандующий еще не назначен.

Британское правительство выразило готовность поставить свои силы в операции «Оверлорд» под командование американского главнокомандующего, так как Соединенные Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют численное превосходство в войсках. С другой стороны, британское правительство предложило назначить британского главнокомандующего операциями в Средиземном море, где англичане имеют численное превосходство в войсках.

Вопрос о назначении главнокомандующего нельзя решить на таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует решить главам трех правительств между собой, в узком кругу. Как мне сейчас сказал президент — и я это подтверждаю, — решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведем здесь.

Сталин. Я хочу, чтобы меня поняли, что русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские

хотели бы знать, кто будет командующим. Русские хотели бы, чтобы он скорее был назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

Черчилль. Мы вполне согласны с тем, что сказал маршал Сталин, и я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию. Одной из наших задач и является назначение главнокомандующего.

Черчилль. Мне кажется, что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать все, что в силах британского правительства, для того, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты, как не имеющие значения, из-за того, что использование их задержит осуществление операции «Оверлорд» на 2—3 месяца.

Сталин. Операции в районе Средиземного моря, о которых говорит Черчилль, это только диверсии. Я не отрицаю значения этих диверсий.

Черчилль. По нашему мнению, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение шести месяцев. Они должны вести бои против врага, и с помощью американских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям. *

Сталин. По Черчиллю выходит, что русские требуют от англичан того, чтобы англичане бездействовали.

Черчилль. Если суда будут отправлены из района Средиземного моря, то в результате значительно сократится масштаб операций в этом районе. Маршал Сталин помнит о том, что на Московской конференции были указаны условия, при которых операция «Оверлорд» может быть успешной. Эти условия предусматривают, что во Франции будет находиться к моменту вторжения не более 12 германских мобильных дивизий и что в течение 60 дней немцы не смогут перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий...

Наконец, я считаю приемлемым и от имени британского правительства даю согласие на то, чтобы были выработаны директивы для военной комиссии. Я предлагаю, чтобы мы совместно с американцами разработали свои предложения о директивах комиссии. Я думаю, что наши взгляды более или менее сходятся.

Сталин. Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?

Черчилль. Я готов не есть, пока эти директивы не будут разработаны.

Сталин. Речь идет о том, когда мы намерены закончить нашу конференцию.

Рузвельт. Я готов находиться в Тегеране до тех пор, пока в Тегеране будет находиться маршал Сталин.

Черчилль. Если будет необходимо, то я готов навсегда остаться в Тегеране.

Рузвельт. Я хочу сказать несколько слов. По-моему, если мы втроем дадим директивы нашей военной комиссии, то она сможет обсудить все вопросы.

Сталин. Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции. Я думаю также, что комиссия, состоящая из министров иностранных дел и представителя, назначенного президентом, по вопросам Балкан также не нужна, ибо все вопросы о Балканах мы можем решить здесь быстрее. Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь в течение 1 декабря, но 2-го мы должны уехать. Президент помнит о том, что мы с ним условились о 3—4 днях.

Рузвельт. Нам всем известно, что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

Сталин. Мы можем решить эти вопросы сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд», или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

Черчилль. Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все имеющиеся у нас силы против немцев, когда начнется осуществление операции «Оверлорд». *

Рузвельт. Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на том обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин. Я предлагаю,

чтобы завтра утром наша военная комиссия продолжила свое совещание.

Сталин. Совещания военной комиссии не требуется. Это лишнее. Совещание военных не ускорит нашей работы. Мы можем ускорить нашу работу только сами.

Черчилль. Может быть, лучше мне и президенту согласовать свои точки зрения и затем доложить вам о нашей общей точке зрения?

Сталин. Это ускорит нашу работу.

Черчилль. А как насчет комиссии в составе Гопкинса и двух министров иностранных дел?

Сталин. И этой комиссии не нужно, если г-н Черчилль настаивает, то мы не возражаем против ее создания. -

Рузвельт. Завтра Гопкинс, Молотов и Иден могли бы иметь беседу друг с другом за завтраком.

Сталин. Что мы будем делать завтра? Готовы ли будут предложения Черчилля и Рузвельта?

Рузвельт. Предложения будут готовы, и. я предлагаю завтра мне, Черчиллю и маршалу Сталину позавтракать в половине второго и обсудить все вопросы.

Черчилль. Это будет нашей программой на завтрашний день.

Сталин. Согласен.

ИЗ ЗАПИСИ ТРЕТЬЕГО ЗАСЕДАНИЯ ГЛАВ ПРАВИТЕЛЬСТВ

Тегеран, 30 ноября 1943 года Начало в 16 час. 30 мин. Конец в 17 час. 20 мин.

Рузвельт. Я очень рад слышать, что маршал Сталин согласился остаться еще на один день. Я еще хотел сказать относительно коммюнике: может быть, наши штабы могли бы представить нам проект этого коммюнике.

Сталин. В той части, которая касается военных вопросов.

Черчилль. Да, конечно. Нужно, чтобы коммюнике было кратким и таинственным.

Сталин. Но без мистики.

Черчилль. Я уверен, что в скором времени противнику должно стать известно о наших приготовлениях, поскольку он это сможет обнаружить по большому скоплению железнодорожных составов, по активности в наших портах и т. д.

Сталин. Большую операцию в мешке не спрячешь.

Черчилль. Нужно было бы, чтобы наши штабы подумали о том, чтобы замаскировать эти приготовления и ввести неприятеля в заблуждение.

Сталин. Мы в таких случаях обманываем противника, строя макеты танков, самолетов, создавая ложные аэродромы. Затем мы при помощи тракторов приводим эти макеты танков и самолетов в движение. Разведка доносит противнику об этих передвижениях, причем немцы думают, что именно в этом месте готовится удар. В то же время там, где действительно готовится наступление, царит полное спокойствие. Все перевозки производятся ночью. Мы создаем в ряде мест до 5—8 тысяч макетов танков, до 2 тысяч макетов самолетов, большое число ложных аэродромов. Кроме того, мы обманываем противника при помощи радио. В тех районах, где не предполагается наступление, производится перекличка между радиостанциями. Эти станции засекаются противником, и у него создается впечатление, что здесь находятся крупные соединения войск. Самолеты противника иногда день и ночь бомбардируют эти местности, которые в действительности совершенно пусты.

Черчилль. Правду приходится охранять путем неправды. Во всяком случае, будут приняты меры для того, чтобы ввести врага в заблуждение.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ И. В. СТАЛИНА С Ф. РУЗВЕЛЬТОМ *1 декабря 1943 года у 15 час. 20 мин.*

Рузвельт. В Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году.

Сталин. Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Рузвельт. Дело в том, что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если война продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса. Я согласен с маршалом Сталиным в том, что мы должны восстановить польское государство, и лично я не имею возражений, чтобы границы Польши были передвинуты с востока на запад — вплоть до Одера, но по политическим соображениям я не могу участвовать в настоящее время в решении этого вопроса. Я разделяю идеи маршала Сталина, я надеюсь, что он поймет, почему я не могу публично участвовать в решении этого вопроса здесь, в Тегеране, или даже весной будущего года.

Сталин. После разъяснения Рузвельта я это понимаю.

Рузвельт. В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита.

Сталин. Что касается волеизъявления народов Лдатвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю.

Рузвельт. Это будет мне полезно.

Сталин. Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля.

Рузвельт. Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы.

Сталин. Конечно, это можно будет сделать. Я хотел бы знать, решен ли окончательно вопрос об отъезде завтра.

Рузвельт. Мне сообщили, что завтра будет благоприятная погода. У нас осталось немного вопросов, которые мы можем обсудить сегодня вечером. Завтра утром я намереваюсь вылететь...[1]

[1] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1978. С. 123—169.

ИЗ БЕСЕД С АДМИРАЛОМ ФЛОТА И. С. ИСАКОВЫМ

Отрывки из воспоминаний К. М. Симонова

20 сентября 1962 года

Бывший командующий фронтом Рокоссовский рассказал мне, как он случайно оказался свидетелем последнего разговора Сталина с Козловым, уже смещенным с должности командующего Крымским фронтом после Керченской катастрофы.

Рокоссовский получил новое назначение, кажется, шел с армии на фронт. Это было в конце мая или в июне 1942 года. В самом конце разговора у Сталина на эту тему, когда Рокоссовский уже собирался попрощаться, вошел Поскребышев и сказал, что прибыл и ждет приема Козлов. Сталин сначала было простился с Рокоссовским, а потом вдруг задержал его и сказал:

— Подождите немного, тут у меня будет один разговор, интересный, может быть, для вас. Побудьте.

И, обращаясь к Поскребышеву, сказал, чтобы вызвали Козлова.

Козлов вошел, и хотя это было очень скоро после Керченской катастрофы, все это было еще очень свежо в памяти, Сталин встретил его совершенно спокойно, ничем не показал ни гнева, ни неприязни. Поздоровался за руку и сказал:

— Слушаю вас. Вы просили, чтобы я вас принял. Какие у вас ко мне вопросы?

Козлов, который сам попросился на прием к Сталину, после того как был издан приказ о смещении его с должности командующего Крымским фронтом и о снижении в звании, стал говорить о том, что он считает, что это несправедливо по отношению к нему, что он делал все, что мог, чтобы овладеть положением, приложил все силы. Говорил он все это в очень взвинченном, истерическом тоне. Сталин спокойно выслушал его, не перебивая. Слушал долго. Потом спросил:

— У вас все?

-Да.

— Вот видите, вы хотели сделать все, что могли, но не смогли сделать того, что были должны сделать.

В ответ на эти слова, сказанные очень спокойно, Козлов стал говорить о Мехлисе, что Мехлис не давал ему делать то, что он считал нужным, вмешивался, давил на него, и он не имел возможности командовать из-за Мехлиса так, как считал необходимым.

Сталин спокойно остановил его и спросил:

— Подождите, товарищ Козлов! Скажите, кто был у вас командующим фронтом, вы или Мехлис?

— Я.

— Значит, вы командовали фронтом?

-Да.

— Ваши приказания обязаны были выполнять все на фронте?

— Да, но...

— Вы как командующий отвечали за ход операции?

— Да, но...

— Подождите. Мехлис не был командующим фронтом?

— Не был...

— Значит, вы командующий фронтом, а Мехлис не командующий фронтом? Значит, вы должны были командовать, а не Мехлис, да?

— Да, но...

— Подождите. Вы командующий фронтом?

— Я, но он мне не давал командовать.

— Почему же вы не позвонили и не сообщили?

— Я хотел позвонить, но не имел возможности.

— Почему?

— Со мною все время находился Мехлис, и я не мог позвонить без него. Мне пришлось бы звонить в его присутствии.

— Хорошо. Почему же вы не могли позвонить в его присутствии?

Молчит.

— Почему, если вы считали, что правы вы, а не он, почему же не могли позвонить в его присутствии? Очевидно, вы, товарищ Козлов, боялись Мехлиса больше, чем немцев?

— Вы не знаете Мехлиса, товарищ Сталин, — воскликнул Козлов.

— Ну, это, положим, неверно, товарищ Козлов. Я-то знаю товарища Мехлиса. А теперь хочу вас спросить: почему вы жалуетесь? Вы командовали фронтом, вы отвечали за действия фронта, с вас за это спрашивается, вы за это смещены. Я считаю, что все правильно сделано с вами, товарищ Козлов.

Потом, когда Козлов ушел, он повернулся к Рокоссовскому и, прощаясь с ним, сказал:

— Вот какой интересный разговор, товарищ Рокоссовский[1].

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. **С. 340—342.**

Маршал Василевский

«САМАЯ СИЛЬНАЯ И КОЛОРИТНАЯ ФИГУРА СТРАТЕГИЧЕСКОГО КОМАНДОВАНИЯ»

...Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности.

Вот его некоторые положения.

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население».

«Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке... Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны, территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция — наши отцы, матери, жены, братья, дети. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, — стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла. Заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину».

«Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад!»

«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

«Можем ли мы выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу ра

ботают теперь прекрасно, и наш фронт получает вес больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину».

Приказ предлагал «железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток», что от такого отступления не будет якобы вреда. Предписывалось также снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Те же меры предлагалось применять и к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление воинами без приказа боевых позиций. Этим приказом вводились штрафные батальоны.

Некоторые буржуазные историки все содержание этого приказа сводят к мерам принуждения; отбрасывая его политические и моральные стороны, утверждают, что введенные приказом № 227 меры принуждения явились главной причиной победы советских войск под Сталинградом. Политический смысл таких передержек и манипуляций понятен.

Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас прежде всего привлекло его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдаем борьбе. Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шла от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, уже перестали быть непременной, настоятельной необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом и окружения немецко-фашистской группировки на берегу Волги...

...Ставке Верховного Главнокомандования было хорошо известно, что благодаря стойкости и упорству героев волжской твердыни 6-я и 4-я танковая немецкие армии оказались сосредоточенными на узком участке фронта, непосредственно в районе города, а их фланги прикрывались румынскими войсками. Было также известно, что огромные потери, которые продолжал нести враг в надежде все же овладеть городом, и особенно то, что он не имел здесь сколько-нибудь внушительных резервов, еще более ограничивали его оборонительные возможности. Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И. В. Сталиным, Г. К. Жуковым и мною. Суть стратегического замысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталицграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии. До начала контрнаступления было признано необходимым уделить самое пристальное внимание обороне внутри города, с тем чтобы на его развалинах максимально измотать и обескровить врага и ни в коем случае не допустить его продвижения вдоль Волги на север, в сторону Камышина.

Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главнокомандования решили считать подготовку и осуществление этого контрнаступления главнейшим мероприятием в стране до конца 1942 года. Для его успешного проведения планировалось привлечь основные силы и средства, имевшиеся в распоряжении Ставки. При этом Сталин ввел режим строжайшей секретности на всю начальную подготовку операции. Нам в категорической форме было предложено никому ничего не сообщать о ней, даже членам ГКО. Сталин предупредил, что, кому нужно, он сам скажет о подготовке операции. Мы с Г. К. Жуковым могли довести до командующих фронтами лишь то, что непосредственно касалось каждого из них, — и ни слова больше. Полагаю, что подобная мера осторожности в тех условиях была полностью оправдана...

...Хорошие отношения были у меня с Н. С. Хрущевым и в первые послевоенные годы. Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И. В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н. С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой...

...Хочу дополнительно сказать несколько слов о И. В. Сталине как Верховном Главнокомандующем.

Полагаю, что мое служебное положение в годы войны, моя постоянная, чуть ли не повседневная связь со Сталиным и, наконец, мое участие в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны, на которых рассматривались те или иные принципиальные вопросы вооруженной борьбы, дает мне право сказать о нем. При этом я не буду в полной мере касаться его партийной, политической и государственной деятельности во время войны, поскольку не считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе.

*

Оправданно ли было то, что Сталин возглавил Верховное Главнокомандование? Ведь он не был профессионально-военным деятелем. •

Безусловно, оправданно...

...По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния.

И. В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность ана

литически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Обороны и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего.

...Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия велись творчески, с полным учетом военной науки, чтобы они были и решительными, и маневренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операции и ее ведения. И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо он превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленой на Западе немецко-фашистской военной школы.

Большое влияние Сталин оказал на создание делового стиля работы Ставки. Если рассматривать этот стиль начиная с осени 1942 года, то его характеризовали: опора на коллективный опыт при разработке оперативно-стратегических планов, высокая требовательность, оперативность, постоянная связь с войсками, точное знание обстановки на фронтах.

Составной частью стиля работы И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего являлась его высокая требователь

ность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно, особенно в условиях войны. Он никогда не прощал нечеткость в работе, неумение довести дело до конца, пусть даже это допустит и очень нужный и не имевший до того ни одного замечания товарищ.

В подтверждение этого позволю себе привести один пример — о серьезной неприятности, которую пришлось пережить одному из опытнейших работников Оперативного управления Генерального штаба, В. Д. Иванову.

Во время событий на Халхин-Голе в 1939 году, как известно, советским командованием из советских и монгольских войск была создана 1-я армейская группа под управлением комкора Г. К. Жукова, а для координации действий этих войск на базе Забайкальского округа была образована фронтовая группа под командованием командарма 2-го ранга Г. М. Штерна. Своевременному прибытию его из Москвы в Монголию — в район боевых действий — правительством и наркомом обороны придавалось большое значение. Организация перелета была возложена на Генеральный штаб, а непосредственное и ежечасное наблюдение за перелетом было поручено начальником Генштаба временно исполнявшему должность начальника Оперативного управления В. Д. Иванову. Пользуясь информацией Иванова, Б. М. Шапошников периодически докладывал о ходе полета правительству и И. В. Сталину. В назначенный день и час Штерн долетел до Читы, с тем чтобы сразу же перелететь в конечный пункт,-для чего требовалось всего лишь менее часа времени.

На следующее утро Б. М. Шапошников, когда ему позвонил Сталин, доложил, что Штерн уже находится на месте, то есть доложил то, что ему только что было доложено Ивановым. Прошло какое-то время, и снова Сталин звонит Шапошникову и начинает гневно выговаривать:

— Ваши люди лгут. У меня в руках телеграмма от Штерна, он еще в Чите. Разберитесь, и виновного под трибунал.

В. Д. Иванов был уверен, что пустячный по расстоянию перелет от Читы в Монголию совершен, не проверил этого, **тогда** как разыгравшаяся в Чите и на трассе буря задержала самолет.

В трибунал В. Д. Иванова все же не передали, судили **судом** чести и отчислили из Генштаба, а в дальнейшем он был назначен начальником штаба одной из дальневосточных армий. С началом войны он сразу же обратился к начальнику Генштаба с настойчивой просьбой перевести его для работы на фронт. В зиму 1941/42 года, когда Генштаб и особенно Оперативное управле

ние испытывали очень острую нужду в опытных штабных работниках, я, посоветовавшись с некоторыми членами Политбюро ЦК партии, возвратил его для работы в Генштаб. Все шло нормально, и работал он хорошо. Но однажды, перед тем как ехать к Сталину, я взял Иванова с собой и по прибытии в Кремль сам отправился в кабинет Сталина, а его попросил побыть в комнате телеграфных переговоров Ставки и установить связь с командованием Южного фронта, но никого к аппарату не вызывать до моих указаний. У Сталина я получил, как это И частенько бывало, нагоняй, в данном случае за тяжелое положение на юге и указания немедленно связаться по телеграфу с командующим Южного фронта — генерал-лейтенантом Р. Я. Малиновским, уточнить у него на данный момент фронтовую обстановку и получить ответы на целый ряд вопросов, интересовавших Ставку. Во время моей беседы с Малиновским, при которой тут же присутствовал и В. Д. Иванов, в переговорную вошел Сталин в сопровождении некоторых из членов Политбюро. Послушав мой разговор, Сталин рукой отстранил меня от аппарата и, не говоря о себе, сам повел разговор с Малиновским, и разговор куда более внушительный и доходчивый, чем мой. Малиновский потом делился со мной, что он сразу не мог понять, что к чему, но очень быстро до него дошло, что отчитывает его не Василевский, а сам Сталин.

Закончив свой разговор с Малиновским, Сталин вернулся в кабинет, а я продолжал говорить с Родионом Яковлевичем. Когда я вошел затем к Сталину, он строго спросил меня:

— Это тот самый Иванов, который солгал нам о Штерне? Он опять на своем тепленьком местечке. Выгнать его немедленно!

Я стал упрашивать оставить его в аппарате Оперуправления, так как работы уйма, а квалифицированных работников мало.

Сталин помолчал-помолчал, потом ответил:

— Ну черт с вами, только чтобы здесь я его больше не видел.

Владимир Дмитриевич хорошо работал и помогал мне. В период Сталинградской операции и операций на Верхнем Дону он был со мной на фронте и в период борьбы за Харьков был тяжело ранен и эвакуирован. По излечении он продолжал отлично нести ответственную работу на фронте, в частности, при проведении Дальневосточной кампании в 1945 году в роли заместителя командующего Забайкальского фронта он выполнил ряд сугубо важных заданий. После войны он до самой смерти также отлично работал на весьма важных постах в Вооруженных Силах — первого заместителя начальника Генерального штаба и затем начальника Академии Генерального штаба.

Я привел этот случай с В. Д. Ивановым, чтобы еще раз показать, насколько был нетерпим Сталин к малейшей неаккуратности при исполнении служебных заданий и как трудно было к нему вновь войти в доверие. Резкость и суровость Сталина в таких случаях не знали пределов.

Сталин как Верховный Главнокомандующий в большинстве случаев требовал справедливо, хотя и жестко. Его директивы и приказы указывали командующим фронтов на ошибки и недостатки, учили умелому руководству всевозможными военными действиями. Получали иногда соответствующие указания и мы, представители Ставки. В книге мною приведено немало тому примеров. Приведу еще один. Во-первых, потому, что он сам по себе достаточно любопытен, а во-вторых, он характеризует в определенной степени военное мышление и оперативность И. В. Сталина при принятии решений.

Это было в 1943 году в боях за Днепр. Когда я при очередном телефонном докладе Сталину подчеркнул, что задержка в быстром осуществлении наших планов на Нижнем Днепре вызывается нехваткой сил, которые мы, выполняя утвержденные и продиктованные Ставкой решения, вынуждены дробить здесь между несколькими направлениями, решая целый ряд задач одновременно, Сталин ответил:

— Если это так, то и не надо наступать сразу всюду. Поставьте Толбухина в оборону, ограбьте его и отдайте все, что можно, Малиновскому, пусть он наступает. Потом,"когда основные задачи, стоявшие перед Малиновским, будут решены, поставьте его в оборону, ограбьте его, отдайте максимум возможного Толбухину и толкайте его в наступление. Вот это и будет правильная координация сил двух фронтов.

Я нарочно оставляю без изменения выражения, примененные Верховным, чтобы передать читателю обычный колорит его речи. Он говорил, как правило, точно, скупо и прямо.

Приходилось разное слышать по поводу личного знакомства Сталина с жизнью фронтов. Он действительно, как я уже отмечал, выезжал на Западный и Калининский фронты в августе 1943 года. Поездка на автомашинах протекала два дня и, безусловно, оказала влияние на моральный дух войск.

На мой взгляд, для Сталина, возглавлявшего руководство партией, страной в целом, не было острой необходимости в таких выездах. Наиболее выгодным и для фронта, и для страны являлось его пребывание в ЦК партии и Ставке, куда сходились все нити телефонной и телеграфной связи и потоком шла раз

нообразная информация. Верховному Главнокомандующему регулярно докладывали командующие фронтами об обстановке на фронтах и всех существенных изменениях в ней. На фронтах, кроме того, находились представители Генерального штаба и главных управлений Наркомата обороны. Большая информация шла Ставке также от политорганов фронтов через Главное политическое управление Красной Армии. Так что у Верховного Главнокомандующего имелась обширная информация на каждый день, а иногда и на каждый час о ходе военных действий, нуждах и трудностях командования фронтов, и он мог, находясь в Москве, оперативно и правильно принимать решения.

У Сталина была удивительно сильная память. Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий, а также руководящих работников Наркомата обороны, не говоря уже о руководящем составе центрального и областного партийного и государственного аппарата. В течение всей войны И. В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование.

Сошлюсь на один небольшой случай, который обескуражил меня, но который в какой-то мере подтверждает сказанное.

В один из ноябрьских вечеров 1941 года в период жесточайших оборонительных боев за Москву Сталин при моем личном докладе ему о положении на фронте, установив, что я в результате напряженнейшей работы чрезмерно переутомился, вызвал в кабинет своего секретаря А. Н. Поскребышева и попросил его немедленно выяснить в санатории Архангельское, можно ли там обеспечить хороший отдых в эту ночь Василевскому. Быстро был получен ответ, что санаторий готов меня принять. Сталин приказал мне немедленно по возвращении к себе отправиться в санаторий и до утра как следует поспать... В Генштабе меня уже ожидал начальник Главного военно-санитарного управления Наркомата обороны Ефим Иванович Смирнов. Выполняя указания Сталина, мы отправились в Архангельское. К нашему приезду был готов ужин, но не успел я сесть за стол, как Сталин позвал меня к телефону. Он попросил меня напомнить, где находится Иваново-Вознесенская ополченческая дивизия. «Я что-то забыл», — добавил он.

Я не жаловался в те времена на свою память, но замешкался — дивизия передислоцировалась, и я не смог сразу назвать точно место ее нахождения на данный момент. Сталин немно

го подождал, а потом говорит: «Ладно, не надо, я вспомнил», — и повесил трубку. Такая память давала Сталину преимущество как Верховному Главнокомандующему. Он не нуждался в постоянных справках, хорошо знал обстановку на фронтах, положительные стороны и недостатки военачальников, возможности промышленности удовлетворять запросы фронтов, наличие в распоряжении Ставки запасов вооружения, артиллерии, танков, самолетов, боеприпасов, горючего, так необходимых войскам, и сам распределял их по фронтам.

Сталину были присущи большие организаторские способности. Он сам много работал, но и умел заставить работать в полную меру сил других, выжать из них все, что они могли дать.

Однако было бы неверно рассматривать Сталина лишь с одной точки зрения. Прямо скажу, что характер у него был на редкость нелегкий, вспыльчивый, непостоянный. Сталин трудно сходился с человеком, долго присматривался к нему. Я уже писал, как не сразу допустил он к работе в Ставке заместителя начальника Генерального штаба А. И. Антонова. Но как только узнал его, проникся к нему уважением, и, когда пришла пора в 1945 году переключить меня для работы в качестве комфрон- та, он пошел на то, чтобы назначить его начальником Генерального штаба.

Если Сталин был чем-либо недоволен, а в войну, особенно в ее начале, поводов для этого имелось много, он мог резко и несправедливо отругать. Но в ходе войны он заметно изменился. К нам, работникам Генштаба и главных управлений Наркомата обороны, командующим фронтами, стал относиться сдержаннее, спокойнее даже тогда, когда на фронте что-то случалось неладное. Встречаться с ним стало гораздо проще, чем ранее. Видимо, война, ее повороты, наши неудачи и успехи оказали влияние на характер Сталина.

Такую же мысль высказал однажды К. Е. Ворошилов.

В последних числах марта 1944 года я встретился с ним, как уже отмечалось, в Мелитополе, чтобы решить вопросы, связанные с взаимодействием войск 4-го Украинского фронта с войсками Отдельной Приморской армии, где К. Е. Ворошилов являлся представителем Ставки. Когда все вопросы были решены, мы остались с Климентом Ефремовичем наедине у него в вагоне и разговорились на разные темы, в том числе о характере Сталина. Вечер был теплый, тихий, и погода, да и обстановка на фронте располагали к «душевной» беседе, и Климент Ефремович довольно охотно отвечал на мои вопросы. Когда я спросил:

неужели нельзя было раньше высказывать Сталину в необходимых случаях свои возражения, ведь сейчас, в период войны, на заседаниях Политбюро или ГКО при обсуждении того или иного принципиального вопроса, касающегося ведения вооруженной борьбы или развития народного хозяйства, вопреки высказанному Сталиным мнению члены Политбюро довольно смело и настойчиво вносят свои предложения, и они Сталиным не только не отвергаются, но и охотно обсуждаются; и если предложение разумно, оно принимается.

Точно так же и при работе в Ставке мы, военные, имеющие прямое отношение к вооруженной борьбе, вносим свои предложения, и Сталин считается с нами.

Климент Ефремович, подумав, ответил:

— Раньше Сталин был не таким. Наверное, война научила его многому. Он, видимо, понял, что может ошибаться и его решения не всегда могут быть самыми лучшими и что знания и опыт других могут также быть полезными. Сказались на Сталине и годы: до войны он был моложе и самоувереннее...

О личной жизни Сталина мне писать почти что нечего. Да, видимо, это и не имеет значения. По моим наблюдениям, у Сталина мало оставалось времени для отдыха и культурных развлечений, если не считать эпизодических посещений им театра й просмотра кино. Сталин вел жизнь человека, целиком занятого государственными делами.

После того как советские войска освободили Минск, Сталин был в прекрасном, приподнятом настроении. Как-то в один из вечеров он пригласил к себе на квартиру группу военачальников, чтобы отметить такое большое событие. На прием к И. В. Сталину С. М. Буденный пришел с баяном, и это создало непринужденную праздничную обстановку. Сталин первым положил начало откровенности и дружественности в отношениях между присутствующими. Произносились тосты, пели, кое-кто плясал. Сталин с удовольствием смотрел на пляшущих, подбадривал, а потом всех обнимал и некоторых даже целовал. За время неудач советских войск он много выстрадал, сейчас же был глубоко удовлетворен ходом военных действий на фронтах и не хотел скрывать своих чувств.

В ряде книг приведено немало интересных сведений о жизни Сталина. Но в некоторых из них, к сожалению, содержатся не совсем точные данные. Ради истины остановлюсь и на них.

Приходилось читать, что Сталин не был в первые месяцы войны во время налетов немецко-фашистской авиации на Москву в особняке на улице Кирова и станции метро «Кировская». Это, конечно, неверно. Сталин многократно бывал и в доме на улице Кирова, и в станции метро «Кировская», где для членов Политбюро ЦК ВКП(6) была оборудована специальная комната.

Не совсем точно показано также рабочее место Сталина. Пишут, что Сталин работал за письменным столом. За все время войны, а я бывал у него в это время часто, да и после войны ни разу не видел, чтобы он что-то за этим столом писал. Документы и бумаги действительно лежали на этом столе. Но читал ли он документы, писал ли — он всегда сидел за длинным концом стола заседаний. Отработает документы, берет и относит на письменный стол, а оттуда берет новую пачку бумаг.

Полностью согласен с Г. К. Жуковым по поводу злополучного глобуса. Его в рабочем кабинете И. В. Сталина не было, он находился в его комнате отдыха, а туда мало кто приглашался. У Сталина всегда имелись подготовленные Генштабом рабочие карты по всем направлениям и театрам войны, в каких была необходимость.

И еще деталь. Сталин любил пить чай. Обычно во время заседания он нажимает кнопку, Поскребышев приносит стакан чаю и лимон. Сталин берет и выжимает в стакан лимон, затем идет в комнату отдыха, приносит бутылку армянского коньяка, льет из нее в чай ложку или две и тут же уносит бутылку обратно и потом во время работы пьет чай по глотку...

Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. Во всяком случае, мне этого не приходилось слышать. Звание Героя Советского Союза и звание Генералиссимуса ему было присвоено по письменному представлению в Политбюро ЦК партии командующих фронтами^ И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями. О просчетах же, допущенных в годы войны, он сказал народу честно и прямо в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года...[1]

[1] *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 212, 213, 222, 223, 246, 494, 495, 497, 498—504.

«ЛИШНИХ СЛОВ НЕ ЛЮБИЛ...»

...Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивавшая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: «А что вы думаете по этому поводу?» или «А как вы относитесь к такому предложению?». Причем характерный акцент делался именно на слове «вы». Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

...Следует, видимо, упомянуть и о том, что на заседаниях и совещаниях, которые проводил И. В. Сталин, обсуждение вопросов и принятие по ним решений осуществлялись нередко без протокольных записей, а часто и без соответствующего оформления решений. Случалось, что кому-то из участников совещания или заседания поручалось подготовить предложения, пере

работанные с учетом состоявшегося обмена мнениями, и представить на подпись.

Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их[1].

Шарль де Голль

СТАЛИН

Во всяком случае, известия, приходившие из различных источников, создавали впечатление, что русские армии, понесшие урон в первых сражениях с наступавшими немцами, постепенно вновь обретали свою силу, что весь народ целиком поднимался на борьбу и что в эти дни национальной угрозы СтаЛйн, который сам возвел себя в ранг маршала и никогда больше не расставался с военной формой, старался выступать уже не столько как полномочный представитель режима, сколько как вождь извечной Руси[2].

Сикорский имел длительную беседу со Сталиным. По возвращении, рассказывая мне о своих переговорах, он изобразил мне Кремлевского властелина как человека, объятого тревогой, но сохраняющего при этом всю свою проницательность, суровость и хитрость. «Сталин, — сказал мне Сикорский, — в принципе согласился с заключением договора. Но то, что он включит в этот договор сам и то, что он потребует от нас, будет зависеть от соотношения наличных сил, то есть от того, встретим ли мы поддержку на Западе или нет[3].

[1] *Устинов Д.Ф.* Во имя победы. Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 91—92.

[2] *Де Голль Шарль.* Военные мемуары. М., 1957. Кн. I. С. 254.

[3] Там же. С. 275.

Конференция, происходившая в Тегеране в декабре 1943 года, только усилила их опасения. Разумеется, участники конференции — Рузвельт, Сталин и Черчилль — не скупились на успокоительные декларации и утверждали, что они встретились для обсуждения стратегических вопросов. Однако просочившиеся сведения были отнюдь не утешительными для эмигрантских правительств. Вопреки официальным секретам, они выведали самое существенное из того, что происходило в Тегеране. Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии[1].

Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определенную[2].

Уэнделл Уилки дал понять, что Черчилль и Гарриман вернулись из своей поездки в Москву неудовлетворенными. Они оказались перед загадочным Сталиным, его маска осталась для них непроницаемой[3].

Генерал армии С. М. Штеменко

У ХОЗЯИНА БЛИЖНЕЙ ДАЧИ

...Прихожая была пуста. Стояла глубокая тишина. Я открыл дверь в столовую. Никого... Потолкался на месте, кашлянул в

[1] *Де Голль Шарль.* Военные мемуары. Кн. II. М., 1960. С. 235—236.

[2] Там же. С. 239.

[3] Там же. С. 430.

кулак, чтобы привлечь к себе внимание обитателей дома. Опять никого... Вот тебе и вызов для доклада! Не было еще случая, чтобы И. В. Сталин не принимал человека, если вызывал к себе.

Неожиданно открылась дверь направо, ведшая в коридор, и появилась фигура в овчинном тулупе до пят с высоко поднятым воротником. Из-под полы тулупа виднелись поднятые вверх носы больших черных валенок, подшитых толстым войлоком.

Фигура, от которой исходил крепкий запах леса, похлопала рукавами тулупа и сказала голосом И. В. Сталина: «Сейчас, товарищ Штеменко, пройдите в кабинет. Я буду через минуту...»

Теперь все стало ясно: Сталин имел обыкновение отдыхать в зимние дни на веранде. Он лежал там в валенках, меховой шапке-ушанке, плотно завернувшись в широкий овчинный тулуп. Оказывается, я попал как раз в такое время.

Вскоре Верховный Главнокомандующий в привычном сером костюме военного покроя, в мягких сапогах и с неизменной трубкой в руке уже слушал мой доклад. Просмотрев карты, он задал несколько вопросов относительно условий маневра войсками и материальными средствами на северном фланге советско-германского фронта. Я ответил, йе забывая, что И. В. Сталин хорошо знает театр еще со времен советско-финляндской войны.

Верховный Главнокомандующий не перебивал, а потом, прохаживаясь по кабинету, стал рассуждать о последовательности операций советских войск. Я записывал в рабочую тетрадь смысл его рассуждений, который сводился к тому, что если Ленинградскому фронту предстояло провести несколько одновременных операций на Карельском перешейке, то Карельскому фронту на огромных пространствах севера придется проводить две такие операции, причем последовательно: сперва — против финнов, потом — против немецко-фашистских войск.

И. В. Сталин подошел к камину, подбросил несколько поленьев в уже угасавшее пламя. Затем сказал, что нам, однако, нельзя ни в коем случае ослаблять северный участок Карельского фронта против 20-й Лапландской армии немцев. Нужно держать там наши войска в полной готовности к немедленному удару, не давая врагу возможности сманеврировать частью сил на юг. Теперь, на данной стадии войны, советское Верховное Главнокомандование может себе позволить такое резервирование сил[1].

[1] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. С. 378—379.

О КАРТАХ

...Когда Николай Федорович (Ватутин, командовавший фронтом. — *М. Л.)* рассказал нам о своей беседе с Верховным, я не смог скрыть удивления тщательностью, с которой Ставка анализировала боевые действия, и у меня невольно вырвалось:

— По каким же картам следит Верховный за нашими действиями, если видит больше и глубже нас?

Николай Федорович улыбнулся:

— По двух- и пятисоттысячным за фронтом и по стотысячным за каждой армией. Главное же, на то он и Верховный, чтобы подсказывать нам, поправлять наши ошибки...[1]

МАТЕРИАЛЫ КРЫМСКОЙ (ЯЛТИНСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ

(4—11 февраля 1945 г.)

Касаясь толкования американских предложений, сделанных на заседании, Сталин говорит, что, как ему кажется, решения, принятые в Думбартон-Оксе, имеют своей целью обеспечить различным странам не только право высказывать свое мнение. Такое право дешево стоит. Его никто не отрицает. Дело гораздо серьезнее. Если какая-либо нация поднимет вопрос, представляющий для нее большую важность, она сделает это не для того, чтобы только иметь возможность изложить свое мнение, а для того, чтобы добиться решения по нему. Среди присутствующих нет ни одного человека, который оспаривал бы право наций высказываться в Ассамблее. Однако не в этом суть дела. Черчилль, по-видимому, считает, что если Китай поднимет вопрос о Гонконге, то он пожелает только высказаться. Неверно. Китай потребует решения. Точно так же если Египет поднимет вопрос о возврате Суэцкого канала, то он не удовлетворится тем, что выскажет свое мнение по этому поводу. Египет потребует решения вопроса. Вот почему сейчас речь идет не просто об обеспечении возможности излагать свои мнения, а о гораздо более важных вещах.

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. М., 1972. С. 151.

Черчилль высказывал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром. Но кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают. *(Смех и красноречивый жест президента.)* Англия? Тоже нет. *(Смех и красноречивый жест Черчилля.)* Итак, две великие державы выходят из сферы подозрений. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Его друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром.

Черчилль вставляет, что сам он не верит, конечно, в стремление к мировому господству со стороны кого-либо из трех союзников. Однако положение этих союзников столь могущественно, что другие могут так подумать, если не будут приняты соответственные предупредительные меры.

Сталин, продолжая свою речь, заявляет, что пока две великие державы приняли устав международной организации безопасности, который, по мнению Черчилля, защитит их от обвинений в желании властвовать над миром. Третья держава еще не дала своего согласия на этот устав. Однако он изучит предложения, сформулированные Стеттиниусом, и, возможно, тогда ему станет яснее, в чем тут дело. Он думает, однако, что перед союзниками стоят сейчас гораздо более серьезные проблемыГчем вопрос о праве наций на высказывание своего мнения или вопрос о стремлении трех главных держав к мировому господству.

Черчилль говорил, что нет оснований опасаться чего-нибудь нежелательного даже в случае принятия американских предложений. Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир по крайней мере на 50 лет вперед. Или, может быть, он, Сталин, думает так по своей наивности?

Самое же важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя держа

вами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача.

Переходя более конкретно к вопросу о голосовании в Совете Безопасности, Сталин просит конференцию извинить его за то, что он не успел изучить во всех деталях документы, относящиеся к Думбартон-Оксу. Он был очень занят кое-какими другими делами и потому надеется на снисхождение со стороны британской и американской делегаций.

Рузвельт и Черчилль жестами и возгласами дают понять, что им хорошо известно, чем был так занят Сталин.

Сталин, продолжая, говорит, что, насколько он понимает, все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории. К первой категории относятся те споры, для разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких- либо других санкций. Ко второй категории относятся те споры, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций. Правильно ли его понимание?

Рузвельт и Черчилль отвечают, что правильно.

Сталин далее заявляет, что, насколько он понял, при обсуждении конфликтов первой категории предполагается свобода дискуссий, но требуется единогласие постоянных членов Совета при принятии решения. В этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании, то есть держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь. Что же касается конфликтов второй категории, которые разрешаются мирными средствами, то тут предполагается иная процедура: держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании. Сталин спрашивает, правильно ли он понимает положение.

Рузвельт и Черчилль вновь подтверждают, что Сталин вполне правильно понимает положение.

Сталин, заканчивая, говорит, что Советский Союз обвиняют в излишнем заострении вопроса о голосовании в Совете Безопасности. Советский Союз упрекают в том, что он поднимает слишком большой шум по этому поводу. Да, Советский Союз действительно обращает большое внимание на процедуру голо

сования, ибо Советский Союз больше всего заинтересован в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь все решения принимаются с помощью голосования. Дискутировать можно сто лет и при этом ничего не решить. Для нас же важны решения. Да и не только для нас.

Вернемся на момент к приводившимся сегодня примерам. Если Китай потребует возвращения Гонконга или Египет потребует возвращения Суэцкого канала, то вопрос об этом будет голосоваться в Ассамблее и в Совете Безопасности. Сталин может заверить своего друга Черчилля в том, что Китай и Египет при этом окажутся не одинокими. В международной организации у них найдутся друзья. Это имеет прямое отношение к вопросу о голосовании.

Черчилль заявляет, что если бы названные страны потребовали удовлетворения своих претензий, то Великобритания сказала бы «нет». Власть международной организации не может быть использована против трех великих держав.

Сталин спрашивает, действительно ли это так.

Иден отвечает, что страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав.

Сталин еще раз спрашивает, действительно ли это так.

Черчилль и Рузвельт отвечают утвердительно.

Стеттиниус заявляет, что без единогласия постоянных членов Совет Безопасности не может предпринять никакйх санкций.

Черчилль говорит, что международная организация безопасности не ликвидирует дипломатических отношений между ве- . ликцми и малыми странами. Дипломатическая процедура будет продолжать свое существование. Будет неправильно преувеличивать власть или злоупотреблять ею или возбуждать такие вопросы, которые могут разъединить три главные державы.

Сталин говорит, что имеется другая опасность. Его коллеги не могут забыть того, что во время русско-финской войны англичане и французы подняли Лигу Наций против русских, изолировали Советский Союз и исключили его из Лиги Наций, мобилизовав всех против СССР. Надо создать преграду против повторения подобных вещей в будущем.

Иден заявляет, что этого не сможет случиться, если будут приняты американские предложения.

Черчилль подтверждает, что в указанном случае подобная опасность будет исключена.

...Черчилль спрашивает: нельзя ли сейчас обсудить польский вопрос?

Сталин и Рузвельт соглашаются с предложением Черчилля.

Рузвельт заявляет, что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5—6 миллионов лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы «не потерять лицо».

Сталин спрашивает, о каких поляках идет речь: о настоящих или об эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт отвечает, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти «свое лицо». Его положение как президента было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить «лицо». Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание...

...Прежде всего о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе.

...Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его неде- мократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия.

...В заключение Сталин хотел бы коснуться еще одного вопроса, очень важного зопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он как военный требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов для военных довольно безразлично, какое это будет правительство; важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися «силами внутреннего сопротивления». Как военный Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со CBQHMH задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от «сил внутреннего сопротивления» мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти «силы» уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать.

В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше — вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело.

Рузвельт предлагает отложить обсуждение польского вопроса до завтра.

Черчилль говорит, что у Советского правительства и британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 7_3 польского народа. Таково мнение британского правительства. Конечно, тут возможна ошибка. Нельзя, разумеется, верить каждому рассказу людей, приезжающих из Польши. Британское правительство хочет соглашения, так как опасается, что столкновения польской подпольной армии с люблинским правительством могут привести к кровопролитию и многочисленным арестам. Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя как опирающееся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небезупречна.

Рузвельт заявляет, что польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль.

Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству.

Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать[1].

А. А. Громыко

СТАЛИН НА КОНФЕРЕНЦИЯХ

На Крымской, а впоследствии и на Потсдамской конференциях мне довелось работать и находиться вблизи Сталина. Рассказ вкратце о нем, возможно, заслуживает внимания. Рассказ о некоторых чертах его характера, его поведения, некоторых приемах общения с людьми — прежде всего через призму конференций.

В дни Ялтинской конференции Рузвельт приболел. Сталин захотел навестить больного. Он пригласил наркома иностранных дел В. М. Молотова и меня сопровождать его во время визита.

[1] Крымская (Ялтинская) конференция трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1979. С. 93—103.

В тот день заседание участников конференции было отменено, и мы пошли в покои президента, где когда-то почивала царица. Они находились здесь же, на втором этаже Ливадийско- го дворца. Из окна открывался отличный вид на море, и картина ласкала взор.

Президент лежал в постели и обрадовался, едва увидев гостей. Мы приветливо поздоровались. Выглядел он усталым, в таких случаях говорят: на нем лица нет. Тяжелая болезнь подтачивала силы этого человека. Рузвельт, конечно, страдал, но старался этого не показывать. Не надо было быть психологом, чтобы все это заметить.

Мы посидели возле него некоторое время. Видимо, минут двадцать. Сталин с ним обменялся вежливыми фразами о здоровье, о погоде и красотах Крыма. Я пристально наблюдал за президентом и думал, глядя на него, что у Рузвельта какой-то отрешенный взгляд. Он как будто всех нас видел и в то же время смотрел куда-то вдаль.

Вышли из его комнаты и начали спускаться по узкой лестнице. Сталин вдруг остановился, вытащил из кармана трубку, неторопливо набил ее табаком и тихо, как бы про себя, но так, чтобы слышали Молотов и я, обронил:

— Ну скажите, чем этот человек хуже других, зачем природа его наказала?

После того как мы спустились на первый этаж, Сталин задал мне вопрос:

— Правду говорят, что президент по происхождению не из англичан?

Как бы размышляя вслух, он продолжил:

— Однако по своему поведению и манере выражать мысли он больше похож на англичанина, чем Черчилль. Последний как-то меньше контролирует свои эмоции. Рузвельт же, наоборот, сама рассудительность и немногословность.

Чувствовалось, Сталин не прочь услышать, что мне известно о родословной Рузвельта. Я сказал:

— У американского президента предки были голландского происхождения. Это установлено точно. Но рядовой американец как-то не проявляет к такой теме особого интереса. А литература на этот счет скупа.

На следующий день Рузвельт уже был в форме, и заседания конференции возобновились. Но усталость, которая отчетливо была заметна на лице президента, не покидала его до самого окончания ялтинской встречи.

Рузвельту тогда оставалось жить всего около двух месяцев.

Откровенно говоря, — я уже повторяю эту мысль, — Сталин симпатизировал Рузвельту как человеку, и он ясно давал это нам понять, рассуждая о болезни президента. Нечасто Сталин дарил симпатии деятелям другого социального мира и еще реже говорил об этом.

Были и другие случаи выражения своих чувств со стороны Сталина по отношению к тем или иным людям. Например, Сталин в период Потсдамской конференции при всех участниках расцеловал скрипачку Баринову и пианиста Гилельса, которые прекрасно выступили после официального обеда.

Несмотря на жесткость в характере, Сталин давал выход и положительным человеческим эмоциям, однако это случалось очень редко.

Возможно, уместно сказать более подробно о Сталине — и как о деятеле, и как о человеке — на основе того, что сохранилось в моей памяти. Все, что здесь говорится о нем, — впечатления от встреч, обобщение личных наблюдений во время заседаний, когда мне приходилось докладывать некоторые вопросы, оставшиеся в памяти эпизоды, имевшие место в ходе конференций, во время бесед в период пребывания в Советском Союзе иностранных государственных деятелей, — все это, вместе взятое, впоследствии переросло в какой-то образ человека, каким я его тогда воспринимал.

При этом я, разумеется, не ставил себе цель изучить, кто такой Сталин, что он собой представляет. Просто наблюдал его, будучи занят конкретной работой по выполнению служебных обязанностей. Отложившиеся впечатления о нем — это побочный результат, и я вовсе не хочу представить его как неоспоримую истину.

Военные знают — бывало так в боях — высаживают два десанта: один основной, а другой дополнительный, второстепенный, отвлекающий. Развиваются боевые действия, и вдруг этот второстепенный со временем становится значительным, а порой важным и, наконец, главным. Так бывает не только во время войны, но и в обычные дни. мирной жизни: делаешь сразу два дела — свое, повседневное и, кроме того, что-то попутное. И глядишь, то, что считал чем-то для себя личным, если хотите, интимным, через некоторое время становится особым, значительным, необходимым и для людей. Вот и кажется мне теперь, что рассказ о нестандартной фигуре Сталина, к которой не раз еще будут обращаться историки, представляет интерес, особенно если об этом вспоминают люди, с ним общавшиеся.

Вполне возможно, кое-что из моих впечатлений может не совпадать с тем, что о нем сказано, написано и, наверно, еще будет написано другими. Фактом является то, что присущие ему черты проявлялись по-разному в различных обстоятельствах и при различных встречах. Даже определенно, что так оно и было. Но, в конце концов, любой оригинал всегда богаче копии, особенно когда речь идет о личности такого масштаба и такой драматической судьбы, как Сталин.

Конечно, все, кто окружал Сталина или находился близко к нему хотя бы временами, и особенно мы, тогда относительно молодые люди, всегда внимательно за ним наблюдали. Собственно, каждое его слово, каждый жест ловил любой из присутствовавших. Никто в этом не видел ничего удивительного. Ведь чем внушительнее выглядит грозовая туча, тем с большей опаской на нее смотрит человек.

Для его современника уже пребывание рядом со Сталиным, тем более разговор с ним или даже присутствие при разговоре, возможность услышать его высказывания в узком кругу представлялись чем-то особым. Ведь свидетель того, что говорил и делал Сталин, сознавал, что перед ним находится человек, от воли которого зависит многое в судьбе страны и народа, да и в судьбе мира.

Это вовсе не противоречит научному, марксистскому взгляду на роль личности в истории. Выдающиеся личностр^ являются продуктом условий определенного конкретного времени. Но, с другой стороны, эти люди могут сами оказывать и оказывают влияние на развитие событий, на развитие общества. Маркс, Энгельс, а затем и Ленин глубоко обосновали это в своих философских трудах.

Что бросалось в глаза при первом взгляде на Сталина? Где бы ни доводилось его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Я никогда не замечал, чтобы сказанное им не выражало его определенного отношения к обсуждаемому вопросу. Вводных слов, длинных предложений или ничего не выражающих заявлений он не любил. Его тяготило, если кто-либо говорил многословно и было невозможно уловить мысль, понять, чего же человек хочет. В то же время Сталин мог терпимо, более того, снисходительно относиться к людям, которые из-за своего уровня развития испытывали трудности в том, чтобы четко сформулировать мысль.

Глядя на Сталина, когда он высказывал свои мысли, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно

выразительными были глаза, он их временами прищуривал. Это делало его взгляд еще острее. Но этот взгляд таил в себе и тысячу загадок.

Лицо у Сталина было чуть полноватое. Мне случалось, и не раз, уже после смерти Сталина слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что же, коли эти следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал.

Сталин имел обыкновение, выступая, скажем, с упреком по адресу того или иного зарубежного деятеля или в полемике с ним, смотреть на него пристально, не отводя глаз в течение какого-то времени. И надо сказать, объект его внимания чувствовал себя в эти минуты неуютно. Шипы этого взгляда пронизывали.

Когда Сталин говорил сидя, он мог слегка менять положение, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, иногда мог легким движением руки подчеркнуть мысль, которую хотел выделить, хотя в целом на жесты был очень скуп. В редких случаях повышал голос. Он вообще говорил тихо, ровно, как бы приглушенно. Впрочем, там, где он беседовал или выступал, всегда стояла абсолютная тишина, сколько бы людей ни присутствовало. Это помогало ему быть самим собой.

Речам Сталина была присуща своеобразная манера. Он брал точностью в формулировании мыслей и, главное, нестандартностью мышления.

Что касается зарубежных деятелей, то следует добавить, что Сталин их не особенно баловал своим вниманием. Уже только поэтому увидеть и услышать Сталина считалось у них крупным событием.

В движениях Сталин всегда проявлял неторопливость. Я никогда не видел, чтобы он, скажем, заметно прибавил шаг, куда-то спешил. Иногда предполагали, что с учетом обстановки Сталин должен поскорее провести то или иное совещание, быстрее говорить или торопить других, чтобы сэкономить время. Но этого на моих глазах никогда не было. Казалось, само время прекращает бег, пока этот человек занят делом.

Очень часто на заседаниях с небольшим числом участников, на которых иногда присутствовали также товарищи, вызванные на доклад, Сталин медленно расхаживал по кабинету. Ходил и одновременно слушал выступающих или высказывал свои мысли. Проходил несколько шагов, приостанавливался, глядел на докладчика, на присутствующих, иногда приближался к ним, пытаясь уловить их реакцию, и опять принимался ходить.

Затем он направлялся к столу, садился на место председательствующего. Присаживался на несколько минут. Были и такие моменты. Наступала пауза. Это значит, он ожидал, какое впечатление на участников произведет то, о чем идет речь. Либо сам спрашивал:

— Что вы думаете?

Присутствовавшие обычно высказывались кратко, стараясь по возможности избегать лишних слов. Сталин внимательно слушал. По ходу выступлений, замечаний участников он подавал реплики.

В кинофильмах, сделанных через много лет после его смерти, иногда показывают заседания Политбюро, когда он встает и ходит, в то время как другие участники заседания сидят. Да, это так и было, коль скоро речь идет о заседаниях внутреннего плана.

Однако мне приходилось видеть его и на международных конференциях, когда он всегда сидел, внимательно слушал выступающих. Поднимался от стола, только если объявлялся перерыв или заседание уже заканчивалось.

Обращало на себя внимание то, что Сталин не носил с собой никогда никаких папок с бумагами. Так он появлялся на заседаниях, на любых совещаниях, которые проводил. Так приходил и на международные встречи — в ходе конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Не видел я никогда в его руках^на таких заседаниях ни карандаша, ни ручки. Он на виду не вел никаких записей.

Любые необходимые материалы у него, как правило, находились под рукой, в его кабинете. Работал Сталин и по ночам. С ночной работой он был даже более дружен, чем с дневной.

Приходил он на совещания или на заседания международных конференций подготовленным. Когда делегация вместе с ним шла на заседание, то всегда знала, о чем он будет говорить. От Советского Союза почти всегда выступал только он. По внешним делам его главной опорой был В. М. Молотов. Если нужно, в определенный момент Сталин, склонившись над столом, советовался с кем-либо из членов делегации и потом высказывал свое мнение.

Запомнился такой случай. Произошел он во время одного заседания. На нем мне пришлось докладывать некоторые международные вопросы, связанные с последствиями войны. В ходе обсуждения говорилось о том, как гитлеровцы пытались использовать в своих интересах Балканские страны, заигрывая с

их правящей верхушкой и не понимая, что народ и верхушка — это не одно и то же.

Речь зашла, в частности, о Болгарии, народ которой гитлеровцы третировали, считая его отсталым, но делали реверансы перед монархическими кругами страны. Сталин высказался так:

— Политика Гитлера в отношении Болгарии, рассчитанная на то, чтобы приобрести в ней союзника, основывалась, помимо прочего, еще и на прусской спеси. Немцы полагали, что якобы отсталых болгар вовсе не трудно повернуть в нужную для Германии сторону.

При этом Сталин встал из-за стола. Потом продолжил:

— Только прусское зазнайство и чванство объясняют такое отношение к Болгарии.

Сделал паузу и, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Исторические факты говорят о том, что болгарский народ ничуть не ниже немцев по уровню своего общего развития. В давние времена, когда предки немцев еще жили в лесах, у болгар уже была высокая культура.

Это высказывание Сталина о болгарах очень понравилось всем присутствовавшим, которые с ним солидаризировались.

Однажды разговор зашел о бессмысленности упорства гитлеровского командования и сопротивления немцев в конце войны, когда дело фашизма уже было проиграно, только слепые не могли этого видеть. Говорили об этом несколько человек. Сталин внимательно всех выслушал, а потом, как будто подводя итог услышанному по этому вопросу, сказал сам:

— Все это так. Я согласен с вами. Но в то же время нельзя не отметить одно характерное для немцев качество, которое они уже не раз демонстрировали в войнах, — упорство, стойкость немецкого солдата.

Тут же он высказал и такую мысль:

— История говорит о том, что самый стойкий солдат — это русский; на втором месте по стойкости находятся немцы; на третьем месте...

Несколько секунд он помолчал и добавил:

— ...поляки, польские солдаты, да, поляки.

Товарищи, участвовавшие в заседании, согласились с тем, что эта характеристика справедлива. На меня лично она произвела большое впечатление. Немецкая армия, по существу, уже была разгромлена, потерпела в войне сокрушительное поражение. Казалось бы, эту армию агрессора, армию насильников, гра

бителей и палачей он должен был охарактеризовать в самых резких выражениях и с точки зрения личностных качеств солдата. Между тем Сталин дал немецкому солдату оценку в историческом плане, основываясь на фактах, оставив эмоции в стороне.

Сталин относился к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки, веру в силы и возможности партии коммунистов, народа, его вооруженных сил. Патриотизм советских людей, их священный гнев в отношении фашистских захватчиков вселяли в партию, ее Центральный Комитет, в Сталина уверенность в конечной победе над врагом. Без этого победа не стала бы возможной.

Позже выяснилось, что напряжение и колоссальные трудности военного времени не могли не подточить физические силы Сталина. И приходится лишь удивляться тому, что, несмотря на работу, которая, конечно, изнуряла его, Сталин дожил до Победы.

А сколько крупных государственных и военных деятелей подорвали свои силы, и война безжалостно скосила их — нет, не на фронте, а в тылу! Таким был, например, Борис Михайлович Шапошников, начальник Генерального штаба Красной Армии в самое тяжелое время боев в июле 1941 — мае 1942 года, впоследствии крупный советский военачальник, единственный наш маршал, не доживший до Победы, — он умер за несколько дней до нее. Таким был крупный государственный и партийный деятель, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) Александр Сергеевич Щербаков, ушедший из жизни рано, — ему было всего сорок четыре, а его в победные дни уже хоронили...

Заботился ли о своем здоровье Сталин? Я, например, ни разу не видел, чтобы во время союзнических конференций трех держав рядом с ним находился врач. Не думаю, что со стороны Сталина проявлялась в этом какая-то нарочитая бравада. Сталин не любил длительных прогулок. То, что он, находясь на даче, выходил на короткое время на свежий воздух, нельзя считать настоящими прогулками в том понимании, в каком врачи обычно рекомендуют их своим пациентам.

Если говорить о его внешности, то он был человеком среднего роста. Неверно бытующее мнение, что Сталин был сильно предрасположен к полноте. Конечно, как человек не физического труда, он, возможно, имел склонность к этому, но явно старался держать себя в форме. Я никогда не наблюдал, чтобы Сталин за столом усердствовал ложкой и вилкой. Можно даже сказать, что ел он как-то вяло.

Крепкие напитки Сталин не употреблял, мне этого видеть не доводилось. Пил сухое виноградное вино, причем неизменно сам открывал бутылку. Подойдет, внимательно рассмотрит этикетку, будто оценивает ее художественные достоинства, а затем уже открывает.

Бросалось в глаза, что он почти всегда внешне выглядел усталым. Не раз приходилось видеть его шагающим по кремлевским коридорам. Ему шла маршальская форма, безукоризненно сшитая, и чувствовалось, что она ему нравилась. Если же он надевал не военную форму, то носил полувоенную-полуграждан- скую одежду. Небрежность в одежде, неопрятность ему не были свойственны.

Все обращали внимание на то, что Сталин почти никогда сам не заговаривал ни с кем, в том числе и с иностранцами, о своей семье — жене, детях. Иностранцы мне не раз об этом говорили. Даже спрашивали:

— Почему?

.

Многое из опубликованного за рубежом об отношениях Сталина с женой, детьми, родственниками является в значительной части плодом досужего вымысла.

Когда разговор заходит о Сталине, задают иногда вопрос:

— Как он относился к искусству, литературе, особенно художественной?

Думаю, едва ли кто-нибудь возьмется дать на этот вопрос точный ответ. Мои собственные впечатления сводятся к следующему.

Музыку Сталин любил. Концерты, которые устраивались в Кремле, особенно с участием вокалистов, он воспринимал с большим интересом, аплодировал артистам. Причем любил сильные голоса, мужские и женские. С увлечением он — я был свидетелем этого — слушал классическую музыку, когда за роялем сидел наш выдающийся пианист Эмиль Гилельс. Восторженно отзывался о некоторых солистах Большого театра, например об Иване Семеновиче Козловском.

Помню, как во время выступления Козловского на одном из концертов некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню. Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

— Зачем нажимать на товарища Козловского? Пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием.

Что касается литературы, то могу определенно утверждать, что Сталин читал много. Его начитанность, эрудиция проявлялись не только в выступлениях. Он знал неплохо русскую классическую литературу. Любил, в частности, произведения Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Труднее мне говорить о его знаниях в области иностранной литературы. Но, судя по моим некоторым наблюдениям, Сталин был знаком с книгами Шекспира, Гейне, Бальзака, Гюго, Ги де Мопассана — и последнего очень хвалил, — а также с произведениями многих других западноевропейских писателей. По всей видимости, много книг прочитал и по истории. В его речах часто содержались примеры, которые можно привести только в том случае, если знаешь соответствующий исторический источник.

Одним словом, Сталин был образованным человеком, и, видимо, никакое формальное образование не могло дать ему столько, сколько дала работа над собой. Результатом такого труда явился известный сталинский язык, его умение просто и популярно формулировать сложную мысль.

В манере поведения Сталина справедливо отмечали неброскую корректность. Он не допускал панибратства, хлопанья по плечу, по спине, которое иной раз считается признаком добродушия, общительности и снисходительности. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений.

Много раз мне приходилось наблюдать Сталина в общении с другими советскими руководящими деятелями того времени. К каждому из них у него имелся свой подход. Некоторые проявления фамильярной формы общения со Сталиным могли позволить себе лишь Ворошилов и Молотов. Объяснялось это в основном тем, что знал он их лучше, чем других, и притом давно — еще по подпольной работе до революции.

Находясь за обеденным столом, Сталин держался свободно, независимо от уровня гостей или хозяев.

В ходе протокольных мероприятий на конференциях Сталин задавал вопросы Рузвельту, Черчиллю, и сам охотно отвечал, если его спрашивали. Разговоры касались, кроме политических тем, также и чисто житейских, вплоть до оценки достоинств тех или иных блюд, напитков, выяснения их популярности в различных странах*

В Ялте, например, Сталин похваливал грузинские сухие вина, а потом спросил:

— А вы знаете грузинскую виноградную водку — чачу?

Ни Черчилль, ни Рузвельт о чаче и слыхом не слыхивали. А Сталин продолжал:

— Это, по-моему, лучшая из всех видов водки. Правда, я сам ее не пью. Предпочитаю легкие сухие вина.

Черчилля чача сразу заинтересовала:

— А как ее попробовать?

— Постараюсь сделать так, чтобы вы ее попробовали.

На другой день Сталин послал и одному, и другому в подарок чачу[1].

Маршал К. К. Рокоссовский

О ЛИЧНОСТЯХ И НЕЛИЧНОСТЯХ

...Мне запомнился разговор, происходивший в моем присутствии между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Это было чуть позже, уже зимой. Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется, в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил:

— Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться.

Жуков стоял на своем:

— Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало.

Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков твердо стоял на своем. Наконец Сталин сказал:

— Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны.

Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил:

— У нас еще не такое бывает.

Он был прав тогда: одного желания мало для боевого успеха. Но во время боев под Москвой Георгий Константинович часто сам забывал об этом.

[1] *Громыко А.Л.* Памятное. М., 1988. С. 196—305.

Высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу. Наш командующий в те тяжелые дни не всегда следовал этому правилу. Бывал он и несправедлив, как говорят, под горячую руку.

Спустя несколько дней после одного из бурных разговоров с командующим фронтом я ночью вернулся с истринской позиции, где шел жаркий бой. Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же... Словом, идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия.

Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это:

— Прошу продержаться еще некоторое время, длы вам поможем...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение.

...Получив ориентировочные предположения Ставки о направлении действий войск 1-го Белорусского фронта, мы своим коллективом начали отрабатывать элементы плана новой фронтовой наступательной операции. Основные идеи: нанесение главного удара с пултуского плацдарма на Нареве в обход Варшавы с севера, а с магнушевского и пулавского плацдармов — глубокий удар южнее Варшавы в направлении на Познань. Соответственно этому намечалась группировка сил. Эти соображения начальник штаба фронта М. С. Малинин доложил Генеральному штабу,

они были утверждены Ставкой. С этого момента для отработки операции были привлечены командармы и их штабы.

Место фронта было понято, и все мы горели желанием как можно лучше подготовить себя и войска к этой интереснейшей наступательной операции. Но не суждено было мне в ней руководить войсками 1-го Белорусского фронта...

Вернулся я к себе на КП после поездки на пулавский плацдарм за Вислой, занимаемый войсками генерала Колпакчи. С ним мы были знакомы по Белорусскому военному округу еще в 1930—1931 годах, тогда я командовал 7-й Самарской кавдиви- зией имени Английского пролетариата, а Колпакчи был начальником штаба стрелкового корпуса. Вот с этим культурным, высокообразованным генералом мы и отрабатывали весь день варианты действий 69-й армии с пулавского плацдарма.

Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что, не подумав, я тут же спросил:

— За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов — 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г. К. Жуков.

— Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная. По-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов. Жуков таким и является. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами:

— Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков[1].

[1] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968. С. 92—93, 296—297.

Маршал Жуков

«ДОСТОЙНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ»

Читатели первого издания моей книги не раз спрашивали меня, были ли ошибки в работе Ставки и И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего?

В тех разделах книги, где рассматриваются конкретные события войны, я рассказал о некоторых ошибках и просчетах в руководстве вооруженными силами, которые имели место. Выше я уже говорил, что с накоплением опыта ведения войны ошибки и просчеты умело исправлялись, их становилось все меньше и меньше.

И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением.

...И. В. Сталин обычно работал в Кремле в своем рабочем кабинете. Это была просторная, довольно светлая комната, стены которой были обшиты мореным дубом. В ней стоял длинный, покрытый зеленым сукном стол. На стенах — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились, кроме того, портреты Суворова и Кутузова. Жесткие стулья, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним — стол, на стенах различные карты мира.

В глубине кабинета, у закрытого окна, стоял рабочий стол И. В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь были телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои записи синим карандашом, писал быстро, размашисто, разборчиво.

Вход в кабинет вел через проходную комнату А. Н. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего. За кабинетом — небольшая комната отдыха. В комнате связи стояли телеграфные аппараты для переговоров с командующими фронтами и представителями Ставки.

' Работники Генштаба и представители Ставки развертывали карты на большом столе и стоя докладывали Верховному обстановку на фронтах, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал, обычно расхаживая по кабинету медленным широким шагом, вразвалку. Время от времени он подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал коробку папирос «Герцеговина флор», разрывал несколько папирос и медленно набивал трубку табаком.

Стиль работы, как правило, был деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. Верховный ко всем обращался одинаково — строго и официально. Он умел внимательно слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал разговорившегося репликами — «короче!», «яснее!». Совещания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

За долгие годы войны я убедился, что И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, которому нельзя было ставить острые вопросы или спорить с ним, твердо отстаивая свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу, что их утверждения неверны.

И. В. Сталин требовал ежедневных докладов о положении дел на фронтах. Чтобы идти на доклад к Верховному Главнокомандующему, нужно было быть хорошо подготовленным. Явиться, скажем, с картами, на которых имелись хоть какие-то «белые пятна», сообщать ориентировочные или тем более преувеличенные данные было невозможно. Он не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У Верховного было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их находил и строго взыскивал за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное и не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только были способны в те военные дни.

При всей тяжести положения на фронтах, особенно в начале войны, когда еще не был окончательно отработан ритм жизни в боевых условиях, к чести руководящего состава Генштаба, я должен сказать, что в целом в Генеральном штабе сразу же установилась деловая и творческая обстановка, хотя напряженность работы тогда достигла крайних пределов.

На протяжении всей войны я не терял ни личной, ни служебной связи с Генштабом, который немало помогал мне во фронтовых делах, при подготовке и осуществлении операций. Генштаб, как правило, квалифицированно и оперативно разрабатывал проекты директив Верховного Главнокомандования, строго следил за выполнением его указаний, руководил работой главных штабов видов вооруженных сил и штабов родов войск, авторитетно докладывал большие и важные вопросы Ставке Верховного Главнокомандования.

Свои суждения по важным вопросам И. В. Сталин во многом строил на основе докладов представителей Ставки, посылавшихся им в войска, из выводов Генерального штаба, мнений и предложений командования фронтов и специальных сообщений.

Общаться с И. В. Сталиным мне довелось начиная с февраля 1941 г., когда я начал работать в должности начальника Генштаба. О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже очень искушенных и значительных людей внутренне собраться и быть начеку.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был острый и пронизывающий. Говорил он тихо, отчетливо отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя. В руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы. Говорил с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные сравнения, литературные примеры, метафоры.

Смеялся И. В. Сталин редко, а когда смеялся, то тихо, как будто про себя. Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое, и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он, главным образом, в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

В довоенный период мне трудно было оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства. Выше я уже говорил, что тогда, когда мне доводилось бывать в Политбюро или лично у И. В. Сталина, рассматривались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только еще раз сказать, что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе главных авиационных, артиллерийских и танковых конструкторов и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих видов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолетов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения не принимался и не снимался. С одной стороны, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии. Однако, с другой стороны, следует признать, что такой порядок во многих случаях помогал быстро внедрять в производство тот или иной новый образец боевой техники.

Меня часто спрашивают, действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Могу твердо сказать, что И. В. Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с обстановкой, нанесенной на них, он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим[1].

ИЗ БЕСЕД К. СИМОНОВА С МАРШАЛОМ И. С. КОНЕВЫМ

Очень интересной была реакция Сталина на наше предложение присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статуту русской армии полководцу, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание.

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. I. С. 342—346. Там же. Т. II. С. 410—411.

- Сталин несколько раз прерывал нас, говорил: «Садитесь», а потом сказал о себе в третьем лице:

— Хотите присвоить товарищу Сталину генералиссимуса. Зачем это нужно товарищу Сталину? Товарищу Сталину это не нужно. Товарищ Сталин и без этого имеет авторитет. Это вам нужны звания для авторитета. Товарищу Сталину не нужны никакие звания для авторитета. Подумаешь, нашли звание для товарища Сталина — генералиссимус. Чан .Кайши — генералиссимус, Франко — генералиссимус. Нечего сказать, хорошая компания для товарища Сталина. Вы маршалы, и я маршал, вы что,, меня хотите выставить из маршалов? В какие-то генералиссимусы? Что это за звание? Переведите мне.

Пришлось тащить разные исторические книги и статуты и объяснять, что это в четвертый раз в истории русской армии после Меншикова, еще кого-то и Суворова.

В конце концов он согласился. Но во всей этой сцене была очень характерная для поведения Сталина противоречивость: пренебрежение ко всякому блеску, ко всякому формальному чинопочитанию и в то же время чрезвычайное высокомерие, прятавшееся за той скромностью, которая паче гордости[1].

Маршал Жуков

ВЕРХОВНЫЙ В БЕРЛИНЕ

Вскоре к нам прибыла группа ответственных работников Наркомата иностранных дел для подготовки предстоящей конференции.

Я объяснил им, что в Берлине нет надлежащих условий для проведения конференции глав правительств, и предложил ознакомиться с районом Потсдама.

Потсдам тоже был сильно разрушен, размещать там делегации было трудно. Единственное большое здание, которое уцелело, был дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен Гартэн. Здесь было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников.

Для расквартирования глав делегаций, министров иностранных дел, основных советников и экспертов хорошо подходил

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 316.

пригород Потсдама — Бабельсберг, почти не пострадавший от бомбежек. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные фашистские деятели. Пригород состоял из многочисленных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Москва санкционировала наше предложение о подготовке конференции в районе Потсдама. Дали свое согласие на проведение конференции в этом районе англичане и американцы.

Началась спешка с приведением в надлежащий порядок территорий, зданий, путей сообщения. Пришлось выделить многочисленные отряды и команды инженерных частей. Работа шла чуть ли не 24 часа в сутки. К 10 июля все было закончено, подходило к концу и оборудование помещений.

Надо отдать должное энергичным усилиям хозяйственных работников тыла, которые в короткий срок проделали колоссальнейшую работу. Особенно много пришлось потрудиться начальнику квартирно-эксплуатационного отдела полковнику Г. Д. Косогляду.

В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцы выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичане для У. Черчилля — розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен Гартэн соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, сотни декоративных деревьев.

13 и 14 июля прибыла группа советников и экспертов делегации Советского Союза.

Среди них — начальник Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов, начальник Главного военно-морского штаба
С. Г. Кучеров. Наркомат иностранных дел представляли А. Я. Вышинский, А. А. Громыко, С. И. Кавтарадзе, И. М. Майский, Ф. Т. Гусев, К. В. Новиков, С. К. Царапкин, С. П. Козырев, Ф. Я. Фалале- ев. Одновременно прибыл и многочисленный дипломатический аппарат.

16 июля специальным поездом должны были прибыть И. В. Сталин, В. М. Молотов и сопровождающие их лица.

Накануне мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Вы не вздумайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого вы считаете нужным.

Все мы прибыли на вокзал примерно за полчаса до прихода поезда. Здесь были А. Я. Вышинский, А. И. Антонов, Н. Г. Кузнецов, К. Ф. Телегин, В. Д. Соколовский, М. С. Малинин и другие ответственные лица.

Я встретил И. В. Сталина около вагона. Он был в хорошем расположении духа, подошел к группе встречавших и поздоровался коротким поднятием руки. Окинув взглядом привокзальную площадь, медленно сел в машину, а затем, вновь открыв дверцу, пригласил меня сесть рядом. В пути он интересовался, все ли подготовлено к открытию конференции.

И. В. Сталин обошел отведенную ему виллу и спросил, кому она принадлежала раньше. Ему ответили, что это вилла генерала Людендорфа. И. В. Сталин не любил излишеств в обстановке. После обхода помещений он попросил убрать лишнюю мебель. Потом он поинтересовался, где будут находиться я, начальник Генерального штаба А. И. Антонов и другие военные, прибывшие из Москвы.

— Здесь же, в Бабельсберге, — ответил я.

После завтрака я доложил основные вопросы по группе советских оккупационных войск в Германии и рассказал об очередном заседании Контрольного совета, где по-прежнему наибольшие трудности мы испытывали при согласовании проблем с английской стороной.

В тот же день прибыли правительственные делегации Англии во главе с премьер-министром У. Черчиллем и США во главе с президентом Г. Трумэном[1].

ОБРАЩЕНИЕ И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

9 мая 1945 года

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главноко

[1] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. II. С. 410—411.

мандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией. •

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной Победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа![1]

ВЫСТУПЛЕНИЕ И. В. СТАЛИНА НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ

24 мая 1945 года

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. *(Бурные, продолжительные аплодисментЬІу крики «ура!».)*

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое Правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русско

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196—197.

го народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*[1]

ОБРАЩЕНИЕ И. В. СТАЛИНА К НАРОДУ

2 сентября 1945 года

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и Ца суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время Русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196—197.

еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, — напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ ве

рил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава Вооруженным Силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина![1]

[1] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 203—206.

Глава шестая ИТОГИ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

Ю. Н. Смирнов

СТАЛИН И АТОМНАЯ БОМБА[1]

Весной 1942 г., основываясь на агентурной информации, Л. П. Берия впервые сообщил Сталину о развернувшихся на Западе работах по созданию атомной бомбы.

За несколько месяцев до этого, с конца 1941 г., 28-летний курсант Военно-воздушной академии, уже тогда известный физик и будущий академик Г. И. Флеров обратился с письмами сначала к И. В. Курчатову, а затем к уполномоченному Государственного Комитета Обороны (ГКО) по науке С. В. Кафтанову, убеждая их в необходимости развернуть в стране работы по делению урана. Более того, уже находясь в армии, он в апреле 1942 г. пишет непосредственно И. В. Сталину. Примечательно, с какой страстью Флеров отстаивал свою позицию: «Во всех иностранных журналах полное отсутствие каких-либо работ по этому вопросу. Это молчание не есть результат отсутствия работы... Словом, наложена печать молчания, и это-то является наилучшим показателем того, какая кипучая работа идет сейчас за границей... Нам всем необходимо продолжить работу над ураном».

В письме Сталину Флеров подчеркивал: «Единственное, что делает урановые проекты фантастическими, — это слишком большая перспективность в случае удачного решения задачи... В военной технике произойдет самая настоящая революция... Если в отдельных областях ядерной физики нам удалось подняться до уровня иностранных ученых и кое-где даже их опередить, то сейчас мы совершаем большую ошибку, добровольно сдавая завоеванные позиции».

Письма Г. Н. Флерова сыграли свою роль. Как и информация, почерпнутая из записной книжки убитого партизанами не

[1] «Вопросы истории естествознания и техники». 1994, № 4.

мецкого офицера, в которой содержались схемы ядерных превращений урана и записи, наводившие на мысль о работах в Германии по созданию сверхоружия. В результате весной 1942 г. за подписью С. В. Кафтанова и академика А. Ф. Иоффе в ГКО страны было направлено предложение о необходимости создания научного центра по проблеме ядерного оружия.

Много лет спустя Кафтанов вспоминал: «Докладывая вопрос на ГКО, я отстаивал наше предложение. Я говорил: конечно, риск есть. Мы рискуем десятком или даже сотней миллионов рублей... Если мы не пойдем на этот риск, мы рискуем гораздо большим: мы можем оказаться безоружными перед лицом врага, овладевшего атомным оружием. Сталин походил, походил и сказал: «Надо делать». Флеров оказался инициатором принятого теперь решения».

11 февраля 1943 г. ГКО принял специальное решение об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии. Их руководителем был назначен И. В. Курчатов. Вначале общее руководство советским атомным проектом осуществлял В. М. Молотов. Затем с августа 1945 г. его сменил Л. П. Берия...

Хотя работы по советскому атомному проекту начались, их организация на первом этапе, в годы войны, не удовлетворяла Курчатова. Не случайно 29 сентября 1944 г. он писал на имя Берии: «В письме т. М. Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей. ...Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов.

У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943—1944 годах, положение дел остается совершенно неудовлетворительным...

Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре».

Следующее по времени упоминание о Сталине в связи с атомным проектом принадлежит Г. К. Жукову. В своей книге «Воспоминания и размышления», рассказывая о работе Потсдамской конференции летом 1945 г., он отметил: «В ходе конференции глава американской делегации президент США Г. Тру

мэн, очевидно, с целью политического шантажа однажды пытался произвести на И. В. Сталина психологическую атаку.

Не помню точно какого числа, после заседания глав правительств Г. Трумэн сообщил И. В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомным оружием.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился глазами в лицо И. В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств, сделав вид, будто ничего не нашел в словах Г. Трумэна. Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали впоследствии, что, вероятно, И. В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле, вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов тут же сказал:

— Цену себе набивают.

И. В. Сталин рассмеялся:

— Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла об атомной бомбе».

Без сомнения, поворотный момент в истории советского атомного проекта наступил, когда 6 августа 1945 г. американцы сбросили над Хиросимой свою первую атомную бомбу. Для советского руководства пришло время решительных действий.

Интересный факт отметила Светлана Аллилуева — дочь Сталина: «...Отца я увидела снова лишь в августе, — когда он возвратился с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него, — пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили в Японии первую атомную бомбу... Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно внимательно разговаривал со мной. А у меня были такие важные — для меня — новости. Родился сын! Ему уже три месяца, и назвали его Иосиф... Какое значение могли иметь подобные мелочи в ряду мировых событий, — это было просто никому не интересно...».

Уже через несколько дней после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки последовали крупные организационные решения в интересах советского атомного проекта. А пять месяцев спустя, 25 января 1946 г., Сталин лично встречается с Курчатовым и, демонстрируя свое полное доверие, предоставляет ему своеобразный карт-бланш.

Из приводимой ниже записи об этой встрече 43-летнего Игоря Васильевича видно, что от него не ускользнуло, как вы-

глядит кабинет Сталина. Он обратил внимание на «печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев». Поэтому с определенной степенью достоверности можно говорить о свежести впечатлений и что всего скорей Курчатов в кабинете Сталина был впервые. *

Текст записи Игоря Васильевича с большим трудом пбдда- ется расшифровке. По этой причине в публикуемом тексте сделаны отдельные небольшие пропуски, а сомнительные, неоднозначные варианты конкретных слов отмечены вопросительными знаками. Обращает на себя внимание и форма записи: строгая, деловая, без каких-либо оценок, фактически официальная, констатирующая. Да Игорь Васильевич и не мог себе позволить что- либо иное. Он знал, под каким контролем каждый его шаг, и не мог подвергать даже малейшему риску огромное дело, которое он возглавлял.

Прежде чем привести запись, необходимо остановиться на ряде важных обстоятельств.

Решением Государственного Комитета Обороны СССР от 20 августа 1945 г. при ГКО был создан Специальный (Особый) комитет под председательством Берии. На Комитет возлагалась задача создания атомной промышленности в стране и создания атомного оружия. Накануне Сталин вызвал к себе Наркома боеприпасов — одного из будущих руководителей атомной промышленности СССР Б. Л. Ванникова. Вспоминая об этом разговоре, Ванников отметил: «Сталин вкратце остановился на атомной политике США и затем повел разговор об организации работ по использованию атомной энергии и созданию атомной бомбы у нас в СССР». Сталин упомянул о предложении Берии возложить все руководство на НКВД и сказал:

«Такое предложение заслуживает внимания. В НКВД имеются крупные строительные и монтажные организации, которые располагают значительной армией строительных рабочих, хорошими квалифицированными специалистами, руководителями. НКВД также располагает разветвленной сетью местных органов, а также сетью организаций на железной дороге и на водном транспорте».

Однако затем, видимо, учитывая и соображения Ванникова, Сталин посчитал, что наилучший вариант — выйти за рамки НКВД и создать Специальный комитет, который «должен находиться под контролем ЦК и работа его должна быть строго засекречена... Комитет должен быть наделен особыми полномочиями».

Заместителем председателя Специального комитета был назначен Ванников, а его членами стали Г. М. Маленков (секретарь ЦК ВКП(б)), Н. А. Вознесенский (председатель Госплана), А. П. За- венягин, М. Г. Первухин, А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов. Секретарем и членом комитета стал В. А. Махнев.

Настаивая на включении в комитет Маленкова, Сталин подчеркнул: «Это дело должна поднять вся партия, Маленков — секретарь ЦК, он подключит местные партийные организации».

Одновременно с организацией Специального комитета был сформирован Ученый (Технический) совет по атомной энергии, в который по предложению Берии вошли А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. В. Курчатов, А. И. Алиханов, И. К. Кикоин, Ю. Б. Харитон, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин и В. А. Махнев. При этом Сталин рассуждал так: «Давайте назначим председателем Ученого совета тов. Ванникова, у него получится хорошо, его будут слушаться и Иоффе и Капица, а если не будут — у него рука крепкая; к тому же он известен в нашей стране, его знают специалисты промышленности и военные».

Наконец, на основании постановления ГКО от 20 августа 1945 г., вскоре было образовано и Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР, которое также возглавил Б. Л. Ванников.

Смысл некоторых замечаний в записи И. В. Курчатова о встрече со Сталиным 25 января 1946 г. и указаний Сталина становится особенно понятным, если вспомнить, какие события развернулись с участием академика П. Л. Капицы после первых заседаний Специального комитета и Ученого совета, членом которых он состоял.

Петр Леонидович Капица — человек независимых взглядов, не боявшийся войти в острый конфликт даже с Берией, 3 октября 1945 г., т. е. уже через полтора месяца после создания Специального комитета и Ученого совета, обратился с личным письмом к Сталину. В нем он, в частности, написал, что «товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а зачем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому Комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым». И далее: «...уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым. Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными».

25 ноября 1945 г. П. Л. Капица написал Сталину о своей настоятельной просьбе освободить его «от участия в Особом Ко

митете и Техническом Совете». В своем пространном письме он мотивировал просьбу тем, что «товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия... У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо... Товарищ Ванников и другие из Техсовета мне напоминают того гражданина из анекдота, который, не веря врачам, пил в Ессентуках все минеральные воды подряд в надежде, что одна из них поможет». Капица в этом письме утверждал: «В организации работы по атомной бомбе, мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию... Но если стремиться к быстрому успеху, то всегда путь к победе будет связан с риском и с концентрацией удара главных сил по весьма ограниченному и хорошо выбранному направлению. По этим вопросам у меня нет согласия с товарищами... Единственный путь тут — единоличное решение, как у главнокомандующего, и более узкий военный совет».

Вопросы, поставленные Капицей в названных письмах, как мы увидим из записи Курчатова, в той или иной степени и, видимо, не случайно, затрагивались Сталиным во время встречи 25 января 1946 г. Поэтому интересно проследить, какие именно указания дал Сталин Игорю Васильевичу. И обратим внимание, что Сталин в разговоре с Курчатовым сам заговорил о Капице, а 4 апреля 1946 г. сообщил Петру Леонидовичу: «То$. Капица! Все Ваши письма получил. В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них...»

Однако Сталин и Капица так никогда и не встретились. Уже 21 декабря 1945 г. Капица был освобожден от работы в Спец- комитете и Техническом совете, а осенью 1946 г. он был снят со всех занимаемых должностей, попав в опалу.

Игорь Васильевич в своих записях ничего не говорит о том, как выглядел Сталин во время их встречи. Но его дочь Светлана свидетельствует: «Когда война кончилась, он (отец) заболел. У него сразу был такой спад. Ему было уже 66 лет. Он очень болел в 46 году... И болел долго и трудно. Сказались напряжение и усталость военных лет и возраст... Летом 1946 года он уехал на юг — впервые после 1937 года».

Никаких свидетельств не оставил Игорь Васильевич и о мотивах состоявшейся встречи со Сталиным. Хотя, как видим, действия и позиция П. Л. Капицы, как и его разыгравшийся конфликт с Берией, по меньшей мере пусть косвенно, но могли способствовать осуществлению такой встречи.

Игорь Васильевич не упоминает, как проходила сама встреча. Но мы можем это представить себе благодаря, например, рассказу Константина Симонова, который вместе с А. Фадеевым и Б. Горбатовым 13 мая 1947 года впервые оказался в кабинете Сталина. Вряд ли за год с небольшим в чем-то существенном изменился общий рисунок подобных встреч. Встреча, которую описал Симонов, проходила с участием Молотова и Жданова и началась в седьмом часу вечера: «...В приемную вошел Поскребышев и пригласил нас. Мы прошли еще через одну комнату и открыли дверь в третью. Это был большой кабинет, отделанный светлым деревом, с двумя дверями — той, в которую мы вошли, и второй дверью в самой глубине кабинета слева. Справа, тоже в глубине, вдали от двери стоял письменный стол, а слева вдоль стены еще один стол — довольно длинный, человек на двадцать — для заседаний.

Во главе этого стола, на дальнем конце его, сидел Сталин, рядом с ним Молотов, рядом с Молотовым Жданов. Они поднялись навстречу. Лицо у Сталина было серьезное, без улыбки. Он деловито протянул каждому из нас руку и пошел обратно к столу. Молотов приветливо поздоровался...

После этого мы все трое — Фадеев, Горбатов и я — сели рядом по одну сторону стола. Молотов и Жданов сели напротив нас, но не совсем напротив, а чуть поодаль, ближе к сидевшему во главе стола Сталину...

Сталин... в начале беседы больше стоял, чем сидел, или делал несколько шагов взад и вперед позади его же стула или кресла... Сталин, как всегда, говорил очень неторопливо, иногда повторял сказанное, останавливался, думал, прохаживался». Он был одет в серого цвета китель, в серые брюки навыпуск. Курил кривую трубку. Впрочем, курил мало. Зажигал ее, затягивался один раз, потом через несколько минут опять зажигал, опять затягивался, и она снова гасла, но он почти все время держал ее в руке. Иногда он, подойдя к своему стулу, заложив за спинку большие пальцы, легонько барабанил по стулу остальными. Во время беседы он часто улыбался».

Обратимся теперь к тексту записи беседы, сделанной И. В. Курчатовым, по-видимому, сразу после встречи со Сталиным, под свежим впечатлением. Этот листок с быстрым, почти стенографическим почерком Игорь Васильевич до конца дней хранил в своем личном сейфе.

«25 января 1946 года.

Беседа продолжалась приблизительно один час с 7.30 до 8.30 вечера. Присутствовали т. Сталин, т. Молотов, т. Берия.

Основные впечатления от беседы. Большая любовь т. Сталина к России и В. И. Ленину, о котором он говорил в связи с его большой надеждой на развитие науки в нашей стране. [...]

Во взглядах на будущее развитие работ т. Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами, а необходимо вести их широко, с русским размахом, что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь.

Т. Сталин сказал, что не нужно искать более дешевых путей, что не нужно [?] работу, что нужно вести работу быстро и в грубых основных формах. [...]

По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом положении. И в премиях за большие дела, например, за решение нашей проблемы. Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы (несколько тысяч?) человек жило на славу [?], свои дачи, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина.

В работе т. Сталин говорил — что надо идти решительно со вложением решительно всех средств, но по основным направлениям.

Надо также всемерно использовать Германию, в которой есть и люди, и оборудование, и опыт, и заводы. Т. Сталин интересовался работой немецких ученых и той пользой, которую они нам принесли[1].

*

Из беседы с т. Сталиным было ясно, что ему отчетливо представляются трудности, связанные с получением (наших?) первых агрегатов, хотя бы с малой производительностью, т. к. (сказал?) увеличения производительности можно достигнуть увеличением числа агрегатов. Труден лишь первый шаг, и он является основным достижением.

(Затем?) были заданы вопросы об Иоффе, Алиханове, Капице и Вавилове и целесообразности работы Капицы.

Было выражено (мнение?) на кого (они?) работают и на что направлена их деятельность — на благо Родине или нет.

[1] Один из наиболее видных немецких специалистов, работавших в СССР, Макс Штеенбек, так суммировал вклад своих соотечественников в советский атомный проект: «Западная пропаганда... при каждом удобном случае утверждала, что советскую атомную бомбу создали якобы немецкие ученые. Абсолютная чепуха! Конечно, мы сыграли определенную роль в разработке ядерной темы, но наша задача никогда не выходила за те границы, где освоение энергии четко переходит от мирного применения к использованию в военных целях».

Было предложено написать о мероприятиях, которые были бы необходимы, чтобы ускорить работу, все, что нужно. Кого бы из ученых следовало еще привлечь к работе.

Систему премий.

Обстановка кабинета указывает на (оригинальность?) и (?) ее хозяина. Печи изразцовые, прекрасный портрет Ильича и портреты полководцев.

Космические лучи и циклотрон...»

Заключительные слова записи Игоря Васильевича, к сожалению, не поддаются однозначной расшифровке.

...Со дня встречи Сталина с Курчатовым 25 января 1946 г. до пуска первого советского опытного уран-графитового реактора 25 декабря 1946 г. оставалось ровно 11 месяцев. До взрыва первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. оставалось еще долгих и очень трудных 3 года и 7 месяцев.

По существу, в ходе беседы Сталин наделил И. В. Курчатова особыми полномочиями.

Вне всякого сомнения, Сталин понимал (это хорошо видно из записи беседы), что создание собственной атомной бомбы становится важнейшим делом для государства. Поэтому были развернуты такие мобилизационные мероприятия, которые только и были под силу мощной партийно-государственной системе, подчиненной единой воле и жесткому контролю. Той централизованной диктаторской машине управления, которая господствовала в СССР.

Для решения беспрецедентной задачи были привлечены лучшие силы промышленности, конструкторских бюро, исследовательских институтов, все звенья партийных органов и управления, лучшие руководители и специалисты.

С другой стороны, создание атомной бомбы в СССР пришлось на период обострившегося с лета 1946 г. опаснейшего противостояния между СССР и США, когда война между бывшими союзниками могла начаться в любой момент.

Это было время, когда наша страна только что вышла из опустошительной кровавой войны с фашизмом. Сталин знал о жертвах и лишениях своих соотечественников не только по сводкам. Его дочь Светлана вспоминала, что летом 1946 г. он поехал на юг на машине: «Огромная процессия протянулась по плохим тогда еще дорогам... Останавливались в городах, ночевали у секретарей обкомов, райкомов. Отцу хотелось посмотреть своими глазами, как живут люди, — а кругом была послевоенная разруха. ...Он нервничал, видя, что люди живут еще в землянках, что кругом еще одни развалины».

В те же годы, еще до взрыва первой советской атомной бомбы (как, впрочем, и позднее), Сталин продолжил свое безжалостное давление на общество, не щадя ни своих партийных единомышленников, ни ученых, ни еще совсем недавних национальных кумиров. Заподозрив в подготовке заговора, он в июне 1946 г. высылает Г. К. Жукова в Одессу. По нелепому навету лично лишает воинского звания генерал-лейтенанта легендарного папанинца Е. К. Федорова, и в августе 1947 г., разжаловав в рядовые, снимает его с должности. К началу 1949 г. раскручивается сфабрикованное «ленинградские дело», завершившееся трагической развязкой.

Гнетущую атмосферу в стране усиливали печально знаменитые репрессивные постановления Центрального Комитета ВКП(6) в области литературы, театра, кино (1946 г.) и даже музыки (1948 г.). Были проведены разгромные «дискуссии» по вопросам философии (1947 г.) и по так называемому космополитизму в науке (1948—1949 гг.). Общеизвестна трагическая участь советской генетики, судьба которой была решена в августе 1948 г....

В этих условиях быстрое создание атомной бомбы в нашей стране, завершившееся успешным испытанием 29 августа 1949 г., было не только триумфом, но и подвигом. При этом роль Игоря Васильевича Курчатова, его ближайших сподвижников была одной из самых решающих[1].

ВОСПОМИНАНИЯ МОЛОТОВА" В БЕСЕДАХ С Ф. ЧУЕВЫМ

...Мао *и Чжоу*

— Китайцы мне все долги отдали. Они в свое время, сразу после войны, нам вернули металлами ценными за всю нашу помощь, они очень честные в этом отношении.

— Как вам показался Мао Цзэдун?

— Чаем поил. И разговаривал насчет того, что вот надо бы встретиться, со Сталиным, когда удобнее... Сталин его не принимал несколько дней и попросил меня: «Поезжай к нему, посмотри, что за тип». Жил он на даче Сталина, на Ближней.

Я поговорил с ним и сказал Сталину, что его стоит принять. Человек он умный, крестьянский вождь, такой китайский Пугачев. Конечно, до марксиста далековато — он мне признался, что «Капитал» Маркса не читал.

[1] «Вопросы истории естествознания и техники». 1994, № 4.

Рассказ Попиводы, который я изложил Молотову

...В конце 60-х годов довелось мне в авиационном НИИ работать с Перо Попиводой, Петром Саввичем, как мы его называли, бывшим знаменитым югославским партизанским генералом, народным героем. В 1948* году ему удалось бежать из Югославии в СССР после неудавшейся попытки группы военных свергнуть Тито. Он прилетел в Москву, и его принял Сталин.

«Получилось так, — вспоминал Петр Саввич, — что когда я открыл дверь в кабинет, в это время Сталин стал выходить, и мы едва не столкнулись. Здороваясь, я протянул ему руку, а он отошел на шаг и сказал: «У нас, у русских, через порог не положено!»

Я вошел в кабинет и представился: «Попивода». Наверно, не нужно было называться, потому что он улыбнулся и, пожимая мне руку, сказал: «Сталин».

«Какой молодой, а уже генерал!» — продолжил Сталин...

— Музыкальная у вас семья. Обучали вас?

— Я обучался. На скрипке. Даже Молотов...

— Почему даже Молотов? Даже Сталин, даже Ворошилов и Молотов трое пели! Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Сталин — в Тбилиси, Ворошилов — в Луганске, я — в своем Нолинске. Это было не тогда, когда мы были в Политбюро, а гораздо раньше. *(Смех.)* Сталин неплохо пел... В Политбюро тоже петь надо, когда Жданов на пианино играл, а вы за столом... Пианино, когда не-немного выпьем. Ворошилов пел. У него хороший слух. Вот мы трое пели. «Да исправится молитва твоя...» — и так далее. Очень хорошая музыка, пение церковное...

СТАЛИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

«Кавказский Ленин»

— О Сталине я узнал в 1910 году по письму Сурина, эсера-провокатора, в революцию его убили. Мы с ним жили в комнатах рядом в ссылке, в Соль-Вычегодске, в Вологодской губернии. Я читал свою литературу, он — свою. Я уехал в Вологду сдавать экзамены за реальное училище. В Вологде я пробыл примерно год до окончания ссылки. И вот тогда мне пишет из Соль-Вы- чегодска тот, с которым я жил, Сурин, видный эсер из рабочих:

«Сюда, в Соль-Вычегодск, приехал Сталин — это «кавказский Ленин». «Кавказский Ленин»! Тогда он уже имел такую славу. В 1910 году он был уже Сталиным. Брошюра есть его «Марксизм и национальный вопрос», там он — Сталин.

— Кто его так называл, многие интересуются?

— Никто — он сам себя так назвал. И я сам себя назвал Молотов. И Ленин. Берешь себе кличку, меняешь кличку. Сталин — индустриальная фамилия. Видимо, по тем же причинам, что и я — Большевик.

(04.12.1972)

— Я уехал, а Сталин прибыл на мое место в ссылку, и мы разминулись. Но начали переписываться. А когда познакомились, жили в одной квартире. Потом он у меня отбил девушку. Вот Маруся к нему и убежала.

(11.06.1970)

...Писатель В. В. Карпов очень просил меня устроить ему встречу с Молотовым. Я уговорил Молотова, и встреча состоялась. Карпов сказал, что собирается написать роман «Генералиссимус Сталин»:

— Хочу написать о Сталине правдиво. А написать о нем правдиво — это значит написать положительно.

— Но имейте в виду, — сказал Молотов, — Сталин — сложная очень фигура. Просто личной симпатии недостаточно. Это хорошо, конечно, без этого и нельзя написать то, что надо, но у него большие особенности, требующие понимания эпохи, обстановки. И все-таки только как военного вы его не можете показать. Главное в нем — политик. Такую роль он играл в политике страны, в истории. Теперь это затушевывается. Много всякой шантрапы. Они свое дело делают, да.

...Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

«Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну Звездочку — Героя Социалистического Труда. Я иногда надевал орден Ленина, — добавляет Молотов.

Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: «Есть не только ленинизм, но и сталинизм!»

Сталин возмущался.

(16.06.1977)

...Надо учесть всю сложность характера Сталина... Насчет русскости он считал, что правительство должен возглавлять русский. Долго не соглашался Председателем Совнаркома стать. Ну не то что не соглашался, но не ставился этот вопрос. Я ему писал, между прочим, перед тем, когда я стал возглавлять Совнарком: лучше бы тебе быть. Это было в конце 1930 года. Рыкова больше нельзя оставлять, вот тебя мы хотим назначить. Я в ЦК работал Секретарем. Он был в отпуску. В Сочи. Он мне написал письмо, что меня надо назначить. Я ему ответил, что я не случайный член Политбюро, конечно. Если я подойду, если народ найдет, что я подхожу, пусть будет так, но было бы лучше, если бы тебя на это место. Так было принято, при Ленине так было. Ленин был фактическим лидером партии и Председателем Совнаркома. А я был вроде Первого секретаря, но совсем не в том положении, какое потом приобрел Первый секретарь. А при Ленине после X съезда, когда я стал ответственным, Сталин не был в Секретариате. Он был членом Политбюро и членом Оргбюро. В Оргбюро я тоже председательствующим был.

Письма между нами были секретными, доставлялись по фельдъегерской связи, чекисты привозили. Личные были, полуофициальные, когда он был в отпуску и я его замещал, подготовлял материалы Политбюро.

...Сталин на заседании писал сам или вызывал Поскребышева и диктовал ему. Он формулировал очень четко, очень быстро, очень кратко, и не просто основу — в большинстве случаев он давал документ. Потом вводились добавки, кое-какие изменения в окончательном тексте.

В быту

В кабинете Сталина стоял большой стол. У меня было свое место. А так, кто где сидел, трудно сказать. В зависимости от количества людей.

Едва ли в фильмах правильно показывают. Надо нарисовать. Я ведь не такой художник, чтобы Красную площадь нарисовать. Вот кабинет *(рисует рабочий кабинет Сталина).*

Вот основной стол для заседаний... Вот место Сталина... Окна... Я уж не помню, два или три. Вроде три. Вот вход. Тут чекист сидел. Здесь Поскребышев. Сюда дверь, комната для отдыха — там карты, глобус большой, мы там редко бывали.

За столом человек двадцать, пожалуй, могло быть. Суворов и Кутузов, портреты на стене висели, возле окна. В кабинете была маска Ленина в футляре, на подставке, под стеклянным колпаком. Отдельный столик для телефонов. Просторный кабинет на третьем этаже. За окном сейчас виден Вечный огонь.

Теперь о его квартире. Здесь же на первом этаже *(рисует).* Комнат, наверно, шесть-семь, была комната для Светланы, для библиотеки, для спальной, для служащих. В разные периоды разные люди были. Грузинка одна старая была. Потом Валентина Истомина... Это уже на даче. Приносила посуду. А если была женой, кому какое дело?

Первые годы охраны, по-моему, не было. Тогда все ходили пешком. И Сталин. А вот когда начались новые покушения в 1928 году... На границе были пойманы с бомбами. Эсеровского типа люди. Они, террористы, смелые...

А тогда достаточно было убить Сталина, еще двух-трех, и все могло рухнуть.

Помню, метель, снег валит, мы идем со Сталиным вдоль Манежа. Это еще охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке. Никто его не узнает. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в%карман, достал десятку, дал ему, и пошли дальше. А нищий нам вслед: «У, буржуи проклятые!» Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

(11.03.1976, 16.08.1977)

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Выкачивали хлеб

— 1 января 1928 года мне пришлось быть в Мелитополе по хлебозаготовкам. На Украине. Выкачивать хлеб.

— У кулаков?

— У всех, у кого есть хлеб. Очень нуждались — для рабочих и для армии. Все-таки тогда все это было еще частное. Поэтому надо было у частников взять. Каждый держится за свой кусок хлеба, и мы все разъезжались на места, чтобы добывать хлеб. Первая моя поездка — я хорошо помню.

Я приехал в Харьков, там был тогда еще ЦК Украины, столица там была еще, собрал актив: Украина должна давать хлеб, энергично надо заканчивать. Покритиковали, кто там плохо работает и прочее, и поехал я дальше на места. Первого января приехал в Мелитополь. Праздник, все встречают Новый год, а я обкому говорю: «Актив сегодня». Или там был, кажется, губком, не помню точно. Это крупный центр. Он тогда был окружной. Округа были, довольно крупные округа. Это хлебный район, поэтому меня туда и направили, чтоб покачать хорошенько.

Собрался актив к вечеру, часов в пять. Я их накачиваю: «Давай хлеб! Сейчас такое время, что надо нажать на кулака!» — речь как положено. Принимают резолюцию — обязать, выполнить план, направить... Крестьянский район, все они живут своим хозяйством... Хлеб отбирали, платили им деньги, но, конечно, по невысоким ценам. Им, конечно, не выгодно. Я им так и говорил, что пока нам крестьянин должен дать взаймы. Надо восстанавливать промышленность и армию не распускать.

Потом я поехал в районы. Там греки живут, украинцы. Поселения. Там нажимал вовсю, чтобы выкачать хорошенько хлеб. Приходилось агитационные всякие довольно резкие приемы применять. Почин против кулака. Если не нажмешь на кулака...

На Полтавщине был, в Днепропетровске, в Мелитопольской области. Спецвагон. Там в вагоне я и жил. Охрана была. В вагоне и спал. В районы выезжал, там не везде ночевал, возвращался в вагон.

Вернулся в Москву. Совещание у Сталина наиболее активных деятелей. Я рассказал, как нажимал и прочее. Я почему еще об этом говорю, потому что после этого Сталин сам захотел поехать в Сибирь на хлебозаготовки. Это было его знаменитое путешествие.

— Вы вместо него оставались?

— Я оставался, да.

— Не было такого, что вы оба не в Москве?

— Нет, я думаю, не было такого... Он говорит: «Ну я бы тебя расцеловал, так ты там действовал!». Я даже запомнил: «Так действовал». Вот ему тоже захотелось, и он в Сибирь съездил. Ему важны были хлебные районы, чтобы там заботились о хлебе. А главные районы — Новосибирск, Алтай, вот эти места. Он туда поехал. И он обдумал немножко опыт, что я привез, другие привезли, провел постановление представительное, согласно которому, если кулаки не сдают хлеб в тех размерах, какие для них установлены, применяются репрессивные меры. Кулак в первую очередь отвечает, когда не выполняется план по хлебозаготов

кам, и можно применять насильственные меры: отбирается хлеб и переходит в казну. Было опубликовано, и все стали чухаться, что это значит — закон. Он довольно крепко нажал, и подкачался хлеб. Я на Украине, он в Сибири, Каганович ездил, по-моему, и Микоян ездил, потом мы первые годы каждый год ездили за хлебом. Сталин больше не ездил. А мы ездили каждый год, лет пять, выкачивали хлеб.

В 1927-м я делал доклад о коллективизации, 1928 год — послабление. В 1932-м я уже был Предсовнаркома и ездил в Сибирь выкачивать хлеб.

1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны. Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся. Я не считаю, что реабилитация многих военных, репрессированных в 37-м, была правильной. Документа скрыты пока, со временем ясность будет внесена. Вряд ли эти люди были шпионами, но с разведками связаны были, а самое главное, что в решающий момент на них надежды не было.

...Все это Молотов сказал в ответ на бытующее суждение о том, что если бы не погибли Тухачевский и Якйр, у нас не было бы такого страшного начала войны.

— Это модная фальсификация, — сказал он.

(18.12.1970)

Каждый сторонник Сталина лично, что ли, знал Сталина? Он верил в эту линию, политику и боролся.

Удивляет в этих процессах открытых, что такие люди, как Бухарин, Рыков, Розенгольц, Крестинский, Раковский, Ягода — признали даже такие вещи, которые кажутся нелепыми. Ягода говорит: я ничем не лучше, чем любой шпион, который действовал против Советского Союза. Конечно, это явная нелепость — безусловно. Как же это они так? И действительно, кто имеет представление о Рыкове или Бухарине, даже о Розенголь- це, страшно поражаются, как это так? Я думаю, что это был метод продолжения борьбы против партии на открытом процессе, — настолько много на себя наговорить, чтобы сделать невероятными и другие обвинения.

Я даже готов сказать, что там только десять процентов нелепости, может быть, и меньше, но я говорю, что они такие вещи нарочно себе приписали, чтобы показать, насколько нелепы будто бы все эти обвинения. Это борьба против партии.

Вы не хотите психологическую и политическую сторону учесть, потому что вопрос возникает: неужели все это правда?

Я думаю, что и в этом есть искусственность и преувеличение. Я не допускаю, чтобы Рыков согласился, Бухарин согласился на то, даже Троцкий — отдать и Дальний Восток, и Украину, и чуть ли не Кавказ, — я это исключаю, но какие-то разговоры вокруг этого велись, а потом следователи упростили это...

(04.12.1973)

...В 1953 году Сталин меня к себе уже не приглашал не только на узкие заседания, но и в товарищескую среду — где-нибудь так вечер провести, в кино пойти — меня перестали приглашать. Имейте в виду, что в последние годы Сталин ко мне отрицательно относился. Я считаю, что это было неправильно. Пускай разберутся в этом деле хорошенько. Я-то своего мнения о Сталине не менял, но тут какие-то влияния на него, видимо, были.

— Наверно, группа трех друзей поработала — Берия, Хрущев и Маленков?

— Да, видимо. Скорей всего, да. Но все-таки, конечно, главное не в этом. А недоверие было к моей жене. Тут сказалось его недоверие к сионистским кругам. Но не вполне, так сказать, обоснованное.

(09.10.1975)

...Когда на заседании Политбюро он прочитал материал, который ему чекисты принесли на Полину Семеновну, у меня коленки задрожали. Но дело было сделано на нее — не подкопаешься. Чекисты постарались. В чем ее обвиняли? В связях с сионистской организацией, с послом Израиля Голдой Меир. Хотели сделать Крым Еврейской автономной областью... Были у нее хорошие отношения с Михоэлсом... Находили, что он чуждый.

Конечно, ей надо было быть более разборчивой в знакомствах. Ее сняли с работы, какое-то время не арестовывали. Арестовали, вызвав в ЦК. Между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка.

...Некоторые считают, что Сталина убил Берия. Я думаю, это не исключено. Потому что на кого Сталин мог опереться, если мне не доверял и видел, что другие не особенно твердо стоят?

— Западные радиостанции подробно рассказывали о «деле врачей», что суд над ними должен был состояться 5 марта, и как раз в этот день умирает Сталин. Прозрачный намек, что его умертвили.

— Возможно. Не исключено, конечно. Берия был коварный, ненадежный. Да просто за свою шкуру он мог. Тут клубок очень запутанный. Я тоже держусь такого мнения, что он умер не своей смертью. Ничем особенно не болел. Работал все время... Живой был, и очень[1].

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ К. СИМОНОВА

До этого момента наша встреча со Сталиным длилась так недолго, что мне вдруг стало страшно жаль: вот сейчас все это оборвется, кончится, да, собственно говоря, уже и кончилось.

— Если у вас все, тогда у меня есть к вам вопрос. Какие темы сейчас разрабатывают писатели?

Фадеев ответил, что для писателей по-прежнему центральной темой остается война, а современная жизнь, в том числе производство, промышленность, пока находит еще куда меньше отражения в литературе, причем когда находит, то чаще всего у писателей-середнячков.

— А вот есть такая тема, которая очень важна, — сказал Сталин, — которой нужно, чтобы заинтересовались писатели. Это тема нашего советского патриотизма. Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, — сказал Сталин, строя фразы с той особенной, присущей ему интонацией, которую я так отчетливо запомнил, что, по-моему, мог бы буквально ее воспроизвести, — у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно дышать, как

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 72- УЗ, 114, 117, 240—241, 254—255, 276—277, 292—293, 300, 376—377, 390, 400— 401, 464—465, 473, 476—477.

было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами... — Усмехнулся и снова стал серьезным.

7 марта 1979 года

— Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше. Теперь нет, теперь они и хвосты задрали.

Сталин остановился, усмехнулся и каким-то неуловимым жестом показал, как задрали хвосты военные. Потом спросил:

— Почему мы хуже? В чем дело? В эту точку надо долбить много лет, лет десять эту тему надо вдалбливать. Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает... — И он снова заговорил о профессоре, о котором уже упоминал: — Вот взять такого человека, не последний человек, — еще раз подчеркнуто повторил Сталин, — а перед каким-то подлецом-иностран- цем, перед ученым, который на три головы ниже его, преклоняется, теряет свое достоинство. Так мне кажется. Надо бороться с духом самоуничижения у многих наших интеллигентов[1].

Ж. Дюкло

О СТАЛИНЕ

...После моего возвращения на дачу мне сообщили, что тов. Сталин приглашает меня на обед на следующий день. Моя жена не была приглашена, и я отправился один. Сталин ждал меня в парке своей дачи, где я встретил также нескольких членов Политбюро ЦК большевистской партии. Итак, я вновь увидел Сталина, с которым не встречался с 1928 г. (если не считать, что несколько раз я видел его издалека). С тех пор прошли годы, и какие годы! Была война. Но Сталин, которому исполнилось 72 года, ненамного изменился. Спустя 23 года его лицо по-прежнему сохраняло своеобразные юношеские черты, взгляд по-прежнему отличался живостью, хотя на голове появилась седина и волосы

[1] *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 124—127.

были не такими густыми, как раньше. При этом* он казался ниже ростом, что было неизбежным следствием прожитых лет.

Сталин оказал мне самый сердечный, самый любезный и внимательный прием. Он осведомился о моем здоровье, вспомнил об условиях, в которых я жил в годы подполья, показав тем самым, что он в курсе этих событий. Поинтересовавшись здоровьем моей жены, он извинился, что она не была приглашена, поскольку, добавил он, «на нашем обеде будут только одни мужчины».

Думая о той огромной роли, которую играл Сталин во время войны, я восхищался простотой этого человека. Как и 23 года назад, он был в скромном кителе, в сапогах и с неизменной трубкой.

После разговора по более частным вопросам завязалась беседа об общей обстановке, о полож:ении во Франции и в мире, характеризовавшемся усилением «холодной войны».

Пока мы вели все эти разговоры, в парке, под деревьями, был накрыт стол. Это было приятно, так как стоял великолепный солнечный день. За обедом мое место оказалось слева от Сталина, который сидел в конце стола. Справа от него был Молотов.

Среди других участников этого дружеского обеда были также Ворошилов, Хрущев, Шверник.

Сталин, разумеется, сообщил мне сведения о состоянии здоровья Мориса Тореза. Оно улучшалось, в чем, добавил он, я смогу убедиться лично. Сталин отметил, что эти известия о здоровье Мориса он получил сегодня утром по телефону. Он расхваливал климат столицы Кабардино-Балкарской АССР, города Нальчика, где находился Торез.

Во время беседы Сталин вспомнил предположения некоторых ученых относительно этнического родства между грузинами и басками, добавив, что эти гипотезы нуждаются в дальнейшей разработке, чтобы проверить, насколько они близки к истине.

Сталин был остроумен, он явно любил пошутить, и во время обеда мне довелось видеть, как он безобидно подшучивал над сотрапезниками.

На меня Сталин произвел сильное впечатление не только тем, что он говорил, но еще в большей степени тем, что он представлял в моих глазах. Одно его присутствие придавало всему происходившему историческое значение. Со своей стороны, я весьма непринужденно участвовал в общей беседе, затрагивавшей самые разнообразные темы.

В конце обеда у меня состоялся продолжительный разговор наедине со Сталиным о проблемах текущего момента, политике

империалистов, начале переговоров о заключении перемирия в Корее, войне в Индокитае, продолжающемся тюремном заключении Анри Мартена, о трудностях, с которыми французские колонизаторы сталкивались в Тунисе и Марокко, о результатах выборов 17 июня, на которых была применена система блокирования списков кандидатов разных партий, о развитии правительственного кризиса во Франции.

Действительно, после выборов 17 июня президент республики поручал формирование правительства поочередно Рене Мейеру, Морису Петшу, Ги Молле. Пока мы беседовали, Сталину принесли сообщения о ходе правительственного кризиса во Франции. Сталин сказал мне, что во время моей по!ездки на Кавказ он будет держать меня в курсе развития обстановки во Франции. У меня оказалось достаточно времени для этой поездки, и я вернулся в Париж 8 августа 1951 г., когда новое правительство предстало перед Национальным собранием.

С большой проницательностью и глубоким знанием дела Сталин говорил об обстановке во Франции, об опасности войны и о положительной роли Всемирного Совета Мира, заседание Бюро которого прошло 20—23 июля.

Вечер подол1ел к концу, настало время прощаться. Перед моим отъездом Сталин попросил меня передать дружеский привет Морису Торезу и пожелал больших успехов в моей работе, больших успехов в деятельности Французской коммунистической партии, к которой он питал глубокое уважение[1].

С. Аллилуева

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Это были тогда страшные дни. Ощущение, что что-то привычное, устойчивое и прочное сдвинулось, пошатнулось, началось для меня с того момента, когда 2 марта меня разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что «Маленков просит приехать на Ближнюю». (Ближней называлась дача отца в Кунцеве, в отличие от других, дальних дач.) Это было уже невероятно — чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал приехать к нему на дачу... Я приехала туда со странным чувством смятения.

[1] *Дюкло Ж.* Мемуары. Кн. 2. С. 234 — 235.

Когда мы въезжали в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин, я решила, что все кончено... Я вышла, они взяли меня под руки. Лица обоих были заплаканы. «Идем в дом, — сказали они, — там Берия и Маленков тебе все расскажут».

В доме, — уже в передней, — было все не как обычно; вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суетился. Когда мне сказали, наконец, что у отца был ночью удар и что он без сознания — я почувствовала даже облегчение, потому что мне казалось, что его уже нет.

Мне рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Там он сейчас, там врачи, — ты можешь идти туда.

Я слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Я чувствовала только одно — что он умрет. В этом я не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, — просто я видела, что все вокруг, весь этот дом, все уже умирает у меня в глазах. И все три дня, проведенные там, я только это одно и видела, и мне было ясно, что иного исхода быть не может.

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца,Х:идел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы еще предпринять. В соседнем небольшом зале беспрерывно совещался какой-то еще медицинский совет, тоже решавший, как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из какого-то НИИ, и с ней молодых специалистов, — кроме них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину- врача я знаю, — где я ее видела?.. Мы кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то

значительное, почти великое, — это чувствовали все — и вели себя подобающим образом.

Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распирающих его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» — каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончилось, Берия вдруг заметил меня и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто и не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хруста- лев! Машину!»

Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца — которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца и посмеивался при этом в кулак, — для меня несомненно. И это понимали все «наверху»...

Сейчас все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не я одна, — многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека.

Отец был без сознания, как констатировали врачи. Инсульт был очень сильный; речь была потеряна, правая половина тела парализована. Несколько раз он открывал глаза — взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, стараясь уловить слово или хотя бы желание в глазах. Я сидела возле, держала его за руку, он смотрел на меня, — вряд ли он видел. Я поцеловала его и поцеловала руку, — больше мне уже ничего не оставалось.

Как странно, в эти дни болезни, в те часы, когда передо мной лежало уже лишь тело, а душа отлетела от него, в последние дни прощания в Колонном зале, — я любила отца сильнее и нежнее, чем за всю свою жизнь. Он был очень далеко от меня, от нас, детей, от всех своих ближних. На стенах комнат у него на даче в последние годы появились огромные, увеличенные фото детей, — мальчик на лыжах, мальчик у цветущей вишни, — а пятерых из своих восьми внуков он так и не удосужился ни разу повидать. И все-таки его любили, — и любят сейчас, эти внуки, не видавшие его никогда. А в те дни, когда он успокоился, наконец, на своем одре и лицо стало красивым и спокойным, я чувствовала, как сердце мое разрывается от печали и от любви.

Такого сильного наплыва чувств, столь противоречивых и столь сильных, я не испытывала ни раньше, ни после. Когда в Колонном зале я стояла почти все дни (я буквально стояла, потому что сколько меня ни заставляли сесть и ни подсовывали мне стул, я не могла сидеть, я могла только стоять при том, что происходило), окаменевшая, без слов; я понимала, что наступило некое освобождение. Я еще не знала и не осознавала — какое, в чем оно выразится, но я понимала, что это — освобождение для всех, и для меня тоже, от какого-то гнета, давившего все души, сердца и умы единой, общей глыбой. И вместе с тем я смотрела в красивое лицо, спокойное и даже печальное, слушала траурную музыку (старинную грузинскую колыбельную народную песню с выразительной, грустной мелодией), и меня всю раздирало от печали. Я чувствовала, что я — никуда не годная дочь, что я никогда не была хорошей дочерью, что я жила в доме как чужой человек, что я ничем не помогала этой одинокой душе, этому старому, больному, всеми отринутому и одинокому на своем Олимпе человеку, который все-таки мой отец, который любил меня, — как умел и как мог, — и которому я обязана не одним лишь злом, но и добром...

Я ничего не ела все те. дни, я не могла плакать, меня сдавило каменное спокойствие и каменная печаль.

Отец умирал страшно и трудно. И это была первая — и единственная пока что — смерть, которую я видела. Бог дает легкую смерть праведникам...

Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо по

темнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент — не знаю, так ли на самом деле, но так казалось — очевидно в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Я думала, что сама задохнусь, я впилась руками в стоящую возле молодую знакомую докторшу, — она застонала от боли, мы держались с ней друг за друга.

Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побледнело и приняло свой знакомый облик; через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым. Все стояли вокруг, окаменев, в молчании, несколько минут,— не знаю сколько,— кажется, что долго.

Потом члены правительства устремились к выходу, — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение...

Все они (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком) суетились тут все эти дни, старались помочь и, вместе с тем, страшились — чем все окончится? Но искренние слезы были в те дни у многих — я видела там в слезах и К. Е. Ворошилова, и Л. М. Кагановича, и Г. М. Маленкова, и
Н. А. Булганина, и Н. С. Хрущева. Что говорить, помимо общего дела, объединявшего их с отцом, слишком велико было очарование его одаренной натуры, оно захватывало людей, увлекало, ему невозможно было сопротивляться. Это испытывали и знали многие, — и те, кто теперь делает вид, что никогда этого не испытывал, и те, кто не делает подобного вида.

Все разошлись. Осталось на одре тело, которое должно было лежать здесь еще несколько часов, — таков порядок. Остались в зале Н. А. Булганин и А. И. Микоян, осталась я, сидя на диване У противоположной стены. Погасили половину всех огней, ушли

врачи. Осталась только медсестра, старая сиделка, знакомая мне давно по кремлевской больнице. Она тихо прибирала что-то на огромном обеденном столе, стоявшем в середине зала.

Это был зал, где собирались большие застолья и где съезжался узкий крут Политбюро. За этим столом — за обедом или ужином — решались и вершились дела. «Приехать обедать» к отцу — это и означало приехать решить какой-то вопрос. Пол был устлан колоссальным ковром. По стенам стояли кресла и диваны; в углу был камин, отец всегда любил зимой огонь. В другом углу была радиола с пластинками, у отца была хорошая коллекция народных песен, — русских, грузинских, украинских. Иной музыки он не признавал. В этой комнате прошли все последние годы, почти двадцать лет. Она сейчас прощалась со своим хозяином.

Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садовники, — все они тихо входили, подходили молча к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача. А я-то, каменная, сидела, стояла, смотрела, и хоть бы слезинка выкатилась... И уйти не могла, а все смотрела, оторваться не могла.

Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина, — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Все эти люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны, генералов-комендантов. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше и видела больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И за этим большим столом, где она всегда прислуживала при больших застольях, повидала она людей со всего света. Очень много видела она интересного, — конечно, в рамках своего кругозора, — но рассказывает мне теперь, когда мы видимся, очень живо, ярко, с юмором. И как вся прислуга, до последних дней своих, она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем.

Поздно ночью, — или, вернее, под утро уже, — приехали, чтобы увезти тело на вскрытие. Тут меня начала колотить какая-то нервная дрожь, — ну, хоть бы слезы, хоть бы заплакать. Нет, колотит только. Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела отца нагим, — красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское. И меня охватила, кольнула ножом в сердце странная боль — и я ощутила и поняла, что значит быть «плоть от плоти». И поняла я, что перестало жить и дышать тело, от которого дарована мне жизнь, и вот я буду жить еще и жить на этой земле...

...Так вот, тогда — в Кунцеве, на Ближней, бывало много народу, и было весело...

...Отец жил всегда внизу и, по существу, в одной комнате. Она служила ему всем. На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы; большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше. Тут же стоял буфет с посудой и с медикаментами в одном из отделений. Лекарства отец выбирал себе сам, а единственным авторитетом в медицине был для него академик В. Н. Виноградов, который раз-два в год смотрел его. В комнате лежал большой мягкий ковер и был камин — единственные атрибуты роскоши и комфорта, которые отец признавал и любил. Все прочие комнаты, некогда спланированные Мержановым в качестве кабинета, спальни, столовой, были преобразованы по такому же плану, как и эта. Иногда отец перемещался в какую- либо из этих комнат и переносил туда свой привычный быт.

Почти каждый день (в последние годы, после войны) к нему съезжалось «обедать» все Политбюро. Обедали в большом зале, тут же принимали приезжих гостей. Я бывала там редко и видела в этом зале только Иосипа Броз Тито в 1946 году, но в этом зале побывали, наверное, все руководители братских компартий — англичане, американцы, французы и итальянцы. В этом зале отец лежал в марте 1953 года, и один из диванов возле стены стал его смертным одром...

...Что было приятно в этом доме, это его чудесные террасы со всех сторон и чудный сад. С весны до осени отец проводил дни на этих террасах. Одна была застеклена со всех сторон, Две — открытые, с крышей и без крыши. Особенно он любил в последние годы маленькую западную терраску, где видны были последние лучи заходящего солнца. Она выходила в сад; сюда же

в сад, прямо в цветущие вишни, выходила и застекленная веранда, пристроенная в последние годы.

Сад, цветы и лес вокруг — это было самое любимое развлечение отца, его отдых, его интерес. Сам он никогда не копал землю, не брал в руки лопаты, как это делают истинные любители садоводства. Но он любил, чтобы все было возделано, убрано, чтобы все цвело пышно, обильно, чтобы отовсюду выглядывали спелые, румяные плоды — вишни, помидоры, яблоки, — и требовал этого от своего садовника. Он брал лишь иногда в руки садовые ножницы и подстригал сухие ветки, — это была его единственная работа в саду. Но повсюду в саду, в лесу (тоже прибранном, выкошенном, как в лесопарке) там и сям были разные беседки, с крышей, без крыши, а то просто дощатый настил на земле и на нем столик, плетеная лежанка, шезлонг, — отец все бродил по саду и, казалось, искал себе уютного, спокойного места, — искал и не находил... Летом он целыми днями вот так перемещался по парку, ему несли туда бумаги, газеты, чай. Это тоже была его «роскошь», как он ее понимал и желал, и в этом проявлялся его здоровый вкус к жизни, его неистребимая любовь к природе, к земле, а также его рационализм: последние годы ему хотелось здоровья, хотелось дольше жить...

Когда я была у него здесь последний раз, за два месяца до болезни и смерти, я была неприятно поражена: на стенах комнат и зала были развешаны увеличенные фотографии детей — кажется, из журналов: мальчик на лыжах, деврчка поит козленка из рожка молоком, дети под вишней, еще что-то... В большом зале появилась целая галерея рисунков (репродукций, не подлинников) художника Яр-Кравченко, изображавших советских писателей: тут были Горький, Шолохов, не помню, кто еще. Тут же висела, в рамке, под стеклом, репродукция репинского «Ответа запорожцев султану», — отец обожал эту вещь и очень любил повторять кому угодно непристойный текст этого самого ответа... Повыше на стене висел портрет Ленина, тоже не из самых удачных. Все это было для меня абсолютно непривычно и странно — отец вообще никогда не любил картин и фотографий. Только в квартире нашей в Москве, после маминой смерти, висели ее огромные фотографии в столовой и у отца в кабинете. Но так как он не жил в квартире, то и это тоже не выражало, по существу, ничего...

...Но у нас был когда-то и другой дом... Дом этот назывался «Зубалово», по имени его старого, дореволюционного владельца, и находится он сейчас от меня здесь в двух километрах, недалеко от станции Усово.

Там мои родители жили с 1919 года по 1932-й, до маминой смерти...

...Отец ...пел, у него был отличный слух и высокий, чистый голос (а говорил он, наоборот, почему-то глуховатым и низким негромким голосом). Не знаю, пела ли мама или нет, но, говорят, что в очень редких случаях она могла плавно и красиво танцевать лезгинку. Вообще же грузинское не культивировалось у нас в доме, — отец совершенно обрусел.

Да и вообще, в те годы «национальный вопрос» как-то не волновал людей,— больше интересовались общечеловеческими качествами. Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: «А знаешь, наш отец раньше был грузином». Мне было лет 6, и я не знала, что это такое — быть грузином, и он пояснил: «Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами». Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято — без этого грузинам невозможно! — привозили с собою щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно, причем вина падала на «русскую жену» — маму... А мама сама выросла и родилась на Кавказе и любила Грузию, и знала ее прекрасно, но, действительно, в те времена как-то не поощрялась вся эта «щедрость» за казенный счет...

В доме у нас, в кремлевской квартире, хозяйствовала экономка, найденная мамой — Каролина Васильевна Тиль, из рижских немок. Это была милейшая старая женщина, со старинной прической кверху, в гребенках, с шиньоном на темени, чистенькая, опрятная, очень добрая. Мама доверяла ей весь наш скромный бюджет, она следила за столом взрослых и детей и вообще вела дом. Я говорю, конечно, о том времени, которое сама помню, то есть примерно о 1929—1933 годах, когда у нас в доме был, наконец, создан мамой некоторый порядок, в пределах тех скромных лимитов, которые разрешались в те годы партийным работникам. До этих лет мама вообще сама вела хозяйство, получала какие-то пайки и карточки, и ни о какой прислуге не могло быть и речи. Во всяком случае, важно то, что в доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома, и никаких признаков присутствия в доме чекистов, охраны тогда еще не было. Единственный «охранявший» ездил только с отцом в машине и к дому никакого отношения не имел, да и не подпускался близко.

Примерно так же жила тогда вся «советская верхушка». К роскоши, к приобретательству никто не стремился. Стремились дать образование детям, нанимали хороших гувернанток и немок («от старого времени»), а жены все работали, старались

побольше читать. В моду только входил спорт — играли в теннис, заводили теннисные и крокетные площадки на дачах. Женщины не увлекались тряпками и косметикой, — они были и без этого красивы и привлекательны.

Летом родители, по какой-то своей, установившейся традиции, ездили отдыхать в Сочи. В 1930-м или 1931-м году впервые взяли и меня. Тогда останавливались в маленькой дачке недалеко от Мацесты, где отец принимал ванны от ревматизма, — только после маминой смерти начали строить еще несколько дач специально для отца. Мама моя не успела вкусить позднейшей роскоши из неограниченных казенных средств — все это пришло после ее смерти, когда дом стал на казенную ногу, военизировался, и хозяйство стали вести оперуполномоченные от МГБ. При маме жизнь выглядела нормально и скромно...

...Во всей нашей семье Грузия жила как родина. Для всех, — для бабушки с дедушкой, для мамы, Грузия, с ее солнечным изобилием, с ее горячими чувствами, с ее изяществом, врожденным у князей и крестьян, — этот необыкновенный край, воспетый русскими поэтами, жил в нашем доме совсем не потому, что это была родина отца. Как раз он сам, быть может, меньше всех ею восхищался; он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог «феодальных почестей», оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию, лишь когда постарел...

...Но сегодня я больше не в состоянии писать о прошедшем. Сегодняшняя жизнь, кипящая, сверкающая вокруг, вдруг обступила меня со всех сторон, и не дает больше погружаться в прошедшие дни и уводит меня куда-то в сторону...

Мой сын поехал в Москву — у него урок физики, он готовится держать экзамены в медицинский институт.

Странно, мой отец, из своих восьми внуков, знал и видел только троих — моих детей и дочь Яши. И хотя он был незаслуженно холоден всегда к Яше, его дочь Гуля вызывала в нем неподдельную нежность. И еще странней — мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) — вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой. Мальчику было около 3-х лет, он был прехорошенький ребенок — не то грек, не то грузин, с большими семитскими глазами в длинных ресницах. Мне казалось неизбежным, что ребенок должен вызвать у деда неприятное чувство — но я ничего не понимала в логике сердца. Отец растаял, увидев мальчика. Это было в один из его редких приездов после войны в обезлюдев

шее, неузнаваемо тихое Зубалово, где жили тогда всего лишь мой сын и две няни — его и моя, уже старая и больная. Я заканчивала последний курс университета и жила в Москве, а мальчик рос под «моей» традиционной сосной и под опекой двух нежных старух. Отец поиграл с ним полчасика, побродил вокруг дома (вернее — обежал вокруг него, потому что ходил он до последнего дня быстрой, легкой походкой) и уехал. Я осталась «переживать» и «переваривать» происшедшее — я была на седьмом небе. При его лаконичности, слова: «Сынок у тебя — хорош! Глаза хорошие у него», — равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека. Я поняла, что плохо понимала жизнь, полную неожиданностей. Отец видел Оську еще раза два — последний раз за четыре месяца до смерти, когда малышу было семь лет и он уже ходил в школу. «Какие вдумчивые глаза! — сказал отец. — Умный мальчик!» — и опять я была счастлива...

...Мама была, конечно, — несмотря на смешение кровей — настоящей русской по своему воспитанию и характеру, по своей натуре. Отец полюбил Россию очень сильно и глубоко, на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы все русское. Еще в Сибири отец полюбил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу. Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь...

...Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно — моими «секретарями», или «сек- ретаришками». Не знаю, развлекала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны. В тон его юмору я писала «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом):

«21 октября 1934 г.
Тов. И. В. Сталину,
секретарю № 1.
Приказ № 4

Приказываю тебе взять меня с собой.
Подпись: Сетанка-хозяйка. Печать
Подпись секретаря № 1:

Покоряюсь. И. Сталин».

Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила. Или: «Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зубалово» — 10 мая 1934 года. Или: «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев» и какую-нибудь американскую комедию» — 28 октября 1934 года.

Отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Согласен» или «Будет исполнено».

И так как отец все требовал новых «приказов», а мне это уже надоело, то однажды я написала так: «Приказываю тебе позволить мне писать приказ один раз в шестидневку» — 26 февраля 1937 года.

Став чуть постарше, я несколько разнообразила эти требования:

«Папа!! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка» — 15 декабря 1938 года.

Потом, не дождавшись позднего прихода отца домой, я оставляла ему на столе возле прибора послание:

«Дорогой мой папочка!

Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься.

Можете обедать, пить (не очень), беседовать.

Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор.

В заключение целую папочку крепко-крепкр и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка».

На этом послании от 11 октября 1940 года отец начертал: «Моей воробушке. Читал с удовольствием. Папочка».

И, наконец, последнее подобное шуточное послание — в мае 1941 года, на пороге войны:

«Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично!». Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет. Хозяйка».

И «резолюция» сверху на этом: «Приветствуем нашу хозяйку! За секретаришек — папка И. Сталин».

Вскоре началась война, и всем было не до шуток, не до игр. Но прозвище «Сетанка-хозяйка» долго еще оставалось за мной, и все участники этой игры долго потом называли меня, уже взрослую, «хозяйкой» и вспоминали про эти детские «приказы».

Когда началась война, мне было пятнадцать лет. Осенью 1941 года нас отправили в Куйбышев,— я должна была там окончить девятый класс. В те годы — 1942—43—произошли события, навсегда разъединившие нас с отцом, — мы стали относиться друг к другу отчужденно. Но его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Он мало с кем был так нежен, как со мной, — должно быть, когда-то он очень любил маму. Еще любил он и уважал свою мать. Он говорил, что она была умной женщиной. Он имел в виду ее душевные качества, а не образование, — она едва умела нацарапать свое имя. Он рассказывал иногда, как она колотила его, когда он был маленьким, как колотила и его отца, любившего выпить. Характер у нее был, очевидно, строгий и решительный, и это восхищало отца. Она рано овдовела и стала еще суровее. У нее было много детей, но все умерли в раннем детстве, — только отец мой выжил. Она была очень набожна и мечтала о том, чтобы ее сын стал священником. Она осталась религиозной до последних своих дней и, когда отец навестил ее, незадолго до ее смерти, сказала ему: «А жаль, что ты так и не стал священником»... Он повторял эти ее слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг — к земной славе, к суете...

Она так и не захотела покинуть Грузию и приехать жить в Москву, хотя отец звал ее, и мама тоже. Ей был не нужен столичный уклад жизни, она продолжала свою тихую, скромную жизнь простой набожной старухи. Умерла она в 1936 году около восьмидесяти лет. Отец очень огорчался и часто говорил о ней позже.

Но он был плохим, невнимательным сыном, как и отцом, и мужем... Все его существо целиком было посвящено другому, — политике, борьбе, — поэтому чужие люди всегда были для него важнее и значительнее близких.

Отец обычно не допекал меня нотациями или какими-нибудь нудными придирками. Его родительское руководство было самым общим — хорошо учиться, больше бывать на воздухе, никакой роскоши, никакого баловства. Иногда он проявлял по отношению ко мне какие-то самодурские причуды. Однажды, когда мне было лет десять, в Сочи отец, поглядев на меня (я была довольно «крупным ребенком»), вдруг сказал: «Ты что это голая ходишь?» Я не понимала, в чем дело. «Вот, вот!» — указал он на длину моего платья — оно было выше колен, как и полагалось в моем возрасте. «Черт знает что! — сердился отец. — «А это что такое?» Мои детские трусики тоже его разозлили. «Безобразие!

Физкультурницы! — раздражался он все больше. — Ходят все голые!» Затем он отправился в свою комнату и вынес оттуда две своих нижних рубашки из батиста. «Идем!» — сказал он мне. «Вот, няня, — сказал он моей няне, на лице которой не отразилось удивления, — вот, сшейте ей сами шаровары, чтобы закрывали колени; а платье должно быть ниже колен!» — «Да, да!» — с готовностью ответила моя няня, вовек не спорившая со своими хозяевами. — «Папа! — взмолилась я. — Да ведь так сейчас никто не носит!»

Но это был для него совсем не резон... И мне сшили дурацкие длинные шаровары и длинное платье, закрывавшее коленки — и все это я надевала только идя к отцу. Потом я постепенно укорачивала платье, — он не замечал, потому что ему было уже совсем не до того. И вскоре я вернулась к обычной одежде...

Но он не раз еще доводил меня до слез придирками к моей одежде: то вдруг ругал, почему я ношу летом носки, а не чулки, — «ходишь опять с голыми ногами!». То требовал, чтобы платье было не в талию, а широким балахоном. То сдирал с моей головы берет — «Что это за блин? Не можешь завести себе шляпы получше?» И сколько я ни уверяла, что все девочки носят береты, он был неумолим, пока это не проходило у него и он не забывал сам.

Позже я узнала от Александры Николаевны Накашидзе, что старики в Грузии не переносят коротких платьев, коротких рукавов и носков. Даже став взрослой, идя к отцу, я всегда должна была думать, не слишком ли ярко я одета, так как неминуемо получила бы от него замечание. «На кого ты похожа?!» — произносил он иногда, не стесняясь присутствующих. Быть может его раздражало, что я не походила внешне на маму, а долго оставалась неуклюжим подростком «спортивного типа». Чего-тс ему во мне не хватало, в моей внешности. А вскоре и внутренний мой мир начал его раздражать.

Когда началась война, прекратились и эти редкие встречи с отцом, и для нас с ним настало полное отчуждение. А после войны мы не сблизились снова. Я выросла, и мои детские игры и за бавы, развлекавшие отца, остались в далеком прошлом...

...Когда в 1941 разразилась война, старший брат мой Яша от правился на фронт уже 23 июня, вместе со своей батареей, вме сте со всем выпуском своей академии[1]. Они только что закон чили академию, как раз к началу войны.

[1] Московская артиллерийская академия имени Фрунзе.

Он не сделал попытки использовать какую-нибудь, хоть самую малейшую возможность избежать опасности — хотя бы поехать не в самое пекло (в Белоруссию), или, может быть, отправиться куда-нибудь в тыл, или остаться где-нибудь при штабе.

Подобное поведение было исключено для него всем его характером, всем укладом его честной, порядочной и строгой жизни. И так как отец относился к нему незаслуженно холодно — а это было всем известно, — то никто из высших военных чинов не стал оказывать ему протекцию, зная, что это встретило бы только ярость отца.

...Жизнь в Зубалове была в ту зиму 1942 и 1943 года необычной и неприятной... В дом вошел неведомый ему до этой поры дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья-летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны. И вместе с тем было предельно скучно, — ни одного лица, с кем бы всерьез поговорить, ну хотя бы о том, что происходит в мире, в стране и у себя в душе... В нашем доме всегда было скучно, я привыкла к изоляции, к одиночеству. Но если раньше было скучно и тихо, теперь было скучно и шумно.

Осенью 1942 года в Москву приезжал Уинстон Черчилль. Как-то раз Александра Николаевна Накашидзе позвонила мне и сказала, что надо приехать в город, потому что вечером Черчилль будет у нас обедать и отец велел мне быть дома. Я поехала, думая о том, прилично ли сказать несколько слов по-английски — или уж лучше помалкивать.

Квартира наша была пуста и неуютна. В столовой у окна стояли пустые книжные шкафы, — библиотеку вывезли в Куйбышев. Домашние суетились, кто-то звонил из МИДа с рекомендациями, как надо принять иностранцев.

Наконец все гости прошли по коридору в столовую, и я отправилась туда же. Отец был чрезвычайно радушен. Он был в том самом гостеприимном и любезном расположении духа, которое очаровывало всех. Он сказал: «Это моя дочь!» — и добавил, потрепав меня рукой по голове: «Рыжая!» Уинстон Черчилль заулыбался и заметил, что он тоже в молодости был рыжим, а теперь вот — он ткнул сигарой себе в голову... Потом он сказал, что его дочь служит в королевских военно-воздушных силах. Я понимала его, но смущалась что-либо произносить. Со мной было покончено, разговор пошел по другому руслу — о пушках, самолетах... Я почти все понимала еще до того, как переводчик В. Н. Павлов стал переводить. Но мне не дали слушать

долго, — отец меня поцеловал и сказал, что я могу идти заниматься своими делами.

Почему ему захотелось показать меня Черчиллю, мне тогда не было понятно. А впрочем, теперь мне это понятно, — ему хотелось хоть немного выглядеть обыкновенным человеком. Черчилль был ему симпатичен, это было заметно.

...3 марта утром, когда я собиралась в школу, неожиданно домой приехал отец, что было совершенно необычно. Он прошел своим быстрым шагом прямо в мою комнату, где от одного его взгляда окаменела моя няня, да так и приросла к полу в углу комнаты... Я никогда еще не видела отца таким. Обычно сдержанный и на слова и на эмоции, он задыхался от гнева, он едва мог говорить. «Где, где все это? — выговорил он. — Где все эти письма твоего писателя?»

Нельзя передать, с каким презрением выговорил он слово «писатель»... «Мне все известно! Все твои телефонные разговоры — вот они, здесь! — он похлопал себя рукой по карману. — Ну! Давай сюда! Твой Каплер — английский шпион, он арестован!»

Я достала из своего стола все Люсины записи и фотографии с его надписями, которые он привез мне из Сталинграда. Тут были и его записные книжки, и наброски рассказов, и один новый сценарий о Шостаковиче. Тут было и длинное печальное прощальное письмо Люси, которое он дал Mife в день рождения — на память о нем.

«А я люблю его!» — сказала, наконец, я, обретя дар речи. «Любишь!» — выкрикнул отец с невыразимой злостью к самому этому слову — и я получила две пощечины, — впервые в своей жизни. «Подумайте, няня, до чего она дошла!» — он не мог больше сдерживаться. «Идет такая война, а она занята ...!» — И он произнес грубые мужицкие слова — других слов он не находил...

«Нет, нет, нет! — повторяла моя няня, стоя в углу и отмахиваясь от чего-то страшного пухлой своей рукой. — Нет, нет, нет!»

«Как так — нет?! — не унимался отец, хотя после пощечин он уже выдохся и стал говорить спокойнее. — Как так нет, я все знаю!» И, взглянув на меня, произнес то, что сразило меня наповал: «Ты бы посмотрела на себя — кому ты нужна?! У него кругом бабы, дура!» И ушел к себе в столовую, забрав все, чтобы прочитать своими глазами.

У меня все было сломано в душе. Последние его слова попали в точку. Можно было бы безрезультатно пытаться очернить в моих глазах Люсю — это не имело бы успеха. Но когда мне сказали: — «Посмотри на себя» — тут я поняла, что действительно, кому могла быть я нужна? Разве мог Люся всерьез полюбить меня? Зачем я была нужна ему? Фразу о том, что «твой Каплер — английский шпион», я даже как-то не осознала сразу. И только лишь машинально продолжая собираться в школу, поняла, наконец, что произошло с Люсей... Но все это было как во сне.

Как во сне, я вернулась из школы. «Зайди в столовую к папе», — сказали мне. Я пошла молча. Отец рвал и бросал в корзину мои письма и фотографии. «Писатель! — бормотал он. — Не умеет толком писать по-русски! Уж не могла себе русского найти!» То, что Каплер — еврей, раздражало его, кажется, больше всего...

Мне было все безразлично. Я молчала, потом пошла к себе. С этого дня мы с отцом стали чужими надолго. Не разговаривали мы несколько месяцев; только летом встретились снова. Но никогда потом не возникало между нами прежних отношений. Я была для него уже не та любимая дочь, что прежде.

...Весной 1943 года я окончила школу. С отцом мы не встречались и даже не разговаривали по телефону четыре месяца, с того дня 3 марта. Лишь в июле я позвонила к нему и сказала, что школу окончила. «Приезжай!» — буркнул он.

Я показала ему аттестат и сказала, что хочу поступать в университет, на филологический. Меня тянуло к литературе, и это же советовала мне Анна Алексеевна, наша школьная учительница.

«В литераторы хочешь! — недовольно проговорил отец. — Так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование — ну хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литератору тоже это необходимо. Изучи историю, а потом занимайся, чем хочешь...» Таково было его резюме. И хотя оно было слишком категоричным, а я уже собралась с подругой вместе подавать на филологический, — я все-таки еще раз поверила авторитету отца и поступила на исторический факультет.

...В доме стало опять тихо и скучно. Зубалово с весны 1943 года «закрыли»: отец сказал, что мы превратили его в вертеп. Бабушку и дедушку, приехавших летом, поместили в дом отдыха «Сосны».

...Василий был изгнан из Зубалова, — как и я, — «за разложение» и — по личному приказу отца (в его качестве министра обороны!) — получил десять суток карцера.

...Весной 1944 года я вышла замуж. Мой первый муж, студент, как и я, был знакомый мне еще давно, — мы учились в одной и той же школе. Он был еврей, и это не устраивало моего отца. Но он как-то смирился с этим, ему не хотелось опять перегибать палку, — и поэтому он дал мне согласие на этот брак.

Я ездила к отцу специально для разговора об этом шаге. С ним вообще стало трудно говорить. Он был раз и навсегда мной недоволен, он был во мне разочарован.

Был май, все цвело кругом у него на даче — кипела черемуха, было тихо, пчелы жужжали...

«Значит, замуж хочешь? — сказал он. Потом долго молчал, смотрел на деревья... — Да, весна... — сказал он вдруг. И добавил: — Черт с тобой, делай что хочешь...»

...Только на одном отец настоял — чтобы мой муж не появлялся у него в доме. Нам дали квартиру в городе, — да мы были и довольны этим... И лишь одного он нас лишил — своего радушия, любви, человеческого отношения. Он ни разу не встретился с моим первым мужем и твердо сказал, что этого не будет. «Слишком он расчетлив, твой молодой человек... — говорил он мне. — Смотри-ка, на фронте ведь страшно, там стреляют, — а он, видишь, в тылу окопался...» Я молчала и не настаивала на встрече, она плохо бы кончилась...

В конце 1948 года поднялась новая волна арестов. Попали в тюрьму мои тетки — вдова Павлуши, вдова Реденса. Попали в тюрьму и все их знакомые. Арестовали и отца моего первого мужа — старика И. Г. Морозова. Потом пошла кампания против «космополитов», и арестовали еще массу народа.

Арестовали и Полину Семеновну Жемчужину — не убоявшись нанести такой страшный удар Молотову. Арестовали А. Лозовского. Убили Михоэлса. Они все обвинялись в том, что входили в «сионистский центр».

«Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька», — сказал мне некоторое время спустя отец. «Папа, да ведь молодежи это безразлично, — какой там сионизм?» — пыталась возразить я. «Нет! Ты не понимаешь! — сказал он резко. — Сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат...»

Спорить было бесполезно.

...Отца я не видела очень, очень долго. Зиму 1949—50 года я тяжело болела — ждала ребенка, и это происходило, в отличие от первого раза, ужасно трудно. Весной меня положили в больницу, и после полутора месяцев я наконец вернулась в Успенское с крошечной слабенькой Катькой, совершенно измученная болезнью, одиночеством, сознанием неудачи второго брака, неприязнью к дому, где мне предстояло жить...

В больнице случилось так, что рядом со мной лежала в палате Светлана Молотова, которую я знала с детства. Она тоже родила девочку, и дня через два ее пришел навестить Вячеслав Михайлович — как это вообще полагается у нормальных родителей... Я была ужасно опечалена этим сопоставлением, нервы мои были до предела издерганы долгой болезнью, и я в тот вечер написала отцу письмо, полное обиды... Я получила от него ответ; это было вообще его последнее письмо ко мне:

«Здравствуй, Светочка!

Твое письмо получил. Я очень рад, что ты так легко отделалась. Почки — дело серьезное. К тому же роды... Откуда ты взяла, что я совсем забросил тебя?! Приснится же такое человеку... Советую не верить снам. Береги себя. Береги дочку: государству нужны люди, в том числе и преждевременно родившиеся. Потерпи еще — скоро увидимся. Целую мою Светочку.

Твой «папочка».

10 мая 1950 г.».

Я была рада письму, — я не особенно надеялась, что оно будет... Но мне было ужасно неуютно от мысли, что моя маленькая Катя, которая еще находилась между жизнью и смертью, уже «нужна государству»... И я, увы, хорошо понимала, что «скоро» мы не сможем увидеться...

Мы увиделись и немножко были опять вместе лишь будущим летом — 1951 года, когда он поехал отдыхать в Грузию, в Боржоми, и вызвал меня туда. Я пробыла там с ним недели две. Он отдыхал, и я видела, как он наслаждался сладким воздухом Грузии, ветерком с Куры, пробегавшей рядом с Ликанским дворцом, где он остановился... Ему было уже семьдесят два года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковыляли толстые генералы охраны. Иногда он менял направление, поворачивался кругом, — натыкался прямо на них, — тут его взрывало от злости и, найдя любой маленький повод, он распекал первого попавшегося под руку...

Неприятной для отца была дорога сюда. Отец вообще не выносил вида толпы, рукоплещущей ему и орущей «ура!», — у него перекашивалось лицо от раздражения. На вокзале в Кутаиси земляки-грузины устроили ему такой прием, что долго нельзя было выйти из вагона, невозможно было сесть в машину и ехать... Люди бросались чуть ли не под колеса, лезли, кричали, кидали цветы, поднимали детей над головой. Это было здесь неподдельно, искренне и от самого чистого сердца, но отец от этого раздражался. Он уже привык к тому, что вокзал — пуст, когда он приезжает, что дорога — пуста, когда он едет; он привык, чтобы не бросались к нему с криками в машину, он забыл о неподдельности чувства...

Поэтому он только раз потом попробовал выехать из Боржоми в сторону Бакуриани, но вернулся с полдороги домой... В первой же деревне дорогу устлали коврами, все жители вышли на шоссе, машину остановили... Пришлось выйти, сесть за стол... Слава богу, все это было без меня, — я бы сгорела от стыда в подобной ситуации. Мне всегда бывало ужасно стыдно даже от скромных «ликований» у нас в Москве, в Большом театре или на банкетах в честь семидесятилетия отца. Мне становилось страшно, что отец вот сейчас скажет что-нибудь такое, что сразу всех охладит, — я видела как его передергивает от раздражения. «Разинут рты и орут, как болваны!..» — говорил он со злостью. Может быть, он угадывал лицемерность этого ликования? Он был поразительно чуток к лицемерию, перед ним невозможно было /ггать... А может быть, он был уже настолько опустошен, что не верил в добрые, искренние чувства людей, — даже здесь, в Грузии, где простых крестьян невозможно было заподозрить в лицемерной радости...

После 1947 года отец иногда спрашивал в наши редкие встречи: «Тебе нужны деньги?» — на что я отвечала всегда «нет». — «Врешь ты, — говорил он, — сколько тебе нужно?» Я не знала, что сказать. А он не знал ни счета современным деньгам, ни вообще сколько что стоит, — он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей — это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей, — неведомо, на месяц, на полгода или на две недели, — то считал, что дает миллион...

Вся его зарплата ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка, — наверное, нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — все это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ, а там — своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили... Он и сам этого не

знал. Иногда он набрасывался на своих комендантов и генералов из охраны, на Власика, с бранью: «Дармоеды! Наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!» Но он ничего не знал, он только интуитивно чувствовал, что улетают огромные средства... Он пытался как-то провести ревизию своему хозяйству, но из этого ничего не вышло — ему подсунули какие-то выдуманные цифры. Он пришел в ярость, но так ничего и не мог узнать. При своей всевластности он был бессилен, беспомощен против ужасающей системы, выросшей вокруг него, как гигантские соты, — он не мог ни сломать ее, ни хотя бы проконтролировать... Генерал Власик распоряжался миллионами от его имени, на строительство, на поездки огромных специальных поездов, — но отец не мог даже толком выяснить, где, сколько, кому...

Он понимал, что, должно быть, мне все-таки нужны деньги. Последнее время я училась в аспирантуре Академии общественных наук, где была большая стипендия, так что я была сравнительно обеспечена. Но отец все-таки изредка давал мне деньги и говорил: «А это дашь Яшиной дочке...»

В ту зиму он сделал много для меня. Я тогда развелась со своим вторым мужем и ушла из семьи Ждановых. Отец разрешил мне жить в городе, а не в Кремле — мне дали квартиру, в которой я живу с детьми по сей день. Но он оговорил это право по-своему — хорошо, ты хочешь жить самостоятельно, тогда ты не будешь больше пользоваться ни казенной машиной, ни казенной дачей. «Вот тебе деньги — купи себе машину и езди сама, а твои шоферские права покажешь мне», — сказал он. Меня это вполне устраивало. Это давало мне некоторую свободу и возможность нормально общаться с людьми, — живя снова в Кремле, в нашей старой квартире, это было бы невозможно.

Отец не возражал, когда я сказала, что ухожу от Ждановых. «Делай, как хочешь», — ответил он. Но он был недоволен разводом, это было ему не по сердцу...

«Дармоедкой живешь, на всем готовом?» — спросил он как- то в раздражении. И, узнав, что я плачу за свои готовые обеды из столовой, несколько успокоился. Когда я переехала в город, в свою квартиру, — он был доволен: хватит бесплатного жительства... Вообще, никто так упорно, как он, не старался прививать своим детям мысль о необходимости жить на свои средства. «Дачи, казенные квартиры, машины — все это тебе не принадлежит, не считай это своим», — часто повторял он...[1]

[1] *Аллилуева С.* Двадцать писем к другу. В кн. Загадки смерти Сталина. Барнаул., 1993. С. 8—147.

ИЗ КНИГИ А. КОЛЕСНИКА «МИФ И ПРАВДА О СЕМЬЕ СТАЛИНА»

...Во многих письмах ставится вопрос: насколько соответствует действительности версия об отравлении Сталина, о чем Василий (сын И. В. Сталина. — М. *Л.)* неоднократно говорил.

Пожалуй, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к воспоминаниям действительного члена Академии медицинских наук СССР профессора Я. Л. Мясникова (1899— 1965), известнейшего советского врача-терапевта, лауреата международной премии «Золотой стетоскоп», участника консилиума у постели умирающего И. В. Сталина...

...В этом воспоминании содержатся два ответа: как в пользу утверждения В. Сталина об отравлении, так и в пользу версии естественной смерти вождя. Во-первых, действительно, врачи попали к больному с большим опозданием, только к концу второго марта. Во-вторых, нет никаких доказательств, что все это могло быть подстроено, и тем более кем-то конкретным. Очевидно, однозначный ответ на этот вопрос еще впереди.

Уже много лет живет слух о том, что И. В. Сталин имел крупный денежный счет и им пользовалась его дочь. Откуда он берет начало и как попал в печать, видно из следующих писем: «В мае 1943 года немцы в районе станции Зимны (ж. д. Москва—Рига) бросали в расположение наших войск листовки, где утверждали, что И. В. Сталин в период критического положения нашей страны в 1941 году перевел, на случай поражения, в швейцарский банк 2 миллиона рублей. ,

В то время я воевал в полковой разведке 1115 сп 134 сд. Листовки собирали, жгли. Тогда никто этому не верил.

В 1931 году в Стокгольме издательством «Стрела» действительно была выпущена книга «Сталин» С. Дмитриевского, где есть такие сведения, но вряд ли они могут быть приняты на веру: «В то время вернулись с одной станции Финляндской дороги дочери Аллилуева. Они рассказали, что слышали в вагоне, что виновники июльского восстания — «тайные агенты Вильгельма» — бежали на подводной лодке в Германию и что очень жаль, что так случилось, потому что этих людей надо бы убить... Девочки были очень смущены, узнав, что главный виновник восстания сидит у них в квартире. Но их информация показала, что

попадаться в руки властям Ленину нельзя. Сталин, смеясь, спросил младшую:

— Так убьют Ильича, а?

Серьезно глядя на него чистыми, еще совсем почти детскими глазами, она сказала:

— Конечно, убьют!..

Уверенная твердость ее голоса, серьезность глаз, какая-то ясная определенность лица и фигура произвели на Сталина впечатление. Его потянуло к этому полуребенку. Правильность информации девушек подтвердила и разведка Орджоникидзе и Ногина, которых Сталин направил в исполком Совета узнать: гарантируют ли Ленину жизнь? Меньшевики гарантии дать не могли».

Так время корректирует портрет И. В. Сталина с помощью все новых и новых деталей, и мы, возможно, когда-нибудь приблизимся к истине.

...У И. В. Сталина никогда не было за рубежом никаких вкладов, а в СССР — 3000 рублей (30 ООО в дореформенном исчислении), которые были разделены его наследниками. Светлана Аллилуева после выезда из СССР жила на собственные, заработанные писательским трудом деньги и на получаемые ею пожертвования от частных граждан и организаций.

...Где-то в 60-х годах С. Аллилуева сказала, что ей поручено разделить деньги в сумме 30 000 рублей в старом исчислении со сберкнижки И. В. Сталина, видимо, какой-то гонорар. Она предложила эту сумму разделить на три доли, по числу детей у И. В. Сталина), затем каждая часть делится среди внуков. Часть Василия была разделена между его четырьмя детьми, часть Якова — между двумя. Я получил 5000 рублей, свою долю — 10 000 рублей — Светлана Аллилуева забрала себе.

— Какие отношения между внуками Сталина, часто ли собираетесь вместе, в чем оказываете друг другу поддержку?

— Мне не хотелось бы отвечать за всех. Я могу на ваш вопрос дать только отрицательный ответ. Каждый живет и трудится самостоятельно, и никто не испытывает желания собираться вместе. У меня лично сложились добрые отношения только с Иосифом Аллилуевым, которого рад поздравить с защитой докторской диссертации.

— Чем можно объяснить такую отчужденность друг от друга?

— На мой взгляд, внуки Сталина в этом вопросе получили дурное наследство. Василий и Светлана, как известно, не испы

тывали друг к другу родственных чувств. То, что их объединяло, — еще больше разделяло. Я сам был свидетелем нецензурной брани Василия по поводу своей сестры. Что касается Светланы — то это сущий демон в монашеской сутане...[1]

СТАЛИН И ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

...Во время работы в управлении получаю от одного из отставников любопытный документ, который и привожу полностью.

«9 ноября 1952 года бюро Президиума ЦК КПСС создало Комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР. В течение ноября — декабря 1952 года Комиссией был подготовлен проект постановления ЦК КПСС о «Главном разведывательном управлении МГБ СССР».

В ходе подготовки этого проекта на одном из заседаний Комиссии И. В. Сталин высказал следующие замечания о разведке:

«В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжелые провалы. Идти в лоб — это близорукая тактика. .

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств — этЪ будет ненадежный агент.

Полностью изжить трафарет из разведки. Все время менять тактику, методы. Все время приспосабливаться к мировой обстановке. Использовать мировую обстановку. Вести атаку маневренную, разумную. Использовать то, что бог нам предоставляет.

Самое главное, чтобы в разведке научились признавать свои ошибки. Человек сначала признает свои провалы и ошибки, а уже потом поправляется.

Брать там, где слабо, где плохо охраняется. .

Исправлять разведку надо прежде всего с изжития лобовой атаки.

Главный наш враг — Америка. Но основной удар надо делать не собственно на Америку.

Нелегальные резидентуры надо создать прежде всего в приграничных государствах.

[1] *Колесник А.* Миф и правда о семье Сталина. Ижевск, 1990. С. 40—46, 165.

Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Нельзя быть наивным в политике, но особенно нельзя быть наивным в разведке.

Агенту нельзя давать такие поручения, к которым он не подготовлен, которые его дезорганизуют морально.

' В разведке иметь агентов с большим культурным кругозором — профессоров (привел пример, когда во времена подполья послали человека во Францию, чтобы разобраться с положением дел в меньшевистских организациях, и он один сделал больше, чем десяток других).

Разведка — святое, идеальное для нас дело.

Надо приобретать авторитет. В разведке должнр быть несколько сот человек-друзей (это больше, чем агенты), готовых выполнить любое задание.

Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

Агентов иметь не замухрышек, а друзей — высший класс разведки.

Филерская служба, по-моему, должна быть разбита по различным управлениям».

Да, ничего не скажешь, соображения толковые[1].

НИКИТА ЗАБЫЛ?

Из доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе и его последствиях» 23 февраля 1956 г.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

[1] *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы. М., 1992. С. 172—173.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров, как замаскировавшихся врагов. *(Движение в зале.)* Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине...[1]

ИЗ ДОКУМЕНТА, ДАТИРОВАННОГО МАРТОМ 1938 г.

«Постановление Военного совета Киевского военного округа о состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа.

1. В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина — Сталина командиров, политработников, начальников — кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи частей РККА...

3. Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров. Военный совет ставит как главную задачу — до конца выкорчевать остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, начальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры...

Командующий войсками Киевского военного округа
командарм второго ранга *Тимошенко* Член Военного совета
комкор *Смирнов* Член Военного совета, секретарь ЦК
КП(б)У *Хрущев».*

Далее Тимошенко, Смирнов и Хрущев сообщали, что «в итоге беспощадного выкорчевывания троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов» на 25 марта 1938 года произведено следующее обновление руководящего состава округа:

[1] Известия ЦК КПСС. 1989, № 3. с. 149.

	по штату	обновлено
командиров корпусов	9	9
командиров дивизий	25	24
командиров бригад	9	5
командиров полков	135	87
командиров УРов	4	4
начальников штабов корпусов	9	6
начальников штабов дивизий	25	18
начальников штабов УРов	4	3
начальников штабов полков	135	78
начальников отделов штаба округа	24	19

О ГИТЛЕРЕ ИЛИ О СТАЛИНЕ?

Работники всех видов искусств не только заявляли о своей пламенной поддержке, верности вождю в своих бесчисленных выступлениях, но и посвящали ему свое творчество. Это относится, прежде всего, к композитору Д. Шостаковичу, пятикратному лауреату Сталинской премии, Ленинской и Международной Ленинской премии, Герою соцтруда, секретарю всевозможных союзов, одному из наиболее обласканных партией (хотя однажды по-отечески покритикованному) деятелей советской культуры. Шостакович — автор множества музыкальных сочинений на официозные темы (11-я симфония «1905 год»), оратории, посвященной насаждению лесов по сталинскому плану, торжественного хора «Сталину слава, слава вовеки» — в фильме «Падение Берлина», музыки к фильму «Незабываемый 1919 год», опер «Карл Маркс», «Молодая Гвардия» и т. д. Конечно, музыкальное наследие композитора обширно, но речь не об этом, а конкретно о том, как этот композитор с «родимым пятном социализма» ныне преподносится в качестве жертвы этого социализма и возносится на высоту борца против «сталинизма», «тоталитаризма». Тон этому задал сам композитор, открывая вдруг нам свои удивительные метаморфозы. О своей Седьмой («Ленинградской») симфонии он всегда говорил, что в ней изображено зло фашистского нашествия, подвиг блокадного города. И вот в своих «Мемуарах», в противоположность прежним высказываниям, он пишет: «Седьмая симфония была задумана до войны. И, следовательно, она никак не может быть вызвана нападением Гитлера. «Тема нашествия» к нашествию не имеет никакого отношения.

Совсем о других врагах человечества думал я, когда ее сочинял». В этой симфонии «нет и речи об осаде Ленинграда, который погубил Сталин. Гитлеру оставалось лишь докончить его». Оказывается, главный враг композитора не «немецкий фашизм», не Гитлер, а Сталин. Когда-то воспевавший Сталина в своих музыкальных сочинениях, в бесчисленных выступлениях пятикратный лауреат Сталинской премии в новой политической ситуации поспешил не отстать от хора «разоблачителей культа личности», претендуя на некий приоритет в этом деле.

И такое же превращение с другими сочинениями. Симфония «1905 год» при новой конъюнктуре — «хотя и называется «1905 год»... относится к современному явлению». «Где можно поставить памятник Мейерхольду или Тухачевскому? Это может сделать только музыка» — как запоздалый реквием «жертв сталинизма». Сам факт добровольного вступления Шостаковича в партию после смерти Сталина оценивается биографами композитора как жесточайшее насилие над ним, чуть ли не приведшее его к самоубийству. «Сколько масок надел на себя автор в своей трагической жизни — и какие из них он пожелал снять?» — с сочувствием пишет один из этих биографов.

М. Джилас

ВСТРЕЧИ СО СТАЛИНЫМ[#]

...Сталин представлялся не только неоспоримым и гениальным вождем, но и воплощением самой идеи и мечты о новом обществе. Это обожествление личности Сталина и безусловное принятие всего, происходившего в Советском Союзе, приобретало иррациональные формы и масштабы. Любое действие Советского правительства — скажем, нападение на Финляндию, все отрицательное в Советском Союзе, например, судебные расправы и чистки — получало оправдание, еще более странным являлось то, что коммунистам удавалось убеждать самих себя в целесообразности и справедливости всех этих мероприятий или, что еще проще, вытеснять из своего сознания и забывать неприятные факты.

Между нами, коммунистами, были и люди с развитым эстетическим вкусом, с глубоким знанием литературы и философии, но, несмотря на это, мы все же были воодушевлены не только взглядами Сталина, но и «совершенством» формы их изложения.

Я и сам в дискуссиях часто указывал на кристальность стиля, на несокрушимость логики и гармонию изложения сталинских мыслей как выражение глубочайшей мудрости, хотя для меня и тогда не составило бы большого труда определить, — если бы дело касалось другого автора, — что на самом деле это бесцветная ограниченность и неуместная смесь вульгарной журналистики с Библией. Иногда это принимало комические формы: всерьез считали, что война окончится в 1942 году, потому что так сказал Сталин. Когда же этого не произошло, пророчество было забыто, причем прорицатель ничего не потерял от своего сверхчеловеческого могущества. С югославскими коммунистами происходило то же, что происходило за всю долгую человеческую историю с теми, кто свою судьбу и судьбу мира подчинял одной-единст- венной идее. Сами того не замечая, они создавали в своем воображении Советский Союз и Сталина такими, какими они были необходимы для их борьбы и ее оправдания...

...Следует отметить отношение Димитрова к Сталину. Он тоже говорил о нем с уважением и восхищением, но без явной лести и низкопоклонства. Он относился к Сталину как дисциплинированный революционер, повинующийся вождю, но думающий самостоятельно. Особенно подчеркивал он роль Сталина во время войны.

Он рассказывал:

— Когда немцы были под Москвой, настала общая неуверенность и разброд. Часть центральных партийных и правительственных учреждений, а также дипкорпус перебрались в Куйбышев. Но Сталин остался в Москве. Я был у него тогда в Кремле, а из Кремля выносили архивы. Я предложил Сталину, чтобы Коминтерн выпустил обращение к немецким солдатам. Он согласился, хотя и считал, что пользы от этого не будет. Вскоре мне пришлось уехать из Москвы. Сталин же остался и решил ее оборонять. В эти трагические дни он в годовщину Октябрьской революции принимал парад на Красной площади: дивизии мимо него уходили на фронт. Трудно выразить то огромное моральное воздействие на советских людей, когда они узнали, что Сталин в Москве, и услышали из нее его слова, — это возвратило веру, вселило уверенность в самих себя и стоило больше хорошей армии.

Разговор начался с того, что Сталин поинтересовался нашими впечатлениями о Советском Союзе. Я сказал:

— Мы воодушевлены!

На что он заметил:

— А мы не воодушевлены, хотя делаем все, чтобы в России стало лучше.

Мне врезалось в память, что Сталин сказал именно Россия, а не Советский Союз. Это означало, что он не только инспирирует русский патриотизм, но и увлекается им, себя с ним идентифицирует.

Однако времени размышлять об этом не было, потому что Сталин сразу перешел к отношениям с королевским югославским правительством в эмиграции, спросив Молотова:

— А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито — единственного, кто фактически борется против немцев? .

Молотов усмехнулся — в усмешке была ирония и самодовольство:

— Нет, это невозможно, они полностью разбираются в отношениях, создавшихся в Югославии.

Меня привел в восторг этот непосредственный обнаженный подход, которого я не встречал в советских учреждениях, и тем более в советской пропаганде. Я почувствовал себя на своем месте, больше того — рядом с человеком, который относится к реальности так же как и я, не маскируя ее. Не нужно, конечно, пояснять, что Сталин был таким только среди своих людей, то есть среди преданных ему и поддерживающих его линию коммунистов. #

...Когда я упомянул заем в двести тысяч долларов, он сказал, что это мелочь и что это мало поможет, но что эту сумму нам сразу вручат. А на мое замечание, что мы вернем заем и заплатим за поставку вооружения и другого материала после освобождения, он искренне рассердился:

— Вы меня оскорбляете, вы будете проливать кровь, а я — брать деньги за оружие! Я не торговец, мы не торговцы, вы боретесь за то же дело, что и мы, и мы обязаны поделиться с вами тем, что у нас есть.

...Одновременно Сталин интересовался моим мнением об отдельных югославских политиках. Он спросил меня, что я думаю о Милане Гавриловиче, лидере сербских земледельцев и первом югославском после в Москве. Я сказал: лукавый человек.

Сталин прокомментировал как бы про себя:

— Да, есть политики, считающие, что хитрость в политике — самое главное. А на меня Гаврилович не произвел впечатления глупого человека.

Я добавил:

— Он политик с узкими взглядами, хотя нельзя сказать, что он глуп.

Сталин спросил, на ком женился югославский король Петр II. Когда я сказал, что на греческой принцессе, он шутя заметил:

— А что, Вячеслав Михайлович, если бы я или ты женился на какой-нибудь иностранной принцессе, может, из этого вышла бы какая-нибудь польза?

Засмеялся и Молотов, но сдержанно и беззвучно. Под конец я передал Сталину подарки — все они сейчас здесь казались особенно примитивными и бедными. Но он ничем не выразил пренебрежения. Увидав опанки, он сказал:

— Лапти! — Взяв винтовку, открыл и закрыл затвор, взвесил ее в руке и прокомментировал: — Наша легче.

Встреча продолжалась около часа.

...Но у меня тогда была еще одна, более значительная и интересная встреча со Сталиным.

Я запомнил, когда это было: в ночь накануне высадки союзников в Нормандии...

...Затем Сталин пригласил нас к ужину, но в холле мы задержались перед картой мира, на которой Советский Союз был обозначен красным цветом и потому выделялся и казался больше, чем обычно. Сталин провел рукой по Советскому Союзу и воскликнул, продрлжая свои высказывания по поводу британцев и американцев:

— Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда!

На этой карте я обратил внимание на район Сталинграда, обведенный с запада синим карандашом, — очевидно, это сделал Сталин до или во время битвы за Сталинград. Он заметил мой взгляд, и мне показалось, что ему это приятно, хотя он никак не обнаружил своих чувств...

...В какой-то момент Тито сказал, что в социализме существуют новые явления и что социализм проявляет себя сейчас по- иному, чем прежде, на что Сталин заявил:

— Сегодня социализм возможен и при английской монархии. Революция нужна теперь не повсюду. Тут недавно у меня была делегация британских лейбористов, и мы говорили как раз об этом. Да, есть много нового. Да, даже и при английском короле возможен социализм.

Как известно, Сталин никогда открыто не становился на такую точку зрения. Британские лейбористы вскоре после этого получили большинство на выборах и национализировали свыше 20% промышленности. Но все-таки Сталин никогда не признал эти меры социалистическими и не назвал лейбористов социалистами. Я думаю, что он не сделал этого главным образом из-за несогласия и столкновений с лейбористским правительством во внешней политике.

...Сталин изложил свою точку зрения и на существенную особенность идущей войны.

— В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может.

Он без подробных обоснований изложил суть своей панславистской политики:

— Если славяне будут объединены и солидарны — никто в будущем пальцем не шевельнет. Пальцем не шевельнет! — повторял он, резко рассекая воздух указательным пальцем.

Кто-то высказал мысль, что немцы не оправятся в течение следующих пятидесяти лет. Но Сталин придерживался другого мнения:

— Нет, оправятся они, и очень скоро. Это высокоразвитая промышленная страна с очень квалифицированным и многочисленным рабочим классом и технической интеллигенцией — лет через двенадцать-пятнадцать они снова будут на ногах. И поэтому нужно единство славян. И вообще, если славяне будут едины — никто пальцем не шевельнет.

В какой-то момент он встал, подтянул брюки, как бы готовясь к борьбе или кулачному бою, и почти в упоении воскликнул:

— Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!

Что-то жуткое было в его словах: ужасная война еще шла. Но импонировала его уверенность в выборе направления, по которому надо идти, сознание неизбежного будущего, которое предстоит миру, где он живет, и движению, которое он возглавляет.

...Пора уже поговорить и об отношении Сталина к революциям, а следовательно, и к революции югославской.

В связи с тем, что Москва — часто в самые решительные моменты — отказывалась от поддержки китайской, испанской, а вс многом и югославской революции, не без основания преобладало мнение, что Сталин был вообще против революций. Межд)

тем это’не совсем верно. Он был против революции лишь в той мере, в какой она выходила за пределы интересов Советского государства. Он инстинктивно ощущал, что создание революционных центров вне Москвы может поставить под угрозу ее монопольное положение в мировом коммунизме, что и произошло на самом деле. Поэтому он революции поддерживал только до определенного момента, до тех пор, пока он их мог контролировать, всегда готовый бросить их на произвол судьбы, если они ускользали из его рук...

...Сталин меня внезапно в конце ужина спросил, почему в югославской партии мало евреев и почему они не играют в ней никакой роли? Я попытался объяснить:

— Евреев в Югославии вообще немного, и в большинстве они принадлежали к среднему слою. — Я добавил: — Единственный выдающийся коммунист-еврей — это Пьяде, но и он больше чувствует себя сербом, чем евреем.

Сталин начал вспоминать:

— Пьяде, небольшой, в очках? Да, помню, он был у меня. А каковы его функции?

— Член Центрального комитета, старый коммунист, переводчик «Капитала», — объяснил я.

— А у нас в Центральном комитете евреев нет! — прервал меня он и начал вызывающе смеяться: — Вы антисемиты! И вы, Джи л ас, и вы антисемит!

Этот смех и его слова я понял, как и следовало, в обратном смысле — как выражение его антисемитизма и вызов, чтобы я высказал свое мнение о евреях, в особенности о евреях в коммунистическом движении. Я молчал и посмеивался — это мне было нетрудно, поскольку я антисемитом никогда не был, а коммунистов разделял только на хороших и плохих. Но Сталин вскоре и сам оставил эту скользкую тему, удовлетворившись циничным вызовом.

...Второй вопрос относился к Достоевскому. Я с ранней молодости считал Достоевского во многом самым большим писателем нашего времени и никак не мог согласиться с тем, что его атакуют марксисты.

Сталин на это ответил просто:

— Великий писатель — и великий реакционер. Мы его не печатаем, потому что он плохо влияет на молодежь. Но писатель великий!

Мы перешли к Горькому. Я сказал, что считаю самЬш значительным его произведением — как по методу, так и по глубине изображения русской революции — «Жизнь Клима Самгина». Но Сталин не согласился, обойдя тему о методе:

— Нет, лучшие его вещи те, которые он написал раньше: «Городок Окуров», рассказы и «Фома Гордеев». Что же касается изображения русской революции в «Климе Самгине», так там очень мало революции и всего один большевик — как бишь его звали: Лютиков, Лютов?!

Я поправил:

— Кутузов, Лютов совсем другое лицо.

Сталин продолжал:

— Да, Кутузов! Революция там показана односторонне и недостаточно, а с литературной точки зрения его ранние произведения лучше.

Мне было ясно, что Сталин и я не понимаем друг друга и что мы не сошлись бы во вкусах, хотя я и раньше слыхал мнения крупных писателей, которые, как и он, считали названные им произведения Горького наилучшими...

...Советская сторона никак себя не проявляла до вечера следующего дня, десятого января, когда нас около девяти вечера посадили в автомобиль и отвезли в Кремль, в рабочие помещения Сталина. Там мы минут пятнадцать ожидали болгар — Димитрова, Коларова и Костова. Как только они прибыли, нас всех сразу ввели к Сталину.

#

Мы сели так, что справа от Сталина, который сел во главе стола, находились советские представители — Молотов, Жданов, Маленков, Суслов, Зорин, слева болгарские — Коларов, Димитров, Костов, а справа югославские — Кардель, я, Бакарич.

Об этой встрече я в свое время представил письменный отчет югославскому Центральному комитету. Но сегодня у меня нет возможности его просмотреть, и я полагаюсь на свою память и на опубликованные об этой встрече материалы.

Первым получил слово Молотов, который коротко, как обычно, сообщил, что возникли серьезные расхождения между Советским правительством, с одной стороны, и югославским и болгарским правительством, с другой стороны, что недопустимо ни с партийной, ни с государственной точки зрения.

Примером этих расхождений он назвал подписание союзного договора между Югославией и Болгарией, хотя Советское правительство придерживается точки зрения, что Болгария не должна заключать никаких договоров до того, пока с ней не будет подписан мир.

Молотов хотел подробнее коснуться заявления Димитрова в Бухаресте о создании восточноевропейских федераций, в котором Димитров упомянул и Грецию, и таможенного союза и согласования промышленных планов между Румынией и Болгарией. Но Сталин его прервал:

— Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях — не следит за тем, что говорит. А все, что он говорит, что говорит Тито, за границей воспринимают, как будто это сказано с нашего ведома. Вот, например, у нас тут были поляки. Я их спрашиваю: что вы думаете о заявлении Димитрова? Они говорят: разумное дело. А я им говорю: нет, это неразумное дело. Тогда они говорят, что и они думают, что это неразумное дело, — если таково мнение Советского правительства. Потому что они думали, что Димитров сделал заявление с ведома и согласия Советского правительства, и поэтому и они его одобряли. Димитров потом пытался исправить это заявление через Болгарское телеграфное агентство, но ничего не исправил. Больше того, он привел пример, как Австро-Венгрия в свое время препятствовала таможенному союзу между Болгарией и Сербией, из чего само собой напрашивается вывод: раньше мешали немцы, а теперь — русские. Вот в чем дело!

Молотов продолжил, говоря, что болгарское правительство идет на федерацию с Румынией, даже не посоветовавшись об этом с Советским правительством.

Димитров, пытаясь смягчить, подчеркнул, что он говорил о федерации не конкретно.

— Нет, вы договорились о таможенном союзе, о согласовании промышленных планов, — прервал его Сталин.

Молотов дополнил Сталина:

— А что такое таможенный союз и согласование экономики, как не создание одного государства?

В этот момент сама собою, никем не сформулированная, обнажилась вся сущность встречи: между «народными демократиями» не может развиваться никаких отношений, если они не соответствуют интересам Советского правительства и им не одобрены. Стало ясно, что для великодержавно мыслящих советских вождей, рассматривающих Советский Союз «ведущей силой социализма» и все время помнящих, что Красная Армия освободила Румынию и Болгарию, заявления Димитрова и недисциплинированность и самоволие Югославии не только ересь, но и покушение на их «священные» права.

Димитров пытался объяснять, оправдываться. Но Сталин его все время перебивал, не давая закончить.

Это был сейчас подлинный Сталин — его остроумие перешло в язвительную грубость, а его нетерпимость в непримиримость. Все же он сдерживался, чтобы не прийти в ярость. Поскольку же он ни на мгновение не терял ощущения реальности, он ругал и горько упрекал болгар, зная, что они ему и так покорятся, но целился на самом-то деле в югославов, по народной пословице: дочь бранит, чтобы сноху облаять.

Поддержанный Карделем, Димитров сказал, что Югославия и Болгария на озере Блед опубликовали не договор, а только сообщение, что достигнуто соглашение о договоре.

— Да, но вы не посоветовались с нами! — воскликнул Сталин. — Мы о ваших отношениях узнаем из газет! Болтаете, как бабы на перекрестке, что вам взбредет в голову, а журналисты подхватывают!

Димитров, одновременно оправдывая свою точку зрения на таможенный союз с Румынией, продолжал:

— Болгария испытывает такие экономические затруднения, что без более тесного сотрудничества с другими странами не может развиваться. Что касается моего заявления на пресс-конференции, это верно, я увлекся.

Сталин его прервал:

— Вы хотели блеснуть новыми фразами! Это насквозь ошибочно, подобная федерация немыслима. Какие существуют исторические связи между Болгарией и Румынией? Никаких! Уже не говоря о Болгарии и, скажем, Венгрии или Польше.

Димитров оправдывается:

— В сущности, между внешней политикой Болгарии и Советского Союза разницы нет.

Сталин, упрямо и жестоко:

— Есть большая разница! К чему это скрывать? Ленинская практика состояла в том, что ошибки надо сознавать и как можно скорей их устранять.

Димитров примирительно и почти послушно:

— Верно, мы ошиблись. Но мы учимся и на этих ошибкам во внешней политике.

Сталин резко и насмешливо:

— Учитесь! Занимаетесь политикой пятьдесят лет и — исправляете ошибки! Тут дело не в ошибках, а в позиции, отли чающейся от нашей.

Я искоса посмотрел на Димитрова: уши его покраснели, '< по лицу, в местах, как бы покрытых лишаями, пошли крупные красные пятна. Редкие волосы растрепались, и их пряди мертве

висели на морщинистой шее. Мне его было жаль. Волк с Лейпцигского процесса, дававший отпор Герингу и фашизму в зените их силы, выглядел уныло и понуро.

Сталин продолжал:

— Таможенный союз, федерация между Румынией и Болгарией — это глупости! Другое дело — федерация между Югославией, Болгарией и Албанией. Тут существуют исторические и другие связи. Эту федерацию следует создавать чем скорее, тем лучше. Да, чем скорее, тем лучше — сразу, если возможно, завтра! Да, завтра, если возможно! Сразу и договоритесь об этом.

Кто-то — думаю, что Кардель, — заметил, что работа над созданием югославско-албанской федерации уже идет.

Но Сталин уточняет:

— Нет, сначала федерация между Болгарией и Югославией, а затем обеих с Албанией. — И потом добавляет: — Мы думаем, что следует создать федерацию Румынии с Венгрией и Польши с Чехословакией.

Дискуссия на какое-то время успокаивается.

Сталин вопрос федерации больше не развивал, он только позже несколько раз повторил, что надо сразу создать федерацию между Югославией, Болгарией и Албанией. На основании изложенной выше точки зрения и неопределенных намеков советских дипломатов в то время можно было заключить, что советское руководство вынашивает мысль о перестройке Советского Союза, а именно — о его слиянии с «народными демократиями»: Украины с Венгрией и Румынией, а Белоруссии с Польшей и Чехословакией, в то время как Балканские страны объединились бы с Россией! Но сколь бы туманны и предположительны ни были эти планы, несомненно одно: Сталин искал для восточно-европейских стран такие решения и такие формы, которые бы укрепили и на долгое время обеспечили господство и гегемонию Москвы.

С вопросом о таможенном союзе и болгарско-румынском договоре было, казалось, уже покончено, как вдруг заговорил старик Коларов, вспомнивший что-то важное:

— Я не вижу, в чем тут ошибка товарища Димитрова, — ведь мы проект договора с Румынией предварительно посылали Советскому правительству, и оно никак не возражало против таможенного союза, а только против определения понятия агрессора.

Сталин повернулся к Молотову:

— Присылали нам проект договора?

Молотов, нисколько не смутившись, немного язвительно:

— Ну, да! ,

Сталин, разочарованно и зло:

— И мы делаем глупости.

Димитров уцепился за сказанное: .

— Это и было причиной моего заявления — проект посылался в Москву, я не предполагал, что вы могли иметь что-либо против.

Но Сталин остался неумолимым:

— Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир — как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице — вы ставите нас перед свершившимися фактами!

Костову, который руководил тогда экономическими делами Болгарии, хотелось тоже что-то сказать:

— Трудно быть малым и слаборазвитым государством... Я хотел бы поднять кое-какие экономические вопросы.

Но Сталин его прервал, сказав, чтобы он обратился в соответствующие министерства, и подчеркнул, что на этой встрече рассматриваются внешнеполитические расхождения трех правительств и партий.

Наконец слово получил Кардель. Он покраснел — это у него признак возбуждения, — втянул голову в плечи и делает паузы во фразах не там, где положено. Он подчеркнул, что договор между Югославией и Болгарией, подписанный на озере Блед, был заранее послан Советскому правительству и что последнее не сделало никаких замечаний, кроме одного, касающегося продолжительности договора: вместо «на вечные времена» — «на 20 лет».

Сталин молча и с упреком смотрит на Молотова, тот склоняет голову и сжимает губы, фактически подтверждая слова Карделя.

— Кроме этого замечания, которое мы приняли, — констатирует Кардель, — никаких расхождений не было...

Но Сталин его прерывает, не менее зло, хотя и менее оскорбительно, чем Димитрова:

— Ерунда! Расхождения есть, и глубокие! Что вы скажете насчет Албании? Вы нас вообще не проконсультировали о вводе войск в Албанию!

Кардель возразил, что на это существовало согласие албанского правительства.

Сталин кричит:

— Это могло бы привести к серьезным международным осложнениям — Албания независимая страна! Что вы думаете? Оправдывайтесь' или не оправдывайтесь, факт остается фак

том — вы не посоветовались с нами о посылке двух дивизий в Албанию.

Кардель объяснил, что все это еще не решено окончательно, и добавил, что он не помнит ни одного внешнеполитического вопроса, по которому югославское правительство не согласовывало бы свои действия с советским.

— Неправда! — восклицает Сталин. — Вы вообще не советуетесь. Это у вас не ошибка, а принцип — да, принцип!

Прерванный Кардель умолк, так и не изложив своей точки зрения.

Молотов взял бумагу и прочел место из югославско-болгарского договора, где говорится, что Болгария и Югославия будут «...сотрудничать в духе Объединенных Наций и поддерживать всякую инициативу, направленную на поддержание мира и против всех очагов агрессии».

— Что это означает? — спрашивает Молотов.

Димитров разъясняет, что смысл этих слов — привязать борьбу против очагов агрессии к Объединенным Нациям.

Сталин вмешивается:

— Нет, это превентивная война — самый обыкновенный комсомольский выпад! Крикливая фраза, которая только дает материал противнику.

Молотов снова возвращается к болгаро-румынскому таможенному союзу, утверждая, что это начало слияния двух государств.

Сталин вмешивается, говоря, что таможенные союзы вообще нереальны. После того как дискуссия снова несколько успокаивается, Кардель замечает, что некоторые таможенные союзы на практике оказываются неплохими.

— Например? — спрашивает Сталин.

— Ну, например, Бенилюкс,— говорит осторожно Кардель, — в нем объединились Бельгия, Голландия и Люксембург.

Сталин:

— Нет, Голландии там нет, это только Бельгия и Люксембург, — это чепуха, не имеющая значения.

Кардель:

— Нет, туда входит и Голландия.

Сталин упрямо:

— Нет, Голландия не входит.

Сталин смотрит на Молотова, на Зорина, на остальных — я ощущаю желание объяснить ему, что слог «ни» в названии Бенилюкс происходит от «Нидерланд» — подлинного наименова

ния Голландии. Но поскольку все молчат, молчу и я — и Бенилюкс остается — без Голландии.

Сталин вернулся к согласованию экономических планов между Румынией и Болгарией.

— Это бессмыслица — вместо сотрудничества вскоре начались бы ссоры. Другое дело — объединение Болгарии и Югославии: здесь существует сродство, давнишние стремления.

Кардель подчеркнул, что на озере Блед также решено постепенно действовать в направлении создания федерации между Болгарией и Югославией, но Сталин его прерывает, уточняя:

— Нет, не постепенно, а сразу, если возможно — уже завтра. Сначала должны объединиться Болгария и Югославия, а затем к ним присоединится Албания.

Сталин затем переходит к восстанию в Греции:

— Следует свернуть восстание в Греции,— он именно так и сказал: «свернуть». — Верите ли вы, — обратился он к Карде- лю, — в успех восстания в Греции?

Кардель отвечает:

— Если не усилится иностранная интервенция и если не будут допущены крупные политические и военные ошибки...

Но Сталин продолжает, не обращая внимания на слова Кар- деля:

— Если, если! Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире? — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно скорее.

Кто-то заговорил о недавних успехах китайских коммунистов. Но Сталин настаивал на своем:

— Да, китайским товарищам удалось. Но в Греции совершенно иное положение. Греция лежит на жизненно важных ком- муникационных путях западных государств. Там непосредственно вмешались Соединенные Штаты — самая мощная держава в мире. С Китаем — это другое дело, на Дальнем Востоке иное положение. Правда, и мы можем ошибаться! Вот когда закончилась война с Японией, мы предложили китайским товарищам найти модус вивенди с Чан Кайши. Они на словах согласились с нами, а когда приехали домой, сделали по-своему: собрали силы и ударили. Оказалось, что правы были они, а не мы. Но в Греции другое положение — надо, не колеблясь, свернуть греческое восстание.

Мне и сегодня не ясны все причины, по которым Сталин был против восстания в Греции. В его расчеты не могло входить создание на Балканах еще одного коммунистического государства — Греции, в то время как остальные не были обузданы и прибраны к рукам. Еще меньше могли входить в его расчеты международные осложнения, которые приобретали угрожающие формы и могли если не втянуть его в войну, то во всяком случае поставить под угрозу уже занятые территории.

Что же касается успокоения китайской революции, то и здесь, без сомнения, был оппортунизм во внешней политике, а возможно, что он в этой новой коммунистической мировой державе ощущал опасность для своего собственного дела и для своей империи — тем более что у него не было никаких надежд подчинить Китай изнутри. Во всяком случае, он знал, что каждая революция — уже тем самым, что она новая, — превращается в самостоятельный эпицентр и создает свою собственную власть и государство. В случае с Китаем он опасался еще больше, потому что это было событие почти столь же значительное и огромное, как Октябрьская революция.

...Встреча длилась около двух часов.

Но на этот раз Сталин не пригласил нас на ужин в свой дом. Должен признаться, что я почувствовал из-за этого печаль и горечь, настолько во мне была еще сильна человеческая, сентиментальная привязанность к этому человеку.

Я ощущал грусть и какую-то холодную опустошенность. В автомобиле я пытался высказать Карделю свое огорчение встречей, но он, удрученный, подал мне знак, чтобы я молчал.

Это не значит, что мы с ним разошлись во мнениях, — мы просто по-разному реагировали.

Насколько велико было смятение Карделя, лучше всего видно из того, что на следующий день, когда его повезли в Кремль подписывать — без разъяснений и без церемоний — договор о консультации между СССР и Югославией, он поставил свою подпись не туда, куда следовало, и пришлось подписывать еще раз.

...«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключалось в том, чтобы изменить его».

Коммунизм и коммунисты всегда и всюду побеждали — пока возможно было осуществление этого единства их учения с практикой. Сталину же непостижимую демоническую силу придало упорство и умение соединять марксистско-ленинское учение с властью, с государственной мощью. Потому что Ста

лин — не политический теоретик в полном смысле этого слова: он говорит и пишет только тогда, когда его к этому принуждает политическая борьба — в партии, в обществе, а чаще всего и тут и там одновременно. В этом слиянии мысли и реальности, в этом деловитом и неотвлеченном прагматизме и состоит сила и оригинальность взглядов Сталина...

Следует добавить: упуская или недооценивая это качество его взглядов или формально подходя к его текстам, и догматики на Востоке, и многие серьезные исследователи Сталина на Западе затрудняют себе сегодня разгадку его личности и условий, в которых он пришел к власти.

Необходимо еще раз повторить, что сталинский марксизм, сталинские взгляды никогда не проявляются — как будто их вовсе и не существует — отдельно от нужд послереволюционного советского общества и Советского государства. Это марксизм партии, жизненная необходимость которой — превращаться во власть, в «ведущую», господствующую силу. Троцкий назвал Сталина самой выдающейся посредственностью в нашей партии. Бухарин насмехался над ним, говоря, что он охвачен бесплодной страстью стать известным теоретиком. Но это все остроcловие, фракционистские нереальные высказывания. Сталин действительно не мыслил теоретически в полном смысле этого слова. Это не анализ и не ученые рассуждения. Однако для сочетания идеологии с потребностями партии, вернее, партийной бюрократии как новой высшей знати, — его мышление намного более ценно, чем мышление всех его противников.

...Вскоре после окончания войны он начал отрицать значение известного военного теоретика фон Клаузевица, несмотря на то что его очень ценил сам Ленин. Сталин сделал это не потому, что был открыт какой-то лучший теоретик, а потому, что фон Клаузевиц был немцем — представителем нации, чьи войска разбила Советская Армия в войне, которая была, может быть, самой значительной в истории русского народа.

Свое отношение к Марксу и Энгельсу Сталин, разумеется, никогда открыто не высказывал. Это поставило бы под угрозу веру верных, а тем самым и его дело и власть. Он сознавал, что победил прежде всего потому, что наиболее последовательно развивал формы, соединяющие догматы с действием, сознание с реальностью.

Сталину было безразлично, исказил ли он при этом ту или иную основу марксизма. Разве все великие марксисты, а в пер-

вую очередь Ленин, не подчеркивали, что марксизм есть «руководство для практики», а не собрание догм, и что практика — единственный критерий истины?

Однако проблемы здесь и шире, и сложнее. Любой строй, а в первую очередь деспотический, стремится достичь состояния устойчивости. Учение Маркса — и без того догматическое — не могло не закостенеть до состояния догмы, как только оно сделалось официальной — государственной и общественной — идеологией. Потому что государство и правящий слой распались бы, если бы ежедневно меняли свои облачения, — не говоря уже об идеалах. Они должны жить — в борьбе и в труде приспосабливаться к изменчивой реальности, внешней и внутренней. Это вынуждает вождей «отходить» от идеалов, но так, чтобы сохранить, а по возможности и приумножить собственное величие в глазах своих приверженцев и народа. Законченность, то есть «научность» марксизма, герметическая замкнутость общества и тотальность власти толкали Сталина на непоколебимое истребление идеологических еретиков жесточайшими мерами, — а жизнь вынуждала его самого «предавать», то есть изменять, самые «святые» основы идеологии. Сталин бдительно охранял идеологию, но лишь как средство власти, усиления России и собственного престижа. Естественно поэтому, что бюрократы, считающие, что они и есть русский народ и Россия, по сегодняшний день крутят шарманку о том, что Сталин, несмотря на «ошибки», «много сделал для России». Понятно также, что во времена Сталина ложь и насилие должны были быть вознесены до уровня наивысших принципов... Кто знает, может, Сталин в своем проницательном и немилосердном уме и считал, что ложь и насилие и есть то диалектическое отрицание, через которое Россия и человеческий род придут наконец к абсолютной истине и абсолютному счастью?

...В Сталине можно обнаружить черты всех предшествовавших ему тиранов — от Нерону и Калигулы до Ивана Грозного, Робеспьера и Гитлера. Но, как и любой из них, Сталин — явление новое и самобытное. Он был наиболее законченный из всех, и его сопровождал наибольший успех. И, хотя его насилие самое тотальное и самое вероломное, мне кажется, что считать Сталина садистом или уголовником было бы не только упрощением, но и ошибкой.

...Явление Сталина весьма сложно и касается не только коммунистического движения и тогдашних внешних и внутренних

возможностей Советского Союза. Тут поднимаются проблемы отношений идеи и человека, вождя и движения, роли насилия в обществе, значения мифов в жизни человека, условий сближения людей и народов. Сталин принадлежит прошлому, а споры по этим и схожим вопросам если и начались, то совсем недавно.

Добавлю еще, что Сталин был — насколько я заметил — живой, страстной, порывистой, но и высокоорганизованной и контролирующей себя личностью. Разве, в противном случае, он смог бы управлять таким громадным современным государством и руководить такими страшными и сложными военными действиями?

Поэтому мне кажется, что такие понятия, как преступник, маньяк и тому подобное, второстепенны и призрачны, когда идет спор вокруг политической личности. При этом следует опасаться ошибки: в реальной жизни нет и не может быть политики, свободной от так называемых низких страстей и побуждений. Уже тем самым, что она есть сумма человеческих устремлений, политика не может быть очищена ни от преступных, ни от маниакальных элементов. Потому трудно, если не невозможно, найти общеобязательную границу между преступлением и политическим насилием. С появлением каждого нового тирана мыслители вынуждены наново производить свои исследования, анализы и обобщения.

...При разговоре со Сталиным изначальное впечатление о нем как о мудрой и отважной личности не только не тускнело, но и, наоборот, углублялось. Эффект усиливала его вечная, пугающая настороженность. Клубок ощетинившихся нервов, он никому не прощал в беседе мало-мальски рискованного намека, даже смена выражения глаз любого из присутствующих не ускользала от его внимания.

...Посчитав свои «Беседы со Сталиным» завершенными, я опять, как во многом уже не раз до этого, обманулся. Случилось то же, что и с недавними надеждами: впредь, по окончании «Несовершенного общества», не заниматься «вопросами идеологии».

Но Сталин — это призрак, который бродит и долго еще будет бродить по свету. От его наследия отреклись все, хотя немало осталось тех, кто черпает оттуда силы. Многие и помимо собственной воли подражают Сталину. Хрущев, порицая его, одновременно им восторгался. Сегодняшние советские вожди не восторгаются, но зато нежатся в лучах его солнца. И у Тито, спустя пятнадцать лет после разрыва со Сталиным, ожило ува

жительное отношение к его государственной мудрости. А сам я разве не мучаюсь, пытаясь понять, что же это такое — мое «раздумье» о Сталине? Не вызвано ли и оно живучим его присутствием во мне?

Что такое Сталин? Великий государственный муж, «демонический гений», жертва догмы или маньяк и бандит, дорвавшийся до власти? Чем была для него марксистская идеология, в качестве чего использовал он идеи? Что думал он о деяниях своих, о себе, своем месте в истории?

Вот лишь некоторые вопросы, искать ответы на которые понуждает его личность. Обращаюсь к ним как к задевающим судьбы современного мира, особенно коммунистического, так и ввиду их, я бы сказал, расширенного, вневременного значения[1].

«ИОСИФ ГРОЗНЫЙ»

В воспоминаниях дочери Сталина Светланы есть такое место: «Пусть судят те, кто вырастет позже, кто не знал тех людей, которых мы знали. Пусть придут молодые, задорные, которым все эти годы будут — вроде царствования Иоанна Грозного — так же далеки и так же непонятны, и так же странны и страшны...» Видимо, не случайно в сознании дочери Сталина время ее отца ассоциировалось с «царствованием Иоанна Грозного». Кстати, любопытная подробность. Светлана рассказывает об игре, выдуманной отцом в ее детские годы. Свои письма к ней он подписывал так: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». «Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарищей, бывавших у нас дома почти ежедневно — моими «секретарями» или «секретаришками». Маленькая дочь писала «приказы» (вроде «Приказываю тебе взять меня с собой», «Приказываю тебе позволить мне пойти в кино» и т. д.), а отец подписывался под «приказом»: «Слушаюсь», «Покоряюсь», «Будет исполнено». В этом шутливом «секретаришке» так и чудится в иных обстоятельствах «Ивашка», великий государь, с «перебором людишек», с поставлением в управление русской землей какого-нибудь Семена Бекбулатовича, только подчеркивающим тщету всякой власти, кроме власти Помазанника, единственного лица.

[1] Джилас Милован. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 16, 33, 34, 50—53, 59. 84—85, 95, 110— 133, 138— 140, 150 - 158.

Свидетель рассказывает, как сразу после XIX съезда партии, на пленуме, Сталин зачитал список секретарей ЦК, в котором не было его фамилии. «Тогда сидевший в президиуме у края стола Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин. Из зала раздался хор голосов, так как жест был всем понятен: «Товарища Сталина!» Он негромко произнес: «Не надо Сталина, я уже стар. Надо молодых». А из зала все неслось: «Товарища Сталина!» Тогда он махнул рукой, словно в досаде: «Ну ладно, пусть будет и Сталин» (газ. «Правда», 23 февр. 1995. «Тайны власти и власть тайны. Рассказывает Иван Васильевич Капитонов»).

В библиотеке Сталина имелась литература об Иване Грозном. В русской историографии, словесности сильна тенденция нравственной оценки личности Грозного, характеризующая его как жестокого деспота (особенно это резко выразилось в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, во вступлении к роману «Князь Серебряный» А. К. Толстого). Либерально-этическая трактовка личности Грозного настолько повлияла на русское общественное мнение и даже на правительственно-официальные круги, что на памятнике «Тысячелетие России» (установленном в середине прошлого века в Новгороде) не нашлось места Государю, при котором Россия (с присоединением Казанского, Астраханского ханств, Сибири) превратилась в небывало могущественное, централизованное государство, стала опорой вселенского православия. Но в народной памяти, в исторических песнях и преданиях царь остался не как тиран, а именно как Грозный[1] — то есть как царь, устрашающий врагов православия и России. Многозначительны слова протопопа Аввакума, обращенные к своему гонителю, патриарху Никону: был бы Иван Васильевич, он дал бы на тебя указ, собака, — то есть «огнеопальный» протопоп видит в Иване Грозном защитника истинного православия, древнего благочестия. В недавно вышедшей книге митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна «Самодержавие духа» помещен настоящий панегирик Ивану Грозному как оплоту православия и державности на Руси, как подлинному христианину.

Борьба Грозного за централизованное (унитарное, как сказал бы Сталин) государство проходила при ожесточенном сопротивлении бояр (не желавших отказываться от участия во

[1] Публицист времен Грозного, идеолог сильной самодержавной власти Иван Пересветов писал: «Не мощно царю царства без грозы держати»; «Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

власти), потомков удельных князей, готовых разорвать Россию на части; заговорческих литовско-католических партий в Новгороде, Пскове, вдохновляемых непотопляемой ересью «жидов- ствующих». Насколько силен был накал этой борьбы, можно судить по переписке Андрея Курбского с Иваном Грозным. Потомок ярославского князя, в молодости друг, советник Грозного, участник Казанского похода, Курбский, оставив жену и малолетнего сына, тайно бежал к литовцам и во главе их отрядов воевал против бывшей Родины. В своих четырех посланиях (на которые Грозный ответил двумя, хотя, как Помазанник Божий, каким он себя осознавал, мог бы и не отвечать) Курбский обвинял Грозного в гонениях на воевод, бояр, с которыми он перестал советоваться. Эмоционально утрированное обличение Курбским царя в казнях, пролитии крови, губительстве христианских душ стало для многих исследователей отправной точкой, основным источником для характеристики Ивана Грозного как тирана, «кровопийца».

В двух посланиях (преимущественно в первом) Ивана Грозного содержится то, что можно назвать его философией самодержавной власти, государственности. Сделаем некоторые выписки из Первого послания Ивана Грозного Андрею Курбскому.

«...Апостол сказал: «К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня». Видишь ли, что апостол повелевает спасать страхом? Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств?..

...Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных...

...Посмотри на все это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны! Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасать свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно

дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление...

...Господь наш Иисус Христос сказал: «Если царство разделится, то оно не может устоять», кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями? Как может цвести дерево, если у него высохли корни? Так и здесь: пока в царстве не будет должного порядка, откуда возьмется военная храбрость? Если предводитель не укрепляет постоянно войско, то скорее он будет побежденным, чем победителем. Ты же, все это презрев, одну храбрость хвалишь; а на чем храбрость основывается — это для тебя неважно; ты, оказывается, не только не укрепляешь храбрость, но сам ее подрываешь. И выходит, что ты — ничтожество; в доме ты — изменник, а в военных делах ничего не понимаешь, если хочешь укрепить храбрость в самовольстве и в междоусобных бранях, а это невозможно...

...А всеми родами мы вас не истребляем, но изменников повсюду ожидает расправа и немилость: в той стране, куда ты поехал, узнаешь об этом подробнее. А за ту вашу службу, о которой говорилось выше, вы достойны многих казней и опалы; но мы еще милостиво вас наказали, — если бы мы наказали тебя так, как следовало, то ты бы не смог уехать от нас к нашему врагу, если бы мы тебе не доверяли, то не был бы отправлен в наш окраинный город и убежать бы не смог. Но мы, доверяя тебе, отправили в ту свою вотчину, и ты, по собачьему обычаю, изменил нам...

...По суетным же замыслам мы ничего не решаем и не делаем и на зыбкое основание не становимся ногами своими, но, насколько у нас хватает сил, стремимся к твердым решениям и, опершись ногами в прочное основание, стоим непоколебимо...»[1]

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ СТАЛИНА, ЗАПИСАННЫХ Г. ДИМИТРОВЫМ 7 НОЯБРЯ 1937 г. НА ПРИЕМЕ У К. ВОРОШИЛОВА

...«Русские цари... делали одно хорошее дело — сколотили огромное государство до Камчатки. Мы получили в наследст

[1] Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. **1986. С. 33, 35, 37, 48, 65, 71.**

во это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как единое, неделимое государство, не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство. Мы объединили государство таким образом, что каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто пытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью...»[1]

«ПРИЯТНО ОБ ЭТОМ вспомнить»

Из интервью с художником Б. Ефимовым

— Борис Ефимович, вопрос политический: сейчас стали отождествлять Сталина и Гитлера. Как вы к этому относитесь, как человек, всю свою жизнь боровшийся с фашизмом?

— К сожалению, были такие черты поведения и поступков, характера, которые невольно наводят на эти размышления. Ничего не поделаешь. С одной стороны, мы понимаем, что Сталин помог выиграть- войну своим авторитетом и волей. С другой — он совершил чудовищные ошибки. Взять хотя бы истребление перед самой войной командного состава армии.

Сталин был страшный человек. Но, но... Сейчас развалилась империя. Мол, Римская занимала тоже полмира и развалилась. Наш Советский Союз развалился. Но каков бы ни был Сталин и каков бы ни был режим, СССР при нем был сверхдержавой. Его боялись и прислушивались. И сейчас, простите меня, приятно об этом вспомнить.

— Меня лично поражает его работоспособность. Он вникал ведь не только во все, что происходило на фронте и в тылу,

[1] «Союз», 1990. № 41. С. 32.

но и успевал еще читать книги, разбирался в новостях культуры. Говорят, кстати, лично «правил» ваши рисунки?

— Это очень нелегкая для меня тема. В том смысле, что я уцелел, несмотря на то что арестовали моего брата, что было не в правилах того времени. Потому что вслед за арестованным отправлялись жена, родители, дети... Это вы знаете. Меня он велел «нэ трогат». Здесь был, очевидно, каприз с его стороны, хотя это слово, может быть, и не подходит к человеку с таким характером. Я объясняю это тем, что он любил карикатуру, интересовался ею. Считал ее полезным искусством для пропаганды, газеты и т. д. Мои работы он знал. Приведу один из примеров.

Было это в 37-м году. Брат мой находился еще в Испании. Мне позвонил домой Мехлис и сказал: «Вы можете ко мне сейчас приехать?» А я болел и так это робко говорю: «Лев Захарович, пожалуйста, но я немножечко нездоров». Он удивился: «Как, вы не можете приехать? А я вам хотел сказать, что он говорил». Слова «он» было вполне достаточно. Спрашиваю: «Лев Захарович! А что, что-нибудь неприятное?» Тут мне Мехлис назидательно сказал: «Когда он говорит, это всегда приятно! Это приятно для работы, понимаете?!» Я весь притих. Мехлис продолжил: «Ну ладно. Сидите дома, если простужены. Приезжайте завтра к 11 часам». На следующий день я, конечно, приехал, и он мне говорит вот что: «Вы часто рисуете карикатуры на японских самураев. И рисуете их с большими зубами, которые торчат изо рта. Так вот, он сказал, что не надо этого делать. Это оскорбляет их национальное достоинство». Я говорю: «Ясно, зубов больше не будет». И потом мне Мехлис объясняет, ссылаясь на «хозяина», что карикатура «должна быть понятной каждому дураку», что она должна, как статья, быть очень точной, направленной в цель и вообще над ней нужно работать очень серьезно. Вот вам факт, что он не пропускал ничего.

Ну а тот случай, что вы упомянули, был уже в начале 1947 года, когда незадолго до этого Черчилль выступил в США в Фултоне со скандально знаменитой речью, ставшей началом «холодной войны». И Сталин заказал мне карикатуру по этому поводу. А вот (Борис Ефимович показывает фото.— *И. Я.)* правка текста, сделанная его рукой. То есть Сталин «благословил» карикатуру на союзников, а раньше, как я уже говорил, об этом не могло быть и речи[1].

[1] «Красная звезда», 1995, 5 января.

СТАЛИН О 800-ЛЕТИИ МОСКВЫ

Привет Москве, столице нашей Родины — в день ее 800- летия.

Вся страна празднует сегодня этот знаменательный день. Она празднует его не формально, а с чувством любви и уважения ввиду великих заслуг Москвы перед Родиной.

Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством. Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурнохозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси.

Но этим не исчерпываются заслуги Москвы перед Родиной. После того, как по воле великого Ленина Москва вновь была объявлена столицей нашей Родины, она стала знаменосцем новой советской эпохи.

Москва является теперь не только вдохновителем строительства новых советских социально-экономических порядков, заменивших господство капитала господством труда и отвергающих эксплуатацию человека человеком. Москва является вместе с тем глашатаем освободительного движения трудового человечества от капиталистического рабства.

4

Москва является теперь не только вдохновителем строительства новой советской демократии, отвергающей всякое, прямое или косвенное, неравенство граждан, пола, рас, наций и обеспечивающей право на труд и право на равную заработную плату за равный труд.

Москва является вместе с тем знаменем борьбы всех трудовых людей в мире, всех угнетенных рас и наций за их освобождение от господства плутократии и империализма. Нет сомнения, что без такой политики Москва не могла бы стать центром

организации дружбы народов и братского их сотрудничества в нашем многонациональном государстве.

Москва является теперь не только инициатором строительства нового быта трудящихся столицы, свободного от нищеты и прозябания миллионов неимущих и безработных. Москва является вместе с тем образцом для всех столиц мира в этом отношении. Одной из серьезнейших язв больших столиц европейских, азиатских и американских стран является наличие трущоб, где миллионы обнищавших трудящихся обречены на прозябание и медленную, мучительную смерть. Заслуга Москвы состоит в том, что она полностью ликвидировала эти трущобы и дала возможность трудящимся переселиться из подвалов и лачуг в квартиры и дома буржуазии и в новые благоустроенные дома, построенные Советской властью.

Наконец, заслуга Москвы состоит в том, что она является глашатаем борьбы за прочный мир и дружбу между народами, глашатаем борьбы против поджигателей новой войны. Для империалистов войны являются наиболее доходной статьей. Не удивительно, что агенты империализма стараются так или иначе спровоцировать новую войну. Заслуга Москвы состоит в том, что она неустанно разоблачает поджигателей новой войны и собирает вокруг знамени мира все миролюбивые народы. Известно, что миролюбивые народы с надеждой смотрят на Москву, как на столицу великой миролюбивой державы и как на могучий оплот мира.

Вот за какие заслуги празднует сегодня наща Родина 800-летие Москвы с такой любовью й уважением к своей столице.

Да здравствует наша могучая, родная, советская, социалистическая Москва!

И. Сталин.

6 сентября 1947 г.[1]

СТАЛИН ПРОТИВ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА И НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Вопрос. Как вы расцениваете последнюю речь Черчилля, произнесенную им в Соединенных Штатах Америки?

Ответ. Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество.

[1] Газета «Правда», 7 сентября 1947.

Вопрос. Можно ли считать, что речь г-на Черчилля причиняет ущерб делу мира и безопасности?

Ответ. Безусловно, да. По сути дела, г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г-н Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что г-н Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории^ утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы, как единственная полноценная нация, должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит г-на Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира

По сути дела г-н Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия г-на Черчилля состоит в том, что он, как закоренелый тори, не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка г-на Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР. Правда, г-н Черчилль для того, чтобы запутать читателей, мимоходом заявляет, что срок советско-английского договора о взаимопомощи и сотрудничестве вполне можно было бы продлить до 50 лет. Но как совместить подобное заявление г-на Черчилля с его установкой на

войну с СССР, с его проповедью войны против СССР? Ясно, что эти вещи никак нельзя совместить. И если г-н Черчилль, призывающий к войне с Советским Союзом, считает вместе с тем возможным продление срока англо-советского договора до 50 лет, то это значит, что он рассматривает этот договор как пустую бумажку, нужную ему лишь для того, чтобы прикрыть ею и замаскировать свою антисоветскую установку. Поэтому нельзя относиться серьезно к фальшивым заявлениям друзей г-на Черчилля в Англии о продлении срока советско-английского договора до 50 и больше лет. Продление срока договора не имеет смысла, если одна из сторон нарушает договор и превращает его в пустую бумажку.

Вопрос. Как вы расцениваете ту часть речи г-на Черчилля, где он нападает на демократический строй соседних с нами европейских государств и где он критикует добрососедские отношения, установившиеся между этими государствами и Советским Союзом?

Ответ. Эта часть речи г-на Черчилля представляет смесь элементов клеветы с элементами грубости и бестактности.

Г-н Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Г-н Черчилль квалифицирует все это, как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что г-н Черчилль грубо и беспардонно клевещет здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь 7 часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на каторгу — около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколь

ко раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечивающие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза, как экспансионистские тенденции нашего государства?..

13 марта 1946 г.[1]

В. Кожинов

«ПРОБЛЕМА ИСКРЕННИХ СТАЛИНИСТОВ»

...Общепризнанно, что «Новый мир» шестидесятых годов был вызван к жизни тем историческим периодом, который сейчас нередко называют «первой» — «неудавшейся» — перестройкой (конец 1950-х — начало 1960-х годов). Неудачу эту чаще всего истолковывают сегодня как результат мощного сопротивления «консервативных» сил. Убежден, что главная причина не в этом, а в отсутствии подлинной положительной программы действий (и, конечно, самих действий), чему, в свою очередь, способствовало поверхностное или даже крайне поверхностное понимание всего того, что происходило в стране после 1917 года.

Сейчас есть достаточно много людей, которые в той или иной форме склонны говорить об «ошибочности» самой Октябрьской революции, — например, активисты так называемого «Демократического союза», о чьих листовках и митингах не раз сообщали в последнее время московские газеты.

Не вдаваясь в оценку их конкретной позиции (хотя бы потому, что мне известно о ней лишь немногое), скажу лишь, что «отрицание» революции — бессмысленная, лишенная всякой серьезности игра словами. И дело тут даже и не в том, «хорошая» или «плохая» была эта революция, но в том, что она совершилась.

[1] Газета «Правда», 14 марта 1946 г.

Ныне, увы, очень популярны попытки осмыслить историю XX века в «альтернативном» плане. Ставится, к примеру, вопрос, что было бы, если бы в 1929 году победила линия Бухарина, а не линия Сталина? И такая постановка вопроса призвана, мол, помочь истинному пониманию эпохи... Или: что было бы, если бы Ленин не умер в 1924 году? Логическое продолжение этих альтернатив — что было бы, если бы не было победы партии Ленина в 1917 году?

Недавно я присутствовал на совещании, где два образованнейших современных историка рассказывали о том, что этого рода «альтернативное» мышление, еще не так давно популярное на Западе, за последние годы не раз высмеивалось в работах ряда видных представителей зарубежной исторической науки. И в самом деле: изучение прошлого с точки зрения возможных «альтернатив» поистине безнадежно затмевает и извращает наше историческое зрение, ибо мы начинаем понимать и оценивать события и явления не в их реальной сущности, но как некую тень от сконструированного нами (ведь в действительной истории этого не было!) «идеала». Более или менее уместно художественное, или, вернее, беллетристическое произведение, основанное на таком сопоставлении реальности с воображаемым идеалом, но совершенно ясно, что оно, это произведение, явит собой вовсе не незнание истории, а ее моральную, эстетическую, прагматическую «оценку», ее критику.

На одном из опубликованных обсуждений альтернативы «Сталин — Бухарин» сотрудник Института мирового рабочего движения Л. А. Гордон весьма разумно заключил: «Был ли этот так называемый «правый», «бухаринский» вариант возможен в конкретных условиях того времени?.. Боюсь, что окончательный ответ тут невозможен. Но для понимания сегодняшней ситуации важнее другое: так или иначе выбор был сделан...»

Нет сомнения, что в русле этого самого «альтернативного осмысления» истории «окончательный ответ» вообще невозможен, о какой бы исторической ситуации мы ни вели речь. С помощью «альтернативы» можно лишь эмоционально «критиковать» то, что реально произошло. А нам необходимо подлинное понимание, а не запоздалые эмоции и проклятья, которые, между прочим, не требуют от тех, кто их произносит, никакого умственного труда и никакой ответственности.

Я отнюдь не хочу сказать, что все сегодняшние статьи сводятся к эмоциональным выкрикам... Однако подавляющее большинство из тех, кто пишет сейчас о прошлом, по сути дела, сво

дят свою задачу именно к эмоциональной критике прошлого. Между тем такая критика прошлого — и вполне «безопаснее» (в сравнении с критикой современности), и, строго говоря, совершенно бесплодное дело. Ибо критиковать следует то, что еще можно исправить, а прошлое исправить уже никак нельзя. Его надо не критиковать, а понимать в его подлинной сущности и смысле.

Полагаю, что это относится даже и к художественной литературе в ее высшем значении. Позволю себе напомнить собственную статью, опубликованную двадцать с лишним лет назад («Вопросы литературы», 1966, № 10): «Искусство, исчерпывающееся критикой предшествующего исторического периода живет за чужой счет».

Я решился сослаться на давние свои рассуждения, поскольку они вполне приложимы ко многим сегодняшним кумирам. Трудно даже перечислить авторов, которые сделали по-своему «блистательную» литературную карьеру, занимаясь сначала «отважной» критикой того, что было до 1953 года, затем — времени до 1964-го и — теперь — того, что было до 1985 года. Критикой же современности (которая, в частности, требует немалой отваги) эти авторы никогда не занимались — разве только критикой «пережитков прошлого» в современности.

Разумеется, многие сразу же возразят, что критиковать прошлое — пусть даже чисто «эмоционально» — необходимо, дабы сегодня и завтра не повторились ошибки и преступления прежних периодов, в особенности эпохи сталинизма. Дело в том, однако, что сама эта «мысль» о возможности повторения сталинизма основывается как раз на предельно поверхностном и даже попросту наивном представлении о сущности сталинизма, представлении, в конечном счете не поднимающемся над уровнем детской сказки о чудовищном злодее, который при помощи кучки негодяев обманом захватил власть и начал творить страшные деяния.

Сталинизм смог восторжествовать потому, что в стране имелись сотни тысяч или даже миллионы абсолютно искренних, абсолютно убежденных в своей правоте «сталинистов». Конечно, как это и всегда бывает, имелись и заведомые приспособленцы, карьеристы, дельцы, которые думали только о собственной выгоде и, скажем, участвовали в различного рода репрессивных акциях не потому, что были убеждены в их необходимости и — для искренних сталинистов дело обстояло именно так! — высокой целесообразности (ведь речь шла о созидании совершен

ного общества!), а ради того, чтобы выслужиться или, в лучшем случае, чтобы обезопасить самих себя, хотя это нередко и не помогало...

Но будем последовательными и признаем, что приспособленцы возможны лишь потому и тогда, когда есть к чему приспособляться. И неизмеримо важнее проблема, так сказать, истинных сталинистов, нежели тех, кто в низменных, корыстных целях «притворялся» идейным сталинистом.

Чтобы, как говорится, не ходить далеко за примерами, решусь утверждать, что искреннейшим сталинистом был, без сомнения, Александр Твардовский...

В марте 1931 года — к тому времени Твардовский уже три года жил отдельно от семьи в Смоленске, — его отец Трифон Гордеевич был «раскулачен», и всю семью — отца, мать, четверых братьев и двух сестер — выслали в зауральскую тайгу. Твардовские были сильные и гордые люди. Два старших брата, Константин и Иван, всего через два месяца бежали с места поселения, а еще через месяц ушел оттуда с третьим сыном, Павлом, и отец. Он с великим трудом добрался до Смоленска и решился встретиться с сыном Александром, уже обретшим признание поэтом, у которого было опубликовано около двухсот произведений и вышла в Москве книга «Путь к социализму».

Позднее Твардовский писал об отце как о по-своему замечательном человеке и истинном труженике, который «многолетним тяжким трудом» заработал деньги, чтобы купить участок земли, но «скупая и недобрая» земля эта не могла прокормить семью, и отец, «замечательный мастер кузнечного дела», снова и снова брался за молоток, арендуя чужой горн и наковальню и работая «исполу». Семье «вообще жилось скудно и трудно». Но таким Твардовский увидит отца через много лет.

А вот донесенный до нас братом поэта, И. Т. Твардовским, рассказ отца о встрече с сыном в августе 1931-го:

«Стоим мы с Павлушей, ждем. А на душе неспокойно... Однако ж и по-другому думаю: родной сын! Может, Павлушу приютит. Мальчишка же чем провинился перед ним, родной ему братик? А он, Александр, выходит... Стоит и смотрит на нас молча. А потом не «Здравствуй, отец», а — «Как вы здесь оказались?!»

— Шура! Сын мой! — говорю. — Гибель же нам там! Голод, болезни, произвол полный!

— Значит, бежали?.. Помочь могу только в том, чтобы бесплатно доставили вас туда, где были! — так точно и сказал.

Понял я тут, что ни просьбы, ни мольбы ничего уже не изменят...»

Трифон Гордеевич не покорился ни власти, ни сыну, сумел снова уйти от преследователей, вывести из погибельного таежного поселения жену и детей и устроиться на работу кузнецом в Нижнем Тагиле, а затем, в 1933 году, перебраться на запад через Урал, в вятское село Русский Турек. В апреле 1936 года он с семьей переехал в Смоленск.

Сейчас много пишут о Павлике Морозове, но встреча Твардовского с отцом, пожалуй, драматичнее, так как поэту было не четырнадцать лет (как Павлику), а уже двадцать два...

Некоторые из тех, кто в последнее время касался этой темы, пытаются как-нибудь «обелить» Твардовского. Но в этом выражается и непонимание, и, в конечном счете принижение личности поэта, который вовсе не нуждается в «снисхождении» сегодняшних доброхотов, не имеющих никакого нравственного права его судить (в том числе и «прощать» его, дарить ему моральное «помилование»). Это все та же запоздалая «критика прошлого», которое уже не изменишь.

Прежде всего необходимо сказать, что ради «смягчения вины» Твардовского перетолковывают его стихи и поступки. Так, Юрий Буртин, стремясь доказать, что Твардовский начала тридцатых годов — это «человек, терзаемый жестоким внутренним конфликтом»[1], утверждает: «Нет, он не забыл ни родителей своих, ни братьев — иначе не написал бы в 33-м году:

Что ж ты, брат,
Как ты, брат?
Где ж ты, брат?
На каком Беломорском канале?

Поэт, понятно, никак не мог вообще «забыть» свою «раскулаченную» семью, но здесь в слово «не забыл» вкладывается, конечно же, иной смысл: речь идет о глубоком сочувствии. Между тем в первой публикации этого самого стихотворения (1937 г.) были и такие строки, рассказывающие о встрече с тем самым братом Константином в 1930 году:

За столом он угрюмо рыгал,
Принимая отцовскую позу,
По-отцовски соседей ругал,
По-отцовски ругал колхозы.

[1] На самом деле этот «конфликт» выявился в его сознании позднее и достиг подлинной остроты лишь в 1960-х годах.

Что ему говорил я в ответ, —
Слов моих бесполезных не помню.
Торопясь, уезжал я чуть свет,
Все молчали в избе полутемной.

Здесь же рассказано и о следующей встрече с братом, через шесть лет — в 1936 году, когда тот уже «перевоспитался» и был, так сказать, реабилитирован (позднее он даже стал членом партии):

Мы сидим за столом,
Мы друзья,
Мы друг другу открытые люди.
Все ты видишь и знаешь, что я,
И любовью надежною любишь.

Говорит Ю. Буртин и о том, что Твардовский, будто бы многим рискуя, с большим трудом добился весной 1936 года переезда отца, матери и младших детей из Русского Турека в Смоленск. Однако еще в 1934 году было принято постановление ЦИК «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков», которое к 1936 году в значительной мере было реализовано — разумеется, в отношении тех, кто выжил (а погибших в 1930—1933 годах, по всей вероятности, было гораздо больше...) И переезд семьи в Смоленск (а не в родной хутор — это было бы гораздо сложнее) не представлял особых трудностей.

Словом, к 1936 году изменилась политика в отношении «кулаков», а не сам Твардовский. Он в 1935 году написал, а в 1937 году опубликовал стихотворение «Радость», которое сегодня, я бы сказал, страшно читать. Речь идет о судьбе женщины, целиком отдавшей жизнь работе ради хозяйства и детей:

...Ты хлопотала по двору чуть свет,
В грязи, в забвенье подрастали дети И не
гадала ты, была ли, нет Иная радость и
любовь на свете...

Мужа «раскулачили», и вот с ним,

...угрюмым стариком
Куда везут вас, ты спокойно едешь,
Молчащим и бессмысленным врагом
Подписывавших приговор соседей,
Старик в бараке охал и мычал,

Молился богу от тоски и злобы,
С открытыми глазами по ночам Худой и
страшный,
Он лежал бок о бок И труд был — жизнь,
спокойствие твое.
Работать приходилось не задаром Ты собирала
сучье и корье[1].
С глухим терпеньем труженицы старой.

Так трудилась старуха, и, наконец, — впервые в жизни — обрела истинную радость:

И в славный день Тебе прочли приказ,
Где премию старухе объявили,
Где за полвека жизни в первый раз За честный
труд тебя благодарили Ты встала перед
множеством людей С отрезом доброго
старушечьего ситца.
И смотришь ты в приветливые лица И вспомнила
замужество, детей...
Наверно, с ними Радостью своей
Теперь и ты могла бы поделиться.

Не правда ли — поистине страшные стихи... Но, по слову самого поэта, «тут ни убавить, ни прибавить, — так это было на земле».

Должно было пройти тридцать дет, прежде чем Твардовский создал — не побоюсь этого слова — гениальное стихотворение о том же:

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

Но непременно вспоминали мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.

[1] Этим же занималась мать Твардовского на поселении.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне С крестами
под березами кудрявыми...

Речь идет не о том, чтобы быть, а лишь о том, чтобы обрести *небытие* по-человечески, как обретали его деды и прадеды... Кончается стихотворение строками о том, что мечта матери так и не сбылась, ибо

...тех берез кудрявых — их давно На свете
нету. Сниться больше нечему.

Не знаю другого стихотворения со столь беспредельно трагедийным смыслом: не только нечем жить наяву, но даже и сниться нечему... Это не всегда сразу поймешь; двадцать с лишним лет назад на потрясающий финал стихотворения Твардовского раскрыл мне глаза ныне уже покойный поэт Анатолий Пе- редреев.

Но какой невероятный путь прошел Твардовский! В 1929 году он записал в своей сокровенной рабочей тетради (а не объявил на митинге или в газете): «Я должен поехать на родину, в Загорье, чтобы рассчитаться с ним навсегда. Я борюсь с природой, делая это сознательно, как необходимое дело в плане моего самоусовершенствования. Я должен увидеть Загорье, чтобы охладеть к нему, а не то еще долго мне будут мерещиться и заполнять меня всяческие впечатления детства: березка, желтый песочек, мама и т. д.».

Итак, в 1929 году он был самым искренним образом убежден, что прошлое надо начисто отринуть, оно в самом деле не должно даже «сниться», видя в этом необходимое условие достижения идеала, «совершенства». И приходится признать, что ему удалось «достигнуть» высшего «идеала», раз уж он смог в 1935 году воспеть как первую настоящую «радость» в судьбе похожей на его мать женщины «вручение» ей отреза ситца перед бараком «спецпереселенцев»...

Конечно, поразительная запись 1929 года не могла появиться сама собой. С двенадцати-тринадцатилетнего возраста будущий поэт прошел обработку сознания, которая и дала этот результат[1].

[1] Кожинов В.В. Судьба России. М., 1990. С. 87 — 94.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Михаил Лобанов

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРСТВЕННИК

Многие, знавшие Сталина, пишущие о нем, отмечают его «загадочность», как никакой другой личности. Известный государственный, общественный деятель США А. Гарриман пишет: «Я должен сознаться, что для меня Сталин остается непостижимой, загадочной и противоречивой личностью, которую я знал. Последнее суждение должна вынести история, и я оставляю за нею право».

Вспоминаются знаменитые тютчевские стихи:

Природа —сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Искус сталинской загадочности в самом деле силен, — в самой противоречивости, антиномичности в отношении даже фундаментальных явлений (революционизм — великодержавность, интернационализм — «национал-большевизм», теоретический марксизм — государственный реализм, атеизм — покровительство в войну Церкви и т. д.). Есть искус, соблазн даже эстетический в духе К. Леонтьева, видевшего своеобразную красоту во всем, что выходит за пределы усредненности, буржуазной безликости. Видимо, не без основания противники Сталина обвиняют его в «ксенофобии», в презрении к европейской «растленной демократии». Конечно, в сравнении с уличными митинговыми вождями Сталин — поистине государь — со своим государственным обликом, выдержанностью, значительностью каждого слова, жеста.

Психологизировать в политике, конечно, наивно, сам Сталин сказал, что когда человек решает заниматься политикой, то он все делает уже не для себя, а для государства, которое требует безжалостности (беседа с французским писателем Р. Ролла- ном в 1935 году). Здесь же он говорит об «освобождении порабощенных людей». По справедливости войдя в ряд самых крупных диктаторов в истории, Сталин, видимо, искренно верил, что его миссия, может быть, даже мессианская роль — освобождение трудящихся от власти капиталистов, империалистов. И то, что он сделал — не в теории, а на практике — не просто бросив вызов, а противопоставив всю мощь возглавляемой им мировой державы Западу, американскому финансовому капиталу, — навсегда останется в истории и придет еще время для этого наследия.

Было бы, конечно, заблуждением принимать желаемое за действительное, видеть в Сталине то, что хотелось бы видеть, например, «русскому патриоту», «православному». Даже отношение к религии, церкви — кто он? Много написано о его покровительстве Русской Православной церкви в годы войны, о возобновлении при нем Патриархии, открытии множества храмов, духовных академий, семинарий. Любопытна такая подробность: просматривая макет второго издания своей биографии (1947 г.), Сталин во фразе о себе «поступил в том же году в Тифлисскую духовную семинарию» — уточняет: «православную». Известно, что он был исключен из семинарии «за пропаганду марксизма». Марксистская антирелигиозная прививка объединила Сталина в послереволюционное время с непримиримыми безбожниками из «ленинской гвардии». Из опубликованных документов (публикация «Политбюро и церковь» в журнале «Новый мир», 1994, № 8) видно, что Сталин наряду с Лениным и Троцким был за самое жестокое решение в церковных делах, голосуя в Политбюро вместе с ними против отмены приговора о расстреле священников («попов»). Позднее в беседе с первой американской рабочей делегацией (9 сентября 1927 г.), отвечая на вопрос об отношении компартии к религии, Сталин говорил: «Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда тодько в том, что оно не вполне еще ликвидировано».

Беседа включена в десятый том сочинений И. В. Сталина, вышедший в 1949 году, то есть уже в то время, когда вроде бы резко изменилось отношение его к духовенству. То же самое — включение в XI том публикации об изъятии «церковных ценностей».

По свидетельству Молотова, Сталин был за снос храма Христа Спасителя, за «замену» его Дворцом Советов. В связи с этим,

возможно, уместно вспомнить слова, сказанные Сталиным Черчиллю (который приводит их в своих мемуарах, как ответ на признание в своем «активном участии» в антисоветской интервенции): «Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу». Фактом остается и то, что после смерти Сталина, при Хрущеве, начался особенно страшный погром Русской Православной церкви под флагом построения коммунизма к 1980 году.

По окончании войны на торжественном приеме в честь Победы, Сталин произнес тост за русский народ, сыгравший решающую роль в разгроме врага. Сталин (как и Ленин, на которого он постоянно, как на катехизис, ссылался, ведя зачастую в «обход» Ильича свою линию) был за пролетарскую революцию в мировом масштабе, что не помешало ему во время войны в 1943 году распустить Коминтерн, который он называл «лавочкой». При своем интернационализме он единственный из вождей бросил лозунг соединить в работе русский революционный размах с американской деловитостью. А еще до Октябрьского переворота в своем выступлении на VI съезде РСДРП(б) (июль 1917 г.) Сталин, говоря, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму», подчеркнул: «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Запад может указать нам путь (т. 3, с. 186—187). На XII съезде РКП(б) (апр. 1923) Зиновьев, Бухарин и прочие из «ленинской гвардии» требовали «каленым железом выжигать великорусский шовинизм», в то же время исключить пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Выступивший с заключительным словом Сталин, в какой-то мере сдерживая яростные атаки русофобов, не отрицая главную опасность, якобы исходящую со стороны «великорусского шовинизма», вместе с тем заявил, что «поставить великорусский пролетариат в положение неравноценного в отношении бывших угнетенных наций — это значит сказать несообразность». Здесь отчасти было и то, о чем сказал один из его старых соратников: «Сталин, как грузин-инородец, мог позволить себе такие вещи в защиту русского народа, на какие на его месте русский руководитель не решился бы». Впрочем, это не мешало Сталину одергивать грузинских националистов (за что ему попало от Ленина за «великодержавный русский шовинизм»), чего не делала «ленинская гвардия», все эти Троцкие, Зиновьевы, Каменевы в отношении своих собратьев-сионистов, предпочитая кричать об опасности антисемитизма.

Вместе с тем какие-либо очевидные проявления «русской идеологии», хотя и приспосабливаемой к режиму, с перспективой его «размывания», «перерождения», изживания, устрашаю

ще пресекаются Сталиным. Такая недвусмысленная угроза последовала в его речи на XIV съезде ВКП(б) (дек. 1925) в адрес автора сменовеховской идеологии Устрялова: «...Пусть он знает, что, мечтая о перерождении, он должен вместе с тем возить воду на нашу большевистскую мельницу. Иначе ему будет плохо». В тридцатых годах Устрялов за свою оказавшуюся романтической идею сотрудничества с большевиками (во имя великой национальной России) попал в число жертв репрессий.

И вместе с тем в письме к Демьяну Бедному (дек. 1930) Сталин костит пролетарского поэта за то, что в своих фельетонах, «запутавшись между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из «Домостроя», стал возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву», что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и — русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими». «Нет, высокочтимый т. Демьян — это не большевистская критика, а клевета на наш народ...» При этом упоминаются «выродки типа Ле- левича, которые не связаны и не могут быть связаны со своим рабочим классом, со своим народом».

К концу 1927 года в стране наступил хлебный кризис. В начале следующего года состоялась поездка Сталина в Сибирь, целью которой было ускорить темп хлебозаготовок, изъять у зажиточных крестьян излишек зерна по государственным ценам. «Архивные документы свидетельствуют, что сибиряки встречали его доброжелательно. Рабочие Барнаульской шубной мастерской изготовили и подарили ему полушубок, поскольку он был одет явно не по сибирским морозам. Импонировала слушателям манера поведения Сталина. Он избегал торжественных приемов, длинных речей и резолюций, часто сидел в стороне от президиума. По ходу поездки генсек заезжал даже в райцентры для встречи с активом. Выступления его были кратки, ясны и, по мнению многих слушателей, вески и убедительны: «Стране нужен хлеб», «Хлеб надо взять», «Если мы имеем хлеб, значит, можем строить социализм, ^сли хлеба нет, значит, не можем» («Вопросы истории КПСС», 1991, с. 74). В своих выступлениях перед сибиряками Сталин клеймил кулаков, как врагов социализма, грозил им 107-й статьей против спекуляции. Позднее (по возвращении в Москву) он пояснил, что применение 107-й статьи вызвано чрезвычайными условиями и она будет отменена, когда заготовки пойдут нормально.

Кстати, спустя годы, перед самой войной, Сталин (по воспоминаниям бывшего наркома вооружений Б. Ванникова) на встрече с руководителями промышленности, народного хозяйства, возлагая на них вину за ослабление трудовой дисциплины в стране, объявит о вынужденных жестких мерах, принимаемых для наведения порядка, которые будут отменены, как только в них исчезнет надобность. Бывший нарком замечает, что это сообщение было принято ими с единодушным пониманием, и, расходясь, они чувствовали некую свою вину за принятие такого решения. Как видно, чрезвычайные меры, принимавшиеся Сталиным, оправдывались им самим как вынужденные, временные. Но в памяти народной они всегда отзываются ужасами раскулачивания за владение какой-нибудь убогой мельницей или расплатой за получасовое опоздание на работу.

Коллективизация, по словам Сталина, по своему значению стала равной Октябрьскому перейороту. Сталин не мог не испытать, какую чудовищную силу противодействия вызвал он насильственной коллективизацией. В своих мемуарах Уинстон Черчилль, приезжавший во время войны в Москву, передает слова Сталина о том, что для него «политика коллективизации была страшной борьбой», более страшной, чем «тяготы войны». И все же крестьянство «переварило» колхозный строй, отвечавший в определенной мере его общинным, соборным традициям, и приспособило к своим нуждам.

* * *

Что же все-таки в Сталине притягивает авторов книг, выходящих во множестве у нас и за рубежом? Для большинства из них ориентир — книги и статьи Троцкого, прежде всего его книга «Преступления Сталина», с набором тех обвинений, которые стали ныне общим местом у «демократов». Чего стоит интеллектуальная кичливость противников Сталина, видно хотя бы вот из этого перемигивания Троцкого с Каменевым (в изложении Льва Давидовича в «Преступлениях Сталина»): «Помню, Сталин в прениях ЦК употребил однажды слово «ригористический» совсем не по назначению (с ним это случается нередко). Каменев оглянулся на меня лукавым взглядом, как бы говоря: «Ничего не поделаешь. Надо брать его таким, каков он есть». Именуя Сталина «глубоким провинциалом» (Троцкий), «вождем уездного масштаба» (Каменев) и т. д., «старая гвардия», конечно же, больше характеризует себя, степень своей ненависти к Сталину, чем его самого.

Набор обвинений, предъявляемых Сталину: его жестокость, мстительность. Антисемитизм. Воплощение тоталитаризма. Зажим «внутрипартийной демократии». Репрессии, относящиеся исключительно к середине 30-х годов (книга Троцкого и посвящена открытым московским процессам 1937—1938 годов). Пожалуй, главным козырем Троцкого в борьбе со Сталиным было «Завещание Ленина», в котором «Ильич» ставил вопрос о снятии Сталина с поста Генсека, ссылаясь на его «грубость». Троцкий усиленно муссирует эту историю в своей книге (а вслед за ним и нынешние авторы, его последователи). Вникая в истории написания «Завещания» в конце декабря 1922 г. и в начале января 1923 г. (в виде «Письма съезду» и последующего «добавления»), конфликта Сталина с Крупской, вызвавшего решимость «Ильича» прекратить всякие отношения с оскорбителем его жены, можно представить себе тогдашнее положение Генсека. По словам Троцкого, «первые два месяца 1923 года Ленин готовился открыть решительную борьбу со Сталиным». И только сразивший вдруг очередной, окончательно парализовавший его приступ болезни не дал ему этого сделать.

Оставалась «ленинская гвардия», Зиновьев — «правая рука Ильича», с которым он прибыл после февраля в Россию в пломбированном вагоне, с которым скрывался в шалаше в Разливе, Каменев — «умный политик», Троцкий, кого Ленин, в день октябрьского переворота, вольготно развалившись на полу Смольного, уговаривал стать его первым замом по правительству (на что Лев Давидович, по его собственным словам, отвечал отказом, ссылаясь на свое еврейское происхождение, на чем могут спекулировать «враги революции», что, однако, не мешало ему, как он сам писал, в течение трех лет непосредственно руководить гражданской войной, имея заранее абсолютную, зафиксированную на бланке поддержку Ленина любым его «распоряжениям или действиям на фронте» (Троцкий. «Преступления Сталина», с. 271).

«Завещание», отмечая ошибки Троцкого, Зиновьева, Каменева, оставляло вместе с тем им «шанс» на будущие руководящие роли в государстве: «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева (когда они выдали печатно дату переворота. — М. Л.), конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может «быть ставим им в вину лично, как неболыпевизм Троцкому». Почему-то другим («попам», «белогвардейцам», «черносотенцам» и т. д.) Ленин ставил «в вину лично», хотя за ними стояли многомиллионные массы.

Нынешние апологеты троцкизма расхваливают «мудрость» ^Ильича, который, предлагая сместить Сталина с поста Генсека, не называл конкретно, кто может заменить его, а предполагает «коллективного вождя тончайшего слоя старой гвардии». То есть на практике тех же троцкистов, зиновьевцев, Каменевых.

Поклонники Троцкого, Зиновьева (из числа прошлых и нынешних историков, публицистов) исписали возы бумаги, чтобы показать, какая невиданная жажда власти двигала Сталиным, какое коварство проявлял он на пути к ней, какие страдания причинил азиат-тиран невинным интеллигентам-оппозиционерам.

Приведенные в данной книге документы с настоятельными просьбами Сталина об отставке несколько не в ладу с его «жаждой власти» (тогда еще не было никакого «культа личности», и эти заявления об отставке чреваты были большим риском).

А как с «жаждой власти» обстоят дела у оппозиционеров? Троцкий в той же книге «Преступления Сталина» пишет (в главе «Жажда власти»): «Когда в начале 1926 года «новая оппозиция» (Зиновьев, Каменев и др.) вступила со мной и моими друзьями в переговоры о совместных действиях, Каменев говорил мне в первой беседе с глазу на глаз: «Блок осуществим, разумеется, лишь в том случае, если вы намерены вести борьбу за власть». «Как только вы появитесь на трибуне рука об руку с Зиновьевым, — говорил мне Каменев, — партия скажет: «Вот Центральный Комитет! Вот правительство!» Уже в течение ближайших полутора лет ход внутрипартийной борьбы развеял иллюзии Зиновьева и Каменева насчет скорого возвращения к власти... «Раз нет возможности вырвать власть у правящей ныне группы, — заявил Каменев, — остается одно: вернуться в общую упряжку. К тому же заключению... пришел и Зиновьев».

Троцкий, судя по его признанию, не разделял иллюзий своих соратников насчет быстрого возвращения власти. Он рассчитывал на другое: «Надо было воспитывать новые кадры и ждать дальнейшего развития событий».

Троцкий пишет, что к трехлетию оппозиционной борьбы (1923—1926) «наша группа («троцкисты») успела... выработать уже довольно законченное представление о второй, термидорианской главе революции, о растущем разладе между бюрократией и народом, о национальном перерождении правящего слоя, о глубоком влиянии на судьбы СССР поражения мирового пролетариата» (73). Это те пункты, которые Троцкий будет бесконечно повторять вплоть до конца своей жизни (убит в 1940 г.). Термидор (месяц нового французского календаря после революю

ции 1789 года, когда был положен конец якобинской диктатуре) стало любимым словом Троцкого, Зиновьева и К°, когда, теряя власть, они заговорили о «перерождении революции», о растущей власти бюрократии, о сползании мировой революции в национальное болото и т. д. (Зиновьев уточнял «термидор»: «Что это как не явно термидорианская, чтобы не сказать черносотенная реакция?») Сталина Троцкий честит как «производное аппарата», как продукт партийного бюрократизма. И кто же говорит об этом? Тот самый Лев Давидович, который первым начал использовать громадный аппарат для вождистского самоутверждения, окружив себя охраной в пятьсот «кожанок», легионом помощников, секретарей, литературных сотрудников — «писателей», которые под руководством Глазмана, Сермукса, Познан- ского готовили для него материал для статей, речей, книг. Коллективным «ударным трудом» во главе с Ленцинером (за что его благодарил не раз в печати автор) было подготовлено собрание сочинений Троцкого. И в быту не скромничал Лев Давидович, вселившись по-барски в Архангельском, под Москвой. Грандиозная аппаратная идеологическая обслуга была и у хозяина северной столицы Зиновьева, известного не только своими расстрельными кровавыми оргиями, нQ И лукулловыми пирами во времена голода, Каменева с его знаменитым тогда на всю Москву коньячным подвалом. Поэт В. Ходасевич оставил примечательные подробности своего посещения кремлевской квартиры Каменевых в один из зимних вечеров (кажется, в 1920 году), с чаепитием из царской, с орлами, посуды, и одновременной ханжеской демонстрацией женой Каменева (сестрой Троцкого) «пролетарского аскетизма» в виде нарочито скудного угощения грязноватыми (под революционных матросов) кусками сахара и т. д. В действительности же «вожди пролетариата» не забывали ни о себе, ни'о своих домочадцах, пользуясь отменным харчем, лучшими санаториями, услугами иностранных врачей. И на фоне этого всеобщего руководящего процветания казусом могло быть то, о чем писал сбежавший за границу Ф. Раскольников: «В домашнем быту Сталин — человек с потребностью ссыльнопоселенца. Он живет очень скромно и просто, потому что с фанатизмом аскета презирает жизненные блага: ни жизненные удобства, еда его просто не интересуют».

Живя двойной моралью, трудно ожидать успеха от обвинения других в «термидоринстве», перерождении, бюрократизме, тоталитаризме, в отрыве от народа, так же, как набив руку на кровавом проведении «диктатуры пролетариата», цинично вещать патетически об опасности «зажима внутрипартийной демо

кратии», как это делал Троцкий. Эмигрант, рванувшийся в Россию после февраля 1917 года (до этого двенадцать лет жил в Америке), ставший большевиком по сути из меньшевика всего за несколько месяцев до Октябрьского переворота, Троцкий, облеченный полным доверием Ленина, упивался кровью гражданской войны в ненавистной ему России и почувствовал себя не у дел, когда в ней по окончании войны наметилась восстановительная политика. Международный авантюрист, ловкий игрок на .митинговых инстинктах массы, эффектный герой на час и палач, разжигатель «перманентной» распри в чужом народе — этот знаменитый революционер обнаружил совершеннейшую неспособность в новых мирных условиях к организаторской, государственной деятельности.

Литература последнего времени о Сталине довольно однотипна: будто скованные взглядом Горгоны, авторы уже не видят ничего, кроме ужаса, исходящего от него. Следуя в оценке Сталина Троцкому, они вроде бы забыли о некоей его дипломатической оговорочке в отношении своего грозного соперника. Ненавидя как никто другой Сталина, Лев Давидович порой берет, однако, себя в руки, чтобы «не опускаясь до личного», «по-марксистски» подчеркнуть, что дело не в Сталине, а в бюрократическом режиме, в аппарате, на котором тот держится. Конечно же, все дело для Троцкого было именно в Сталине (недаром вся жизнь его после изгнания из Советской России питалась, пожалуй, единственным горючим — ненавистью к Сталину, к его «социализму в одной, отдельно взятой стране»), но он достаточно умен, чтобы этого вслух не говорить. Последователи же Льва Давидовича все валят исключительно на одного Сталина, не понимая или не желая понять, что их кумир вместе с «Ильичем» в гораздо большей степени, чем Сталин, подготовили ненавистную им «тоталитарную», «командно-бюрократическую» систему.

* * *

Предстоит еще осмыслить историческую роль Сталина в российской государственности. Непреклонным государственником он был уже в то предоктябрьское время, когда всякого рода космополитические партии жаждали расчленения России, превращения ее в костер мировой революции. В опубликованной в конце марта 1917 года статье «Против Федерализма» (соч., т. 3, с. 23—28) Сталин обратил внимание на статейку некоего Иос. Окулича «Россия — союз областей», в которой предлагается «ни больше ни меньше, как превращение России в «Союз об

ластей», — федеральное государство». При этом автор статейки ссылается на опыт государственного строя Соединенных Штатов Америки. Но, как показывает Сталин, в Америке «развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству», и вообще «тенденция развития идет не в пользу федерации, а против нее. Федерация есть переходная форма. «То же самое (история превращения федерации в унитарное государство) — в Канаде, Швейцарии. «Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не беремся, конечцо, повернуть назад колесо истории. Но из этого следует, что неразумно добиваться для России Федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение».

В отличие от Ленина, ратовавшего в основном за федерализм («Государство и революция»), Сталин был за унитарное (слитное) государство с сильной центральной властью. Не принимал Сталин и ленинской теории «отмирания» государства при социализме. На обложке той же работы Ленина «Государство и революция», вышедшей в 1923 году, он написал: «Теория изживания (государства) есть гиблая теория». Опять-таки в противовес Ленину, который придерживался «механической» теории государства (первичность в данном случае класса перед государством), Сталин был сторонником «органического» развития государства как целого, которое вбирает в себя и подчиняет себе все его составляющие (личность, классы и т. д.).

Отношение к государственности, утверждение ее или отрицание — вот, собственно, то, что разделяло пропастью -Сталина и «ленинскую гвардию». Знаменитый спор между ними — о возможности или невозможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране — сводился, в сущности, все к тому же: быть ли стране (после октябрьского переворота) независимой, не лишенной исторической перспективы, как за это ратовал Сталин, или обречь ее на капитулянтство в окружении враждебного западного капиталистического мира, поставить ее в полную зависимость от «мировой революции». Троцкий и его сообщники не могли примириться с той мыслью, что сокрушенная революцией Россия может существовать как самостоятельное государство, независимо от того, будут или не будут революции в других странах. Сталин же, в отличие от «старой гвардии», свою судьбу уже тогда связал с судьбой государства, государства самостоятельного, которое должно укрепляться, чтобы защитить себя от врагов, внешних и внутренних. И в этом он нашел инстинктивное понимание у массы партийцев, поддержавших именно его, а не международных революционеров-троцких.

Рискованно, конечно, «русифицировать» ту государственность, которую создавал и укреплял Сталин. Сам он в начале 30-х годов (в беседе с писателем Людвигом) говорил о современном государстве не как «национальном», а как о «социалистическом». Но объективно восстанавливаемая великая держава была преемницей Российской империи. Ревниво окидывал он историческим взглядом владения в шестую часть земли, помня каждую пядь ее, освобожденную, отвоеванную, освоенную предками. Перед войной он вернул то на Балтике, что стоило Ивану Грозному двадцатипятилетней Ливонской войны и что временно было от России отторгнуто. Кстати, и до Ивана Грозного в летописях Ливония всегда называлась русской землей.

М. Джилас в своих воспоминаниях о встречах со Сталиным рассказывает, как, остановившись перед картой мира, на которой Советский Союз был обозначен красным цветом, Сталин, проведя рукой по нему, воскликнул в адрес американцев и англичан:

— Никогда они не смирятся с тем, чтобы такое пространство было красным — никогда, никогда!

Адмирал Исаков приводит удивительный разговор со Сталиным перед войной о Южном Сахалине, который тогда еще не был возвращен России и без которого нашему флоту не было выхода в мировой океан. «Подождите, будет у нас Южный Сахалин», — сказал тогда Сталин, что было воспринято адмиралом как шутка. «Этот разговор вспомнился мне потом, в сорок пятом году».

Видевший Сталина югославский генерал сказал о нем: «Весь его облик был таков, что вызывал уважение к государству». В воспоминаниях, высказываниях о нем руководителей разных стран, встречавшихся с ним, встает образ человека, производящего огромное впечатление своей государственной мудростью, величием своей личности. Читая стенографические записи его переговоров с главами правительства США, Англии на Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской (Берлинской) конференциях, поражаешься той глубине понимания обсуждаемых вопросов, силе логики, непреклонности, с которыми он защищает интересы своего государства. Это было видно и мировой общественности. Так, де Голль писал о «просочившихся сведениях» о Тегеранской конференции: «Сталин разговаривал там как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям».

Интересы государства прежде всего определяли его отношение к людям, отодвигая на задний план личные моменты. Моло

тов вспоминал, как резко оборвалось прежнее доверие Сталина к нему, как только тот узнал об антигосударственных действиях его жены Полины Жемчужиной,

На пленуме после XIX съезда партии (в конце 1952 г.) Сталин гневно выступал против Молотова. Писатель К. Симонов, присутствовавший на этом пленуме, оставил смутные, не очень внятные воспоминания об этом выступлении (непонятно, о чем говорил Сталин). Сам Молотов проясняет, что сталинский гнев был вызван отрицательным отношением к нему из-за «недоверия к его жене, недоверия к сионистским кругам».

Хрущев много пишет о том животном страхе, который он испытывал при Сталине, ожидая от него ареста, расправы. В данном случае страх, конечно, был оправданным, ибо за преступлением (то же хрущевское участие в репрессиях, а затем новочеркасская бойня) всегда стоит страх возмездия (не важно, кто орудие его). Но если говорить о страхе «культовом» — то он вселился в людей задолго до «тирании Сталина». Григорий Мелехов в «Тихом Доне», вернувшийся с гражданской войны на хутор, бесстрашный в бою, испытывает отвратительный для него самого липкий страх, когда он — бывший офицер — получает повестку явиться для проверки к местным военным властям. Страх испытывали десятки тысяч священников, когда Ленин в закрытом письме в Политбюро требовал массового расстрела «попов», дабы на десятилетия навести на них ужас. Массовым страхом пронизана была жизнь той десятой части населения (множество миллионов людей), которую Зиновьев требовал расстрелять тех, «кто не с нами». Вряд ли и ныне новое поколение казаков изжило тот страх, который передался от дедов, жертв свердловско-троцкистского «расказачивания», рассчитанного на коренное истребление его. Страхом был отравлен сам воздух страны, и здесь уже мало что зависело от воли одного человека. Это как в «Войне и мире» — Пьер Безухов, услышав барабанную дробь — сигнал к расстрелу французами русских пленных — с ужасом чувствует, что некие непонятные, мистические силы вступили в действие, и никто, никакая сила не может остановить того, что должно произойти.

Как во всем трагическом, и в страхе эпохи были гримасы, порожденные той революционной свободой, которую так жаждали ее дети. В одном из изданий («Новый журнал», № 186,1992) читатель узнает о своеобразном «феномене страха»: «Круг гомосексуальных связей Мейерхольда был достаточно широк... В старой России свобода и нетривиальность сексуальной жизни не поощрялись. Возможно, Мейерхольд связывал с большевистским

переворотом выход в царство подлинной свободы, в том числе творческой, в том числе и сексуальной. Он не мог предположить, что этот переворот принесет еще большую несвободу, закрепощение всех и каждого, что гомосексуализм будет преследоваться как уголовное или даже государственное преступление. ...В последние годы им владел, помимо всего прочего, и страх за гомосексуализм».

Страх этот довольно обоснован, если учесть, что сам Сталин был беспощаден к гомосексуалистам (которых он называл «мерзавцами»), видя в них действительно опасных для духовного здоровья нации извращенцев. Известно, что отмененный при Ленине дореволюционный закон об уголовном преследовании гомосексуалистов впоследствии Сталиным был восстановлен. В газете «Комсомольская правда» несколько лет тому назад было опубликовано интервью с неким президентом английского клуба гомосексуалистов, который утверждал, что Сталин уничтожил гомосексуалистов из числа членов Политбюро и верхушки Красной Армии.

Были и страхи искусственные, на'гнетавшиеся в политических, иных целях. Таков был раздуваемый «ленинской гвардией» страх «русского шовинизма», антисемитизма.

Любопытно, что в Троцком, любившем изрекать, что он не еврей, а коммунист, остро взыгрывали племенные эмоции. Победу Сталина и его сторонников над оппозицией он объяснил их антисемитизмом (Статья «Термидор и антисемитизм» в книге «Преступления Сталина»).

* * *

На судебных процессах по делу троцкистско-зиновьевского блока в тридцатых годах много говорилось о том, что его участники являлись шпионами, агентами иностранных государств. Известно, что к власти большевики пришли как агенты враждебных России государств, прежде всего кайзеровской Германии, ее генерального штаба. Активнейшую роль в планах развала России играл Парвус — выходец из России, получивший подданство Германии, автор «перманентной революции», наставник Ленина, Троцкого. Его программа разрушения России путем организации революционных выступлений щедро финансировалась международным капиталом. В 1905 году на деньги японцев Парвус прибывает в Петербург, вместе с Троцким руководит Петербургским Советом рабочих депутатов. На японские же деньги проводится Лениным третий съезд РСДРП, издается «Искра».

Колоссальные суммы для большевиков шли из Германии. С октябрьским переворотом немецкие власти потребовали от своих агентов немедленного расчета, в результате чего Россия оказалась экономически закабаленной и поставленной на колени перед Брестским миром.

Сила Сталина была в том, что он, в отличие от эмигрантской «ленинской гвардии», был непричастен к агентурным зарубежным связям, он знал, с кем имеет дело. Как говорится в примечании к словам Троцкого о якобы необоснованном обвинении «большевиков-ленинцев» в шпионаже: «Но именно потому, что обвинения (в шпионаже.— М. Я.), выдвинутые Временным правительством в 1917 году были по большей части справедливы, Сталин знал, в чем обвинять арестованных, а арестованные знали, что их есть в чем обвинять» (Л. Троцкий, «Преступления Сталина», М., 1992, с. 288).

Писатель Фейхтвангер в своей книге «Москва. 1937 год» объяснил, почему троцкисты стали шпионами. Потерпевший поражение в борьбе со Сталиным, изгнанный из страны, снедаемый ненавистью к своему сопернику, к России («Русским патриотом Троцкий не был никогда»), Троцкий, по словам писателя, поставил главной целью «любой ценой» «возвращение к власти». Ради этого он пошел на договор с фашистами, как это следует из его беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом в 1931 году, а также из других, приводимых Фейхтвангером фактов. Призыв Троцкого «убрать Сталина» («Бюллетень оппозиции», март 1932 г.) обернулся впоследствии бумерангом — убийством самого подстрекателя. (Кстати, и сын Троцкого Лев Седов взывал за границей к расправе над Сталиным: «Тиран заслуживает того, чтобы быть сраженным, как тиран».) Но в чем видел Фейхтвангер неопровержимый аргумент в пользу обвинения троцкистов в государственной измене, шпионаже, подрывной деятельности? «Большинство этих обвиняемых были в первую очередь конспираторами, революционерами; всю свою жизнь они были страстными бунтовщиками и сторонниками переворота — в этом было их призвание». Опасность их тем более велика, что сброшенные с самых высоких постов (члены Политбюро, ЦК), они по свойству своих властолюбивых, мстительных натур, избраннической надменности никогда не примирятся с положением низвергнутых (как говорил тот же Радек: «Никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны»). Надо отдать должное Фейхтвангеру, увидевшему причину процесса в возникшей тогда непосредственной угрозе со стороны фашизма. В этом, видимо, и разгадка того, что Фейхтвангер взял сторону не троцкистов, а

Сталина, в котором, как в руководителе страны, видел защитника еврейства в будущей войне с Германией. «Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае — ссылать... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердечие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имеющие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

И действительно, еще в конце двадцатых годов Троцкий запустил в оборот так называемый «тезис Клемансо», французского лидера радикалов, который сеял пораженческие настроения, когда немцы стояли в 80 км от Парижа. Под лозунгом «свободы критики» и в военное время, Троцкий угрожал (в письме в ЦКК), что в случае приближения вражеских войск к Москве оппозиция будет добиваться свержения существующей власти. Близко стоявший к Сталину Молотов до конца дней своих считал (выражая, конечно же, и убеждение Сталина), что «мы обязаны тридцать седьмому году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны» («Сто сорок бесед с Молотовым». Дневник Ф. Чуева. М., 1991). Именно в том же тридцать седьмом году, в день двадцатилетия Советской власти, на обеде у Ворошилова Сталин произнес беспощадные слова о том, что всякий, кто намеревается разрушить наше государство, будь он и старым большевиком — будет истребляться вместе со своей семьей и всем родом.

И только нынешние разрушители нашего государства могли реабилитировать этих заговорщиков. Кстати, о реабилитации. Молотов в своих беседах с Ф. Чуевым (поражающий иногда окаменелостью своих взглядов, вроде слов о взорванном храме Христа Спасителя: «Да ну его к черту!») очень убедителен в таком эпизоде: «Ко мне подошел один гражданин, автор книжки о Тухачевском. Я ему: «А вы читали о процессах?» — «Нет». Вот тебе и автор. «Он ведь реабилитирован». — «Да, реабилитирован, но... А о процессах вы читали? Есть стенограммы процессов, это документы, а где документы по реабилитации?» Глаза выпучил». Таким же методом «реабилитированы» все троц- кисты-зиновьевцы. В бывшем КГБ еще при Андропове имелись сведения об «агентах влияния», орудующих в нашем государстве в интересах Америки. Список агентов так и не был обнародован, хотя вопрос о них ставился новым руководством КГБ перед Горбачевым, который в своем публичном выступлении заявил, что он отверг обвинения потому, что не хотел повторения тридцать седьмого года. Сам того не подозревая, Горбачев только подтвердил, каким спасительным для государства был тридцать седьмой, не допустивший того, что произошло теперь —

государственный переворот с захватом власти внуками «жертв» тридцать седьмого года, американо-израильскими агентами, не скрывающими уже теперь (как не скрывается и легализованный шпионаж), что «перестройка» задумана и совершена в интересах Запада для экономического, национального, государственного закабаления России.

* * *

В середине, во второй половине тридцатых годов в идеологической жизни страны происходили примечательные события. В июле 1934 года Сталиным было написано письмо, адресованное членам Политбюро, — «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Автор письма критиковал Энгельса за «русофобство», за его стремление представить внешнюю политику России в XIX веке как более реакционную, завоевательную, чем политика Англии, Франции и особенно Германии. Определился явный поворот руководителя партии от идеологии Коммунистического Интернационала («лавочки», по его словам) к национально-государственной политике. Тогда же был объявлен конкурс на учебник по истории СССР, за ходом которого внимательно следил сам Сталин, читая макеты подготовленных учебников, делал свои замечания. Так, прочитав учебник, написанный группой И. И. Минца, на полях тех страниц, где в вульгарно-социологическом духе Покровского деятельность ополчения Минина и Пожарского характеризовалась как контрреволюционная, Сталин с издевкой написал: «Что же, поляки, шведы были революционерами? Ха-ха! Идиотизм!» Член жюри конкурса (под председательством Жданова) Бухарин необходимость учебника видел в показе «образования и развития государства Российского» как некоего целого, как «тюрьмы народов». Исходившие от Сталина и Жданова указания касались таких вопросов, как недопустимость для историков следовать вульгарно-классовой схеме Покровского, антиисторической точке зрения на принятие христианства в древней Руси (игнорирующей исторически-культур- ное значение этого события), на «собирание Руси», образование и укрепление Московского княжества, значение Петровских реформ, воссоединение Украины с Россией, добровольное вхождение Грузии в состав России и т. д. — во всем этом сквозной проходила идея российской государственности. Утвержденный в июле 1937 года учебник по истории СССР А. Шестакова ориентировал предвоенное и последующие поколения на преемственность старой государственности в единстве с социализмом.

Борясь практически со сторонниками троцкистской «перманентной революции», Сталин много внимания уделял и теоретическому обоснованию того, что можно назвать государственно-эволюционным развитием. Особенно это проявилось в последние годы его жизни. Так, в статьях о языкознании в 1950 году Сталин, отвергая «теорию взрывов» в развитии языка, подчеркнул, что решающую роль в развитии играет постепенное накопление мелких изменений. Этой эволюционной идее он придавал универсальное значение.

И в проблемах социализма Сталин, как это не покажется странным его противникам, не был твердокаменным догматиком. М. Джилас приводит следующие его слова при встрече с югославами в послевоенное время: «В какой-то момент Тито сказал, что в социализме существуют новые явления и что социализм проявляет себя по-иному, чем прежде, на что Сталин заявил:

«Сегодня социализм возможен и при английской монархии. Революция теперь нужна не повсюду. Тут недавно у меня была делегация британских лейбористов, и мы говорили как раз об этом. Да, есть много нового. Да, даже и при английском короле возможен социализм».

«Как известно, Сталин никогда открыто не становился на такую точку зрения», — замечает автор, и это весьма знаменательно, свидетельствуя о том, сколько скрытого, загадочного «невысказанного» было в этой личности, ломавшего, как никто из марксистов, оковы марксизма, когда они не отвечали исторической действительности, государственным интересам страны.

Одним из главных признаков тоталитаризма его исследователи считают: 1) стремление контролировать не только действия, но и мысли, сознание населения; 2) способность создавать для себя массовую поддержку во имя «тотальной», «общенациональной», идеологической цели. С этой точки зрения ни одна, пожалуй, страна не подходит под определение «тоталитарной», как США с их хваленой демократией, «правами человека», узурпацией право судьи называть другую страну «империей зла» и т. д. — стоит только вспомнить недавнюю «Бурю в пустыне» — войну в Ираке, с истреблением сотен тысяч мирных жителей, с математически точным попаданием в детский госпиталь, больницы — при «патриотическом» подъеме американского населения. Как должное был встречен в Америке расстрел парламента в Москве, никакого протеста не вызывает военное вмешательство НАТО во внутренние дела бывшей Югославии.

И, конечно, не было в истории тоталитаризма более зловещего, чем тот, который несет в себе мировое правительство, ко

торый все более становится реальностью. При нем во имя «мировой свободы» контролируемому во всем человеку некуда будет деться на земле без границ, без нации.

Но есть еще проблема тоталитаризма, от которой не уйти «свободному» Западу. Это — нравственный релятивизм, духовный «плюрализм», религиозная безответственность. Один из американских ученых об этом пишет:

«Разрушение абсолютного принципа ответственности перед Творцом в немалой степени способствовало созданию современного государства. Большинство современных государств не считает себя ответственными ни перед кем. С этой точки зрения всякое государство становится авторитарным, а потому и тоталитарным».

Известно, что причиной утверждения тоталитаризма является кризис либеральной демократии. Характерно, что к началу Второй мировой войны в 17 из 27 европейских государств установились тоталитарные, авторитарные, диктаторские режимы. Некоторые объясняют успех тоталитаризма мифологизи- рованностью массового сознания (близкому к религиозно-догматическому). Так или иначе, но та основа, на которой должна держаться либеральная демократия — «свобода личности», ато- мизированность общества — обращается в песок в критические для нации времена, и благо, если народ находит в себе здоровые силы, чтобы выйти из состояния духовной энтропии. .

* * *

Великая Отечественная война 1941—1945 годов против гитлеровской Германии — это и великая трагедия, и величайшая героическая история нашего народа. Время только с большей очевидностью выявляет величие народного подвига. Какая-нибудь неделя потребовалась немцам для того, чтобы оккупировать Польшу (не говоря уже о других, более мелких европейских странах). Всего с месяц оказалось достаточным, чтобы пала Франция Хваленая демократия, как продажная, растленная девка, расстелилась перед Гитлером (и этот позор забыт на Западе, с отнятой памятью до поры до времени купающемся в своей самодовольной цивилизации). И, только вторгшись в Россию, гитлеровские орды застряли в ее пространствах и были разгромлены.

Да, это была великая трагедия. Отступления первых меся цев войны с неисчислимыми потерями войск и техники. Ката строфы на Западном фронте в самом начале войны, под Киевом впоследствии под Харьковом, в Крыму с разгромом целых фрон

тов. К февралю 1942 года число наших пленных было свыше трех миллионов. Последствия наших потерь в войне (до сих пор так и не установленных при обычно называемых 20—25 миллионах!), последствия самой войны для нашего народа так сокрушительны, что они сказываются до сих пор на новых поколениях (с ослабленными биологическими, духовными генами).

Историки еще не сказали своего основательного слова о войне. В «доперестроечные» времена официальная историография, кажется, не столько была занята серьезным исследованием реальностей войны, сколько услужением «вождям» (вроде прославления мифических заслуг Хрущева на Юго-Западном фронте, Брежнева на «Малой земле», Андропова в партизанском движении в Карелии).

Теперь времена «культа» вроде бы прошли, но в ходу другая ложь — еще более партийно-тенденциозная, на этот раз «демократическая». .

Разноречивые мнения существуют о предвоенной политике Сталина, о договоре с Гитлером, о степени подготовленности страны к войне, о персональной вине за катастрофы в начале войны. Сталину ставится в вину (и не без основания) жестокость в отношении наших военнопленных, в которых несправедливо, чуть ли не поголовно видели изменников Родине. Мучительно и сознание, какой ценой досталась нам Победа. То, что сам Сталин, провозглашая после Победы тост за русский народ, назвал ошибками правительства в начале войны, стоило громадных жертв, потерь. Но о «необъятных трудах» Сталина в годы Отечественной войны говорил Патриарх Русской Православной Церкви Сергий, и можно сказать, что без этих трудов еще неизвестно, какой бы был итог войны.

Видимо, еще не пришло время для, так сказать, спокойного, исторического взгляда на личность Сталина, и слишком много страстного, политического, личного привносится в оценку его деятельности, в том числе во время войны. Ну хотя бы пущенная Хрущевым сплетня с трибуны XX съезда партии (в 1956 году, в докладе о культе личности), что Сталин руководил боевыми операциями якобы по глобусу. Эту нелепость опровергли маршалы Жуков, Василевский, высоко оценившие Сталина как Верховного Главнокомандующего, глубоко разбиравшегося, по их словам, в военной стратегии, в оперативном искусстве.

При встрече со Сталиным У. Черчилля поразил факт, о котором он вспоминает в своих мемуарах. Во время своего приезда в Москву осенью 1941 года английский премьер сообщил Сталину о готовящейся англичанами и американцами операции «Торч».

Сталин внезапно оценил стратегические преимущества этой операции, перечислив доводы в ее пользу. «Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление... Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно».

Историк, пишущий о войне, может и должен критически относиться ко всему, что связано с ней, в частности, с подготовкой к войне, ведением ее, ролью государственных деятелей, военачальников и т. д. Возникает необходимость переоценки прошлых взглядов на события Отечественной войны, тем более, что многое в этих взглядах не соответствовало действительности. Но при этом должно соблюдаться элементарное правило исследования: переоценка того или иного события, явления должна быть именно на основе знания материала, анализа его, существующей литературы о данном предмете. Вот, например, вопрос о том, что делалось в области вооружения накануне войны. В этом отношении есть свидетельства крупных организаторов производства, вынесших на своих плечах бремя ответственности по укреплению боеспособности страны. В своей книге «Во имя победы» бывший нарком вооружения Д. Ф. Устинов, говоря о том, что в довоенное время «была проведена огромная работа по созданию мощного артиллерийского производства», перечисляет на целых трех страницах те виды вооружения, танков (в том числе знаменитый Т-34), самолетов, реактивной установки «БМ-13» (знаменитой «катюши») и т. д., которые были запущены в производство. Бывший руководитель наркомата боеприпасов Б. Л. Ванников в своих «Записках наркома» также пишет: «С первых же месяцев войны стала как никогда ранее очевидна огромная работа, проделанная в предвоенный период в нашей промышленности». В книге «Цель жизни» известного авиаконструктора А. Яковлева, работавшего в годы войны заместителем наркома авиационной промышленности, читаем: «В числе ошибок начального периода войны малокомпетентные критики относят якобы неиспользованную Сталиным передышку после заключения пакта о ненападении с гитлеровской Германией». И далее автор пишет: «За короткий срок были созданы новые совершенные образцы боевой техники: самолеты, танки, орудия. Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно в 12 часов ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов».

«Могу только еще раз сказать, — пишет и маршал Жуков, — что И. В. Сталин и до войны много занимался вопросами воору

жения и боевой техники. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения».

Характерно, что даже и те, кто пострадал от Сталина, не могут отрицать его государственного подхода к проблемам жизни страны, в том числе к развитию науки. Академик Б. Раушенбах уже в наше время пишет: «Во времена Сталина многие ученые погибли в застенках, но Сталин финансировал науку. В 30-е годы из Фонда Рокфеллера, помогавшего развитию науки в слаборазвитых странах, приехали с этой же целью в Россию и пришли к выводу, что наука в нашей стране финансируется лучше, чем в Западной Европе, помогать ей не надо».

И все-таки нам не хватило года-полтора для того, чтобы во всеоружии, подготовленными встретить агрессора, а огромные потери в начале войны (в том числе боевой техники) сильно ослабили наши вооруженные силы. Целая эпопея военного времени — эвакуация заводов на Восток, быстрый пуск их в действие в условиях невероятных трудностей, лишений людей, все сделавших для снабжения фронта военной техникой, боеприпасами. Духовная крепость тыла была необходимым условием победы.

Среди документов по истории Отечественной войны особое место занимает знаменитый приказ № 227 И. В. Сталина, подписанный им в тревожное время, когда враг грозил прорывом к Сталинграду и захватом его. Даже и теперь; по прошествии более полувека после тех грозных дней, ледяным ветром эпохи веет от суровых слов приказа, беспощадных в требовании стоять насмерть. Много говорилось и писалось о жестокости этого приказа, грозившего расстрелом за самовольное, без приказа, отступление. По словам же маршала А. Василевского, «Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности».

На полувековом отдалении обращения Сталина к народу в связи с победой над Германией, затем Японией воспринимаются в зловещем отсвете нынешней судьбы нашего государства. «Три года назад, — говорил Сталин, — Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову».

То, что не удалось сделать Гитлеру, ныне удалось сделать Америке с «демократами» внутри нашей страны. И теперь эти «демократы» действуют в интересах Японии, для удовлетворения ее территориальных претензий к России, ликвидации того положения, когда Россия, вернув в 1945 году Южный Сахалин и Курильские острова (захваченные Японией в 1904 году), снова обрела выход в Мировой океан.

Вскоре же после окончания войны быстрыми темпами стало восстанавливаться народное хозяйство. Уже в 1947 году, в одной из первых в Европе, в стране была отменена карточная система. Ежегодно проводились снижения цен. Был прекращен вывоз сырья за рубеж, что вело к укреплению независимости отечественной экономики и что вызывало ненависть международного капитала, объявившего Советскому Союзу «холодную войну». Сталин отказался платить Америке по ленд-лизу, считая, что кровь наших воинов, пролитая в сражениях с общим врагом союзников, не окупается никакой материальной помощью. (Кстати, Сталин был столь же принципиален и в отношении своей страны к другим странам, например, Югославии, когда в военное время, в разговоре с ее руководителями, он заявил, что они оскорбляют его, поднимая вопрос о долге за помощь, оказанную Советским Союзом.)

При всех послевоенных успехах оставалась, однако, прежней, еще со времен первой пятилетки, та перенапряженность усилий, которая не давала возможности уставшему от непомерных испытаний народу войти в нормальную колею существования и что рано или поздно должно было вызвать в нем реакцию, неблагоприятную для государства.

* -4- 5l-

После смерти Сталина его государственным наследником стал Маленков, решивший приблизить экономику к жизненным потребностям народа (увеличение капиталовложений в легкую и пищевую промышленность), за короткое время успевший многое сделать для улучшения жизни деревни (снижение в два с половиной раза сельхозналога, списание всех прошлых недоимок, увеличение размеров приусадебных хозяйств колхозников, повышение заготовительных цен на сельхозпродукцию, развитие колхозного рынка и т. д.). Это была политика эволюционных перемен, здравых, ответственных решений. Перехватившего власть Хрущева обуяла революционная чесотка, не дававшая ему покоя за все почти десятилетнее «общение с народом». Сумбур в промышленности (замена министерств совнархозами), ра

зорение деревни (давление на личное приусадебное хозяйство колхозников с требованием не иметь даже домашних коров, запрет любой крестьянской независимости). Уничтожение существовавших десятилетиями кустарного производства, мелкой промышленности. Гонение на Церковь с уничтожением десятков тысяч храмов, напоминающее зловещее послереволюционное время официального атеизма, секретного призыва Ленина к истреблению священства. Этот любимец «демократов», первый из после- ленинских вождей, дал наглядный урок расправы с недовольным народом, расстреляв мирную демонстрацию с детьми в Новочеркасске в 1961 году. И, конечно же, «подаренный» Украине Крым, чем была заложена мина вражды между двумя братскими народами, сулящая кровавые конфликты.

Из хрущевского чрева выползли и детеныши «двадцатого съезда партии», оформившиеся затем в Горбачева и ему подобных «перестройщиков».

В докладе Хрущева «О культе личности и его последствиях» XX съезду КПСС (1956 год) вся вина за зло, творившееся в стране со времен Ленина до Хрущева, была приписана одному Сталину. Тот же Хрущев был одним из тех «верных учеников» Сталина, кто своими репрессиями в Москве и на Украине (по месту работы) старался доказать «вождю народов» свою «бдительность». В докладе «Никита» обвинял Сталина в уничтожении военных кадров, а из опубликованного в этой книге документа видно, как в бытность Первым секретарем ЦК партии Украины он подписал (как член Военного Совета) «Постановление Военного Совета Киевского военного округа о состоянии кадров» (март 1938), где поставлена «главная задача» — до конца выкорчевать остатки враждебных элементов», и где под «чистку» попали почти все командиры (заменены все девять числящихся по штату командиров корпусов; из двадцати пяти командиров дивизий остался на прежнем месте только один и т. д.). Так кто же истребил военные кадры на местах, в той же Украине — Сталин или Хрущев? Без удержу славословя «гениального вождя народов» при его жизни, Хрущев после смерти Сталина так же без удержу стал чернить его.

Конечно, выявление в деятельности Сталина того, что ранее было скрыто, что разрушало миф о непогрешимости вождя, вызывалось самой необходимостью для страны, десятилетиями жившей в условиях разрыва между официальной идеологией и реальной историей. Но в хрущевском «разоблачении культа личности» было сумасбродным само противопоставление «злого»

Сталина и эдакого иконного Ленина, оценка Сталина вне истории, природы государства с заложенным в нем — именно Лениным — тоталитаризмом. Нечего уже говорить об аморальности самого критика «культа», собственные руки которого были в крови от всяких «чисток», репрессий в тридцатые-сороковые годы. Кроме того, Хрущев, видимо, не мог простить Сталина за ту роль шута, которую приходилось ему порой играть при нем, и это обстоятельство, как, может быть, и сами его интеллектуальные возможности, не позволяло ему держаться того достойного тона, который приличествует при характеристике исторической личности. В своих «Мемуарах» он настолько заносится в своих фантазиях о Сталине, что невольно теряется доверие вообще к его «Свидетельствам». Неловко даже цитировать то, что сочиняет «Никита», но для понимания его «фольклорного» дарования можно кое-что привести. Вот его излюбленная тема: как Сталин якобы спаивал всех, кто попадал ему под руку. «Берия сказал Сталину, что Ракоши говорит, будто мы пьянствуем, Сталин в ответ: «Хорошо, сейчас посмотрим». Сели за стол, и начал он Ракоши накачивать; влил в него две или три бутылки шампанского и другого вина. Я боялся, что Ракоши не выдержит и тут же умрет. Нет, выкарабкался... Ракоши не пошел к Сталину завтракать, а тот подшучивал: «Вот до какого состояния я его довел». Такого рода анекдотами потчует публику пенсионер союзного значения.

Каким бы ни было отношение к Сталину, но одно не подлежит сомнению — его неколебимая верность идейным принципам. Кажется, что при нем (в послевоенное время) невозможно было и представить, чтобы партократы, десятилетиями орудовавшие на вершинах власти, вплоть до членов Политбюро, переметнулись бы вдруг на сторону тех, кого сами еще вчера клеймили классовыми врагами. Ныне это стало фактом. Когда-то «сталинисты», сегодня эти оборотни уже обвиняют в сталинизме других, всех тех, кто не отрекся, как они, от своей истории, от всего того, что было сделано, пережито — за годы новой России, до пресловутой «перестройки». О метаморфозе с одним из таких «сталинистов» уместно здесь рассказать.

В ноябре 1972 года в «Литературной газете» была опубликована очень пространная (на двух полосах) статья доктора исторических наук А. Яковлева «Против антиисторизма». Статья начиналась словами: «Особым смыслом исполнен приближающийся пяти десяти летний юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Эти полвека— блестящее доказательство той истины, что история человечества развивается по восходящей линии, в полном соответствии с объективными законами

общественной жизни, открытыми великими учеными К. Марксом и Ф. Энгельсом». Далее следовал, казалось, нескончаемый парад побед социализма в нашей стране: «50 лет СССР — это зримое свидетельство героизма, самоотверженности, исторических свершений всех народов великого Советского Союза...»; «...наша жизнь — бурная, полная революционного динамизма, новаторской энергии, созидательной мощи...»; «Сегодня общество развитого социализма решает проблемы, небывалые по своей новизне, размеру и характеру...», «...экономические и социальные достижения социализма, преображая общество, оказывают огромное воздействие и на рабочий класс...»; «...это находит воплощение... в росте общей и профессиональной культуры, образованности, социальной активности, развитии социалистической морали...»; «...землю преображают, космос штурмуют крестьянские сыны...» и т. д. и т. д.

Автор с позиции ортодоксального марксизма-ленинизма, непримиримости, классовой борьбы обличает все, что, по его мнению, не отвечает «развитому социализму». Это и буржуазные идеологи, лелеющие миф об «исчезновении классов при сохранении частной собственности», и Маркузе с его социальной интеграцией рабочего класса в капиталистическом обществе, и те, кто умаляет главенствующую роль в нашей стране рабочего класса, выдвигая на его место интеллигенцию, и те, кто обращается к «истокам». Против последних и направлен главный удар А. Яковлева. «Истоки» — это, собственно, то, с чем человек связан изначально и навсегда — родная земля, Родина, народные традиции, преемственность поколений, ценности многовековой культуры и т. д. Все это и «выкорчевывается» автором, под видом борьбы с «патриархальностью», «внеклассовостью», «вне- социальностью», «антипартийностыо», «антиисторизмом» и т. д. Особенно ему не по нраву русская деревня. Хорошо, конечно, что разделались со «справным мужиком» (у которого «ходил в кабале» многомиллионный «сеятель и хранитель»): «А «справного мужика» надо было порушить. Такая уж она неумолимая сила, революция...» Любое доброе слово о крестьянстве (в том числе и как о «питательной почве национальной культуры») расценивается как «любование патриархальным укладом жизни, домостроевскими нравами», а это значит — выступать против Ленина, его оценки крестьянства. Лениным автор действует поисти- не как иконой и как дубиной, всякий раз ничего не доказывая, а резонерствуя или вопрошая угрожающе: «Тот, кто не понимает этого, по существу, ведет спор с диалектикой ленинского взгляда на крестьянство, с социалистической практикой переустрой

ства деревни», «в прямом противоречии с Лениным»; «С кем же, в таком случае, борются наши ревнители патриархальной деревни и куда они зовут?..» и т. д. Приведя фразу из одной книги о том, что герой не согласен со словами Чернышевского о русских, как «нации рабов», А. Яковлев неотразимо обличает: «Полемика идет не только с Чернышевским, но и с Лениным».

Верный ленинец срывает «все и всяческие маски» с религии, Церкви, ее служителей, «воспевателей». «Во многих стихах мы встречаемся с воспеванием церквей и икон, а это уже вопрос далеко не поэтический». «Мы не забываем, что под сводами храмов освящались штыки карателей, душивших первую русскую революцию... Самая «демократическая» религия в конечном счете реакционная, представляет собой идеологию духовного рабства» и т. д. Реакционерами именуются В. Розанов, К. Леонтьев, изобличаются «Вехи», «бердяевщина» и т. д. Много имен собственных русских литераторов попало под идеологическую дубинку партократа за их патриотические слова о России. Олегу Михайлову попало за то, что он писал о генерале Скобелеве «без учета его реакционных умонастроений», Сергею Сема- нову «за то, что в своей брошюре о памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде не проявил классовой бдительности в оценке исторических фигур, выбранных скульптором. Особенно досталось мне за книгу «Мужество человечности». Мне вменялось в вину и то, что я назвал крестьян «наиболее нравственно самобытным национальным типом», и за слова о «разлагателях,национального духа», и мое непонимание того, что «национальный дух» Плеханова и Победоносцева несовместимы (о них у меня и речи нет), и сходства моих мыслей со славянофильскими и т. п. Вот один из криминалов: «Внёисторический, внеклассовый подход к проблеме этики и литературы характерен для понимания М. Лобановым эпопеи Л. Толстого «Война и мир» (статья «Вечность красоты», «Молодая гвардия» № 12, 1969). Отечественная война 1812 года трактуется М. Лобановым как период классового мира, некоей национальной гармонии. Неприятие М. Лобанова вызывают идеи Великой Французской революции: якобы избавление от них как от «наносного, искусственного, насильственно привитого» и возвращение к целостности русской жизни» обеспечивало, по его мнению, «нравственную несокрушимость русского войска на Бородине».

Здесь не случайно упомянут журнал «Молодая гвардия». За два года до этого, в декабре 1970 года, на секретариате ЦК КПСС с участием Брежнева по записке А. Яковлева (обвинявшего журнал в политических, идеологических преступле

ниях) было принято решение «об ошибках журнала «Молодая гвардия» и был снят с поста главного редактора Анатолий Васильевич Никонов, русский патриот и подлинный, что называется, интернационалист.

Автор статьи «Против антиисторизма» А. Яковлев значился, как «доктор исторических наук», но это был не просто доктор, а и. о. зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, и каждое слово в его статье воспринималось в идеологической, политической жизни страны как указание, директива сверху. С выходом ее по всем университетам, институтам, идеологическим учреждениям страны прошли собрания с нагнетанием идейной бдительности, непримиримости к «отходу от марксизма-ленинизма». Это сейчас кажется курьезом, но тогда было не до шуток: сразу же после статьи «Против антиисторизма» были отменены туристические поездки по «Золотому кольцу» — ибо памятники прошлого были объявлены махровой реакцией, стоящей на пути построения коммунизма в стране и во всем мире. Не то было время, чтобы сажать тех, кого громил автор статьи, но путь к публицистике им был закрыт. Меня «разбирали» по месту работы — в Литературном институте им. Горького. Характерно, что смягчил расправу парторг на кафедре творчества — вот уж без всяких оговорок сталинист Алексей Васильевич Прямков, работавший в тридцатые годы главным редактором железнодорожной газеты, в пятидесятых — заместителем главного редактора (Ф. Панферов) журнала «Октябрь», и без всяких должностей — эпический русский мужик. Да и ректор Литинститута Владимир Федорович Пименов, чиновник сталинской формовки, не жаждал наказания.

Статья А. Яковлева вызвала обратное действие тому, на что, видимо, рассчитывал автор. Поток возмущенных писем в ЦК (в том числе телеграмма М. Шолохова) сделал то, что Брежнев, сказав об А. Яковлеве: «Этот человек хочет поссорить нас с русской интеллигенцией» — отправил его послом в Канаду, что означало ссылку.

И вот, когда уже после Брежнева, при Андропове, разнеслись слухи, что вернувшийся из Канады и ставший директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук А. Яковлев назначается зав. отделом агитации и пропаганды ЦК, я, в числе других, не поверил. Такого идеологического троглодита, после его пещерной по тону и интеллектуальному уровню статьи, вернуть на пост главного идеолога партии?! Но случилось то, что вовсе немыслимо было представить — после смерти Андропова и вскоре Черненко, уже при Горбачеве, А. Яковлев не только пришел в ЦК — зав. отделом агитации и

пропаганды, но тут же был назначен Секретарем ЦК, а вскоре и членом Политбюро. В таком внезапном взлете было нечто загадочное. А вскоре он уже стал знаменит как «главный архитектор перестройки». С его поездкой в Литву связываются те процессы в ней, которые вскоре привели к отделению ее от Советского Союза.

И опять этот А. Яковлев — руководящий идеолог, но уже не «развитого социализма», идущего к коммунизму, а «рыночной экономики», «социал-демократического» пути, «общеевропейского дома», «общечеловеческих ценностей», американского образа жизни.

Ныне он уже клеймит то, что вчера прославлял. В книге «Обвал» (1992) он пишет: «Марксизм в конечном счете привел нас в пропасть, к отсталости, изничтожению совести...» Это говорится бывшим матерым марксистом, и не в порядке личного понятия, а ради обличения других, так называемых «красно-коричневых», недовольных «перестройкой», антинародными «демократическими реформами». Теперь его враг — партийный чиновный аппарат, в котором и взращивались семена общественного зла. И полное молчание о том, что сам он, обличитель, не один десяток лет провел в недрах этого аппарата. Вот данные из его биографии. «С 1946 года на партийной и журналистской работе, инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Ярославского обкома партии. С 1953 года в аппарате ЦК КПСС: инструктор, заведующий отделом пропаганды». Двадцать лет, до 1973 года, проработал в аппарате ЦК, впоследствии, уже при «перестройке», — зав. отделом пропаганды. Секретарь ЦК, член Политбюро. И он, высокопоставленный аппаратчик, тут ни при чем, а виноват аппарат, который, как мы помним, по Троцкому, и порождает сталинизм.

Вчерашний барабанщик монопольной в стране Коммунистической партии, А. Яковлев заявляет ныне, что он всегда был сторонником многопартийности, а в последнее время великодушно согласился на двухпартийную систему (как в Америке). И много других откровений узнаем мы от «главного архитектора перестройки», вроде исповедуемой в прошлом (кем?) двойной- тройной морали, итога всякой революции («Революции готовят романтики, делают их фанатики, а плодами пользуются негодяи») и т. д. Мы потому так подробно остановились на идеологических превращениях А. Яковлева, что в нем, как в «главном архитекторе перестройки», наиболее характерно отразился тот «сталинизм», который в течение десятилетий служил средством паразитирования, мимикрии, а с резким общественным поворотом обратился в предмет ненависти к сталинизму, как воплощению государственности.

Сорок с лишним лет прошло со времени смерти Сталина, а споры о нем, борьба вокруг его имени, вокруг самого понятия «сталинизм» не прекращается. «Сталинизм» в том его варианте, который представлен выше в лице А. Яковлева, имеет отношение скорее к шкурнически-иезуитской тактике политиканов, чем к самой сути явления. Но существует и тот истинный сталинизм, с которым связана судьба миллионов людей, живших, боровшихся, страдавших в эпоху, неповторимую по драматичности, напряженности народного духа, по массовой самоотверженности, можно сказать, по общности судьбы. Сейчас с разрушением нашего государства мы с особенной остротой понимаем, что без государства нет и народа (еще Н. Карамзин в своей «Истории Государства Российского» писал, что судьба самого русского языка «зависит от судьбы Государства»). И сталинизм для десятков миллионов людей, страдающих ныне от разгула преступности, экономического разбоя, разграбления народных богатств, беспредела во всех областях жизни — сталинизм для народа в его нынешнем состоянии — это, прежде всего, сильное государство, способное навести порядок.

Либеральные, троцкистского толка критики сводят сталинизм к голому тоталитаризму, к подавлению «прав человека» (как будто нет тоталитаризма в Америке, где всеохватывающий контроль над личностью не имеет равных в мире или как будто процветают «права человека» в нынешней «демократической» России с невиданным ограблением вкладов, обреченностью людей на голодную смерть, с расправами над демонстрантами, расстрелом мирных людей у Дома Советов и т. д. и т. д.). Сводят сталинизм и к «зловещей» личности Сталина, хотя, по многим воспоминаниям, было в нем и то, что придавало ему обаяние. Удивительно, но он умел личное, даже и глубоко задевавшее его, отделить от государственного. Как в разговоре со мной метко заметил известный литературовед, историк Вадим Кожинов (и об этом же он писал): «Сталин даже не разделался с растлителем своей дочери, как это сделал бы кавказец». Сорокалетний сценарист довоенных фильмов о Ленине Каплер во время войны затеял «любовный роман» с шестнадцатилетней дочерью Сталина Светланой, просвещая ее по части пикантных американских фильмов и прочего прочего. Любовник поплатился ссылкой, где вполне благоденствовал на правах «деятеля культуры» (и это было время Сталинградской битвы). Кто знает, не извращена ли была после происшедшего вся дальнейшая жизнь молодой жен-

щины, пошедшей по рукам все новых «поклонников», временных мужей, что во взаимоотношениях с отцом отозвалось обоюдным отчуждением. В журнале «Наш современник» (2007, №9) опубликована статья Станислава Куняева «Лейтенанты и маркитанты», в которой помимо всего другого характерного для последних приводится и такая история. Стихописец Давид Самойлов (Дэзик Кауфман), добившись близости упомянутой Светланы, по телефону в циничной форме сообщает об этом своему кровному другу, грязно смакуя, как тем самым через неё он и этот его друг отомстили Сталину. И вот на «творческом вечере» Дэзика (так он и сам называл себя) в огромном зале разыгрался некий пурим в честь новоявленного национального мстителя в духе библейской Эсфири. Жуть берет, когда читаешь и видишь, в какое неистовство приходит зал от вскрика небезызвестного публичного лицедея-«остро- умца»: «дочь какого же генералиссимуса соблазнил наш Дэзик». И кто же вызывает в этом племени такую неудержимую ненависть, беснование? Тот, кому еврейство обязано существованием своего государства, спасением от гитлеровского истребления.

И можно только поражаться великодушию этого великого человека. Модный в еврейских кругах физик Ландау в проклинаемый «демократами» 1938 год в возрасте тридцати лет был арестован как автор листовки, призывающей к свержению Сталина — «фашистского диктатора», «сталинского фашизма», к «решительной борьбе против сталинского и гитлеровского режима», против «сталинских палачей, способных только выдумывать нелепые судебные процессы о несуществующих заговорах» и т.д. Молодой ученый призывал «организовываться», «вступать в антифашистскую Рабочую партию и налаживать подпольную технику» и т.д. (Подлинство авторства Ландау в составлении этой листовки не подвергалось сомнению даже в девяностые годы минувшего столетия, «Известия ЦК КПСС», №3, 1991). Молодого физика, не такого уж чудака-теоретика, призывавшего «сбросить фашистскую диктатуру Сталина», — Иосиф Виссарионович нашел возможным пощадить, отдав его на поруки академику Капице (хлопотавшему за него).

В «Записках епископа» митрополита Вениамина (Федченко- ва) (изд. Воскресение, СПб., 2002), который в Гражданскую войну возглавлял военное духовенство Армии генерала Врангеля на юге России, а впоследствии вернулся на Родину — есть такой эпизод «О Сталине»:

«В 1945 году, когда я был вызван из Америки на коронование («настолование») Патриарха Алексия, заехал я в Воскресен

ский храм в Сокольниках. Поклонился Иверской ... и оттуда — на противоположную сторону, поехал на машине в Донской монастырь на могилу Патриарха Тихона. Сопровождал меня бывший келейник Патриарха Сергия (теперь наместник Троице-Сергие- вой Лавры) архимандрит Иоанн.

Шел слякотный снег.

Я попросил его рассказать что-нибудь о Патриархе Сергии.

Между прочим он сообщил следующее. И.В. Сталин принял Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая... Отец Иоанн не знал, о чем они там говорили. Только одно помнит: Митрополит Сергий, воротившись от И.В. Сталина, ходит в доме по комнате и, по обычаю, что-то про себя думает. А о.Иоанн стоит у притолоки двери молча... вдруг Митрополит Сергий полуголосом говорит:

— Какой он добрый!.. Какой он добрый!..

Это он так думал и говорил о Сталине.

Я говорю о.Иоанну:

— А вы не догадались спросить у Владыки: ведь он же неверующий?

— Спросил.

— И что же ответил Митрополит Сергий?

— «А знаешь, Иоанн, что я думаю: кто добрый, у того в душе живет Бог».

...Передаю слова Митрополита Сергия, а он был умнейший человек, и слов напрасно не бросал».

В глубоко противоречивой личности Сталина выразился дух самой эпохи с ее социально-историческими конфликтами, потрясениями внутри России, мировой войной, противостоянием разрушительных и созидательных сил. Жестокое время выразилось в нем в той неразрешимой многомерности, которая не оставляет окончательного решения и рождает потребность в соотнесенности с этим явлением даже и у его противников. Развенчивая Сталина как «величайшего преступника в истории», югославский политик М. Джилас в своих «Беседах со Сталиным» пишет: «Но Сталин — призрак, который.бродит и долго еще будет бродить по свету... немало еще осталось тех, кто черпает оттуда силы. Многие и помимо собственной воли подражают Сталину... И у Тито, спустя пятнадцать лет после разрыва со Сталиным, ожило уважительное отношение к его государственной мудрости. А сам я разве не мучаюсь, пытаясь понять, что же это такое — мое «раздумье о Сталине»? Не вызвано ли и оно живучим его присутствием во мне?»

История, избравшая Сталина для своих провиденциальных целей, несомненно, откроет новые неожиданные стороны в *это*А* великом государственном деятеле.

О.*Дмитрий ДуЪко*[1]

ИЗ МЫСЛЕЙ СВЯЩЕННИКА О СТАЛИНЕ

...Как я заметил, у нас в России подвергаются осуждению те, кто имеет государственное направление. Государственность причисляется к какому-то пороку, преступлению. Так осудили государственника Ивайа Грозного, расширившего границы России, обвинив его в жестокости. Хотя стоило бы задуматься, мог ли молиться за всех казненных жестокий человек? Не есть ли здесь акт любви? Как это ни странно, за многие годы за Ивана Грозного подали голос только Сталин и в наше время — митрополит Иоанн Санкт-Петербургский. Так же — осудили святого Иосифа Волоцкого, победившего ересь жидовствующих и, может быть, надолго удержавшего духовный разброд России. Он тоже в лице судей оказался жестоким, хотя был добрейшей души человек.

Теперь вот настало время реабилитировать Сталина. Впрочем, не его только, но само понятие государственности. Сегодня мы сами воочию можем увидеть, какое преступление есть без-государственность и какое благо — государственность! Как ни кричат, что в советское время много погибло в лагерях, но сколько гибнет сейчас без суда и следствия, безнаказанно, безвестно, ни в какое сравнение не идет та гибель. Весь ограбленный и обманутый народ теперь вздыхает: был бы Сталин, не было б такой разрухи.

Но эта реабилитация, так сказать с человеческой точки зрения, а мне предстоит — с духовной, поскольку я священник.

Начну сразу с вопроса. Что лучше: «деспотизм» сталинских времен или демократия нашего времени — сталинцы, скажите, — тот же деспотизм, подавление свободы, принижение личности. Либерализм, демократия — значит полные права, полная свобода всего и вся.

Нет, господа, перед жестокостью демократии бледнеет всякий деспотизм. Скажите, пожалуйста, когда было больше обездоленных, заключенных, пусть и не в тюрьмы, когда преступное^ и безнравственность имела такую свободу на улицах и на теле видении, в печати и без печати? Когда еще, в какие времена веа

[1] Отец Дмитрий Дудко — известный современный церковный писател] и проповедник. За свои убеждения дважды отбывал наказание в советски: лагерях, первое из которых пришлось на годы сталинского правления.

народ, за исключением немногих, сидел на голодном пайке? Когда и какие правители с таким цинизмом, как теперь, разрушали собственную экономику в угоду более сильному соседу?

Но как все это, что я говорю, сообразовать с христианскими понятиями, спросят у меня? Христианство, что ли, атеизмом поддерживается? Ведь при сталинском деспотизме все было опутано атеизмом. Атеизм был везде и всюду.

Но, видимо, не случайно философ Н. Бердяев говорил: атеизм — это дверь к богу с чёрного хода И мы сейчас видим, как многие атеисты стали по-настоящему верующими. Я никогда не забуду, как один высокопоставленный атеист-коммунист мне сказал, что, хотя он и коммунист-атеист, но воспитан на православной традиции. Да, как ни покажется странным, но в русском атеизме-социализме есть и православная традиция, поэтому коммунистическое движение в России вписывается в русскую историю. Это часть нашей истории, которой не вычеркнуть. А вот будет ли сегодняшняя демократия частью нашей истории, хотя бы потому, что она, не посоветовавшись с Западом, ничего не предпринимает? Это чуждое явление для России!

Сталин был деспот, да, но он был ближе к богу. Хотя бы потому, что атеизм — дверь с черного хода. Демократы, как ни объявляют себя верующими... они верующие только в золотого тельца, в бизнес, в мамону... А в Евангелии прямо сказано: не можете служить одновременно богу и Мамоне!

Теперь я хочу припомнить, как наши Патриархи, особенно Сергий и Алексий, называли Сталина богоданным вождем. К ним присоединялись и другие, допустим, такие, как крупный ученый и богослов Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина богоданным.

Да, Сталин нам дан богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить. И поверженной ее боятся хваленые капиталистические страны. И то, над чем смеялись постоянно: вставил, мол, решетку. Мол, Царь Петр прорубил окно в Европу, а Сталин закрыл ее. Значит, правильно делал (мы далеки от мысли — чтоб не сообщаться с Западом), при нем мы не видели такого морального разложения, такой преступности, которую видим сейчас, когда выбросили эту решетку.

Как ни горько сказать, но решетка на Запад нам необходима, это благо для России. Она помогает нам видеть неповторимость, самобытность России, как святой Руси, богоносной стра

ны, и, если хотите, Третьего Рима в лучшем смысле этого слова. А Четвертому не бывать — это тоже верно.

Есть у Сталина такое выражение: прошлое принадлежит Богу. Богу с большой буквы. Как это понимать? Прошедшее устарелое? Или прошлое — вся наша земная жизнь, настоящее ведь только в иных мирах. А я думаю даже так. Под прошлым можно понимать то, что предоставить можно только для суда божьего, Бог только все может рассудить правильно. Мне отмщение и Аз воздам. Наш суд — это просто суд человеческий, это в лучшем смысле слова, а вообще наш суд субъективный, эгоистический, только для себя. Так что если с божеской точки посмотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек. Богом данный. Богом хранимый, об этом свидетельствуют даже его противники.

Давайте, наконец, хотя бы разберемся вот в чем. Если б победил Троцкий с его перманентной революцией, мы бы уже давно оказались на самом деле, а не по названию, как при Сталине, винтиками. Все бы были трудовой армией для каких-то темных сил. Но именно Сталин доказал практически, что социализм можно построить в одной стране и — сохранил Россию. Да, Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира, в этом нам предстоит еще разобраться.

Поэтому я, как православный христианин и русский патриот, низко кланяюсь Сталину.

Чур, перекрестись... — да, я это слышу, кому кланяешься, мол, не Антихристу ли?

А вот вам я задам вопрос. Антихрист придет от атеистов или верующих? В том-то и дело, что от верующих, на Библии будет клясться. Поэтому я утверждаю, как по Евангелию: один сказал: пойду и не пошел, другой сказал: не пойду и пошел.

Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек, это можно было бы показать на фактах, если бы не рамки нашей статьи. Не случайно в Русской православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память, так случайно не могло произойти в самое «безбожное» время. Не случайно он и учился в Духовной семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем... Но самое главное все-таки, что Сталин по-отечески заботился о России. И поэтому Сталин, по крайней мере для меня, законным образом стоит рядом с Суворовым...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора-составителя 5

Глава первая. СОСО 9

Глава вторая. КОБА 33

Глава третья. ОТ РЕВОЛЮЦИИ —

К АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ 63

Глава четвертая. КОТЛОВАНЫ И НАРОД (30-е годы) 195

Глава пятая. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ 403

Глава шестая. ИТОГИ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ 551

Вместо послесловия 635

Михаил Петрович Лобанов

С Т А Л И Н

в воспоминаниях современников и документах эпохи

Редактор С. *В. Маршков* Художественный редактор *А. Ю. Новиков* Верстка *А. А. Кувшинчиков* Корректор *Н. Н. Самойлова*

***ООО* «Алгоритм-Книга»'**
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825 Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789 «Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673 ООО «БСК»: 380-0028 Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб. Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41 Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в интернет-магазине: http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 14.02.2008.
Формат 84x108 V» Печать офсетная. Бумага тип. Уел. печ. л. 35,28. Тираж 4000 экз.
Заказ № 4831003

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

В этой книге впервые делается попытка объективно полно представить образ И. В. Сталина и определить его место в истории XX века.

Политический деятель и полководец, жестокий и нередко беспощадный к своим врагам, всемогущий правитель огромной страны, достигшей при нем невиданной экономической силы, – таким встает Сталин со страниц этой уникальной книги воспоминаний видных писателей, ученых, дипломатов, политиков и маршалов.

ISBN 978-5-9265-0558-7